

Г.Е. Зборовский
ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИИ

020300 « »

2004

316(075.8)

60.5

3-41

:

, . . . ;
, . . . ;
, . . .

. . .

3-41 : . — . : , 2004. —

608 .

ISBN5-8297-0180-4 (.)

1830- . . .

XX . : . . . , . . . , . . . , . . . , . . . XIX—
, . . . , . . . , . . . , . . . XIX—

XX .

« ».

316(075.8)
60.5

ISBN5-8297-0180-4

© « » , 2004
© . . . , 2004

Введение

— , -
.
« » , « » ,
-
XIX—
XX . ,
.
2000 . -
XIX—XX . ,
(,
,
XX . XIX— XX ,
(,)

|

XIX—XX .

90-

XIX— XX .

XIX— XX .

()

(

).

?

:

()

XX . . ., 1995; XIX—
1995; . . .
1996;
AM. : 3 . . ., 2000;
1993,1997; . . ., 1999;
: 4 . . ., 1997— 2000;
XX / . . ., 1996;
XIX . . ., 2000;
.. 1998;
XIX— XX . . ., 1993; . . .
. . ., 2000;
. . ., 1993;
. . ., 2000;
. . ., 2000;
1994,
20
« XIX— XX » (. . ., 1979)
« XX » (. . .,
1979), . . .,
1994; . . ., 1999),
2000 .).

|

,

,

,

,

,

,

,

,

(

,

,

,

,

,

..).

XIX— XX .,

Часть

I КЛАССИЧЕСКИ
Й ЭТАП

Глава 1

Предмет истории социологии и ее периодизация. Предпосылки возникновения социологии как науки

§ 1. Понятие предмета истории социологии

История социологии — это наука о развитии социологической мысли, о становлении социологии как самостоятельной научной дисциплины. Она изучает истоки социологических идей, их эволюцию и взаимодействие с другими науками. Предметом истории социологии являются теоретические и эмпирические исследования, посвященные изучению общества, социальной структуры, культуры и поведения человека в социальном контексте.

Предпосылки возникновения социологии как науки связаны с развитием естественных наук, философии и гуманитарных наук. В XIX веке, когда происходило формирование научного мировоззрения, возникла потребность в систематическом изучении социальных процессов. Это привело к созданию социологии как науки, которая исследует закономерности общественной жизни.

Важным этапом в истории социологии является работа французского социолога Огюста Конт, который предложил теорию социального прогресса и ввел понятие «социологии». Его идеи оказали огромное влияние на дальнейшее развитие этой науки.

В России история социологии началась в XIX веке с работ таких ученых, как Александр Гершензон, Владимир Шенников и другие. Они внесли значительный вклад в изучение социальных проблем России и формирование отечественной социологической школы.

В XX веке социология стала одной из ведущих научных дисциплин. Ее развитие связано с появлением новых направлений, таких как функционализм, символический интеракционизм, структурализм и другие. Эти направления расширяли предмет исследования социологии и углубляли понимание социальных процессов.

Современная история социологии продолжает развиваться, исследуя новые социальные явления и проблемы. Это требует от ученых постоянного обновления знаний и использования современных методов исследования.

Важно отметить, что история социологии — это не просто хронологическое перечисление фактов, а процесс осмысления и осмысления. Она помогает нам понять, как менялось общество и как развивалась социологическая мысль, что имеет большое значение для решения современных социальных проблем.

... ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 -
 ,
 .
 —
 « ,
 — », :
 , - ,
 . ,
 (,
),
 ,
 . — , ,
 .
 , ,
 , , ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 .

§ 2. Подходы к теоретическим истокам истории социологии

,
 —
 ()

· : , · · · , - , -

· : « » , 1839 . , ?

[. . 2000. . 19—136].

» , « XX . .

» « [. 1993. . 33—

85], , — , , , « » , — . . - .

(, « » ,). - ? 1817 1824 . , -

« , » (1813),

1.

«

»².

«

»³.

XIX .—

?

« »

« »

(.)

¹, 1948. .1. .167-168.

² . .201.

³ . .153.

(,). , —

« » , « » , logos— , societas—) (. 1830- .

—

§ 3. Критерии периодизации и этапы развития социологии

? ; ?

:

XIX—XX . (), неопи (). -1 (, , ,).

,

()

, , ,

,

.

- ,

.

«

»¹

: — 1917 „ — 1918—1945 „ —

1945—1968 „ — 1969 — 1990- „ —

1990-

,

,

,

:

-

(1968—1969 .).

,

,

,

,

,

,

,

,

,

,

,

,

« »

.

) XX . (1920-), XIX . (— XX .

(), (—)

,

,

,

,

(-

)

()

()

(

).

(1920-

XX—XXI

80

?

(

1960-

XIX .

1.

XX .

XXI .

80 .

¹

∴ . . . 2000. 8. .5—7.

1920-

()

()

« »

(1920-)

« »

XX .

XIX .;

1920—1930-

— 1940—1960- .—

— 1970- — 1980- .;

).

,
 .
 « » .
 ,
 XIX— XX .
 1
 : , ,
 , .
 « » , , ,
 , , ,
 , , ,
 ? ,
 (, , ,)
 () (,) « » .
 ,
 (, , , .)
 .
 •)? (, ,
 • ? ,
 ? ,
 • , ?
 ,
 , ,) : (, ,
 , , - , .
 .
), - (

(. . 1).

1

: 1830-1880-	:	(), (), (), (), (), ()
		(/), ()
: 1880-1910-1920-	11 :	(), (), ()
	:	()
		(), (), ()

? ? :

§ 4. Социально-экономические предпосылки возникновения социологии

— — — — —

XIX ..

;

— — — — —

(

),

XIX .

-i

‘ , ‘ () . « » , , ‘ , ‘ . XIX . ‘ , ‘ - ‘ , ‘ , ‘ , ‘ . ‘ , ‘ « » (.) ‘ , ‘ 1 . ‘ , ‘ , ‘ , ‘ , ‘ (XVIII .), ‘ , ‘ : ‘ , ‘ , ‘ (-), ‘ , ‘ .

§ 5. Естественно-научные и идейно-теоретические предпосылки возникновения социологии

‘ , ‘ , ‘ , ‘ — ‘ - .

¹ XIX : . ., 1996. . 191-196.

// -

« , » , (,) , (XIX , —) .

(,) ,

· · - , -

· · .

· · — · ·

· · « »

· · « » , « »

· · « » , · ·

· · ,

· · — ,

· · (,)

· · ,

· · (—)

· · ,

· · ,

· · « » .

XVIII .

« »,
».
(. ,
.

. , .)

, ()
— () ,
() ,

XVIII .)

(,) .

XVIII .

, 1830—1850- .

1. ? ?
2. ?
3. ?
4. , -
1830- .? -
5. -
?

6.

-

7.

-

8.

-

... .., 1993.

“ / .., 1999. ” : ;

... .., 1995.

1996. ” ” “ ”

... .. : 3 . .., 2000. .1.

« ») // . 1996. 10, 11. (

: 4 . .., 1997. .1.

... .., 2000.

... .., 2000.

... // . 2000. 8. : , -

Глава 2

Зарождение социологии ПОЗИТИВИЗМА.

Социологическое творчество О. Конта

§ 1. Понятие позитивизма в социологии

ХІХ в., (лат. positivus-).

,

.

,

« »

,

-

,

,

« »,

.

()

,

,

,

«

» [1996. . 39—40]

« ».

,

,

,

.

.

.

(),

,

.

.

,

-

,

...

-

TM, XIX .
 () .
 () .
 . () .
 « » .
 —

§ 2. 0. Конт: краткий биографический очерк

(1798—1857)

1807- 1814 .

() . 1816 .

— 1817—1824 .

«

— « ... ».

1824 . « ... ».

1825 . « ... »

, .

, .

1829- 1842 . « ... »

1830 . « ... » . « ... » (...).

(...) —

1844 . « ... », 1848—1851 . — « ... » (...), 1851—1854 . — « ... » . 1848 . « ... », 5 . 1857 .

§ 3. Предмет и задачи социологии, ее место в классификации наук

, .

« ... », .

: , , , , ,

, — « -

, —

, ;

» [. 1996. . 85].

(

(

—

..”

().

«

».

«

»

«

»

, «

»,

«

»

«

»

?

(1830-),

(1839 .)

,) (, ,
 , .
 , ,
 « . »: «
 », «
 », «
 : , ».
 , .
 , — , .
 , ,
 .
 , , .
 , — , .
 , ,
 , ,
 .
 , , (,) , .
 , ,
 — .

§ 4. Социальная статика и социальная динамика

(1839 .. —
) (,) .
 , .
 , .
 , — ,

(,)

, ,

,

,

, () ,

, ,

,

,

, ()

,

,

« » .

...
 ...
 ...
 ... ()
 ...
 [... . 230—
 233].

§ 5. Методы социологии

...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ... ()
 ...
 [... , - , 1996. .27].

(...),
 ...
 ...
 « ... » (« ... »
 »), ... XX .
 ...
 ...

’ ’ ’ . ’
 ‘ ’ ’ ’
 « » ’ . ’
 ’ . ’

—
 ’ ’ ’ .
 . ’ (’)
 ’ .

—
 ’ ’ ’ —
 :) ’ .
 ;)
 ;) ’
 ’ —
 .

— ’ ’ ’
 ’ ’ ’
 . ’ .
 .

« , — ’ — ’ .
 ... — ...
 ’
 »¹.

§ 6. Позитивная политика

1850-...).

«...» (1840-...)

1996. ... 127].

«... is ...» (...)

129].

, » [. . .

. , ,

», , , , .

, , , , .

« ». , , ,

() , .

« » (

, : «

, »).

, » —

« », .

, . —

, .

(« »)

, , , -

, .

, , , ,

, .

« » ,

« ... » [... 1995. ... 85].

§ 7. Проблемы образования и воспитания

« ... » [... 1996. ... 71].

«...»

()

«...»

—

XX

XIX

§ 8. Значение социологических идей О. Конта

() —

),

XX

XIX

... .., 1993.

... .. : ;

/ .., 1999.

1995.

1996.

.., 1993.

... .., 1999.

: 4 .., 1997. .1.

.., 2000. .137—157., 1964.

.. // -

XIX : .., 1996.

XIX— XX .., 1991., 2000.

Глава 3

Эволюционная социология Г. Спенсера

§ 1. Краткий биографический очерк

— (1820—1903).

13 , .

17 , -

1846 .. « » (

1853 . -

..

，
，
，
，
：«
» (1850)，
» (1862)，
» (1873)。

§ 2. Предмет социологии

... «...»

... ? : «...»

... ?

... — ...)

... «...»¹.

... XIX . (...) .

«...»

¹Spencer H. An autobiography. N.Y., 1904. Vol. 2. P. 570.

«...» [1996. . 331].

«...», «...».

§ 3. Общество как организм

«...» [1996. . 281].

«...» [. . 294].

(

, : 1) ,
 , ; 2)
 , ; 3)
 .
 : 1) — ; 2) —
 , « »
 « ».
 -
 , ,
 .
 « », —
 . « », —
 , —
 , ,
 . ,
 ; ,
 , .
 ; — , —
 , — —
 [1996. .282].
 , ,
 , .
 , ,
 . ,
 , .
 .
 - ,
 -

) , , , , « » , () , , , , , . « » [1996. . 308].

() , , , : « ... » [. . 316].

() , , () , , , , , : , , , .

(— (XIX .),)

, , , , , (,)

, , , , , —

, , , , ,

, , , , , (.)

, , , , , (XX .)

, , , , , ()

, , , , ,

—) (),

« » — ,

, ,) (, ,

— . . ()

— — .

« » (,), « »

().

, , , ,

« » ?

, , , , ,

, , , , ,

, , , , ,

, , , , ,

(),

, (

), « »:

, , . . -

§ 6. Учение о социальных институтах

41 ісію

§ 7. Отношение Г. Спенсера к социализму

«

».

• • •

— , , .

, , , .

- , .

, , , .

, , .

, , .

, , , .

, , .

, , , .

, , .

(,) -

, ?

, .

XIX .

, -

, .

(« » , , .)

, -

, .

, .

, .

Вопросы и задания

1. ... ?
2. ... ?
3. ... ?
4. ... ?
5. ... (...).
6. ... ?
7. ... ?
8. ... ?
9. ...
10. ... ?
11. ... ?

... ;
/ „1999.

„ ... „ ... „, 1996.
... , 1993.

... „1999.

: 4 ... „1997. ...1.

... „2000.

... „2000.

... „1997.

XIX : ... „1996. // - -

Глава 4

Натурализм в социологии

§ 1. Понятие натурализма в социологии

Натурализм в социологии — это методологическая позиция, которая предполагает, что социальные явления могут быть изучены с помощью тех же методов, что и естественные науки. Согласно натуралистам, социальные процессы подчиняются тем же законам причинности и объективности, что и физические процессы. Это означает, что социальные действия и взаимодействия можно объяснить с помощью объективных факторов, таких как биология, экономика или география, без необходимости прибегать к субъективным интерпретациям или культурным контекстам.

Одним из основоположников натуралистического подхода в социологии является Эмиль Дюркгейм. Он утверждал, что социальные факты обладают свойствами объективности, независимости от индивидов и могут быть изучены с помощью эмпирических методов. Дюркгейм подчеркивал, что социальные нормы и институты формируются в результате естественных процессов, а не являются произвольными продуктами человеческого сознания.

Другим важным представителем натурализма в социологии является Роберт Коулз. Он критиковал традиционные социологические методы, основанные на интерпретации и понимании, и предлагал использовать количественные методы и статистический анализ для выявления объективных закономерностей в социальных данных. Коулз считал, что социология должна стремиться к тому же уровню научности, что и естественные науки.

Натурализм в социологии имеет как сторонников, так и критиков. Сторонники считают, что этот подход позволяет достичь более объективного и универсального понимания социальных процессов. Критики же утверждают, что социология — это не просто естественная наука, а дисциплина, которая должна учитывать сложность человеческого поведения, культурные различия и субъективные значения. Они считают, что натуралистический подход может привести к чрезмерному упрощению социальных явлений и игнорированию их исторического и культурного контекста.

В заключение можно сказать, что натурализм в социологии представляет собой важный методологический подход, который продолжает вызывать споры и дискуссии. Несмотря на критику, он оказал значительное влияние на развитие социологии как науки и привнес в нее элементы объективности и эмпиричности.

).

(1838—1909),
XIX .,

1.

» [1996. . 35].

» [1895. . 159].

()

(, , ,).

¹ . . . 1899;
 . . . , 1899.

. . . 1895;
 . . . , 1899;

.
 ,
 .
 ,
 , — , « ,
 , , ,
 ,
 » [1996. . 35].
 ,
 .
 (, , .).
 , , ,
 : «...
 : ,
 » [. 42].
 - ,
 , ,
 , .
 , , ,
 ,
 « , , ».
 . «
 ,
 ,
 » (. 78).
 ,

« . 42]. » [. 1996.

(),

—

« ».

« »

— « » —

()

;

;

;

;

;

;

;

;

;

;

;

;

;

;

;

;

;

§ 3. Социологические идеи А. Смолла и У. Самнера

(1854— 1926),
(

, « », 1905).

,

»,

,

—

,

—

()

,

,

—

,

,

()

,

:«

».

,

()

,

—

,

()

,

—

,

()

,

—

,

()

(1840—1910),

«

» —

1906 .

«

—

—

»

« - » « - ».

, « - » ()

,
 ,
 - ,
 .
 -
 ,
 .
 -
 ,
 ,
 ,
 .
 ,
 ,
 ,
 .
 ,
 -
 ,
 .
 ,
 XX .,
 -
 () .

§ 4. Расово-антропологическое направление в социологии

- XIX— XX .,
 (), X. — (), III. (,).
 ,
 .
 :)
 ;)
 ;)
 ;)

« (1816—1882) » (1853, 1855)
 -
 -
 « »
 , -
 , -

«¹»
 , - , - ,
 (,)
 . — . .)

»²,
 ,
 ,
 : , , ,
 — 3.
 ,
 ,
 4.
 -

XIX .

(,) . « »
 -

— «
 » (1895) —
 -

(« » ,
 1899),

¹ . . . , 1895. . . 60.

² . . . 1.

³ . . . 5.

⁴ . . . 35.

«...»,
 «...» «...».

309].

(
)

[... 1997.

§ 5. Географическое направление в социологии

()

...

, () , () .
 , () .
 , () .
 () , () , () .
 (1821 —1862),
 « » (1895 .)
 , (1779—1859),
 ()
 (1844—1904).

, ,
, , .
, , — ,
, , ,
, — .
, ,
· , ,
(, 1897).
— « », ,
- ,
, ,
· ,
- - ,
, , ,
, , , , ,
« ».
, ,
· ,
, ,
XX ,
, , ,
— ,
, ,
(), ,
- ,

，
，
，
。 (1869—1946)，
，
-
) - (。
，
，
，
，
，
，
- (1830—1905)
，
« 20 (1875— 1894)。
»，
，
« » ，
，
，
()，
(1845—1918)
()，
。

8.

?

?

9.

—

,

.

... (). ;
, 1997.

... : ;
/ .., 1999.

... , 1995.

1996.

... , 1895.

XX

: .., 1996.

//

-

XIX—

... , 1993.

: 4 .., 1997. .1.

... , 2000.

... , 1991.

... XIX— XX .., 1991.

... .., 2000.

XX XIX— XX // XIX-
.., 1979.

Глава 5

К. Маркс и его роль в социологии

§ 1. Краткий биографический очерк и основные этапы творчества

(1818—1883)

Родился в Триэсте, Италия, 1818 г. В 1830 г. переехал в Бонн, где в 1835 г. окончил университет. В 1841 г. переехал в Берлин, где в 1842 г. основал журнал «Рейнская газета». В 1843 г. переехал в Париж, где в 1844 г. основал журнал «Французская газета». В 1844—1845 гг. работал в Лондоне, где в 1845 г. основал журнал «Немецкая газета».

(1841—1848)

В 1841 г. основал журнал «Рейнская газета». В 1844 г. основал журнал «Французская газета». В 1848 г. основал журнал «Немецкая газета». В 1848 г. основал журнал «Немецкая газета».

).

1849 . , .

« ».

1850- . —

« » (1850) « —

» (1852), 1848 .

1852—

1857 . (-)

1850- .

«

» (1859) —

1867 . 1860-

« »— . 1867 .

(I).

(1870—1871) — « » (1871),

», — «

» (1875).

« ».

« »,

1885- ,

— 1894 .

(1848 .),

(

1848- , — (

), — «

— « ».

(, ,

—

« ... »).

... ,
... — .
... -
... ,
... ,
... ,
... () .

...
... XX .
... « » « »
... « », « » ,
« - 1844 » ,
... « »
« » ,
... ?
... ,
... ,
... ,
« » . - —
... (,
...) , « » ,
...
...

§ 2. Материалистическое понимание истории как основа социологической концепции К. Маркса

... , . ,
... -

, .
 , ,
 .
 .
 .
 , .
 .
 , .
 .
 , .
 .
 « »
 .
 « »
 :
 , () . ()
 , .
 .
 (- ,)
) .
 ,
 , (, ,)
 , ,
 .
 - .

(, (),)

(),

(, .),

« »

()

» : « » « -

» [. 13. . 7].

§ 3. Противоречия в социологической концепции К. Маркса

«... ()» [. 1993. . 189-199].

— ()

«...» [. 1993. . 189-199].

XX . 11

«...»

« ()».

— ()

«...».

so

I.

— ,
:
?
?
?
?
:
»
« —
»
« —
».

§ 4. Взаимодействие общества и личности в социологическом творчестве К. Маркса

·
·
·
·
·
·
·
·
·
·

, . , ,
 .
 : « »
 : « , »

 ; —
 , ;
 »¹.
 , . . .
 .
 , .
 (. .), —
 .
 ?
 , .
 .
¹ // .2- .3. .72.

()

, « » (, ,),

« ».

() ()

« ».

§ 5. Взаимосвязь социального и экономического в анализе К. Марксом социальной структуры

— « ».

(),

« » : «

. , ,
 . ,
 , XIX . ?
 XX .?
 XX—XXI .? , 150—100 ?
 ,
 .
 ,
 XX . ,
 . , , , , ,
 -
 — , , , ,
 — [. 1993. . 1981. ,
 , [. . 199].
 (« » , .
 , — —
 , (-
 ,) « » « » .
 .
 « »
 , , :
 .
 , , , ,
 ,
 .
 « » (, 99
 , : 29

; 16

; 36

18 -

[. .19. .233—240].

(

« » . .).

« ».

()

() .

§ 6. Проблемы образа жизни и социального времени

«

»¹.

// .2- .3. .19.

(, , .).

.),

1857—1859

»

»³.

¹ . .46. .1. .117.

² . // . .16. .147.

³ ! . 1857—1859 // . .46. .2. .112.

1857—1859 // „ . .2-

§ 7. Значение идей К. Маркса для последующего развития социологии

Важнейшим фактором развития социологии в XIX и XX вв. является влияние идей К. Маркса. Его учение о материальном базисе общества и идеальной суперструктуре оказало глубокое воздействие на формирование социологической мысли. Маркс рассматривал общество как совокупность материальных производственных отношений, которые определяют характер и развитие культуры, права, политики и других социальных институтов. Эта концепция материального детерминизма стала основой для критики капитализма и разработки теории исторического материализма.

Идеи Маркса оказали значительное влияние на развитие социологии в XX в. В частности, они способствовали формированию марксистской социологии, которая рассматривает общество как совокупность классов, находящихся в постоянной борьбе за власть и ресурсы. Эта концепция была широко распространена в Европе и Азии в 1920-1930-е гг. и оказала влияние на развитие социологии в этих регионах.

В 1990-е гг. произошло возрождение интереса к идеям Маркса в западной социологии. Это связано с критикой неолиберализма и поиском альтернативных путей развития общества. Многие социологи начали пересматривать традиционные представления о капитализме и социальном неравенстве, обращаясь к идеям Маркса как к источнику критических идей.

Важным аспектом влияния идей Маркса является развитие теории социального неравенства. Маркс рассматривал капитализм как систему, основанную на эксплуатации рабочего класса со стороны буржуазии. Эта концепция оказала влияние на развитие теории социального неравенства в XX в., которая рассматривает общество как совокупность классов, находящихся в постоянной борьбе за власть и ресурсы.

Идеи Маркса также оказали влияние на развитие теории социального движения. Маркс рассматривал рабочее движение как естественный результат развития капитализма, который приведет к свержению капитализма и установлению социализма. Эта концепция оказала влияние на развитие теории социального движения в XX в., которая рассматривает социальные движения как естественный результат развития капитализма.

Важным аспектом влияния идей Маркса является развитие теории исторического материализма. Маркс рассматривал историю как процесс развития материальных производственных отношений, который определяет характер и развитие культуры, права, политики и других социальных институтов. Эта концепция оказала влияние на развитие теории исторического материализма в XX в., которая рассматривает историю как процесс развития материальных производственных отношений.

Идеи Маркса также оказали влияние на развитие теории социального неравенства. Маркс рассматривал капитализм как систему, основанную на эксплуатации рабочего класса со стороны буржуазии. Эта концепция оказала влияние на развитие теории социального неравенства в XX в., которая рассматривает общество как совокупность классов, находящихся в постоянной борьбе за власть и ресурсы.

Идеи Маркса также оказали влияние на развитие теории социального движения. Маркс рассматривал рабочее движение как естественный результат развития капитализма, который приведет к свержению капитализма и установлению социализма. Эта концепция оказала влияние на развитие теории социального движения в XX в., которая рассматривает социальные движения как естественный результат развития капитализма.

Идеи Маркса также оказали влияние на развитие теории исторического материализма. Маркс рассматривал историю как процесс развития материальных производственных отношений, который определяет характер и развитие культуры, права, политики и других социальных институтов. Эта концепция оказала влияние на развитие теории исторического материализма в XX в., которая рассматривает историю как процесс развития материальных производственных отношений.

Doob Chr. Sociology: An Introduction. N.Y., 1985. P. 9.

... , : « ,
, ,
- , ,
, ,
, ,
» [. 1993. . 152].

- 1. . ? .
- 2. -
- 3. . « ? » « -
» ?
- 4. ?
- 5. « » ?
- 6. ?
- 7. - -
- 8. « » .
- 9. « » ?
- 10. () ?
- 11. , , ,
?
- 12. .

... . , 1993.
. . : . ;
/ . , 1999. , 1995.
. . , 1999. / . . // . .
. . , 2000.
. 2- . . 13. - 1844
// . . 42. // . . 19.
? // . . 1995. 3.

Глава 6

Психологическое направление в социологии

§ 1. Понятие психологического направления в социологии

Вопрос о психологическом направлении в социологии является одним из наиболее дискуссионных. В то время как одни исследователи считают, что психология должна быть исключена из социологии, другие считают, что социология без психологии немыслима. В настоящее время в социологии господствует мнение, что психология является необходимой составляющей социологии, и что социология должна опираться на психологию.

Психологическое направление в социологии возникло в XIX веке. Его основателем считается Макс Вебер, который ввел понятие «социальной психологии». Вебер считал, что социология должна изучать не только внешние действия людей, но и их внутренние психические процессы. Он считал, что психология является основой социологии, и что социология должна опираться на психологию.

Вопрос о психологическом направлении в социологии является одним из наиболее дискуссионных. В то время как одни исследователи считают, что психология должна быть исключена из социологии, другие считают, что социология без психологии немыслима. В настоящее время в социологии господствует мнение, что психология является необходимой составляющей социологии, и что социология должна опираться на психологию.

Психологическое направление в социологии возникло в XIX веке. Его основателем считается Макс Вебер, который ввел понятие «социальной психологии». Вебер считал, что социология должна изучать не только внешние действия людей, но и их внутренние психические процессы. Он считал, что психология является основой социологии, и что социология должна опираться на психологию.

Вопрос о психологическом направлении в социологии является одним из наиболее дискуссионных. В то время как одни исследователи считают, что психология должна быть исключена из социологии, другие считают, что социология без психологии немыслима. В настоящее время в социологии господствует мнение, что психология является необходимой составляющей социологии, и что социология должна опираться на психологию.

Психологическое направление в социологии возникло в XIX веке. Его основателем считается Макс Вебер, который ввел понятие «социальной психологии». Вебер считал, что социология должна изучать не только внешние действия людей, но и их внутренние психические процессы. Он считал, что психология является основой социологии, и что социология должна опираться на психологию.

— — — — —
 (, , ,)
 .)
 , .
 ,
 , .

§ 2. Психологический эволюционизм в социологии. Взгляды Л. Уорда

XIX— XX .,

, ,
 , .
 (1841 — 1913)
 (1855—1931).

, ,
 ,
 « » (1883, — 1891),
 « » (1893,
 1897), « » (1898, — 1901),
 « » (1903), « » (1906).

, (1906— 1908).

« » 1891 .

« - » ,
 -

— , «
 ». , ,
 , ,
 XIX .
 , ,
 , ,
 , ,
 , ,

§ 3. Социологическое творчество Ф. Гиддинга

, . ,
 (1894) . -- ,
 (1908). , ,
 , 1896 .
 : « » (1898), «
 » (1901), «
 (1904), « » (1922),
 « » (1924),
 « » (1933).
 — ,
 , ,
 , ,
 « » -
 ,
 : . . , 1898.

%

I.

—
 , — « , —
 , , ,
 » [1996. . 294].

298].
 - , «
 » [. .

;
 ; -
 ; -
 « » («
 » () [. . 303].

«
 » [. . 3121.

« ».
 [. . 303].

[. . 2911. «
 » [. . 292].

?
 ?

... , « ecu, ,

» [. . 313]. ,

« » (), . .

: «...»

» [. . 301].

« » ,

» , « » ,

» (« »)

« » ; « » ,

() ; « » .

» , («

» , , ,

» , ,

,
 .
 .
 1.
 ,
 ,
 .
 ;
 .
 (,),
 -
 « »
 « », . . .

§ 4. Инстинктивизм в социологии

XIX .
 (),
 -
 « », « », « ».
 -
 (1871—1938). 1921 .

¹ . ., 1898. . 136—137.

» (. ego—),

- , () .

,) (

, - -

, — ,

- , ,

« » (, ,) .

- « » (,) ,

, , .

.. , , , , -

- , -

— , (XX .,), « ».

§ 5. Психология народов

— « » () — XIX— XX . , X. . . . « » (« ») « » (1832—1920), « » (1900—1920). 1. « » . . . , 1912.

1879 .

1902 .

«
 [. . 26].
 «
 » [. 1996. . 23].

[. . 6—7].

«
 [. . 26].
 «
 » [. . 27].

«
 ».
 :

«

» [. . 25].

» [. . 22—23].

§ 6. Групповая психология. Взгляды Г. Лебона

, (1841 —1931).
 —
 . — « », 1895 .
 ... 1999. . 65—66].
 ()
 XIX .
 !),
 — « », « ».
 , « », « » —
 « ».
 « ».
 « »

() — « » () .

« » [. 1996. . 107— 108].

() ,

« » [. . 123].

1. « » ,

« , — , — » 2. « »

« » . XX— XXI .), (

1 . . , 1908.

2 . . 372.

» , «
: « »
§ 7.

(1843—1904).
XIX— XX .,
: « » (1892); «
» (1902); « » (1902); «
» (1903); « » (1901, 1996).

» () .
() .
, « () », . . .
» [. , 1996. . 29].

(), (),

(), (),

» [. 1996. . 334]. «

[. 288]. ()

() .

« — ».

:

111

« ».

XVIII .

XIX .

... (),

... ,

... ,

... »,

XX .

... « — » —

» [... 1999. . 71].

§ 8. Зарождение интеракционизма. Творчество Ч. Кули

(
« »).

,
,
)

(1864—1929).

-

1982 .

« » (1902),
« » (1909), « » (1918).

«

».

« »,

« »

« »—

:

«

» [.

. 1996. . 332].

« »,

« » « »

().

(larger mind),

«

» (public mind).

(looking-glass self),

« " " »

«

« " " »:

1996. . 319].

» [

« »,

«

« ».

(associations)

« — — »

Глава 6. Психологическое направление в социологии

Подводя в целом итоги возникновения и развития психологического направления в социологии во второй половине XIX— начале XXв., следует отметить, что это был важный шаг на пути приближения к целостному анализу конкретных проблем личности, социальной группы, общества. Это направление отразило интерес социологии к внутреннему миру человека, к социально-психологическим отношениям между общностями. В рамках психологического направления был преодолен биологический редукционизм. В отличие от социал-дарвинизма и органицизма представители психологического направления видели в

усложнении форм общественной жизни результат развития сознательного начала, т.е. разумного управления социальными процессами.

Сторонниками психологического направления в социологии были поставлены и проанализированы важные проблемы общественного, группового

(коллективного) и индивидуального сознания, касающиеся его природы, механизмов, структуры, функций. Они во многом способствовали более строгому, чем раньше, объяснению группового и индивидуального поведения, причем для этого были использованы и проанализированы явления психического заражения, внушения, подражания. Были созданы предпосылки для исследования, и начато изучение общественного мнения, средств массовых коммуникаций. Теоретические концепции представителей психологической социологии становились все более аналитическими, что в немалой степени способствовало появлению новой науки на «стыке» социологии и психологии —

социальной психологии. Широкие социальные проблемы получили свое конкретное рассмотрение на уровне группового (межгруппового) и межличностного взаимодействия. Все это означало важные шаги на пути перехода от макросоциологической к микросоциологической парадигме.

Однако на смену биологическому пришел новый вид редукционизма — психологический, сводивший всю совокупность социальных связей, отношений, процессов, взаимодействий к психическим. Это означало отказ от исследования общества в институциональном разрезе, от полномасштабного изучения социальной структуры, социальной динамики, социальных общностей в их единстве и взаимосвязи. Нужны были принципиально новые взгляды на социологию как науку, ее предмет, возможности и перспективы. Значительную роль в этом плане сыграла классическая немецкая социология и ее выдающиеся представители — Ф. Теннис, Г. Зиммель, М. Вебер.

Вопросы и задания

1. Чем
вы
мож
ете
объ
ясни
ть
усил
ени
е
псих
олог
ичес
ких
тенд
енц
ий в
соц
иол
огии
в
кон
це
XIXв
.?

йте основные
самостоятельны
е ответвления в
его структуре.
Подчеркните
отличительные
особенности
каждого
ответвления.

2. Раск
ройте
е
сущ
еств
о
псих
олог
ичес
кого
нап
рав
лен
ия в
соц
иол
огии
и
охар
акте
ризу

3. Какие разрабатываемые психологическим направлением проблемы особенно актуальны в современных условиях?
4. В чем состоят особенности учения Л. Уорда о социальных силах? Расскажите о нем подробно.
5. Почему Ф. Гиддиша считают одним из наиболее крупных представителей психологической социологии? Аргументируйте свой ответ.
6. Что дал социологии инстинктивизм как одно из ответвлений в структуре психологического направления? Охарактеризуйте социологические взгляды У. Мак-Дугалла.
7. Как бы вы раскрыли особенности психологии народов в учении В. Вундта?
8. Дайте характеристику групповой психологии и выявите существо взглядов Г. Лебона. Молено ли его считать представителем социологии? Ответ аргументируйте.
9. Чем теория подражания Г. Тарда отличается от других течений психологического направления в социологии? Охарактеризуйте творчество французского мыслителя.
10. Покажите процесс зарождения интеракционизма. Почему Ч. Кули считают его основателем?
11. Проанализируйте учение Ч. Кули о первичных и вторичных группах.

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996.

Барз/ова Е.С. Американская социология (традиции и современность). Екатеринбург; Бишкек, 1997.

Волков Ю.Г., Нечипуренко В.П., Самылин СИ. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Д., 1999.

Вундт В. Проблемы психологии народов // Западно-европейская социология XIX— начала XXвеков: Тексты. М., 1996.

Гиддишс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль. М., 1996.

Громов ИЛ., МацкевичА.Ю., Семенов В А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.

История социологии. Минск, 1993.

История социологии в Западной Европе и США. М.,1999.

История теоретической социологии: В 4 т. М., 1997. Т. 1.

Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.

Кули Ч. Социальная самость. Первичные группы // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996.

Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.

Култыгж В.П. Французская классическая социология XIX— начала XXвеков. М., 1991.

Култыгип В.П. Классическая социология. М., 2000.

Лебон Г. Психология народов и масс // Западно-европейская социология XIX— начала XXвеков: Тексты. М., 1996.

Лебон Г. Психология масс. Минск; М., 2000.

Тард Г. Социальная Логика // Западно-европейская социология XIX— начала XXвеков: Тексты. М., 1996.

Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996.

Глава 7

Классическая немецкая социология.

Социологическое творчество Ф. Тенниса

§ 1. Понятие и общие черты классической немецкой социологии

Парубеже XIX—XXвв. появились новые, крайне важные социологические концепции, которые привели к профессионализации и институционализации социологии, выводу ее на принципиально иной уровень теоретического развития. Значительную роль в данном процессе сыграло творчество крупнейших немецких социологов этого периода Ф. Тенниса, Г. Зиммеля, М. Вебера. Несмотря на значительные различия между их концепциями, есть и немало общего, того, что позволяет рассматривать идеи названных авторов в рамках единого направления — классической немецкой социологии.

В этом названии видна явная аналогия с немецкой классической философией, представленной именами И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, Л. Фейербаха. То, что сотворили «великие немцы» в конце XVIII— первой половине XIXв. для философской науки, возможно, не в той степени, но было воспроизведено (по уровню и силе воздействия) в социологической науке почти на столетие позднее. Но здесь необходимо учитывать, что при всем интеллектуальном влиянии классической немецкой философии, да и не только ее, а в целом философской науки на «остальных» социальных мыслителей, она встречала с их стороны определенное, порой сильное идейное сопротивление. В первых рядах «сопротивляющихся» находились сторонники зарождающейся науки социологии.

Далеко не все философские концепции принимались социологами. И уж конечно, встречало резкое неприятие со стороны последних негативное в своей основе отношение философов к социологической науке. Не следует забывать о том, что в университетах Германии преподавание всех социальных наук сосредоточивалось на кафедрах философии и было целиком под контролем представителей этой дисциплины. Сразу после революции 1848 г. наметившийся консервативный поворот в философии Германии оказался направленным против специальной науки об обществе. Ее развитие считалось вредным и недопустимым, поскольку она могла выступить с критикой прусской государственной идеи, содержащей в себе призыв к национальному объединению в рамках Германской империи.

Поэтому, даже несмотря на то, что становящаяся на ноги немецкая социология была тесно связана с философскими концепциями и являлась в основе своей теоретико-методологической, а не эмпирической дисциплиной, она воспринималась консервативной социальной наукой как «инородное тело». Реакция его отторжения была, пожалуй, наиболее типичной для немецких уни-¹верситетов. В этих условиях утверждение немецкой социологии в качестве самостоятельной и автономной науки, ее институционализация проходили достаточно сложно и длительно.

Соединяя в одно целое творчество Тенниса, Зиммеля, Всбера, необходимо понимать определенную условность такого единства. Внутри этой великой «троицы», вероятно, имеет смысл выделить создателей формальной социологии Тенниса и Зиммеля (Вебер также тяготел к ней, но не столь явно).

Что это такое — формальная социология? Ее сторонники придавали особое значение форме, структурированию, классификации общественных явлений и процессов. Они стремились рассматривать социальные процессы и отношения в рамках многообразных и детальных классификаций социальных форм, «укладывая», «упаковывая» в них самые различные общественные структуры, действия и тенденции.

Итак, мы назвали две общие черты классической немецкой социологии, представленные в творчестве Тенниса, Зиммеля, Вебера. Это ее теоретико-методологическая нацеленность на постановку и изучение широких социальных проблем и «формальный» характер. И та, и другая черта далее будут конкретно раскрываться на материалах, характеризующих творчество всех трех социологов.

Помимо сказанного, следует отметить, что классическая немецкая социология была антипозитивистской по своей направленности и содержанию (исключая, пожалуй, творчество Тенниса, который следовал ряду требований и принципов позитивизма и, что уж совершенно точно, не подвергал его «остракизму»). Ближе к концу XIXв. в адрес позитивистской социологии стало раздаваться все больше критических замечаний в связи с тем, что в теоретических исследованиях ее представителей игнорировались особенности социальных явлений и процессов. Наиболее сильная реакция на «засилье» позитивизма, рассматривавшего их как часть природы, последовала со стороны немецких социологов. В их концепциях общество как объект исследования и в особенности человек четко противопоставлялись природе.

Конечно, в антипозитивистской направленности немецкой социологии значительную роль сыграли гносеологические традиции немецкой философии — как классической, так и неокантианской. Наиболее видные представители философии конца XIXв. В. Дильтей, Г. Риккерт, В. Вин-дельбанд, под сильным влиянием идей которых находились немецкие «классические» социологи, вообще ставили под сомнение существование

i
Ai

Л

1

i
i

i

и необходимость социологии как науки — на том основании, что известная им ее позитивистская разновидность претендовала на роль обобщения исторического процесса развития общества и человека. По их мнению, ни человек, ни общество не могут быть поняты и осмыслены через их включение в природный мир на правах его части.

Несмотря на теоретико-методологическую ориентированность классической немецкой социологии, она оказалась серьезной основой для возникновения и развития эмпирической социологии в XXв. Более того, Теннис и Вебер сами были участниками эмпирических исследований. В этом также общая черта, присущая немецкой классической социологии.

Еще одна свойственная ей и достаточно типичная характеристика — акцент на исследовании социального действия и взаимодействия (особенно это было присуще Зиммелю и Веберу), которые, но существу, превратились в основную «клеточку» при изучении общества и человека. Многочисленные классификации и типологии, главная среди которых — выделение четырех типов социального действия Вебером, сыграли заметную роль не только в концепциях самих немецких «классиков», но и в последующем развитии социологической науки.

Завершая рассмотрение общих черт, присущих классической немецкой социологии, нельзя не отметить подлинной энциклопедичное™ ее наиболее выдающихся представителей, их чрезвычайно широких научных интересов и глубокого следа, который они оставили как в социологии, так и в смежных общественных и социально-гуманитарных науках (исторической, экономической, правовой, религиоведческой, философской и др.). Благодаря их усилиям социология в Германии сделала решающие шаги в направлении институционализации, широкого общественного (государственного) признания и превращения в одну из наиболее значимых форм социальной деятельности.

Научные труды и практическая работа Тёшшса, Зиммеля, Вебера пробудили громадный интерес к социологии, способствовали формированию социальной потребности в ее развитии и в дальнейшем — высокой общественной оценке их деятельности. Один лишь, казалось бы, незначительный факт, но он представляется в высшей степени важным. В Мюнхене, где прошли последние годы жизни и работы в университете Вебера, одна из центральных площадей и станций метро названа его именем. Нам неизвестен другой такой же случай, связанный с данью памяти какого-либо социолога (исключая Маркса в бывших странах социализма, где возводились памятники, назывались его именем центральные улицы и площади городов; но в данном случае речь шла о нем не как о социологе, а как об основателе коммунистической идеологии). Тем значимее приведенный факт, который, среди многих других, свидетельствует о том, что классической немецкой социологии, ее наиболее выдающимся представителям удалось реализовать поставленные задачи.

§ 2. Социологическое творчество Ф. Тенниса

Основные вехи жизненного пути

Фердинанд Теннис (1855 — 1936), один из основателей формальной социологии, родился в Германии в семье богатого крестьянина. В молодости получил хорошее образование, изучал историю, философию, археологию, экономику, статистику, классические языки. В 1872 г. поступил в университет г. Страсбурга, завершил образование в 1875 г. в Университете г. Тюбингена, защитив диссертацию по классической филологии. Главная работа, содержащая основную социологическую концепцию и принесящая Теннису впоследствии мировую известность и славу, - «Общность и общество» (1887). Другие работы — «Преступность как социальное явление» (1909), «Мораль» (1909), «Критика общественного мнения» (1922), «Собственность» (1926), «Прогресс и социальное развитие» (1926), «Введение в социологию» (1931).

Академическое призвание пришло к Теннису поздно, свидетельством чего явилось приглашение его на работу на должность профессора Кильского университета в 1913 г. С 1921-го по 1933 г., т.е. вплоть до прихода фашистов к власти, он читал лекции по социологии в этом университете. В 1933 г. новый правящий режим уволил демократически мыслящего профессора и врага этого режима с работы. В 1909 г. во Франкфурте состоялось учредительное заседание Немецкого социологического общества, одним из основателей которого (вместе с Зиммслем, Зомбартом, Вебером) был Теннис. В этом же году он был избран его президентом и оставался им бессменно до 1933 г., когда нацисты разогнали общество. Вплоть до последних дней жизни Теннис боролся с национал-социализмом.

До этого он активно участвовал в поддержке социал-демократического и рабочего движения, выступил в защиту Кильской стачки (1896—1897), отстаивал свободу слова и право на образование профсоюзов. Чисто практическая, социальная и политическая деятельность Тенниса характеризовала его не только как ученого, но и как демократа и антифашиста, конституционалиста и социал-реформиста. В последние годы жизни, работая в условиях фашистского режима, он, в отличие от многих коллег, покинувших Германию, остался в стране и мужественно отстаивал антифашистские позиции. Бесстрашный ученый и яростный политик — таким Теннис запомнился людям, которые с ним общались и хорошо его знали.

Далее будет охарактеризована концепция и основные взгляды проработавшего в социологии более 50 лет немецкого ученого с использованием в качестве первоисточника и материала для ссылок статьи Тенниса «Общность и общество», написанной для «Настольного словаря по социологии» в 1931 г. В отличие от одноименной книги (где социологическая концепция автора приведена в довольно сложной форме), эта статья отличается относительной простотой и доступностью изложения и, по су-

4

1

■

■

■

■

ществу, воспроизводит все основные положения и понятия главного труда его жизни.

Предмет социологии

Необходимо начать с того, что Теннис понимает под социологией. «Социология, — пишет он, — :ж> исследование человека, но не его телесного, душевного, а его социального существа, стало быть, телесного и душевного лишь постольку, поскольку оно обуславливает социальное» [1998. С. 207]. Социология изучает различия в отношениях между людьми. Немецкий социолог пишет о таких из них, как различия между знанием и незнанием (знакомостью и чуждостью в терминологии Тенниса), симпатией и антипатией, доверием и недоверием. Но главный тин (или форма) различий характеризуется наличием или отсутствием связанности между людьми.

Теннис говорит о том, что у социологии как особой пауки есть свои специфические предметы. Это — «вещи», имеющие место только в социальной жизни. «Они, — пишет социолог, — продукты человеческого мышления и существуют только для человеческого мышления, но в первую очередь — для мышления самих социально связанных людей...» [Там же. С. 214]. Эту «связанность» людей (т.е. различные формы социальных связей между ними) и изучает социология.

По существу, речь идет об исследовании взаимозависимости и взаимодействия людей. В качестве простейшего случая социальной связанности Теннис анализирует обмен. Он говорит, что «если всякую взаимную деятельность и всякое взаимное содействие понимать как обмен, то очевидно, что любая совместная жизнь также есть непрерывный обмен взаимной деятельностью и взаимным содействием — и тем в большей мере, чем эта совместная жизнь интимнее...» [Там же. С. 213].

Но, конечно же, социальные связи не ограничиваются только обменом. Они гораздо более многообразны, а их типы и формы положены в основу социологической концепции Тенниса. Он сопоставляет (а в известной мере, и противопоставляет) два типа связей и соответствующих им типа общества. Первый тин социальных связей он определяет как общинные (общностные), второй — как общественные. Общинные (общностью) связи обуславливаются такими психологическими характеристиками как душевная близость, склонность людей друг к другу, наличие эмоций, привязанности, личных переживаний. Общественным связям присущи характеристики рационального плана: обмен, торговля, выбор. Первый тип отношений свойствен преимущественно патриархально-феодальным обществам, второй — капиталистическим. Общинные (общностные) отношения включают в себя родовые отношения, отношения соседства и дружбы. Общественные отношения имеют вещную природу и строятся в рамках принципов и структур рациональности.

В общине (социальной общности) доминируют чувства, инстинкты, органические человеческие отношения. В обществе преобладают расчет-

ливый разум, абстракции, механические рациональные отношения. *Общность* (общность) выступает как неформальная социальная группа, *общество* — как совокупность формальных социальных групп.

Эти два ряда связей — общинные (общностные) и общественные — характеризуют отношения людей не только друг к другу, но и к обществу. В общине (общности) социальное целое логически предшествует частям, в обществе, наоборот, социальное целое складывается из частей. Различие общины (общности) и общества — это различие органической и механической связи (солидарности) составляющих социальное целое частей. Впоследствии эту идею широко использовал французский социолог Дюркгейм в своей концепции социальной солидарности, базирующейся на его теории разделения общественного труда.

В социологической концепции Тенниса два типа отношений, соответственно, два типа организации социальной жизни тесно связаны с двумя типами воли — естественной, инстинктивной и рассудочной, рациональной. Первый тип воли является фундаментом общинных (общностных) связей, второй — общественных связей. Немецкий социолог уделял большое значение проблеме волеизъявления. «Это общечеловеческое волеизъявление, — писал Теннис, — способность хотеть, понимаемая нами как естественная и изначальная, исполняется в способности мочь и существенно обусловлена взаимодействием с ней» [Теннис. 1998. С. 216]. Социальная связанность между людьми основана на том, что воля одного влияет на волю другого, либо стимулируя, либо сковывая ее.

В отношении понимания воли Теннисом есть две точки зрения. Представители первой полагают, что тот большой интерес, который уделялся немецким социологом проблеме воли (волеизъявления), свидетельствует о истинности его концепции. Однако есть и другая позиция, согласно которой воля вряд ли трактуется ученым как психологический фактор. Скорее всего, она отождествляется в его концепции с разумом. Отсюда побуждение к социальному взаимодействию, которое идет, по мнению социолога, от воли, имеет не столько психологический, сколько рациональный характер.

Учение о формах социальной жизни

Общность и общество выступают у Тенниса как основные критерии классификации социальных форм. Сами формы социальной жизни подразделяются социологом на три типа: а) социальные отношения; б) Группы, совокупности; в) корпорации, или соединения, союзы, объединения, товарищества. Названные типы форм социальной жизни характеризуются историками социологии как одна из самых первых попыток рассмотреть социальную структуру общества.

«Социальное отношение, — говорит Теннис, — самая общая и простая социальная сущность, или форма. Но у него и самые глубокие корни; ибо оно зиждется *отчасти* на первоначальных, естественных, действительных обстоя-

ательствах жизни как причинах взаимной связи, взаимной зависимости и взаимной привязанности между людьми, отчасти — на глубинных, наиболее общих, необходимейших человеческих потребностях» [Там же. С. 219]. Социальные отношения имеют объективный характер. Они существуют тогда, когда не только чувствуются и осознаются участвующими в них людьми, но и признаются ими в качестве необходимых для осуществления взаимных действий. Теннис подчеркивает, что следует различать социальные отношения товарищеского типа, социальные отношения по типу господства и смешанные отношения. Каждый из этих типов отношений имеет место как в организации общности, так и в общественной организации.

Совокупность социальных отношений между более чем двумя участниками являет собой «социальный круг». Это ступень перехода от социальных отношений к группе или совокупности. Совокупность — второе понятие формы (после социальных отношений); «сущность социальной совокупности заключается в том, что естественные и душевные отношения, образующие ее фундамент, сознательно принимаются, а стало быть, их сознательно хотят. Это явление наблюдается повсюду, где происходит народная жизнь, в многообразных формах общностей, например в языке, укладе жизни и обычаях, религии и суевериях...» [Там же. С. 223]. Группа (совокупность) образуется тогда, когда объединение индивидов рассматривается им как необходимое для достижения какой-то специфической цели.

Далее Теннис продолжает: «К совокупности также применимы понятия общности и общества. Социальные совокупности имеют общностный характер постольку, поскольку те, кто в них входит, мыслят их данными от природы или сотворенными сверхъестественным волением; самым простым и наивным образом это выражается в кастовом устройстве Индии» [Там же. С. 219]. К этой второй форме (совокупности, группе) тоже (как в случае с социальными отношениями) применяется классификация человеческих отношений по критерию «господство — товарищество».

Третья форма, рассматриваемая ученым, — корпорация. Она возникает тогда, когда социальная форма обладает внутренней организацией, т.е. те или иные индивиды выполняют в ней определенные функции. «Ее (корпорации. — Г.З.), — пишет социолог, — отличительной чертой является способность к единому волеию и деянию — способность, которая наиболее явно представлена в способности к принятию решений...» [Там же. С. 224]. Корпорация может возникнуть из естественных отношений (Теннис приводит в качестве примера кровно-родственные связи), из общего отношения к земле, из совместного проживания и взаимодействия как в сельской местности, так и в городе. Применительно к корпорации имеет место та же самая процедура рассмотрения человеческих отношений по критерию «товарищество — господство» с последующим членением типов социальных связей на общностные (общинные) и общественные.

Как видно, предложенная классификация социальных форм, включающая¹ три перекрещивающиеся «группировки» понятий (первая: социальные отношения, совокупности, корпорации; вторая: товарищество, господство; третья — общность (община), общество), является достаточно сложной для понимания и объяснения исторического развития и актуального «среза» социальной действительности. Она позволяет лишь описать с позиции социологического «формализма» (увлечения формой, иногда в ущерб содержанию) некоторые изменения изучаемой социальной реальности.

Еще одна классификация Тенниса касается социальных норм, действующих в каждом типе социальной организации. Все нормы, по мнению немецкого социолога, делятся на: 1) нормы социального порядка; 2) правовые нормы; 3) моральные нормы. Первые основаны на общем согласии, они определяются нормативной силой фактов. Вторые создаются либо на базе формального законодательства, либо волеизъявлением из обычаев. Третьи устанавливаются религией либо общественным мнением. Все три вышеназванных типа норм, в свою очередь, делятся на общинные (присущие только общине) и общественные. Таким образом, в трактовке проблемы норм и их типов действуют те же правила, что и в классификации основных социальных форм.

Основываясь на различиях социальных форм, Теннис утверждает, что по мере их развития от первоначального базиса совместной жизни возникает индивидуализм, который является провозвестником перехода от общности к обществу. Один из вариантов описания такого перехода, связанного с появлением индивидуализма, выглядит следующим образом: «...убавляется не просто социальная жизнь, а общинная социальная жизнь — развивается, приобретает все большую власть, и, наконец, получает превосходство над другим, новое взаимодействие, происходящее из потребностей, интересов, желаний, решений действующих личностей. Таковы условия «гражданского общества» как радикальной формы разнообразных! явлений, которые охватываются социологическим понятием «общество» и своей тенденции безграничны, космополитичны и социалистичны» [Теннис. 1998. С. 226]. Это общество — по существу речь идет о капиталистическом обществе — представляет собой совокупность семей и индивидов преимущественно экономического характера.

Учение о социальных формах является предметом рассмотрения чистой, или теоретической, социологии. Об этом следует специально сказать, учитывая, что Теннис пытался создать в социологии единую и логически стройную систему понятий, представить эту науку как многоуровневую. Он различал чистую (теоретическую), прикладную и эмпирическую социологию. Первая анализирует общество в состоянии статики, вторая — динамики, третья исследует факты жизни современного общества на основе статистических данных. Поэтому эмпирическая социология была названа им социографией.

Сам Теннис проводил эмпирические (социографические) исследования, касающиеся преступности, самоубийств, развития промышленности,

демографических изменений, деятельности политических партий и др. Как видно, круг интересов немецкого социолога к эмпирическим проблемам был достаточно широким. Причем некоторые из его исследований были весьма скрупулезными.

Соотношение социологии и политики

Интерес в творчестве Тенниса представляет проблема соотношения социологии и политики. Он следовал в этом вопросе в фарватере позитивистских постановок. Это значит, что социология, во-первых, должна постоянно оставаться объективной, во-вторых, независимой от практической социальной деятельности, в-третьих, свободной от политики и политических решений рассматриваемых в социологии вопросов.

Социолог не ставил цель полностью отделить и отдалить их друг от друга. Более того, выступая за независимость социологии от политики, он не считал, что точно так же, следует поступать и в политике. Ее необходимо постоянно «онаучивать» за счет усвоения политиками социологических знаний и использования их в практике политической деятельности, считал Теннис. Следует сказать, что его взгляды на поставленную проблему на годы, даже десятилетия вперед определили позицию в этом вопросе многих социологов, особенно тех, кто проявлял высокую общественную активность в практической деятельности и оставался «чистым» теоретиком в сфере научных исследований.

Проблема взаимодействий между социологией и политикой имеет в своей основе другое, более широкое отношение — между социальной теорией и социальной практикой. Здесь вступает в силу ценностный аспект проблемы. Суть его в том, как относиться социологу к использованию оценок, ценностных суждений и социальных ценностей. Ценностных суждений и оценок необходимо по возможности избегать, а социальные ценности — изучать, потому что без них оказывается очень трудно исследовать научно обоснованные формы политической деятельности. Такова была точка зрения Тенниса.

Значение социологического творчества Ф. Тенниса

Оценивая значение творчества Тенниса для последующего развития социологии, нужно иметь в виду, что оно способствовало ее самоопределению и институционализации. Это плодотворная попытка и интересный пример разработки социологии как науки, рассматривающей свой предмет независимо от его содержательных характеристик посредством использования многообразных аналитических построений. Стремление с помощью сложных классификаций формализовать социологическое знание было неоднократно воспроизведено в истории мировой социологии XXв.

Вместе с тем позиция и влияние Тенниса противоречивы. Это касается идеализации общности (общины), которую он зачастую иротивопос-

ставлял современному ему капиталистическому обществу, чья культура| оценивалась им достаточно пессимистически. Социальные отношения общинного (общностного) типа рассматривались социологом исключительно в рамках понятий взаимопонимания, согласия, дружбы, сотрудничества и других сугубо положительных характеристик. Конфликтные же отношения в общине он игнорировал, равно как и факторы принуждения, которые, конечно же, не могли в ней не действовать.

Специалисты, исследовавшие творчество Тенниса, безусловно, заметили довольно резкую грань (а временами и пропасть) между общиной (общностью) и обществом. Несмотря на обилие самых разнообразных форм и классификаций, они не «схватывают» всей сложности, постепенности, поэтапности перехода от общины к обществу. Критика Теннисом последнего в лице современного ему капитализма и его культуры не требовала от социолога поиска диалектического перехода от общности к обществу. Ему достаточно было показать плюсы первой (общины) и минусы второго (общества). И хотя социальное развитие от общины к обществу представляло собой процесс возрастания рациональности как становление последнего, его подлинная динамика осталась где-то втуне.

Непосредственное влияние Тенниса на Зиммеля, Дюркгейма, Вебера очевидно. Он выдвинул оказавшую на них серьезное воздействие идею аналитического построения социологии (в противоположность историческому), что способствовало осознанию социологией самой себя как науки. В целом нельзя недооценивать социологическое творчество Тенниса, которого отдельные исследователи относят к «классикам второго эшелона» [Шпакова. 1995. С. 139]. В какой эшелон зачислять ученого — первый или второй — вопрос спорный; что же касается отнесения его к весьма немногочисленному кругу классиков социологии, то здесь предмета для дискуссий, похоже, не существует.

i
i
i
t

Вопросы и задания

1. Что такое классическая немецкая социология? Назовите ее основные особенности. Чем классическая немецкая социология отличается от классической немецкой философии?
2. Охарактеризуйте понятие «формальная социология». Кто был ее наиболее ярким представителем? Почему она так называлась?
3. Как понимал предмет социологии Ф. Теннис? В чем суть его социологической концепции?
4. Какие уровни социологической науки выделял ученый и почему?
5. Каким образом и почему Теннис различал общность (общину) и общество? Какие типы связей и отношений им рассматривались?
6. Раскройте содержание учения Тенниса о формах социальной жизни. Назовите эти формы и дайте краткую характеристику каждой из них.
7. Какие типы социальных норм выделял немецкий социолог? Как они соотносились с формами социальной жизни, отношениями в общности и обществе?

8. Как понимал Теннис соотношение социологии и политики? Какое значение он при давал этому вопросу?

9. Охарактеризуйте значение социологического творчества немецкого ученого.

Литература

Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин СИ. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Д., 1999.

Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.

История социологии в Западной Европе и США. М., 1999.

История теоретической социологии: В 4 т. М., 1997. Т. 1.

Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000.

Култыгин В.П. Ранняя немецкая классическая социология. М., 1991.

Култыгин В.П. Классическая социология. М, 2000.

Теннис Ф. Эволюция социального вопроса // Западно-европейская социология XIX— начала XXвеков: Тексты. М, 1996.

Теннис Ф. Общность и общество // Социол. журн. 1998. № 3/4.

Шпакова Р.П. Фердинанд Теннис. Забытый социолог? // Социол. исслед. 1995. № 12.

Глава 8

Формальная социология Г. Зиммеля

§ 1. Краткий биографический очерк и общая характеристика творчества

Георг Зиммель (1858—1918) родился в Берлине в еврейской семье, закончил в этом же городе классическую гимназию и затем поступил на философский факультет Берлинского университета. Его преподавателями были знаменитые в то время обществоведы историки Моммзеп, Дройзеп, Трейчке, психологи Лацарус, Бастиан, Штсйнталь, философы Харм, Целлер. Именно этими предметами — историей, психологией, философией — Зиммель больше всего интересовался в университете. В 1881 г. он получил докторскую степень за диссертацию о Канте. В 1885 г. стал приват-доцентом Берлинского университета, а в 1901 г. — его экстраординарным, т.е. внештатным, профессором. Находясь на этой должности, он получал никакого жалования, кроме студенческих взносов за лекции, им читаемые, должность профессора он получил лишь в 1914 г. в провинциальном университете г. Страсбурга, где наряду с социологией читая курсы истории философии, философии религии, этики, социальной психологии, философии искусства.

Как видно из приведенных кратких биографических данных, значительная часть жизни Зиммеля была связана с Берлином и его университетом. 11-е десятилетие конца XIX — начала XX вв. прошло в Берлине под знаком мощного духовного роста и превращения этого города в одну из крупнейших полиций мира, чему в значительной степени способствовало сосредоточение в нем крупных интеллектуальных сил, ученых, мыслителей с громадным диапазоном творческих интересов и способностей. Далекое не последнее место среди них занимал Зиммель. Он сам неоднократно отмечал, какую большую роль в его профессиональной деятельности, да и в жизни в целом, сыграла научно-творческая и культурная среда Берлина.

Основные сферы его научной деятельности, помимо социологии, — философия, история культуры, социальная психология, с которыми социологические взгляды и теории Зиммеля были тесно связаны. В этом смысле социология была частью его общего интеллектуального творчества. Его перу принадлежат 30 книг. Сейчас в Германии, начиная с 1989 г., издается полное собрание его сочинений в 24 томах. Основные работы социологического характера: «О социальной дифференциации» (1890; русский перевод: Зим-ж)

i

■

■

■

4

■

■

i

мель Г. Социальная дифференциация. М., 1909), «Философия денег» (1900), «Социология» (1908), «Основные вопросы социологии» (1917).

Профессиональный путь Зиммеля демонстрирует совершенно парадоксальную ситуацию. С одной стороны, он был широко известен и популярен в академических кругах своими опубликованными трудами и международными связями как ученый. Наиболее тесные контакты он поддерживал с французскими и американскими социологами. С другой — его профессионально-педагогическая карьера явно не удалась, о чем свидетельствует приведенное выше обстоятельство: место штатного профессора он получил всего за 4 года до смерти. Объяснений этой неудавшейся карьеры обычно приводят два: антисемитизм немецких чиновников и сомнительный статус социологии в академических кругах. Поэтому не случайно Зиммелю приходилось читать в Берлинском и Страсбургском университетах в качестве основных не социологические, а философские курсы.

Как преподаватель и лектор он пользовался большим успехом, был одним из популярнейших социологов не только в Германии, но и в Европе. В значительной мере это объяснялось широким кругом его социологических интересов, которые включали в себя теорию социологии, изучение культуры, социологию искусства, власти, конфликта, религии, пола, науки, семьи, города, проблемы социальной дифференциации общества, моды. Несмотря на то что сам Зиммель не вел эмпирических исследований, он мог дать глубокий и развернутый анализ конкретных социальных проблем и показать, как их следует изучать.

§ 2. Предмет формальной социологии

Социологию Г. Зиммеля принято называть формальной. Главным в его творчестве было понятие формы, хотя он осознавал, что она возникает на основе связанного с ней содержания, которое, однако, без формы существовать не может. Форма выступала у Зиммеля как универсальный способ воплощения и реализации содержания, которое являло собой исторически обусловленные мотивы, цели, побуждения человеческих взаимодействий. В связи с этим он писал: «Во всяком наличном социальном явлении содержание и общественная форма образуют цельную реальность; социальная форма так же не может приобрести существования, отрешенного от всякого содержания, как пространственная форма не может существовать без материи, формой которой она является. В действительности, все это неразрывные элементы всякого социального бытия и бывания; интерес, цель, мотив и форма или характер взаимодействия между личностями, через посредство которых или в образе которых это содержание становится общественной действительностью» [Проблема социологии. 1996. С. 419-420].

Из приведенных суждений становится понятным, что проблема соотношения формы и содержания не могла его не волновать. Он хорошо понимает их диалектику, особую роль формы в ней, когда она способна ломать изоляцию частей целого. В ряде случаев он противопоставляет форму содержанию, в других же — видит тесную связь между ними, прибегая в анализе каждый раз к сравнению с геометрическими формами в связи с их противоречивым соответствием определенным телам, которые можно рассматривать как содержание этих форм. По этому поводу он пишет: «Прежде всего, должно оказаться, что одна и та же форма обобществления появляется при совершенно различном содержании, для совершенно различных целей, и обратно, что тот же самый по содержанию интерес облекается в совершенно различные формы обобществления, являющиеся его носителями или типами реализации: так одинаковые геометрические формы встречаются на различных телах, и одно тело представляется в самых разнообразных пространственных формах, и так же обстоит дело между логическими формами и материальными содержаниями знания» [Проблема социологии. 1996. С. 421].

Одним из базовых в социологической теории Зиммеля было понятие взаимодействия. Его немецкий социолог считал основной «клеточкой» общества. Он писал, что «общество вообще представляет собой взаимодействие индивидов. Взаимодействие всегда складывается вследствие определенных влечений или ради определенных целей. Эротические инстинкты, деловой интерес, религиозные импульсы, защита или нападение, игра или предпринимательство, стремление помочь, научиться, а также множество иных мотивов побуждают человека к деятельности для другого, к сочетанию и согласованию внутренних состояний, т.е. к оказыванию воздействий и, в свою очередь, их восприятию. Эти взаимные воздействия означают, что из индивидуальных носителей побудительных импульсов и целей образуется единство, "общество"» [1984. С. 170—171].

t

Подчеркивая ключевую роль взаимодействия в социологической концепции Зиммеля, достаточно сказать, что центральная категория социологии — общество — рассматривалась им как совокупность взаимодействий формы и содержания. В этом отношении большое значение приобретает следующее положение социолога, ставшее, по существу, хрестоматийным: «"Общество", в каком бы смысле теперь ни употреблялось это слово, становится обществом, очевидно, только благодаря указанным видам взаимодействия. Известное число людей образует общество не потому, что в каждом из них живет какое-либо конкретно определенное или индивидуально движущее им жизненное содержание; лишь в том случае, если жизненность этих содержаний приобретает форму взаимных влияний, если происходит воздействие одного из них на другого — непосредственно или через посредство третьего, — из чисто пространственного соседства или временной смены людей рождается общество» [Проблема социологии. 1996. С. 420].

Однако общество немецкий социолог рассматривал не только в связи с взаимодействием. Еще в своей первой крупной социологической работе «О социальной дифференциации» он подробно анализирует проблему соотношения общества и индивидов, считая при этом подлинной реальностью лишь последних; что же касается общества как такового, то его понятие как объекта науки «улетучивается». Прочитав на этот счет самого Зиммеля: «Если общество есть такое соединение отдельных людей, которое представляет собой только результат нашего способа рассмотрения, а настоящими реальностями являются эти отдельные люди, то они и их поведение образуют настоящий объект науки, и понятие общества улетучивается. И это, видимо, действительно так и есть. Ведь ощутимо только существование отдельных людей, их состояния и движения; поэтому речь может идти лишь о том, чтобы понять их, тогда как возникшая только в результате идеального синтеза совершенно неощутимая сущность общества не может быть предметом мышления, направленного на исследование действительности» [Избр. 1996. Т. 2. С. 3П]. Следовательно, основной акцент социология должна делать на изучении индивидов, их взаимодействий, которые и позволяют представить в своей совокупности общество.

Зиммель акцентировал внимание в социологическом анализе общества на формах социального взаимодействия, имеющих «сквозной» для человечества характер. Рассматривались прежде всего такие формы, как конфликт, конкуренция, подчинение, главенство, подражание, разделение труда, образование партий, авторитет, представительство, договор. Универсальность этих форм обосновывалась также их наличием в самых различных сферах жизни и деятельности. Вот лишь один, но достаточно типичный образец, касающийся конкуренции. По поводу этой всеобщей формы социальных связей социолог пишет: «О конкуренции, например, мы узнаем из самых различных областей: политика, как и народное хозяйство, история религий, как и искусство, рассказывают бесчисленные случаи ее. На основании этих фактов нужно установить, что означает конкуренция как чистая форма человеческих отношений, при каких обстоятельствах она возникает, как она развивается, какие модификации вызывает в ней своеобразие ее объекта, какие одновременные, формальные и материальные условия общества усиливают или ослабляют ее, чем отличается конкуренция личностей от конкуренции между группами, — словом, что представляет она как форма отношения людей между собою...» [Там же. Т. 2. С. 425].

Коль скоро речь зашла о зиммелевской трактовке общества, необходимо отметить два основных значения этого понятия. Во-первых, общество, как подчеркивает социолог, — это «комплекс обобществленных личностей», «общественно-оформленный человеческий материал». Во-вторых, оно представляет собой сумму тех форм отношений, благодаря которым из личностей и образуется общество в указанном выше смысле слова [Проблема социологии. 1996. С. 422—423]. Общество непрерывно порождается взаимодействием. Ин-

дивиды соединяются в общество, т.е. «обобществляются». Таким образом, <термином «общество» у немецкого социолога тесно связан другой ключевой*¹ термин — «обобществление». Отдельные отечественные исследователи творчества немецкого социолога, например автор многих работ о нем Л.Г. Ионин, используют вместо обобществления другой термин — «социация»; нам он представляется не очень удачным вследствие неясности его содержания.

Задача социологии как науки и состоит, по Зиммлю, в том, чтобы изучать различные формы обобществления, классифицировать и анализировать формы социальной жизни. Если есть паука, предметом которой является общество, и ничто другое, — а таковая есть, считает он, и эта наука имеет название социологии, — то ее единственной целью может быть только исследование взаимодействий, видов и форм обобществления. «Все прочее, — утверждает ученый, — что еще находится внутри "общества" и реализуется благодаря ему или в его рамках, это не само общество, а только содержание, которое вырабатывает себе такую форму сосуществования (или которое вырабатывается этой формой), хотя, конечно, оно лишь с нею вместе создает реальное образование, называемое "обществом" в широком и обычном смысле слова. Что оба эти элемента, в действительности неразрывно соединенные, разделяются в научной абстракции, что формы взаимодействия или обобществления объединяются между собой в логической отрешенности от содержаний, которые лишь через них становятся общественными, что эти формы методически подчиняются цельной научной точке зрения, — в этом обстоятельстве, кажется, и заключается единственная и притом полная возможность обоснования специальной науки об обществе, как таковой» [Проблема социологии. 1996. С. 420]. Понятно, что в приведенном выше фрагменте речь шла о социологии и ее предмете.

Почему предметом социологии должно быть изучение форм социальной жизни, а не ее содержания? Дело в том, что, по Зиммлю, социальное содержание не требует специального социологического рассмотрения, потому что является предметом внимания многих наук об обществе. Изучением же социальных форм они не занимаются. Поскольку социология возникла позднее, чем большинство из этих наук, ей осталось (и досталось) именно это предметное поле.

Помимо приведенной, у социолога есть еще и другие трактовки предмета социологии. Так, в одной из них немецкий мыслитель рассматривает в этом качестве социальные отношения в их динамической и противоречивой природе, причем характеризуются не общество как система, не его структуры и институты, а процессы их становления и воспроизводства. Такой метод, подход к их изучению, связанный с выявлением форм этих процессов, Зиммель также обозначил термином «обобществление».

Обобществление как процесс характеризуется рядом признаков. Один из них — количество участвующих. Обобществление возможно, если во взаимодействии участвуют два или более индивидов, если они соответствующим образом относятся друг к другу. Здесь Зиммель проводит идею,

которая очень похожа на гештальтовую, о том, что каждое взаимодействие может быть понято и истолковано как обмен. Он, правда, идет дальше, доказывая, что взаимодействие — понятие более широкое, чем обмен. Последний является изначальной формой и функцией межличностных отношений. Еще один признак обобщения состоит в том, что оно требует своей локализации в определенном пространстве.

Анализ процессов обобщения должен привести, по мнению Зиммеля, к вычлениению в социальных явлениях ненаблюдаемых в чистом виде факторов. Эти «чистые формы обобщения» и становятся предметом социологии. «Обобщение, следовательно, — писал он, — есть в бесконечно разнообразных видах осуществляющаяся форма, в которой на основе них — чувственных или идеальных, мгновенных или длительных, сознательных или бессознательных, причинно движущих или телеологически влекущих — интересов личности срастаются в некоторое целое и внутри которого эти интересы находят свое осуществление» [Там же. С. 419].

Немецкий ученый отмечал, что социологический метод вычленяет из социальных явлений момент обобщения так, как грамматика отделяет чистые формы языка от содержания, в котором эти формы живут. Социология должна не только выявлять эти чистые формы, но и систематизировать их, давать их психологическое обоснование и описание в историческом изменении и развитии. Именно таким образом социология превращается в понимающую социологию.

Зиммель рассматривал понимающую социологию как социологическую теорию познания, как теорию исторического понимания. С ее позиций требуется выяснить, как связано изучаемое явление с интересами самого исследователя или социальной группы, которую он представляет. В рамках теории понимания (понимающей социологии) особое внимание обращается на роль субъективных компонентов познания в социальных науках, т.е. на роль исследователя, творчески и заинтересованно рассматривающего динамичные, развивающиеся социально-исторические явления.

Немецкий исследователь различал общую и чистую, или формальную социологию. Под общей социологией он понимал применение социологического метода в различных общественных науках. Что касается формальной социологии, то она рассматривалась как описание и систематизация чистых форм обобщения. Кроме того, в систему социологического знания Зиммель включал социологическую теорию познания и социальную философию (он ее называл социальной метафизикой).

§ 3. Классификация социальных форм

Выше уже говорилось, что формальная социология сопряжена с выявлением определенных форм, их классификацией и анализом. Будучи ярким

представителем формальной социологии, Г. Зиммель в ряде работ стремится конкретизировать свое учение об обществе с помощью классификаций социальных форм и их детального рассмотрения. Образцы такой классификации и анализа он дает в «Социологии». Исследователи творчества немецкого социолога отмечают, что одна из них включает в себя социальные процессы, социальные типы и модели развития.

К социальным процессам Зиммель относит подчинение, господство, примирение, соревнование и др. Вторая категория социальных форм охватывает социальные типы, означающие систематизацию некоторых существенных характерных качеств человека, не зависящих от взаимодействий между людьми (аристократ, бедняк, циник, кокетка, купец, женщина, чужой, буржуа и т. д.). Третья группа социальных форм включает в себя модели развития и характеризует социальную дифференциацию, взаимосвязи группы и индивидуальности. Зиммель пишет, что усиление индивидуальности ведет к деградации группы (чем меньше группа, тем ее члены менее индивидуальны и, наоборот, с увеличением группы ее члены становятся более непохожими друг на друга).

В рамках названных выше форм социальной жизни (социальные процессы — социальные типы — модели развития) ученый дает очень интересный и глубокий анализ многих социальных процессов. Например, в качестве одного из них он исследует моду. Ей посвящено блестящее эссе, которое до сих пор не потеряло своей актуальности и читается так, будто написано только сегодня. «Сущность моды состоит в том, — пишет Зиммель, — что ей следует всегда лишь часть группы, группа же в целом находится только на пути к ней. Как только мода полностью принята, т.е. как только то, что первоначально делали только некоторые, теперь действительно совершается всеми без исключения, что и произошло с некоторыми элементами одежды и форм общения, это больше не называют модой» [Избр. 1996. Т. 2. С. 274].

Мода, считает Зиммель, одновременно предполагает и подражание, и индивидуализацию. Невозможность моды без индивидуализации он доказывает на примере примитивных обществ, где социальная однородность делала всех равными и не обуславливала стремления выдвинуться из общей массы. Точно также венецианские нобили, относящиеся к правящей олигархии, не желая продемонстрировать свою исключительность перед всеми остальными гражданами, ходили только в черном. Социолог говорит о двух конститутивных характеристиках моды — отличиях одной группы (одного круга, одного слоя) от другой и потребностях в соединении (объединении) людей, без чего моды быть не может [Там же. С. 273].

Очарование моды состоит в том, что она одновременно нова и преходяща. Мода дает ощущение настоящего, течения времени. Как только что-либо становится модным (одежда, вещи, манеры, идеи, выражения и т. д.), оно тут же начинает «выходить из моды». Однако, несмотря на преходящий ха-

4

i

i

t

i

рактик той или иной конкретной моды, сама она как форма социальной жизни постоянна, существует всегда, во все времена.

Раскрывая содержание такой формы, как социальный тип, Зиммель использует пример аристократа. Так, бытие аристократа представляет собой единство двух взаимоисключающих характеристик. С одной стороны, он целиком поглощен своей социальной группой, ее фамильной традицией, отнесением к аристократическому роду. С другой — он абсолютно отделен от этой группы, ибо каждый аристократ стремится осознать свою собственную автономию, силу, могущество и не хочет ощущать зависимость от определенного круга лиц.

Зиммель много писал о так называемых игровых формах. Они «чисты», поскольку лишены конкретного содержания, например «наука для науки», «искусство для искусства». Люди занимаются этими видами деятельности как самоцелью, и именно для того, чтобы получать наслаждение от занятий ими, а не для достижения каких-либо конкретных целей и результатов в сферах научного творчества либо искусства.

В качестве еще одной игровой формы он рассматривает свободное общение («общение ради общения»). У этой формы только одна цель — дать возможность насладиться общением, побыть с другими. Это — абстрактная модель социального процесса, не наполненная каким-либо реальным, конкретным содержанием. Люди включаются в такое общение как «формальные» индивиды, «на равных». Средством обеспечения этого равенства служит «такт» (тактичное поведение). Он ограничивает некоторые стремления и импульсы участников общения. Например, бестактно говорить на вечере о делах, демонстрировать свое богатство и т.д. Такт, следовательно, есть игровая форма социальных норм.

Зиммель рассматривает и такую игровую форму социальных отношений, как флирт. В данном случае речь идет об особом типе социальных контактов и связей — сексуальных отношениях. Флирт, или кокетство — это игровая форма, не наполненная каким-либо реальным эротическим содержанием. Главное в этой форме — не тема, не содержание разговоров между людьми, а наслаждение, удовольствие, получаемое от свободного общения, общения ради общения. Анализируя подобным способом игровые формы, в первую очередь свободное общение, Зиммель таким образом наиболее полно и последовательно продемонстрировал идею чистой, формальной социологии.

§ 4. Анализ капиталистического общества

Выработанный метод получения формального знания немецкий социолог применил к анализу капиталистического общества. В этом вопросе он в ряде случаев шел за К. Марксом. На Г. Зиммеля оказала глубокое влияние Марксова концепция отчуждения при капитализме. Он также доказывает наличие

всеобщего отчуждения в этом обществе, используя концепцию денег. Саощ идеи на сей счет он развил в книге «Философия денег» (ее объем — 600 стр ниц), которую считают его самой «социологической» работой. Небелы нте| ресно отметить, что при жизни ученого далеко не все специалисты обраттвнимание на «социологический» характер книга, исходя из ее названия, ко! торое на первый взгляд представляется философско-экономическим. «Фи* лософия денег», изданная на рубеже двух веков и двух тысячелетий (1900)ііпо существу, открыла серию трудов о капитализме, его «духе», кризисе, буду-1 щем; вслед за ней были опубликованы работы В. Зомбарта «Современный капитализм», М. Вебсра «Протестантская этика и дух капитализма», чуть позже — О. Шпеиглера «Закат Европы» и др.

Зиммель, показывая наличие всеобщего отчуждения в обществе, стремился доказать, что оно сопровождается ростом индивидуальной свободы. Главная его идея в этом анализе состоит в том, чтобы убедить читателя в тесной и неразрывной связи отчуждения и свободы, которые выступают, по его мнению, двумя сторонами одной медали, называемой обществом. В «Философии денег» он писал: «Если свобода есть независимость от воли другого вообще, то прежде всего она предполагает независимость от воли определенного другого. Независим не одинокий отшельник германских или американских лесов - независим в позитивном смысле слова человек современного большого города, который, хотя и требует для себя бесчисленного количества производителей, доставщиков, помощников, соединен с ними лишь вещным, т.е. деньгами опосредуемым, образом» [История... 1999. С. 132].

Формирование и развитие капитализма сопряжено с наличием двух основных его характеристик: интеллекта и денег. Социолог рассматривает их как находящиеся в ряду главных форм обобществления, которые тесно связаны с ростом свободы и усилением тенденции индивидуализации членов общества. Эти формы позволяют Зиммелю подробно анализировать развитие денежного хозяйства и интеллектуализма как социального явления.

В связи с проведенным анализом социальной функции денег ученый обнаруживает, что их господство определяет совокупность социальных явлений современного ему капитализма. На самом деле все обстоит как раз наоборот: деньги выполняют ту роль, которую им предписывают соответствующие общественные отношения. Говоря о том, что власть денег приводит к отчуждению, немецкий социолог подчеркивает, что в этом процессе всеобщего, универсального отчуждения люди теряют свои индивидуальные, специфические качества, переходят в «одномерное» состояние.

Символом межчеловеческих отношений в таких условиях становится проституция. Зиммель считал, что природа денег и природа проституции аналогична. Деньги, как и женщины легкого поведения, никак не связаны с каким-либо одним субъектом. Деньги покидают его с такой же завидной легкостью, с какой женщины определенного поведения, исключая всякое сердечное движение, уходят от своих клиентов. Так же без особого труда и

безразлично деньги переходят к своим новым временным хозяевам, как «делают» это женщины соответствующего поведения. Приведенное сравнение стало уже хрестоматийным в социологической литературе и позволяет лучше понять не только социальную роль и функции денег, особенности их использования в капиталистическом обществе, но и специфику общественных отношений в нем, на которую деньги накладывают глубокую печать.

§ 5. Социальная группа и индивид

Еще одна социологическая проблема, которую Г. Зиммель ставил, начиная с первой социологической работы «О социальной дифференциации», и к которой неоднократно обращался в последующих трудах («Социология» и «Основные вопросы социологии»), — социально-групповая структура общества и место в ней индивида. Здесь он сформулировал ряд очень важных положений, которые впоследствии сыграли значительную роль в становлении социальной психологии и социологической теории групп. Немецкий социолог рассматривал социальную дифференциацию общества под углом зрения существующих и развивающихся в нем социальных групп (социальных кружков) и включения в них индивида.

Сама социальная дифференциация представляла основную модель развития в социологической теории Зиммеля. В ней он указывал, что с увеличением размеров группы ее члены все более разнятся между собой, поскольку получают возможности для проявления индивидуализма. Малая группа стесняет индивида как жестким контролем, так и своей численностью. Зиммель писал, что «более широкая группа предъявляет нам меньше требований, меньше заботится об отдельных людях и поэтому ставит меньше препятствий для полного развития даже самых извращенных влечений, чем более узкая группа» [Избр. 1996. Т. 2. С. 356].

Немецкий социолог считал, что число различных групп, к которым принадлежит тот или иной человек, является показателем высоты культуры. Чем больше групп, в жизнь которых включен (или может быть включен) человек, тем более развитым является общество. Сам же индивид входит и в множество групп и оказывается на их скрещении. «Если современный человек, — писал Г. Зиммель, — принадлежит прежде всего к семейству своих родителей, потом к семье, основанной им самим, а вместе с тем и к семье своей жены; если, далее, он принадлежит своему профессиональному кругу, что уже само по себе часто включает его в несколько кругов с различными интересами... если он осознает себя гражданином своего государства, сознает свою принадлежность к определенному социальному сословию, если он, кроме того, — офицер запаса, состоит членом нескольких союзов и общается с людьми самых различных кругов, — то это является уже очень большим разнообразием групп...» [Там же. С. 412].

Но дело не только в показателях культуры общества. Расширение социальных отношений, т.е. количества социальных групп, в которые вовлечен человек, делает его более свободным, дает возможность выбора, выражения собственной воли. Другими словами, увеличиваются возможности проявления индивидуальности, что и является главным критерием свободы по Зиммелю. Проблема свободы была одной из доминирующих в его социологическом творчестве. Но он не успел о ней написать специальной крупной работы. Исследователи Зиммеля отмечают, что эта работа была последней из задуманных им и начатых, но к моменту смерти он написал всего 30 рукописных страниц.

Изложение основных социологических позиций немецкого ученого будет неполным, если не коснуться проблемы конфликта в его творчестве. Зиммеля считают одним из основоположников социологии конфликта. Он стремился доказать, что социальные конфликты являются всеобщими и универсальными, пронизывая все сферы жизни общества. Ему принадлежит так называемый «парадокс Зиммеля», согласно которому наиболее эффективное средство сдержать конфликт заключается в том, чтобы выяснить сравнительную силу конфликтующих сторон. Если сделать это до наступления фактического конфликта, то антагонистические интересы можно урегулировать бесконфликтным способом.

Конечно же, социолог не мог не говорить в первую очередь о конфликте между формой и содержанием, в качестве последнего у него на самом общем уровне выступали жизнь и культура. Он считал, что во многих явлениях «обнаруживается конфликт, неизбежный для жизни, культурной в широком смысле слова, т.е. активно творящей или пассивно воспринимающей. Жизнь должна или создавать формы, или развиваться в определенных формах. Мы — сами жизнь, и с этим связано неопределимое чувство бытия, силы и известной ориентации, помы ощущаем это лишь в определенной форме. ...Таким образом возникает противоречие с самым существом жизни, динамикой ее вечного движения, ее судьбами и неудержимой дифференциацией каждого отдельного ее момента» [Избр. 1996. Т.1. С. 513]. Это же касается конфликта жизни и культуры, поскольку он изначально заложен в природу отношений между ними.

§ 6. Значение социологического творчества Г. Зиммеля

В заключение необходимо коротко определить значение творчества Г. Зиммеля. Оно (творчество) оказалось емким и многообразным. Немецкий мыслитель выступал по очень широкому спектру проблем, что порой создавало у его современников впечатление отсутствия единой и стройной концепции. Это мнение стойко держалось благодаря весьма противоречивым оценкам творчества Зиммеля со стороны крупных социологов

конца XIX— начала и середины XXв. М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. Сорокина.

Сам Зиммель при жизни пользовался большой известностью — и в Европе, и в США. Однако после смерти в Европе о нем стали быстро забывать, в Америке его ценили гораздо больше. Особенно это касается Чикагской социологической школы, наиболее видные представители которой — А. Смолл, Р. Парк, Э. Бёрджесс и другие — активно использовали (то идеи, в том числе касающиеся социологии города, социальной дезорганизации, динамики человеческих групп.

Сейчас же интерес к социологии Зиммеля резко возрос вновь. По словам известного современного американского социолога Л. Козера, Зиммель «продолжает стимулировать социологическое воображение столь же мощно, как Дюркгейм или Вебер»¹.

Его значение в социологии состоит в том, что он одним из первых привлек внимание к микросоциальным процессам (на уровне межличностного, группового взаимодействия), из которых, собственно говоря, и складываются макросоциальные, крупномасштабные образования. Изучение этих процессов он считал одной из важнейших задач социологии. Зиммель оказался гонимым и наблюдательным социальным психологом, теоретиком взаимодействия, его различных видов. Немецкий социолог блестяще проанализировал процесс дефации культурных норм и образа жизни в условиях капитализма, причем этот процесс описал изнутри, как его участник. Вклад Зиммеля в развитие социологии дал основание многим исследователям поставить его в один ряд с Вебером.

Вопросы и задания

- 1 Почему социологию Г Зиммеля принято считать формальной? Подробно аргументируйте свой ответ.
- 2 Почему Г. Зиммель основной «клеточкой» общества считал взаимодействие? Как он трактовал его роль?
- 3 Какие формы социального взаимодействия выделял и характеризовал Зиммель?
- 4 Расскажите, как немецкий социолог рассматривал общество, какое содержание вкладывал в него
- 5 Как определял предмет и задачи социологической науки Зиммель? Что означала общая и чистая (формальная) социология в его понимании?
- 6 Что нового, по вашему мнению, внес Зиммель в теорию и методологию социального познания по сравнению с предшественниками позитивизма и органицизма в социологии?
- 7 Дайте (вслед за Зиммелем) интерпретацию таких форм социальной жизни, как социальные процессы, социальные типы, модели развития.
8. Что вы могли бы рассказать о зиммелевской трактовке моды? Почему мы ее считаем глубоко современной?

¹CosertLA. Masters of Sociological Thought. N.Y., 1977. P. 215.

9. О каких игровых формах социальных отношений писал Зиммель? Назовите некоторые из них и расскажите, что вам известно на этот счет.
10. Каким образом Зиммель рассматривал социально-групповую структуру общества и взаимодействие с ней индивида?
11. Зиммеля по праву считают одним из основоположников социологии конфликтов. Почему? Ответ аргументируйте.
12. Проведите — вслед за немецким социологом — анализ капиталистического общества, используя для этого понятия отчуждения, свободы, денег.
13. Раскройте значение социологического творчества Зиммеля.

Литература

- Волков Ю.Т., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И.* Социология: история и современность. М.; Ростов н/Д., 1999.
- Громов И.А., Мицкевич А.Ю., Семенов В.А.* Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Зиммель Г.* Общение: пример чистой или формальной социологии // Социол. исслед. 1984. № 2.
- Зиммель Г.* Как возможно общество? Человек как праг // Социол. журн. 1994. № 2.
- Зиммель Г.* Избранное: В 2 т. М., 1996.
- Зиммель Г.* Социальная дифференциация. Проблема социологии. Конфликт современной культуры // Западно-европейская социология XIX— начала XXвеков: Тексты М., 1996.
- Зиммель Г.* Философия денег // Теория общества. М., 1999.
- История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М, 1999.
- История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 2.
- Капитонов Э.А.* История и теория социологии. М., 2000.
- Култыгин В.П.* Ранняя немецкая классическая социология. М., 1991.
- Култыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000.
- Левин Д.* Некоторые ключевые проблемы в работах Зиммеля // Социол. журнал. 1994. № 2.

Глава 9

Социологическое творчество М. Вебера

§ 1. Краткий биографический очерк и общая характеристика социологического учения

Великий немецкий социолог Макс Вебер (1864—1920) родился в Эрфурте. Его отец был юристом, выходцем из семьи промышленников и купцов, занимавшихся в Вестфалии текстильным делом. Мать была высокообразованной и культурной женщиной, много занималась проблемами религии и социальными вопросами. До самой смерти (умерла за год до кончины Вебера, в 1919 г.) она сохраняла тесный духовный контакт со своим сыном, постоянно стимулируя его потребность в религиозной вере. Когда Максу исполнилось пять лет, семья переехала в Берлин. Этот город, как и в жизни Г. Зиммеля, сыграл большую роль в судьбе Вебера. Здесь он избирался в муниципальный сейм, затем в сейм Пруссии и рейхстаг. В салоне своих родителей молодой Вебер познакомился со многими представителями творческой интеллигенции — философами, историками, экономистами, правоведами, психологами. Среди них были Дильтей, Моммзен, Трейчке, Зибель. Несомненно, эти знакомства и встречи способствовали пробуждению поистине энциклопедических интересов будущего ученого.

В 1882 г. Вебер поступает на факультет права в один из лучших немецких университетов того времени — Гейдельбергский. Наряду с юриспруденцией он изучает философию, историю, экономику, теологию, т.е. те дисциплины, в рамках которых он впоследствии будет заниматься научным творчеством, причем очень серьезно в каждой из них. Это затем позволит утверждать экономистам, что Вебер был крупным экономистом, правоведам — то же самое в отношении права, соответственно философам, историкам, теологам — что он достойно представлял в мире науки их сферы знания. В студенческие годы он принимал также активное участие в жизни студенческой корпорации. Проучившись три семестра, Вебер был призван на военную службу. Он проходил ее в течение года в Страсбурге сначала солдатом, а затем офицером имперской армии, чем всегда очень гордился. В 1884 г. он возобновляет учебу — сначала в Берлинском, а затем в Геттингенском университетах.

В 1886 г. Вебер сдает первые университетские экзамены по юриспруденции. Вслед за этим он начинает активно заниматься политикой, вступив

в Общество социальной политики, куда входили представители университетской интеллигенции, интересовавшиеся соответствующими вопросами! жизни общества. В 1890—1892 гг. по просьбе Общества Вебер проводит эмпирическое социологическое исследование — опрос о положении крестьян и сельскохозяйственных рабочих в Восточной Пруссии. Он показывает, что крупные землевладельцы ради сокращения расходов на заработную плату не стеснялись ввозить в свои поместья русских и поляков, принуждая таким образом к миграции на западные земли и в индустриальные города коренных немцев. Вебер проводил идею о дегерманизирующей восточную часть Пруссии деятельности юнкеров. При этом сам характер исследования и написания отчета не содержал в себе оценочных суждений, тем более — эмоциональных аспектов, связанных с трудным положением сельскохозяйственных рабочих. Проблемы их жилья, заработной платы, бытового устройства волновали Вебера меньше всего, главным было выяснение тенденций развития немецкой нации и того, как процессы в восточных землях способствуют (препятствуют) этому.

<<
4 «

В 1889 г. он защищает в Берлине диссертацию, посвященную истории торговых обществ в Средние века. Это была его первая диссертация. Через два года он пишет и защищает еще одну, на тему «Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права». Блестящая защита сыграла важную роль в приглашении Вебера на должность профессора одной из кафедр факультета права Берлинского университета. В 1893 г. он женился на Марианне Шнитгер, а в 1894 г. стал профессором кафедры политической экономии Фрайбургского университета. В этом же году вышла его книга по материалам исследования 1890—1892 гг. под названием «Тенденции к изменению положения сельскохозяйственных рабочих Восточной Германии». В 1896 г. он принимает руководство кафедрой в Гейдельбургском университете.

Следующий год в жизни Вебера омрачился тяжелым нервным расстройством. Его причиной, вероятно, стало бурное объяснение с отцом, которого после разговора с сыном поразил инсульт. Четыре года Вебер не работает, чтобы обрести душевный покой. Он путешествует по Италии, Швейцарии, Корсике. В 1902 г. возобновляет преподавательскую деятельность в Гейдельбергском университете, а в 1903 г. вместе с В. Зомбартом создает журнал «Архив социальной науки и социальной политики».

В 1904 г. состоялась поездка Вебера в США, в г. Сент-Луис, где он участвовал в конгрессе социальных наук и выступил с лекцией о капитализме и сельском обществе в Германии. США производят на него очень глубокое впечатление. В этом же году в созданном им журнале Вебер публикует первую часть «Протестантской этики и духа капитализма», в следующем году — вторую часть этой работы. Внимание немецкого социолога привлекает русская революция 1905 г., и, чтобы ознакомиться с материалами о ней в оригинале, он изучает русский язык. В 1906 г. в свет выходит серия его статей, посвященных России (о буржуазной демократии, мнимом конституционализме и др.).

В 1907 г. Вебер получает наследство и возможность полностью посвятить себя науке. Он создает свой салон в Гейдельберге, который посещает большинство известных немецких ученых (философов, социологов, историков, экономистов) того времени: Виндельбанд, Зиммель, Трельч, Зомбарт, Иауман, Теннис, Михельс и др. В 1908 г. Вебер организует Немецкую ассоциацию социологов и издает серию работ по социологическим наукам. В 1909 г. он начинает писать свою главную социологическую книгу «Хозяйство и общество», которая будет издана после смерти ученого его женой. В 1910 г. участвует в конгрессе Немецкого общества социологов (возглавляемого Теннисом) и выступает на нем с четкой антирасистской позицией. Вебер избирается в состав руководящего комитета общества, однако в 1912 г. выходит из него из-за теоретических расхождений по вопросу «о свободе от оценки» (он отстаивал необходимость такой свободы для социолога). В 1913 г. была опубликована очень важная с точки зрения теоретической социологии статья ученого «О некоторых категориях понимающей социологии».

С началом Первой мировой войны Вебер поступает на военную службу, став руководителем группы госпиталей Гейдельбергского района (вплоть до конца 1915 г.). В 1916—1917 гг. он выполняет ряд различных официальных миссий в столицах европейских государств — Вене, Будапеште, Брюсселе, стремясь убедить руководителей Германии в необходимости избежать расширения войны, однако считает, что страна не должна уступать своих лидирующих позиций в мировой политике.

В годы войны ученый пишет и публикует очень значимые работы, касающиеся прежде всего социологии религии. Это «Хозяйственная этика мировых религий» (1915), несколько глав «Социологии религии» (1916). Вообще все социологические исследования религии у Вебера были объединены в трехтомник, в котором рассматривались протестантизм, иудаизм, буддизм, конфуцианство, даосизм, индуизм. Он планировал выпустить четвертый том, посвященный исламу, но смерть помешала сделать это.

В 1918 г. Вебер едет в Вену читать лекции на летних курсах университета, в которых излагает свое понимание социологии политики и религии. Зимой того же года он получает приглашение сделать два доклада в Мюнхенском университете: «Наука как призвание и профессия» и «Политика как призвание и профессия». В следующем, 1919 г. он принимает кафедру общественно-экономических наук в этом университете и руководит ею до середины 1920 г. В Мюнхене социолог продолжает работать над книгой «Хозяйство и общество», первые части которой были отпечатаны осенью 1919 г., а весь текст — в 1922 г. В университете он читает студентам лекции, посвященные социологическому учению о категориях, а также курс «История хозяйства» (напечатан в 1924 г. в виде отдельной работы). Их (лекций) содержание было опубликовано в качестве вводной части в книге «Хозяйство и общество». В июне 1920 г. Вебер умирает.

Круг научных интересов Вебера был необыкновенно широким. Это античная, средневековая и новая история; история хозяйства, права, религии

и даже искусства; природа и история капитализма; капиталистическая ур низация и история города; социология религии; хозяйственная этика; ме дология социального познания; общие проблемы социологии, ее попил ния; теория социального действия и учение об идеальных типах. В учебнике! будет представлена лишь социологическая часть творчества Вебера.

Осмыслить ее не так просто, ведь немецкий ученый не настаивал па необходимости институционализации социологии так, как это делали некоторые его коллеги (Тёпнис, Зиммель). Отсюда — позиция части «веберо-ведов», считающих, что творчество ученого нужно рассматривать только как цельное и целостное, видеть многослойность его мышления и следовать ей, не выделяя специально в качестве предмета изучения исключительно социологические взгляды. Нам представляется более предпочтительной иная позиция, которая позволяет вычленять отдельные стороны (социологическую, правовую, историческую, экономическую и др.) действительно многослойного творчества Вебера в качестве предмета самостоятельного изучения. Поэтому перейдем к анализу конкретных аспектов социологического учения выдающегося немецкого ученого.

Возникает вопрос: с чего Вебер начал и как он пришел к необходимости работать в области социологии? Находясь под влиянием И. Канта, его последователей — неокантианцев Г. Риккрта (непосредственного учителя Вебера) и В. Випдельбанда, с одной стороны, и К. Маркса — с другой, он начал с изучения экономической истории (о чем свидетельствует его диссертация). Исследуя проблемы взаимоотношения экономики с другими сферами человеческой деятельности — политикой, правом, религией и т.д., Всбер пришел к выводу о необходимости специально заняться социологией, в основном социологией экономического поведения людей. Причем его интересовала деятельность небольших групп людей, а индивидов, именно их экономическое поведение и его мотивация. Это поведение он и считал социальным действием. Так родилась идея необходимости создания одной из наиболее фундаментальных концепций социологической науки за все время ее существования — теории социального действия как инструмента для объяснения поведения различных типов людей.

§ 2. Теория социального действия

Анализируемая теория представляет собой «ядро» социологии М. Вебера. По его мнению, социология должна рассматривать в качестве исходного пункта своих исследований поведение индивида или группы индивидов. Отдельный индивид и его поведение является как бы «клеточкой» социологии, ее «атомом», тем простейшим единством, которое само уже не подлежит дальнейшему разложению и расщеплению.

Вебер четко связывает предмет этой науки с изучением социального действия: «Социология... есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять соци-

альтое действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие» [Вебер. 1990. С. 602]. Далее, правда, ученый утверждает, что «социология занимается отнюдь не одним "социальным действием", но оно является собой (во всяком случае, для той социологии, которой мы здесь занимаемся) ее центральную проблему, конститутивную для нее как для науки» [Там же. С. 627].

Понятие «социальное действие» в трактовке Вебера производно от действия вообще, под которым понимается такое человеческое поведение, в процессе которого действующий индивид связывает с ним или, точнее, вкладывает в него субъективный смысл. Стало быть, действие — это осмысление человеком его собственного поведения.

Вслед за этим суждением сразу же следует разъяснение того, что такое социальное действие: «"Социальным" мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [Там же. С. 603]. Значит, социальное действие не просто «самоориентировано», оно ориентировано прежде всего на других. Ориентацию на других Вебер называет «ожиданием», без которого действие не может считаться социальным. Здесь важно уточнить, кого следует относить к «другим». Конечно, это индивиды, но не только. Под «другими» понимаются «социально общие» структуры, такие как государство, право, организации, союзы и т.д., т.е. те, на кого может и реально ориентируется индивид в своих действиях, рассчитывая на их определенную реакцию по отношению к ним.

Всякое ли действие является социальным? Нет, утверждает Вебер и приводит ряд конкретных ситуаций, убеждающих читателя в справедливости его три нательного ответа. Например, не является социальным действием молитва (поскольку она не рассчитана на ее восприятие другим человеком и его ответное действие). Если на улице идет дождь, приводит еще один пример «несоциального» действия Вебер, и люди одновременно раскрывают зонты, то это вовсе не означает, что индивиды ориентируют свои поступки на действия других людей, просто их поведение в равной мере вызвано потребностью спрятаться от дождя. Значит, нельзя считать социальным действие, если оно определяется ориентацией на какое-либо природное явление. Вебер не считает социальным и чисто подражательное действие, совершаемое индивидом в толпе как ее «атомом». Еще один образец «несоциального» действия, который он приводит, касается действия, ориентированного на ожидание определенного «поведения» со стороны не других индивидов, а вещественных предметов (явлений природы, машин и др.).

Поэтому, следовательно, что социальное действие включает в себя два момента: а) субъективную мотивацию индивида (индивидов, группы людей); б) ориентацию на других (другого), которую Вебер называет «ожиданием» и без чего действие не может рассматриваться как социальное. Его основным субъектом является индивид. Коллективы (группы) социология может рассматривать только как производные от составляющих их индиви-

дов. Они (коллективы, группы) представляют собой не самостоятельные реальности, а, скорее, способы организации действий отдельных индивидов. J

Социальное действие у Вебера выступает в четырех типах: целерациональ-но, ценностно-рациональном, аффективном, традиционном. Целерациональное действие — это действие, в основе которого «лежит ожидание определенно-го поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого \ ожидания в качестве "условий" или "средств" для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели» [Вебер. 1990. С. 628]. Рациональное по отношению к цели, целерациональное действие — это действия: инженера, который строит мост; спекулянта, который стремится заработать деньги; генерала, который хочет одержать военную победу. Во всех этих случаях целерациональное поведение определяется тем, что его субъект ставит перед собой ясную цель и применяет соответствующие средства для ее достижения.

Ценностно-рациональное действие основано «на вере в безусловную — эстетическую, религиозную или любую другую — самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» [Там же. С. 628]. Рациональный по отношению к ценности, ценностно-рациональный поступок совершил, например, капитан, который утонул, отказавшись покинуть свое судно при крушении, или немецкий социалист Ф. Лассаль, убитый на дуэли. Оба этих поступка оказались ценностно-рациональными не потому, что были направлены на достижение определенной, внешне фиксированной цели, а вследствие того, что покинуть трагический корабль или не принять вызова на дуэль было бесчестием (ценностью здесь выступает честь). Субъект поступает рационально, идя на риск не ради достижения внешне фиксированного результата, а из верности собственному предвзвешиванию о чести.

Аффективное действие — это действие, обусловленное аффектами или эмоциональным состоянием индивида. Как считает Вебер, аффективное действие «находится на границе и часто за пределом того, что "осмысленно", оно сознательно ориентировано; оно может быть не знающим препятствий реакцией на совершенно необычное раздражение» [Там же. С. 628]. Действие, поведение, поступок, которые Вебер называет аффективными, обусловлены исключительно душевным состоянием или настроением индивида. Мать может ударить ребенка, потому что тот невыносимо себя ведет. В этом случае поступок определяется не целью или системой ценностей, а эмоциональной реакцией субъекта в определенных обстоятельствах.

;

И наконец, традиционное действие — это действие, основанное на длительной привычке. Вебер пишет: «Большая часть привычного повседневного поведения людей близка данному типу, занимающему определенное место в систематизации поведения...» [Там же. С. 628]. Традиционное поведение диктуется обычаями, верованиями, привычками, ставшими второй натурой. Субъект действия поступает

по традиции, ему нет нужды ни ставить перед собой цель, ни определять ценности, ни испытывать эмоциональное возбуждение, он просто подчиняется укоренившимся в нем за долгую практику рефлексам.

Рассматривая веберовские четыре типа действия, необходимо отметить, что последние два из них не являются в строгом смысле слова социальными, поскольку мы не имеем здесь дела с осознанным смыслом аффективного и традиционного поведения. Вебер говорит, что они находятся «на самой границе, а часто даже за пределом того, что может быть названо "осмысленно" ориентированным действием».

Приведенная классификация типов социального действия оказалась «сквозной» для всего творчества Вебера. Ее можно рассматривать применительно к анализу современности, а можно использовать для трактовки исторического процесса. Основным направлением последнего является рационализация социального действия. Вебер доказывает, что роль первого типа — целерационального действия — непрерывно усиливается. Это проявляется в рациональной организации хозяйства, управления, образа жизни в целом. Возрастает социальная роль науки, представляющей наиболее чистое воплощение принципа рациональности. Все прежние, докапиталистические, типы обществ Вебер считает традиционными, поскольку в них отсутствует формально-рациональное начало. Его наличие связано с веберовским пониманием капитализма, с тем, что поддается точному и строгому учету и исчерпывается количественной характеристикой.

Вместе с тем Вебер понимает, что его классификация типов поведения в определенной степени ограничена и не исчерпывает всех вариантов и видов действия. В этой связи он пишет: «Действие, особенно социальное, очень редко ориентировано только на тот или иной тип рациональности, и самая эта классификация, конечно, не исчерпывает типы ориентации действия; они являют собой созданные для социологического исследования понятийно чистые типы, к которым в большей или меньшей степени приближается реальное поведение или — что встречается значительно чаще — из которых оно состоит» [Там же. С. 630].

Степень распространенности каждого из названных выше типов социального действия в эмпирической реальности ясна не в полной мере. Понятно, что целерациональный тип не является преобладающим, равно как и то, что традиционный встречается повсеместно и постоянно. Однако выявление соотношения, пропорций всех четырех типов между собой в конкретном обществе — задача социологического исследования. «Для нас доказательством их целесообразности, — как считает Вебер, — может служить только результат исследования» [Там же. С. 630].

§ 3. Понимающая социология М. Вебера

Свою социологию М. Вебер, а за ним его последователи и исследователи, определяет как понимающую. Почему? Идея немецкого социолога состоит в следующем. Объясняя явления природы, люди прибегают к суждениям,

4

подтвержденным человеческим опытом, чтобы иметь ощущение тою, что они их понимают. Здесь понимание достигается через определение понятий и установление связей между ними, так сказать, «опосредованным» путем. Тем более, что сами эти явления природы, как таковые, смысла не имеют.

Другое дело — человеческое поведение. Здесь понимание оказывается непосредственным: профессор понимает поведение студентов, слушающих его лекции; пассажир поЕшмает, почему шофер такси не едет па красный свет. Человеческое поведение, в отличие от «поведения» природы, представляет собой внешне проявленную осмысленность, связанную с тем фактом, что люди наделены разумом. Социальное поведение (социальное действие) содержит осмысленное построение, которое социологическая наука в состоянии понять и исследовать.

Принцип понимания оказывается критерием, с помощью которого сфера, важная для социолога (имеющая, для него существенное значение, релевантная), отделяется от той, что не может быть предметом его исследования. Поведение индивида социолог понимает, а «поведение» клетки — нет. В равной степени, по Веберу, социолог не понимает «действия» парода или народного хозяйства, хотя вполне может понять действия составляющих парод индивидов. Другими словами, возможности социологического понимания ограничиваются действиями и поведением индивидов.

Речь идет о том, что специфическим объектом понимающей социологии Вебер провозглашает не внутреннее состояние или внешнее отношение человека как таковое, взятое само по себе, а его действие. Действие же — это всегда понятное (либо понимаемое) отношение к тем или иным объектам, отношение, которое характеризуется тем, что оно предполагает наличие определенного субъективного смысла.

Раскрывая главные особенности понимающей социологии, Вебер останавливается па трех из них, характеризующих наличие объясняемого поведения человека и придаваемого ему смысла. В этой связи он пишет: «Специфически важным для понимающей социологии является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотносено с поведением других людей, во-вторых, определено также этим его осмысленным поведением и, в-третьих, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно объяснено» (1990. С. 497).

Понимание в чистом виде имеет место там, где есть целерациональное действие. Но здесь возникает вопрос: что именно мы понимаем в случае этого действия — смысл действия или самого действующего индивида? Допустим, мы видим человека, который рубит в лесу дрова. Мы можем сделать вывод, что он делает это либо для заработка, либо для того, чтобы заготовить себе топливо па зиму, либо чтобы помочь кому-то, либо отдыхая от других дел и т.д. [Там же. С. 608]. Рассуждая таким образом, мы стремимся понять смысл действия, а не самого лесоруба. Если индивид сам ясно осознает поставленную им цель и только стремится скрыть это от дру-

гих, го это нетрудно понять: такую ситуацию вполне можно подвести под схему целерациопального действия. Но если речь идет о таком поведении, когда индивид не отдает себе отчета в том, что он делает, тогда возникает вопрос: имеет ли социолог достаточные основания утверждать, что он понимает действующего индивида лучше, чем тот понимает сам себя?

В целерациопальном действии для Вебера смысл действия и самого действующего совпадает: понять смысл действия — это и значит в данном случае понять действующего индивида, а понять его — значит понять смысл его поступка. Такое совпадение Вебер считал идеальным случаем, от которого должна отправляться социология как паука.

В понимающей социологии Вебера важное место занимает проблема ценности и оценки. В этом вопросе на него оказали значительное влияние неокантианцы, в первую очередь Г. Риккерт. Вебер разграничивает два акта — отнесение к ценности и оценку. Оценка имеет субъективную природу, тогда как ценность превращает наше индивидуальное мнение в объективнос оценочное суждение. Наука, по Веберу, должна быть свободна от оценочных суждений. Но значит ли это, что социолог (или иной ученый) должен вообще отказаться от собственных оценок и суждений? Нет, не значит, но они не должны «вторгаться» в его собственный научный анализ, а высказывать их он может лишь как частное лицо (но не как ученый).

Отсюда у Вебера родилось понятие ценности как интереса эпохи. Что такое интерес эпохи и установка эпохи как ценность? Это нечто более устойчивое и объективное, чем частный интерес того или иного социолога. Это некий «абсолют» времени. Каждое время рождает свои ценности, свои «абсолюты». В этом смысле они историчны, изменчивы и относительны.

Разграничивая оценочное (ценностное) суждение и отнесение к ценности, Вебер имел в виду, что первое — это субъективное утверждение морального или жизненного порядка, тогда как второе — содержание объективной пауки. В этом разграничении можно увидеть разницу между политической и научной деятельностью и одновременно — общность интересов политика и ученого. На индивидуально-личностном уровне, в рамках собственной жизненной судьбы Вебер хотел быть ученым, но в то же время он стремился и к политической деятельности.

Поскольку узловой категорией понимающей социологии является понимание, представляет интерес его веберовская трактовка. В ней выделяется непосредственное понимание и объясняющее понимание. Первое означает рациональное непосредственное понимание мыслей и предполагаемого смысла действия. Мы непосредственно понимаем действие дровосса, рубящего лес, или охотника, прицеливающегося, чтобы выстрелить в зверя. Объясняющее понимание означает выявление мотивационного смысла действий. Мы понимаем действия того, кто рубит дрова или прицеливается перед выстрелом, не только непосредственно, но и мотивационно, объясняя, для чего человек делает это, а не то, делает так, а не иначе и т.д.

Трактуемое таким образом понимание, считает Вебер, означает интерпретирующее постижение: а) реально предполагаемого в отдельных случаях (если речь идет об историческом анализе событий); б) предполагаемого, взятого в среднем и приближенном значении (если речь идет о социологическом рассмотрении массовых явлений); в) смысла или смысловой связи в научно конструируемом чистом типе какого-либо часто повторяющегося явления. Далее Вебер указывает: «Подобными идеально-типическими конструкциями служат, например, разработанные чисто теоретическим экономическим учением понятия и "законы". Они показывают, каким было бы определенное человеческое поведение, если бы оно носило строго целерациональный характер, было бы свободно от заблуждений и аффектов и если бы оно ориентировалось на совершенно однозначную цель (экономику). Реальное поведение чрезвычайно редко (например, в ряде случаев на бирже), и то только приближенно, соответствует конструкции идеального типа» [1990. С. 609].

§ 4. Учение об идеальных типах

Как видно, понимание в социологии М. Вебера тесно связано с категорией идеального типа, выступающей в качестве базовой для всей системы научных понятий, которыми оперирует ученый. Идеальный тип — это проявление своеобразного «интереса эпохи», мыслительная конструкция, своеобразная теоретическая схема, которая, строго говоря, не извлекается из эмпирической реальности. Поэтому не случайно Вебер называет идеальный тип утопией. Он указывает: «По своему содержанию данная конструкция носит характер утопии, полученной посредством мысленного усиления определенных элементов действительности» [1990. С. 389].

Идеальный тип не встречается в самой повседневной действительности (например, капитализм, город, христианство, экономический человек и т.д.). Он создается ученым как инструмент для познания исторической реальности и современного мира. Для Вебера образование абстрактных идеальных типов выступает не как цель, а как средство научного познания и понимания. В этом отношении значительный интерес представляет следующее рассуждение немецкого социолога: «В исследовании идеально-типическое понятие — средство для вынесения правильного суждения о каузальном сведении элементов действительности. Идеальный тип — не "гипотеза", он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез. Не дает он и изображения действительности, но представляет для этого однозначные средства выражения» [Там же. С. 389].

Идеально-типические конструкции имеют особое значение для эмпирической науки, и это обстоятельство Вебер подчеркивает специально. Он указывает на необходимость отказаться от претензии идеального типа на выполнение функции долженствования, точно также как от этого отказывается эмпиричес-

кая социология. «Эмпирическая наука никого не может научить тому, что он должен делать, она указывает только на то, что он может, а при известных обстоятельствах на то, что он хочет совершить» [Там же. С. 350]. Аналогичен подход социолога к идеальному типу в вопросе о его значении для эмпирической социологии, который он поднимает в связи с трактовкой понятия капиталистической культуры. «Прежде всего следует подчеркнуть, — пишет он, — что надо полностью отказаться от мысли, будто эти "идеальные" в чисто логическом смысле мысленные образования, которыми мы здесь занимаемся, в какой бы то ни было мере носят характер долженствования, "образца". Речь идет о конструировании связей, которые представляются нашей фантазии достаточно мотивированными, следовательно, "объективно возможными"…» [Там же. С. 391].

Из сказанного выше становится понятной одна из причин того, почему идеальный тип нужно отличать от оценочных суждений. «"Идеальный тип" в нашем понимании... есть нечто, в отличие от оценивающего суждения, совершенно индифферентное и не имеющее ничего общего с каким-либо иным, не чисто логическим "совершенством"» [Там же. С. 399].

Конечно, Вебер понимал, что идеальный тип является определенным упрощением и идеализацией социальных явлений и процессов. Но он шел на это совершенно сознательно. Более того, он считал, что чем более абстрактным и нереалистичным является идеальный тип, тем лучше он способен выполнить свои методологические функции, тем полезнее использовать его в качестве средства классификации конкретных явлений и процессов как в историческом разрезе, так и в особенности в изучении актуального общества: «Идеальный тип определенного общественного состояния, сконструированный посредством абстрагирования ряда характерных социальных явлений эпохи, может — и это действительно часто случается — представляться современникам практическим идеалом, к которому надлежит стремиться, или, во всяком случае, максимой, регулирующей определенные социальные связи» [Там же. С. 395].

Вебер на нескольких примерах и рассуждениях стремится показать, как образуются, создаются и оказываются взаимосвязанными идеальные типы. Один из таких примеров соединяет три идеальных типа: «ремесло», «капиталистическое хозяйство», «капиталистическая культура». Вначале создается в виде утопии «идея ремесла» за счет соединения определенных черт, диффузно встречающихся у ремесленников самых различных эпох и народов и доведенных до их полного логического предела в едином идеальном образе. «Далее, — рассуждает Вебер, — идеальному типу "ремесла" можно, абстрагируя определенные черты современной крупной промышленности, противопоставить в качестве антитезиса идеальный тип капиталистического хозяйства и вслед за тем попытаться нарисовать утопию "капиталистической" культуры, т.е. культуры, где господствуют только интересы реализации частных капиталов. В ней должны быть объединены отдельные, диффузно наличные черты материальной и духовной жизни в рамках современной культуры, доведенные в своем своеобразии до лишнего для наше-

го рассмотрения противоречий идеального образа. Это и было бы попыткой создать "идею" капиталистической культуры...» [1990. С. 390—391]. В ней отражены, продолжает свои рассуждения Вэбер, известные, значимые в своей специфике черты культуры капитализма, взятые из действительности и объединенные в идеальном образе.

Одна из главных и противоречивых проблем веберовской социологии состоит в ответе на вопрос: как конструируется идеальный тип — из сознания или из эмпирической реальности? С одной стороны, ученый говорит, что идеальный тип — это утопия, паша фантазия (в том смысле, что его нет в конкретном, индивидуальном виде; кто, например, видел капитализм в «натуральную величину»?); с другой — идеальные типы берутся из самой действительности за счет выделения, усиления таких сторон, которые кажутся исследователю типическими. Например, К. Маркс, характеризуя капитализм, выделял в качестве его основных черт наличие эксплуатации, частной собственности на средства производства и др.

4i

Чтобы разрешить противоречие, касающееся происхождения идеальных типов (из сознания или из реальности), ученый вводит их разграничение на исторический и социологический. Первый имеет дело с живой историей, из которой и выводятся «идеально-типические» понятия, второй — социологический идеальный тип — означает выведение понятий в качестве теоретических конструкций непосредственно из мышления ученого.

i

Социологические идеальные типы Вебер называл чистыми социальными типами. Они имеют более общий, чем исторические типы, характер, служат инструментом социологического исследования. Чистые типы пригодны в исследовании тем больше, чем они «чище», т.е. чем дальше отстоят от действительных, эмпирически существующих явлений. Один из самых фундаментальных примеров, даже образцов чистого идеального типа — целенаправленное действие. Как идеальный тип, оно в чистом виде редко встречается в действительности. Но это не эмпирически всеобщее явление.

Иное дело — исторические, или генетические, идеальные типы. Вот лишь некоторые из них, рассматриваемые Вебером: средневековый город (но не город вообще, поскольку это — социологический идеальный тип), культура капитализма, ремесло, христианство, кальвинизм и др. Исторические идеальные типы образованы благодаря подчеркиванию, выделению одной из сторон эмпирически данных фактов. Эти идеальные типы служат средством раскрытия генетической связи исторических явлений.

Как видно, генетические идеальные типы отличаются от социологических (чистых) не только по природе, характеру происхождения, но и по степени общности. Генетический тип применяется локально во времени и пространстве, тогда как социологический имеет универсальную, а не локальную применимость; первый служит средством выявления связей, которые имели место разово или несколько раз, тогда как второй используется для выявления связей, существующих всегда.

b

Таким образом, можно сказать, что противоречия, возникшие у Вебера в связи с образованием идеально-типических понятий, связаны с различными функциями и различным происхождением идеальных типов в истории и социологии. В социологии идеальный тип выполняет функцию обнаружения типического, закономерного в явлениях и процессах.

§ 5. Учение о типах господства

М. Вебер внес большой вклад в развитие социологии управления и социологии власти и сделал это прежде всего благодаря разработке учения о содержании и типах господства. Под господством он понимал взаимное ожидание: тех, кто приказывает, — того, что их приказы будут выполняться, а им будут повиноваться; тех, кто повинует, — того, что приказы будут иметь характер, соответствующий их ожиданиям. Отсюда все рассуждения ученого о господстве — это рассуждения о легитимном господстве, т.е. таком, которое признается управляемыми индивидами.

Вебер говорит о трех типах легитимного господства, выделяемых в соответствии с тремя основными мотивами повиновения. Первый мотив — интересы повинующихся, т.е. их целсрациональные соображения. Это основа называемого Вебером «легального» типа господства, которое можно встретить в развитых буржуазных государствах — Англии, Франции, США и др. В них подчиняются не личности (скажем, президента и других должностных лиц), а законам, притом подчиняются все — управляемые и управляющие (чиновники). Здесь господствует «формально-правовое» начало.

Самым чистым типом легального господства является бюрократия. Вебер первым в научной литературе разработал это понятие. Он рассматривал бюрократическое управление как господство посредством знания, в чем и заключался его (управления) специфически рациональный характер. При этом он идеализировал бюрократию, считая ее машиной, не подверженной коррупции, дешевой и не имеющей каких-либо особых интересов. Он писал о ней: «Никакая машинерия мира не может работать с такой четкостью, как эта человеческая машина, и к тому же стоить так дешево!»

Бюрократическое господство у социолога означало власть чиновников, причем повсюду: в хозяйственной жизни, политических движениях, но главное — в управлении обществом. Поскольку бюрократия рассматривалась им как аппарат легитимной власти, к ее (бюрократии) деятельности предъявлялись определенные требования. Это были своего рода заповеди бюрократии. Вот некоторые из них. Должностные лица являются лично свободными людьми и выполняют лишь определенные функции. Они отбираются на основе профессиональных качеств. Они назначаются, а не избираются. Чиновники вознаграждаются фиксированной зарплатой в деньгах и получают право на пенсию. Чиновник не имеет никакой соб-

ственности на средства администрации и работает без пожизненного прию своення своей позиции. Он подчиняется строгой дисциплине и контрол) за поведением на службе. Предусматривается система профессионалы»: го продвижения чиновника по службе (карьера). Как видно, многие аспекты деятельности бюрократии как разновидности легального типа господства Вебером были детально расписаны и регламентированы.

|

Второй тип (легитимной) господства основан на иной мотивации повино-1 вепия — вере не только в законность, но даже в священность издавна существующих порядков и властей. Он базируется на повседневных нравах, привычках к определенному поведению. Этот тип Вебер называет традиционным господством. Самый чистый тип такого господства (идеальный тип по Вебе-ру) — патриархальный («господин» — «подданные» — «слуги»). Патриархальный тип во многом сходен со структурой отношений господства — подчинения в семье. Сходство традиционного тина господства и отношений в семье определяется также личной верностью и преданностью. Дело в том, что при традиционном типе господства в любой сфере деятельности при назначении на должность характер отношений всегда сугубо личный.

i
4 |

Третий тип господства имеет аффективную основу мотивации, он получил у Вебера название харизматического. Понятие харизмы у немецкого социолога очень широкое. Он писал: «"Харизмой" следует называть качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, недоступными другим людям. Она рассматривается как посланная богом или как образец» [1988. С. 139]. Таким образом, означая в переводе с древнегреческого «божий дар», харизма представляет собой особую способность, выделяющую индивида среди остальных, причем не просто личную способность, а то, что как бы даровано от бога, дано судьбой. Харизматические качества — это во многом магические качества, к числу которых можно отнести пророческий дар, выдающуюся силу слова и мысли.

Харизмой обладают герои, полководцы, пророки, маги, выдающиеся политики и государственные деятели, основатели мировых религий (Будда, Иисус, Магомет). Харизма, по Веберу, это великая революционная сила, на которой держится господство и управление. Он исследует харизму безотносительно того содержания, которое за ней стоит. Пооюму харизматиками являются и Перикл, и Александр Македонский, и Цезарь, и Чингисхан, и Наполеон. Такое методологически аморфное рассмотре- ние тина господства, когда форма довлеет над содержанием, приводит и к политической противоречивости позиции Вебера.

Немецкий социолог видит общее и различное между харизматическим и традиционным типами легитимного господства. Общее состоит в том, что и тот, и другой опираются на личные отношения между господином и подчиненными. В этом плане оба типа противостоят первому —

формально-рациональному, где царят безличные отношения. Различия между двумя названными типами господства заключаются в том, что, если традиционный тип основан на привычке, привязанности к раз и навсегда заведенному, то харизматический опирается на нечто необычайное, никогда ранее не признававшееся. При харизматическом господстве нет установленных (рационально или по традиции) правил, решения по всем вопросам выносятся на основании личного примера, творчества, деяния, от случая к случаю. В этом смысле харизматический тип легитимного господства авторитарен, он базируется на силе харизматика.

Три типа господства приблизительно соответствуют трем из четырех типов социального действия. Легальный тип господства соотносится с целерациональным действием, традиционный — с традиционным действием, харизматический — с аффективным действием. Случайно ли это? Вероятно, нет, поскольку в основе и типов господства, и типов действия лежит мотивация. Что касается ценностно-рационального действия, то это понятие иногда фигурирует как одно из оснований легитимности (например, честь), но не присутствует в типологии видов господства, поскольку не является абстрактным типом.

Итак, существуют достаточные основания говорить о корреляции двух основных классификаций Вебера — идеальных типов и типов господства. Последние по существу также являются идеальными типами, но не столь универсальными, сколь исторические (генетические) и — особенно — социологические. Типы господства реализуются лишь в сфере политической власти, управления и поэтому не могут быть столь же широкими и универсальными, как те идеальные типы, о которых шел разговор чуть выше.

§ 6. Принцип рациональности и теория капитализма М. Вебера

Как известно, М. Вебер расположил четыре описанных им типа социального действия в порядке возрастания рациональности — от чисто традиционного к целерациональному [Вебер. 1990. С. 628—629]. Сделал он это, конечно, не случайно. Социолог был убежден, что рационализация социального действия — это тенденция самого исторического процесса. Что она означает? Прежде всего то, что рационализируются способ ведения хозяйства, управление во всех областях жизни, образ мышления людей.

В результате действия тенденции рационализации в Европе впервые возник новый тип общества, который современные социологи определили как индустриальный. Главный его признак, по Веберу, — господство формально-рационального начала, т.е. того, чего не было во всех предшествовавших капитализму традиционных обществах. Стало быть, основной критерий, позволяющий отличать докапиталистические типы общества от капиталистического, согласно Веберу, состоит в отсутствии формально-

рационального начала. Формальная рациональность — это рациональность как самоцель, взятая сама по себе, рациональность ни для чего конкретно и вместе с тем для всего в целом. Формальной рациональности противопоставляется «материальная» рациональность как рациональность для чего-либо, для каких-то целей, лежащих за пределами экономики.

Как считает Вебер, в направлении формальной рационализации движется весь исторический процесс. Понятие формальной рациональности — это идеальный тип, и в эмпирической реальности в чистом виде встречается крайне редко. Формальная рациональность соответствует преобладанию целерационального типа действия над другими. Она присуща не только организации хозяйства, управления, образа жизни в целом, но и характеризует поведение индивида, социальной группы. Таким образом, формально-рациональное начало становится основным принципом капиталистической организации общественной жизни. Учение о формальной организации — это, по существу, веберовская теория капитализма. Она тесно связана с теорией социального действия и учением о типах господства.

4

Эпоха поставила перед ученым центральный вопрос о том, что такое современное капиталистическое общество, каково его происхождение и в чем состоят пути развития, какова судьба индивида в этом обществе. На поставленный вопрос он ответил характеристикой типа целерационального действия. Наиболее чистым его образцом и конкретным проявлением он считал поведение индивида в экономической сфере. И примеры целерационального действия он приводит, как правило, из этой сферы. Это или обмен товаров, или биржевая игра, или конкуренция на рынке и т.д.

4

4

Главное в капитализме для Вебера — это способ, тип ведения хозяйства. «Капиталистическим, — пишет он, — мы здесь будем называть такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, т.е. мирного (формально) приобретения» [1990. С. 48]. Поскольку такое ведение хозяйства имело место, по Веберу, в древности и в Вавилоне, и в Индии, и в Китае, и в Риме, можно говорить о первом этапе (типе) развития капитализма. Однако возникший на Западе в XVI в. капитализм оказался иной организацией общественной жизни, поскольку появились новые формы, типы и направления его развития. Они оказались связанными с торговлей, деятельностью капиталистических авантюристов, денежными операциями и т.д. Это был второй этап (тип) капитализма. И третий, современный Веберу этап (тип) его развития характеризуется тем, чем никогда ранее не мог быть отмечен, рациональной капиталистической организацией свободного (формально) труда [Там же. С. 50—51].

Современная рациональная организация капиталистического предприятия ориентирована на товарный рынок. Она, по мнению Вебера, «немыслима без двух важных компонентов: без господствующего в современной экономике отделения предприятия от домашнего хозяйства и без тесно связанной с этим рациональной бухгалтерской отчетности» [Там же. С. 51].

Не случайно формально-рациональное начало, по Веберу, — это то, что поддается количественному учету и без остатка исчерпывается количественной характеристикой. Но точная калькуляция, по мнению немецкого социолога, возможна лишь при использовании свободного труда. Поэтому понятно, почему Вебер в качестве одной из основных характеристик капитализма рассматривает рациональную организацию именно свободного труда.

Говоря о веберовской теории капитализма, следует отметить, что она включает в себя в качестве важнейшей составляющей рассмотрение немецким ученым социальной структуры общества вообще, капиталистического — в особенности и в первую очередь. Нужно сказать, что в социологии существует много концепций и теорий, объясняющих природу, причины возникновения, характер и другие аспекты социальной структуры. Но только две из них (Маркса и Вебера) дали начало основным подходам (парадигмам), которые условно можно назвать классовым и стратификационным. Условно потому, что Маркс не отвергал существования в социальной структуре общества определенных слоев, тем более Вебер не отрицал наличия классов. Однако главными элементами социальной структуры для Маркса выступали классы, и вся его концепция общества базировалась на признании их в качестве основы этой структуры. Для Вебера же, наряду с наличием классов в их Маркс-совом понимании, определяющую роль играли статусные, престижные, властные (наличие или отсутствие власти), материальные (связанные с получаемым доходом) и иные различия между слоями общества.

Вебер характеризовал классовые проблемы как чрезвычайно важные для разработки теории социальной структуры, однако марксовое деление общества на классы считал узким, экономическим, не отражающим сложности и глубины реальной социальной дифференциации. Принимая концепцию Маркса об экономических факторах как наиболее важных в образовании и существовании классов, он полагал, что последние нельзя рассматривать только в зависимости от отношений собственности на средства производства.

Источники экономических различий в социальной структуре включают в себя, по Веберу, профессиональное мастерство, квалификацию, знания, навыки, которые ценятся весьма высоко и оказывают существенное влияние на место и положение человека (группы) в обществе. А это означает, что подлинными профессионалами своего дела могут получать большие доходы, даже не обладая собственностью на средства производства (скажем, юристы, менеджеры, врачи), вследствие чего они попадают в группы с высоким статусом.

Таким образом, согласно Веберу, профессиональные знания, умения, навыки, наличие диплома, ученой степени определяют уже не столько классовые, сколько слоевые различия, или различия между стратами (от

лат. *stratum* — слой, пласт; термин, который ранее использовался в геологии и географии для описания структуры земной коры, а затем получил применение и в социологии для характеристики структуры общества; отсюда название подхода — стратификационный). Они имеют в значитель-

ной мере статусный характер. Сам статус определяется через различия между индивидами и социальными группами по социальному престижу, которым они обладают относительно друг друга.

Из приведенных выше положений вытекают сравнения между классовыми и статусными различиями. Если первые даны объективно, то вторые зависят от субъективных оценок людьми социальных различий. Если классы берут начало в экономических факторах, связанных с собственностью и доходами, то статусы зависят от различных образов жизни, которые ведут те или иные индивиды либо их группы¹.

Концепция социальной структуры Вебера была тесно взаимосвязана с его теорией социального действия. В соответствии с ней развитие общества есть процесс рационализации действий индивидов, усиления целерационального типа поведения, одним из основных компонентов которого является достижение профессионального мастерства и соответствующего статуса. Немецкий социолог делает вывод о быстром росте слоя людей, не имеющих собственности, но обладающих высоким профессионализмом, позволяющим им получать большой доход. Этот слой и создает основу «среднего класса».

Отсюда — неприятие Вебером идеи Маркса об усилении поляризации классов в условиях капитализма. Наоборот, по его мнению, увеличение удельного веса целерационального типа действия ведет не к размежеванию классов и групп, а к их сотрудничеству. Впоследствии этот аргумент нашел очень сильное практическое подтверждение в жизни развитых капиталистических стран. Появившийся в них мощный средний класс включает в себя и собственников средств производства, и людей, не обладающих ими, но получающих значительный доход в силу собственной профессиональной компетентности и успешной ее реализации в производственной или иной деятельности.

Практическое доказательство справедливости и истинности идей Вебера привело к тому, что его концепция социальной структуры оказала очень большое воздействие на развитие социологии. С определенными модификациями идеи этой концепции используются и сегодня.

Не следует думать, что Вебер идеализировал капиталистическое общество. Он осознавал его многомерность, сложность и противоречивость, особенно классовых и групповых отношений. Вебер анализировал социальные группы, в первую очередь по признакам их престижа, власти и статуса, и описывал конфликты между ними. Он видел усиление чиновничества и бюрократического аппарата и предсказывал установление их диктатуры, полемизируя в то же время с положением Маркса о перспективах диктатуры пролетариата.

¹ Подробнее о стратификационном подходе Вебера, трактовке им классовых и статусных различий см. • Вебер М. Основные понятия стратификации // Социол. исслед. 1994. №5 С 147-156.

§ 7. Социология религии

Капиталистическое общество, отношения в нем и хозяйственная деятельность рассматриваются Вебером в тесной связи с религией. Если для подавляющего большинства предшественников и современников немецкого ученого анализ религии принимал самодовлеющий и самодостаточный характер, то в его творчестве социологическая наука впервые столкнулась с выявлением тесной связи между религией и общественной, прежде всего экономической организацией жизни людей. Веберовский социологический анализ религии требует специального изучения в силу его необычности, оригинальности, глубокого влияния на последующее развитие социальной мысли, а главное — вследствие сохранения его актуальности и по сей день.

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1904) Вебер впервые устанавливает связь между религией и экономикой. Он показывает, как воздействуют религиозно-этические установки на характер и способ осуществления экономической деятельности, на ее мотивацию и как те или иные типы ведения хозяйства изменяют религиозно-этические принципы. Он стремится доказать, что именно религиозные убеждения, религиозная этика оказались основными стимулами развития капиталистической экономики и обеспечили формирование таких черт личности как трудолюбие, бережливость, расчетливость, честность, активность. Не случайно сегодня западная социология обнаруживает большой интерес именно к этой стороне творчества Вебера. В развитых капиталистических странах многие считают, что дух капитализма и религиозной этики утрачивает свой стимулирующий потенциал, и обращаются к наследию ученого в поисках рецептов реанимации этого духа.

Действительно, в социологии религии Вебера четко выражена соотнесенность духа капитализма и духа протестантизма. Одна из основных заповедей последнего состоит в том, что в этом греховном мире верующий должен трудиться во благо дела Божьего. Этика труда протестантизма и потребности развития капиталистического общества совпадали по существу. Моральная и религиозная ответственность становились весьма близкими. Обнаружение и анализ связи между ними является характерным для всей социологии религии Вебера.

Немецкий социолог противопоставляет протестантизм в качестве антитрадиционной религии католицизму как традиционной форме религиозности. Различие здесь в том, что протестантизм возлагает на индивида общение с Богом без посредников и без магического элемента. Человек здесь самостоятелен и должен лишь следовать основной заповеди: «Работай и молись, молись и работай!» Религия протестантизма помогает понять экономическое поведение людей и вписывается очень органично в «ткань» поведения людей в обществе в целом. И хоть религиозное восприятие мира получает у Вебера самостоятельное, самоценное и самодостаточное значение, тем не менее оно (религиозное толкование мира)

становится у него частью общей картины поведения людей в обществ»} В этом смысле рассмотрение протестантизма было своего рода моделью' социологического анализа религии, которую Вебер затем удачно использовал при изучении индуизма, иудаизма, конфуцианства, буддизма, ислама, христианства.

На протяжении всего творчества немецкого социолога идея взаимовлияния религии и экономики сохраняет свое значение, более того, усиливается от первой крупной работы в области социологии религии «Протестантская этика и дух капитализма» к последней — «Хозяйственная этика мировых религий» (1916—1919). При этом автора интересуют не только различные формы христианства (в первую очередь, конечно, протестантизм), но и, по существу, все развитые мировые религии.

Поскольку религиозно-этические принципы (в плане их реализации в хозяйственной и экономической жизни) в них были разными, важно было найти основание для сравнения. В этом качестве выступила степень рационализации экономической деятельности, допускаемая го и или иной религиозной этикой. Вебер сумел доказать (особенно убедительно он это сделал в «Хозяйственной этике мировых религий» на материалах сравнительного анализа различных религий), что степень рационализации обратно пропорциональна силе магического элемента, в разной мере присутствующего в каждой религии.

Учение о религии становится у Вебера не чем-то прикладным, дополнительным в его общей концепции понимающей социологии, а ее важнейшей составной частью, очень близкой к теории социальной действия. Именно с помощью социологии религии ученый пытался раскрыть суть этой теории, поскольку и в той и в другой предметом рассмотрения является субъективно подразумеваемый смысл, вкладываемый людьми в свои действия и поступки, и его понимание (постижение). Как же как в общей концепции Вебера интересовало прежде всего понимание поведения индивида, при исследовании религии он исходил из принципа изучения отдельного индивида и его переживаний, целей, представлений.

Он характеризует религию и религиозную этику не только в связи с экономической и хозяйственной жизнью и деятельностью, но и с нравом, искусством, философией, наукой, властью и т.д. Главное здесь для социолога — понять смысл совершаемых индивидом действий, т.е. мотивов человеческого поведения с учетом религиозного момента. При этом Вебера интересуют только те мировые религии, которые предполагаю! сравнительно высокий уровень социальной дифференциации, значительное интеллектуальное развитие людей.

С чем связан такой избирательный интерес к религиям? Несмотря на то что в религиях развитых обществ, как и в иных, неразвитых, также содержится немало обрядов и ритуалов, в них все же возрастает значение догматических и этических элементов. А это значит, что ослабевает роль

фуппового начала и усиливается значение индивидуального. Здесь Вебер на основе эмпирических наблюдений и сопоставлений дает глубокий сравнительный анализ высокоразвитых форм религиозной жизни, показывая, где и среди каких социальных и профессиональных групп доминирует ритуальное, обрядовое, культовое начало, либо интеллектуально-догматическое содержание. Так, он доказывает, что магические элементы характерны больше для земледельческих народов, для крестьянства, вера в судьбу присуща религии пародов-завоевателей и военного сословия, рационалистический характер отличает религию городских сословий и ремесленников, которые меньше зависят от внешних, природных условий и больше — от иррационального, рационально организованного трудового процесса.

Вебер характеризовал индивидуальный облик мировых религиозно-этических систем и давал их классификацию в соответствии с тем, какие социальные слои были главными носителями этих систем. Носителем конфуцианства он считал организующего мир бюрократа, носителем индуизма — упорядочивающего мир мага, носителем буддизма — странствующего по миру монаха-созерцателя, ислама — покоряющего мир воина, иудаизма — бродячего ремесленника.

Одна из центральных в религиозной этике проблем, интересовавших Вебера, — спасение. «Потребность в спасении, — пишет социолог, — сознательно культивируемая в качестве содержания религиозности, всегда и повсюду возникала как следствие попытки систематической практической рационализации реальностей жизни, хотя такое соотношение не во всех случаях было одинаково различимо» [1990. С. 338].

Вебер анализирует религиозно-этические установки в зависимости от того, какие способы спасения они предлагают. Здесь речь идет о двух вариантах: один — спасение через собственные действия (например, буддизм), другой — с помощью посредника-спасителя (иудаизм, ислам, христианство). В первом случае методами спасения являются культовые действия, церемонии, социальные акции (например, благотворительность), самоусовершенствование. Во втором — спасение осуществляется через веру (иудаизм, лютеранство), милость предопределения (ислам, кальвинизм), принадлежность к церкви (католицизм, православие). Наконец, в рамках проблемы спасения стоял еще один вопрос, рассматривавшийся Вебером, — о путях спасения. Он различал два главных: либо через активное этическое действие, либо через мистическое созерцание.

Как видно, социологический анализ религии позволил ученому рассмотреть не только ее внутренние проблемы, но и выйти на уровень широких социальных связей и взаимодействий религии с общественными институтами, явлениями и процессами, в первую очередь экономическими и хозяйственными. Именно через последние Вебер «выводил» религию на все остальные формы общественной жизни.

§ 8. Значение социологического творчества М. Вебера

Подводя итог рассмотрению социологических идей и взглядов М. Вебер следует отметить, что они, пожалуй, как никакие другие из наследия конца XIX — начала XX в., привлекают внимание современных ученых. Вебер не оставил после себя, как Э. Дюркгейм, школы, у него не было лиричных авторитетных учеников, которые развивали бы его взгляды. Но сама по себе понимающая социология, учение об идеальных типах, теория социального действия, идея связи экономики, этики и религии оказались настолько созвучными задачам общества и времени, что имя Вебера прочно вошло в социологическую науку, заняв в ней достойное место.

Его идеи оказали огромное влияние на развитие социологии в XX в. Среди них: анализ социального поведения и социального действия, их типология, учение об идеальных типах и типах господства, сравнительная характеристика различных экономических, хозяйственных, политических, религиозных, этических, культурных систем и многие другие. Трудовая этика, прописанная Вебером в тесной связи с анализом религиозно-этических принципов протестантизма, в наше время имеет не только теоретическое, но и практическое значение, особенно в связи со снижением трудовой мотивации, наблюдающимся повсеместно в развитых странах капитализма.

Вебер является сегодня одним из наиболее цитируемых социологов всех времен и народов. Несмотря на то что прошло уже более трех четвертей века после его смерти, интерес к его творчеству не ослабевает. Все это дает основание присоединиться к выводу, который делают сегодня многие социологи: Вебер — наш современник. Именно так назвал заключительный раздел своего очерка о нем один из блестящих его знатоков и интерпретаторов Р. Арон [Арон. 1993. С. 562].

Когда в 1964 г. в Гейдельберге проводился конгресс, организованный Немецкой социологической ассоциацией по случаю 100-летия со дня рождения Вебера, один из трех главных докладов о его творчестве делал Арон (два других принадлежали также крупнейшим социологам середины — второй половины XX в. Т. Парсонсу и Г. Маркузе). Арон справедливо утверждал, что Вебер еще больше наш современник, чем Э. Дюркгейм или В. Парето. «Он является им прежде всего потому, что его творчество, как и всех великих мыслителей, настолько богато и двусмысленно, что каждое новое поколение прочитывает его, изучает и истолковывает по-разному. Его труд, возможно, уже превзойден, но остается актуальным» [Там же. С. 569].

Многие положения социологии Вебера получают разную интерпретацию среди социологов. Например, отдельные авторы указывают, что его политические взгляды и политическая практика не соответствовали друг другу. Одни считают, что Вебер теоретически предсказал появление тоталитарных режимов и предостерегал относительно его возможных последствий; другие обвиняют его в том, что он косвенно, теоретически способствовал возникно-

вению этих режимов, в первую очередь, конечно, фашизма. Отдельные социологи, в том числе Арон, полагают, что практическая деятельность Вебера необязательно соответствует его теории. Особенно это касается разграничения между оценкой и отнесением к ценности. Вызывает сомнение, считает Арон, что сам Вебер всегда воздерживался от оценочных суждений.

Но дело, в конце концов, не в этом. Без разных позиций не бывает ни социологии, ни социологов, поскольку они имеют дело с насыщенной противоречиями действительностью. Главу о Вебере хотелось бы завершить словами Арона, в которых, как нам кажется, схвачена суть творчества немецкого социолога. Он пишет, что социология Вебера принадлежит «человеку, который беспрестанно задавался важнейшими вопросами: (взаимоотношении знания и веры, о науке и практической деятельности, о церкви и пророчестве, о бюрократии и харизматическом вожде, о рационализации и личной свободе; который благодаря своей исторической, можно сказать чудовищной, эрудиции искал в наследии всех цивилизаций ответы на свои собственные вопросы и оказывался в результате такого рода поисков (а они по своему характеру не могли быть завершенными в одиночестве) разрываемым сомнениями относительно выбора своей собственной судьбы» [Там же. С. 570].

Вопросы и задания

1. Почему теория социального действия представляет собой «ядро» социологии М. Вебера? Изложите существо этой теории. 2 Какие типы социальных действий называл Вебер? Дайте характеристику каждого из них.
3. Почему Вебер (и его последователи также) определял свою социологию как понимающую? Раскройте проблему ценности и оценки в понимающей социологии Вебера.
4. Что такое, по Веберу, идеальный тип? Как вы считаете, это априорная конструкция или эмпирическое обобщение? Охарактеризуйте исторический и социологический идеальные типы.
5. О каких типах господства говорил в своей социологии Вебер? Определите каждый из них. Обратите особое внимание на анализ Вебером бюрократии и покажите его современное значение.
6. Оцените вклад Вебера в создание теории социальной стратификации. Какие его идеи и методологические подходы наиболее ценны, с вашей точки зрения? Аргументируйте свой ответ
7. В чем сходство и принципиальное различие позиций К. Маркса и М. Вебера в анализе социальной структуры общества?
8. В чем суть веберовского анализа капитализма? О каких типах экономического поведения людей говорит немецкий социолог?
9. Расскажите о концепции рациональности Вебера.
10. Обратите особое внимание на основные положения работы Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». В чем смысл связи, обнаруженной немецким социологом, между религией и экономикой?

4

ii

11. Раскройте социологическое содержание веберовского учения о религии. Почему он занимался изучением мировых религий?
12. Р. Арон назвал М. Вебера нашим современником. Можете ли Вы согласиться с этим утверждением? Ответ аргументируйте.
13. Охарактеризуйте значение социологического творчества М. Вебера.

Литература

- Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
- Вебер М.* Харизматическое юсподство // Социол. исслед. 1988. № 5.
- Вебер М.* Избр. произв. М, 1990.
- Вебер М.* Класс, статус и партия // Социальная стратификация. Вып. 1. М., 1992
- Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.
- Вебер М.* Основные социологические понятия. О некоторых категориях понимающей социологии // Западно-европейская социология XIX— начала XX века: Тексты. М., 1996. *Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И.* Социология: история и современность. М., Ростов н/Д., 1999. *Гайдепко П.П., Давыдов Ю.Н.* История и рациональность: социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. *Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А.* Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Давыдов Ю.Н.* Веберовская социология капитализма // Социол. исслед. 1994 № 8—9,10
- Ионин И.Г.* Понимающая социология. М., 1984 История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 1999. История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 2. *Кравченко А.И.* Социология Макса Вебера: труд и экономика. М., 1997. *Кравченко А.И.* Концепция капитализма М. Вебера и трудовая мотивация // Социол. исслед. 1997. № 4
- Кулыгин В.П.* Ранняя немецкая классическая социология. М., 1991.
- Кулыгин В.Л.* Классическая социология. М., 2000. *Патрушев А.И.* Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992.

Глава 10

Социологическое творчество Э. Дюркгейма

§ 1. Краткий биографический очерк и общая характеристика социологического учения

Один из выдающихся представителей социологической науки Э. Дюркгейм (1858- 1917) родился во французском г. Эпипаль в семье раввина. Здесь он закончил коллеж, отсюда отправился для продолжения обучения в Париж, где пропел большую часть жизни, написал многие труды, создал кафедру социологии Сорбонны и умер (прямо по французскому афоризму. «Поэты рождаются в провинции, а умирают в Париже»). В парижском Лицее Людовика Великого Дюркгейм готовился к конкурсному экзамену для подготовки в Высшую нормальную школу, куда поступил в 1879 г. В это время в пансионе Жоффрс он познакомился с Ж. Жоресом, будущим руководителем Французской социалистической партии, страстным борцом против колониализма, милитаризма и войны. В Высшей нормальной школе, одном из наиболее сильных учебных заведений Франции, он слушал лекции знаменитых ученых того времени — историка Ф. де Кулапжа и философа Э. Бутру. Сдав в 1882 г. экзамен на звание преподавателя философии, он на три года уехал преподавать эту дисциплину в Сапе и Сен-Кантеп.

В 1885—1886 гг., взяв годовой отпуск для занятий общественными науками, Дюркгейм, как говорят в наше время, «повышал квалификацию» в Пари-лее, а затем в Германи и у известного социального психолога В. Вундта. Это позволило ему в течение следующего года написать и опубликовать сразу три статьи, после чего в 1887 г. решением министра он был назначен профессором педагогики и социологии в университете г. Бордо. Курс, который читал здесь Дюркгейм, был первым курсом социологии во французских университетах. И еще одно обстоятельство нужно здесь отметить: именно с этого периода социология и педагогика оказались тесно связанными в теоретической и практической (педагогической) деятельности французского ученого. В конце 1880-х — начале 1890-х гг. Дюркгейм продолжает преподавать и пишет статьи на самые разные темы: об убийстве и рождаемости, о дефиниции социализма и др.

Последнее десятилетие XIXв. можно определить как самый плодотворный — с точки зрения написания работ крупной формы — этап в творчестве Дюркгейма. В 1893 г. он защищает докторскую диссертацию на тему «О раз-

делении общественного труда» — вместе с диссертацией на латинском («Вклад Монтескье в становление общественной науки»). Первая диссертация была опубликована в этом же году в виде книги. Вслед за ней, в 1895 г., он издал следующую свою монографию — «Правила социологического метода» (в русском переводе книга получила название «Социологический метод»), а еще через два года, в 1897 г. — новую работу под названием «Самоубийство». Помимо трех наиболее фундаментальных своих работ (как выяснилось впоследствии) Дюркгейм написал и опубликовал несколько крупных статей в «Философском обозрении» и основанном им в 1896 г. «Социологическом ежегоднике». Так что, действительно, десятилетие (а, точнее, семилетие, начиная с 1893 г.) стало необыкновенно результативным в творческом отношении.

Новый этап в деятельности, прежде всего педагогической, начинается с 1902 г., когда его приглашают внештатным сотрудником в Сорбонну на кафедру педагогики филологического факультета. Помимо вопросов образования и воспитания, которые его очень привлекают не только как теоретика, но и практика-педагога, он все больше и больше занимается религиозной проблематикой. Многолетний интерес к последней в конце концов находит свое отражение в еще одном фундаментальном произведении — «Элементарные формы религиозной жизни» (1912), которое многие специалисты по творчеству социолога считают самой значительной его работой. С 1906 г. он становится штатным профессором и руководителем названной выше кафедры, где преподает и социологию, и педагогику. В 1913 г. кафедра получает название кафедры социологии Сорбонны.

Все эти годы Дюркгейм посвящает много времени социологическим проблемам морального сознания, образования и воспитания. В этой связи следует назвать его знаменитую лекцию «Педагогика и социология» (изданную отдельной работой), сообщение во Французском философском обществе «Детерминация морального факта», лекционный курс в Коллеж де Франс «Выдающиеся педагогические учения во Франции начиная с XVIII в.», выступление на философском конгрессе в Болонье на тему «Суждение о реальности и ценностное суждение».

Начавшаяся в 1914 г. мировая война приносит Дюркгейму горе и страдание. В 1916 г. погибает на Салоникском фронте его единственный и горячо любимый сын, подававший большие надежды молодой социолог, в котором отец видел продолжателя своего дела. Смерть сына усугубила болезнь и ускорила кончину Дюркгейма. Это произошло в ноябре 1917 г.

Французский ученый остро чувствовал кризис буржуазного общества и стремился противопоставить ему, снять его отрицательное влияние с помощью социологического обоснования планов общественного переустройства. Для достижения этой цели он активно использовал популярный в конце XIX — начале XX в. лозунг общественной солидарности, уделив немало внимания его теоретическому обоснованию. Будучи настроенным антиреволюционно и реформаторски, Дюркгейм приветствовал создание и организацию професси-

ональных корпораций, которые, по его мнению, существенно улучшают общественную мораль. Работая многие годы в области теории и практики педагогики, он считал, что существенной перестройке должна подлежать вся система образования и воспитания. Значительную положительную роль в этом процессе, по его мнению, призвана была сыграть социология.

Исследования Дюркгейма в области религии, развивавшиеся параллельно с изучением воспитания и обучения, привели его к пониманию необходимости борьбы против церковного влияния на школьное и университетское образование, против засилья клерикалов. Он внес немалый вклад в обоснование политики отделения церкви от государства и школы от церкви. Эта борьба, в которой ученый участвовал непосредственно, увенчалась успехом: во Франции в 1905 г. был принят соответствующий закон.

Дюркгейм создал и оставил после себя мощную школу социологов, которая просуществовала вплоть до начала 1930-х гг. Его учениками были такие известные исследователи, как М. Мосс, М. Хальбвакс, Ф. Симиан, Э. Леви-Брюль, А. Юбер, А. Герц и др. Французский мыслитель был не чужд политическим страстям, о его связях с французскими социалистами и дружбе с их вождем Ж. Жоресом много говорилось и писалось в свое время. Но его отношение к социализму как учению было неоднозначным. Достаточно сказать, что Дюркгейм рассматривал социализм как исключительно ошибочное экономическое учение, к тому же не уделяющее должного внимания моральным проблемам. Что же касается конфликта между классами, проблему которого социалисты считали едва ли не самой главной в обществе, то по этому вопросу французский социолог имел иное мнение. Он считал, что улучшение жизни рабочих наступит в результате реформ общественного устройства, которые будут приняты вследствие осознания их необходимости всеми классами общества, и, таким образом, оно окажется вне сферы социальных конфликтов. Теперь перейдем к рассмотрению конкретных проблем социологического творчества Дюркгейма.

§ 2. Предмет социологии и трактовка общества

В понимании Дюркгейма («Правила социологического метода») социология есть исследование главным образом социальных фактов, а также их научное объяснение. Ученый стремился доказать, что социология может и должна существовать как наука объективная, предметом которой является социальная реальность, имеющая особые, присущие только ей качества. Элементы этой социальной реальности, по Дюркгейму, — социальные факты, совокупность которых составляет общество. Эти факты и составляют предмет социологии.

Что такое социальный факт? Именно так называется первая глава «Социологического метода» Дюркгейма. В конце ее французский социолог дает следующее определение: «...социальным фактом является всякий спо-

соб действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный па всем протяжении данного общества, имеющий в то лее время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [1991. С. 4211.

Для того чтобы выделить и рассматривать социологию как особую науку, необходимо, по Дюркгейму, соблюдение как минимум двух условий: | а) она должна обладать особым предметом, отличающимся от предметов] других наук; б) этот предмет должен быть доступен наблюдению и поддаваться объяснению так и настолько, как и насколько оказываются наблюдаемыми и объяснимыми факты, с которыми имеют дело другие науки.

Из этого своеобразного двойного «социологического императива» следуют две знаменитые формулы учения Дюркгейма:

— социальные факты следует рассматривать как вещи;

-- эти факты обладают таким основным отличительным признаком, как принудительное воздействие па индивида.

Дюркгейм говорит, что до него социология почти исключительно рассуждала о понятиях, задача же заключается в том, чтобы перейти от них к изучению и характеристике социальных фактов, которые могут быть «приравнены» к вещам вследствие их объективности, независимости от индивида. В качестве социальных фактов следует рассматривать обычаи и законы, правила поведения, религиозные верования и обряды, язык, денежную систему и т.д., т.е. то, что человек застает готовым при рождении и что существует и функционирует независимо от него. Эти социальные факты оказывают на человека известное давление, принуждают его к определенным действиям и поступкам. Из таких социальных фактов и состоит влияние социальной среды, в структуру которой Дюркгейм включает как материальные, так и идеальные факторы.

Говоря о социальных фактах, Дюркгейм выделяет две группы. С одной стороны, это морфологические факты, выступающие как формы общественного бытия. С другой — он говорит о фактах коллективного сознания, т.е. коллективных представлениях, являющихся сущностью морали, религии, права.

Социология выступает у Дюркгейма как сложное структурное образование, включающее три основные части: социальную морфологию, социальную физиологию и общую социологию. Задача первой состоит в изучении структуры общества и его материальной формы (социальной организации, народов, географической основы их жизни, народонаселения, распределения его по территориям и т.д.). Задача второй характеризуется как изучение конкретных проявлений общественной жизни (религии, морали, нрава, экономики и др.). Что касается третьей — общей социологии, то она, по замыслу Дюркгейма, должна устанавливать, раскрывать наиболее общие законы жизни общества и синтезировать их в единое целое.

В концепции французского ученого особое место занимает вопрос о соотношении социологии с другими общественными науками, в первую очередь с философией. Социология занимает в его системе центральное место, поскольку

ку вооружает все другие общественные науки методом и теорией, на базе ко-юрых могут и должны вестись исследования в различных областях общественной жизни. Задача социологии в том, считает Дюркгейм, чтобы объединить представителей различных социально-гуманитарных дисциплин с помощью общей точки зрения на характер социальных фактов, совпадающих критериев их оценки, единого метода исследования. Только в этом случае социология перестанет быть абстрактной, метафизической наукой, а другие общественные дисциплины станут своеобразными ветвями, разделами социологического знания, изучающими коллективные представления в их конкретной форме — моральной, религиозной, экономической, правовой и др.

В вопросе о взаимосвязях социологии и других общественных наук особое значение имеет ее соотношение с философией. Дюркгейм исходит из того, что влияние социологии на философию должно быть не меньшим, чем философии — на социологию. Это влияние имеет сугубо позитивную направленность, поскольку нацелено на освобождение философии от ее спекулятивного и умозрительного характера и придание ей определенной конкретности, т.е. того качества, которое присуще социологии как науке. Такая постановка вопроса имела место едва ли не впервые и принадлежала именно Дюркгейму. По существу он ставил задачу поиска новых форм и видов связей между социологией и философией. Однако нельзя не обнаружить и иного требования французского ученого — об отделении социологии от философии и придании ей статуса совершенно самостоятельной науки. По всей видимости, можно говорить об определенной противоречивости трактовки соотношения социологии и философии во взглядах Дюркгейма.

Центральное методологическое место в его творчестве занимает теория общества, получившая название «социологизма». Два основных положения характеризуют «социологизм» Дюркгейма. Во-первых, это примат общественного над индивидуальным. Общество рассматривается как более богатая и значимая реальность, чем индивид. Оно выступает как определяющий деятельность человека фактор, а социальные факты при таком подходе должны «находиться» вне их индивидуальных проявлений. Поэтому Дюркгейм пишет, что «когда социолог предпринимает исследование какого-нибудь класса социальных фактов, он должен стараться рассматривать их с той стороны, с которой они представляются изолированными от своих индивидуальных проявлений» [Там же. С. 446].

Понятие общества было настолько значимым для Дюркгейма, что он его буквально обожествлял — не только в переносном, но и в прямом смысле слова. Социолог называл общество Богом, подчеркивал его священный характер, наделяя при этом чертами одухотворенности. Тем самым он выражал, с одной стороны, идею всяческого превосходства общества над индивидом, с другой — подчеркивал земные, социальные корни религии (о чем далее еще будет сказано). Что касается отношений между индивидами в обществе, то они рассматривались социологом в виде отно-

шений ассоциации, в результате которой возникает новое качество — ее социальная жизнь как процесс деятельности.

В соответствии с трактовкой соотношения общественного и индивидуального Дюркгейм проводил четкое различие между коллективным и индивидуальным сознанием. «Совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества, — писал он, — образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь; ее можно назвать коллективным или общим сознанием» [1991. С. 80]. Коллективное, или общее, сознание он называл психическим типом общества и рассматривал условия его существования и способ развития, несводимый к материальной основе. Чтобы обозначить эмоционально окрашенные верования и идеи, Дюркгейм ввел термин «коллективные представления». Различая коллективное и индивидуальное сознание, французский социолог считал, что группа думает, чувствует, действует совсем не так, как делают это ее отдельные члены. Если исходить только из индивидуального сознания, мы никогда не поймем, утверждал Дюркгейм, того, что происходит в группе.

Второе главное положение «социологизма» формулируется как принцип объективного научного подхода к социальным фактам, связанный с требованием объяснять одни из них другими, но не сводить к биологическим либо психологическим явлениям и процессам. В этом смысле можно говорить о критике Дюркгеймом биологического и психологического редукционизма.

Но это вовсе не означает, что французский социолог недооценивал роль естественных наук. Скорее наоборот, будучи представителем позитивизма (здесь он следовал за О. Контом, чье творчество оказало на него сильное влияние), Дюркгейм стремился разрабатывать социологию по аналогии с естественными науками. Не случайно он особо выделял роль двух методов исследования — индуктивного и объективного наблюдения, которые наиболее активно использовались в то время в естественных науках. Эти методы должны были, по мнению социолога, наиболее полно способствовать реализации принципа объективного научного подхода к социальным фактам, т.е. второго главного положения «социологизма». В связи с этим Дюркгейм особое внимание обращал на правила сбора эмпирических данных, выявление эмпирически установленных отношений между социальными фактами, подчеркивал важность выдвижения гипотез и приведения их доказательства.

§ 3. Правила социологического метода Э. Дюркгейма

Будучи позитивистом, Э. Дюркгейм уделял много внимания рассмотрению и применению конкретных методов научного исследования. Но они выступали у него не как самоцель, главное заключалось в том, чтобы с их помощью можно было реализовать социологический подход, или социологичес-

кий метод изучения социальных фактов. Для этого французским ученым были сформулированы специальные правила социологического метода.

В его работе под таким названием (мы на нее уже неоднократно ссылались) приводятся многочисленные правила и дается их классификация. Социолог выделяет пять групп правил, относящихся: к наблюдению социальных фактов; к различению нормального и патологического; к построению социальных типов; к объяснению социальных фактов; касающихся доказательств. Среди этих многочисленных правил есть несколько основных.

Одно из них гласит: социальные факты нужно рассматривать как вещи, что на самом деле означало признание в первую очередь их независимого от субъекта существования и, стало быть, обеспечивало объективный подход к социальной действительности. По существу, так же следует относиться к коллективным состояниям сознания (идеям, верованиям и т.д.), о них можно судить на основании объективных данных о различных формах поведения групп людей и деятельности социальных институтов. Социология, таким образом, стремится «объективировать» общественное сознание, т.е. выразить его в объективных показателях.

С этим положением связано и второе правило, в соответствии с которым социолог должен изучать не отдельные и разрозненные социальные факты, а целые их классы. Дюркгейм сформулировал принцип, согласно которому «социальные факты тем легче могут быть представлены объективно, чем более полно освобождены они от индивидуальных фактов, в которых они проявляются» [Дюркгейм. 1991. С. 445]. При изучении же классов социальных фактов социолог должен стремиться к их рассмотрению вне индивидуальных проявлений тех или иных из них.

Описание и упорядочение социальных фактов — это только начало социологического исследования. Главное — установить между ними более глубокие причинные связи и законы, что и составляет суть третьего основного правила. Реализуя его, социология становится вровень с другими науками, в первую очередь с естественными. Причинные связи касаются прежде всего анализа зависимости социальных явлений от социальной среды. Задача социологии, по Дюркгейму, состоит в том, чтобы находить свойства этой среды, оказывающие наибольшее воздействие на социальные явления.

Наконец, четвертое основное правило социологического метода заключается в том, чтобы социология, описывая и объясняя социальные факты, стремилась к их сравнительному, сопоставительному анализу. Дюркгейм считал, что сравнительная социология — это социология как таковая [Там же. С. 522]. Если она не будет стремиться к сравнению и на этой основе — к объяснению социальных фактов, то потеряет способность к их причинному анализу. Французский социолог постоянно сравнивал сам социальные явления в разных обществах и разных временных параметрах, без чего социологическое исследование, по его мнению, теряло свой смысл и научное значение.

44

Говоря о понимании Дюркгеймом метода в социологии, нельзя не упомянуть его отношения к статистике. Он считал, что статистические данные помогают раскрыть неуловимые иным путем «течения» повседневной жизни: В статистических закономерностях (числа самоубийств, заключения браков колебаний рождаемости и т.д.) социолог видел самое важное доказательство проявления некоего коллективного состояния. Не случайно он уделял много времени и внимания сбору статистических материалов. Без этого, конечно! никогда бы не появилось «Самоубийство», да и многие другие работы.

4 i

Для рассмотрения и объяснения социальных фактов Дюркгейм использовал два вида анализа: причинный и функциональный. О первом уже упоминалось чуть выше. Функциональный же анализ был сопряжен у социолога с выявлением соответствия трактуемого социального явления общественной потребности в нем. Функция разделения труда состояла в изучении его соответствия общественной потребности в данном явлении.

Дюркгейм одним из первых в социологии обосновал и использовал структурно-функциональный анализ. В этом ему помогла аналогия общества с организмом, которое он рассматривал как наиболее совершенную систему органов и выполняемых ими функций. Такой анализ помог ему определить понятия нормы и патологии, которые он затем применил к интерпретации ряда аномальных социальных явлений — преступности, кризисов и иных форм социальной девиации (социальной дезорганизации).

Но здесь он приходил в ряде случаев к совершенно парадоксальным заключениям. Например, поскольку он характеризовал норму как нечто общепринятое и широко распространенное, поэтому ему пришлось признать преступление нормальным явлением, раз оно имело место во всех или в подавляющем большинстве обществ. Вместе с тем рост числа самоубийств в конце XIX в., некоторые типы экономического кризиса рассматривались Дюркгеймом как патология, потому что не имели статистически подтвержденного широкого (повсеместного) распространения.

Заканчивая рассмотрение социологического метода Дюркгейма, можно сделать вывод о том, что его основные правила и постулаты исследования сохранили свое значение до настоящего времени. Они оказали существенное влияние на последующее развитие социологической науки, ее методологию. Что касается структурно-функционального анализа, обоснованного французским ученым, то он положил начало одной из первых социологических парадигм под аналогичным названием.

§ 4. Общественная солидарность и разделение труда

Центральная проблема творчества Э. Дюркгейма, прошедшая через всю его жизнь, — социальная, или общественная, солидарность. Один из главных вопросов, который постоянно интересовал французского социолога, состо-

tl

ял в том, чтобы выяснить, каким образом люди объединяются в общество, что заставляет их это делать. Ответ на этот вопрос был найден им в движущей силе их поведения, которую он определил как социальную солидарность. Последнюю Дюркгейм рассматривает в тесной связи с таким важнейшим социальным явлением, как разделение общественного труда.

Он говорит, что силой, создающей общественное целое, является разделение труда: «Разделение труда состоит на самом деле в разделении функций, бывших ранее общими» [Дюркгейм. 1991. С. 258]. Под ним он понимает прежде всего профессиональную специализацию. Разделение труда — признак развитого общества, поскольку в нем существует необходимость обмениваться результатами деятельности, выполнять взаимодополняющие функции. «Действительно, — читаем у Дюркгейма, — с одной стороны, каждый тем теснее зависит от общества, чем более разделен труд, а с другой — деятельность каждого тем личностнее, чем она более специализирована» [Там же. С. 127].

Следовательно, разделение труда объясняет различия между индивидами, превращение каждого в личность. Сознание того, что любой человек зависит от другого, что все связаны единой системой общественных отношений, создаваемых разделением труда, вызывает у людей не только чувство зависимости друг от друга, но и понимание своей связи с обществом, т.е. социальной солидарности.

Таким образом, связь между социальной солидарностью и разделением труда определяется прежде всего тем, что второе является источником первой. «Чтобы разделение труда производило солидарность, — считал Дюркгейм, — недостаточно... того, чтобы каждый имел свое занятие; необходимо еще, чтоб это занятие ему подходило» [Там же. С. 348]. Социолог доказывает сформулированные выше положения достаточно четко. Занятия различных людей (социальных групп) теми или иными видами труда, необходимость выполнения многообразных функций в этой сфере деятельности заставляют людей солидаризироваться, объединяться для поддержания нормальной жизни. Социальная солидарность, по Дюркгейму, явление чисто моральное, не поддающееся само по себе ни точному наблюдению, ни особенно измерению. Но это не просто моральное явление. Социальная солидарность — высший моральный принцип, высшая ценность, которая является универсальной, потому что признается всеми членами общества.

Дюркгейм пишет о двух формах социальной солидарности — механической и органической, каждая из которых характеризует различные типы связей и отношений между людьми. Механическая солидарность, согласно его терминологии, — это «солидарность по сходствам», т.е. вследствие сходства между людьми. Она существует в неразвитом, архаичном обществе, тогда, когда индивиды мало чем отличаются друг от друга. Механическая солидарность возможна за счет поглощения и даже подавления индивидуальности коллективом, общиной.

В развитом обществе на смену механической приходит органическая лидарность. Она возникает и существует в условиях развивающегося разделения труда, усиления дифференциации и различий между людьми. Она подчеркивает индивидуальность и личностное начало. Ученый назвал эту форму солидарности органической, потому что в развитом обществе каждый человек выполняет какую-либо специальную функцию в соответствии с разделением труда — подобно тем процессам, которые происходят в организме, когда каждый орган выполняет присущую лишь ему функцию. Следовательно, сравнение развитого общества со сложным организмом, имеющим свои особые структурно-функциональные характеристики, привело Дюркгейма к терминологической характеристике этой формы солидарности как органической.

Как становится возможным переход от одной формы солидарности к другой? Ответ социолога однозначен: на основе возникающего разделения труда. Его причиной социолог считал рост народонаселения и усиливающуюся в связи с ним интенсивность социальной жизни. Разделение труда становится едва ли не единственным средством и фактором сохранения и упрочения общества, которое происходит благодаря появлению социальной солидарности нового типа — органической. Профессионализация труда и специализация функций ориентируют общество в целом и конкретные социальные группы на стремление к единству.

Рассматривая органическую солидарность в условиях современного ему капиталистического общества и характерного для него разделения труда, Дюркгейм уходит от экономических характеристик последнего, от рассмотрения присущих капитализму противоречий между трудом и капиталом, пролетариатом и буржуазией. Зная работы Маркса и его идеи относительно принудительного характера труда при капитализме, французский социолог не следует им. Более того, он отказывается от Марксовой методологии анализа капитализма и присущего ему общественного разделения труда.

Дюркгейм исследует разделение труда с моральных, а не с экономических позиций, т.е. с той точки зрения, которая позволяет ему в утратившем свое единство капиталистическом обществе показать его возможности и перспективы. Они заключаются, по мнению Дюркгейма, в установлении социальной (классовой) солидарности как той желательной общественной связи, которая преодолевает и компенсирует все недостатки, связанные с разделением труда.

Таким образом, возникая на основе общественного разделения труда, социальная солидарность становится стержнем его дальнейшего развития. Анализ связи разделения труда и социальной солидарности логично привел ученого к отказу от глубокого изучения экономической жизни капиталистического общества. Он, мягко говоря, подвергал сомнению основополагающий характер экономического фактора общественной жизни, прочность и устойчивость экономических связей как «сцепляющего» эту жизнь механизма.

Однако все это не означает, что Дюркгейм не видел кризисных явлений! капитализма и его болезней. К ним он относил в первую очередь социаль-

ное неравенство, неадекватную организацию разделения труда и аномию. Под последней социолог понимал такое общественное состояние, при котором отсутствует четкая моральная регуляция поведения людей, а большинство членов общества относится к существующим социальным нормам негативно или равнодушно. Аномия возникает тогда, когда социальные функции в обществе не приспособлены друг к другу, между ними существует «разлад». Что касается социального неравенства, то, по мнению Дюркгейма, оно появляется в результате установления такой «неотлаженной» системы отношений, которая отнимает у многих трудящихся возможность реализовать свои способности и занять достойное место в обществе.

Таким образом, все эти «ненормальные» формы разделения труда (аномия, социальное неравенство) возникают как результат недостаточной отрегулированности отношений между основными классами капиталистического общества. Отсюда становится понятным ответ Дюркгейма на вопрос, что делать и как быть с болезнями капитализма. Со всей очевидностью из его позиции следует, что преодолевать эти болезни можно и нужно мирным, неревOLUTIONным путем, на основе сохранения частной собственности и укрепления социальной солидарности между классами.

Некоторые исследователи творчества Дюркгейма спорят с такой позицией, обвиняя его в утопизме и отсутствии, как у Маркса, экономического детерминизма в объяснении общественного разделения труда, аномии и социального неравенства при капитализме. Но не следует забывать, что развитие капитализма подтвердило справедливость многих соображений Дюркгейма о возможности установления солидарности между различными социальными слоями в условиях общества разделенного труда.

§ 5. Социологическая концепция морали Э. Дюркгейма

Из изложенных выше суждений Э. Дюркгейма видно, какое значение он придавал моральным обстоятельствам, моральным правилам, в целом фактору морали в жизни общества и конкретных индивидов. Мораль неотделима от социальной солидарности, а разделение труда выполняет нравственную функцию в качестве наиболее значимой. Раскрывая проблему моральной ценности разделения труда, социолог отмечает: «Благодаря ему индивид начинает сознавать свое состояние зависимости по отношению к обществу; именно от него происходят сдерживающие и ограничивающие его силы. Словом, так как разделение труда становится важным источником социальной солидарности, то оно вместе с тем становится основанием морального порядка» [1991. С. 371—372]. Эта идея взаимосвязи социальной солидарности, морали и разделения труда оказалась центральной для всей книги «О разделении общественного труда» и нашла наиболее концентрированное свое выражение в ее «Заключении».

i
i
\
A4
i

Раскрывая проблему связи нравственности и солидарности, Дюркгешу отмечает: «...характерная черта моральных правил заключается в том, что они выражают основные условия социальной солидарности. ...Моральней молено сказать, все то, что служит источником солидарности, все, что застав ляет человека считаться с другими, регулировать свои движения не только эгоистическими побуждениями. И нравственность тем прочнее, чем сильнее и многочисленнее эти узы» [1991. С. 369]. Как видно из приведенной цита- ты, социолог достаточно жестко определяет критерий нравственного: это то, что служит источником социальной солидарности. Поскольку движение к ней всегда связано с определенными ограничениями, Дюркгсйм выступает , против определения нравственности через свободу и полемизирует с подоб ной точкой зрения, имеющей место в литературе. !

Далее он подходит к проблеме морали с другой стороны — взаимосвя- зи нравственности, общества и индивида: «...человек моральное существо * только потому, что он живет в обществе, ибо нравственность состоит в том, чтобы быть солидарным с группой, и она изменяется вместе с этой солидарностью» [Там же. С. 370]. Он характеризует нравственность как реалию, которая «встречается только в общественном состоянии и изменяется только как функция социальных условий».

Но затем социолог переходит от рассуждений о социальном характере нравственности к выявлению существа ее индивидуальных проявлений,; связывая их с выполнением обязанностей человека по отношению к об- ществу. В тексте книги читаем: «Обязанности индивида по отношению к | самому себе суть в действительности обязанности по отношению к обще- ству; они соответствуют известным коллективным чувствам...; в этом и заключается вся сущность так называемой индивидуальной нравственности» [Там же. С. 370—371].

Дюркгейм рассматривал мораль как систему объективных правил поведения, отличительной чертой которых была их императивность, принудительность, необходимость выполнения. Основным признаком морали он считал долг, следование которому делает поведение человека моральным. Источником и объектом морали выступает общество, превосходящее индивида по своей силе и авторитету. Именно оно требует от индивида проявления моральных качеств, особо важными среди которых, а, следовательно, обязательными компонентами морали считались готовность к самопожертвованию и личное 'бескорыстие. Французский социолог отмечал: «Люди не могут жить вместе без взаимных соглашений и, следовательно, взаимных жертв, без того, чтобы не соединяться друг с другом сильным и продолжительным образом. Всякое общество — моральное общество» [Там же. С. 215].

Дюркгейм трактовал мораль как реальную, действенную, практическую силу. Она оказывалась таковой потому, что любые социальные решения, поступки и действия были окрашены в

«моральные» тона, т.е. содержали в себе важные нравственные стороны и основания. Те решения и

действия были наиболее эффективными, которые затрагивали глубинные нравственные ценности общества.

Этот вывод Дюркгейма имеет сегодня в высшей степени актуальное значение. Среди политиков и экономистов идут нескончаемые споры о том, что важнее и приоритетнее — политика или экономика. Но мало и редко кому приходит в голову, что любой проект, любое преобразование, любая реформа, любой закон имеют колоссальное нравственное значение. Моральные (а нередко, к сожалению, и аморальные) последствия этих шагов требуют постоянного учета и навешивания — таков один из важных выводов, который может быть сделан из учения Дюркгейма о морали и который не потерял своего значения по сей день.

Трактовка моральных проблем современного ему капиталистического общества опиралась у социолога на его теорию двойственности человеческой природы. Он считал, что биологическая природа человека, его импульсы, биологические функции, способности, страсти и др. находятся в противоречии с его социальной природой, создаваемой путем воспитания с помощью моральных и религиозных норм, ценностей, идеалов. Вследствие этого в человеке, а стало быть, и в обществе поддерживается постоянная напряженность. Общество, по Дюркгейму, должно предпринимать непрестанно усилия для того, чтобы сдерживать биологическую природу человека, вводить ее в определенные рамки с помощью морали и религии.

В противном случае возникает дезинтеграция общества и индивида, т.е. то, что Дюркгейм определил термином «аномия». Аномия — это прежде всего моральный кризис, когда в результате социальных потрясений перестает нормально функционировать система общественного регулирования потребностей человека. Как следствие такого процесса, личность теряет равновесие. Создаются предпосылки для девиантного (отклоняющегося) поведения.

Противоположностью аномии, по мнению социолога, являются моральный порядок, моральное регулирование, моральный контроль, т.е. то, что характеризует нормальное состояние общества. Дюркгейм верил (иногда эта вера приобретала утопический характер) в возможность регулировать общественные и индивидуальные потребности с помощью морали, поскольку она выступала для него основным фактором, соединяющим человека с обществом и, наоборот, общество с индивидом. Не случайно он рассматривал мораль как основной регулятор механизма выхода общества из кризиса.

В этой связи обращает на себя внимание самый последний вывод, к которому завершается книга «О разделении общественного труда». Ученый указывает: «...наш первейший долг — создать себе нравственность. Такое дело невозможно осуществить посредством импровизации в тиши кабинета; оно может возникнуть только самопроизвольно, постепенно, под давлением внутренних причин, благодаря которым оно становится необходимым» [Там же. С. 381].

§ 6. Мораль и религия в социологическом творчестве Э. Дюркгейма

4

Концепция морали в социологическом творчестве Э. Дюркгейма тесно связана с его концепцией религии, систематическому изложению которой он посвятил одну из четырех своих крупных работ («Элементарные формы религиозной жизни»). Здесь нельзя не сказать о личном отношении социолога к религии, связанном с его биографией. В изложении основных вех жизни ученого уже отмечалось, что он был сыном раввина. В детстве он изучал Талмуд, древнееврейский язык и готовился повторить жизненный путь отца. Однако это желание владело им недолго, и уже в школе он отказался от первоначального стремления связать свою жизнь со служением религии. Став социологом, Дюркгейм сделал предметом своего научного интереса и исследования социальную и нравственную функции религии. Что же касается веры, то она была связана в его жизни с наукой, прежде всего социологической. Будучи человеком глубоко нравственным, в служении ей он видел долг своей жизни.

4

Для Дюркгейма религия — это прежде всего явление, имеющее глубокую общественную детерминацию и функциональные социальные последствия. Она выступает в концепции социолога как один из важнейших элементов коллективного сознания, в котором находили свое воплощение определенные специфические представления людей о социальной реальности. Дюркгейм рассматривал религию как продукт социальной среды, что предполагало выявление причинной связи и зависимости между обществом и религией. При этом приоритет, как и в случае с моралью, солидарностью и другими социальными явлениями, отдавался обществу. В этом смысле Дюркгейм характеризовал религию в качестве инструмента, средства деятельности определенных социальных сил, которые в специфической форме подчиняли себе индивидов.

4

4

I

Дюркгейм был сторонником подчеркивания социальных аспектов религии. Трактую ее как систему верований и обрядов, относящихся к священной, т.е. запретным, вещам, он связывал эти верования и обряды с какими-либо значимыми социальными объектами. В данном случае проявлялся его подлинно социологический подход к религии, в процессе реализации которого он стремился рассматривать ее в рамках широкого социального контекста, а не замыкать на сугубо внутренние, догматические аспекты. Поэтому самую религиозную деятельность он трактовал прежде всего как обрядовую и культовую. Главным компонентом религии становилось коллективное отправление обрядов.

Что же касается функций религиозной деятельности, то Дюркгейм выделял следующие: цементирующую (состоит в укреплении социального единства среди верующих); воспроизводящую (заключается в осуществлении передачи социального наследия новому поколению); эйфорическую (реализуется в процессе создания радостного чувства социального благополучия); дисциплинарную (сводится к принуждению и контролю за действиями верующих). Главный же вывод Дюркгейма, который следует из

анализа этих функций религиозной деятельности, состоит в том, что все они служат укреплению социальной солидарности, так же как и мораль.

Очень важной в дюркгеймовском анализе религии была постановка вопроса о ней как о символической системе, как о совокупности символов и знаков, на основе которых осуществлялись ее главные функции инструмента интеграции общества и средства передачи культуры. Дюркгейм доказывал, что религия активно способствует поддержанию социальной солидарности. В этом смысле она, как и мораль, выступает фактором, соединяющим личность (человека, индивида) с обществом. Перейдем к рассмотрению этой проблемы творчества французского социолога.

§ 7. Личность и общество

При всей приоритетности общества над индивидом, признание которой было характерно для Дюркгейма, он стремился показать в своем анализе их взаимозависимость, когда каждая из сторон оказывается заинтересованной в развитии другой. Смысл его подхода заключался в подчеркивании того, что общество не может развиваться и процветать, если человек угнетается и низводится до уровня машины. Превращение индивида в придаток машины — явление в высшей степени нежелательное для общества, считал французский социолог.

Поэтому он выступал за проявление индивидуальных способностей каждого человека. Именно в создании условий для этого, по мнению ученого, должна заключаться подлинная дифференциация общества. Она должна основываться не на социальных привилегиях, а на возможностях многообразных индивидуальных проявлений личности. По мнению Дюркгейма, «быть личностью — это значит быть самостоятельным источником действия. Человек приобретает это качество только постольку, поскольку в нем есть нечто, принадлежащее лично ему и индивидуализирующее его...» [Дюркгейм. 1991. С. 374].

С одной стороны, человек становится свободным в своем собственном поведении и независимым от влияния окружающей социальной среды вследствие разделения труда. Как отмечает социолог, последнее «проникает» в личность, и «индивид все более становится независимым фактором своего собственного поведения. Разделение труда само способствует этому освобождению, ибо индивидуальные натуры, специализируясь, становятся сложнее и, в силу этого, отчасти избавлены от коллективного воздействия и от наследственных влияний...» [Там же. С. 374—375].

С другой стороны, демонстрируемая человеком деятельность — «не его деятельность. Это общество, раса, действующая в нем и через него; он только посредник, через которого они осуществляют. Его свобода только кажущаяся, а его личность заимствована» [Там же. С. 375]. Как видно, проблему взаимодействия общества и личности Дюркгейм связывает с диалектикой свободы и несвободы последней, а роль связующего звена

между ними играют разделение труда и социальная солидарность. Эти общественные явления (а также отражающие их соответствующие научные категории) и здесь выступают ключевыми.

Постоянно подчеркивая ведущую роль общества в его отношениях с личностью, французский социолог тем не менее стремился к выявлению реального места человека в системе его взаимосвязей с многочисленными социальными институтами. Более того, он говорил даже о существовании культа; человека и возвеличивании личности. Дюркгейм считал, что «так как возвеличивание личности является единственной целью, которую можно преследовать коллективно, то она не может не приобрести в глазах всех исключительной важности» [1994. С. 330]. Но при этом он постоянно предупреждал о недопустимости эгоистического индивидуализма и отрыва личности от общества. Крайний индивидуализм, по его мнению, не только благоприятствует возникновению причин, вызывающих самоубийство, но может сам считаться одной из причин такого рода. «Дело идет ведь не о том, — пишет он чуть ниже, — чтобы сосредоточить каждую отдельную личность на самой себе и на ее личных интересах, но о том, чтобы подчинить ее всеобщим интересам человеческого рода» [Там же].

Взаимоотношение между обществом и личностью социально по своей природе, а характер его таков, что может способствовать либо укреплению, либо разрушению социальных связей. Первое осуществляется на базе действия разделения труда, моральных факторов, принципов социальной солидарности. Разрушение социальных связей происходит в процессе общественных болезней. В качестве одной из них Дюркгейм анализировал самоубийство.

§ 8. Проблема самоубийства

Его рассмотрению была посвящена специально большая работа французского социолога. Самоубийство исследуется социологом прежде всего как не индивидуальное, а социальное явление. «Так как самоубийство по своему своему существу носит социальный характер, — пишет Дюркгейм, — то следует рассмотреть, какое место занимает оно среди других социальных явлений» [1994, С. 318]. И хотя первая часть социологического этюда «Самоубийство» (так определил жанр своей работы французский ученый) посвящена анализу факторов внесоциального характера, приводящих к самоубийству, основное внимание в книге уделяется социальным явлениям и процессам, ведущим к нему.

Дюркгейм отмечает, что «процент самоубийств зависит только от социологических причин и что контингент добровольных смертей определяется моральной организацией общества» [Там же. С. 287]. Он говорит о том, что не следует относить эту социальную болезнь к «частному разряду фактов», поскольку вопросы самоубийства «совпадают с самыми

нльными практическими проблемами современности. Ненормальный рост самоубийств и общее шжслое состояние современных обществ имеют общие причины. Это небывало огромное число самоубийств доказывает, что цивилизованные общества находятся в состоянии глубокого преобразования, и свидетельствует о серьезности недуга — можно даже сказать, что она измеряется этим числом» [Там же. С. 390—391].

Прежде всего следует отметить, что в соответствии с общей концепцией Дюркгейма самоубийство рассматривается в качестве социального факта. Главной его причиной как одного из наиболее ярких примеров разрушения социальных связей является негативное воздействие социальной среды на поведение личности и целых общественных групп.

Своим социологическим этюдом «Самоубийство» Дюркгейм демонстрирует блестящий образец использования официального статистического материала, который систематизируется строго определенным образом и позволяет выявить связи и зависимости между самоубийством и различными социальными факторами, воздействующими на него. Среди последних — факторы пола, семьи, религии, социального статуса, национальных и полц-шческих отношений и ряд других. Другими словами, процент самоубийств французский социолог рассматривает как функцию многих социальных переменных. Главной их чертой является степень социальной интеграции индивида в систему социальных связей и отношений, которая становится основным противостоящим самоубийству заградительным барьером.

Вместе с тем Дюркгейм писал о факторах несоциального порядка, которые влияют на совершение самоубийств. Это психопатические состояния человека, а также различного рода физические факторы: климат, время года, возраст и т.д. По мнению социолога, они оказывают на процент самоубийств только косвенное влияние, «проходя» через состояние социальной среды.

Конкретный анализ воздействия различных факторов на процент самоубийств позволяет Дюркгейму открыть и сформулировать некоторые закономерности и тенденции частного характера, касающиеся самоубийств. Их процент выше среди мужчин, чем среди женщин; одинокие, вдовы, разведенные делают это чаще, чем женатые; солдаты чаще, чем гражданские лица; протестанты чаще, чем католики; процент самоубийств выше летом, чем зимой, и т.д. Приведем в качестве примера одно из суждений социолога, касающееся соотношения самоубийств у мужчин и женщин и выявления причин подобной ситуации: «Если число женщин, покончивших с собой, гораздо меньше, чем число мужчин, то это происходит оттого, что первые гораздо меньше соприкасаются с коллективной жизнью и поэтому менее сильно чувствуют ее дурное или хорошее воздействие» [Там же. С. 286].

Дюркгейм выделяет три основных вида самоубийств: эгоистическое, альтруистическое и аномическое. Эгоистическое самоубийство возникает на почве социальной разобщенности, одиночества, безысходности, пустоты, социальной тоски. Альтруистическое самоубийство (типичное прежде все-

го для древних обществ, по мнению Дюркгейма, но, как нам кажется, становящееся особенно популярным в наше время среди отдельных религиозных конфессий) связано с выполнением определенных ритуалов, обычаев, когда человек приносит себя в жертву (в древности это были самосожжения жен после смерти мужей, самоубийства рабов после смерти хозяина и т.д.). С этим видом самоубийств связаны и так называемые фаталистические самоубийства, вызванные необходимостью выполнять требования жесткой дисциплины, регламентации поведения. Это действие в условиях отсутствия выбора его варианта. Аномические самоубийства связаны с периодами крупных общественных потрясений, кризисов, когда человек не может адаптироваться к новым социальным условиям жизни.

Нетрудно обнаружить, что выявленные и описанные Дюркгеймом виды самоубийства и их причины характерны и для нашего времени. Исследование французским ученым самоубийства представляет собой своеобразную модель изучения отклоняющегося поведения, что подтвердило дальнейшее развитие социологии. Доказательство этому — исследование различных форм аномии и девиантного (отклоняющегося) поведения, осуществленное известным американским социологом Р. Мертоном под влиянием идей Дюркгейма.

§ 9.

Как уже указывалось выше, одна из проблем, которая привлекала внимание Дюркгейма на протяжении большей части его творческой жизни, — воспитание и образование. Источником многих его научных работ в этой области социологического знания была преподавательская деятельность, а отдельные труды рождались из лекционных курсов. Последние читались с большим успехом, пользовались у студентов популярностью. Лекции Дюркгейма, как и его научные труды, отличались глубокой логикой, четкостью и ясностью изложения, а по форме часто напоминали своего рода социологические проповеди.

Трактовка социологом проблем образования вытекала из рассмотрения им общества как сферы солидарности, сплоченности, согласия, одним из основных средств достижения которых он считал воспитание. В контексте всей концепции Дюркгейма оно трактуется очень широко, рассматривается как социальный институт и, по сути дела, включает в себя образование. Проблематика воспитания становится у него ядром предметного поля социологии образования, дополняясь идеями социализации молодого поколения, поскольку она осуществляется, по мнению французского ученого, именно через образование. Еще в работе «Самоубийство» Дюркгейм рассматривает воспитание «не больше как образ и подобие общества. Оно подражает ему, его воспроизводит, но не создает его. Воспитание бывает здоровым, когда сами народы в здоровом состоянии. Но оно портится вместе с ними и не может измениться собственной силой».

11 далее: «...воспитание может реформироваться лишь тогда, когда реформируется само общество» [1994. С. 369—370].

В соответствии со своей общесоциологической концепцией Дюркгейм рассматривает образование и воспитание в тесной связи с потребностями социального развития, общественного разделения труда и достижения органической солидарности в обществе. Две стержневые методологические линии тесно переплетаются в творчестве Дюркгейма, когда речь заходит об образовании и воспитании, — институционализм и функционализм.

В первом случае образование и воспитание изучаются как социальные институты, что вполне понятно, исходя из общего представления Дюркгейма о социологии как науки об «институтах, их генезисе и функционировании» [Дюркгейм. 1991. С. 405]. Что касается функционализма, то он проявляется у Дюркгейма при рассмотрении образования и воспитания с точки зрения выполнения ими определенных функций в обществе. Главной среди них является направленность этих институтов на достижение социальной солидарности, обеспечение в обществе согласия, сплоченности, порядка.

Французского социолога можно с полным основанием считать одним из основателей такой отрасли социологического знания, как социология образования. (Строго говоря, сама эта отрасль оформилась, конституировалась спустя четверть века после разработки Дюркгеймом проблем образования и воспитания.) Основная его идея, определившая в значительной мере развитие социологии образования, — тесная связь педагогики и социологии, зависимость первой от второй. Во вступительной лекции курса, прочитанного в Сорбонне в 1902 г. (текст лекции под названием «Педагогика и социология» был опубликован в январе 1903 г. в журнале «Метафизическое и моральное обозрение»), Дюркгейм подчеркивал: «... я считаю как раз основой всякого теоретического построения в педагогике положение о том, что воспитание — явление главным образом социальное как по своим функциям, так и по происхождению, и, следовательно, педагогика зависит от социологии сильнее, чем от любой другой науки» [1995. С. 245].

Ученый просит обратить внимание на эту фундаментальную аксиому, поскольку она, как правило, не признается. Он говорит о том, что вплоть до самого последнего времени воспитание рассматривалось как явление главным образом индивидуальное, а педагогика — как непосредственное и прямое следствие, результат только психологии. «В качестве очевидной истины утверждалось, — читаем у Дюркгейма, — что существует одно, и только одно, воспитание, которое, исключая любое другое, подходит одинаково ко всем людям, каковы бы ни были исторические и социальные условия, от которых они зависят; и именно этот абстрактный и единственный идеал теоретики воспитания стремились определить» [Там же. С. 246].

С этим положением французский социолог в корне не согласен. Он утверждает, что «не бывает воспитания, повсеместно пригодного для всего человеческого рода; более того, не бывает, в известном смысле, общества, где бы различ-

ные педагогические системы не сосуществовали и не функционировали пара, илелью» 11995. С. 247]. Французский социолог доказывает, что во всех цивилизованных странах воспитание имеет тенденцию дифференцироваться и специализироваться, и эта специализация постоянно пановится все более ранней.

Воспитание характеризуется определенным педагогическим идеалом, который, в свою очередь, объясняется социальной структурой общества. Воспитание, делает вывод Дюркгейм, «отнюдь не имеет единственной и главной целью индивида и его интересы, оно есть прежде всего средство, с помощью которого общество постоянно воспроизводит условия своего собственного существования» [Там же. С. 254].

Поскольку любой человек, по Дюркгейму, выражает определенное социальное существо, постольку цель воспитания - сформировать его и каждом из нас. В этом смысле воспитание состоит прежде всего в целенаправленной социализации молодого поколения. Педагогу, следовательно, далеко недостаточно иметь в качестве ресурса одну лишь психологию, поскольку главную роль в определении целей воспитания играет социология. Более того, не только цели, но и средства, которыми эти цели могут быть достигнуты, необходимо должны иметь тот же социальный характер, а, следовательно, также определяться с помощью социологии.

Воспитательные институты Дюркгейм сравнивает с социальными и приходит к выводу, что нет ни одного из первых, который нельзя было бы уподобить вторым. В качестве примера рассматривается школа, которая воспроизводит в уменьшенной форме и как бы сокращенно черты социального института. В школе существует дисциплина, так же как и в обществе. Правила, определяющие обязанности школьника, подобны правилам поведения взрослого человека. Наказания и поощрения, связанные с выполнением обязанностей школьником, сходны с аналогичными санкциями взрослого.

Для Дюркгейма школьная жизнь — это только зародыш социальной жизни. Раз последняя — лишь продолжение и развитие первой, то основные способы функционирования одной обнаруживаются в другой жизни. «Можно, стало быть, ожидать, — считает Дюркгейм, — что социология, наука о социальных институтах, поможет нам понять, чем являются, или предположить, чем должны быть воспитательные институты. Чем лучше мы знаем общество, тем лучше мы сможем объяснить себе все, что происходит в этом социальном микрокосме, каковым является школа» [Там же. С. 261].

Примечателен подход французского социолога к рассмотрению соотношения педагогических целей, средств (методов) и социальных состояний] обществе. Он рассматривает две крайние ориентации общества — па *мир* индивидуализм и коллективизм, характеризуемый им как жесткий копф)] мизм. Если общество ориентируется в направлении индивидуализма, воспитательные средства должны быть, по логике, отвергнутыми, поскольку каждое из них будет означать насилие над индивидом, непризнание еіјвнутренней свободы. Если же, наоборот, общество почувствует необход

мость навязать всем более жесткий конформизм, тогда все, что может выпить интеллектуальную инициативу сверх меры, будет запрещаться.

Отсюда папраншнаега вывод, который сам Дюркгейм не делает в работе: крайности одинаково нежелательны для общества и педагогики. Что касается умозаключения ученого, то оно выглядит следующим образом: «Итак, с какой бы стороны мы ни рассматривали воспитание, оно везде обнаруживает один и тот же характерный признак. Идет ли речь о преследуемых им целях или об используемых им среда вах, оно отвечает социальным потребностям, оно выражает коллективные идеи и чувства. Конечно, сам индивид находит это выгодным для себя. Мы ясно признали, что воспитанию мы обязаны лучшим в себе. Но дело в том, что эга лучшая часть нас самих имеет социальное происхождение. Поэтому следует всегда обращаться к исследованию общества; только в нем педагог может найти принципы своих теорий» [Там же. С. 262—263].

С этой центральной идеей всей концепции воспитания Дюркгейма перекликается, а скорее всего тесно связан, заключительный парафраз его «Педагогики и социологии». Если бы не знать, что приводимые ниже рассуждения имели место в 1902 г., их вполне можно было бы счесть за сегодняшние, причем на том же, а может быть, даже на более высоком уровне актуальности. Дюркгейм говорит «Глубокие трансформации, которые испытали или испытывают современные общества, требуют соответствующих трансформаций в сфере национального воспитания. Но хотя мы хорошо понимаем, что изменения необходимы, мы плохо знаем, какими они должны быть. Каковы бы ни были убеждения отдельных индивидов или партий, общественное мнение продолжает пребывать в состоянии нерешительности и беспокойства. Поэтому мы не можем решать педагогическую проблему так же безмятежно, как люди XVIIв. Речь теперь идет не о том, чтобы пускать в ход уже усвоенные, идеи, а о том, чтобы найти идеи, которые бы пас направляли» [Там же. С. 263].

Вопрос состои'1 в юм, как же их обнаружить. Дюркгейм считает, что существует только один способ сделать это: обратиться к обществу как источнику воспитания. По что это значит? По мнению социолога, это означает необходимость знать и удовлетворять потребности общества. «Обращать наши взоры только внутрь самих себя, — говорил Дюркгейм, — это значит отвращать их от той самой реальности, которую нам нужно постигнуть; это значит сделать для нас невозможным что-либо понять в движении, которое увлекает за собой окружающий нас мир и пас вместе с ним» [Там же. С. 264].

С учетом такой четко зафиксированной позиции, которая многим сегодня покажется весьма спорной, Дюркгейм делает вывод о необходимости серьезной социологической подготовки для воспитателя. Он считает, что социология в состоянии дать воспитателю систему ведущих идей, «которые способны одухотворить пашу практику и быть ее опорой, придать смысл нашей деятельное! и и основательно связать нас с ней; а это составляет необходимое условие для того, чтобы эта деятельность была плодотворной» [Там же]. Верой в такую возможность Дюркгейм завершает работу, посвященную

связи педагогики и социологии, а по существу — анализу проблем образования и воспитания с точки зрения социологического подхода к ним.

§ 10. Значение социологического творчества Э. Дюркгейма

Говоря в целом о значении социологического творчества французского ученого, следует отметить, что он оставил после себя цельную и стройную социологическую систему, которая не потеряла актуальности и в наши дни. Как отмечает один из лучших отечественных исследователей творчества Э. Дюркгейма и переводчик ряда его работ А.Б. Гофман, идеи социолога «могут оказаться весьма полезными и сегодня, особенно в общих чертах, находясь в переходном состоянии, переживающих бурные социальные изменения и радикальное обновление социальных институтов»¹. Как известно, к числу таких стран в конце XX — начале XXI в. полной мере относится Россия. Поэтому для нашей страны анализ концепций и идей Дюркгейма представляет особый интерес, в том числе и тогда, когда речь заходит о различных проявлениях аномии, аморальных явлениях, разрыве социальных связей, дефиците социальной солидарности, социальных болезнях (например, самоубийстве) и др.

Но актуальность и значение творчества Дюркгейма определяются только и даже не столько этим обстоятельством. Главное в том, что ни один из направлений социологической науки, ни одна из ее школ, ни один из социологов не могли не испытать на себе влияния целостной концепции общества французского мыслителя, принципов его «социологизма», теория: разделения общественного труда и социальной солидарности, правил социологического метода, идей морали и религии, образования и воспитания.

Дюркгейм оставил социологии разработанную целостную систему. Главными ее характеристиками, и это особенно важно, были: а) понимание общества как саморегулирующегося, обладающего структурой и выполняющего определенные функции организма (что означало провозглашение и конституирование структурного функционализма как одной из первых социологических парадигм); б) анализ в качестве основы этого саморегулирующегося организма разделения общественного труда и базиса: социальной солидарности; в) трактовка социального порядка как нормального состояния общества; г) рассмотрение в качестве главного регулирующего механизма общества морали и признание ее роли в его функционировании социальных институтов воспитания.

Значение творчества Дюркгейма для последующего развития социологии и влияние на нее определялись не только его работами, но и мощной школой исследователей, которая осталась после него и просуществовала

¹ Гофман А.Б. О социологии Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 559.

нала без малого три десятилетия. Идеи учителя и учеников — и по сей день в активе социологической науки.

Вопросы и задания

- IV чем видел предмет социологии Дюркгейм? Как он характеризовал социальный факт?
2. Расскажите о правилах социологического метода Дюркгейма.
 3. Как вы трактуете смысл понятия «социологизм»?
 4. Почему проблема социальной солидарности оказалась центральной в социологическом творчестве Дюркгейма?
 5. В чем вы видите взаимосвязь между общественной солидарностью и разделением труда в концепции Дюркгейма?
 6. Раскройте существо социологической трактовки морали у Дюркгейма и ее взаимосвязь с его концепцией общества.
 7. В чем заключался подход Дюркгейма к религии? Почему она оказалась тесно связанной с моралью в творчестве французского социолога?
 8. Как вы полагаете, не потеряли ли своей актуальности идеи Дюркгейма о социальной солидарности как высшем моральном принципе в обществе? Ответ аргументируйте.
 9. В чем видел Дюркгейм основную социальную причину социальных отклонений? Можно ли объяснить этой причиной и возрастание девиаций (отклонений) в современном российском обществе?
 10. Охарактеризуйте взгляды Дюркгейма на образование и воспитание.
 11. Почему работа Дюркгейма «Самоубийство» вызывает и сегодня повышенный интерес?
 12. Сформулируйте основные социологические идеи Дюркгейма. Какие из них, на ваш взгляд, выглядят сегодня особенно актуальными?
 13. В чем состоит значение социологического творчества Дюркгейма?

Литература

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.

Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин СИ. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Д., 1999.

Гофман А.Б. Эмиль Дюркгейм в России. М., 2001. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.

Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994. Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Самоубийство //

Западно-европейская социология XIX— начала XXвека: Тексты. М., 1996.
Дюркгейм Э. Социология образования. М., 1996. История социологии. Минск, 1993.

История социологии в Западной Европе и США. М., 1999.
История теоретической социологии: В 4 т. М., 1997. Т. 1.

Кульшин В.П. Французская классическая социология XIX— начала XXвеков. М., 1991.
Кульшин В.П. Классическая социология. М., 2000. Осипова Е.В. Социология Э. Дюркгейма. М., 1978.

Глава 11

Социологическая система В. Парето

§ 1. Краткий биографический очерк и общая характеристика учения

Вильфредо Парето (1848—1923), известный итальянский социолог родился в Париже в знатной семье. Его отец, итальянский маркиз, был выслан из Италии за свои либеральные и республиканские убеждения. Мать была французской женщиной. С детства, свободно владея на обоих языках, он все же ощущал себя гораздо больше итальянцем, чем французом. Тем более что в 1850 г. ему было разрешено вернуться в Италию, и дальнейшая жизнь будущего социолога оказалась связана именно с этой страной. Парето получает классическое среднее образование, как гуманитарное, так и техническое. Проявляет склонность и интерес к математике. Учится в Политехническом университете в Турине и получает диплом инженера. В 1869 г. защищает диссертацию на тему «Основные принципы равновесия твердых тел». Впоследствии понятие равновесия станет одним из центральных в его социологических и экономических работах.

Следующий период жизни Парето прошел во Флоренции, куда его пригласили на должность инженера путей сообщения. Затем он становится главным управляющим металлургических заводов в долине Арно. В это время он выступает против милитаристской политики итальянского правительства и высказывает демократические и либеральные взгляды. В 1889 г. Парето женится на Александре Бакуниной, русской по происхождению. Но в 1901 г. жена оставляет его и уезжает в Россию. В 1902 г. он связывает свою личную жизнь с Жанной Режи. Именно ей Парето посвятил главный труд своей жизни — «Трактат по общей социологии» (написан в 1912 г., издан в 1916 г. во Флоренции).

В 1891 г. произошло знакомство Парето с работами двух крупнейших итальянских экономистов того времени — М. Панталеопа и Л. Вальраса. Развиваемая ими теория экономического равновесия оказала неизгладимое влияние на мировоззрение Парето и стала впоследствии основой его социологической системы. В начале 1890-х гг. происходит постепенный перелом в убеждениях итальянского мыслителя, он переходит на позиции консерватизма и антидемократизма. В 1892—1894 гг. публикует ряд материалов по экономической теории.

Новый период жизни Парето начинается в 1893 г., когда он становится профессором политэкономии и руководителем кафедры в Лозаннском университете Швейцарии. На этом посту он сменяет Л. Вальраса — известного экономиста, на чьих работах учился и по приглашению которого приехал в Лозанну. Он много занимается научными исследованиями и публикует ряд сочинений, изданных в свет его «Курс политэкономии» на французском языке (1896—1897). В 1897 г. Парето начал читать курс социологии в Лозаннском университете параллельно с преподаванием политэкономии. Вскоре, в 1898 г., он получает от дяди в наследство колоссальное состояние, а в 1901 г. приобретает на берегу Женевской озера в Селиньи виллу «Ангора» — любимое место работы и отдыха. В 1902 г. в Париже была издана его книга «Социалистические системы», а в 1907 г. в Милане — «Учебник политической экономии».

Болезнь сердца заставляет Парето прервать преподавательскую деятельность (1907). Почувствовав некоторое улучшение здоровья, он начинает работать над «Трактатом по общей социологии», который писал в течение пяти лет (1907-1912). Первая публикация «Трактата» на итальянском языке состоялась в 1916 г., а спустя три года он был напечатан на французском языке. В 1912 г. он прекращает чтение курса политэкономии и сохраняет за собой преподавание сокращенного курса социологии. С этого времени и до конца жизни Парето занимается научными исследованиями только в области социологии. В 1918 г. в Лозаннском университете пышно отмечается его семидесятилетний юбилей.

В начале 1920-х гг. итальянский социолог публикует несколько важных и интересных работ. Одна из них — «Трансформация демократии», вышедшая в Милане в 1921 г. (далее мы неоднократно будем на нее ссылаться, поскольку в ней в обобщенном виде изложены все его основные социологические идеи). В некоторых трудах социолог сочувствует итальянскому фашизму и выражает ему идеологическую поддержку. Как известно, именно в это время (1922) к власти в Италии пришел Б. Муссолини. Новое правительство не скупилось на почести Парето, многие его члены (в том числе и сам дуче) считали себя учениками профессора Лозаннского университета. В 1923 г. Парето был удостоен звания сенатора Итальянского королевства. В этом же году он умер в Селиньи, где и похоронен.

Как отмечалось, итальянский ученый довольно поздно, будучи уже зрелым и широко известным специалистом в области политэкономии, обратился к социологии. С чем это связано? По всей видимости, с тем, что сто перестала устраивать рационалистическая концепция «экономического человека», в рамках которой он работал долгие годы, исследуя монополистический рынок, распределение доходов и другие экономические проблемы. Еще в работах, написанных в конце XIX — начале XX в., он проявляет интерес к новой модели человека и новым объяснениям социальных процессов. Этот интерес оказался реализованным в полной мере в «Трактате по общей социологии» — гигантской по объему и наукообраз-

ной по стилю изложения работе (2000 страниц текста большого формата, 13 глав, 2612 параграфов, да еще и приложения).

На его социологические взгляды большое воздействие оказали идеи Н. Макиавелли, Г. Лебона, Г. Тарда, французского социолога Ж. Сореля (прежде всего его концепция насилия), итальянского политического мыслителя Г. Моски (теория деления общества на два класса — господствующий и подчиненный) и др. К этому нужно добавить влияние собственных знаний Парето в области математики, технических наук, экономики, его «инженерного» опыта практической деятельности.

Следует также учитывать эволюцию взглядов самого итальянского социолога — от демократических, либеральных, гуманистических убеждений молодости и начального периода зрелости до разочарования в прежних идеалах, пришедшего после 1900 г. в результате наблюдений за экономической и политической жизнью европейского общества, а также неудач в личной жизни и политической карьере. Пессимизм и цинизм прочно входят в «ткань» мировоззрения мыслителя, усиливая негативистский настрой и желание «срывать маски» и разоблачать все и вся. Социология превращается у Парето в средство именно такой деятельности.

Не случайно он отказывается от рационалистической модели человека (ее сторонником ученый был многие годы), в соответствии с которой индивид сначала обдумывает свои действия сообразно поставленным целям и задачам, а затем совершает цепь поступков для их достижения. Как полагает Парето, на самом деле все происходит наоборот. Человек сначала совершает действия (под влиянием чувств и определенных интересов) а затем объясняет их, стремясь к правдоподобности и обоснованности собственных интерпретаций. Собственно говоря, на этом базируется одна из основных концепций Парето — теория нелогического действия.

Но он не переходит с позиций рационализма на иррационалистические трактовки действий. Наоборот, он стремится усилить рационализм за счет «ультрарационализма», включая в дискурс, в систему рассуждений не только логику, но и эксперимент и наблюдения для того, чтобы разоблачать иллюзии, с помощью которых люди обманывают себя и других, скрывая действительные мотивы своих действий и поступков. Это дает основания считать Парето сторонником позитивизма, хотя и непоследовательным, поскольку он у него связан с волюнтаризмом, отрицающие объективный характер законов общественного развития.

§ 2. Общество как система

Рассмотрим основные концепции В. Парето, касающиеся его трактовки общества, понимания предмета социологии как науки, теорий нелогического действия и элиты. Начнем с анализа взглядов социолога на общество-

но, поскольку именно его интерпретация во многом определила все основные взгляды, теории и суждения.

Для итальянского мыслителя общество — это социальная система, находящаяся в состоянии динамического равновесия. «Общественный порядок, — писал он, — никогда не бывает совсем неподвижным: он находится в непрерывном движении. Но превращения могут происходить с разной скоростью» [Трансформация... 1996. С. 157].

Применяя понятие системы к обществу, Парето рассматривает последнее скорее как механизм, чем организм. Основными факторами, влияющими на состояние системы общества в тот или иной конкретный период его существования, итальянский социолог считал внешние природные условия, внешние социальные (точнее, неприродные) условия, внутрисистемные социальные условия.

Все элементы социальной системы у итальянского социолога взаимосвязаны и взаимозависимы на основе действия многофакторных влияний, что обеспечивает достижение равновесия в обществе. Эта идея была заимствована Парето из экономической теории Л. Вальраса, а также из химии и механики, которыми социолог много занимался в молодом возрасте. При этом нужно учитывать, что Парето имел в виду прежде всего механическое равновесие и механическую взаимосвязь элементов, что не позволяло ему в полной мере объяснить особенности функционирования общества как определенной целостности на основе выделения доминантных социальных факторов его изменения и эволюции.

Равновесие, о котором пишет социолог, — не статическое, а динамическое, поскольку общество постоянно эволюционирует. Кроме того, динамизм равновесия определялся, согласно его позиции, тем, что изменения, происходящие в одной части системы, передаются немедленно другой ее части. Однако, признавая эволюцию общества, Парето «отказывает» ему в прогрессе. Он считает, что эволюция и равновесие, связанные между собой, имеют маятниковый и циклический характер. Это значит, что общество, испытывая на себе влияние конкретных ритмических колебаний, каждый раз возвращается к определенному равновесному состоянию. Циклический характер развития общества итальянский ученый связывает в значительной мере с циклами развития элиты, описанными им в широко известной социологическому сообществу концепции, ей посвященной.

Идеи Парето о системном подходе к обществу находились в русле тех социологических традиций, в соответствии с которыми главной задачей социального организма было обеспечение стабильности социальной системы и порядка в ней. При этом требовался учет целого ряда переменных, функционально взаимодействующих между собой. На них исследователь обращал особое внимание.

Наиболее подробно и детально итальянский социолог проанализировал такую подсистему общества, как экономика. Это и понятно: ведь Парето был профессиональным экономистом, прошедшим серьезную школу итальянской

политэкономии (М. Паталеони, Л. Вальрас) и оставившим свой заметный след в этой области знания, причем именно в теории равновесия экономиче(кой жизни. По мнению Г [арсто, экономическая подсистема общества включа еіv себя в качестве основных элементов индивидов, ставящих копкретньк экономические цели и действующих па основании экономических норребно стей и интересов, в основе которых лежат определенные чувства людей.

Именно здесь мы сталкиваемся с той лошкой рассуждений и доказательств итальянского ученого, которая привела его от экономической пауки к социологии, к системному подходу, анализу действий и взаимодействию людей, базирующихся па их психических склонностях и предрасположен ностях (диспозициях), имеющих врожденный характер и толкающих инди вида на не поддающиеся здравому логическому смыслу поступи.

Общество для Парето — это не просто социальная система, включающая соотносимые и взаимодействующие части (структуры). Это прежде всею система взаимодействия людей. Каждый индивид осуществляет действие, наблюдаемое извне. Объективной основой этого действия социолог считаем психическое состояние человека, поскольку оно дано человеку изначально, независимо от его желаний, чувств, эмоций, стремлений и т.д. Более того, выступая определяющим объективным фактором действий людей, их пс| хические состояния тем самым детерминируют многие социальные проце сы. Под субъективной основой действия исследователь понимал тс сужд| ния и аргументы, которые выдвигает действующий индивид.

Парето критиковал своих предшественников, и первую очерс/1 О. Конта и Г. Спенсера, за то, что они совершенно не учитывали психич^ скос состояние индивидов как объективную базу их деятельности, а те самыми функционирования общества в целом. Социолог, считает Паріјто, не в состоянии раскрыть и проанализировать сущностный, необход мый характер связей между социальными фактами, поскольку это ему] дано в тех методах, которые он использует.

Будучи сторонником позитивизма, итальянский ученый критиковал; риорные суждения и понятия в социологии, которыми увлекались мпог его предшественники и современники. Социология, считал он, должна , вать эмпирически обоснованное знание. Главное в этой науке — описа! социальных фактов, поскольку именно оно и дает знание об обществе. Чт касается законов социологии, то их задача — устанавливать функцио наые зависимости между фактами. По мнению Парето, подлинное социолс] гическое (он характеризовал его как логико-экспериментальное) исследова" ние должно быть связано с выявлением и изучением психических установо| и психического склада людей, определяющих подавляющее большшетв их действий и взаимодействий. Но эта детерминация, указывает социоло| оказывается не прямой, а опосредованной, через чувства человека.

Итак, психический склад индивида обуславливает его чувства, определяющие характер действий. Последние были названы Парето «нелогическими»

(подробнее о них будет сказано ниже, в связи с разработанной ученым специальной концепцией), и именно они и составляют предмет социологического исследования. Поскольку общество представляет собой, с точки зрения Парето, (систему взаимодействия индивидов, а для последних типичными и характерными являются нелогические действия, постольку социология выступает наукой прежде всего об этих действиях. Само же социальное действие трактуется (социологом преимущественно на психологическом уровне и уровне чувств.

Подчеркивая динамичный характер общества как социальной и исторической системы, Парето полагал, что в основе этого динамизма находятся чувства и эмоции, но отнюдь не социально-экономические факторы. Именно чувства являются движущими силами человеческой истории, основным механизмом ее изменения. Социолог писал: «Выражения чувств и интересов могут быть различны, как различаются их логические последствия. Эти выражения и последствия, обычно служат предметом изучения для историков. Среди современных государственных и общественных структур, очень высоко ценятся». И далее: «...история в действительности никогда не повторяется. Бесконечное число сочетаний может рождаться из составляющих их человеческих поступков, а история ведет только хронику этих сочетаний» [Трансформация... 1996. С. 156—157].

Таким образом, любое конкретное общество, взятое в историческом развитии, рассматривается как динамичная социальная система, вне зависимости от ее социально-экономической «начинки». Это выглядит внешне странным, учитывая, что многие годы, даже десятилетия жизни Парето были посвящены занятиям экономической наукой, где он заметно преуспел. Приоритет, отданный чувствам и иррациональной психической жизни перед социальными факторами общественной и индивидуальной деятельности, — такова одна из основных особенностей социологии Парето. Не случайно именно в этом подходе итальянского социолога к трактовке социальной системы и источников ее движения многие его исследователи и критики усматривали психологический и даже биологический редукционизм.

§ 3.

Характеристика социологии как науки, специфика ее понимания изложены В. Парето в теории нелогического действия. Под социологией он понимал науку, дающую и обеспечивающую эмпирически обоснованное знание об обществе. Ее задача — описывать факты и формулировать законы, характеризующие функциональные зависимости между этими фактами. Сами зависимости, по мнению Парето, могут быть выражены как в логической, дискурсивной, так и в математической форме.

В качестве основных фактов, описываемых социологией, выступают действия, поступки людей, отражающие их социальное поведение. Эти

действия имеют как логический, так и нелогический характер (логические и нелогические действия). Первые (логические) действия являются предметом и содержанием естественных наук, технологий, юриспруденции, экономической науки и некоторых других областей знания, поскольку они характеризуются рациональным выбором средств, наиболее подходящих для достижения поставленной цели.

Но большинство действий имеет нелогический характер, они-то и выступают предметом и содержанием социологической науки. Поэтому главная социологическая концепция Парето получила название теории нелогического действия. Нелогическими являются такие действия, которые основаны не на научном методе и принципах рационального мышления, а на чувствах. Итальянский социолог писал: «Чувства и интересы постояннее всего, и потому они — самые важные составляющие сущности явлений» [Трансформация... 1996. С. 156]. Чувства обусловлены психическим складом людей и служат источником функционирования общества как системы. Собственно, общество, по Парето, и есть система взаимодействия индивидов, наделенных чувствами. В нелогических действиях людей есть тоже своя логика — логика чувств. Эту логику и сами нелогические действия изучает социология.

В процессе совершения нелогических действий, считает Парето, люди не могут установить объективные связи между многими фактами и явлениями и поэтому не в состоянии логически соединить цель действий и средства ее достижения. Когда же они пытаются это сделать, то соединение оказывается иллюзорным и не отражающим его действительную суть. Например, чтобы получить от Бога в качестве его милости дождь (цель), люди используют жертвоприношения (средство). Но для настоящей науки очевидно, что такое соединение цели и средств надуманно. Социология как раз призвана показать людям нелогичность их поведения.

Чтобы преодолевать домыслы и предубеждения людей, она должна стать логико-экспериментальной наукой. Социолог пишет в этой связи: «Люди смотрят на факты сквозь собственные предубеждения. ...Больше того, для них естественно высказывать домыслы о том, почему и как что-то происходит. Логическая экспериментальная наука позволяет нам отвечать на вопросы в определенных рамках. Но люди презирают случайности и отказываются принимать такие рамки. С тех пор как люди редко стали изучать общества экспериментальным путем, настоящую науку заменяет псевдонаука в поисках абсолютных ответов, которых страстно ищут люди. Толкование фактов определяется чувствами, желаниями, предрассудками и интересами, которые очень часто незаметно для человека мотивируют его действия» [Там же].

Возлагая надежды на логико-экспериментальный метод как средство преодоления псевдонаучных теорий, Парето тем не менее не абсолютизирует его возможностей, поскольку изначально, по определению они ограничены. Например, социолог с помощью этого метода не может вскрыть сущностные связи между изучаемыми им социальными фактами. Строго

говоря, установление таких связей и не является задачей социологии, поскольку выходит за пределы описания функциональных связей между фактами, в качестве которых чаще всего выступают чувства.

Их анализу Парето уделяет очень большое внимание. Все рассматриваемые чувства (нелогические действия) он классифицирует, выделяя среди них неизменные, постоянные и производные. Социальное равновесие в обществе определяется именно первой группой чувств (нелогических действий), которые были названы социологом «резидуями», в отличие от производных, получивших название «дериватов». Термины, прямо скажем, необычные и могущие показаться странными. У первого («резидии») происхождение явно «химического» характера (итал. residuo означает «осадок», т.е. то, что выпадает в результате химической реакции и определенное время сохраняется в нерастворимом виде). Что касается «дериватов» (от лат. derivatio — отклонение, отведение), то они рассматриваются как производные от чувств и нужны для того, чтобы скрывать истинные побудительные мотивы действий.

Парето выделял шесть классов «осадков» (они же остатки, «резидии»). Строго говоря, это не сами чувства и эмоции, а их врожденная, естественная основа. «Осадки» детерминируют социальное поведение человека. К первому классу «осадков» он относил остатки «инстинкта комбинаций». Это склонность человека собирать, комбинировать вещи, лежащая в основе всех социальных изменений. Второй класс «осадков» получил название «Настойчивость в сохранении агрегатов». Остатки «постоянства агрегатов» — это консервативное чувство, касающееся неприятия новых связей и изменений и стремления сохранить старые. Третий класс «осадков» связан с чувством собственности (он называется «Потребность в проявлении своих чувств посредством внешних актов»). Четвертый класс — это «Осадки, связанные с социальностью». Пятый класс «осадков» («Единство индивида и того, что ему принадлежит») характеризуется стремлением проявлять свои чувства в общественных действиях и поступках. Шестой класс связан с половым инстинктом («Сексуальный осадок»).

Следует отметить, что столь неординарная, мягко говоря, классификация «осадков» не вызвала большого энтузиазма у западных социологов, она оказалась непопулярной и не воспринятой научным социологическим сообществом того времени. Если учесть, что каждый класс «осадков» содержит в себе многочисленные их подклассы, ясно, что создается очень громоздкая система, практическое применение которой для анализа нелогического поведения людей явно затруднено.

Как отмечалось выше, другим центральным понятием теории нелогического действия стали «деривации» — «производные», представлявшие эквивалент того, что определяют как идеология или оправдательная теория. «Производные» происходят от «осадков» и через них связаны с «чувствами», но при этом, указывает Парето, первые строго не соответствуют вторым. Более того, особенность «производных» состоит в том, чтобы скрывать породившую их

основу. «"Дериваты", — пишет социолог, — могут быть очень разными. Они часто разноцветны и переливаются всеми цветами радуги. Они одновременно и олицетворяют, и затемняют социальные факты» [Трансформация... 199(5 С. 1571. «Производные» как бы еще более субъективны, чем «осадки», на которых они базируются. По существу, они и нужны для того, чтобы скрывать истинные побудительные мотивы действий людей.

Парето делит все «деривации» на четыре класса. К первому классу относятся абсолютные истины, аксиомы или догмы. Это простые утверждения типа: «так надо, потому что так надо». Так мать говорит своему ребенку, требуя от него послушания. Второй класс «дериваций» содержит в себе некоторые претензии суждения и аргументы, опирающиеся на какой-то авторитет (личности, обычая, традиции). Это — убеждение авторитетом. Например, мать наставляет ребенка: «Ты должен *слушаться*, потому что этого хочет папа». Третий класс «производных» содержит апелляции к общепринятым принципам или воле сверхъестественных сил. Здесь возникают запреты и императивы. Продолжая серию примеров обращения матери к ребенку, можно привести относительно третьего класса «дериваций» следующее: «Нельзя так делать, потому что Дед Мороз обидится, рассердится, не поздравит тебя, не даст подарка». Наконец, четвертый класс «дериваций» — это чисто словесные доводы, вербальные доказательства, не имеющие объективного эквивалента.

демокра-
Щ

лента. Например, определенный политический режим объявляется
тическим, потому что он действует в интересах народных масс.

Такие «производные» нелогического характера имеют место сплошь
(|
заявлени-
ях лидеров стран и партий. Но реальных доказательств подлинного демо-
g
говоря, вся
|
«произ-
f
массовым
* ;
только н
политике, но и в судопроизводстве.

§
поскольку, го-
ворил Парето, они охотно принимаются каждым человеком, даже самым
|
снова и
снова. Не случайно эту идею очень активно использовали фашистские
режимы в Италии и Германии и их пропагандистские машины. Именно они создавали многочисленные идеологические мифы, которые сыграли заметную социальную и политическую роль, хоть и не соответствовали действительности. Итальянский исследователь

считал, что идеология — это теоретическая форма маскировки и сокрытия нелогического характера действия, которая часто облачена в демагогические одежды. Наличие многочисленных идеологий, которые, как правило, рождаются господствующим классом (здесь Парето опередил идеи немецкого социолога К. Маннгейма, высказанные в его главном труде «Идеология и утопия»), по мнению итальянских

к) социолога, вызвано существующими общественными потребностями. Они заключаются в необходимости скрыть, затушевать, закамouflировать подлинную сущность) политики, религии, морали. Поэтому Парето относит идеологии к чет вертому классу «дериваций». Понимая и подчеркивая их ложную несостоятельность, он не мог не показать социальную ценность и (паче! ие этих идеологии й как для общества в целом, так и для отдельных социальных групп и слоев, в первую очередь для правящего класса — элиты.

§ 4. Концепция элиты

В соответствии с учением В. Парето в обществе существует социальная неоднородность (гетерогенность), определяемая изначально неравенством индивидов. Оно проявляется в физической, интеллектуальной, нравственной, психической сферах жизни. Существующую социальную неоднородность ученый считал естественным и очевидным социальным фактом. В силу этого обстоятельства в каждой сфере есть группа людей, обладающая наиболее высокими показателями деятельности. Это и есть элита.

В обществе все его члены относятся либо к элите, либо к остальному, неэлитарному массиву населения. Сама элита, в свою очередь, делится также на две части — ту, которая управляет обществом («правлящая элита», «правлящий класс»), и неуправляющую элиту, занятую преимущественно в науке и художественно-творческой сфере деятельности. Как видно, социальная структура общества выглядит у Парето достаточно просто. Если ее сравнить с пирамидой, то верхушку составит немногочисленная элита, все остальное пространство займет основная масса населения — не-элита.

Элита отличается от остального населения прежде всего своими качествами: умением убеждать людей, опираясь на человеческие чувства и эмоции; способностью применять при необходимости силу; высокой степенью самообладания; умением использовать для достижения своих целей слабости людей и др. Некоторые из этих качеств противоречат друг другу, например умение убеждать и способность применять силу. Именно эти два качества Парето считал важнейшими, и если у действующей элиты их нет, она должна уступить место другой элите.

Процесс обновления элиты происходит регулярно, социолог называет его циркуляцией. Без циркуляции («круговорота») элиты общество не в состоянии поддерживать социальное равновесие, вне которого социальный организм обречен на разрушение. Элита и есть тот слой, а ее циркуляция — тот механизм общества, который поддерживает последнее в нормальном, функционирующем состоянии. Циркуляцию элиты Парето считает одним из основных законов существования человеческого общества.

Согласно концепции итальянского социолога, каждой элите соответствует свой стиль правления, базирующийся на доминировании одного из двух

названных выше главных ее качеств — умении убеждать и умении принуждать силой. Первое из этих качеств основывается на «инстинкте комбинаций» («осадки» первого класса), второе — на «постоянстве агрегатов» («осадки» второго класса). Тот тип правителей, у которых преобладает умение убеждать, Парето называл «лисицами», ту же часть элиты, которая действует силой, — «львами». Не трудно понять, что «лисицы» — это символ хитрости, коварства, вероломства, «львы» — силы, мужества, непримиримости.

Если «львы» и «лисицы» характеризовали два типа элиты в политическом отношении, то в экономическом и финансовом плане каждому из них соответствуют типы рантье и спекулянтов. Рантье — это вкладчики, живущие на фиксированные доходы, боящиеся совершить опрометчивые шаги и финансовом вопросе, спекулянты — это бизнесмены, комбинаторы, предприниматели, ловкие воротилы. Парето считал, что преобладание в стране спекулянтов обуславливает ее экономическое и социальное развитие, доминирование же рантье — свидетельство стабилизации общества, переходящей затем в его загнивание, поскольку в этом случае не создается необходимых условий для активного экономического и финансового развития.

Важно отметить, что концепция элиты у Парето оказывается связанной с теорией нелогического действия, о чем свидетельствует использование им понятия «осадков» и их классификации для обоснования типологии элиты.¹ В начале каждого периода развития того или иного конкретного общества к власти приходит элита первого типа, в основе деятельности которой «осадки» первого класса. Это означает, что она властвует на основе убеждения, подкупа, обмана, иногда прямого одурачивания масс (власть «лис»). Происходит, следовательно, усиление «осадков» первого класса и ослабление «осадков» второго класса.

Как указывает Парето, на этом этапе господства элиты первого типа материальные интересы довлеют над идеальными, интересы индивида над интересами социальных групп, интересы ближайшего будущего — над интересами отдаленного будущего. Это означает, что правящая элита первого типа заботится о настоящем больше, чем о будущем. Такая ситуация постепенно вызывает неудовлетворенность ее деятельностью. Эта неудовлетворенность усиливается, доходит до высшей точки и в результате политической революции на смену элите первого типа приходит элита второго типа (власть «львов»), в основе деятельности которой — «осадки» второго класса. Характерными становятся агрессивность, авторитарность, упорство и др. Таким образом, описывая круговорот элит, Парето говорит о постепенной замене «лис» «львами», которые, в свою очередь, в определенных обстоятельствах сами окажутся смещенными с пьедестала власти «лисами».

Основным состоянием общества, как уже отмечалось, итальянский социолог считал равновесие. Его обеспечение — цель властвующей элиты, которая ради этого может и должна использовать любые средства. Парето

i
4
I
4
f

го любил повторять афоризм итальянского политического мыслителя конца XV— начала XVIв. Н. Макиавелли: «Цель оправдывает средства».

Чтобы осуществлять успешное управление обществом, правящий класс, по мнению социолога, должен постоянно заботиться о своем обновлении за счет здоровых сил и лучших представителей низшего класса. Необходима социальная мобильность, которая должна проявляться в изгнании из правящего класса наиболее разложившихся членов и переходе в его состав энергичных и жизнеспособных людей из не-элиты. Только в этом случае действующая элита окажется способной к длительному господству. Иначе ей обеспечена деградация и, как следствие, наступление политической революции.

Парето полагал, что политические революции осуществляются в результате замедления круговорота элиты и создания таких негативных условий, при которых наиболее достойные представители низших классов не в состоянии перейти в правящий класс. Это происходит исключительно вследствие действия самой правящей элиты, которая начинает себя оберегать от появления в ее составе новых, чужеродных элементов. Таким образом, причиной разложения и гибели действующей элиты является поведение самого правящего класса. Суть политической революции, по Парето, — в насильственной замене одной правящей элиты другой.

Не следует думать, будто социолог считал, что процесс циркуляции, круговорота элит является результатом изменений личного характера либо борьбы группировок за власть. Этот процесс отражает наиболее важные потребности общества в радикальных изменениях своих основных структур — профессиональных, социальных, духовно-идеологических. Поэтому смена властвующих элит является отражением процесса чередования экономических и политических циклов в развитии общества. С этими циклами Парето связывает и развитие циклов духовного производства (религиозного, художественного, интеллектуального и др.). Здесь также происходит циклическая смена периодов веры и скепсиса, в основе которых лежат «остатки» чувств.

В отличие от концепции нелогического действия, теория элит оказала большое влияние на последующее развитие социологии. Она дала возможность исследовать механизмы власти с новых теоретических позиций, обращаясь к психологии человека и социальных групп. Популярной была идея социолога о манипулировании сознанием групп людей с помощью идеологий, создаваемых правящими элитами и направленных на маскировку и сокрытие подлинных их намерений.

§ 5. Значение социологических взглядов В. Парето

В целом значение социологического творчества В. Парето достаточно велико, хотя и не было сразу осмыслено мировой социологией. Признание

к сто работам стало приходить после 1935 г., когда впервые был издан *ниж* английском языке «Трактат по общей социологии». Немало способствовал росту интереса к творчеству итальянского мыслителя американский социолог Т. Парсонс, пытавшийся реанимировать некоторые его идеи системного и структурно-функционального подхода к обществу и придать им универсальное значение. Сейчас Парето безоговорочно относят к числу классиков мировой социологии.

Итальянский ученый создал в социологии свой весьма специфиче¹кий, неповторимый стиль анализа и изложения материала, что позвол| ло ему занять особое место в мировой общественной науке. Этому сп| собствовали по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, Парето отличался негативным отношением ко всей предшествующей социол| гической мысли, начиная с О. Конта и Г. Спенсера. Во-вторых, тем , мым он добился того, к чему стремился изначально, — теоретической са" моизоляции.

Парето мало волновало, насколько его идеи будут поняты и приняты мировым сообществом социологов. Он ставил цель создания своей собственной социологической схемы (модели), и именно стремление к ее достижению позволяло ему строить вычурные наукообразные конструкции (типа теории нелогического действия с «резидуями» и «дериватами»),

Тем не менее значение социологического наследия Парето сегодня очевидно. Оно сводится по меньшей мерс к трем главным позициям.

1. Была сформулирована концепция социальной системы, базирую щейся на динамическом равновесии элементов общества, ее составляю щих (это положение явилось одним из основных для обоснования пара-^ дигмы структурно-функционального анализа).

2. Была создана теория элиты, своеобразно объясняющая социальную! структуру общества, закономерности его политической жизни и измене-» ний в ней.

3. Социологии как науке был придан критически-негативистский па фос, а ее основной функцией считалось не только (а иногда и не столько) утверждение нового, но и разоблачение социальных и политических на мерений, поступков, снятие с них покровов, их «верхней одежды», крити ка практических действий. Данное обстоятельство определяло пессимис тический в значительной степени характер всего учения Парето.

В этой связи симптоматичным и знаменательным оказалось его отношение к фашизму. Оказав ему идеологическую поддержку, социолог предупреждал его представителей (как и течение в целом), рвавшихся к власти, об опасности милитаризма, военных авантюр, репрессий, санкций в области свободы и демократии. В этом сказалось непонимание италянским теоретиком фашизма, поскольку то, против чего он

выступал, было сутью его (фашизма) идеологии и политики.
Ниспроверга всю жизнь различные теории и идеологии с позиций
концепции нелогичности-1

ческого действия, социолог в конце концов сам совершил такое действие, оказавшись в плену одного из самых чудовищных изобретений людей — фашизма.

Парето не возлагал больших надежд, подобно Дюркгейму, на роль и возможности социологии в преобразовании общества. Согласно его точке зрения, эта наука в лучшем случае может поставить диагноз, но не в состоянии подсказать, как излечить больное общество. «Я не буду убеждать буржуазию, — писал Парето, — пойти по другому пути или проповедовать реформы обычаев, вкусов или предрассудков. Так же, и даже в большей степени, я не буду заставлять людей верить, будто у меня есть рецепт исцеления от той болезни, которой страдает буржуазия и, шире, все общество. Как раз наоборот. Я открыто объявляю, что пи одно такое лекарство, выдуманное для того, чтобы поспорить, мне совершенно неизвестно. Я похож на врача, который распознал, что у пациента чахотка, но не знает, как излечить его. ...Пока общественные пауки не продвинутся вперед, эмпиристы и люди-практики будут иметь больше мнений о том, как излечить общественный организм, чем врачи и ученые...» [Трансформация... 1996. С. 158].

Остается только добавить, что со времен Парето социология значительно продвинулась вперед, однако болезни общества, порой весьма тяжелые и смертоносные, время от времени поражают его, заставляя каждый раз искать все новые и новые лекарства для исцеления. Социологи старательно стремятся их найти и «прописать» «больному» обществу, но к сто лечению их, как правило, не допускают.

Вопросы и задания

1. В чем суть трактовки общества итальянским социологом? Согласны ли вы с характеристикой общества как динамичной системы?
2. Как понимал предмет и задачи социологии В. Парето? За что он критиковал О. Конта и Г. Спенсера?
3. Раскройте содержание и дайте анализ концепции нелогического действия Парето. Воспроизведите его классификацию нелогических действий.
4. Разделяете ли вы идею Парето об алогичном характере человеческих действий? Аргументируйте свой ответ.
5. Почему концепция элиты Парето вызвала значительный интерес не только у социологов-теоретиков, но и у политиков-практиков? Покажите существо этой концепции.
6. О каких типах элиты говорит итальянский социолог? Насколько созвучными на шей эпохе вы их считаете?
7. Какой политико-экономический строй предпочитал Парето?
8. Идеологи фашизма при обосновании своих человеконенавистнических идей ссылались на теорию олигархического правления Парето и использовали его аргументы. Как вы полагаете, можно ли считать Парето одним из идеологов фашизма?
9. Как вы считаете, почему Парето оказался на некоторое время забыт в мировой социологии, а затем вновь «восстановлен в правах» классика? 10. В чем состоит значение социологических идей Парето?

Литература

Арон Р. Этапы развития социологической мысли М., 1993.

Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин СИ. Социология, история и современность. М, Ростов н/Д., 1999.

Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии М., 1995.
История социологии. Минск, 1993.

История социологии в Западной Европе и США М., 1999 История теоретической социологии: В 4 т М., 1998. Т 2 *Култыаш В.П.* Классическая социология М, 2000.
Парето В. Трансформация демократии // Западно-европейская социология XIX— начала

XXвеков: Тексты. М., 1996. *Парето В.О.* применении социологических теорий // Социол. исслед. 1995. № 10, Там же

1996 № 1, 2, 7, 10.

4

4

Глава 12

Исторические истоки эмпирической социологии

§ 1. Понятие эмпирического социального исследования

До сих пор, рассматривая основные направления развития социологии в XIX— начале XXв. и идеи ее наиболее крупных и известных представителей, мы обращали внимание прежде всего на их теоретические исследования. В них характеризовались концепции общества, взгляды на предмет социологии как науки, теоретические воззрения на основные социально-экономические и политические линии развития человеческого мира. Теоретическое знание объясняло социальную реальность сквозь призму общих и специфических тенденций ее существования и развития, ориентировало на выявление механизмов их действия и форм проявления в различных сферах общественной жизни.

Однако социологическая наука — это не только теоретические, но и эмпирические исследования, которые дают уже не общее, а конкретное знание об обществе. Эмпирическое исследование связано с получением детальной, развернутой информации относительно тех или иных социальных явлений и процессов. Оно опирается на статистический анализ, использование специальных методов их изучения. До поры до времени, пока происходило становление социологии как науки, большой потребности в таком знании не ощущалось. Вначале необходимо было сформулировать общие подходы и принципы новой науки. Но сказать, что потребности в конкретном изучении общества не существовало вообще, было бы серьезной ошибкой.

Уже в XVII—XVIIIвв. осознавалась необходимость сбора статистического материала, проведения переписей населения, исследований по актуальным проблемам жизни общества (рост народонаселения, рождаемость и смертность, развитие семей, благосостояние, богатство и бедность и т.д.). Такие социальные исследования — а они составили предысторию эмпирической социологии — проводились по нарастающей от века к веку, а в XIX— начале XXв. — от десятилетия к десятилетию.

При этом на ранних этапах появления социологии теория и эмпирические исследования развивались параллельно и были слабо связаны друг с другом. Речь идет о том их периоде, когда они непосредственно не нуждались в объединении усилий и совместных разработках. Затем, в XXв., ситуация существенно изменилась. Но об этом должен идти специальный

разговор в ходе анализа истории социологии XXв. Сейчас же задача >стоит в том, чтобы дать понятие эмпирических социальных исследований^

Это необходимо сделать потому, что именно они послужили основой, появления в начале XXв. особой области (иногда говорят — особого направления, особой линии) развития социологической науки, связанной с получением фактографического знания, — эмпирической социологии. Под эмпирическим социальным исследованием будем понимать целенаправленное изучение конкретных социальных проблем, связанное с решением преимущественно практических задач (часто социально-статистического и демографического характера), регулированием межгрупповых и внутригрупповых отношений социальных процессов. Эмпирические исследования ориентированы на сбор, анализ социальных фактов и выявление ситуаций общественной жизни с использованием для этой цели специальных методов их изучения.

К социальным фактам (а это ключевое понятие социологии, и мы ранее уже неоднократно его использовали в связи с рассмотрением взглядов О. Конта, Э. Дюркгейма и др.) обычно относят, во-первых, реальные результаты и продукты человеческой (общественной) деятельности; во-вторых, поведение индивидов и действия социальных общностей; в-третьих, суждения, мнения, взгляды людей, т.е. то, что принято характеризовать как их вербальные действия. При этом следует иметь в виду, что в границах предистории эмпирической социологии (до первых десятилетий XXв.) далеко не все из этих составляющих социальных фактов оказывались предметом конкретных социальных исследований, тем более! одновременно, в рамках какого-то одного из них.

§ 2. Предыстория эмпирической социологии

Первые исследования эмпирического характера, в значительной мере предопределившие возникновение целого направления социологической науки, приходятся на XVII—XVIII вв. Они появились как ответ на потребности общества (государства) в получении информации о населении и материальных ресурсах для более эффективного социального управления. Уже в XVIII в. проводились переписи населения и правительственные обследования. Так, во Франции первая перепись населения была осуществлена в 1697 г. Регулярные же переписи в Западной Европе стали проводиться только в XIX в.

Начавшиеся в XVII—XVIII вв. процессы урбанизации и индустриализации породили серьезные социальные проблемы в условиях роста городов — бедности, жилищного вопроса, образования, здравоохранения, рождаемость и смертности и т.д. Эти проблемы привлекли внимание государства и его органов, филантропов, социальных реформаторов, наконец, общественных организаций. Стали проводиться первые эмпирические исследования статистического и социально-демографического характера.

Главное отличие эмпирических исследований XVII—XVIII вв. от тех, которые проводились в XIX в., состоит в ограниченном использовании методов конкретного изучения социальных явлений и процессов. Из всей большой палитры эмпирических методов основной интерес привлекали статистический (социально-статистический), демографический (тесно с ним связанный) и метод наблюдения. Что касается различных форм и видов опросов, других методов, связанных с получением картины вербального поведения и действия людей (выявление их мнений, суждений, взглядов), то все они появились и стали частично использоваться гораздо позднее, в конце XIX— начале XX в. Поэтому эмпирические социальные исследования XVII—XVIII вв. можно определить как начальный этап, своеобразную предысторию эмпирической социологии, когда создавались необходимые условия для последующего их развития во второй половине XIX— начале XX в., т.е. в период формирования уже непосредственных предпосылок эмпирической социологии.

Среди представителей начального этапа эмпирических социальных исследований необходимо назвать прежде всего двух ирландских статистиков и историков, Дж. Граунта (1620-1674) и его друга У. Петти (1623-1687). В середине XVII в. Граунт произвел, вероятно, первый эмпирико-социальный анализ, результаты которого опубликовал в 1662 г. в книге «Естественные и политические наблюдения по поводу данных о смертности». Его и Петти считают основателями так называемой политической арифметики — направления социальных исследований официальных данных для целей оптимизации государственного управления (сам термин «социальная арифметика» принадлежит Петти; видимо, по аналогии с ним в XIX в. появилось понятие «социальная физика», которое О. Конт затем трансформировал в понятие «социология»).

Граунту удалось раньше других поставить вопрос о соотношении рождаемости мальчиков и девочек и выявить, что первых рождалось больше, чем вторых. Он также установил, что в городе смертность превышает рождаемость (14 и 13 человек на 1000 жителей), а в сельской местности — наоборот (52 и 63 человека на 1000 жителей). Им был статистически вычислен и зафиксирован еще один социальный факт: население Лондона растет втрое быстрее, чем всей остальной Англии. Граунту принадлежит первая таблица смертности, построенная им на основании возрастного распределения умерших. Этой таблицей пользовались в демографических расчетах вплоть до XIX в.

Через 10 лет после выхода в свет книги Граунта — в 1672 г. — была опубликована работа Петти «Политическая анатомия Ирландии», явившаяся значительной вехой в использовании статистики для изучения преимущественно социально-экономических явлений. В ней были осуществлены сотни всевозможных расчетов, с их помощью анализировались: социальный состав населения страны, стоимость имущества различных групп людей, рост населения в Лондоне, смертность в Дублине, последствия ирландского восстания в середине XVII в. и пр. Например, Петти установил число жертв этого восстания, которое составляло со стороны ирландцев 504 тыс. и англичан — 112 тыс.

Он довольно детально для своего времени определил род занятий населения Ирландии. По его расчетам, трудоспособная часть составляла 780 тыс из них немалая доля была занята работой в питейных домах. Так, в Дублине на 4 тыс. семейств насчитывались 1180 питейных домов и 91 общественная пивоварня. Всего же этим промыслом в стране занималось 180 тыс. человек

Особенно любопытным является использование Петти некоторых количественных показателей как характеристик благосостояния населения. В качестве одного из таких показателей, к примеру, он рассматривал количество дымовых труб в доме. Понятно, что чем больше труб над домом, тем больше сам дом и, стало быть, тем более богатым является его владелец. В ходе расчетов выяснилось, что в Ирландии из 200 тыс. семейств 160 тыс. не имели стоящего очага, 24 тыс. семейств имели в доме лишь одну дымовую трубу, 16 тыс. — более одной трубы. На всю столицу — г. Дублин — было 164 дома, имевших более 10 дымовых труб. Петти также пытался подсчитать, как распределяются слуги между домами с различным числом дымовых труб.

:

Особенностью его работ было обращение к сравнительной статистике. Живя и работая в Ирландии, он проанализировал полученные им данные социально-экономического характера по этой стране, сравнив их с аналогичными материалами, касающимися Великобритании, Франции, Голландии и других европейских стран.

Традиции социальных исследований конкретных проблем жизни общества с использованием данных статистики рождались и в других европейских странах. В Германии первые эмпирические социальные исследования связывают с именем Иоганна Зюсмилха (1707—1767), немецкого теолога, который опубликовал в 1741 г. книгу «Божественный порядок изменений в роде человеческом, подтверждаемый данными о происходящих в нем процессах рождаемости, смертности, размножения». Главное значение для последующего развития немецкой социологии имел, конечно, не божественный порядок, а собранные Зюсмилхом с подлинно немецкой скрупулезностью данные — богатый фактический материал о движении народонаселения как в Германии, так и в соседних Голландии, Швейцарии, Дании, Швеции. Только по одному Бранденбургу были обработаны метрические записи 1056 церковных приходов, касающиеся рождений, смертей, браков. Зюсмилх составил первую для Пруссии таблицу смертности, попытался дать количественный прогноз роста численности населения в мире. Работа Зюсмилха была первой «ласточкой», заметное же распространение прикладных социальных исследований в Германии падает на последнюю треть XIX — начало XX в.

В целом необходимо сделать один весьма важный вывод: приведенные выше и некоторые другие материалы, характеризующие первые эмпирические социальные исследования в XVII—XVIII вв. с использованием данных

статистического и демографического характера, были существенно значимой предпосылкой развития таких исследований в XIXв., а в последующем — появления эмпирической социологии.

§ 3. Социальная статистика и роль А. Кетле в ее становлении

Развитие эмпирических социальных исследований нельзя представить без появления и оформления такой науки, как социальная статистика, поскольку и есть первичный документальный материал, на котором строятся постановка изучаемой проблемы и проведение самого исследования, имеет в первую очередь статистический характер. В этой связи переоценить роль социальной статистики в возникновении и развитии эмпирической социологии невозможно.

Фундамент социальной статистики был заложен в XIX в. французским ученым Адольфом Кетле (1796—1874), открывшим ряд статистических закономерностей общественной жизни. Исследователи творчества Кетле называют его и математиком, и статистиком, и социологом, и даже астрономом. Будучи учеником известного французского ученого П. Лапласа, Кетле одним из первых стал использовать в статистике достижения математики и ее методы, прежде всего теорию вероятности, которую применил в процессе анализа социальных явлений. Основной характеристикой этих явлений он считал их неповторимость и специфичность. Но по одному явлению, одному социальному факту выводы делать нельзя, нужны статистические данные о большом количестве случаев.

Кетле сформулировал основные методологические принципы изучения социальной статистики. Первый состоял в том, что социальные явления имеют регулярный и возобновляемый характер. Это, по мнению ученого, дает основание для характеристики эмпирически устанавливаемых закономерностей и тенденций, действующих среди изучаемых социальных явлений. Он доказал, что даже кажущиеся случайности общественной жизни вследствие их периодической возобновляемости обладают внутренней необходимостью.

Другой методологический принцип изучения социальной статистики состоял в том, что для получения более надежных результатов в анализе социальных явлений необходимо рассматривать большие величины, т.е. многочисленные и частые повторения этих явлений (в соответствии с математическим законом больших чисел). Отсюда следовало очень важное заключение о том, что научное исследование общественной жизни для получения строгих и точных результатов должно базироваться на применении математических количественных методов.

Поскольку Кетле, как и некоторые ученые первой половины XIX в. (в том числе, а может быть в первую очередь, и О. Конт), рассматривал социальную физику как естественную науку об обществе, постольку он проводил аналогии между физическими фактами и средними социальными величинами, выявляя тесную связь между действием физических законов и социальных закономерностей. В свою очередь, последние оказывались у него связанными с наличием тех или иных социальных условий, которые он конкретизировал в соответствии с временем и местом дейст-

вия социальных процессов и явлений. В этом заключался третий (метод) логический принцип изучения и применения социальной статистики.

Мы говорим о принципах Кетле, касающихся социальной статистики, потому, что они весьма близки к принципам, на которых базируется эмпирическая социология, в немалой степени обязанная своим появлением его работам и исследованиям. Для нее оказалось важным, что он (первым) ввел понятие средних величин в социальных науках, разработал концепцию «среднего человека». Ее суть состоит в том, что человек в ней характеризуется не в качестве конкретной личности, а в виде элемента статистического ряда. В соответствии с позицией Кетле «средний человек» рассматривается как показатель определенных качеств той или иной социальной общности. Эти идеи были изложены им в книге «О человеке и развитии способностей, или Опыт социальной физики», изданной в 1835 г.¹

Изучая устойчивые числовые корреляции между видами преступлений и социально-демографическими характеристиками преступников (их полом, возрастом, происхождением, местом проживания), Кетле приходит к выводу, что преступность (в ее количественно-статистическом выражении) присуща обществу с такой же необходимостью, с какой действуют законы природы. Некоторые установленные им в этой области статистические распределения сохранили свою устойчивость и до наших дней. Это, в частности, касается использования различных орудий преступления. В наше время, как и в середине XIX в., при совершении преступных деяний колющие и режущие предметы используются в 40—50% случаев от общего количества преступлений.

Кетле исследует средние физические свойства человека, постоянные пор-
% мы браков по различным возрастным группам, нормы рождаемости и факто-
ры, на нее влияющие, постоянный средний процент самоубийств и преступно-
i§ сти и на основе полученных данных формулирует среднестатистические
закономерности. Свои выводы и заключения ученый делал на основании про-
| ведения ряда конкретных статистических исследований по этим и некоторым
другим проблемам. В 1831 г. он опубликовал одну за другой две книги, в кото-
л рых нашли отражение материалы этих работ: «Исследования о
л распространении преступности среди лиц различных возрастов» и «Исследования о законе*
рождаемости человека». Многие положения этих работ не потеряли актуаль-
ности по сей день, а отдельные из них приобрели афористический характер.
I Так, в первой из указанных книг ученый утверждал: «Общество подготавлива-
ет преступления, а преступник есть только орудие их осуществления».

Работы Кетле оказали значительное влияние на последующее развитие социологической науки и ее отдельных крупных представителей. Здесь в первую очередь следует назвать Э. Дюркгейма и его исследование самоубийства. Дюркгейм не мог не оценить значение теории среднего человека Кетле, ос гав-

¹ В русском переводе: *Кетле А.* Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей. Киев, 1911; на русском языке опубликована еще одна работа ученого: *Кетле А.* Социальная система и законы, ею управляющие. СПб., 1895.

шейся, но его мнению, единственной систематической попыткой дать объяснение той поразительной регулярности, с которой известные социальные явления повторяются в течение тождественных периодов времени¹. Вместе с тем со многими конкретными положениями Кетле относительно анализа самоубийств Дюркгейм не соглашался и отмечал, что его теория среднего человека покоится на неправильном допущении о равномерном распределении средней наклонности и людей к самоубийству. Однако «тот факт, — писал Дюркгейм, — что столько-то процентов лишают себя жизни, не доказывает еще того, что остальные никак бы то ни было подвержены этой возможности, и не может нам дать никаких указаний относительно природы или интенсивности причин, вызывающих самоубийства. Таким образом, теория о среднем человеке не решает поставленной нами проблемы»².

Значение Кетле определяется тем, что он развил концепцию специфического метода науки об обществе — статистического (в отличие от Конта, который в это же время обосновывал необходимость использования в новой науке — социологии — методов естественных наук). Его социальная статистика оказалась связанной с переходом от сбора и количественных описаний данных к установлению постоянных закономерностей, проявляющихся в соотношениях показателей определенных групп (рядов) общественных явлений. Ученый рассматривал эти соотношения, выявленные с помощью математического вероятностного анализа, как объективные социальные законы.

Кетле сумел разработать методики статистического анализа применительно к данным социального характера, используя при этом материалы различных стран для сравнения полученных результатов. Это, несомненно, помогло ему стать одним из создателей Международного статистического общества и организатором ряда международных статистических конгрессов, в том числе самого первого (1853, Брюссель). Разработанное Кетле понятие средних величин в социальных науках и «среднего человека» получило затем широкое распространение в мире. Подходы Кетле используются и сегодня в деятельности многих международных организаций, занимающихся изучением и решением социальных проблем, поддающихся статистическому анализу: ООН, ЮНЕСКО, МОТ (Международная организация труда) и др.

§ 4. Моральная статистика и социальная гигиена

Эмпирические социальные исследования во Франции, Англии, Германии (именно в этих странах эмпирические изыскания достигли заметных результатов в XIX— начале XXв.) первоначально имели разрозненный, несистематический характер, проводились энтузиастами, а не государственными учреждениями. Но данное обстоятельство не только не умаляет

¹ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 288.

² Там же. С 293.

значения имевших место исследований, но, наоборот, поднимает его до того уровня, когда их проведение стало признаваться необходимым в государственных и академических структурах.

Этому немало способствовало развитие моральной статистики и социальной гигиены. Если в XVII—XVIII вв. эмпирические социальные исследования осуществлялись в форме так называемой политической арифметики (о чем выше уже говорилось), то с середины XIX в. они проводились в рамках моральной статистики и социальной гигиены.

Моральная статистика — это особое направление статистических исследований, смысл которых заключался в сборе количественных данных о моральных (нравственных) и интеллектуальных характеристиках различных слоев населения, преимущественно городских низов, а также об условиях их жизни и труда. С появлением моральной статистики возникла возможность дифференциации социально-статистической информации, опирающейся на достоверные количественные данные о конкретных проблемах социальной реальности. Тем самым закладывались основы для базы данных будущих эмпирических социологических исследований.

Представители моральной статистики (А. Вагнер, А. Герри и др.) особое внимание уделяли анализу бедности как социального явления, показывали низкий уровень образования слоев населения, относимых ими к бедным, и, наоборот, высокий уровень преступности, характерной для них. Это давало основания исследователям ставить вопрос об улучшении условий жизни целых групп и слоев населения, которое могло бы способствовать снижению уровня и показателей их девиантного (отклоняющегося) поведения.

В рамках моральной статистики — с точки зрения близости к социологии — была написана книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845). Будучи сыном фабриканта, которому принадлежала текстильная фабрика, и получив ее в наследство, Энгельс имел возможность анализировать жизнь и быт рабочего класса не только на основании статистических данных, которые он активно использовал, но и в результате собственных наблюдений. Эти исследования, несомненно, способствовали его переходу на позиции коммунистической идеологии и осознанию необходимости коренного преобразования положения рабочих, превращения их из угнетаемого в господствующий класс.

Очень близким к моральной статистике направлением сбора эмпирических данных стала социальная гигиена, тесно связанная с медицинской гигиенической статистикой. Дело в том, что в связи с урбанизацией, индустриализацией и значительным усложнением жизни трудящихся города понадобились исследовательские усилия и практические шаги, направленные на улучшение положения городских низов. Возникли массовые заболевания в связи со скученностью населения, неудовлетворительными условиями жизни и труда его большей части в крупных городах. Причем проблема состояла не только и даже не столько в борьбе с эпидемическими заболеваниями,

сколько подчас просто в необходимости соблюдения элементарных санитар-11 ых условий в общественных учреждениях и личной гигиены. Изучение этих вопросов и поиск способов их решения выходили за пределы медицинской патистики и упирались в постановку проблем социального характера.

Официальная государственная информация о положении городских низов была очень скупой и неполной. Понадобились специальные усилия для восполнения данных и сбора необходимых материалов. Исследованиями такого характера занимались во всех ведущих европейских странах. Наиболее яркими и крупными представителями социальной гигиены были Л. Виллерме (Франция), Э. Чедвик (Англия), Р. Вирхов (Германия).

§ 5. Эмпирические социальные исследования во Франции во второй половине XIX- начале XXв.

Говоря о предыстории эмпирической социологии в XIXв., следует отметить особую роль французского ученого и политического деятеля Фредерика Ле Иле (1806—1882). Он придавал особое значение сбору конкретных социальных фактов, только на основе которых считал возможным делать обоснованные выводы. Главная работа Ф. Ле Пле — «Европейские рабочие» — была издана в 1855 г. В ней содержатся результаты изучения рабочих семей, их бюджетов, которые для французского исследователя выступали в качестве основного показателя уровня и образа жизни. Ле Пле исследовал с помощью статистических методов различные источники доходов рабочих, на основании полученных результатов предлагал свою программу социального реформирования их положения. Его подход до сих пор не потерял своего значения при подготовке и проведении эмпирического социального исследования тех или иных профессиональных групп населения.

Основная сфера научного интереса Ле Пле — изучение семьи. Он был одним из первых ее исследователей с помощью эмпирических методов. Главными среди них были статистические. Однако Ле Пле прибегал к использованию и других, в том числе, прямого наблюдения отдельных частных случаев и их последующего описания. Семью французский исследователь рассматривал как основную единицу социальной системы общества, в которой оно себя в полной мере воспроизводит.

Ле Пле разработал методологию и методику теоретического и эмпирического исследования семьи. В рамках первого — теоретического — направле-11ия он сформулировал типологию семьи, включающую три основные ее разновидности: патриархальную, нестабильную, промежуточную. Первый тип — это традиционная трехпоколенная семья с общей собственностью и господством отца (патриарха), характерная для села и крестьянства. Нестабильный тип — это двухпоколенная нуклеарная изолированная семья, наиболее часто встречающаяся в верхних слоях общества и среди промышлен-

нога рабочего класса. Промежуточный тип - это разновидность патриархальной семьи, в которой один из наследников владеет домашним хозяйством, а остальные получают свою денежную долю, что создаст для них возможность работать в другом месте. При этом связи с родительским домом не обрываются, он продолжает оставаться «крепостью», в которой всегда можно укрыться от трудностей и потрясений жизни.

В теоретическом анализе семьи Ле Пле обращал внимание на нее как основной фактор социального контроля. Он считал, что государство может проводить свою внутреннюю политику и успешно решать основные задачи по управлению, только опираясь на семью и создавая необходимые условия для ее функционирования и стабильного развития.

Что касается методики эмпирического исследования семьи, то она получила наиболее полное выражение в рамках разработавшегося Ле Плем монографического метода, одним из основателей которого он является. В книге «Европейские рабочие» он оставил описание образа жизни 57 семей, занятых в различных сферах деятельности — сельскохозяйственной, ремесленной, кустарной, промышленной, проживающих в ряде регионов нескольких европейских стран, различающихся по уровню своего экономического развития. Основное внимание в этом описании было уделено семейному бюджету, структуре доходов и расходов, т.е. тому, что можно было четко выразить в количественных показателях.

Монографический метод исследования противостоял развитому в то время историческому методу. Суть первого состояла в сочетании теоретического анализа семьи с конкретными данными и материалами о ее жизни, т.е. с тем, что мы сейчас назвали бы данными полевого исследования. При этом акцент делался на рассмотрении факторов социального окружения семьи, которые оказывали на нее глубокое воздействие. Здесь и место проживания, и характер трудовой деятельности членов семьи, и уровень доходов и т.д. Особенно много сделал в плане использования монографического метода для исследования семьи ученик Ле Плем Анри де Турвиль.

В целом Ле Пле был горячим сторонником сохранения и укрепления семьи, причем в ее традиционных формах. Для этого он предлагал принять серию законов, направленных против дробления семейного имущества и семейной собственности, стимулирующих развитие семейного производства. Особое значение ученый придавал сохранению семейной собственности, которая выступает не только как средство производства, но и как сильный моральный фактор и инструмент развития семейной преемственности. Поскольку он считал, что семья является единственной структурной единицей общества, которая способна защитить работника от колебаний рынка, а человека — от социальных бурь и невзгод, постольку реформы общества, к осуществлению которых он призывал, должны коснуться, по его мнению, в первую очередь семьи.

Рассматривая развитие эмпирических социальных исследований во Франции XIX— начала XX в., нельзя пройти мимо научных изысканий в

:>той области Г. Тарда. Они связаны прежде всего с изучением социальных .н'пектои преступности, выяснением ее причин как социального явления и .игализом :x|)фективности пенитенциарной системы Франции. Предмету такого внимания и интереса Тарда не следует удивляться, нужно учитывать то обстоятельство, что он в течение 25 лет работал в органах юстиции, в основном в судах, и тщательно изучал проблемы криминологии. Результатом его исторических и эмпирических изысканий был «портрет» — как физический, так и социальный — уголовного преступника. Он содержал в себе целый ряд черт и особенностей (как физического, так и социального характера) делинквентного (преступного) типа личности, что явилось результатом анализа большого количества уголовных дел.

На основании обобщения значительного статистического материала о совершенных преступлениях Тард также рассматривал вопрос о распространенности и социальных особенностях отдельных видов преступлений не только во Франции, но и в мире в целом. В частности, он сделал вывод о том, что количество совершаемых кровавых преступлений в странах с теплым климатом растет, а с холодным — уменьшается. Работы Тарда имели значение для последующего развития не только эмпирической социологии, но и криминологии, представители которой и сегодня высоко оценивают идеи и работы французского ученого.

§ 6. Эмпирические социальные исследования в Англии в конце XIXв.

В Англии значительную роль в становлении эмпирической социологии сыграл Чарльз Бут (1840—1916), исследователь, предприниматель-судовладелец, общественный деятель, реформатор. Он и его сотрудники много сделали для изучения населения города, анализируя изменения в структуре занятости, семейные бюджеты, условия труда. Эта большая работа выполнялась с помощью разных методов, в том числе включенного наблюдения (с участием исследователя в наблюдаемых процессах и событиях). Такое исследование позволило Буту изучить жизнь города изнутри. Его результатом явилось вначале трехтомное, а затем и семнадцатитомное сочинение «Жизнь и труд людей в Лондоне».

В этом издании, в отличие от первого, появилось три серии книг: «Бедность», «Промышленность», «Религиозные влияния». Чтобы лучше знать рабочие семьи, их быт, образ жизни, проблемы, Бут некоторое время сам жил среди них. Помимо включенного наблюдения, он использовал и иные методы, прежде всего статистический анализ и изучение демографических характеристик различных профессиональных групп. Рассматривая те или иные области социальных явлений, Бут стремился к их многофакторному анализу. Так, выявляя причины бедности, он разделил их на три группы. Одна была связана с работой, другая — с различными обстоятельствами жизни, третья — с привычками людей.

Анализируя дифференциацию классов («низший», «средний», «высший»), Бут в качестве критериев рассматривал количество комнат, занимаемых семьей, и число нанятых слуг. В результате «классовая структура» Лондона дона 1880-х гг. выглядела следующим образом. К низшему классу относилось 54% населения (те, кто не имели слуг и жили в комнате, где находилось более одного человека), к среднему — 30% (один слуга приходился на 4 человека) и к высшему — 16% (все остальные). По существу, Бут заложил основы изучения социальной экологии города. Одним из первых он ввел социальные карты городских районов Лондона с обозначением дислокации бедных и богатых групп населения столицы Великобритании. Впоследствии (1920-е гг.) его опыт

I
социологичес-

'
изучай!

I
занимался I

материалы исследования были использованы Чикагской

школой при разработке проблем социальной экологии. Бут

дифференциацию религиозных влияний на жителей города,

статистическим анализом соотношения норм рождаемости и смертности в столице, сыграл большую роль в организации и проведении переписей населения.

Исследования Бута имели не просто большой резонанс, но и послужили

§
об улуч-

своеобразным стимулом для принятия ряда законодательных актов

в отношении положения бедняков, в частности о выплате пособий по безработице, о минимуме зарплаты, о пенсионном обеспечении. Эта практическая сфера эмпирического изучения населения оказалась впоследствии крайне важной особенностью прикладных социологических исследований.

I

§ 7. Эмпирические социальные исследования в Германии во второй половине XIX- начале XXв.

В Германии во второй половине XIX— начале XXв. эмпирические социальные исследования были связаны прежде всего с работами Э. Энгеля, А. Вагнера, А. Левенштайна. Эрнст Энгель (1821—1896) занимался преимущественно социально-статистическими исследованиями, находясь под влиянием научных подходов А. Кетле и Ф. Ле Пле. Вместе с Кетле он был одним из главных организаторов Первого Международного статистического конгресса в 1853 г. Выведенный Энгелем и известный в социальной статистике закон обнаруживает наличие, независимо от общей величины семейного бюджета и размера семьи, определенного приоритета так называемых витальных (жизненных) потребностей в еде, одежде, жилье и т.д. Обследуя бюджеты семей в Бельгии и Франции, Энгель дал типологию семей по уровню доходов и потребления, он одним из первых доказал, что чем ниже уровень доходов и беднее семья,

тем выше доля расходов на питание. Значение работ Энгеля определяется, также тем, что он заложил основы практики индексации доходов, которая активно применялась в XXв. в ряде стран, в том числе в 1990-х гг. в России.

Широкую известность не только в Германии, но и далеко за ее пределами пучили исследования Адольфа Вагнера (1835—1917), касавшиеся анализа статистики самоубийств в связи с целым рядом факторов: возрастом, профессией, семейным статусом, религиозной принадлежностью. При этом много положений и выводы Вагнера предвосхитили исследования Э. Дюркгейма, но теории самоубийства как социального явления немецкий социолог так и не создал. Вагнер был также известен тем, что много занимался проблемами обработки эмпирических данных и предложил методику поиска тенденций и закономерностей при большом разбросе этих данных.

Наконец, следует назвать еще одного автора и его исследование эмпирического характера, проведенное в 1907—1911 гг. Это — Адольф Левенштайн. Его книга «Рабочий вопрос» отражает результаты исследования, проведенного методом анкетирования среди шахтеров, металлургов, гекс-ильщиков в восьми индустриальных районах Германии. Из разосланных 8000 анкет (в каждом районе по тысяче) возвратилось 63%. В анкете содержалось пять блоков вопросов: «иаспортичка» (социально-демографические данные об опрашиваемом); отношение к работе; мысли во время работы; надежды, связанные с работой; проведение свободного времени. К сожалению, исследование оказалось неудачным вследствие трудности обработки первичной социологической информации: 26 вопросов анкеты были «открытыми», т.е. не содержали в себе предлагаемых вариантов ответов. Все же следует отметить эту работу как одну из наиболее интересных попыток широкомасштабного изучения конкретной проблемы.

Большую роль в развитии эмпирических исследований в Германии сыграла основанная в 1872 г. университетскими профессорами, чиновниками и предпринимателями «Лига за социальную политику». Ее активными членами были Ф. Теннис, М. и А. (его брат) Веберы, Г. Шмоллер и другие известные ученые. «Лига» была главным центром организации и проведения эмпирических исследований в Германии в 1880—1890-х гг. Они касались положения ремесленников, кустарей, занятых в торговле, на коммерческом флоте, транспорте, и других тем, исключая проблемы индустриальных рабочих (правительство Бисмарка не разрешало их касаться). В ходе и по результатам исследований изучалась методология анкетирования, что было очень важно для становящейся на ноги эмпирической социологии. Идеальным лидером «Лиги за социальную политику» был М. Вебер, который, так же как и иные участники организации, проводил собственные эмпирические исследования.

Первая работа Вебера такого рода (1892) посвящалась изучению условий труда и жизни сельскохозяйственных рабочих Германии к востоку от Эльбы. Затем, уже в начале XX в., в 1908 г. он исследует динамику профессиональной карьеры рабочих, проблемы производительности их труда и особенности образа жизни. Результатом этого исследования стала книга «К психофизике индустриального труда» (1909).

Здесь следует специально сказать, что в проведении эмпирических социальных исследований, подготовивших появление эмпирической социологии в XX в., большую роль сыграли работы и других классиков социологии (помимо Вебера), в частности Дюркгейма и Тенниса.

Об исследовании проблем самоубийства Дюркгеймом, использовании им в этих целях колоссального статистического материала уже говорилось и соответствующей главе книги, посвященной его социологическому творчеству. Да и в этой главе мы также ссылались на оценку Дюркгеймом вклада в изучение самоубийства. Помимо материалов статистического характера, связанных с проблематикой самоубийства, Дюркгейм тщательно собирал и анализировал статистику, касающуюся вопросов развития обучения и воспитания. Это позволило ему показать динамику образовательного процесса во Франции и выявить перспективы его качественного изменения.

Что касается эмпирических изысканий, проводившихся Теннисом, то необходимо сказать о широком спектре его исследовательских интересов. В нем оказались представленными проблемы преступности, самоубийства, демографических изменений, промышленного роста, деятельности политических партий и движений. Теннис изучал социально-экономические условия жизни некоторых групп населения в Гамбурге (моряков, грузчиков, проституток), подвергая критике государство и его структуры за забвение их интересов. Другими словами, проблемы, поднятые им, были достаточно типичными, они привлекали особый интерес многих исследователей в конце XIX — начале XX в. и подлежали конкретному эмпирическому изучению.

Специально следует обратить внимание на изучение Теннисом преступности. Он анализировал это социальное явление на выборке в 3500 человек, совершивших преступные деяния. О каждом из них немецкий социолог собирал тщательнейшим образом данные, хранившиеся в исправительных учреждениях и архивах полиции. Его интересовали: происхождение преступника, тип поселения, в котором он жил до совершения преступного деяния, семейные условия, образование, профессия, фактическое занятие, профессия родителем (в первую очередь отца), место постоянного проживания и т.д. По существу, Теннис собрал все необходимые данные для того, чтобы «нарисовать» социальный портрет преступника и охарактеризовать преступность как широкое социальное явление. Причем, если до него преступность получила многократные описания статистического характера, то его анализ имел больше социологический характер и оказался прорывом того подхода к исследованию преступности, который стал преобладающим в рамках эмпирической социологии XX в.

Подводя итог рассмотрению эмпирических социальных исследований в XVII—XVIII вв., а затем в XIX — начале XX в., следует подчеркнуть, что они были в целом достаточно разрозненными, не имели разработанной методологии и методики их подготовки и проведения. Существовавшие в то время социологические теории не способствовали проведению таких изысканий, поскольку напоминали по своему характеру глобальные исто-

рмко-эволюционные схемы, проверить которые на микроуровне оказыва-мось принципиально невозможно.

Однако свою роль эмпирические социальные исследования, несмотря на нес трудности их организации, проведения, обработки полученных материалов 11 собра! той информации, сыграли. Они подготовили появление в XXв. особой 'шнии (направления) социологической науки — эмпирической социологии.

Попросы и задания

1 Что такое эмпирическое социальное исследование?

!) Расскажите о первых исследованиях эмпирического характера в XVII—XVIII вв. Почему мы их характеризуем как предысторию и предпосылку эмпирической социологии?

И Какие проблемы ставились и изучались в ходе первых эмпирических социальных исследований? Охарактеризуйте роль статистических и демографических данных в этих исследованиях.

1 Определите роль социальной статистики в возникновении эмпирической социологии.

!) В чем состоят заслуги А. Кегле перед социологией? Какие методологические принципы изучения социальной статистики он сформулировал?

(! Что такое моральная статистика и социальная гигиена? Почему их появление и развитие было важным для развития эмпирических социальных исследований?

! Что вы можете рассказать о творчестве Ф. Ле Пле и его значении для эмпирической социологии? Что собой представлял демографический метод, обоснованный им при изучении семьи? Какие типы семей выделял французский исследователь?

К Какова роль Г. Тарда в развитии эмпирических социальных исследований?

!) Раскройте особенности деятельности Ч. Бута, имевшие наиболее важное значение для эмпирической социологии

10, Охарактеризуйте эмпирические социальные исследования, проводившиеся в Германии во второй половине XIX— начале XX вв. Назовите их авторов.

11 Что вам известно об эмпирических исследованиях, проводившихся М. Вебером и Ф. Теннисом?

12 Постарайтесь обобщить эмпирические социальные исследования, имевшие место в XVII— начале XX вв., покажите их значение и объясните, почему без них не могла бы появиться эмпирическая социология.

Литература

Полков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современное состояние. М.;

Ростов н/Д., 1999.

Иромов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
Добренькое В.И., Кравченко А.И. Социология: Введение. М., 2000. Т. 1. Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000. Кцлтьипп В.П. Ранняя немецкая классическая социология. М., 1991. Култыгин В.П. Французская классическая социология XIX— начала XX вв. М., 1991. Кцлтьипп В.П. Классическая социология. М., 2000.

Глава 13

Значение истории западной социологии XIX- начала XXв.

для дальнейшего развития социологической науки

§ 1. Классический этап развития социологии: основные итоги

Эта глава посвящена подведению итогов первого, классического этап становления и институционализации социологической науки на Западе выявлению его значения для последующего ее развития.

Рассмотрение процесса становления и утверждения социологии как науки в XIX— начале XXв. показывает, что она прошла не простой и длительный путь, пока не получила общественного признания. Временной ла1, отделяющий признание обществом ее научного статуса от провозглашения^ социологии в качестве самостоятельной науки (О. Конт), имеющей сво | предмет, метод, «гнездо» центральных и актуальных для общества пг. блем, круг основных понятий (категорий), составляет примерно три че верти века (с 1830-х п. до рубежа 1910—1920-х гг.). Именно в конце XIX• начале XXв. стали появляться социологические кафедры и факультеты) университетах, издаваться первые социологические журналы, возникав ассоциации и сообщества социологов, что означало на деле институциона | лизацию социологической науки, т.е. общественное признание ее ценное и необходимости.

Почему XIX— начало XXв. считают классическим этапом в станов. ! нии и развитии мировой социологической науки?

Во-первых, потому, что в рамках этого этапа были сформулированы иде и концепции, которые стали «классическими», т.е. своего рода инвариантными для социологической науки, ее своеобразным неделимым и неразменным фондом, фундаментом для дальнейших теоретических и эмпирических построений. Вне идей и концепций О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгей-ма, М. Вебера и ряда других представителей социологической науки ее даль-нейшее развитие в XX, а теперь уже и в XXIвв. было бы невозможным.

С учетом этого обстоятельства важнейшее значение истории западной социологии XIX— начала XXв., ее классического этапа, состоит в том,Ч что в его рамках возникли основные социологические школы и течения, направления и концепции, которые составили базис развития социологии в XXв. и, есть все основания надеяться, в XXIв. также. По существу

речь идет о трех основных парадигмах, которые определили последующее развитие социологической науки: позитивизме, марксизме, веберизме.

Во-вторых, потому, что на этом этапе социологии появились и получили научно-статусное утверждение ее основные понятия и категории. К их числу могут быть отнесены: общество, социальный факт, социальная связь, социальное отношение, социальная система, социальное действие, социальное поведение, социальный институт, социальная группа, социальная структура, социальное взаимодействие, социальная общность, социальная функция и др. Подавляющее большинство названных понятий и категорий появилось, и это нетрудно обнаружить, путем прибавления слова «социальный» — на чисто этимологическом уровне, а в содержательном плане — в силу необходимости изучать проблемы действия, поведения, функционирования и т.д. различных субъектов деятельности в системе социальных связей и отношений. Следует отметить, что в XXв. упомянутые понятия и категории были обогащены новым содержанием.

Названные выше понятия и категории рассматривались в основном в рамках теоретической социологии, которая оставалась на протяжении всего классического этапа доминирующим направлением развития. Однако они уже содержали в себе возможность их использования в процессе перехода к эмпирическим исследованиям. Именно это произошло в 1920—1930-е гг., когда эмпирическая социология стала очень активно утверждать себя в десятках, сотнях конкретных изысканий.

В-третьих, потому, что в процесс становления и развития мировой социологии оказались вовлеченными, иногда независимо друг от друга, различные страны «классического» капитализма. Это в первую очередь Англия, Франция, Германия, затем — Италия, Австрия, США. Процессы возникновения и институционализации социологии проходили в них относительно синхронно, но они различались между собой. В одних случаях их патронировало государство, в других — благотворительные организации и спонсоры, одни университеты приветствовали создание социологических структур, в других не хотели даже слышать и принимать термин «социология».

Так, в конце XIX— начале XXв. появились первые социологические кафедры и факультеты в Чикагском университете (США), Сорбонне (Франция), Лондонском университете (Англия). Они возглавлялись соответственно А. Смоллом (Чикаго), Э. Дюркгеймом (Париж), Л. Хобхаузом (Лондон). Если в США (там уже в 1901 г. курсы социологии предлагались студентам в 169 университетах и колледжах) и во Франции создание кафедр и факультетов социологии осуществлялось путем их государственной поддержки, то появление в 1907 г. кафедры социологии в Лондонском университете и утверждение академического статуса этой дисциплины происходило за счет благотворительной деятельности. Вместе с тем в этой же Англии в университетах Кембриджа и Оксфорда социологические подразделения открылись гораздо позднее, поскольку предпочтение было отдано антропологии и этно-

графии. Социологические курсы стали читаться в них с большим опозданием — в сравнении со многими другими университетами.

Что касается Германии, то в ней ситуация с преподаванием социологии выглядела еще хуже, поскольку на философских факультетах (и именно там было сосредоточено изучение всех гуманитарных наук) существовало «табу» на эту науку. Несмотря на работы Ф. Тенниса, Г. Зиммеля, М. Вебера, имевшие антипозитивистскую направленность, в целом и университетах Германии социология воспринималась как исключительная позитивистская дисциплина, к тому же связанная с пропагандой социалистических взглядов, а это было недопустимо в условиях крайнего теоретико-идеологического консерватизма.

В упомянутых выше европейских странах и США возникали первые центры социологических исследований: Лондонское социологическое общество — 1903 г., Немецкое социологическое общество — 1909 г., Американское социологическое общество — 1905 г. Это способствовало социологическому сближению различных стран и созданию способов и форм международного сотрудничества. В 1894 г. в Париже состоялся первый конгресс Международного института социологии, на котором было провозглашено создание этого учреждения (Международный институт социологии существует и сейчас и, так же как и раньше, проводит свои конгрессы). На первом конгрессе присутствовали Ф. Теннис, Г. Зиммель, Л. Уорд, Л. Гумплович, Г. Тард, А. Смолл, Ф. Гиддингс, русский социолог М. Ковалевский и др. У института был свой печатный орган — «Международное социологическое обозрение» («RevueInternationaledeSociologie»), впервые опубликовавшее свои материалы в 1893 г.

В-четвертых, потому, что в рамках рассматриваемого периода происходило формирование идентичности европейской социологии. Именно в это время складываются, как говорит об этом французский социолог Р. Будон¹, специфические особенности европейской социологии, характеризующие ее в качестве определенной единой и идентичной системы, имеющей общее направление развития. Это те особенности, которые отличали европейскую социологию от американской. В качестве главной из них можно назвать интерес к выявлению закономерностей развития общества, его глобальным теоретическим проблемам.

Чтобы лучше понять значение классического этапа социологической науки для последующего ее развития, можно попробовать провести некоторую аналогию между процессами, которые происходят в социологии и иных науках, прежде всего естественных. Возьмем для примера физику. Современные ее представители практически никогда не ссылаются на И. Ньютона, сформулировавшего основные физические законы для мак-

¹Boudon R. European Sociology: The Identity Lost? // Sociology in Europe In Search of Identity. Berlin; N.Y, 1993. P. 28.

1>омира (законы механики), крайне редко ссылаются на А. Эйнштейна, автора теории относительности и многих открытий в области квантовой теории света. Попробуйте представить физика наших дней, который не изучал бы то-то и другого, невозможно. Оба ученых, их труды и открытия — в том 1 амом золотом запасе физической науки, которым определяется станов-ш'ние ее потенциала.

Нечто похожее происходит сегодня и в социологической науке, хотя, к примеру, Копта по его значению для нее трудно сравнить с Ньютоном и по местом в физике, а, скажем, Виссера с этой же точки зрения — с Эйнштейном. Копта в социологии цитируют пока еще значительно чаще, чем 11ьютопа — в физике, а без ссылок на Вебера редко когда обходится серьезная социологическая публикация. Но, вероятно, в социологии наступит такое время (судя по тенденциям ее развития, это может произойти в первой половине XXIв.), когда Копта, действительно, будут вспоминать очень мало и редко. Однако его идеи, прежде всего сформулированные им положения и принципы позитивизма, навсегда останутся неотъемлемой частью золотого запаса науки, которой он посвятил всю свою жизнь.

§ 2. Основные направления западной социологии в рамках ее классического этапа

Подводя итоги классического этапа развития социологии, следует остановиться в первую очередь на характеристике сложившихся в его границах основных направлений (парадигм) с точки зрения их значения для последующего развития этой науки. Начнем с позитивизма как одного из основных направлений, течений, как одной из парадигм, моделей подхода к изучению социальных явлений, появившейся в социологии раньше других, и именно в границах классического этапа ее развития.

Это значение определяется стремлением вывести социологию на уровень естественных и даже точных наук. Попытки применить различные методы естественных наук (в том числе математические) к анализу социальных явлений и процессов, имевшие место в XIX— начале XXв., активизировались в социологии XXв. Противопоставление этих методов (наблюдения, эксперимента, сравнительного) методам получения абстрактного, зачастую спекулятивного, умозрительного знания (обеспечивающего лишь общие рассуждения об обществе), появившееся на классическом этапе развития социологии, усилилось в XXв.

В границах классического этапа развития социологии позитивизм (иногда его называют ранний позитивизм) означал в то же время редукционизм, проявлявшийся в натурализме, органицизме, эволюционизме. В одних формах редукционизма акцентировалось статичное состояние общества (органицизм), в других — динамичное (эволюционизм), в тре-

тых проводились излишне жесткие, иногда даже вульгарные аналогии между обществом и биологическим организмом (социальный дарвинизм), обществом и механическим агрегатом (социальный механицизм)

Одновременно и параллельно с позитивизмом утверждала себя в рамках классического этапа социологии еще одна модель видения общества - марксизм, которой также суждено было сыграть значительную роль в XX в., причем не только в рамках теоретических истолкований, но и практического применения. Речь идет о реализации идей марксизма в осуществлении социалистических революций и создании социалистических государств. Однако в наши задачи рассмотрение этого аспекта марксизма не входит. Мы ограничимся его характеристикой как определенного социологического направления, социологической парадигмы, оказавшей значительное влияние на развитие науки об обществе в XX в.

Суть марксистской модели подхода к изучению общества состоит в материалистическом истолковании общественно-исторического процесса, базирующемся на признании приоритета экономического базиса его развития. Положив в основу социологического анализа общества экономические факторы, связанные с развитием общественного производства, марксизм теоретически определил тесную зависимость от него социальной, в первую очередь классовой структуры, а также духовной жизни.

Еще одно направление марксистского социологического анализа, предложенное науке, заключалось в признании жесткой логики развития процессов: от противоречий между производительными силами и производственными отношениями, которыми всегда наполнено общественное бытие, к классовому противоборству, являющемуся отражением этих противоречий на уровне отношений между классами, разрастанию этого противоборства до состояния конфликта между ними и его разрешению в ходе социальной революции. Марксизм первым среди течений общественной мысли и социологических направлений провозгласил социальный конфликт основным типом межгрупповых и классовых взаимодействий в жизни общества, базирующихся на различных отношениях их субъектов к средствам производства.

Поскольку здесь речь идет о марксизме как о направлении социологической науки классического этапа ее развития, следует сказать о разных взглядах ученых на признание этого обстоятельства. Среди и отечественных, и зарубежных специалистов бытует точка зрения, в соответствии с которой неправомерно считать К. Маркса представителем социологической науки, а марксизм — ее направлением и тем более — парадигмой. Основные аргументы, выдвигаемые в защиту этой позиции, состоят в том, что, во-первых, сам Маркс никогда не считал себя социологом, во-вторых, он решительно противопоставлял свое учение буржуазной социологии, в-третьих, многие последователи и сторонники марксизма откровенно отказывались от своей причастности, тем более принадлежности к миру этой науки.

Полемизируя с данной позицией, следует отметить, что главный пункт противоречий между разными подходами к вопросу о признании Маркса (социологом, а марксизма — особым направлением социологической науки) на самом деле заключается не в субъективном отношении Маркса и его последователей к социологии как предмету собственной научной деятельности. Можно считать себя социологом, но ставить и изучать социологические проблемы, более того, показывать пути их решения, что в полной мере характеризует творчество Маркса и его сторонников, т.е. тех, кого относят к марксистскому направлению в общественной мысли. При такой постановке вопроса вполне корректно считать многих приверженцев этого направления, и в первую очередь его основателя — самого Маркса, представителями социологической науки. Ведь проблемы общества, основных моделей, законов, тенденций и факторов его развития, социальной структуры, отношений между классами и группами людей, социальных противоречий и конфликтов и многие другие — это проблемы социологические. Да и сам их теоретический анализ имеет также социологический характер.

Рассмотрим еще одно основное направление социологической мысли, возникшее в рамках классического этапа становления и функционирования социологии и оказавшее существенное влияние на последующие процессы в ней, — веберизм. Оно явилось закономерным результатом антипозитивистской линии развития социологии, сначала и прежде всего в Германии, а затем за ее пределами, где идеи Вебера были восприняты и изыты на вооружение.

Центральное теоретическое положение веберизма состоит в том, что основной сферой социологического интереса является социальное поведение, которое должно стать предметом исследовательского понимания. Со времен Вебера его исследователи стали трактовать социологию как науку о социальном поведении, которое необходимо понять и истолковать. Именно на понимании смысла и значения того, что думают и делают люди, т.е. их социальных действий, основывается творчество социолога. Сама социология должна быть понимающей потому, что действие индивида, как правило, им осмысливается, и науке, следовательно, необходимо «войти» в этот смысл, понять его. Отсюда — «понижающая социология» как главная линия веберизма.

Другая его линия связана с концепцией социального действия и его типологией. Введение и обоснование Вебером понятия социального действия и его типологии, включающей целенаправленное, ценностно-рациональное, аффективное и традиционное действия, сыграло значительную роль в развитии социологической науки XXв. Одна из наиболее разработанных социологических теорий — концепция социального действия Т. Парсонса (ее рассмотрение выходит за пределы классического этапа социологии и будет осуществлено во второй части учебника) — содержит в качестве базовых основные веберизмские положения.

Третья основная линия веберизма связана с социологическим анализом механизмов власти и бюрократии. Он оказался сопряженным с выявлением трех типов господства — легального (легитимного), традиционного и харизматического, соответствующих основным типам социального действия. Политическая социология XX в., а в значительной мере и некоторые другие отрасли социологии (экономическая социология, социология организаций) испытали и продолжают испытывать по сей день сильное воздействие веберизма.

Анализ влияния идей Вебера можно применить и при рассмотрении иных отраслей социологического знания, активно развивавшихся в XX в.: социологии религии, социологии права, социологии культуры, социологии истории и т.д. Более того, этот анализ может быть распространен на соседние с социологией сферы научного исследования: философию, этику, эстетику, историю права, экономику, политику и др. Все это свидетельствует о мощном методе логическом потенциале веберизма и его значительных возможностях.

Рассмотренные три основных направления классического этапа развития социологии — позитивизм, марксизм, веберизм — стали ее нервными парадигмами, основными моделями и подходами к исследованию как общих, так и конкретных проблем социальной жизни. Не случайно в XX в. все они обновлялись, модернизировались. Перед названиями этих направлений появилась сначала приставка «нео» (что означало новый позитивизм, новый марксизм, новое веберизм), затем — приставка «пост» (что значило уже развитие каждого направления после его очередного обновления). При очередной теоретической модернизации в XX в. от содержания этих направлений, утвердившихся в социологии XIX — начала XX в., осталось все меньше и меньше исходных, базовых положений. Тем не менее охарактеризованные выше парадигмы и сейчас признаются как имеющие значение в социологической науке.

Определив и рассмотрев три направления в качестве основных для социологии XIX — начала XX в., необходимо осознавать, что они находились не в идейном вакууме, не в ситуации, когда каждое из них «консервировалось в собственном соку». Названные выше направления определены образом «относились» друг к другу. Общая характеристика этих «взаимных отношений» может быть обозначена как неприятие в целом каждым другим на уровне их лидеров. Кроме того, можно много говорить о конфликте, т.е. с социологическими воззрениями Маркса (но при этом в отношении уважительном отношении к его фундаментальным идеям), о взаимном желании Э. Дюркгейма и М. Вебера признавать значение идей другого! негативном отношении В. Парето к своим социологическим предшественникам и современникам и полном отрицании им концепций Дюркгейма, Тенниса, Зиммеля, Вебера и т.д. Вероятно, для последующего развития социологии такая ситуация тоже имела значение в плане того, как не нужно относиться к социологическому творчеству других.

§ 3. Общие черты западной социологии в границах ее классического этапа

(мако при всем при этом «классикам» мировой социологии (отнесем к ним в первую очередь О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Ф. Тенниса, Илиммсля, М. Вебсра, Э. Дюркгейма, В. Парсто) были присущи общие черты. Конечно, они по-разному проявлялись в их творчестве с точки зрения глубины, выраженности, влияния на социологическую концепцию в иг/юм. Тем не менее некоторые общие черты можно назвать.

В первую очередь речь должна идти о высоком уровне теоретического мышления, который проявился в историко-эволюционном подходе каждого социолога к анализу общества в целом (как системы) и его конкретных подсистем - политики, экономики, религии, культуры, идеологии, морали, образования. Этот подход у многих социологов (особенно у Маркса, Тёп-миса, Вебсра, Дюркгейма, Парсто) часто сопрягался со структурным анализом общества, в ряде же случаев имели место попытки дополнить последний эмпирическими исследованиями (Теннис, Дюркгейм, Вебер).

К тому же не следует забывать, и это тоже общая черта «классиков», 'повсе они были по существу энциклопедистами, специалистами во мно-ііих областях знания: истории, экономике, праве, философии, религии, политике, культуре, педагогике, антропологии, этнографии и др. Не слу-мйпо в смежных с социологией отраслях знания ее представителей счи-|ают собственными «классиками»: Маркса и Парсто — в политэкономии, Кота — в философии, Вебера — в религиоведении, истории, экономике, праве, Дюркгейма — в педагогике, этике, религиоведении и т.д.

Практически все «классики» характеризуются в своей методологической ориентации па науку, на достижение объективности, па использование уже апробированных методов научного познания и исследования. Вместе с тем по существу все наиболее крупные представители социологии XIX— начала XXв. считают недостаточным использование только этих методов как простой экстраполяции па процесс изучения социальной реальности и выступают за создание собственно социологической методологии.

С названной общей чертой тесно связана еще одна: социологи-классики» (исключая Маркса) были сторонниками организационного «отделения» социологии от философии, разрыва «пуповины», их связывающей, исключительно в целях провозглашения и институционализации первой как самостоятельной науки. Но они вовсе не выступали за отказ от анализа философской проблематики в изучении социальной реальности, в том числе таких вопросов, как взаимоотношения общества и личности, природа общества, специфика социального познания и др.

Еще одна общая черта наиболее выдающихся представителей классического этапа социологии, о которой нельзя не упомянуть, — их критическое отношение к капитализму, разочарование в его видимых достижениях и вера и

надежда в светлое будущее этого социального строя (последнее положение) абсолютно не характерно для Маркса, который надежды общества связывал <ликвидацией капитализма и победой коммунизма>. Теннис отмечал разрыв к ние общинных связей при капитализме и в этом смысле — наличие кризиса, \ отношений между людьми и их группами, Зиммель обращал особое внимание на кризис культуры, Маркс — на жестокую эксплуатацию трудящихся, Дюркгейм много писал о проявлениях аномии при капитализме, Парето — об ирр.1 циональных характеристиках социального поведения и т.д.

Развитие социологии в XIX— начале XXв. показало наличие своей рода «сквозных» проблем, характерных для основных направлений школ, творчества ведущих ученых. Такими сходными, а подчас едиными оказались проблемы общества, его классификации и структуры, деятельности различных социальных институтов и организаций, социальной общности (в том числе группы), личности. Разумеется, способы анализ и решения социальных, системно-структурных, институциональных «общностных» и личностных проблем были весьма дифференцированы. Но важно отметить другое: в рамках классического этапа социология постепенно, сначала как бы «ощупью», затем все более уверенно поднимала эти вопросы в качестве центральных. Свою «стержневую» содержательную роль они будут выполнять и в дальнейшем.

§ 4. Первые школы в социологии

Значение классического этапа в развитии социологической науки заключилось в том, что уже в его рамках стали возникать первые социологические школы. Здесь необходимо сказать о двух — французской социологической школе Э. Дюркгейма и Чикагской социологической школе (США).

За всю более чем полуторавековую историю социологии существовало всего лишь несколько крупных школ. Значительная научная школа — явление в социологии не такое уж частое и распространенное. Для ее возникновения необходимо наличие нескольких совпадающих по времени, месту, содержанию и направленности обстоятельств. Речь идет о каком-то конкретном периоде и его определенной продолжительности. Как правило, он занимает не менее 20 лет; это тот срок, в течение которого школа должна сформироваться как некоторое объединенное на основе общих методологических принципов и подходов научно-творческое неформальное сообщество и проявить себя соответствующим образом в социологической деятельности. Школа характеризуется наличием ярко выраженного лидера (лидеров), институционального статуса (к примеру, принадлежность к университету), центра для обмена научными идеями и творческих встреч (теоретический семинар, издание журнала), общих профессионально-этических установок ее представителей. Именно эти:

фгбованиям отвечали появившиеся в границах классического этапа две упомянутые выше школы.

Французская социологическая школа Э. Дюркгейма

При рассмотрении творчества Э. Дюркгейма уже отмечалось, что он оста-иил после себя многочисленных учеников, часть которых после его смер-ip (а некоторые — еще при жизни) стали известными не только во Франции, но и далеко за ее пределами исследователями. У школы был центр, но круг которого объединились ее представители. Им оказался журнал «Социологический ежегодник», созданный по инициативе Дюркгейма и подаваемый при его жизни в период с 1898 по 1913 гг. (после смерти основателя школы журнал пытались восстановить — в 1925—1927 гг., а роль ••с лидера перешла к ученику Дюркгейма М. Моссу). В состав школы входило до 15 социологов, среди них такие известные, как Л. Леви-Брюль, С. Бугле, М. Хальбвакс, Р. Герц, А. Юбер, П. Фоконне, Ж. Дави, П.Фавр п др. Эта школа начала свою деятельность на рубеже XIX^XXвв., а распалась уже в 1930-х гг.

Особенности французской социологической школы состояли в следующем. В теоретическом плане ее представителей сближало использование в качестве методологии социологического анализа позитивизма. Центральной, интегрирующей идеей стала концепция социальной солидарности Дюркгейма и стремление ее реализовать в либеральных позициях социал-реформаторского характера (мирное разрешение классовых противоречий, учет интересов беднейших слоев населения, антиклерикальная направленность). С точки зрения определения векторов деятельности заслуга школы состояла в институциоализации социологии во Франции. Сам Дюркгейм, как известно, работал в Сорбонне, там же работали многие его последова-1сли, но некоторые из них заведовали кафедрами и были профессорами 1юрдоского, Тулузского и других университетов. Деятельность школы в конечном счете привела к тому, что в 1923 г. изучение социологии стало обязательным во всех вузах Франции, готовивших педагогов.

Основными направлениями исследований школы были: общая социология, ее теоретические проблемы, особенно социальная морфология (структура общества); социология религии; социология права; социоло-иия морали. Ее представители тесно сотрудничали с экономистами, пра-моведами, лингвистами, историками культуры и т.д. В этом нашла свое отражение реализация замысла Дюркгейма о превращении социологии в систему социальных наук. Для школы был характерен не только высокий уровень научной интеграции (хотя не все идеи Дюркгейма разделялись в полной мере участниками творческого сообщества), но и наличие дружеских связей и регулярного общения между ее представителями.

Школа организовала и провела ряд серьезных научных дискуссий: о предмете социологии как науки, о социологических проблемах религии,

образования, экономики, политики, права, сравнительных исторических исследований и т.д. Специалисты, изучавшие деятельное участие школ, свидетельствуют о бойцовском, прямо-таки задиристом характере ее представителей, проявлявшемся в ходе дискуссий. Дюркгеймовское движение как часто называли школу за рубежами Франции, вызывало большой интерес, а в Сорбонну и иные университеты, где работали социологи, приезжали учиться из США, Германии, других европейских стран.

Чикагская социологическая школа

В США социологической школой, начавшей свою деятельность во время классического этапа и продолжившей ее уже за его границами, была Чикагская. Под Чикагской школой принято понимать направление научной социологической деятельности теоретических и преимущественно эмпирических исследователей, сотрудничавших на кафедре социологии (социологический факультет) Чикагского университета в период между 1892-м и 1935 В рамках этого периода в деятельности школы можно выделить два этапа;* подготовительный и этап активного функционирования, на который падает пик ее творчества. Рассмотрение второго этапа, связанного с возникновением и развитием зарубежной эмпирической социологии в 1920—1930-е гг., будет осуществлено в специальной главе второй части учебника.

Здесь же предлагается характеристика лишь первого этапа, связанного с появлением Чикагской социологической школы (1892—1915), т.е. момента основания социологического факультета Чикагского университета до оформления центральных идей эмпирической социологии лидерами школы Р. Парком и Э. Бёрджессом. Небезынтересно отметить, что термин «Чикагская социологическая школа» появился во время прихода к власти ее кризиса, в 1930 г., принадлежит он исследователю работы школы Л. Бернарду, сами же основатели и наиболее яркие представители этого направления «школой» себя не называли.

Рассматриваемый этап существования Чикагской школы характеризуется стремлением к созданию единой исследовательской программы, которую, однако, сформулировать полностью так и не удалось. Зато были решены и другие задачи, которые позволили собрать вокруг кафедры социологии и социологического факультета университета немало сторонников соединив теоретических и эмпирических исследований. Так, в 1895 г. был создан первый в мире социологический журнал — «Американский журнал социологии» («American Journal of Sociology»). В отличие от «Социологического ежегодника», выходившего во Франции, периодичность американского журнала составила один номер в месяц. Следует отметить, что этот журнал под таким же названием продолжает выходить и сейчас и является, таким образом, старейшим социологическим периодическим изданием в мире. Через 10 лет после выхода его первого номера, в 1905 г., возникло Американское социологическое общество, впоследствии Американская социологическая

кая ассоциация (ЛСА). Она также продолжает свою работу по сей день. Первым ее президентом и основателем был известный американский социолог Л. Уорд. Затем на этом посту побывали почти все известнейшие американские социологи XXв. (по положению, президенты ассоциации избираются на каждый год новые).

На возникновение и деятельность Чикагской социологической школы большое влияние оказали идеи американской философии прагматизма. К ним были концепции Ч. Пирса, У. Джемса, Дж. Дьюи. Кстати, интересно отметить, что первой Чикагской научной школой в области социального знания была не социологическая, а философская школа прагматизма и инструментализма, которую возглавлял Дьюи. Его взгляды, особенно в области развития личности, образования, воспитания, оказали значительное воздействие на содержание социологических трактовок многих социальных проблем. В частности, одна из центральных идей Дьюи заключалась в том, что общество можно создавать и развивать только посредством воспитания людей, цель же последнего — формирование у человека стремления к достижению успеха как универсального образца поведения. Для молодой американской социологии эта теоретическая позиция стала одной из ключевых, особенно с учетом того обстоятельства, что развитие США на рубеже веков было тесно связано со стремлением всего общества, каждого конкретного человека к практической полезности действий и достижениям в любой сфере деятельности как самоцели.

В рамках первого, или подготовительного, этапа школы тон задавала так называемая «большая четверка» отцов-основателей: А. Смолл (основатель социологического факультета), Ч. Хендерсон, Д. Винсент, У. Томас. Из этой четверки на последующем этапе развития и расцвета школы лишь Томас усилил свое влияние благодаря написанию совместно с польским социологом Ф. Знанецким ставшей впоследствии знаменитой пятитомной работы «Польский крестьянин в Европе и Америке».

Поскольку деятельность школы группировалась вокруг социологического факультета Чикагского университета, необходимо сказать хотя бы кратко о ее направленности и подготовке социологов-профессионалов, которая здесь велась. Уже на подготовительном этапе школа отличалась стремлением к постановке, анализу и решению конкретных социальных проблем, поскольку именно в этом состояла потребность бурно развивающегося американского индустриального общества, переживавшего на рубеже веков мощный экономический подъем, приток громадного количества эмигрантов и ярко выраженные процессы урбанизации.

Руководители созданного в конце XIXв. Чикагского университета и прежде всего его основатель У. Хариер считали, что в первую очередь необходимы эффективные социальные реформы, направленные на оптимизацию жизни быстро растущего города Чикаго. Поскольку половину его населения составляли эмигранты (ирландцы, итальянцы, поляки, немцы,

скандинавы, евреи и т.д.), переживавшие серьезные трудности адаптации к абсолютно новым для них условиям жизни, постольку нужны были, одной стороны, меры социального контроля, с другой — усилия по установлению согласия между различными группами населения. Отсюда вытекают суть проблемы, стоявшей перед социологами, — прояснить и объяснить до конца ситуацию и наметить пути ее оптимизации.

На выработку реформистского подхода к решению этих задач была направлена подготовка и деятельность социологов. Здесь проявилась еще одна существенная особенность зарождающейся Чикагской школы: академическое образование, обучение студентов тесно увязывалось с проведением исследований под руководством профессоров. По существу, процесс обучения в значительной своей части осуществлялся в ходе подготовки и проведения исследований, обработки полученных данных и написания соответствующих материалов. При этом исследования, что было обязательным требованием к ним, посвящались исключительно конкретным проблемам жизни города и социальных общностей (групп), обитавших в нем. Но, несмотря на эмпирический характер многих исследований, о проблемах социологической теории также не забывали, уделяя им определенное, хотя и не такое, как конкретным изысканиям, внимание.

Этому способствовали опубликованные отцами — основателями Чикагской школы книги и статьи, в том числе и первый учебник по социологии, изданный в 1894 г. в Чикаго (авторы — Смолл и Винсент). Он был небольшим по объему, написан в виде брошюры, в которой излагались в основном теоретические взгляды Смолла. Следующие, более фундаментальные учебники появились спустя более чем четверть века (в частности, книга Парка и Бёрджесса «Введение в науку социологию» была издана в 1921 г.).

Уже на подготовительном этапе Чикагской школы стали практиковаться социологические семинары, в которых участвовали не только преподаватели и студенты факультета, но и заинтересованные в изучении конкретных проблем лица. Это могли быть работники государственных и муниципальных структур, члены политических партий и движений, бизнесмены, представители спонсорских, благотворительных и филантропических фондов и т.д. Постепенно складывался прообраз творческого содружества, который в полной мере реализовался уже в рамках второго этапа работы Чикагской социологической школы.

В результате в ходе подготовительного этапа удалось добиться главной цели — привлечь внимание американского (и не только, но его в первую очередь) общества к социологии, реализовать задачу ее институционализации и создать все необходимые предпосылки для плодотворных творческих исследований на следующем этапе деятельности школы. На раннем этапе были сформулированы профессионально-этические установки социологической деятельности и обучения ей. Американская соци-

ология (в лице Чикагской школы) оказалась подготовленной к появлению, вслед за теоретической линией развития, эмпирической ветви исследований в качестве самостоятельного их направления. Благодаря работам школы в этот период американская, а вслед за ней и мировая социология оказались на пороге нового витка развития, связанного с полномасштабным проведением конкретных эмпирических исследований и разработкой методологии, методики и техники их осуществления. Социологическая наука постепенно вступает в новый этап своего развития.

Вопросы и задания

1. Какой этап возникновения и развития социологии считают классическим и почему?
2. Дайте общую характеристику классического этапа социологии и расскажите, что означает ее институционализация.
3. Какие национальные центры развития социологии в Западной Европе и США вам известны? Охарактеризуйте их деятельность.
4. Назовите основные направления в западной социологии XIX— начала XXв., рассматриваемые как ее парадигмы. Почему эти направления выступают именно в таком качестве?
5. Вспомните общую характеристику позитивизма, которая давалась в самом начале изучения курса. Какие дополнительные знания этого направления у вас появились к концу изучения западной социологии XIX— начала XXв.?
6. Что главное, существенное вы можете выделить в марксизме как социологической парадигме?
7. Почему веберизм рассматривают как одну из наиболее значимых парадигм и в то же время одно из самых фундаментальных направлений в социологии?
8. Назовите и охарактеризуйте общие черты западной социологии XIX— начала XXв.
9. Что означает понятие социологической школы? Какие социологические школы конца XIX— начала XXв. вам известны?
10. Расскажите о социологической школе Э. Дюркгейма во Франции.
11. Как и почему зародилась Чикагская социологическая школа? Охарактеризуйте основные особенности этой школы и ее деятельность на начальном этапе возникновения и функционирования.

Литература

Арон А. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.

Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.

Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.

История социологии в Западной Европе и США. М., 1999.

История социологии и история социальной мысли: общее и особенное («круглый

стол») // Социол. исслед. 1996. № 10; № 11. История теоретической социологии: В 4 т М., 1997 Т. 1. Капитонов Э.А. История и теория социологии. М., 2000. Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.

Глава 14

Особенности становления и развития социологической

мысли в России в конце XIX- начале XXв.

§ 1. Исторические условия и предпосылки возникновения социологии в России

Социология в России возникает во второй половине XIXв., после реформы 1861 г., провозгласившей отмену крепостного права и означавшей начало новой эпохи в развитии не только экономических, но и социальных, политических, духовных процессов в жизни страны. В экономической сфере была открыта дорога развитию индустриального производства и капиталистических отношений. Стал возникать новый тип экономики как в городе, так и в деревне, потребовавший особого теоретического осмысления, поскольку западные концепции развития капитализма не вполне подходили для российской действительности. Наличие сильных остаточных феодально-крепостнических явлений, господство сельской общины как основы экономических и социальных отношений и многое другое привели к необходимости специальных научных трактовок. В них нужно было объяснить процессы усложнения и изменения социальной структуры российского общества в связи с появлением новых классов и слоев городской и сельской буржуазии, городского и сельского пролетариата, разночинцев и т.д.

Произошло значительное оживление социальной жизни, связанное с появлением революционных демократов, народников и иных общественных движений, как противостоявших правящему царскому режиму, так и поддерживавших его. В качестве важного социального явления возникает общественное мнение, изучать и учитывать которое становится необходимым для всех господствовавших и оппозиционных структур. Таким образом, оказываются налицо социально-экономические и политические предпосылки появления новой для России науки — социологии.

К ним в полной мере должны быть «добавлены» естественнонаучные и идейно-теоретические предпосылки, без которых ее возникновение было бы невозможным. В качестве первых необходимо назвать крупнейшие научные открытия середины XIXв. Это эволюционная теория Ч. Дарвина, клеточная теория Т. Шванна и М. Шлейдена, некоторые значительные достижения в

области физики, астрономии, математики и химии. Открытие целого ряда фундаментальных законов природы, использование при этом строгих и точных методов получения естественнонаучного знания не могли не поставить аналогичных вопросов в отношении общества и методов его изучения.

Главную роль в возникновении социологии в России сыграли идейно-теоретические предпосылки, выразившиеся в существовании и влиянии отдельных социальных концепций, имевших как отечественное, так и зарубежное происхождение. Вначале коротко скажем о зарубежном идейно-теоретическом влиянии, а затем значительно подробнее остановимся на предсоциологическом этапе развития российской социальной мысли.

Одна из особенностей возникновения отечественной социологии состоит в том, что в России этот процесс происходил тогда, когда в Западной Европе социология уже активно развивалась благодаря трудам О. Копта, Г. Спенсера, К. Маркса и многих других представителей названной науки, не принадлежащих к числу классиков, но внесших значительный вклад в ее конституирование. Временной лаг, отделяющий появление российской социологии от ее западноевропейской «старшей сестры», составляет приблизительно 30 лет.

Следовательно, работы поименованных выше социологов не могли не оказать влияния на те или иные концепции в России. Так, известно, что первым познакомил российского читателя с идеями Копта В.Н. Майков, опубликовавший в 1845 г. статью «Общественные пауки в России», в которой вслед за французским социологом поставил задачу формирования новой общественной науки о законах социальной жизни людей и народов. Правда, в этой статье он оспаривал нужность термина «социология», используя вместо него другой термин — «социальная философия». Но в данном случае значение имеет не это, а другое обстоятельство: стала внедряться в сознание общества идея плодотворности новой науки об обществе.

§ 2.

Теперь рассмотрим те отечественные идеи и теории, которые подготовили возникновение социологии и составили содержание ее так называемого предсоциологического этапа. Во временном отношении — это XVIII и первая половина XIX в. Именно в XVIII в., который принято в литературе называть веком просветительской философии, закладывались основы социальной мысли России. Конечно, в этом сыграли свою значительную роль петровские преобразования в стране. Их противоречивое влияние на последующее развитие общественной мысли очевидно. Главная проблема, которая была поставлена в «повестку дня» и которая, кстати сказать, по сию пору не «снята», — по какому пути развиваться России: должен ли это

быть национальный, самобытный, отечественный путь или необходимо использовать в первую очередь европейский социальный опыт.

В XVIII в. предлагались различные варианты развития России, прежде всего в плане ее социально-политического устройства, характера власти и роли государства в жизни общества. Существовали идеи укрепления этой роли, вплоть до признания необходимости авторитарного и деспотического социально-политического управления (Ф. Прокопович, В.Н. Татищев). Этим взглядам противостояли идеи либерального характера, сформулированные Д.С. Аничковым, С.Е. Десницким, Я.П. Козельским, А.Н. Радищевым. Они акцентировали внимание на отдельных сторонах развития России, связанных с деятельностью общины (Аничков), хозяйственными, экономическими и трудовыми процессами (Десницкий), уничтожением крепостничества и самодержавия (Радищев) и др.

В первой половине XIX в. формулируются новые концепции, сыгравшие немалую роль в появлении социологии. Они касаются обоснования идеи историзма (Н.И. Надеждин), революционного преобразования общества как необходимого условия его прогрессивного развития (П.И. Пестель), наконец, введения новой позитивной науки об обществе — социологии (В.Н. Майков).

Одной из ключевых фигур в социальной мысли России в первой половине XIX в. был Петр Яковлевич Чаадаев (1794—1856), внесший своим знаменитым философическим письмом 1829 г. заметный вклад в направление социологического поиска. Оно было первым среди восьми писем, написанных в 1829—1831 гг. и ходивших в рукописном варианте на французском языке по стране. В 1836 г. письмо было переведено на русский язык и опубликовано в журнале «Телескоп», вызвав при этом гнев и ярость императора Николая I. Журнал был запрещен, все, имевшие отношение к его выпуску, строго наказаны, самого же автора письма объявили сумасшедшим и заключили под домашний арест. Какие же идеи вызвали столь непримиримую реакцию власти имущих?

В письме Чаадаев рассматривал роль и место русского народа в истории цивилизации, давая ему крайне негативную и низкую оценку. Он писал: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось... То, что у других составляет издавна самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение» [1989. С. 18].

Автор письма стремится доказать, что у России нет традиций, что все в этой стране основано на подражании и заимствовании, что она живет без правил и убеждений. В этом смысле она выпадает из единства исторического процесса и находится в стороне от общечеловеческого прогресса, существует вне мировых традиций, без прошлого и будущего. «Мы живем, — писал

он в этой связи, — лишь в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя... выделенные по странной воле судьбы из всеобщего движения человечества, не восприняли мы и традиционных идей человеческого рода. А между тем на них основана жизнь народов, и.) этих идей вытекает их будущее и происходит их нравственное развитие. Если мы хотим, подобно другим народам, иметь свое лицо, мы должны сначала как-то переначать у себя все воспитание человеческого рода. К нашим услугам — история народов, и перед нашими глазами — итоги движения веков» [Там же. С. 20]. Трагическая и безысходная картина жизни России дополняется фиксацией ее полного одиночества в мире, бесцельности бытия в нем: «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили» [Там же. С. 25]. Трудно нарисовать более мрачную реальность, из которой в то время Чаадаев не видел выхода. Правда, в последующем он занял более оптимистическую позицию, утверждая, что у России есть возможность правильного социального выбора, связанного с решением проблем социального порядка и использованием плодотворных идей, накопленных человечеством.

Значение критических воззрений Чаадаева состоит в том, что они дали толчок для появления двух основных направлений социальной мысли в России — западничества и славянофильства, направлений, не только противостоявших друг другу на арене идейного столкновения и конфликта, но и превратившихся в тот духовно-теоретический стержень, вокруг которого стали впоследствии формироваться многие социологические концепции. Главный пункт противоборства состоял в понимании сущности и путей социального развития России.

Авторы западнических концепций признавали приоритет общечеловеческих социальных образцов и моделей на основе рационалистического западного идеала и доказывали необходимость их насильственного внедрения. Авторы славянофильских теорий, наоборот, отрицая такой путь, убеждали в необходимости естественного и органического развития отечественной культуры за счет доминирования национальных ценностей, образцов, идеалов и традиций. Наиболее яркие представители первого (западнического) направления — В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, второго (славянофильского) — К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков.

Нас эти направления интересуют не столько в плане их роли в духовной жизни России, сколько с точки зрения выявления содержавшихся в них идей, имевших социологическое значение. Говоря о таких взглядах западников, отметим среди них: рассмотрение в качестве основного субъекта социально-преобразовательных процессов народов и классов; акцент на революционном характере изменений в обществе (особенно со стороны революционного крыла западничества); подчеркивание роли социальных конфликтов в жизни обще-

сва; стремление выявить единство мировой истории и определить ее закон
 мерности и др. Что касается славянофилов, то для социологической
 пауки
 России имели особое значение такие их идеи как: признание особой
 роли д(е)
 ховой детерминации социального поведения людей;
 подчеркивание сами
 бытности культурных типов; характеристика общины как основной
 экономиче
 ской, социальной и культурной формы жизни в обществе;
 рассмотрени
 социальной эволюции как наиболее органичного типа развития и
 переход
 общества от одного состояния к другому.

щ

Различия в позициях западников и славянофилов попытался преодолеть Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885), и в этом его главнейшее значение на пути «собрания» социологии и России. Стремясь преодолеть недостатки и ограниченность каждого из двух основных направлений отечественной социальной мысли, он своими идеями по существу завершает! предсоциологический этап и создаст необходимые предпосылки для непосредственного перехода к конституированию социологической пауки. Его! главная мысль состоит в необходимости нахождения таких форм и путей¹ развития России, которые позволили бы органически сочетать лучшие достижения человечества (они в работах ученого выступают как европейские) и национальный опыт. То и другое, взятое порознь, ведет к непивным результатам. В статье «Наш умственный строй» Кавелин писал: «Принимая из Европы без критической проверки выводы, сделанные ею для себя из своей жизни, наблюдений и опытов, мы воображаем, будто имеем перед собой чистую, беспримесную научную истину, всеобщую, объективную и неизменную, и тем парализуем собственную свою деятельность в самом корне, прежде чем она успела начаться» [1989. С. 316]. Чтобы этого не было, необходимо развивать самобытное начало собственной жизни, придающее «отличную от всех других физиономию», стремиться к высокой нравственной* поста народа. «Только когда у нас разовьется индивидуальное начало, когда народится и на Руси нравственная личность, может измениться и наша печальная ежедневная действительность» [Там же. С. 318].

С личностью, прежде всего с ее внутренним саморазвитием, нравственно-этической и культурой, связывал общественный прогресс Кавелин. Исследователи его творчества справедливо отмечают, что именно в трактовке прогресса¹ как внутреннего саморазвития личности (а не изменения внешних социальных форм) оказался заложен переход к субъективной социологии, которая стала одним из доминирующих направлений развития этой науки в России.

§ 3. Периоды развития российской социологии во второй половине XIX-начале XXв.

В чуть более полувековом развитии российской социологии (1860-1910—1920-е гг.) можно условно выделить три периода: первый — 1860-

1890-е гг., второй — 1890-е гг. — начало XXв., третий — начало 1900-х — рубеж 1910 -1920-х гг.

Первый период: господство субъективной социологии и позитивизма

Первый период российской социологии, как и на Западе, был тесно связан с господством позитивистских идей. С ними близко соотносились положения субъективной социологии, составлявшей «российскую специфику». В канале ощущалось довольно сильное влияние концепции О. Копта (работы П.Л. Лаврова, В.В. Лесевича, Д.И. Писарева), но затем оно оказалось преодоленным. На рубеже 1860—1870-х гг. появляются первые «чисто» социологические работы, выполненные в духе субъективной социологии и позитивизма. Они принадлежали П.Л. Лаврову и Н.К. Михайловскому. С этого времени, пишет известный российский социолог И.И. Кареев (о котором далее подробно будет сказано), у нас «началось развитие социологической литературы» [1997. С. 32].

К появлению субъективной социологии и позитивизма как самостоятельных направлений в российской социологии следует относиться, по-видимому, неоднозначно. С одной стороны, нельзя отрицать влияния западно-европейских его основателей и принятия целого ряда их позиций. Это видно из работ российских авторов и в первую очередь из рецензии Лаврова 1868 г. на книгу «О. Конт и положительная философия». С другой стороны, ряд положений «классиков» позитивизма подвергался ими критике.

Что привлекало российских исследователей в позитивизме? В первую очередь стремление его сторонников создать новую науку об обществе, синтезировать научное знание, активно использовать методы естественных наук для анализа социальных процессов и явлений. Социология, вслед за Контом, рассматривалась как высшая наука в системе научного знания о мире, призванная открывать и разрабатывать наиболее общие социальные законы. Поэтому не случайно был проявлен громадный интерес к использованию самых разнообразных эмпирических данных о социальных процессах. Однако при этом объект и предмет социологии российскими исследователями не был выявлен достаточно четко, в результате чего социология и социальная философия оказались «неразмежевавшимися», а зачастую и просто причудливым образом соединенными.

В рамках первого периода российской социологии сложилось несколько направлений исследований. Это были: субъективная социология и тесно связанное с ней психологическое направление (И.И. Кареев, Н.М. Коркунов, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков); позитивизм М.М. Ковалевского; натурализм в его различных формах (Н.Я. Данилевский, П.Ф. Лилинфельд, Л.И. Мечников, А.И. Стронин), среди которых выделялись географический детерминизм и органицизм; экономический материализм и ортодоксальный марксизм (Г.В. Плеханов).

Второй период: господство неокантианства

В конце 1880-х — начале 1890-х гг. российский позитивизм (как ранее [западноевропейский]) столкнулся с рядом трудностей и противоречий связанных с натуралистическим и психологическим редукционизмом [социологии]. В связи с этим были подвергнуты критике попытки сблизить социологию с естествознанием и объяснения социальных процесса с помощью естественнонаучных методов. Возникает антипозитивистское течение в социальной мысли России, «ядром» которого стало неокантианство.

В его теоретико-методологических рамках, наряду с критикой вульгарного натурализма, эволюционизма и механицизма, доказывалось, что общественную жизнь в целом, в России в частности нельзя рассматривать как разновидность естественного, природного процесса. В ней необходимо видеть, с точки зрения неокантианства, в первую очередь культурно-ценные аспекты человеческого поведения, обладавшие уникальными, неповторимыми особенностями. С подчеркиванием именно этой позиции были связано отрицание единства гуманитарного и естественнонаучного знания и признание доминирующего значения первого. Наиболее яркими представителями неокантианства в российской социологии были Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, В.М. Хвостов.

Возникновение неокантианства в российской социологии, впрочем, вовсе не означало отказа многих авторов, разделявших позиции позитивизма и субъективной социологии, от своих научных убеждений и взглядов. Но в результате появления философско-социологического «антипода» позитивизма — неокантианства стала усиливаться научная аргументация этих взглядов, что в конечном итоге способствовало идейно-теоретическому обогащению российской социологии. Продолжают успешно работать Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.Ф. Лилиенфельд, Е.В. де Роберти, сторонники экономического материализма и др.

Трудности поджидали российскую социологию совсем с другой стороны; они касались ее общественного признания и институционализации. Новая наука в правящих кругах была встречена настороженно, если не сказать враждебно. Одна из основных причин — ее тесная связь с событиями и оценками политической жизни в стране и за рубежом и попытки включения в непосредственную политическую деятельность ряда социологов, особенно тех, кто требовал революционного ниспровержения существующего строя. Кстати, именно тесной связью с реальными политическими процессами и действиями отличалась российская социология (по крайней мере, ряд ее представителей, что бросало «тень» на всю науку) от западной, поскольку последняя формировалась в постреволюционных условиях и не была ориентирована на радикальное преобразование власти.

У российской социологии долгое время не было своих журналов, кафедр в университетах, профессиональных сообществ и учреждений. Имеем с тем печатались книги социологов — при условии благополучно-прохождения ими цензуры. Переводились на русский язык и издавались работы зарубежных социологов — также при соблюдении этого условия. Однако, если обнаруживалось их «враждебное действие на умы», книги могли быть изъяты и уничтожены. Ранее, в главе о психологическом направлении, уже писалось о судьбе русского перевода второго тома «Динамической социологии» Л. Уорда, сожженного по специальному решению царского правительства, члены которого сочли эту книгу подрывной и враждебной его устоям. Сам Уорд, по словам Ковалевского, был уверен в том, что поводом к сожжению послужило смешение «динамизма» с динамитом.

Многие представители российской социологии были вынуждены работать и публиковаться за рубежом. В исследовании «Социология на Западе и в России» Ковалевский описывал случай, имевший место с ним на границе в начале XX в. при его возвращении на Родину. Жандармский полковник обратился к нему со словами: «Нет ли у вас книг по социологии? Вы понимаете... в России — это невозможно» [Кареев. 1997. С. 102]. Когда в 1908 г. при создании частного Психоневрологического института (во главе с академиком В.М. Бехтеревым) в нем была открыта первая в России кафедра социологии (ее возглавляли сначала М.М. Ковалевский, затем Е.В. де Роберти, позднее — П.А. Сорокин и К.М. Тахтарев), министр народного просвещения Шварц заявил на приеме, что социология — это предмет, который компрометирует учебное заведение. Термин «социология» так и не прижился в дореволюционной России. Чтобы преподавать эту дисциплину в рамках учебного плана и включать ее в программы учебных заведений, для социологии подыскивались слова-заменители.

Тем не менее результаты работы российских социологов были налицо. Они получили общественное признание за рубежом, где не только издавались их книги, но и проходили под эгидой Международного института социологии первые международные социологические конгрессы с участием российских ученых. Трое из них — Ковалевский, Лиленфельд, Сорокин — избирались в разное время президентами института. Это свидетельствовало о международном признании российской социологии. Росту ее популярности и авторитета способствовало создание Ковалевским и де Роберти в 1901 г. в Париже Высшей Русской школы общественных наук. Обязательным предметом в ней была социология, занятия же вели ведущие российские и западные ученые. В деятельности школы, по существу, отработывалась первая модель российского социологического факультета. Но школа, к сожалению, просуществовала недолго (до 1905 г.) и по требованию царского правительства была закрыта.

Третий период: господство неопозитивизма

В границах третьего периода развития российской социологии ведущим направлением становится неопозитивизм (А.С. Звоницкая, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев). Его представители считали необходимым исследование и первую очередь социальное поведение, социальных связей, социальной! взаимодействия, социального общения. Они ратовали за превращение социологии в описательную науку с предельно объективным и точным изучением как на теоретическом, так и эмпирическом уровнях самых различных сторон социального поведения и взаимодействия.

Наряду с неопозитивизмом возникает так называемая «христианская социология» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк). В качестве предмета; ее представителями, равно как и неопозитивистами, берется рассмотрение социального. Это позволяет социологии отмежеваться от других наук выйти на уровень предметного самоопределения. Усиливается развитие! легального, так и ортодоксального марксизма и экономического материализма (Г.В. Плеханов, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, В.И. Ульянов). По существу сохраняются все остальные ранее утвердившиеся направления социологической мысли в России. Продолжает издаваться) отечественная социологическая литература, и публикуются переводы на русский язык социологических трудов зарубежных ученых. Заметным явлением становятся четыре выпуска сборника «Новые идеи в социологии» подготовленные кафедрой социологии Психоневрологического института!

Таким образом, развитие российской социологии во второй половине XIX— начале XXв. шло по пути наращивания научного потенциала и усложнения структуры за счет появления все новых и новых направлений и течений. Тенденция к нарастанию была заметной и относительно процесса институционализации социологической науки. В 1912 г. была открыта социологическая секция на историческом факультете Петербургского университета. В 1916 учреждается Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского. В 1917 г. вводится ученая степень по социологии, создаются кафедры социологии в Ярославском и Петроградском университетах. В 1920 г. в последнем от-1 открывается факультет общественных наук (первый в России), включавший в себя социологическое отделение во главе с П.А. Сорокиным.

Однако новая тоталитарная социальная система не нуждалась в социологической науке. После высылки Сорокина за рубеж в 1922 г. по указанию В.И. Ленина начался разгром российской социологической науки, который был довершен И.В. Сталиным. Отечественная социология погрузилась в черную ночь забвения (подробнее об этом см. во второй части учебника).

Выше были охарактеризованы периоды исторического развития отечественной социологии, в ходе краткого обзора которых обращалось внимание на появление направлений, течений и отдельных социологов, сыгравших заметную роль в становлении и конституировании этой науки в России. Сейчас!

речь пойдет о ее содержательном рассмотрении, которое будет осуществлено в рамках трех ориентации, хронологически совпадающих с периодами исторического развития социологии [Миненков. 2000. С. 25—28].

Первая из ориентации в литературе получила название синтетической. Поскольку она совпадает с господством позитивизма в российской социологии, постольку ее содержание определяется стремлением к синтезу естественнонаучного и социального знания. Синтетическая ориентация получила отражение в создании позитивистской модели общества как целостного организма. При этом особое внимание в российской социологии обращалось на такие аспекты жизни общества, как его культура, моральная среда, политический и этический идеал. В центре внимания социологов оказываются проблемы соотношения индивида и общества, индивида и группы, индивида и социальной среды, вопросы социального действия и взаимодействия.

В конце XIX в., в связи с актуализацией антипозитивизма и распространением неокантианства, в российской социологии усиливается аналитическая ориентация. Общество рассматривается уже не как организм, а в качестве организации духовно-нормативного характера, для изучения и развития которой необходим социокультурный анализ и знание ценностей. Расширяются круг социологических проблем и фактологическая база науки, поскольку приобретает интерес изучение социальной структуры, типов социального поведения и социальных институтов. Основными проблемами становятся: соотношение индивида, нормы, культуры; мотивация социального действия; взаимосвязь реального и идеального в обществе.

Наконец, третья ориентация — аналитико-синтетическая — возникла как взаимодополнение первых двух (синтетической и аналитической) на этапе развития российской социологии в начале XX в. Известно, что критика позитивизма (на первом этапе) неокантианством (второй этап) показала ограниченность каждого из них. Это стало ясно в ходе развития неопозитивизма и христианской социологии (третий этап). Внешне не принимая друг друга, оба направления стремились к одной и той же цели — определению статуса социологии и ее границ как науки. В результате синтеза реализма и номинализма, стремления к методологическому объективизму, описания общества как целостного организма, в котором все элементы связаны функционально, российская социология достигла большего уровня зрелости и вышла на новые рубежи теоретического анализа, пришла к осознанию необходимости интеграции социального знания.

§ 4. Российская и зарубежная социология XIX- начала XX в.: специфика взаимосвязи

Рассмотрев предпосылки возникновения, периоды развития и ориентации российской социологии во второй половине XIX — начале XX в., мы имеем

необходимые основания для характеристики в целом ее особенностей в э 111 шесть — семь десятилетий. Их можно смело рассматривать как классический этап в развитии российской социологической науки. В ходе этого этапа оказались сформулированными основные социологические идеи, синтезировавшие лучшие достижения мировой (европейской) социологии (концептуальными положениями отечественных исследователей, в которых был дан анализ специфических социальных проблем российского общества. Классический этап оказался непродолжительным по времени, но богатым по содержанию. В сравнении с классической западно-европейской социологией российская «классика» оказалась не столь протяженной (в Европе этот период продолжался на 30 лет больше) и менее насыщенной социологическими открытиями, событиями и исследованиями.

Укажем в этой связи, что процессы институционализации в российской социологии так и не осуществились в полной мере, в результате чего не удалось добиться настоящей университетской подготовки кадров профессиональных социологов. Российская социология оказалась обделенной проведением эмпирических исследований (хотя бы на примитивном уровне). В ней не сложилось предпосылок для появления настоящих научных школ. Наконец, Россия не дала человечеству ни одного социолога крупного, «классического», мирового масштаба. Вряд ли можно отнести к их числу Питирима Сорокина, достигшего такого уровня, работая многие годы уже не в России, а в США.

Одна из особенностей российской социологии состояла в одностороннем характере ее связей с западной социологической наукой вплоть до начала XXв., пока ситуация не стала понемногу меняться в лучшую сторону. Если работы западных исследователей в России активно переводили и публиковали, то деятельность российских социологов была мало известна их коллегам на Западе. Исключение составляли Г.Н. Вырубов, М.М. Ковалевский, Я.А. Новиков, Е.В. де Роберти, подолгу жившие за границей. Дело в том, что они писали и публиковали свои работы (по крайней мере, отдельные) на французском, немецком, английском языках. Вырубов, помимо этого, вместе с учеником О. Конта Э. Литтре издавал во Франции с конца 1860-х гг. журнал «Позитивная философия» (его ввоз в Россию до 1881 г. был запрещен). В нем иногда публиковались работы российских социологов. В остальном же их достижения не были известны западным ученым. Плохая информированность за рубежом о состоянии российской социологии не способствовала росту ее авторитета и развитию в своем отечестве.

В результате определенной изоляции, а также вследствие негативного отношения со стороны правящего режима социология в России длительное время развивалась благодаря активной деятельности отдельных ученых, подлинных энтузиастов новой науки. Круг социологических проблем, исследовавшихся ими, оказался тем же самым, что и у западных

ученых: предмет, методы, понятийный аппарат социологии, ее соотношение и взаимодействие с другими науками, в первую очередь с психологией, проблематика социальной структуры общества и социального поведения. Так же, как и на Западе, велась активная полемика по поводу позитивизма, его перспектив в социологии.

Здесь сделаем одно маленькое «отступление в будущее». Сказанное выше о российской социологии XIX в. удивительно напоминает ситуацию «сто лет спустя». С учетом этого обстоятельства можно говорить: о таком же тридцатилетнем отставании отечественной социологии в конце XX в.; о многочисленных препятствиях, которые чинили социологам власти в стране на протяжении нескольких десятилетий; об одностороннем характере связей с зарубежной социологией, работы представителей которой гораздо лучше известны в России, чем достижения отечественной науки — за границей; о тех же общих для мировой и отечественной социологии проблемах; об отсутствии в России социологических «звезд первой величины» и т.д. Воистину повторяется не только история, но и история социологии. Весь вопрос — в каком виде: трагедии, комедии, фарса или еще как-то.

Специфика российской социологии второй половины XIX — начала XX в. проявлялась в возникновении новых направлений и течений, не характерных для западного научного мира. Среди них — народничество, легальный (неортодоксальный) марксизм, христианская (православная) социология. Были в отечественной социологии и темы (проблемы), не привлекавшие внимания на Западе, но получившие широкое поле для дискуссии в России. Это проблемы интеллигенции, социализма, политической истории, политического идеала и некоторые другие.

В качестве примера рассмотрим эволюцию взглядов российской социологии на интеллигенцию. Еще Д.И. Писарев определил ее как «мыслящий пролетариат». Затем интеллигенцию рассматривали как внеклассовую и даже надклассовую социально однородную группу, призванную выполнить роль лидера в духовном и социальном прогрессе страны. Далее появляется концепция «критически мыслящей личности» П.Л. Лаврова, в которой интеллигенции отводится особое место в жизни общества и его преобразовании. Наконец, российские социологи рассматривают взаимодействие интеллигенции с другими классами и социальными слоями общества. Небезынтересно отметить, что тема интеллигенции оказалась вообще сугубо российской, она так и не привлекла внимания западных социологов, зато «сто лет спустя» в отечественной социологии превратилась в одну из наиболее дискутируемых.

Строго говоря, процессы запаздывания социологического развития в России в сравнении с Западом были как бы «запрограммированными» в силу ее отставания в сфере промышленного производства и развития экономических отношений, присущих капиталистическому обществу. Конечно, прямой и жесткой связи между экономическими характеристиками общества и

состоянием социологической науки в принципе не существует, но в рамках данного исторического контекста экономическое отставание, общества таи или иначе сказалоь на развитии социологии. Тем более, что в России в сере дине — второй половине XIXв. наблюдалось причудливое сочетание, даже переплетение экономических и социальных отношений индустриального и патриархального типа, тормозившее в целом развитие капитализма, что не могло не сказаться на общем состоянии социальной мысли.

§ 5.

XIX- XX .

Обозначенная выше ситуация в значительной мере обусловила процессы становления российской социологии как чрезвычайно самобытного пауки, возвращенной на отечественной почве и несшей па себе особенности социально-экономических, политических и культурных отношений и стране. Данное обстоятельство привело ее к стремлению моделировать различные варианты развития общества, два из которых оказались основными — западный и свой, отечественный, национально-специфический.

Как следствие, возникла еще одна особенность российской социологии, связанная с рассмотрением в качестве центральной проблемы прогресса в обществе. Что считать прогрессом: развитие общества либо человека и как к нему идти: революционным или эволюционным путем — эти два вопроса были характерными для российской социологии. В связи с поиском «формулы прогресса» и путей его достижения особое значение российские социологи уделяли вопросам социальной мотивации, социального поведения, социального взаимодействия. Отсюда в качестве постоянно присутствующей проблема взаимоотношения личности и группы. Здесь российская социология воспроизводила одну из центральных линий развития мировой социологии.

Постановка названных выше проблем сама по себе свидетельствует: еще об одной вальной особенности российской социологии — ее тесной связи и, ио существу, переплетении с социально-философским анализом. Российская социология в своей национально-специфической форме прошла путь, характерный в целом для мировой социологии: от философии к социальной философии и далее через социальную теорию к теоретической социологии.

Особенность российской социологии заключалась в постоянном противоборстве двух тенденций — реалистической и утопической. Каждая из них получала свое воплощение не только в теоретических аргументах, но и в политических программах целых общественных движений — либерализма и радикального народничества. Реалистические идеи либералов находили свое социологическое выражение в концепции многофакторно-го развития общества, в рамках которой общество рассматривалось в состоянии сложного динамического равновесия между социальными субъ-

гктами и основными социальными формами их жизни. В названной концепции получили отражение идеи социального плюрализма, равнозначности и равноценности общества и личности, необходимости установления между ними отношений солидарности.

Что касается утопических идей, то социологи, утверждавшие их в своих работах и в практике деятельности на стороне революционного народничества, исходили из одномерного представления об обществе как агрегате, который требует своего социального переустройства. Для этого нужно, по их мнению, создание хорошего научного социального проекта революционного преобразования общества, которое можно осуществить исключительно на основе активности субъективного фактора, т.е. воли и желания людей изменить мир. При этом речь шла об активности не столько общества в целом, сколько группы наиболее мыслящих социальных субъектов, к тому же обладающих палеными для достижения этой задачи чисто личностными качествами: храбростью, неустранимостью, последовательностью в реализации поставленных целей, волей и т.д.

Нельзя не сказать о довольно сильном влиянии на российскую социологию христианской философии, без чего особенности становления первой не будут понятны до конца. В России, как хорошо известно, воздействие религиозного мировоззрения было весьма значительным и не могло не сказаться на развитии социологии. В этом плане достаточно назвать лишь несколько «знаковых» имен: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, определивших возникновение христианской социологии. Несомненно, под влиянием религиозной философии и социологии происходило обращение к жизненному миру конкретного человека, выражавшееся в стремлении описать структуру его сознания на базе применения методов «понимающей» науки.

Отсюда может быть выведена еще одна особенность российской социологии - наличие в ней двух парадигм: объективной и субъективной. В западноевропейской классической социологии эти парадигмы, как известно, были связаны с именами наиболее ярких их выразителей — Э. Дюркгейма и М. Вебера. В российской социологии ситуация оказалась более сложной и не столь заметно выраженной — как с точки зрения персоналий, так и в плане социологического анализа. Правда, на начальном этапе возникновения социологии дихотомия «объективизм — субъективизм» была весьма заметной, что объяснялось исходной ориентацией этой науки в России на общественную практику и обслуживание ее интересов. Отсюда субъективная парадигма была представлена гораздо сильнее. Но по мере развития социологической науки и движения ее к поиску национально-особенного пути развития общества обе парадигмы стали сближаться в рамках тенденции их синтеза.

Так сформировалась еще одна особенность российской социологии, которую в литературе характеризуют в качестве органического подхода к обществу. Речь идет о стремлении представить мир «как некое иерархизированное целое, где общество и человек хотя и своеобразные, но только

элементы системы. Этим определялась склонность российских мыслителей к широчайшим социологическим обобщениям на основе принципа единства микрокосма и макрокосма и включения социальной эволюции в общемировую» [Миненков. 2000. С. 14].

Несмотря на теоретический и практический интерес к миру и обществу как его органичной части, центром притяжения социологического внимания в российской науке всегда оставался человек. Проблема человека традиционно считалась ключевой. Антропологизм как один из основных методологических принципов составлял важную особенность российской социологии. Отсюда в ней проявлялся большой интерес к этическим проблемам жизни общества, которые в работах социологов были тесно связаны с поведением человека.

Завершая главу, отметим, что российские ученые внесли свой достойный вклад в развитие социологической науки. Он еще не очень хорошо изучен, плохо известен и нам, и Западу. Но можно с уверенностью сказать, что в России было несколько течений и направлений в социологии, которые, взаимодействуя, хотя и весьма своеобразно, с западноевропейской и американской наукой, сумели отличиться «лица необщим выраженьем». В работах российских социологов отражались взгляды различных классовых и идейно-политических сил — от революционно-демократических до консервативных. При этом нужно отличать мыслителей, в мировоззрении которых социологические взгляды существовали наряду с иными, от стремившихся работать в области социологии профессионально. Мы будем обращаться преимущественно к творчеству последних.

Теперь перейдем к рассмотрению основных направлений российской социологии. Среди них особое внимание обращается на субъективную социологию, позитивизм, натурализм, неокантианство, неопозитивизм как наиболее развитые и влиятельные течения российской социологии XIX— начала XXв.

Вопросы и задания

1. Раскройте исторические условия возникновения социологии в России.
2. Когда, как и почему возникла отечественная социология?
3. Охарактеризуйте идейно-теоретические предпосылки возникновения социологии в России. Назовите представителей «предсоциологического» этапа.
4. Почему идеи П.Я. Чаадаева считаются одними из важнейших среди тех, которые обусловили появление социологии в России? Проанализируйте эти идеи.
5. Какими идеями обогатили процесс формирования молодой российской социологии теоретические положения «западников» и «славянофилов»?
6. Покажите, в чем состоит значение идей К.Д. Кавелина для конституирования российской социологии.
7. Дайте краткую характеристику основных периодов развития российской социологии во второй половине XIX— начале XXв. Назовите доминирующие в границах

каждого из них направления и течения социологической мысли, а также их наиболее ярких представителей.

- | . В чем состоит суть основных теоретических ориентации российской социологии в рамках всех трех периодов ее развития?
- | . Как бы вы охарактеризовали специфику взаимосвязей российской и зарубежной социологии в XIX— начале XXв.? Что вы можете сказать о влиянии этих связей на характер развития отечественной социологии?
- 10. Назовите и охарактеризуйте основные особенности российской социологии во второй половине XIX— начале XXв.
- 11. Согласны ли вы с тем, что российская социология в XIX— начале XXв. оказалась «опаздывающей» по отношению к достижениям этой науки на Западе? Если это так, то каковы причины ее отставания?
- 12. Как бы вы определили в самом общем виде вклад российской социологии XIX— начала XXв. в мировую науку?

Литература

- Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX—XXвв. М., 1995.
- История социологии. Минск, 1993.
- Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. М., 1989.
- Кареев Н.И.* Взгляд на современное состояние социологии // Социология в России XIX— начала XXвеков. Тексты. М, 1997. Вып. 1.
- Ковалевский М.М.* Социология на Западе и в России // Социология в России XIX— начала XXвеков: Тексты. М, 1997. Вып. 1.
- Кукушкина ЕМ.* Русская социология XIX— начала XXв. М., 1993.
- Кукушкина Е.И.* Социологическое образование в России XIX— начала XXв. М., 1994.
- Култышн В.П.* Классическая социология. М., 2000.
- Медушевский А.Н.* История русской социологии. М., 1993.
- Миненков Г.Я.* Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.
- Новикова С.С.* Социология: история, основы, институционализация в России. М.; Воронеж, 2000.
- Сорокин Л.А.* Русская социология в XXв. // Социология в России XIX— начала XXвеков: Тексты. М, 1997. Вып. 1.
- Чаадаев П.Я.* Сочинения. М., 1989.

Глава 15

Субъективная социология в России

§ 1. Общая характеристика субъективной социологии

В российской социологии одним из наиболее развитых направлений, наряду с позитивистским, было субъективистское. С конца 1860-х гг. - времен его возникновения — до начала 1920-х гг. оно проделало значительную эволюцию. Это становится понятным, если учесть, что к числу наиболее видных представителей субъективной социологии относятся П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков, П.И. Карснев. Чем сближало этих разных социальных мыслителей? На каких основаниях исследователи относят их к одному социологическому направлению?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо дать самую общую характеристику субъективной социологии как одного из направлений российской социологии. При этом следует иметь в виду, что творчество не некоторых из названных выше социологов (в первую очередь Кареева) не может быть целиком отнесено к данному направлению. Подобная ситуация будет встречаться нам и при рассмотрении иных направлений.

Вначале несколько слов о самом названии этого направления. В литературе его называют по-разному — и субъективной школой, и этико-субъективной школой, и этико-психологической социологией и т.д. Представляется, что понятие «школа» в данном случае не соответствует тому, что на самом деле было. Ранее (при рассмотрении французской социологической школы Э. Дюркгейма и Чикагской социологической школы) мы уже давали характеристику школы в социологии, подчеркивая необходимость существования целого ряда признаков, таких как наличие неформального научного сообщества (объединенного на основе единой методологии), яркий выраженный лидер (лидеров), определенного статуса, центра для обмена научными идеями и т.д. Ничего этого не было в российской социологии поэтому говорить о существовании субъективной школы (равно как и других) вряд ли правильно. Мы будем придерживаться более общего и широкого термина для характеристики близких (родственных, совпадающих по существу) взглядов определенной группы социологов — направления.

Субъективная социология — это специфически российское социологическое направление. В основе его лежит использование социологом в

[честве основного инструмента исследования субъективного метода, а едменом изучения общества и человека является привносимый в социальную жизнь субъективный элемент. Субъективный метод рассматривается как подлинно социологический — в отличие от объективного, естественно-научного. Поскольку основной единицей общества считалась личность (но не класс и не социальная группа), постольку социолог должен был исследовать ее помыслы и внутренние устремления. Именно они оказывают определяющее влияние на ее деятельность, а не объективные, внешние факторы. Поэтому для изучения деятельности личности нужен в первую очередь субъективный метод, включавший в себя принцип «сопереживания» социолога исследуемому объекту.

Представители этого направления особое внимание уделяли роли личности субъекта исторического процесса, как личность, причем не просто личность, а критически мыслящая, осуществляющая творческую деятельность. Понятие личности стало центральной категорией субъективного направления. С темой личности оказались тесно сопряженными проблемы ее взаимодействия с массами, героев и толпы, социального прогресса, характера и путей изменения общественного строя, места и роли интеллигенции в жизни общества и др. Во всей этой проблематике представители субъективного направления всегда искали и видели нравственное начало, нравственную сторону любой деятельности. Этот поиск был сопряжен с решением одной из главных задач, которую ставили перед собой российские социологи, — исследовать и выявлять такие возможности личности, такой ее потенциал, который мог бы быть направлен на улучшение, совершенствование общества в целом, так и конкретных человеческих отношений.

Субъективное направление, как и вся российская социология, было тесно связано с общественно-политическими течениями и движениями, в первую очередь с народничеством. Последнее представляло собой внутренне противоречивую систему самых различных взглядов, идей и ориентаций (политических, экономических, философских, социологических), обращенных к народу (в России это было прежде всего крестьянство) с целью изменения, улучшения — нравственного, религиозного, политического, экономического — его жизни.

При этом общей идейной платформой народничества (несмотря на наличие в нем двух течений — революционного и либерального) было признание социально-экономической самобытности России и возможности, минуя капитализм как регрессивный общественный строй, перейти к социализму. Основой этого перехода считалась крестьянская община, которую многие идеологи народничества рассматривали как готовую ячейку социализма. Они не видели значительных трудностей и проблем, связанных с ее функционированием и начинающимся разложением, в том числе и тех процессов социального расслоения, которые в ней активно происходили.

Прежде чем перейти к анализу основных идей, определявших суть направления, с учетом конкретных взглядов наиболее крупных его представителей по тем или иным проблемам социологии, дадим самую краткую и общую характеристику жизненного пути и творчества мыслителей.

§ 2. Жизненный путь и творчество представителей субъективной социологии: краткий обзор

Основателя этого направления Петра Лавровича Лаврова (1823—1900) многие исследователи считают основоположником русской социологии. Он родился в Псковской губернии в дворянской семье. Окончил Петербургское артиллерийское училище, преподавал в военных учебных заведениях. Стал профессором математики. С середины 1850-х гг. много публиковался, участвовал в общественной деятельности. В 1862 г. вступил в народническую подпольную революционную организацию «Земля и воля», был арестован и сослан в Вологодскую губернию. В 1869—1870 гг. были опубликованы «Исторические письма» Лаврова, сделавшие его широко известным и очень популярным среди молодого поколения русской интеллигенции. В 1870 г. он нелегально эмигрировал из России, в 1871 г. стал участником Парижской коммуны. Входил в Интернационал. Был лично знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом, высоко оценивал влияние экономических идей первого на свое творчество.

Лавров по своему духу, складу характера и стилю жизни был скорее кабинетным ученым, чем практическим участником революционной борьбы. Он оставил после себя большое количество работ, многие из которых до сих пор в полной мере не осмыслены и не истолкованы. Это касается и тех, в которых содержатся социологические взгляды мыслителя. К их числу следует отнести: «Задачи позитивизма и их решения» (1868), «Опыт истории мысли» (1875), «Задачи понимания истории» (1898), «Важнейшие моменты в истории мысли» (1903) [Лавров. 1965].

В своих социологических работах ученый разделял основные взгляды О. Конта и позитивизма в целом (откуда и были почерпнуты идеи субъективного метода), хотя не со всеми из них соглашался. Так, он подвергал критике претензии позитивизма на абсолютизацию естественно-научного знания и разума и его механический перенос на рассмотрение социальных процессов. Лавров придерживался синтетической ориентации в этих социологических взглядах, стремясь создать целостное учение о мире, обществе в нем и личности в обществе. Его волновала проблема единства понимания и действия, главным «фигурантом» которого была личность. Мы написали это слово с большой буквы потому, что Лавров писал о личности особого типа — критически мыслящей и творчески действующей образец которой являл он сам.

Николай Константинович Михайловский (1842—1904), так же как и Лавров, был одним из основателей российской социологии. Пожалуй, наиболее емкая его характеристика как «будильника мысли» принадлежала Н.А. Бердяеву. Родился Михайловский в Калужской губернии в небогатой дворянской семье. Учился в Петербургском горном институте, но не закончил его из-за участия в студенческих волнениях. В 1869—1884 гг. работал в журнале «Отечественные записки», где публиковались многие социологические работы российских ученых, в том числе и само-и) Михайловского. Как писал впоследствии Н.И. Кареев, журнал, во многом благодаря деятельности ученого и публициста, превратился в своего рода первую социологическую кафедру в России. Его статья «Что такое прогресс?» (1869) стала таким же манифестом интеллигенции, как «Исторические письма» Лаврова. В 1890-е гг. Михайловский возглавил журнал «Русское богатство», где и проработал до конца жизни.

К числу основных социологических трудов Михайловского можно отнести следующие: «Что такое прогресс?», «Аналогичный метод в общественной науке» (1869), «Теория Дарвина и общественная наука» (1870—1873), «Борьба за индивидуальность» (1875—1876), «Записки профана» (1875—1877), «Герои и толпа» (1882), «Патологическая магия» (1887), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893). В 1998 г. в России были опубликованы избранные труды Михайловского по социологии в двух томах.

Социологические взгляды Михайловского (также, как и Лаврова) несут на себе печать глубокого влияния позитивизма и идей Копта. Однако российский социолог видел и недостатки этого учения, главный среди которых, по его мнению, заключался в отрыве субъективного метода от решения практических вопросов социальной жизни. Социологическое творчество Михайловского очень тесно соприкасалось с этическими идеями нравственного обогащения российской действительности, центральной среди которых было обоснование необходимости выработки единой и целостной системы правды — истины. По существу, это была концепция, соединившая представления о соотношении сущего и должного, теории и практики. Главной в творчестве ученого была идея формирования целостной личности и создания для этого необходимых социальных условий.

Еще один представитель субъективного направления в российской социологии — Сергей Николаевич Южаков (1849—1910). Учился на историко-филологическом факультете Новороссийского университета, который не сумел окончить из-за болезни. Публиковал свои главные социологические работы в 1870-е гг. Они были изданы целиком в двухтомнике избранных сочинений «Социологические этюды» (1891—1896). Особое внимание в своих работах он уделял обоснованию этических факторов, действующих в обществе и реализуемых личностью, считал, что по мере развития цивили-

лизации их роль будет заметно возрастать. Что касается отношения Южай
кова к субъективному методу, то оно было неоднозначным. Известна
мика по поводу использования этого метода (а по существу даже полей
признавая
ния его как такового) между ним и Лавровым. Но в целом она не
мшаев
относить его к числу приверженцев субъективного направления. I

Последний из наиболее крупных и известных представителей субъекв
тивного направления российской социологии — Николай Иванович
Карев
ев (1850—1931). Кстати, именно ему социология в России обязана
оявляеВ
нием термина «субъективная школа». Ковалевский дал Карееку
оченЯ
краткую, но впечатляющую характеристику — «пионер русской
социологЯ
гии». Он действительно является одним из крупнейших российских
теореЯ
тиков среди исследователей социальных проблем, написавшим за
своиЯ
большую творческую жизнь более 450 работ (до сих пор не все из них
опубВ
ликованы). В

Карев родился в Москве в бедной дворянской семье. Окончил в
1873 ifl
историко-филологический факультет Московского университета.
ПриобВ
рел широкую известность в научных кругах как не только социолог,
но Л
один из основоположников российской исторической школы. В
1879-Я
1884 г. работал профессором Варшавского университета, а с 1885 г. в
]ече-1
ние 37 лет — Петербургского университета. Первым с 1891 г. стал
читать в|
России систематический курс социологии. Написал первое в стране
учебное!
пособие по социологии «Введение в изучение социологии» (1897),
которой
затем дважды переиздавалось — в 1907 и 1913 гг. В начале XXв.
некоторой
время читал лекции в Высшей русской школе общественных наук в
ПарйВ
же. Избирался депутатом первой Государственной думы от партии
кадетом
После Октябрьской революции перестал заниматься
социологическим
творчеством и сосредоточился па занятиях историей. В

Главные социологические труды Кареева (помимо названного
вышй
учебного пособия): «Основные вопросы философии истории»
(1883)В
«Сущность исторического процесса и роль личности в истории» в 8
томаЯ
(1889—1890), «Историко-философские и социологические
этюды!

(1895), «Старые и новые этюды об экономическом материализме»
(1896)
«О. Копт как основатель социологии» (1903), «Общие основы
социоло
гии» (1918). |

Основной предмет социологического интереса Кареева — личность^ как субъект исторического процесса, взятая в единстве психологического, антропологического и социального начал. Он много работал над системой наук о природе, обществе и культуре, а в системе социальных наук определил достойное место для социологии. Для развития последней он считал наиболее значимой позитивистскую методологию. Сам он воспринял как адекватный для социологии субъективный метод, в основном разделял по этому вопросу взгляды Лаврова и Михайловского (с первым его связывали личные дружеские отношения).

Выделяя четыре главных социологических подхода — органический, дарвинистский, экономико-материалистический, социально-психологический, Кареев особое внимание обращал на последний, считая его наиболее значимым. Вообще он большое внимание уделял изучению истории мировой и отечественной социологии, считаясь по праву одним из наиболее крупных представителей историко-социологического знания.

§ 3. Предмет социологии

Теперь рассмотрим круг центральных для субъективной социологии вопросов. Первый из них — о предмете социологии и ее месте в системе социогума-митарпого знания. Для всего направления было характерно стремление систематизировать (классифицировать) определенным образом науки и найти среди них место социологии. П.Л. Лавров выделял два ряда наук: феноменологические (исследующие законы повторяющихся процессов и явлений) и морфологические (изучающие распределения предметов и форм). Социология, наряду с психологией, этикой и др., относилась к числу первых.

Несколько иную позицию занимал Н.И. Кареев, который выделял три рода наук: феноменологические (затем он заменил этот термин на идеографические), помологические и типологические. Первые имеют дело с явлениями, управляемыми законами, вторые — с категориями законов, третьи изучают и обобщают на основе сравнительного метода признаки какой-либо группы предметов и занимают промежуточное положение между науками, относящимися к первому и второму родам. Среди наук первого рода выделяется история, второго — социология и психология, третьего — политэкономия, право, политика.

Говоря о месте социологии среди других наук и рассматривая ее взаимосвязи с ними, представители субъективного направления особо подчеркивали тесно сопряженные с нею научные дисциплины — этику и историю. Именно они «ближе» всего к человеку, тем более что стоит задача, как считал Лавров, создания о нем единой науки. Нет в обществе знания, не относящегося к личности, к конкретному человеку.

Предметом социологии как науки провозглашалось изучение общества. Весь вопрос состоял в том, что под этим понималось, включая проблему его познания. Здесь нужно иметь в виду, что взгляды на предмет социологии и общество у представителей субъективной социологии эволюционировали в течение их творчества. Лавров, характеризуя социологию как науку об обществе, отмечал: «Общество не есть только собрание реальных единиц; это формы их взаимодействия, инстинктивно или сознательно ими созданные для удовлетворения своих потребностей; это — продукт практического творчества мысли» [О методе... 1997. С. 210]. В других работах Лавров писал об обществе «как солидарном сожительстве сознательных особей для

коллективной деятельности ввиду общих целей». Здесь на первое место и трактовке общества выходят уже не вопросы социального взаимодействия ради удовлетворения потребностей, а проблемы социальной солидарности

У Михайловского понимание общества было связано с характеристиками социального взаимодействия, поскольку речь шла об исследовании 11 «отношений различных форм общежития к судьбам личности» [Михайловский. 1998. Т. 2. С. 250]. Вообще же, рассматривая предмет социологических исследований, он выделял два их типа: одни исходят из судеб общества, другие от судеб личности, но при условии, что эти последние тесно зависят от общества, которое должно строить свою деятельность в расчете на удовлетворение потребностей людей. Второй тип исследований социологу был гораздо ближе первого.

Говоря о взглядах Кареева на предмет социологии, необходимо отметить вначале, что он видел ее задачу в интеграции выводов специальных общественных наук для постижения законосообразности общего социального консенсуса. В своей последней крупной работе о социологии он, определяя ее предмет, пишет, что «социология есть общая абстрактная наука о природе и генезисе общества, об основных его элементах, факторах и силах, о характере процессов, в нем совершающихся, где бы и когда бы все это ни существовало и ни происходило»¹.

Характеризуя социологию как науку, обеспечивающую всесторонний взгляд на общественный процесс во всех его проявлениях, Южаков понимал под обществом «общежитие активных особей, создавшее свою особую общественную среду, или культуру, и слившееся с ней в одно сложное тело. Короче говоря, общество есть активно-культурное общежитие» [Миненков. 2000. С. 73]. Как видно, Южаков тесно связывал в единой предметной зоне социологии общество, культуру, активность, личность.

§ 4. Субъективный метод социологии

Уделяя особое внимание такому субъекту социального процесса как личность, по существу все представители рассматриваемого направления считали субъективный метод ведущим в понимании этого процесса. В полемике с С.Н. Южаковым П.Л. Лавров так разъясняет особенности субъективного метода: «...мы изучаем не самые предметы, а наши представления и понятия о них, самих же предметов воспринимать не можем.... Все восприятия, ощущения, представления, понятия о предметах, входящие в круг чисто механической системы мира, суть понятия, составляющие для нас огромную область объективного. Все мыслимое нами, в связи с предметами или отдельно от них, но отличное по способу восприятия от чисто механической системы, —

— Кареев НИ Общие основы социологии. Пг., 1918. С. 9

субъективно» [О методе... 1997. С. 207]. Следовательно, субъективное и объективное — это не более чем категории нашего мышления, которые по-разному отражают наши способы восприятия объектов в соответствии с особенностями последних. Субъективный метод имеет место тогда, когда в процессе восприятия мира (особенно общества и людей) наше отношение к нему начинает выполнять функции его понимания и истолкования.

Углубляет понимание субъективного метода Н.К. Михайловский. Полемизируя со спенсеровской идеей о необходимости для социологии объективных методов социального познания, он считает, что оно имеет принципиально предвзятый характер. Социологи находят только то, что ищут. В этом смысле речь должна идти о наиболее характерном и полезном для социологии субъективном методе, поскольку исследователь сам отбирает нужные для него факты на основе имеющегося у него жизненного и научного опыта и нравственного уровня.

Анализ и применение субъективного метода привели Михайловского к постановке вопроса о соотношении истины, правды и справедливости. Он ввел ставшие широко известными после его работ два понятия — «правда-истина» и «правда-справедливость». В значении слова «правда» сливаются в одно целое, в единство истина и справедливость, считал автор. Смысл этого единства определяется тем, что справедливость — это отражение истины в практической жизни, а истина — это отражение справедливости в теории. Поэтому истина и справедливость не могут и не должны противоречить друг другу. Использование этих понятий направлено на обоснование системы Правды.

Необходимость субъективного метода была подвергнута сомнению (но не отрицанию) Южаковым. В полемике с Лавровым он выступал против абсолютизации этого метода, не соглашаясь с его тезисом о неповторимости исторических явлений и невозможности объективной оценки социальных процессов. По существу Южаков доказывал важность и объективного, и субъективного методов [Южаков 1997. С. 190—199].

Вмешиваясь в дискуссию о субъективном методе и его соотношении с объективным, Н.И. Кареев стремился доказать, что правильнее говорить не о двух разных методах, а об объективном и субъективном элементах в процессе познания. Он утверждал, что социология не может обойтись без субъективного элемента, сам же субъективизм может быть законным и случайным. От последнего социолог должен отказаться, первый же необходим потому, что позволяет, познавая объективные социальные факты, понимать поступки человека, его действия, мотивы поведения. По существу, это были элементы понимающей социологии.

В целом, говоря о трактовках представителями субъективной социологии субъективного метода, мы должны отметить, что ни в одной из них не содержится четкого и ясного понимания, что он собой представляет и каковы его познавательные возможности. Вероятно, самый общий смысл этого понятия состоит в том, что наблюдающий и познающий субъект

ставит себя в ходе познания на место наблюдаемого и познаваемого объекта, т.е. субъективный метод — это такой способ познания, при котором *i* мыслящий субъект «сливается» в этом процессе с мыслящим объектом, | результатом чего оказывается достижение истины.

i

§ 5. Теория личности

Субъективный метод ориентировал социологов прежде всего на изучение личности. Например, у Н.К. Михайловского «фокус» его концепции был сосредоточен на индивиду, индивидуальности, личности, человеке. Мерилом прогресса общества являлось для него развитие личности. Источник этого процесса он связывал с преодолением отчуждения личности от общества, ее отказом от роли его простого придатка. Трактовка личности Михайловским в целом была следствием подхода социолога к пониманию самых разных социальных процессов — от разделения труда, процессов его кооперации до идеала будущего общественного устройства.

Социолог одним из первых не только в отечественной, но и в мировой литературе подчеркнул возможность рассматривать личное п. на трех уровнях — биогенном, психогенном, социогенном. Первый означает анализ процесса выживания человека как живого существа, для чего главным оказалось приспособление среды к удовлетворению его потребностей. Психогенный уровень анализа личности предполагает выявление характера взаимодействия индивида и толпы (о чем далее будет сказано подробнее и связи с его концепцией героев и толпы). Третий — социогенный — представляет собой рассмотрение личности сквозь призму ее включения в общественное (экономическое) разделение труда, кооперацию и сотрудничество.

Особое значение в развитии личности социолог придавал простой кооперации, поскольку она, по его мнению, была наиболее адекватной природе человека, соединяя равных и независимых индивидов, преследующих общие цели и интересы. Социологическая теория личности Михайловского предполагала синтез всех трех уровней анализа личности.

Органическим продолжением теории личности ученого была его теория героев и толпы, изложенная им в ряде работ 1880—1890-х гг. «Героем, — пишет автор теории, — мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело». «Толпой, — читаем чуть дальше, — будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным» [1998. Т. 2. С. 5—6].

Михайловский сравнивал понятия «герой» и «великая личность». «Герой» становится «великой личностью» только тогда, когда его действия получают положительную оценку с точки зрения общественного идеала. Эти действия должны соответствовать ценностям эпохи, чтобы «ге-

рой» был признан «великой личностью». Что касается толпы, то она может быть не только «преступной», но и «благородной».

С помощью теории героев и толпы Михайловский стремился объяснить особенности поведения людей в больших социальных группах, равно как и причины поведения самих этих групп и их взаимодействий с лидером. Как Шпенглер, социолог не идеализирует «героя». Для него важно не то, хороший ли человек или негодяй, а его способность вести за собой толпу. Его поведение он характеризовал с помощью механизма подражания, причины которого делил на психологические и социологические. К последним он относил экономические, политические и нравственные факторы, которые рассматривал зачастую как «бессознательно» действующие, т.е. не отражающиеся непосредственно на сознание и поведение людей. Годовность людей к подражанию возникает вообще, считал Михайловский, не вследствие сознательно действующих причин, а прежде всего благодаря фактору бессознательного. Здесь следует специально отметить, что в своих рассуждениях о механизме подражания российский социолог опередил Г. Тарда (книга Тарда «Законы подражания» была опубликована в 1890 г., фактат Михайловского «Герои и толпа» — в 1882 г.).

П.Л. Лавров, также как и Михайловский, видел связь между различными аспектами деятельности личности и ее нравственным идеалом. «Выход» личности на общество ему представлялся в виде связующего механизма между ними, таковым он считал наличие общественной солидарности. Высший нравственный принцип деятельности личности — справедливость предположил в качестве необходимого условия своей реализации установление и укрепление в обществе солидарности. Связь же между личностью и обществом оказывается, таким образом, не просто социальной, а нравственной.

Личность функционирует на основе социальной мотивации, считает Лавров. Он выделяет четыре группы мотивов действия: убеждения, интересы, аффекты, привычки (обычай). Высшим уровнем мотивации являются убеждения, которые свойственны сравнительно небольшой группе критически мыслящих личностей, т.е. тем представителям интеллигенции, которые опираются на социально-нравственный идеал и благодаря этому обеспечивают общественный прогресс. Самым распространенным мотивом поведения выступает интерес, которым руководствуется большинство людей ради достижения пользы. На третьем месте среди мотивов находятся аффекты, которые, строго говоря, иногда даже не столько мотивируют осуществление действий, сколько их тормозят. Наконец, обычаи выполняют, как правило, консервативную роль как мотив действия.

Приведенная классификация мотивов действия содержалась в «Исторических письмах» Лаврова, опубликованных в самом конце 1860-х гг. Возможно, будет определенной натяжкой утверждать (но мы рискнем это сделать), что в чем-то рассмотренная мотивация напоминает и предвосхищает, пусть отдаленно, веберовскую типологию социального действия — только

в той ее части, где рассматриваются в качестве основных характеристик 'к тырех типов действий «целерациональность», «ценностнорациональность», «эффективность», «традиционность». Некоторые сравнения и дал<анalogии можно провести между убеждениями и целерациональной мот 11 вацией, интересом и ценностнорациональной мотивацией (здесь параллель выглядит гораздо менее заметной), аффектами и аффективной мотивацп ей, обычаями (привычками) и традиционной мотивацией.

Однако разработка различных аспектов теории личности Лавровым на этом не кончается. За системой мотивации скрывается не менее, а /ы же более сложная система потребностей, которые во многом определяют деятельность личности и проявляются в мотивах. Одна из задач социоло гии заключается в их классификации и исследовании.

Лавров исходил из наличия первичных (личных) и вторичных (общее i венных) потребностей. Личные потребности в зависимости от их пройд хождения рассматривались в рамках: а) инстинктивных, б) возникакш на основе обычаев, привычек и традиций, в) сознательных. Специально!! подробно он рассматривал и классифицировал сознательные потребност | среди которых выделял природные и идеальные. К первым он относил! тробности питания, безопасности, возбуждения нервов. Каждая из этих по^4 тробностей обуславливает развитие в обществе сферы жизни и деятельно сти. Например, потребность в питании реализуется в процессе развития экономической жизни, потребность в безопасности — политической, по тробность в нервном возбуждении — эстетической и т.д. Что касается иде- | альных потребностей, то главной среди них, и вообще наивысшим типом! потребностей, признавалась потребность личности в развитии.

1

В социологическом творчестве Н.И. Кареева проблематика личности и ее взаимосвязи с обществом занимала ничуть не меньшее место, чем в работах Михайловского и Лаврова. Так же как и они, Кареев подходил к личности как системообразующему началу социальной лшзни. Последнюю он ,часто рассматривал как социальную среду, в которой функционирует лич*-ность, и поэтому проблема «личность — общество» зачастую превращалась! в проблему «личность — социальная среда». Их отношения характеризован! лись Кареевым в известном смысле как противоборство, в котором лич* ность стремилась к самоопределению, а среда — к ее ассимиляции.

Разрабатывая проблемы взаимодействия личности и группы, показы-явая его многообразные формы, прежде всего такие как солидарность | борьба, действие и противодействие, Кареев во многом исходил из иде теории героев и толпы Михайловского. Эти идеи не прошли бесследно [были поддержаны Кареевым в рамках

анализа им проблемы выдающейся личности в истории, ее особой роли и отношений с массами. Величие выдающейся личности, указывал социолог, заключается прежде всего в том, что она понимает, как двигать массы в нужном направлении, придает им необходимое ускорение и силу их действиям.

Одна из наиболее важных особенностей подхода Кареева к рассмотрению личности состояла в том, что он его связывал с проблемой культуры и культурной истории человечества. Он стремился выявить роль личности в этом процессе и ответить на вопрос, осуществляются ли культурные перемены в обществе сами собой или они производятся людьми. Этот вопрос мог быть задан и в ином плане: является ли человек творцом культуры или только ее носителем и потребителем? Кареев допускал как равно-. точные оба варианта ответа.

§ 6. Теория прогресса

В творчестве представителей субъективной социологии одно из основных мест (как и во всей российской социологии) принадлежало учению о прогрессе. Оно развивалось под знаком наличия в нем глубокого нравственного начала. Прогрессивно в обществе то, что нравственно, — могли бы мы, вероятно, сформулировать критерий общественного прогресса в интерпретации многих российских социологов. П.Л. Лавров прямо писал: «Теория прогресса есть приложение естественных законов нравственного развития к задачам социологии ... Теория прогресса дает нравственную оценку совершившимся событиям истории и указывает нравственную цель, к которой должна идти критически мыслящая личность, если она хочет быть прогрессивным деятелем» [1965. С. 239]. В этой же работе («Исторические письма») Лавров обращается к следующей исходной формуле прогресса: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости» [Там же. С. 54]. В работах, написанных позднее, он связывал трактовку прогресса с ростом и укреплением солидарности между возможно большим количеством людей.

В целом же для субъективной социологии одним из основных факторов и условий общественного прогресса был численный рост критически мыслящих личностей, что означало возможность придавать, по мнению ее представителей, желаемую направленность историческому процессу.

Лавров считал, что, пока социология не установит смысла прогресса, она как единая и цельная наука не сможет существовать. Вопрос о прогрессе — это главный вопрос и социологии, и истории. Истории потому, что прогресс — это понятие в основе своей историческое, охватывающее процесс развития, эволюции. Социологии — потому, что она должна воссоздать этот процесс как некую целостность.

В принципе такую же по сути своей позицию занимал Н.К. Михайловский, считавший, что основная задача российской социологии состоит в обосновании теории прогресса с учетом специфики и перспектив эволюции России. У него было несколько формул прогресса. Центральная и самая популярная среди них, данная в работе «Что такое прогресс?», гласит: «Про-

присесть постепенное приближение к целостности неделимых, к возмож^ полному и всестороннему разделению труда между органами и возможн¹ меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедлив^ вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества усиливая тем самым разнородность его отдельных членов» | Михайловский. 1998.Т. 1. С. 139|.

С этой формулой Михайловского согласились далеко не все российские \ социологи, вступил 13 полемику с ней и Лавров. Он считал, что такой прогресс нереален в силу недостижимости всеобщей разности. Михайловский, усиливая свою точку зрения, отмечал, что дело не в том, чтобы каждый человек был специалистом во всех профессиях и занятиях. Важно создать такие условия, подчеркивал он, чтобы не было значительной социальной разницы между людьми. Другими словами, общественный прогресс он видел в движении к обществу определенной социальной однородности, которая вполне возможна даже при наличии специализации и разделения труда.

Михайловский критиковал Г. Спенсера за то, что тот игнорировал прогресс общества и прогресс личности. Эти два вида прогресса не совпадают, более того, один может осуществляться за счет другого. Так, общественное разделение труда, являясь объективно прогрессивным процессом, может иметь место за счет ущемления и суживания возможностей индивида, превращения его в некую «односторонность». И наоборот, появление широкой, разносторонней, универсальной личности связано с преодолением разделения труда. Итак, одновременный прогресс общества и личности, по Михайловскому, практически невозможен.

Идею прогресса стремился обосновать С.Н. Южаков, используя для этого описание процесса развития форм обществ и культуры. В прогрессе культуры он видел основу общественного развития. Прогресс есть приспособление физической среды к потребностям жизни и культуры. Конечную цель прогресса Южаков видел, как и Михайловский, в преодолении частичности, специализации человека, в приобретении им многосторонности и разносторонности.

Ряд идей социальной эволюции и социального прогресса, сформулированных Лавровым и Михайловским, развивал И.И. Карсев. Он был сторонником теории социального эволюционизма, осуществлявшегося на базе природного развития. Социальная эволюция, имеющая объективный характер, по его мнению, зависит от наличия трех групп факторов: географических, антропологических (биологических, этнических), исторических (культурных). Успешное сочетание их всех создает благоприятные условия и предпосылки для эволюции данного общества, связанной с интеграцией, укреплением связей между группами людей и индивидами. Что касается социальной эволюции не только отдельных стран, но и человечества в целом, то ее главной тенденцией является интернационализация, стремление к его

единству. Мерой общественного прогресса служит, по мнению социолога, в первом случае, связанном с эволюцией отдельных стран, степень достигаемой их внутренней интеграции, во втором, касающемся развития и эволюции человечества — степень достигаемой интернационализации.

Главный же вопрос, возникающий в связи с рассмотрением социальную прогресса, — во имя чего нужны интеграция и интернационализация? Являются ли они самоценными и самодостаточными, или это только условия для достижения каких-то иных целей? Очевидно, что с позиций субъективной социологии ответ напрашивается сам собой: социальный прогресс лишь тогда чего-либо стоит, когда в обществе создаются предпосылки для развития личности. Так же как Лавров и Михайловский, Кареев выдвигает свою формулу прогресса, в соответствии с которой целью (последней) — создание условий для развития личности и обеспечения ее свободы.

Кареев выделяет пять фаз (этапов) общественного прогресса, отличающихся друг от друга уровнем свободы, равенства и солидарности, с одной стороны, ролью насилия в социальной жизни, с другой: 1) первобытные общества, "характеризующиеся минимумом свободы, господством грубой силы и антагонизмами; 2) общества централизованные и дифференцированные, в которых деспотизм соединяется с анархией, сохраняется господство силы и практически отсутствуют равенство и солидарность между людьми; 3) общества с заметным ослаблением качеств предыдущего этапа; 4) общества, в которых на передний план выходят правовые способы регулирования, возникает гражданское самосознание, силовые методы заметно ослабевают, появляются свобода и порядок; 5) идеальные общества, в которых господствуют солидарность, истина и справедливость. Обращают на себя внимание некоторая абстрактность и рыхлость периодизации социального прогресса, отсутствие связи с экономическими, политическими и иными определяющими факторами развития общества.

Зато эти факторы были использованы Кареевым при рассмотрении социального прогресса в его горизонтальном «разсечении». Он писал о том, что общее понятие прогресса можно разложить на пять частных понятий: прогресс умственный, прогресс нравственный, прогресс политический, прогресс юридический и прогресс экономический. Каждый из этих элементов общественного прогресса рассматривается им весьма детально, а основными критериями их выступают укрепление солидарности, нравственности, рост свободы, обеспечение правопорядка, достижение равенства.

§ 7.

Одно из направлений в российской социологии, сложившееся в 1890-е гг., — психологическое. К нему были близки многие социологи, в том числе и те,

чье творчество уже рассматривалось: П.Л. Лавров, Н.К. Михайловским, Н.И. Кареев и др. Представители этого направления главное внимание уделяли изучению психологического механизма и социальных форм проявления поведения индивидов и групп. Психологический подход к анализу творчества превращался в творчестве сторонников этого направления в главный доминирующий над другими.

В работах одних социологов рассматриваемого направления психологический редукционизм был выражен явно, заметно, в публикациях других он не столь бросался в глаза. Но практически у всех его представителей материальные отношения и связи между индивидами и социальными группами либо игнорировались вовсе, либо в значительной степени заменялись, а в ряде случаев подменялись отношениями духовными, психическими. Для всего психологического направления в российской социологии типичным было рассмотрение общества как совокупности психических связей, взаимодействий, явлений, процессов, характерных для межличностных отношений. Отсюда следовал показ зависимости общества от личности и провозглашение ее главным объектом социологического внимания.

Одним из наиболее ярких представителей психологического направления в российской социологии был Евгений Валентинович де Роберти (1843—1915), широко известный не только как социолог, но и как психолог и философ. На примере его социологического творчества, тесно связанного с психологическим, далее будут раскрыты некоторые наиболее значимые характеристики этого направления. Но вначале — несколько слов о жизненном пути социолога.

Де Роберти родился в Подольской губернии в дворянской семье. Получил хорошее философское и психологическое образование в университетах Йены и Гейдельберга. Начал публиковаться (первоначально на немецком языке) в 1870-е гг. В 1880 г. написал первую большую работу «Социология», посвященную творчеству О. Конта, где он впервые с ним полемизирует (соглашаясь по многим основным позициям его учения). Работа была встречена в основном негативно (особенно Михайловским и Лавровым). Книга была написана в материалистическом и антирелигиозном духе, что вызвало неприязнь к ее автору и со стороны властей. Работы его были запрещены, а одна из наиболее интересных социологических книг — «Прошедшее философии» (1886) — не только запрещена, но и уничтожена.

Переехав во Францию, де Роберти много сотрудничает с позитивистами, активно публикуется (на французском языке). Вместе с М.М. Ковалевским основывает Высшую русскую школу общественных наук в Париже (1900). В 1905 г. возвращается в Россию, а в 1908 г. также вместе с Ковалевским создает кафедру социологии в Психоневрологическом институте Петербурге. Основные работы социологического характера (кроме названных выше): «Новая постановка основных вопросов социологии» (1909)

«Энергетика и социология» (1910), «Неопозитивистская школа и новые течения в современной социологии» (1912), «Современное состояние социологии» (1913), «Социология и психология» (1914).

Главную задачу социологии де Роберти видел «в открытии законов, управляющих возникновением, образованием и постепенным развитием высшей, надорганической или духовной формы мировой энергии; той ее формы, которая, сочетаясь и сливаясь с органическим ее обликом, с жизнью, дает начало совершенно определенным конкретным агрегатам и фактам...» [Де Роберти. 1997. Вып. 2. С. 44]. Здесь ключевым понятием выступает «надорганическое». В общем и целом оно рассматривается им как социальный факт, выражающийся в психологическом взаимодействии и требующий для своего объяснения постоянного обращения к социальной среде как совокупности надорганических условий.

Из этой сущностной характеристики надорганического следует выделение двух аспектов этого понятия, подчеркиваемых социологом. Во-первых, надорганическое — одна из форм мировой энергии, наряду с неорганической и органической. Во-вторых, психическое взаимодействие, которое недопустимо смешивать с биосоциальным психологическим фактом.

К надорганическим явлениям де Роберти относил общественность, которую он рассматривал как непрерывное и многостороннее взаимодействие (синоним общества). Надорганическое выступает у него как своеобразное превращение органической множественности (род, племя) в особую форму единства (община, государство) и, наоборот, органического единства (эгоизм, паразитизм) в надорганическую множественность (альтруизм, кооперация, солидарность).

Развитие надорганического проходит две фазы (стадии): психофизических отношений (это его природная основа) и психологических взаимодействий. Вторая стадия оказывается определяющей для людей в условиях их совместного существования, трудовой деятельности, общения и т.д. На этой стадии возникает коллективное, групповое сознание, формируется социальный опыт. Создаются предпосылки формирования человеческой культуры и цивилизации. Основные фазы развития надорганического становятся одним из важнейших элементов эволюционной теории де Роберти.

Учение о социальной эволюции является центральным пунктом всей его социологии. Здесь следует отметить по меньшей мере две особенности подхода социолога к эволюционному процессу. Во-первых, он стремится к получению объективной картины, уходя от оценок того, как происходила эволюция. Во-вторых, ученый стремится осуществить функциональный анализ социальной эволюции, рассматривает факторы, воздействующие на нее, и определяет существующие генетические связи как своеобразные звенья единой генетической цепи.

Де Роберти пишет о том, что в обществе мы видим массу явлений и фактов, на первый взгляд никак не связанных между собой. Но более глу-

v

бокий анализ позволяет социологу устанавливать наличие причин и следствий в отношениях между ними, другими словами, обнаруживать как они следуют друг за другом.

Все социальные явления и процессы он выстраивает в один эволюционный генетический ряд, включающий семь общих категорий. Они охватывают без исключения все социальные факты. Ряд этот выглядит следующим образом: психологическое взаимодействие — общественные группы — личность — наука — философия (и религия) — искусство — практическая деятельность (действие). Последние четыре члена ряда стали основой теории «четырёх факторов культуры цивилизации» или «четырёх основных форм общественной мысли».

В этой теории наука, философия, искусство, практическая деятельность связаны между собой, находясь в последовательной зависимости и «вытекают» друг из друга. Они следуют друг за другом в строго причинном порядке. Философия зависит от науки и «следует» ей, искусство находится в таком же отношении к науке и философии; наконец, практическая деятельность зависит от науки, философии и искусства, представляя собой развитие экономики, политики, государства. Главное же в том, что деятельность людей ставится социологом в зависимость от идей и достижений в сферах науки, философии, искусства, практики. Здесь он в первую очередь говорит о значении научного знания, которое является источником и двигателем любого социального явления. Вместе с тем, при этом он признает большое значение различных психических факторов — эмоций, воли, чувств, желаний.

«

«И наука, и религия, и философия, и искусство сами по себе как социальные факторы первостепенной важности, как могучие рычаги общественного движения составляют едва ли не наиболее ценное содержание социологии, — пишет ученый. — Все эти области общественной или личной, т.е. общественно-индивидуальной, но отнюдь не биоиндивидуальной духовной жизни (которая у человека, как у животных, остается чуждой или, так сказать, непроницаемой для какой бы то ни было культуры), являются прямым и главным предметом исследований социолога» [1994. Вып. 2. С. 167].

Отсюда де Роберти выводит структуру социологической науки, в которую должны войти как ее существенные составные части: 1) история наук и теория познания; 2) история религии и теория философских систем; 3) история изящных искусств и теория эстетического отношения к природе и человеку; 4) история техники и теория действия или поведения. Как видно, четырехэлементная структура социологии опирается на еще более общий двухэлементный состав: «естественную историю общества» и «ес-

тественную теорию общества». В рамках первого уровня структуры осуществляются предварительные социологические обобщения фактов реального психического взаимодействия. Что касается второго уровня —

естественной теории общества, то в его границах социологическое познание направлено на выявление законов сложных социальных явлений.

Социология, по мнению де Роберти, «есть основная паука о духе в природе, с его кульминационной точкой — познанием...» [Там же. С. 159]. Речь идет о познании законов психического взаимодействия и их описании. Описательный характер социологической науки для исследователя был самоочевидным. Однако для своего развития она нуждалась в первую очередь в методе. Присущие изначально социологии позитивизма методы были подвергнуты де Роберти критике за их эмпиризм. Взамен же он предложил в качестве ключевого средства научного познания индук-ИВПЫЙ метод причинного объяснения. Социолог говорил о том, что вначале индуктивно мы устанавливаем некоторую эмпирическую закономерность, а затем даем рациональное объяснение фактов.

Проблема методов мышления и познания у де Роберти оказалась разра-богашой также в рамках его эволюционной теории, но уже в совершенно ином аспекте. Речь идет о методах, соответствующих последним четырем структурным элементам эволюционного генетического ряда. Эту часть своего учения о методе он формулирует, исходя из теории четырех основных форм общественной мысли. Также строго причинно, как выстроены эти формы (наука — философия — искусство — действие), рассматриваются методы мышления. Их последовательность предстает следующим образом: аналитический метод (наука) — синтетический метод (философия) — символический метод (искусство) — телеологический метод (действие).

Будучи российским социологом, де Роберти не мог не рассматривать социологию вне связи с нравственностью, поскольку эта связь — характерная черта отечественной общественной науки. Нравственное для ученого — значит социальное. Этика определяется им как «элементарная социология», нравственное содержание включается в последнюю. Поэтому не случайно переход к надорганическому социологу связывает с формированием таких чисто человеческих качеств как альтруизм, кооперация, солидарность.

В его концепции большое значение придается социализации личности и роли группового опыта в этом процессе. Социализированная личность выступает результатом длительного развития общности, и поэтому становится полноценным участником исторического действия. Личность оказывается главным двигателем социального процесса. В свою очередь, его целью становится формирование нравственной личности, осуществляющееся через связь поколений. Личность выступает творцом социальной эволюции потому, что воплощает в своей деятельности сгусток коллективного опыта. Действиями личностей представлен процесс созидания культуры.

Исследователи творчества де Роберти отмечают, с одной стороны, интеллектуализм, с другой — жесткий формализм, излишнюю абстрактность и пря-

молинейность его социологической концепции. Причины таких оценок со стоят в том, что он описывал скорее функционально-эволюционную модель общества, чем реальные социальные связи и процессы. Главным достоинством его теоретических построений был структурно-генетический подход к пониманию и объяснению общества и особенностей социологической науки. Уделяя значительное внимание социально-психологическому взаимодействию, де Роберти стремился прийти к синтезу субъективной и объективной социологии, психологического направления и позитивизма. Не случайно он говорил о движении социологии к неопозитивизму (этот термин одним из первых внедрил в социологию в начале 1880-х гг. де Роберти). Вероятно, ему был ближе (как типичному российскому социологу) субъективизм, но, как настоящий и строгий ученый, он не мог не искать достаточные объективные основания для анализа социальных процессов, обращенных как к прошлой истории человечества, так и к современному этапу его развития.

Подводя итог рассмотрению субъективной социологии и психологического направления, сделаем следующее резюме.

В целом, несмотря на значительные результаты социологического анализа большого комплекса социальных проблем, в субъективной социологии имели место недооценка закономерностей общественного развития и тесно связанное с ней признание некоего социального идеала общества, являющегося результатом его конструирования личностью. Как выяснилось в ходе анализа концепций представителей субъективного направления, социология должна иметь дело не с объективными свойствами социальных явлений и процессов, а с целеполагающими и этическими факторами человеческой деятельности. В этом состояла еще одна важная траектория их (мыслителей) социологического творчества. Что касается идейно-политической «ангажированности» представителей субъективного направления, то, будучи в основном теоретиками народничества, они выражали прогрессивные взгляды русской буржуазной демократии.

Вопросы и задания

1. Когда и в какой ситуации возникли идеи субъективной социологии?
2. Охарактеризуйте субъективное направление в российской социологии и его особенности. Кто из социологов наиболее ярко представлял это направление?
3. Почему субъективная социология оказалась наиболее тесно связана с народничеством?
4. Как бы вы охарактеризовали общее и отличное между субъективным направлением и позитивизмом в российской социологии?
5. Дайте трактовку предмета субъективной социологии и покажите разные точки зрения на него отдельных представителей этого направления.
6. В чем суть субъективного метода? Каковы его сильные и слабые стороны? За что его чаще всего критиковали? Попытайтесь определить собственное отношение к этому методу, аргументируйте свою позицию.

7. В чем суть теории личности Н.К. Михайловского?
- К. Расскажите о трактовке проблемы личности П.Л. Лавровым и Н.И. Кареевым.
- Л). Почему теория прогресса стала одной из центральных для представителей субъективной социологии? Охарактеризуйте взгляды на прогресс, принадлежащие Лаврову, Михайловскому, Карееву, Южакову.
- 10 Почему социологическое учение Лаврова и Михайловского пользовалось большой популярностью в российском обществе в 1860—1880-е гг.?
11. Можно ли утверждать, что субъективное направление и есть национальная российская социология? Аргументируйте свои суждения.
12. Почему, на ваш взгляд, традиции субъективного направления не получили заметного развития в российской социологии XXв.?
13. В чем вы видите значение субъективного направления в российской социологии?
14. В чем вы усматриваете связь между субъективным и психологическим направлениями в российской социологии?
15. Охарактеризуйте социологические взгляды Е.В. де Роберти. Почему его считают на иболее видным представителем психологического направления в российской социологии?
16. Как вы оцениваете попытки де Роберти найти синтез субъективной и объективной социологии, психологического направления и позитивизма?

Литература

- Де Роберти Е.В.* Современное состояние социологии // Социология в России XIX— начала XXвеков: Тексты. М., 1997. Вып. 1.
- Де Роберти Е.В.* Задачи социологии // Там же. М., 1997. Вып. 2.
- История социологии. Минск, 1993.
- Кареев Н.И.* Происхождение социологии. О. Конт как основатель социологии. Взгляд на современное состояние социологии. Позитивизм в русской литературе // Социология в России XIX— начала XXвеков: Тексты. М., 1997. Вып. 1.
- Кареев Н.И.* Основы русской социологии. М., 1996.
- Кукушкина Е.И.* Русская социология XIX— начала XXвека. М., 1993.
- Лавров П.Л.* Философия и социология // Избр. произв.: В 2 т. М., 1965. Т. 2.
- Лавров П.Л.* Позитивизм и его задачи // Социология в России XIX— начала XXвеков: Тексты. М., 1997. Вып. 1.
- Лавров П.Л.* О методе в социологии // Там же. М., 1997. Вып. 2.
- Медушевский А.Н.* История русской социологии. М., 1993. Гл. 5.
- Миненков Г.Я.* Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.
- Михайловский Н.К.* Герои и толпа // Избр. труды по социологии: В 2 т. СПб., 1998.
- Новикова С.С.* История развития социологии в России. М.; Воронеж, 1996.
- Хвостов В.М.* Русская субъективная школа // Социология в России XIX— начала XXвеков: Тексты. М., 1997. Вып. 1.
- Южаков С.М.* Задачи социологии. Субъективный метод в социологии // Там же. М., 1997. Вып. 2.

Глава 16

Позитивизм и натурализм в российской социологии

§ 1. Жизнь и творчество М.М. Ковалевского

В двух предшествующих главах говорилось о том, что позитивизм был очень влиятельным направлением в российской социологии. Рассматривая взгляды П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева, мы доказывали, что они испытали на себе сильное влияние идей О. Копта, Г. Спенсера, да и в целом принципов позитивизма (хотя далеко не со всем и не всегда соглашались, более того, полемизировали и подвергали критике некоторые его положения). Творчество этих российских мыслителей вполне могло быть отнесено к позитивистскому течению, несмотря на то, что характеризовалось в рамках субъективного направления социологии. Обратим вновь внимание, что среди особенностей российской социологии в теориях отдельных ее представителей имеет место наличие взглядов и идей, относящихся к различным направлениям этой науки. В данной главе мы еще раз найдем подтверждение указанной выше особенности, в частности, при рассмотрении творчества М.М. Ковалевского, которого считают в литературе представителем и объективной социологии, и позитивизма.

Максим Максимович Ковалевский (1851 — 1916) родился в Харькове в состоятельной дворянской семье. Окончил в 1872 г. Харьковский университет, затем продолжал образование в Западной Европе (1873—1877), где готовился к магистерскому экзамену. За границей познакомился и систематически встречался с Г. Спенсером и К. Марксом, российскими позитивистами Г.Н.Вырубовым, П.Л.Лавровым и Е.В. де Роберги, активно включился в позитивистское движение. В 1877—1887 гг. стал профессором Московского университета. Выезжал за границу для преподавания права, истории и социологии. Стал неформальным лидером молодой московской профессуры, а его лекции пользовались колоссальным успехом у студентов и коллег.

Деятельность Ковалевского вызывала серьезные нарекания со стороны властей, в конечном счете без всяких объяснений он был уволен из университета. Затем в течение 17 лет преподавал за рубежом в ведущих университетах Европы и США. В Париже стал одним из основателей Высшей русской школы общественных наук и ее лектором. В 1905 г. вер-

иулся в Россию, преподавал в ряде вузов Петербурга (университете, политехническом и психоневрологическом институтах). Стал депутатом первой Государственной думы, активно включившись в политическую деятельность. Был членом Государственного совета. В 1914 г. его избрали академиком Российской академии наук. В 1909—1916 гг. издавал журнал «Вестник Европы». Пользовался в стране непререкаемым авторитетом и иромадной популярностью. Его смерть была воспринята интеллигенцией России как национальная утрата.

Социологическое творчество Ковалевского чрезвычайно разнообразно. Оно включает в себя анализ места и роли социологии в жизни общества и ее соотношения с другими науками, характеристику сравнительно-исторического метода, теорию прогресса в контексте генетической социологии, учение о факторах общественного развития и его закономерностях. Основные труды по социологии: «Теория заимствования Тарда» (1903), «Этнография и социология» (1904), «Современные социологи» (1905), «Социология» (в 2 т., 1910), «Развитие социологии на Западе и в России» (1913). В современной России недавно был издан двухтомник социологических работ Ковалевского [Ковалевский. Соч.: В 2 т. 1997].

Предмет и метод социологии

Будучи сторонником и последователем Конта и Спенсера, Ковалевский ирипимаеч общую позитивистскую трактовку предмета и задач социологии как науки. Он считает, что даже спустя три четверти века после того как Копт впервые дал понятие социологии, его позиция не устарела. Главным в ней является признание порядка и прогресса человеческого общества как нредмета этой науки. Сам Ковалевский в своей двухтомной «Социологии» так определяет ее предмет: «Социология, в отличие от истории, необходимо отвлекается от массы конкретных фактов и указывает лишь общую их тенденцию, никогда не теряя из виду основной своей задачи — раскрытия причин покоя и движения человеческих обществ, устойчивости и развития порядка в разные эпохи в их преемственной и причинной связи между собой» [Ковалевский. 1997. Вып. 2. С. 20]. Вмес-ге с тем, он вводит некоторые уточнения в контовскос понимание предмета социологии (на основании работ других авторов), полагая, что вместо порядка лучше говорить об организации, а вместо прогресса точнее использовать термин «развитие».

Большое внимание Ковалевский уделяет рассмотрению вопроса о соотношении социологии с другими науками, в первую очередь с историей, затем — с философией, этикой, психологией, биологией, этнографией, статистикой, политэкономией, государствоведением. Смысл подхода российского ученого к этому соотношению базируется на соблюдении правил «обмена услуг»: «...конкретные пауки об обществе, поставляя социологии материал для ее умозаключений, в то же время должны опираться

свои эмпирические обобщения на те общие законы существования и развития, какие призвана устанавливать социология как наука о порядке прогрессе человеческих обществ ...» [1997. Вып. 2. С. 39].

С самых первых шагов своего научного творчества Ковалевский проявлял громадный интерес к сравнительному анализу изучаемого материала] вместе с тем, к историческим явлениям и процессам. В итоге это привело его к использованию в качестве одного из основных методов научного исследования сравнительно-исторического. Суть его — в параллельном изучении общественной эволюции различных народов, как древних, так и современных, на основе которого возможно дать общую формулу поступательного движения общественной жизни.

При этом Ковалевский говорит о необходимости эмпирической проверки любых выводов, полученных в ходе использования сравнительно-исторического метода. Поскольку оно возможно лишь на основе обнаружения определенного сходства в общественной жизни народов, его волновали источники этого сходства. Он отмечал наличие четырех таких источников: а) чистую случайность, б) единство происхождения, в) заимствование и подражание, г) общность культурных условий и стадий развития. Сходство четвертого типа представляет для социолога, по мнению Ковалевского, особый интерес.

Помимо сравнительно-исторического метода, российский ученый говорил об использовании и других, тесно связанных с ним, способов и приемов анализа. Он писал о «методе пережитков», который базируется на наличии в поздних социально-культурных формах следов предшествующих форм и порядков. Изучая эти остаточные формы («пережитки»), социолог может делать выводы о предшествующих стадиях развития. Еще один «близкий» к этому метод — этнографический, связанный с изучением жизни и быта народов. Но ни один из названных методов, включая и статистический, полагал Ковалевский, не способен решить проблем социологического анализа сам по себе, без взаимосвязи с другими.

Чтобы сравнительно-исторический метод был эффективно использован, необходимо соответствие его ряду требований: 1) основа для сравнения и сопоставления социальных фактов должна быть максимально широкая, включая не только европейские страны, но и США, страны Азии и Африки; 2) сравнение должно базироваться на представлении о системном характере общественной жизни, предполагающем взаимосвязь всех ее сторон; 3) необходимо использовать материалы, предоставляемые всеми науками в отношении анализа интересующей проблемы, при этом они должны быть сопоставлены с целью обнаружения в них повторяемости; 4) наконец, на основании применения сравнительно-исторического метода следует стремиться к выявлению общих закономерностей развития и получению практических рекомендаций, направленных на улучшение управления процессом укрепления человеческой солидарности.

Генетическая социология и теория прогресса

(¹ использованием сравнительно-исторического метода тесно связано развитие так называемой генетической социологии Ковалевского, по существу по теории эволюционного развития. «Генетической социологией, — писал он, — называют ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право, входящие на первых порах в состав одного и того же понятия дозволенных действий в противоположность действиям недозволенным» [1997. Вып. 2. С. 361]. Российский социолог говорит об особом интересе к проблеме происхождения и развития общественных институтов в России, поскольку в стране накоплен чрезвычайно богатый этнографический материал для изучения этого вопроса.

Генетическая социология призвана выявлять стадии социальной эволюции и законы, лежащие в ее основе. На этом базируется обращение Ковалевского к теории прогресса. Она всегда составляла «ядро» всей его социологии (равно как и позитивизма в целом). Сущность социального прогресса он усматривал в развитии солидарности как универсального средства сближения классов, социальных групп, народов, государств. Задача социологии, по мнению ученого, состоит в анализе солидарности, ее сущности, форм и видов. Наряду с объективными процессами укрепления солидарности существуют и субъективные процессы усиления чувства солидарности, которые проходят три ступени: сознание родового единства, патриотизм, космополитизм. Результирующей роста социальной солидарности выступает у ученого расширение равенства и свободы личности.

Делая акцент на солидарности, российский социолог негативно относился к революции как источнику прогресса. Он считал революцию патологией, для прогресса чем-то случайным, не вытекающим из его природы и потребностей, своеобразным «искусственным перерывом». Если правительство идет по пути продуманных реформ, страна вполне может обойтись без революции, что для нее всегда к лучшему.

Рассматривая в рамках генетической социологии социальную эволюцию, Ковалевский исследовал ее этапы и фазы, начиная с древнейших. При этом он сам был непосредственным участником полевых исследований обычаев и нравов народов Кавказа. Занимая должность профессора Московского университета, ученый три года подряд летом ездил туда с этнографическими экспедициями; полученный материал был им прекрасно описан и использован в работе «Генетическая социология как учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности» (1910).

Ковалевский анализировал в рамках историко-сравнительного исследования основные организации и институты эволюции, где первым зна-

чился род, затем — семья и, наконец, община. Он выделял три вида общины: родовую, семейную, сельскую. В отличие от многих российских социологов, Ковалевский рассматривал общину как исторически обреченную социальную форму жизни. Но он не считал нужной ее насильственную ломку, тем более что в ней он видел образец социальной солидарности.

На смену сельской общине приходит следующий этап социальной эволюции — феодальная организация общественной жизни, которая заменяется капитализмом. Рассматривая социальную эволюцию сквозь призму ее; основных этапов, социолог обращался к анализу изменений во всех основных подсистемах общественной жизни — экономической, политико-правовой, нравственно-духовной. Он доказывал, что каждой стадии эволюции соответствует определенная политическая форма и связанное с ней нравственное регулирование. Например, родовой стадии экономической эволюции соответствует племенное княжество, феодальной — сословная монархия и характерные для них нормы морали.

Теория факторов

С анализом эволюционных процессов общества тесно связанной оказалась проблема факторов, влияющих на них. Она вообще была традиционной для российской социологии. Суть проблемы формулируется следующим образом: существует ли один, главный фактор, определяющий социальные процессы, их ход, структуру, трансформации или речь должна идти о целом ряде причин (факторов), их обуславливающих. Ковалевский в своих работах делал акцент на втором подходе и тем самым обосновывал принцип плюралистической социальной причинности.

Он полемизировал с представителями ряда течений и направлений российской социальной мысли, отстаивавшими монистический подход и подчеркивавшими определяющую роль в общественной жизни какого-либо одного фактора. Это были в первую очередь сторонники географического направления, органицизма, экономического материализма. Так, рассматривая экономический материализм, Ковалевский писал, что его представители не стремятся вскрывать зависимость экономического развития, производства, техники от процессов умственных, нравственных, религиозных. Он выступал против того, чтобы все задачи социологии сводить к решению «уравнения с одним неизвестным», т.е. искать один определяющий фактор. В этой связи представляет интерес следующее его суждение: «... говорить о факторе, т.е. о центральном факте, увлекающем за собой все остальные, для меня то же, что говорить о тех каплях речной воды, которые своим движением обуславливают преимущественно ее течение» [Ковалевский. Соч. 1997. Т. 1. С. 22-23].

Вместе с тем, все это не означает, что сам социолог не стремился видеть среди факторов социального развития более значимые и менее значимые. Одним из наиболее важных факторов, влияющих на социальный прогресс,

для него всегда выступал демографический, позволявший обнаруживать зависимость между ростом народонаселения и формами экономической жизни. Рассматриваемый фактор он, с целью его глубокого анализа, изо-шропал, выделял из других, но, что называется, «не зацикливался» на нем, а выстраивал целую цепь других, касающихся различных экономических, социальных, политических, духовных, нравственных процессов. Эта цепь г. одним из вариантов выглядела так: рост населения — плотность населения — формы производства — распределение и порядок влечения — социальный порядок и т.д. В обозначенном подходе и состоял смысл плюралистической модели Ковалевского.

Методология многофакторного анализа того или иного эволюционно-ю процесса с іроилась российским социологом по следующей схеме: 1) определялся ведущий фактор (главная причина) эволюции анализируемого объекта; 2) для обоснования этого определяющего значения использовались различные методы (сравнительно-исторический, статистический, этнографический и другие); 3) выявлялись иные факторы, влиявшие па эволюционный процесс; 4) устанавливалась иерархия этих факторов. Отсюда, считал ученый, нужны в первую очередь не схемы, а монографические, всеобъемлющие, широкие исследования тех или иных эволюционных процессов.

Идея плюрализма в социологии была не новой. Она формулировалась еще О. Коптом и Г. Спенсером. Но у Ковалевского эта идея получила наиболее полное воплощение. Он не только утверждал, что социологическое исследование социальных процессов требует учитывать множество фак-юров и связей между ними, по и последовательно реализовывал этот принцип в своих работах.

Значение социологического творчества Ковалевского нельзя недооценивать. Он выступил против субъективизма в социологии, обращая внимание па необходимость открывать объективные законы и тенденции социальной развития, исследовать причины совершенствования общества, его устойчивости в разные эпохи. Как никто другой, он доказал наличие тесной связи между социологией и историей. В глазах современников Ковалевский был социологом среди историков и историком среди социологов. У него учились и считали себя сами его учениками многие видные и даже выдающиеся впоследствии социологи и экономисты: П.А. Сорокин, Н.Д.Кондратьев, К.М. Тахтарев. Несмотря на то, что долгие годы Ковалевский жил и творил за пределами России, он всегда оставался российским социологом, стремившимся, с одной стороны, придать отечественной науке европейские формы, с другой — развивать в ней многочисленные направления исследований, касающиеся чисто национальной проблематики. Вместе с тем до конца жизни он оставался верным принципам позитивистского эволюционизма и теории многофакторного развития общества.

§ 2. Органицизм в российской социологии

Также как и позитивизм, натурализм составлял содержание раннего этапа развития социологии. Одной из его основных форм стал органицизм. Органическое течение в российской социологии было характерным для 1860—1870-х гг., а его наиболее яркими представителями справедливо считаются Александр Иванович Стронин (1826—1889) и Павел Федорович Лилиенфельд (1829—1903).

Творчество А. И. Стронина

А.И. Стронин окончил историко-филологический факультет Киевского* университета, активно занимался просветительской деятельностью. За так* называемый «украинский сепаратизм» был сослан в административную ссылку в Архангельскую губернию, где находился в период с 1863-го по 1869 г. Стронин изложил свое учение об обществе в работах «История и метод» (1869), «Политика как наука» (1872), «История общественности» (1886).

Он полагал, что учение об обществе должно быть подобно учению о биологической природе или, точнее, учению о биологическом организме. Основной метод, который следует применять при изучении общества, — метод «социального естествознания». Смысл этого метода — трансформировать, переносить в обществоведение готовые и известные законы и аксиомы естественных наук. Если по отношению к природному миру действует, к примеру, закон тяготения, то применительно к обществу он будет проявлять себя как закон стремления к единению и взаимодействию.

Рассматривая общество как некую целостность, единый организм¹ Стронин изображал его в виде пирамиды, в которой существуют три яруса (класса): нижний (большинство общества, земледельцы, ремесленники), средний (капиталисты), высший (меньшинство общества, аристократия, судьи, законодатели, власть). Каждый социальный слой, по его мнению, реализует в своей деятельности те или иные конкретные задачи (по аналогии с биологическим организмом). Так, исключительной задачей аристократии является создание нравственных и интеллектуальных¹ ценностей. В каждом обществе, как и в биологическом организме, существует определенный запас, ресурс сил, который рано или поздно должен иссякнуть. Социальный организм представляет собой высший тип биологического организма. Каждой части тела, каждому органу, нерву, мускулу и т.д. соответствуют аналогичные общественные органы.

Несмотря на определенную упрощенность (кто-то скажет — примитивность) такой аналогии, она позволила Стронину одним из первых в социологии осуществить попытку структурно-функционального анализа общества, рассмотреть его как взаимосвязанную совокупность элементов, зависящих и влияющих друг на друга, выявить пути достижения согласия между ними, социального равновесия. Аналогия с биологическим ор-

ганизмом привела ученого к социальному структурированию, выделению в обществе определенных социальных классов, групп и слоев.

Находясь под влиянием западноевропейского позитивизма и натурализма, Стронин выделяет и рассматривает три общих закона функционирования и развития общества («социального тела», как в ряде случаев он (ч о называет): общий биологический закон, общий социологический закон и общий политический закон. Первый определяет условия жизни и смерти всякого общества. Он связан с выявлением периодов существования, развития, застоя, вырождения и смерти всякого общества. Все эти состояния определяются соотношением сил организма — общества и его среды. Вопрос в том, что перевешивает, выглядит явно сильнее: если организм — он оказывается в состоянии развития, если среда, то он деградирует.

Общий социологический закон выступает у Стронина как закон соединения и разделения труда. Его действие определяет социальную иерархию в обществе, соотношение классов и групп. Интерес здесь представляет попытка мыслителя доказать, что процесс изменения и развития состоит из движения не вперед и назад (либо вправо и влево), а в глубину и в высоту. Влияют на движение прежде всего субъекты социальных колебаний — общественные партии. В качестве типичных он называет радикалов, либералов, консерваторов, ретроградов, обскурантов (мракобесов, враждебно относящихся к прогрессу, просвещению, науке). С точки зрения общего социологического закона Стронин рассматривает причины болезней общества и видит их в нарушении социального равновесия, норм социальной иерархии. Чтобы этого не было, необходимо выработать и соблюдать правила «социальной гигиены». Из общего контекста его учения со всей очевидностью вытекает, что он был ярким противником революций, радикальных изменений, переворотов и сторонником нормального, спокойного хода событий с помощью реформ.

Третий — общий политический — закон (закон «впечатления и рефлексии») направлен на характеристику реального социального взаимодействия между людьми и определение его «продуктов». Речь идет о выявлении последствий политических процессов, связанных с развитием права, нравов, гражданских возможностей. Рассматривая действие этого закона, Стронин обращает особое внимание на формирование среднего класса (вспомним среднее звено его пирамиды) и связывает действие закона прежде всего с ним. Будущее России, по его мнению, зависит от этого класса, интеллигенции, а также состояния просвещения и образования.

Социологические идеи П.Ф. Лилиенфельда

Идеи органицизма получили свое отражение также в работах П.Ф. Лилиенфельда, не только исследователя, но и видного государственного деятеля России (он был сенатором, вице-губернатором С.-Петербурга, губернатором Курляндии). Основная работа, опубликованная на русском языке, — «Мысли о социальной науке будущего» (1872).

Задачу социологии как науки Лилиефсльд видел в исследовании социальных и духовных процессов на базе знания биологических законов. Он ставил целью изучить воздействие этих процессов на основные формы деятельности в обществе, которое он определял как прямое продолжение жизни природы в виде наиболее совершенного живого организма. Сами сущностные явления, по его мнению, определяются психикой человека.

В работе «Мысли о социальной науке будущего» ее автор задавал вопрос: «... к какой области человеческого знания относится социология; наука ли она по преимуществу умозрительная или же реальная?». Отвечая на него, он писал: «Если человеческое общество входит в состав окружающей нас природы, то социальная наука должна составить часть естествознания и к ней должен быть применен метод индуктивно-опытный; если напротив того общество основано преимущественно на началах нравственно-духовных, то социальная наука должна быть причислена к наукам умозрительным и к ней должен быть применен метод дедуктивно-синтетический» [1997. С. 7]. Для социолога приемлемым оказывается первое «если», а для социологии как науки применим лишь индуктивный метод.

Что нужно, чтобы общество стало предметом социологического изучения? «Для этого необходимо, — пишет П.Ф. Лилиефельд, — чтобы в основании явлений природы и общественной деятельности лежали одни и те же общие законы, чтобы между причиной и следствием в проявлениях вещества и человеческого общества существовала постоянная связь, доступная человеческому наблюдению и пониманию» [Там же.].

Он часто проводил прямые аналогии между обществом и живым организмом, утверждал, что общество состоит из клеток — человеческих индивидов — так же, как из них (клеток) состоит любой живой организм. Между клетками существует «междуклеточная ткань», которая представляет собой естественную среду (климат, почва, полезные ископаемые) и все то, что создали сами люди (мы могли бы назвать это «второй природой»).

Развитие общества характеризовалось Лилиефельдом в рамках поднятий, присущих живым организмам и типичных для них (рождения, рост, смерть, болезни и т.д.). Отдельные общественные структуры также имели аналогии с биологическими органами: например, правительств рассматривалось как мозг с точки зрения выполнения им своих основных функций, экономическая сфера оказывалась аналогичной системе кровотока, право играло роль нервной системы. Экономическая и политическая деятельность в обществе отождествлялась с физиологической и морфологической деятельностью живого организма.

Говоря об органицизме Лилиефельда, нужно иметь в виду «ирисивность» им обществу всех основных черт организма: его целостности, единства и взаимосвязи органов, их специализации на выполнении отдельных функций, накопления запасов и потенциальных сил и т.д. Таким образом, органицистский подход у него был еще более выражен, чем

У.Г. Спенсера (не говоря уже о А.И. Стронине). Вполне понятно, что при таком подходе социолог излагал теорию общества в понятиях «социальной физиологии».

Поскольку социолога постоянно волновало состояние социального организма, он не мог не ставить вопросы о его социальном здоровье и социальных болезнях. И здесь мы встречаемся с постоянными аналогиями между обществом и организмом. Болезни общества сравнивались с состоянием людей, характеризующихся различными заболеваниями: большая жопомика рассма! риналась как слабоумие, большое правительство — как паралич, большое право — как бредовое состояние. В этом контексте основное внимание Лилиенфельд уделял проблемам предотвращения бо-мезпей, т.е. терапевтическим мероприятиям, к которым необходимо постоянно прибегать обществу и власти.

Главное - не доводи! ь дело до разложения и распада частей (точь-в-точь как в организме), иначе наступит смерть. Поскольку разложение в обществе вызывается как внутренними, так и внешними факторами, требуется постоянное отслеживание и внимательное наблюдение за их действием. Здесь значительную роль играют степень организованности общества, его культура и образованность, знания, существующие в нем и являющиеся достоянием широких социальных слоев.

Как и все российские социологи, Лилиенфельд обращался к идее прогресса и его критериям. Главный среди них — мера свободы общества (даже не индивида!), под которой понималась и экономическая, и политическая, и правовая свобода действовать властям от его имени в целях укрепления социального организма.

§ 3. Географическое направление в российской социологии.

Социологические представления Л.И. Мечникова

Одним из весьма распространенных направлений натурализма в российской социологии было географическое. Это обстоятельство имело ряд причин. Главной среди них было, по всей видимости, геополитическое положение России. Рассмотрим основные позиции географического направления, или географического детерминизма, как его часто называют в литературе, на примере творчества Льва Ильича Мечникова (1838—1888).

Он родился в Петербурге, в дворянской семье, детство провел в Харькове. Получил медицинское образование, характерное для его семьи (брат Л.И. Мечникова, И.И. Мечников был знаменитым врачом и биологом). Знал более 10 иностранных языков. Служил переводчиком, торговым агентом в странах Ближнего Востока, что позволило ему детально изучить их историю и использовать полученные материалы при написании главного труда жизни — «Цивилизация и великие исторические реки» (опубли-

кована после смерти автора сначала на французском языке, почти через 10 лет — на русском).

Мечников много путешествовал, участвовал в революционной борьбе гарибальдийцев в Италии. В течение двух лет жил в Японии, где занимался организацией университета (в этой стране до сих пор о нем вспоминают с благодарностью). Последние годы жизни провел в Швейцарии, в Не-вшательской академии, где преподавал сравнительную географию и статистику. Помимо названной выше книги, для социологии представляют интерес еще две его работы: «Вопросы общественности и нравственности» (1879) и «Школа борьбы в социологии» (1884).

Для Мечникова социология была наукой, изучающей явления солидарности. Ее установление и развитие в обществе было основным критерием прогресса. Солидарность, по его мнению, выступала в различных формах кооперации в зависимости от того, была она добровольной или осуществлялась по принуждению. Отличие здесь имело место в связи с разной степенью свободы индивидов. Чем выше мера свободы, тем добровольнее кооперация между людьми. Вместе с тем, добровольная кооперация обеспечивала более высокий уровень свободы человека.

Солидарность в обществе вытесняла борьбу за существование, характерную для живой природы. Солидарность рассматривалась Мечниковым в рамках теории эволюции и развития органического мира. Здесь он проводил определенные аналогии между солидарностью в обществе и солидарностью в живой природе. Однако в целом российский ученый выступал против сведения социологических законов к законам природы и считал недопустимым основывать социологию на дарвиновском законе борьбы за существование — точно так же, как невозможно разрешить вопрос о солнечных пятнах на основании теоремы Пифагора. Использование биологических законов не дает возможности объяснить с их помощью социальные явления и процессы, равно как механические законы не позволяют понять особенности органического мира.

Мечников считается по праву создателем одной из наиболее оригинальных концепций географического детерминизма. Он стремился рассмотреть историю человечества в целом, а историю развития отдельных обществ — сквозь призму влияния на них географической среды. Причем это влияние, по его мнению, имеет скорее опосредованный, чем непосредственный характер. Он не старался (как некоторые представители географического направления, например Г. Бокль или Ф. Ратцель) выявлять прямое воздействие географической среды на психологию и поведение человека. Смысл подхода Мечникова — в показе этого влияния на социальную жизнь, в которой происходит формирование личности. Он считал, что «... различная физико-географическая среда оказывает влияние на судьбы народов, предоставляя некоторым из них верховенство над (другими народами)» [Мечников. 1997. С. 275.].

Среди многих факторов воздействия географической среды на эволюцию общества и его историческое развитие он выделял как наиболее значимый фактор, гидросферу. Все цивилизации в истории человечества возникали на берегу рек, морей и океанов. Они определяли развитие человеческой культуры, ее содержание и особенности. Мечников не пытался вывести черты человеческого характера из ландшафта, специфики водной среды и др. Но он доказывал, что эта среда приводит к необходимости солидарности между людьми, установления отношений кооперации, без чего ни одно общество не сумело бы выжить. Жизнь вдоль рек (а затем на берегах морей и океанов) требовала от людей объединения их труда. Необходимо было возводить дамбы, рыть каналы, иначе люди столкнулись бы с большими проблемами. Реки, моря, океаны были кормильцами и врагами одновременно. Людям, а потом и странам нужно было объединять свои усилия, кооперироваться для использования всего положительного потенциала гидросферы и защищаться от действия стихийных факторов, с ней связанных.

Мечников выводит закон фазисов исторического развития. Первый связан с речной эпохой (четыре древнейших великих культуры — египетская, ассиро-вавилонская, индийская и китайская — возникли на берегах рек: Нил, Тигр, Евфрат, Инд, Ганг, Хуанхэ, Янцзы). Второй фазис связан с морской (или Средиземноморской) эпохой (финикийская, греческая, римская культуры возникли на морском побережье). Наконец, третий — с океанической эпохой, являющей собой новое время. «Это разделение человеческой истории, — пишет Мечников, — представляющей в действительности единый процесс, вполне соответствует также и трем последовательным фазисам социальной эволюции и трем восходящим ступеням органической эволюции в природе» [Там же].

В историю российской социологии Мечников вошел как ученый, попытавшийся на интересном и оригинальном материале связать развитие общества, его различных сфер (в первую очередь материальной) с воздействием на него географической (прежде всего гидрологической) среды. Несмотря на определенный натурализм и известную односторонность в трактовке социального процесса, выразившуюся в явном гипертрофировании роли одного его фактора, такой анализ позволил ему весьма своеобразно обосновать идею поступательности и эволюционности социального прогресса и выявить некоторые важные закономерности общественного развития.

§ 4. Социологические взгляды Н.Я. Данилевского

К начальному этапу российской социологии (1860—1890-е гг.), характеризующемуся доминированием позитивизма и натурализма, можно с определенной долей условности отнести творчество Николая Яковлевича Данилевского (1822—1885). Он окончил Царскосельский лицей, затем физико-математический факультет Петербургского университета. Науч-

и его интересы были достаточно широки и включали изучение статистики, этнографии, широких социальных проблем и даже ... ботаники, климатологии и ихтиологии. Основная работа Данилевского - «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германскому» — писалась в 1865—1868 гг. и была опубликована в 1869 г. Переиздание этой книги было осуществлено в 1991 г. [Данилевский. 1991]. Еще одна крупная двухтомная работа, посвященная критике теорий Ч. Дарвина, — «Дарвинизм» — осталась незаконченной.

Социологические воззрения Данилевского отличались заметным своеобразием, их трудно отнести к конкретному направлению. Так, он считал, что существование какой-либо целостной и единой теории общества невозможно в связи с тем, что социальные объекты оказываются очень разными. Поэтому должна иметь место не единая общая теория, а лишь сравнительная трактовка разных типов обществ. Отсюда обществовоззрение может (и должно) быть исключительно национальным по своему характеру.

В основе этого положения лежит представление об обществе как совокупности (сумме) национальных социальных организмов, развивающихся по собственным законам и относительно устойчивых по отношению к окружающей их и изменяющейся среде. С такой позицией связана и критика дарвинизма, доказывавшего генетическое родство форм и видов, и единство и наличие исходной базы для всего живого. Данилевский полагал, что в обществе, как и в живой природе, не существует «общего знаменателя». Все виды живой природы и общественные формы являются, по его мнению, исключительно самобытными.

Одна из основных особенностей социологических взглядов ученого состояла в том, что, в отличие от господствовавшего в российской социологии эволюционизма, они характеризовались антиэволюционизмом. Об этом свидетельствовало его главное теоретическое детище — концепция культурно-исторических типов. По его мнению, история человечества не является единой целостностью, а «слагывается» из крупных форм (в определенной мере аналогичных организмам). Эти формы и есть культурно-исторические типы. Они имеют обособленный, локальный характер, структурны, внутри каждого происходит собственное движение. Также типы характеризуются своеобразием социального, религиозного, бытового, политического, научного, промышленного, художественного развития. По существу, культурно-исторический тип — это совокупность взаимосвязанных признаков крупного социального организма, характеризующегося в качестве основного интегративного показателя национальной культурой.

Каждый культурно-исторический тип проходит стадии, типичные для любого живого организма: рождение, возмужание, дряхление, смерть. Данилевский рассматривает эти стадии как четыре периода в развитии типа: этнографический, государственный, цивилизационный, период конца культу-

вы. В течение первого создается запас сил для будущей активной деятельности народа, складывается национальный характер. Второй период — государственный — состоит в строительстве сильного государства как условия независимого самобытного развития. Третий, самый короткий, заключается в культурном творчестве в рамках цивилизации и постепенных растратах накопленного запаса. Наконец, четвертый означает возникновение неразрешимых противоречий и гибель культурно-исторического типа.

Данилевский называет и исследует 10 основных культурно-исторических типов: египетский, ассиро-вавилонский, индийский, китайский, иранский, еврейский, греческий, римский, арабийский, европейский (германо-романский). Особое место занимает славянский тип. Все они выполняют в истории общества очень важную роль, обеспечивая его прогресс. Хотя Данилевский и говорит об относительно автономном развитии культурно-исторических типов, тем не менее он видит и преемственность между некоторыми из них; не случайно он разделяет их на «уединенных» и «преемственных». Историю общества социолог рассматривает как историю борьбы культурно-исторических типов между собой и с окружающей средой.

В основе развития каждого исторического типа лежит культурная деятельность (культура), которая включает в себя четыре главных вида, конкретизирующих ее. Во-первых, это религиозная деятельность, составляющая основу нравственной деятельности; во-вторых, это политическая деятельность, пытающаяся взаимоотношения людей как членов народного целого; в-третьих, это общественно-экономическая деятельность, в которой проявляются отношения людей к предметам внешнего мира и условиям пользования* ими; наконец, в-четвертых, это собственно культурная деятельность в строгом и узком смысле слова, в которой находят свое выражение отношения людей к науке, искусству, промышленности.

На основе такого подхода к культуре Данилевский рассматривал названные выше культурно-исторические типы. По его мнению, они могут быть одноосновными (если в основе типа — какой-либо один вид культурной деятельности), двухосновными (если два вида), трехосновными (если три). Линия славянский тип является четырехосновным, поскольку в нем «присутствуют» все четыре вида культурной деятельности и впервые — общественно-экономический, который не был присущ ни одному из названных 10 культурно-исторических типов. Этим самым Данилевский стремится доказать исключительность славянского типа и его самый высокий уровень в сравнении с другими.

Славянский культурно-исторический тип, по мнению социолога, наиболее ярко был воплощен в русском народе. Идеи славянофильства автор концепции доводил до крайне консервативных выводов и призывов к борьбе русского народа и российского государства с другими народами для утверждения славянского типа. Не случайно либеральная социологическая критика в России (Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев) увидела в

этом учении отход от гуманистических традиций российской общественной мысли и культуры.

В концепции Данилевского ставится вопрос об общественном прогрессе. Есть ли он? По всей видимости, да, только понятие прогресса у автора достаточно специфично. В соответствии с его точкой зрения «прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях...» [Данилевский. 1991. С. 87] Следовательно, каждый культурно-исторический тип вносит свою лепту в общий прогресс человечества.

Работы Данилевского представляют собой одну из первых и оригинальных попыток предложить новый подход к пониманию истории как нелинейного многовариантного процесса и дать социологическую трактовку некоему его аспектам. Далеко не все и во времена создания концепции, и сегодня в этой попытке устраивает. Но она дала толчок для теоретико-социологического исследования исторического процесса в рамках особого подхода, который впоследствии неоднократно применялся мыслителями

Вопросы и задания

1. В чем состояли причины популярности позитивистской социологии в российском обществе второй половины XIX в.?
2. Какие разновидности позитивистской социологии получили наибольшее распространение в России? Почему?
3. Как бы вы могли охарактеризовать роль М.М. Ковалевского в развитии российской социологии? Какие основные проблемы социологии он разрабатывал?
4. В чем суть генетической социологии Ковалевского? Почему она тесно связана с теорией прогресса?
5. Раскройте существо теории факторов Ковалевского. В чем состоит отличие социологического плюрализма от социологического монизма?
6. Какие методы изучения общества использовал Ковалевский? Почему его называют историком в социологии и социологом в истории?
7. Почему в России в рамках натурализма получили развитие органицизм и географическое направление, а не социал-дарвинизм и расово-антропологическое направления?
8. Охарактеризуйте социологические взгляды А.И. Стронина и П.Ф. Лилиенфельда.
9. В чем состоит оригинальность концепции географического детерминизма Л.И. Мечникова?
10. Почему социологическую концепцию Н.Я. Данилевского трудно отнести к какому-либо одному конкретному направлению в социологии? Раскройте содержание его социологических идей.
11. Благодаря чему позитивизм стал магистральным направлением развития российской социологии во второй половине XIX — начале XX в.?
12. Сравните позитивистские взгляды и идеи О. Копта, Г. Спенсера и других западно-европейских авторов и их российских коллег. Что вы вынесли из этого сравнения!

J

Литература

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

История социологии. Минск, 1993.

История теоретической социологии: В 4 т. М., 1997. Т. 1.

Ковалевский ММ. Природа социологии. Отношение ее к философии истории, этике и психологии. Социология и учение о социальной жизни животных. Социология и статистика. Понятие генетической социологии и ее метод // Социология в России

XIX - начала XXвеков: Тексты. М., 1997. Вып. 2.

Ковалевский ММ. Социология на Западе и в России. Две жизни. Географическая школа в социологии // Там же. М., 1997. Вып. 1.

Ковалевский ММ. Сочинения. В 2 т. СПб., 1997.

Кукушкина Е.И. Русская социология XIX— начала XXвека. М., 1993.

Кцлтыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.

Нилиенфельд П.Ф. Социология // Социология в России XIX— начала XXвеков: Тексты. М., 1997. Вып. 2.

Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.

Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995.

Мечников Л.И. Великие исторические периоды // Социология в России XIX— начала

XX веков: Тексты. М., 1997. Вып 1.

Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.

Новикова С.С. История развития социологии в России. М.; Воронеж, 1996.

Глава 17

Неокантианство в российской социологии

§ 1. Общая характеристика направления

На рубеже XIX—XX вв. в теоретической мысли России получило широкое распространение неокантианство. Идеи Г. Риккорта и В. Випдельбана, да, наиболее ярких его представителей, относительно специфики социального познания и необходимости использования теории ценностей нашли благодатную почву среди российских социальных мыслителей — историков, философов, правоведов, политологов, социологов, которые привнесли немало своего в трактовку общества и различных сфер его жизни. Суть проблемы состояла в том, как осуществлять обобщающее социальное познание, когда в общественной жизни все имеет индивидуальный характер.

В российской социологии неокантианство отличал ряд особенностей. Прежде всего, его появление было связано не только с общими причинами научного интереса к нему, но и с положением дел в самой социологии, где господствовали позитивизм и натурализм. Некоторые социологи выступили против сближения социологии с естествознанием, против исследования общества с помощью естественно-научных методов, утверждая, что у социальной науки должны быть свои особые подходы к изучению реальности, свои методы познания.

Отсюда — неокантианская критика ситуации в социальной науке, признание ее кризиса в области методологии. Речь шла о том, что позитивистская и натуралистическая социология, опираясь лишь на факты, наблюдение, фиксацию, описание и объяснение, неспособна понять, что за ними скрывается. Этот кризис усугубляется тем, считали неокантианцы, что стремление социологов к целостному охвату общества приводило к забвению его отдельных сторон, в первую очередь человеческого поведения, игнорированию его культурно-ценностного аспекта. Цель исследования, утверждали они, состоит не в объяснении явлений, а в их оценке, осуществляемой с учетом прежде всего абсолютной ценности нравственного должностного поведения. Таким образом, на передний план выдвигалась ценность личности. Что же касается различных проектов социального переустройства общества, то их следует оценивать с точки зрения

•личностной» направленности, т.е. возможности использовать результаты общественных преобразований для совершенствования личности.

Отсюда становится понятной еще одна особенность российской неокантианской социологии — ее психологизма, акцента на изучении социально-психологических взаимодействий, к которым зачастую сводилась вся социальная реальность. Неокантианство в социологии было связано с ее психологическим направлением гораздо более тесно, чем с другими течениями социологической мысли России.

Если общество, по словам одного из наиболее известных российских социологов неокантианского направления П.И. Новгородцева, существует только в лицах в качестве единственной социальной реальности, то отношения между ними, неизбежно приобретающие нормативный характер, должны соответствующим образом изучаться. Так возникает еще одна особенность российского социологического неокантианства — повышенное внимание, уделяемое ключевой категории — норме. Не случайно среди предшественников этого направления оказалось много очень известных российских правоведов: Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, Л.И. Пстражицкий, В.М. Хвостов. Обратимся к характеристике их социологических взглядов.

§ 2. Социологические воззрения В.М. Хвостова

В.М. Хвостов (1868—1920), известный российский социолог, правовед, историк, окончил юридический факультет Московского университета, с 1889 по 1911 г. был профессором этого же университета. В 1911 г. вместе с группой профессоров вышел в отставку в знак протеста против ущемления прав университетской автономии. Вернулся в университет в 1917 г. Основные работы, в которых рассматривались проблемы социологии: «Общественное мнение и политические партии» (1906), «Нравственная личность и общество. Очерки по истории и социологии» (1911), «Социология. Т. 1» (1917), «Основы социологии» (1920). Научные интересы Хвостова отличались значительным диапазоном, включая теорию и метод социологии, закономерности общественной жизни, проблемы личности и социальной группы, вопросы этики, культуры, психологии (в том числе психологии женщин) и др. Социологию Хвостов рассматривал как одну из наиболее общих наук об обществе по отношению к таким частным наукам как экономика, право, политика (подобно тому как биология является столь же общей относительно ботаники, зоологии, анатомии, физиологии). Ее предметом является общество. «Обществом в самом широком смысле этого слова, — писал Хвостов, — можно назвать всякое взаимодействие живых существ, выражающееся в происходящем между ними в той или иной форме обмене духовными содержаниями и в совершении на этой почве совместных актов и поступков» [Предмет и значение... 1997. С. 115].

Не меньшее значение для социологии имеет исследование человека.¹ Однако оно может осуществляться только в связи с изучением общества, поскольку человек по своей природе является общественным существом. Коль скоро это так, «вне общественных групп люди никогда не существовали и существовать не могли. Самая разумность человека... создалась на почве общественности и общества, можно сказать, древнее человеческого личности в том смысле, что разумная и сознающая себя личность, развита индивидуальность выросла только на почве общественных процессов в результате благоприятных для этого условий общественной жизни» [Там же. С. 116]. Итак, личность и общество с точки зрения социологии следует рассматривать в единстве и не противопоставлять друг другу. Но при этом главное в личности принадлежит духовному.

Еще одна часть предметного поля социологии — культура, которая по является рядом с миром природы как мир, переработанный человеческим сознанием. Хвостов говорит о том, что при изучении общества и человека¹ необходимо проводить различие между натурой (природой) и культурой. Здесь «вмешивается» в анализ психологический аспект проблемы, потому что «правильная постановка вопроса о природе человеческого общества... возможна только на психологической почве».

Отсюда следует дополнительная расшифровка в духе психологизма того, что такое общество. «Под именем общества, — объясняет социолог, — мы разумеем единый процесс общения, который происходит между индивидуальными процессами духовной жизни, именуемыми душами отдельных людей. Ввиду присущей процессу духовного общения и взаимодействия самостоятельной закономерности, он может быть рассматриваем как особая цельность и составляет предмет особого изучения. Вот почему должна существовать особая социологическая наука» [Там же. С. 122].

В свете изложенного о социологии как науке, ее предмете становится понятной трактовка Хвостовым социальных законов как общих схем порядка протекания человеческого общения. По существу, они тождественны законам социальной психики, а сама социальная психология рассматривается с учетом этого обстоятельства как составная часть социологии. Социальное познание отражает мир не как таковой, а с точки зрения определенной теории, построенной на сформулированных социологом законах.

Не меньше, чем проблема предмета, волновал ученого вопрос о методе социологии. Он считал социологию обобщающей наукой, ее задача — «вскрыть для нас ту общую закономерность, которая проявляется в общественной жизни, формулировать те законы природы, которым подлежит ход общественных процессов» [Хвостов. Метод социологии 1997. С. 276]. Метод социологии по сути одинаков с методом любой обобщающей науки. Наряду с теоретическими абстракциями и положениями, социология должна располагать фундаментом из фактов для получения обобщений, но в достаточной степени еще его не имеет, в чем исследователь усматривает ее слабость.

Эти факты социология может получать из исторических источников, данных этнографического характера (т.е. результатов наблюдений за жизнью и бытом народов). Наконец, говорит Хвостов, «социолог должен производить и непосредственные наблюдения над фактами социальной действительности... в форме простого присутствия при общественных процессах ... или же они собираются путем опроса лиц, переживавших известные события или близко к ним стоявших» [Там же. С. 280]. Что касается использования такого метода, как эксперимент, то в социологии, считает ученый, он мало применим, поскольку общественные процессы слишком сложны для того, чтобы его можно было правильно ставить в большом масштабе; в более же скромной форме эксперимент в социологии возможен.

Следует отметить, что учение Хвостова о методах социологии как науки весьма близко к современным трактовкам и значительно отличается от представлений о методике исследований, господствовавших в российской социологии на рубеже XIX—XX вв., не говоря уже о более ранних. Вместе с тем, он говорил и о другой методике, скорее психологической, нежели социологической, касающейся изучения процесса и возможности психологического вживания в исследуемую ситуацию — на основании того, что о чужом «я» мы судим сообразно собственному «я».

Одна из «сквозных» проблем российской социологии — ее отношение к прогрессу. Хвостов воспринимал негативно это понятие на том основании, что критерии его не ясны и оно не вполне научно. Поэтому он предложил использовать вместо прогресса понятие духовного процесса, взятого в его динамике и развертывании и проходящего циклы собственного развития во временном и пространственном аспектах. В развертывании духовного процесса социолог видел три стадии: а) скрытое состояние новой идеи за порогом общественного сознания; б) появление у идеи большого числа сторонников (возникновение их «критической массы»); в) победа духовной инновации в борьбе с традицией. На этой последней фазе идея трансформируется и достигается ее компромисс с традицией. Появляется новый общественный идеал («дух времени»), который определяет дальнейшее развитие духовного процесса.

В целом Хвостов создал концептуальную схему развития социологии как на теоретическом (макросоциологическом), так и микросоциологическом уровнях. Остается сожалеть, что он не сумел реализовать весь свой замысел, и второй том его «Социологии» так и не увидел света.

§ 3. Социологические взгляды П.И. Новгородцева

Павел Иванович Новгородцев (1866—1924) известен больше как юрист и философ (преподавал юридические дисциплины в Московском университете с 1904 г.), нежели социолог. Более того, зачастую он весьма пессимистически оценивал перспективы и возможности социологии как науки.

Тем не менее в своих работах («Нравственный идеализм в философии права», 1903; «Социальные науки и право», 1916; «Об общественном идеале», 1917) высказал ряд положений, имеющих социологический характер в рамках их неокантианской трактовки.

Новгородцев известен своей резкой критикой позитивистской социологии за ее акцент на необходимости изучения общества, за утверждение об объективном характере изучаемых социальных фактов и связь между ними, за засилье в ней (вместо нравственно-правового и культурного) исторического подхода. Применение последнего, полагал мысли тель, ведет к исчезновению личности как объекта исследования и превращению в таковой масс, социальной среды.

Между тем, основным объектом исследования, по его мнению, должна быть именно личность, рассматриваемая сквозь призму индивидуальности психической и нормативно-этического подходов. Социологии, считал Новгородцев, следует превратиться из науки об изучении, описании, объяснении объективных социальных фактов (социальный факт не есть дюркгеймовская «вещь») в науку об исследовании ценности данных фактов. А это превращает социологию в «объективную» в «субъективную» область получения нового знания.

В работах ученого хорошо видно его несогласие с редукцией общества к живой природе, биологическому. По его мнению, человек и общество отличается от мира живой природы прежде всего тем, что и там существуют нормы как первоначальные задатки всеобщего поведения. Эти нормы составляют нравственную основу структуры личности, поскольку человек живет именно по ним. Раз мы с этим согласны, и должны признать, что нормы являются основой также общества и культуры. Справедливости ради, отметим, что Новгородцев не отождествлял общество и культуру, более того, резко выступал против попыток такого отождествления у некоторых исследователей неокантианского толка.

Нравственность, по Новгородцеву, — не только то, что существует по отношению к личности как нечто внешнее (совокупность действующих в обществе норм), но это внутренняя для человека абсолютная ценность. Она позволяет личности быть не пассивным продуктом социальной среды, единственным и основным источником сознательных решений и активных действий. Поэтому общество есть нечто иное как совокупность сознаний и действий отдельных людей.

Нравственная сфера, в соответствии с позицией Новгородцева, автономна, самодостаточна, независима и самостоятельна. Он считал, что необходимо признание самостоятельного значения за нравственным началом и нормативным рассмотрением социальных и личностных — и первую очередь — проблем. Позитивизм в отличие от неокантианства не в состоянии решить нравственную проблему, потому что этические нормы, лежащие в ее основе, являются априорной прерогативой нравственного сознания. Главным в социологической проблематике должно стать

изучение механизмов морально-правовой регуляции в различных общественных системах. Для этого необходимо изучать и знать структуры индивидуального сознания (внутренних психологических переживаний) и внешних по отношению к человеку социальных и культурных систем, понимаемых как совокупность нравственных и правовых норм.

Рассматривая период начала XX в., Новгородцев считал его временем кризиса и крушения всяческих утопий, особенно социалистического характера. Анализ марксизма и многочисленных социалистических концепций того периода убедил его принципиальной невозможности создания справедливых форм общества и разумных средств их появления. Все общественные формы, реально существующие и еще не родившиеся, будущие, не могут по своей природе совместить, реализовать в своей деятельности требования справедливой и, равенства и свободы. Однако в основе этих форм должен лежать принцип соблюдения интересов личности. Выход из кризиса общества и социальной науки, с точки зрения Новгородцева, состоит в учете принципа и обеспечении свободы бесконечного развития человека. Индивидуум нуждается в идеальном проекте светлого будущего, а в вечном идеале — добра, в основе которого — самоценность человеческой жизни.

Говоря об общественных формах, в которых реализуется этот абсолютный идеал, Новгородцев указывает на самые исторически ранние — род и племя и современные — государство, церковь, семья, нация, культура. На них он возлагает основные надежды по расширению границ действия нравственных норм. Задача социолога, по его мнению, состоит в изучении возможностей решения этой проблемы в названных выше общественных формах. Для человека же главное — следовать нравственному идеалу и нести его в себе как тот мир, в котором он живет. Таким было credo Новгородцева.

§ 4. Социологическое наследие Б.А. Кистяковского

Б.А. Кистяковский (1868—1920) родился в Киеве в семье профессора права Киевского университета. Пошел по стопам своего отца, став крупным ученым в области права, философии, социологии. Учился в Киевском, Харьковском, Дерптском университетах, был исключен из каждого за участие в революционной деятельности. Завершил образование в Германии, где занимался в семинарах Г. Зиммеля и В. Виндельбанда, одного из основателей неокантианства. В 1899 г. опубликовал на немецком языке одну из главных своих работ — «Общество и индивидуальность». Другая важная работа, содержащая социологические идеи, — «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права» (1916). Преподавал в московских и киевских высших учебных заведениях.

Кистяковский считал, так же как и другие неокантианцы, что общество и социальное познание находятся в состоянии кризиса. Если причины кризиса

0

общества лежали в процессах социально-экономических и — особенно — в политических. То обоснование кризиса социального познания российский мыслитель видел в явлениях методологического порядка. Он связывал этот кризис с господством субъективизма и релятивизма социальной науки, давлением на нее позитивизма и междоуниверситетского познания, игнорированием специфики социального познания в целом, социологического в частности. Кроме того, причиной кризиса социального познания он считал слитность, неразделимость социологии и социальной философии и господство в последней психологизма. Другими словами, кризис социальных наук имел чисто гносеологический характер, и выход из него следовало искать именно в сфере методологии.

Главная задача социологии — исследовать причинную связь между ставшими необходимыми социальными фактами, причем делать это беспристрастно, вне влияния их нравственных оценок. В связи с таким пониманием поставленной задачи Кистяковский писал: «Социолог должен в этом случае поступать так же по отношению к социальным явлениям, как врач, который лечит больного, не спрашивая, хороший ли это или дурной человек, нравственен ли он или безнравственен. Может быть перед ним лежит величайший злодей, преступник, убийца, загубивший много жизней, но врач справляется только со своей наукой и спасает больному жизнь, не спрашивая, достоин ли он или не достоин жить по нравственным соображениям. Так же точно социолог не должен расплываться и нравственных осуждениях или предаваться благородному гневу по поводу исследуемых им социальных явлений, а спокойно исследовать причинную связь их» [«Русская социологическая школа»... 1997. С. 264].

Однако это вовсе не означает того, что Кистяковский игнорировал понятие нравственности и нравственных оценок тех или иных социальных явлений. Он связывал его с другой категорией, которой всегда уделял значительное внимание, — справедливостью: «О каждом общественном явлении мы можем судить с нравственной точки зрения. Всякий раз, когда мы имеем факт из общественной жизни, мы можем спрашивать: удовлетворяет ли он идее справедливости, или нет?» [Там же. С. 263]. Категорию справедливости как оценочную ученый противопоставляет категории необходимости как научно-познавательной, поскольку последняя одинаково применяется при анализе и естественных, и социальных явлений, а первая — только лишь в суждениях о социальном мире.

Некоторые исследователи творчества Кистяковского рассматривают трактовку им справедливости как сердцевину его социологической концепции [Миненков. 2000. С. 240]. При этом доказывается, что категория справедливости связана у российского исследователя с понятием должностного, нормативного и ценностного. Стремление к осуществлению справедливости присуще людям как естественное, считал Кистяковский.

Российский ученый рассматривал общество как психическое, взаимодействие людей, процессы в котором существенно отличаются от физичес-

ких и количественно неизмеримы. Поэтому исследовать его можно лишь на основании специальных социальных законов, которые не могут представлять собой аналогий физическим, биологическим и иным естественно-итучным законам. Для того чтобы открыть такой специфический социальный закон, необходимо изолировать однородные социальные явления, которые состоят в причинной связи между собой. Знание нескольких пересекающихся рядов причин даст возможность открыть социальный закон.

В работах Кистяковского последовательно проводилась идея о том, что социология должна выделять в социальных явлениях безусловно достоверное, тогда главным для нее станет установление необходимости, а не определение различных возможностей. Нигилистическое отношение ученого к категории возможности бросалось в глаза, и вряд ли с такой позицией в социологической науке можно было согласиться. Социология не должна пренебрегать этой категорией, особенно при разработке различных вариантов (сценариев) развития процессов, а также в ходе статистических исследований.

Будучи правоведом и обосновывая нормативно-социологический подход, российский ученый обращал особое внимание на роль права в развитии человека и социальных процессов. Он доказывал, что право дисциплинирует индивида гораздо больше, чем что-либо иное, даже управление собственной волей. Внутренняя свобода человека достигается благодаря праву. Значение работ Кистяковского в этом аспекте его творчества заключается в подчеркивании роли прочного правосознания людей, являющегося условием нормального развития и общества, и личности.

Завершая рассмотрение социологических взглядов Кистяковского, отметим, что он, как и многие ученые того времени, ставил вопрос об отправном пункте социального процесса, его начале. Что им является — общество или личность? В отличие от многих своих коллег, «выбравших» что-либо одно, Кистяковский полагал, что вряд ли таким путем можно найти верный ответ на этот вопрос. Оба начала, полагал ученый, одновременны и взаимодействуют настолько тесно, что любой выбор в этом случае всегда будет некорректным. Тем более что в практическом плане самоцелью являются и личность, и общество. Самое же главное в социальном мире — успех должностования, реальных норм и подлинных ценностей. Именно этому должна содействовать вся социальная наука, в том числе и социология.

§ 5. Социологическая теория Л.И. Петражицкого

Лев Иосифович Петражицкий (1867—1931) — один из наиболее известных российских юристов и социологов неокантианского направления. Окончил Киевский университет, учился в Германии. Является основателем психологической школы права в России. В течение 20 лет (1898—1918) работал профессором Петербургского университета. Избирался в

состав первой Государственной думы. С 1918 г. жил в эмиграции, руководил кафедрой социологии Варшавского университета. Основные работы, содержавшие социологические идеи: «Введение в изучение права и нравственности» (1905), «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (в двух томах, 1907).

Творчество Петражицкого связывают и с позитивизмом, и с натурализмом, и с психологическим направлением, и с неокантианством. Это свидетельствует о сложности и «пограничном» характере взглядов мыслителя. Рассмотрим основные из них, имеющие непосредственное отношение к социологической науке.

Социологию он характеризует как научную теорию социально-психических процессов. Ее предназначение — изучать участие человека в процессах социальной жизни. При этом под таким участием ученый понимает психическую деятельность индивидуального характера. Она проявляется в словах, сообщениях, действиях, поступках человека.

Главным методом социологии Петражицкий считал психологическую дедукцию, основой которой является наблюдение социальных фактов. Наблюдение может быть внешним (по отношению к физическим явлениям и процессам оно осуществляется благодаря органам чувств) и внутренним. В последнем случае оно превращается в самонаблюдение, становится, как говорит Петражицкий, интроспекцией, психологическим методом внутреннего наблюдения. Такое наблюдение есть, по существу, переживание социального факта, социального явления. Это переживание и становится объектом познания и предметом интерпретации.

Отсюда существенное значение приобретает способность человека воспринимать и трактовать социальные явления и процессы. Таким путем можно определить процесс конструирования узнаваемого нами социального мира, который (это следует из приведенных рассуждений) оказывается зависимым от того, как мы его интерпретируем. Подобный подход к познанию социального мира стали особенно активно применять в 1920-е гг. представители феноменологической социологии.

Центральными понятиями социологии, согласно концепции Петражицкого, должны стать социальное поведение и его мотивы. Традиционно основная категория социологии — общество — не привлекала особого внимания ученого. Оно выступало для него как некая надиндивидуальная действительность, не имеющая особого статуса и не существующая реально в психике того, кто изучает то или иное конкретное социальное явление. Социология изучает лишь то, что существует в психике и интерпретируется индивидом.

Общество не вызывало интереса у Петражицкого и в силу его оторванности от нормативных и мотивационных характеристик поведения, которые он называл «нормативными переживаниями» и «импульсиями» [Петражицкий. 1997. С. 281]. Для получения этих характеристик требуется обращение к психологии, которая должна создать для гуманитарных на-

ук, в том числе и для социологии, прочный фундамент. Так, Петражицкий считает, что социологическое понятие «мотив» (хотя па самом деле оно скорее психологическое) имеет в качестве психологического аналога (синонима) попят ис «эмоция». Не случайно он разрабатывает детальную классификацию эмоций, создавая «эмоциональную теорию эстетических и этических явлений».

Индивидуальные эмоции, в соответствии с этой теорией, выступают причинами социального поведения, они выражаются как в слове, так и в действии, а их понимание становится задачей социологии. Однако такой подход, базировавшийся на индивидуальных эмоциях, оказался недостаточным для носироения научной социологии, поскольку не содержал выхода в систему социальных отношений. Поэтому Петражицкий обращается к понятию «народная психика», связывая его с конкретным поведением через социальные нормы, обуславливающие определенные типы поведения.

Разработка теории социальных норм — одно из его серьезных научных достижений Петражицкого. При этом он рассматривал их в тесной связи с обязанностями — как моральными (нравственными), так и правовыми (юридическими). Нравственные нормы у ученого — переживание долга и его выполнение, юридические — это понимание долга как обязанности по отношению к другому. Любые нормы выполняют две функции — мотива-ционные (импульсивные) и педагогические. Первые стимулируют одни действия и сдерживают другие, вторые способствуют развитию определенных психических склонностей, предрасположенностей людей.

Общса ненпый прогресс Петражицкий связывал с достижением идеала совершенного социального характера. Этот идеал достигается постепенно, по мере перехода от одной социальной системы к другой, более действенной и соответствующей состоянию народной психики, что в свою очередь обеспечивает более высокую степень социально-разумного поведения граждан.

Подводя итог развитию неокантианского направления в российской социологии, следует отмстить, что его представители обращали особое внимание на методологию исследования и социального познания, выработку понятийного аппарата общественной науки, обращение к личности, ее внутреннему психическому миру. Особенно активно ставились проблемы долженствования, нормативности, ценности в связи с характеристикой поведения человека. Взаимодействия между субъектами социальных процессов рассматривались в рамках нравственно-психологических отношений.

Неокантианство в российской социологии, критикуя позитивизм и натурализм, сделало шаг, с одной стороны, в направлении к неопозитивизму, с другой — еще больше приблизило социологию к психологии. Вместе с тем, оно не сумело решить полностью тех задач, которые ставило перед собой: подорвать научное и интеллектуальное доверие к социологическому позитивизму. Последний сохранился и даже усилился, занявшись поис-

ком новых форм и ликвидацией слабостей в своей методологии за счет* большего дистанцирования от естествознания и его методов и усиление гуманитарной составляющей в создаваемом научном знании.

Вопросы и задания

1. Почему в российской социологии появилось неокантианство?
2. Что вы можете рассказать о влиянии на него идей Г. Риккерт и В. Виндельбанда?
3. Каковы особенности неокантианства в российской социологии?
4. Как трактовал предметное поле социологии В.М. Хвостов?
5. Раскройте учение Хвостова о методах социологии.
6. В чем состоят заслуги П.И. Новгородцева перед социологической наукой?
7. Как характеризовал проблемы развития нравственной сферы общественной жизни 'Новгородцев?
8. Почему Б.А. Кистяковский рассматривал общество и социальное познание находящимися в состоянии кризиса?
9. В чем Кистяковский видел главную задачу социологической науки?
10. Охарактеризуйте суть социологической теории Л.И. Петражицкого.
11. Почему центральным понятием социологии Петражицкий считал социальное поведение?
12. В чем состояло значение неокантианского направления в российской социологии?

Литература

История социологии. Минск, 1993.

История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 2.

Кистяковский Б.Л. Проблема и задача социально-научного познания. «Русская социологическая школа» и категория возможности при решении социально-этических проблем. Необходимое и должное в культурном творчестве // Социология в России XIX— начала XXвеков: Тексты. М., 1997. Вып. 2.

Кукушкина Ей. Русская социология XIX— начала XXвека. М., 1993.

Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000

Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.

Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.

Новгородцев ПИ. Об общественном идеале. М., 1991

Новикова С.С. История развития социологии в России. М.; Воронеж, 1996.

Петражицкий Л.И. Основные положения эмоциональной теории эстетических и этических явлений. Два вида обязанностей и норм // Социология в России XIX— начала XXвеков: Тексты. М., 1997. Вып. 2.

Хвостов В.М. Предмет и значение социологии. Метод социологии. Науки об общем и науки об индивидуальном // Там же.

Глава 18

Неопозитивизм в российской социологии

§ 1. Общая характеристика

Неокантианская критика позитивизма, стремление представителей последнего модифицировать свои взгляды в сторону большей адаптированности к уровню достижений социального знания, с одной стороны, и развитие эволюционизма и функционализма, синтез многих идей и направлений субъективистского и объективистского характера, с другой, привели к появлению неопозитивизма в российской социологии. Этому способствовало активное внедрение в отечественную социологическую науку различных западных теорий (махизма, американского бихевиоризма и прагматизма и др.). Происходило завершение формирования социологии как науки. Для решения социологических проблем искали и находились строго научные социологические средства.

В содержательном плане неопозитивизм характеризуется переносом акцентов с изучения индивидов на исследование социальных действий, взаимодействий, социальных связей и отношений, социального поведения. Е.В. де Роберти, провозгласивший переход к неопозитивизму, заявил, что последний поднимает знание на высоту точной теории, анализирует различные технологии, которые управляют практической деятельностью человека и его поведением (в области экономической, нравственной, политической). Неопозитивизм в российской социальной науке связывают с модернизацией социологической теории, отказом от различных форм редукционизма (в том числе и психологического). Вместе с тем получение точных данных в социологии начинают соотносить с проведением эмпирических исследований, использованием математики, статистики для обработки полученных результатов.

Методологическая программа неопозитивизма требовала замены априоризма наблюдением и строгим описанием полученных результатов, ценностного подхода (наследство неокантианства) — индукцией, метафизики — сциентизмом (признанием в качестве главного инструмента исследования методов естественных наук), эволюционного объяснения — функциональным.

В теориях российского неопозитивизма за счет отказа от сравнительно-исторических методов и переноса акцентов на эмпирические усилилась опи-

сательная сторона социологических работ, зато слабее оказался представлен'; при теоретический анализ. Внимание к внешним сторонам социального поведения оказалось доминирующим, что выразилось как раз в подчеркивании возросшей роли его описания. Отказ от обращения к изучению внутренних факторов личностной деятельности (метод интроспекции) привел к использованию социологии основной схемы бихевиоризма «стимул — реакция». Под стимулом российские социологи понимали условия поведения, под реакцией — его содержание (связи, взаимодействия, отношения).

Одна из основных задач нового направления в социологии России состояла в том, чтобы как можно более эффективно использовать все возможности в практической жизни и преодолеть негативное отношение власти к этой науке. Решить поставленную задачу в полной мере не удалось, нормальные условия для развития отечественной социологии как и не были созданы в начале XXв.

Представителями неопозитивизма в российской социологии, идеи которого оказались выраженными наиболее рельефно в их творчестве, стали Л.С. Звоницкая, К.М. Тахтарев, П.А. Сорокин.

§ 2. Социологические взгляды А.С. Звоницкой

А.С. Звоницкая (1897 -1942), первая женщина-социолог в России, родилась в Киеве, училась в Гейдельберге. В 17 лет (!) опубликовала первый том задуманной ею четырехтомной работы «Опыт теоретической социологии» (1914). Написанные ею еще два тома, а также ряд других работ не были опубликованы. С 1918 г. работала в различных научных учреждениях Петрограда.

.Центральное понятие социологии для нее - социальные связи, учение о них составляет предмет теоретической социологии. В процессе общения между индивидами возникают специфические связи и отношения, которые выступают в виде «общности сознания и деятельности». Такое общение Звоницкая определяет как передачу содержания одного сознания другому сознанию. По существу, это подражание по Г. Тарду, на работы которого она активно ссылается. Так что категория общения у нее весьма близка по содержанию к категории подражания. Важно, что и то и другое — общение и подражание — выступают естественной предпосылкой социальных связей.

Значение общения состоит в том, что в его процессе формируется и развивается личность. Развитие личности включает в себя три главных момента: а) «проективный момент», т.е. приобретение личностью сведений об окружающей психологической среде; б) «субъективный момент», т.е.) самосознание, выступающее в форме обобщения и типологизации полу-личных сведений; в) «эфективный момент», т.е. систему социальных ожиданий, означающую предположение о наличии сходных обобщений у других личностей и согласование совместной деятельности. Первый и третий моменты

менты составляют два полюса самосознания, между которыми происходит движение «я». В этом движении и состоит основной закон развития личности. Конкретизируя его, Звоницкая объясняет: на проективном полюсе индивид воспринимает свойства других личностей и приспосабливается к окружающей психологической среде, приобретая свойства иного «я»; стало быть, критерием для «я» служит «он». На эктивном полюсе все наоборот, поскольку свое «я» является для данной личности критерием для других личностей, т.е. всякая другая личность должна иметь свойства моего «я».

Таким образом, центральное понятие социологии Звопицкой — экти-вация (ожидание). Эктивация как раз и составляет основу общения и природу социальной связи. Наиболее распространенной формой эктивации является подражание, которое позволяет понять внутреннюю структуру общества. Дело в том, что социолог рассматривает формы социального общения как «линии социальности», как устойчивые типы эктиваций, которые выражают разные направления деятельности людей и ведут к образованию различных групп. Эти группы и образуют структуру общества.

Когда ожидания (лсктивации) людей подтверждаются, общество развивается в рамках нормативности. Стоит только не подтвердить ожиданию, создается конфликт между личностью и обществом. Если же источником конфликта оказывается не индивид, а целая группа людей, в обществе возникает кризис, который обязательно затрагивает культуру, духовный мир и свидетельствует о недоверии к нормам социальной жизни у значительной части членов общества.

Кризис завершается социальной бурей, вслед за пей происходит распад общества, который затем сменяется процессом его медленного выздоровления и восстановления нормативной системы. Значительная роль в этом процессе принадлежит симпатии, которую Звоницкая характеризует как сходное отношение к себе и другим. Социальная связь не может быть установлена вне симпатии. В ходе кризиса сфера симпатии людей друг к другу резко сужается, создается гнетущая социально-психологическая атмосфера. Но затем симпатия вновь появляется в процессе выхода из кризиса.'

В концепции Звопицкой достаточно много неустоявшихся положений с запутанной логикой и неясными социальными связями. Но это был лишь начальный этап складывания теоретической позиции социолога, чем, собственно говоря, многое объясняется. Остается сожалеть, что социология в России не получила продолжения интересного теоретического начинания.

§ 3. Социологические воззрения К.М. Ташрева

К.М. Тахтарев (1871—1925), известный российский социолог и историк, учился в Военно-медицинской академии, участвовал в революционном движении, увлекался теорией марксизма. Был одним из создателей Петербург-

ской организации «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» за участие в его работе подвергался аресту. Социологией увлекся под влиянием Е.В. де Роберти и М.М. Ковалевского. Считал себя учеником последнего и разделял идеи эволюционного плюрализма. Главная социологическая работа Тахтарсва — «Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии» (1919). Научные интересы Тахтарева были связаны с общей теорией социологии, ее историей, соотношением с другими (прежде всего естественными) науками, исследованием структуры общества и др.

Под социологией российский социолог понимал науку, которая изучает общественную жизнь, ее явления и закономерности. Среди явлений социальной жизни основными и простейшими были, с его точки зрения, сожитие и общение. Изучение этих явлений и составляет первую задачу социологии [Тахтарев. 1997. Вып. 2. С. 841. Под сожитием ученый понимает жизнь людей сообща. Оно есть содержание общественной жизни, а формой ее выступает общение.

«В связи с явлениями сожития и общения, — пишет Тахтарев, — должен быть выяснен и сам человек как живой и деятельный участник общественной жизни и самых различных видов общения. Человек должен быть выяснен как неизбежный член общества, как общественный человек, как сообщественник. Но окончательное выяснение человека как общественного существа, как сообществеиника требует понимания того, что представляет собою то общество, неизбежным членом которого является каждая человеческая личность» [Там же]. Следовательно, Тахтарев выделяет три фундаментальные особенности общественной жизни, к которым должна обращаться социология: сожитие, общение и человек.

Такова логика рассуждений социолога, приводящая его к необходимости трактовки общества и пересмотра уже имеющихся учений о нем. Действительной основой общества, считает российский социолог, «служит самая широкая и всеобъемлющая форма самодостаточного сожития и общения людей и, главным образом, общения трудового, т.е. общественное сотрудничество. ...Но общественное сотрудничество всегда оказывается усложненным разделением и расслоением общественного труда. И выяснение этого явления и его социологического значения есть новая задача социологии» [Там же. С. 85]. Общество, следовательно, самодостаточно по своей природе, существует само по себе, в отличие от человека, который становится таковым только в сожитии и общении.

Такое понимание строя общества и общественного уклада позволяет Тахтареву сформулировать еще одну задачу социологии, связанную с анализом его структуры, расслоения, делением общества на различные группы, известные под названием сословий, каст, общественных классов и т.д. Социально-групповое учение приводит его к формулированию теории общественных сил как необходимого дополнения этого учения.

Еще одна задача социологии состоит в установлении социальных законов, которое предполагает «выяснение и установление необходимых соотношений различных явлений, а равно и изменение этих соотношений в общем ходе общественной жизни. Это и составляет главное дело социологии как особой науки о закономерности общественной жизни. Это и является ее конечной научной целью» [Там же. С. 91]. Только в таком случае социология превратится в должным образом организованную и стройную отрасль знания.

Фундаментом рассматриваемой науки, по мнению российского ученого, должны быть генетическая (эволюционная) социология и сравнительная статистика. Он считал, что общественные явления должны численно измеряться. Для этого необходима тесная связь социологии с естественно-научным знанием и его методами. Статистико-социологический метод, полагал исследователь, позволяет выразить изучаемые соотношения различных явлений общественной жизни точным языком чисел. По его мнению, это должно быть мечтой каждого социолога, стремящегося сделать свою науку действительно точной и строгой. В связи с отмеченным обстоятельством Тахтарев утверждал, что социология должна быть пропитана духом естествознания и научного реализма, а общественная жизнь — изучаться такой, какая она есть на самом деле.

Для дальнейшего развития социологии важное значение имела категория, которую автор использовал для объяснения многих явлений общественной жизни, — образ жизни. Он характеризовал его как удовлетворение человеческих потребностей с помощью определенных способов и средств существования. Это понятие употреблялось социологом не для анализа повседневного способа поведения людей, а для характеристики с его помощью основных ступеней общественно-исторического развития.

На основании изменений в образе жизни людей были выделены пять ступеней общественного развития: 1) примитивное общество (наиболее ранняя ступень), опирающееся на охотничий образ жизни; 2) родовое общество, появившееся из кочевого образа жизни; 3) общество, связанное с переходом к оседлому образу жизни на основе сельской общины; 4) феодальное общество, опирающееся на натуральное хозяйство и соответствующий ему образ жизни; 5) общество, формирующееся на основе городского образа жизни.

Тахтарев выступал против марксистского понимания классовой борьбы, считая, что будущее — за политическим сотрудничеством и солидарностью самых различных общественных групп и соглашением между ними, «совластием», как он определял одним словом этот процесс. Окончательным же победителем в социальной борьбе будет творческий и действительно обобществленный труд, который создаст новый общественный строй и взамен насилия осуществит верховное право народа быть господином собственного бытия. Цель нового общества и нового государства состоит в том, чтобы обеспечить всем полную и совершенную человеческую жизнь, равные права и возможности.

§ 4. Творчество П.А. Сорокина: российский период *Вехи*

жизни в России

Иитирим Александрович Сорокин (1889—1968), выдающийся отечественный социолог, до 1922 г. жил и работал в России. С 1922 г. оказался за рубежом (после высылки в числе 161 выдающихся представителей российской интеллигенции) — сначала в Германии и Чехословакии, а затем (с осени 1923 г.) в США. Поэтому в творчестве Сорокина выделяются (как определенной мерой условности, ведь оно — неразрывный процесс) два периода — российский и американский. В этой главе предметом нашего анализа будет только первый период. Американский период жизни и творчества будет специально рассмотрен во второй части учебника.

Свою жизнь Сорокин подробно описывает в автобиографическом романе «Дальняя дорога» (переведен на русский язык и издан сначала в 1991 г. в Сыктывкаре, а затем в Москве в 1992 г.). Он родился в селе Турья, на территории нынешней Республики Коми. Там прошли детство и юность социолога. Его отец был русским по национальности, занимался ремесленными работами по металлу и малярным делом, мать была крестьянкой, по национальности коми. Она рано умерла, отец с юрью запил, и юноше приходилось искать и зарабатывать средства к существованию. Образование он получил в двухклассной школе, а затем в учительской семинарии. Жажда знаний привела его в 1907 г. к решению покинуть родные места, после чего он отправился в Петербург.

Поступив в Психоневрологический институт на единственную кафедру в стране социологии, которую возглавляли сначала М.М. Ковалевский, затем Е.В. де Роберти, П.А. Сорокин многому у них научился и всегда с теплотой и признательностью вспоминал своих **нормных** педагогов. Затем он специализировался в области права у еще одного своего любимого преподавателя — Л.И. Петражицкого в Петербургском университете, где и начал преподавать с 1915 г., став приват-доцентом в 1917 г.

После Февральской революции сотрудничал с Временным правительством, работал личным секретарем у А.Ф. Керенского, был депутатом Учредительного собрания. По совету Сорокина Керенский вводил преподавание социологии в качестве обязательной дисциплины во всех российских университетах. В 1920 г. социолог становится деканом организованного им факультета общественных наук в Петроградском университете. В 1922 г., в апреле, ученый совет проголосовал за присуждение ему степени доктора социологии. Он стал, таким образом, первым доктором социологии в истории отечественной науки. А в конце 1922 г., как уже говорилось выше, его выдворили, вместе с группой деятелей науки и культуры, из России за границу. Небезынтересен тот факт, что после Октябрьской революции Сорокин трижды арестовывался, а однажды ему грозила даже смертная казнь. Связано это было с его членством и активной работой в рядах партии эсеров.

Покидая Россию, социолог увез с собой около десятка своих рукописей общим объемом почт в 2000 страниц. Это позволило ему, оказавшись в США, довольно быстро и активно заявить о себе серьезными публикациями, по существу продолжившими многие основные положения работ российского периода. К моменту защиты докторской диссертации в 1922 г. им было написано около 130 научных трудов. Главные среди них: «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913), «Границы и предмет социологии» (1914), «Проблема социального равенства» (1917), «Общедоступный учебник социологии» (1920), «Система социологии» (1921).

Наиболее крупной и фундаментальной была «Система социологии», задуманная как восьмитомное сочинение. Однако замысел не был реализован — ни в России, ни в США. Опубликовано было лишь два тома. Как он писал впоследствии в своем автобиографическом романе, от дальнейшей работы над «Системой социологии» его отвлекла тема голода как реального повседневного явления (голодали очень многие, в том числе и он сам, от голода умерли многие знакомые и коллеги Сорокина, о чем он также писал в этом романе). Мой 101 рафия о голоде была уже напечатана, но весь тираж уничтожили. Читатель кишу так и не увидел. Молодая советская власть очень быстро поняла опасность для нового общества резкой критики ее действий. Однако тема голода волновала Сорокина и после его депортации, в США, где он писал о нем как об одной из главных бед человечества, наряду с войной.

Предмет, структура и метод социологии

В названных выше работах российского ученого оказалось много теоретических проблем, которые волновали Сорокина на протяжении всей сто «дальней дороги» по социологии. В первую очередь это касается «Системы социологии», в которой четко была поставлена проблема интегральной социологии — сквозная для всего творчества ученого. В книге оказались сформулированными темы, которые в разное время привлекали его исследовательское внимание: формы межличностного взаимодействия людей, биопсихосоциальные различия между ними, механизмы социального кон-цюля, классовая, групповая, территориальная, языковая, культурная, профессиональная, возрастная и иные структуры общества и многие другие аспекты анализа социальной жизни и социальных процессов.

Сорокин исходил из положения о том, что общество является частью природы, а человеческий разум — наиболее совершенная форма космической энергии. Отсюда следовало понимание того, что в обществе действуют законы, общие для всей Вселенной. Задача социологии состоит в выявлении и анализе отношений и функциональных связей и зависимостей, обеспечивающих существование общества в его многообразных конкретных формах. В «Системе социологии» наиболее ярко отразился неопозитивизм раннего Сорокина, особенно в основном постулате, сформулированном им в афористичной форме: «Пора бы покончить с поэзией в социологии: от нее

страдает и поэзия, и социология». Он выступил против монизма, господства прежней философии истории, научного анархизма, критиковал поверхностность и наивность многих социологических теорий.

Уже в первой главе «Системы социологии» ученый определяет предмет этой дисциплины и ее отношение к другим наукам: «Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, с другой» [Сорокин. 1991. Ч. 1. С. 4]. Он доказывает, что имеются все необходимые основания для существования социологии как автономной, независимой науки, обладающей значительной практической и теоретической важностью. Вместе с тем он показывает и обосновывает тесную связь социологии с биологией, экологией, коллективной и индивидуальной психологией и другими науками.

Анализируя архитектуру социологии, ее структуру, Сорокин выделяет прежде всего теоретическую и практическую социологию. В теоретической социологии он рассматривает социальную аналитику, социальную механику и социальную генетику. Предмет социальной аналитики — изучение строения (структуры) социального явления и его основных форм. При этом речь идет о явлениях, взятых в их статическом состоянии и рассматриваемых только в пространстве, а не во времени и только с точки зрения их строения, а не функционирования.

Сорокиным рассматриваются два «подотдела» социальной аналитики: первый, в котором изучается строение простейшего социального явления (при этом он специально выделяет этапы этого изучения: определение такого явления, разложение его на элементы, систематику основных форм), и второй, в котором анализируется строение сложных социальных единств, образованных путем той или иной комбинации простейших социальных явлений (и здесь выделяются этапы анализа: определение таких единств, разложение их на простейшие социальные явления, классификация основных видов сложных социальных изменений).

Предметом социальной механики является изучение процессов взаимодействия людей, их поведения и тех сил, которыми оно вызывается и определяется. Пользуясь данными социальной аналитики, социальная механика занимается изучением социальных функций или эффектов, которые вызываются факторами человеческого поведения. Первая ее задача состоит в том, чтобы дать классификацию «раздражителей» поведения людей. Вторая задача заключается в изучении влияния каждого раздражителя («фактора») на поведение людей и через последнее — на общественные явления.

Что касается социальной генетики, или генетической социологии, то она главной своей задачей ставит определение исторических тенденций на основе изучения основных постоянных линий развития социальной жизни, данные во времени, а не в пространстве. Социальная генетика должна также дать объяснение различным отклонениям и отступлениям от этих тенденций, поскольку они имеют место в ту или иную эпоху, в той

пли иной сфере общественного взаимодействия. По-другому социальную историю можно назвать теорией социальной эволюции, считал социолог [Там же. С. 36-40].

Говоря о практической социологии, Сорокин имеет в виду изучение по политической деятельности людей. Поэтому данный раздел социологии должен быть прикладным по своему характеру. Он связан с ролью социологии в осуществлении рациональных социальных реформ, в борьбе с социальными болезнями. Практическая социология должна, опираясь на (законы, сформулированные теоретической социологией, дать человечеству возможность управлять социальными силами, утилизировать их сообразно поставленным целям. Сорокин говорил, что практическая социология должна быть реализацией афоризма О. Конта: знать — чтобы предвидеть, предвидеть — чтобы мочь.

Поставив в центр социологии взаимодействие людей, ученый рассматривает его как на уровне их психического переживания, так и внешних актов поведения. Согласно Сорокину, «...когда изменение психических переживаний или внешних актов одного индивида вызывается переживаниями и внешними актами другого (других), когда между теми и другими существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют» [Там же. С. 43—44].

Рассматривая социологию как науку, он предлагает исходить из следующих принципов. Во-первых, она должна строиться и развиваться по типу естественных наук. Во-вторых, должна изучать только те явления, которые поддаются наблюдению, проверке и измерению. В-третьих, она должна опираться только на факты и в этом смысле отказаться от всякого философствования. В-четвертых, идею монизма следует заменить и признать необходимость плюрализма в социологии. В-пятых, социология должна отказаться от какого-либо нормативизма в социальном познании. Нетрудно обнаружить, что все эти принципы были направлены против неокантианства в социологии и знаменовали собой утверждение основных идей неопозитивизма.

Столь же значимой в теоретическом плане, что и вопрос о принципах, была проблема метода социологии. Ее толкование также оказалось направленным против неокантианства. Сорокин выступал против сведения социологии к науке о должном, нормативном, поскольку, если принять такую позицию, основными аргументами в этой сфере знаний окажутся те, что связаны с верой, а не с фактическими доказательствами.

Субъективный метод в социологии, по мнению Сорокина, является лишь вспомогательным. Основным же должен быть объективный метод, связанный с выявлением объективно данных фактов и функциональных связей между ними. Рассматривая соотношение объективизма и субъективизма в социологии, он делает следующий вывод: «...исходным и основным методом изучения явлений взаимодействия людей может и должен быть метод объективный, изучающий внешне-данные факты функцио-

нальпои зависимости поведения одних людей от еущегпкжания и поведения других» [Сорокин. 1991. Ч. 1. С. 67).

Исследуя в разделе «Социальная аналитика» взаимодействие, социолог подчеркивал наличие трех его элементов: индивидов, актов (действий), проводников. Говоря о первых, он выявлял наличие у них физиологических и морфологических предпосылок для приспособления к среде. Источником социального поведения индивидов он считал потребности, которые довольно детально рассматривал, выделяя среди них: удовлетворение голода, жажды, половых, физиологические, потребности индивидуальной и групповой самозащиты, движения, дыхания, сна, потребности и волевой деятельности, интеллектуальной деятельности, общения с себе подобными, чувственно-эмоциональных переживаний (всего 10 групп потребностей).

Второй из названных выше элементов — акты (действия). Они, с одной стороны, выступают в качестве внутренней реализации собственной психической жизни, с другой — это стимул, раздражитель, вызывающий ту или иную реакцию у других лиц. Следовательно, акты являются выражением внутренних переживаний одних индивидов и одновременно стимулом для переживаний и актов других. Сорокин рассматривает жизнь людей как сплошной поток акций и реакций на них.

Проводники (третий элемент) — это средства, обеспечивающие передачу раздражений от одного индивида к другому. Сорокин выделял звуковые, световые, механические, химические, электрические, вещественно-предметные и другие проводники. Существуют цепи проводников, контактными звеньями которых выступают люди. Проводники — это, по сути, материальная культура взаимодействий.

Благодаря проводникам люди могут взаимодействовать и через пространство, и через время. Сорокин приводит пример использования такого проводника. Он пишет, что получил письмо от друга, живущего в Америке. Само письмо, выступившее в виде раздражителя, привело к необходимости выполнить ряд актов: написать ответ, пойти в магазин и купить для друга нужную книгу, затем побывать на почте, чтобы ее отправить. Кроме того, полученное письмо очень обрадовало Сорокина. Таким образом, друг из Америки своим письмом обусловил определенные переживания и поступки, что составило явление взаимодействия.

Структура общества и населения

Одной из важных социологических проблем, рассматриваемых исследователем в «Социальной аналитике», является структура общества, говоря его терминами, «населения». Он сравнивал общество с куском слюды, который расслаивается на отдельные слои. Так же как в слюде слои часто непрочно соединены друг с другом, в обществе может быть много групп и структур, не связанных между собой, в отличие от конкретного слоя, где существует взаимное тяготение индивидов. Отсюда Сорокин делает вы-

под, что единого общества быть не может, а есть совокупность конкретных обществ, проживающих на одной территории.

Весьма значимые для социологии проблемы поставлены в «Социальной механике». Среди них доминирующее место занимает анализ социального поведения индивидов в условиях социальных перегруппировок населения (потом Сорокин введет для обозначения этого процесса термин «социальная мобильность»). Социолог говорит о трех типах перегруппировок. Он пишет (| перемещениях индивидов из одних групп в другие, о появлении одних — ишогенных (однородных) групп и исчезновении других, об исчезновении целого агрегата и замене его новой группировкой. Это существо, это раннее изложение концепции социальной мобильности, окончательно сформулированной им в 1927 г. в книге «Социальная мобильность». Социолог приходит к важному выводу, что никакого социального равенства достичь не удастся в исторически обозримом будущем, поскольку его обеспечение требует уничтожения всех видов социального расслоения, а это невозможно.

Рассуждения социолога о социальных перегруппировках базируются на его различных классификациях строения (структуры) населения. Один из вариантов выглядит так. Существуют: а) элементарное, или простое, коллективное единство (элементарная социальная группа); б) кумулятивное коллективное единство (кумулятивная социальная группа); в) сложный социальный агрегат (население в целом). В одном случае группа образуется на основе одного признака (профессионального, религиозного, полового, возрастного, партийного и др.). В другом — возникают более сложные образования на основе двух и более признаков (класс, сословие, нация и т.д.).

Еще одна классификация, предложенная социологом, включает выделение закрытых, открытых и промежуточных групп. Сорокин называет «закрытыми» группы, членство в которых от человека не зависит, поскольку он рождается и живет с соответствующими признаками (раса, пол, возраст). Далее он выделяет открытые группы, членство в которых определяется волей и желанием человека (партия, ассоциация и др.). Наконец, могут иметь место промежуточные группы, в которых сочетаются свойства закрытых и открытых групп (класс, сословие, вторая семья).

В связи с анализом проблемы типологии социальных групп вызывает интерес трактовка Сорокиным национальности и нации. Он считает, что ее неправомерно рассматривать как элементарную группу, поскольку она характеризуется несколькими признаками сразу. Чаще всего имеется в виду кумуляция трех признаков: языка, территории, государственности. Иногда к ним социолог добавляет религию. Исходя из этого, он считает, что национальности как единого социального элемента нет, стало быть, нет и особого национального вопроса. Реальной же проблемой, на его мнению, является социальное неравенство.

Немаловажное значение для социологии представляет предложенная Сорокиным социально-групповая структура населения «культурно разви-

тых» стран, включающая в себя 13 видов: расовую, половую, возрастную, семейную, государственную, языковую, профессиональную, имущественную, правовую, территориальную, религиозную, партийную, идеологическую. Этот подход Сорокина к социальному структурированию общества лег затем в основу его концепции социальной стратификации и был широко и позитивно воспринят во всем мировом сообществе социологов. Кетти, следует специально отметить, что термины «социальная стратификация» и «социальная мобильность» предложил для использования социологии и ввел в широкий научный оборот именно российский ученый

Проблемы социального поведения

Предпосылки теории социального поведения были сформулированы Сорокиным еще в книге «Преступление и кара, подвиг и награда». Они связаны с проблемами социальной мотивации. Было доказано, что кары и награды (а они рассматриваются как санкции) становятся решающим фактором поведения людей и его трансформации. Одна и та же кара или награда тем сильнее влияет на человека, чем ближе момент ее осуществления, чем больше человек нуждается в награде и страдает от отсутствия у него карой. В упомянутой книге Сорокин рассматривает большое количество явлений, которые регулируются в обществе с помощью кар и наград. Эти явления систематизируются социологом в виде трех типов действий: дозволенных, запрещенных, рекомендуемых.

Дозволенные (дозволенно-должные) действия — это поступки, связанные с осуществлением прав и обязанностей, соответствующие, таким образом, представлениям о должном. Запрещенные (недозволенные) действия — это поступки, противоречащие представлениям о должном поведении. Рекомендуемые действия — это поступки, не только не противоречащие представлениям о должном, но и превышающие необходимый минимум «доброго» поведения. Кроме того, эти действия всегда желательны и по своей природе добровольны.

Трем названным типам действий соответствуют три формы реакции на них. Дозволенные действия воспринимаются как соответствующие норме; отсюда — должная реакция на них. Запрещенные действия (преступления) воспринимаются с чувством вражды, ненависти, желания наказать, отомстить, отсюда в качестве реакции выступает наказание, кара. Рекомендуемые действия (подвиг) воспринимаются с благодарностью, отсюда реакцией выступает награда. Больше всего внимания в книге уделено двум последним действиям и реакциям на них, поскольку именно они определяют динамику социального поведения с учетом принятых в обществе социальных норм.

В российский период творчества Сорокиным разрабатывались проблемы социальной генетики, причем под сильным влиянием идей М.М. Ковалевского и Л.И. Петражицкого. Одна из центральных проблем этого раздела системы социологии — проблема прогресса. Общую тенденцию прогрессивной эво-

Впервые социолог видит в понижении стимулирующей роли внешних санкций и усилении влияния внутреннего регулирования поведения личности на основе осознания своего долга. Прогрессивным ученый считает общество, в котором возрастает роль знания, усиливается личная ответственность, повышается заинтересованность человека в общем деле, смягчаются внешние санкции и растет социальная солидарность. Идеалом является создание общества, в котором не будет преступлений, кар и наград.

Вначале Сорокин верил в возможность быстрого достижения успеха на новом поле деятельности. Молодой социолог полон оптимизма, навеянного Февральской революцией 1917 г., отменившей все сословные, национальные и вероисповедные ограничения, свергнувшей царизм, провозгласившей свободу слова и печати. Ему казалось, что до решения проблемы социального равенства «рукой подать». Основой его он считал равенство людей и грядущее, базирующееся на свободном выборе формы деятельности в этой сфере каждым человеком. Большое внимание он уделял проблемам новой педагогики, которая сумеет, по его мнению, правильно поставить дело обучения и воспитания, благодаря чему будет достигнуто интеллектуальное равенство людей. В этой связи он утверждал, что идеальной является та система воспитания, при которой нет кар и наград.

Однако такой оптимизм, связанный с реальной возможностью утверждения подобного общества, постепенно покидает ученого. Довольно скоро он начинает понимать, что в основе ожидаемого общества должно лежать социальное равенство, однако в обозримом будущем о нем не может быть и речи при наличии многих линий социального расслоения и неравенства между группами. Само социальное равенство Сорокин трактует уже по-другому — как пропорциональность социальных благ в соответствии с заслугами людей. От достижения такого состояния современное ему общество, по его мнению, находится весьма далеко.

Российский социолог рассматривает социальную эволюцию как процесс замирения, в котором главное место занимает нормативное регулирование. Любое общество, любая социальная группа выступают как «замыренная среда», которая характеризуется наличием определенной организации, норм и шаблонов поведения. Конечно, в группе, как и в обществе в целом, всегда имеются отклонения, инакомыслящие и инакодействующие люди, но чаще всего их подчиняют интересам группы (общества) посредством принуждения, в том числе и с помощью методов насилия.

Сорокина никогда не оставляла равнодушным проблематика этического характера, касавшаяся человеческих страданий (особенно от голода и войны), проявления альтруизма, будущего устройства государства и общества. Его волновали проблемы контраста между бедностью и богатством и пути его преодоления. В основе такого интереса лежал вопрос о возможностях социологии, о том, что она может и должна сделать для совершенствования человеческих отношений.

Значение российского периода творчества ПА Сорокина

Значение российского периода творчества Павла Сорокина трудно переоценить. Это был пик классического отечественной социологии. Идеи, сформулированные им и развитые в работах 1910-х — начала 1920-х гг., оказали значительное влияние не только на российскую, но и на мировую социологию всего XX в. Не случайно, переехав в США осенью 1923 Сорокин за короткое время — в течение 7—10 лет — сумел выдвинуться в ряд наиболее известных и влиятельных американских социологов. Именно он получил приглашение создать социологический факультет одного из самых престижных университетов в США — Гарвардского — и стал его первым деканом. В США он стремился развить основные теоретические положения своей социологии, корни которой восходят к российскому периоду творчества. Так, в Гарварде Сорокин основал исследовательский центр по изучению творческого альтруизма с целью разработки практических методик установления в отношениях между людьми добра, справедливости, действенной любви.

Он много сделал для становления социологического образования России. Он не только возглавил отделение социологии в Петроградском университете, но и создал целый ряд учебных программ для изучения его любимой науки в учебных заведениях различного уровня. Для достижения этой же цели и популяризации социологии он написал первый в России «Общедоступный учебник социологии».

В феврале 1922 г., выступая на торжественном собрании в честь 103-й годовщины Петербургского университета, Сорокин советовал студенческой молодежи не только обрести «новую веру», но и «взять с собой в дорогу» знание, чистую науку, совесть, моральные богатства, любовь и волю к производительному труду — тяжелому, упорному, умственному и физическому. Только знание и труд, взятые вместе, говорил он молодежи, помогут достойно пройти бесконечно сложный жизненный путь. Ценности, названные в этом выступлении и предложенные социологом молодым людям в качестве их основного путеводителя, были для него самого главными в его долгом и чрезвычайно плодотворном путешествии по жизни.

В предисловии к книге Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» его любимый педагог М.М. Ковалевский предсказал молодому ученому большое научное будущее и высказал уверенность в том, что еще не один том его трудов пополнит российскую социологическую библиотеку. Пророчество одного из крупнейших отечественных социологов второй половины XIX — начала XX в. полностью сбылось.

Вопросы и задания

1. Когда появилось неопозитивистское направление в российской социологии? Назовите его представителей.
2. Охарактеризуйте основные особенности неопозитивизма в российской социологии. В чем состояла его методологическая программа?
3. Что являлось предметом социологии в творчестве А.С. Зволицкой? Раскройте существо центрального понятия ее социологии — эктивипии (ожидания).
4. В чем видел задачи социологической науки К.М. Тахтарев? Каковы, в его интерпретации, фундаментальные особенности общественной жизни и почему именно их он выделял?
5. В какой атмосфере происходило формирование духовного мира П.А. Сорокина? Какие люди и события определили его становление как ученого?
6. В чем видел Сорокин предмет и метод социологии? Почему явления социального взаимодействия привлекли его внимание в первую очередь?
7. Из каких методологических принципов исходил Сорокин, рассматривая социологию как науку?
8. Расскажи о своем отношении к социологии и в ее интерпретации Сорокиным. Что он понимал под социальной аналитикой, социальной механикой и социальной генетикой?
9. Какое значение для последующего развития социологии имели подходы Сорокина к характеристике структуры общества и группировкам населения?
10. Какие проблемы социального поведения ставил Сорокин, начиная с книги «Преступление и кара, подвиг и награда»?
11. В чем видел П.А. Сорокин тенденции социальной эволюции? Какое значение он придавал в этом процессе этическим проблемам?
12. Какие принципы позитивизма воспринял Сорокин? В чем проявилось влияние психологизма на его взгляды?
13. Охарактеризуйте значение российского периода творчества П.А. Сорокина для развития как отечественной, так и мировой социологии.

Литература

- Голосенка ИЛ.* Системный анализ в творчестве П. Сорокина // Социально-политический журнал. 1996. № 1, 2.
- Голосенка ИЛ., Зверев В.М.* Социолог Агнеса Зволицкая: работы и судьба // Социол. исслед. 1991. №2.
- История социологии: В 4 т. М., 1997. Т. 1.
- Кукушкина ЕМ.* Русская социология XIX— начала XX века. М., 1993.
- Медушевский А.Н.* История русской социологии. М., 1993. Гл. 9.
- Миненков ГЛ.* Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.
- Новикова С.С.* История развития социологии в России. М.; Воронеж, 1996.
- Сорокин П.А.* Система социологии: В 2 т. М., 1993.
- Сорокин П.Л.* Система социологии: В 2 т. Сыктывкар, 1991. Т. 1. Ч. 1, 2.
- Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992.
- Сорокин П.Л.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Сорокин П.А. Общедоступный учебник по социологии: Статьи разных лет. М., 1994.

Сорокин ПЛ. Границы и предмет социологии // Социология в России XIX— начала XXвеков: Тексты. М., 1997. Вып. 1.

Тахтарев КМ Краткая история социологии и ее основные направления. Основнь
идеи социолоюв // Там же.

Тахтарев КМ. Изучение общественной жизни. Основные вопросы и .гадачи социоло
гии. Ее научное построение и направление. Меюды социологии. Законы стагипи
ческие и статис пико-социоло! ические. Ста иистика и социология. Соотносит ельш] ии
аатистико-социологичсский метод и построение социологии как точной науки об
общественной жизни // Там же.

**ЧАСТЬ II СОВРЕМЕННЫЙ
ЭТАП**

Глава 19

Социология XXв.: общая характеристика, предмет,

§ 1. Общая характеристика социологии XXв. Понятие

современного этапа социологии

Начиная разговор о социологии XXв. как о современной дисциплине, необходимо в первую очередь разобраться с понятием современности в науке. В разных науках его содержание неодинаково. Например, для многих разделов физики их современное состояние определяется ситуацией последних лет, от силы — десятилетия. Это же касается ряда отраслей биологической науки. Другое дело — социальные и гуманитарные науки, где понятием современности охватываются периоды, значительно более длительные, чем годы, десятилетие или даже несколько десятков лет.

Рассмотрим с этой точки зрения понятие современности в науке применительно к социологии. Известный английский социолог Э. Гиддес считает, что социология — это наука о современном этапе развития общества, который охватывает последние 200 лет, т.е. период капитализма. Отсюда понятен интерес Гидденса как социолога к изучению не только настоящего, но и прошлого общества. Как отмечает английский ученый, «прошлое - это зеркало, которое социолог должен поставить перед собой, чтобы понять настоящее»¹.

В социологии и есть и иное отношение к понятию современности, сторонники которого сводят ее к последним десятилетиям или даже к менее продолжительным периодам времени — при условии, что они охватывают глубокие изменения в обществе. Сегодня многие отечественные исследователи считают современным этапом социологии развитие этой науки с конца 80-х — начала 90-х гг. по настоящее время. Речь идет в данном случае об изучении того периода, который был связан в России с переходом от советского к постсоветскому обществу, а в мире — с ликвидацией мировой социалистической системы, крушением режимов с диктатурой коммунистических партий.

Но, помимо изменений в обществе, которые должна изучать социология, есть процессы, происходящие не только и не столько в самой социальной реальности, сколько в науке, ее изучающей. С такой точки зрения

¹ Giddens A. Sociology. Cambridge, 1989. P. 21.

понятие современного этапа социологии будет иным, поскольку должн учитывать радикальные преобразования, их ^{жм<} глубину в самой науке.

Временные границы современного этапа социологии и их основания

Общая характеристика современного этапа социологии ^{яши ж} напрямую св. па с определением его временных границ, особенно нижней. В отношении верхней границы этапа существует достаточная ясность, и здесь спором среди специалистов не возникает. Все сходятся на том, что эта граница.1 проходит по «сегодняшнему дню» социологической пауки. Более слож ным оказывается вопрос о нижней границе этапа.

В настоящее время в отечественной историко-социологической литс ратуре есть две основные позиции, в рамках которых определяется ниж няя граница современного этапа социологии. Одна точка зрения своди іся к тому, что его история ведет начало со времени завершения Втором мировой войны, а сам этап включает в себя два периода: послевоенным (до конца 1960-х гг.) и новейший (с конца 1960-х гг. до наших дней). Э^гм точка зрения принадлежит В.П. Култыгину [Култыгин. 2000. С. 18—221

Автор обосновывает свою позицию тем, что война способствовала ко репному изменению взглядов на общество, массовые социальные процессы и возможности управлять ими. Хронологические рамки первого период;! (от войны до конца 1960-х гг.) обусловлены также и самим развитием соци ологической науки, в первую очередь появлением теории среднего уровня (принадлежит американскому ученому Р. Мертону), которая привела к скачку в развитии социологии, проявившемуся (под влиянием этой теории) в возникновении ряда ее отраслей. В институциональном плане социология также совершила скачок, выйдя за пределы университетов, на уровень отраслевых исследовательских центров. Что касается перехода к новому периоду (с конца 1960-х гг.), то он, по мнению Култыгина, в социальном плане связан с молодежными и студенческими выступлениями протеста; в плане же внутреннего развития самой социологии речь должна идти о возникновении методологического плюрализма.

Наряду с изложенной точкой зрения есть и иной подход, согласно которому современный этап развития социологии начинается в 1920-х гг.¹ Именно в это время, по мнению В.И. Добренькова, А.И. Кравченко, Э.А. Капитонова, общество вступает в эпоху развитого индустриализма (она продолжается и сейчас), а центр мировой социологической мысли перемещается из Западной Европы в США.

Кроме того, выражение «современная социология» означает, что начиная с 1920-х гг. теоретические и методические достижения социологии не утрачивают своей актуальности в процессе ее дальнейшего развития вплоть до сегодняшнего дня. В названных работах утверждается, что с

¹Капитонов Э.А. Социология XXвека. История и технолоша. Ростов н/Д., 1996 С. 5; Добренькое В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. М, 2000. Т. 1. С. 338.

1920-х гг. начинается «один из периодов интенсивного развития современной социологии. В частности, разработанность методов и техники, измерительных процедур и числовых эквивалентов в эмпирической социологии и сегодня, в принципе, предопределяет исследовательскую практику, уровень профессиональных норм»¹.

Мы также придерживаемся этой точки зрения в ее, так сказать, «хронологическом выражении», однако наша аргументация имеет несколько иной, дополнительный к высказанным суждениям, характер. Рубеж 1910— 1920-х гг. оказался крайне важным в плане глубоких общественных (социальных, политических, экономических) трансформаций, требовавших своего социологического анализа и изучения. Завершение Первой мировой войны поставило задачу осмысления ее последствий как для общества в целом, так и для отдельных стран. Не менее весомым основанием для переосмысления социальных процессов и в целом хода общественно-исторического развития явились демократические и социалистические революции в Европе — сначала в России (Февральская и Октябрьская), затем — в Германии и Венгрии и возникновение Советского государства.

К глубоким общественно-политическим потрясениям следует добавить важные экономические перемены, связанные с наметившимся переходом экономики развитых стран на новые технологии, направленные на внедрение поточного, конвейерного производства и значительный рост производительности труда (что проявилось в первую очередь в промышленности США). Наконец, существенным фактором, повлиявшим на глубокие, качественные, радикальные перемены в социологии, означавшие новый этап ее развития, оказалось постепенное превращение США в наиболее развитую страну мира.

Названные процессы составили существо социальных, политических, экономических предпосылок, обусловивших переход к современному этапу социологии. Однако для этого перехода нужны были и иные факторы непосредственно социологического характера. Речь идет о появлении и утверждении в ведущей роли эмпирической социологии, в корне изменившей ситуацию в самой науке, ее характер, функции, направленность, перспективы и возможности. Эмпирическая социология означала новое отношение к предмету и методу научного исследования. В качестве первого стала выступать не вообще социальная реальность (общество в целом), а ее конкретные проблемы, конкретные социальные факты, имеющие значение как для общества в целом, так и для его отдельных подсистем и структур (например, поведение отдельных групп людей в тех или иных ситуациях, либо отношение этих людей к ним). Что касается второго, то речь шла об использовании для таких исследований специальных методов: опросов (письменных и устных), позволяющих выявлять субъективные мнения и оценки, социологического наблюдения, эксперимента и т.д.

¹Капитонов Э.А. Там же.

После появления, конституирования, институционализации эмпирической социологии, составившей единство противоположностей с теоретической социологией, большинство революционных изменений в самой социологической науке XX в., по нашему мнению, не происходило. Взаимодействие теоретической и эмпирической социологии, возникшее в 1920-х гг. и приобретавшее в разные периоды столетия самые различные формы (соотношения макро- и микросоциологии, фундаментальной и прикладной социологии, академической и производственной социологии, теории и практики социологической работы т.д.), определяет существо всего современного этапа социологии и дает основания относить к нему процессы, происходящие в этой науке за последние 80 лет.

Особенности современного этапа социологии

Теперь обратимся к выявлению некоторых особенностей современной) этапа социологии. Поскольку его начало мы связываем с появлением, утверждением и общественным признанием эмпирической социологии, то понятно, что ее становление и развитие является одной из важнейших характеристик современной социологии. Возникнув и оформившись в качестве относительно самостоятельного направления, эмпирическая социология стала постепенно представлять собой не менее, а в ряде случаев даже более важную, чем теоретическая, линию развития социологии.

В течение всего XX в. обе эти линии — эмпирическая и теоретическая — идут вровень, пересекаясь, сближаясь, расходясь, взаимодействуя, стремясь друг к другу, взаимно отторгаясь и т.д. Возникают и реализуются многочисленные попытки соединения теоретической и эмпирической социологии. Одним из таких наиболее удачных (а может быть, и самым удачным) построений следует считать теорию среднего уровня Р. Мертона, на которой мы остановимся подробнее и соответствующей главе, посвященной его творчеству.

Важная особенность современного этапа состоит в том, что в его ходе осуществляется процесс глубокой структурной и содержательной дифференциации социологической науки. Возникают отдельные направления, течения, движения, отрасли социологии. Они позволяют конкретизировать социологическое знание, приблизить его к «потребителям», находящимся в самых различных сферах общественной жизни. Особенно тесно связанной с «дроблением» социологии оказалась ее прогрессирующая отраслевая дифференциация.

Наряду с этой особенностью проявляет себя и другая, противоположная ей и состоящая в стремлении к интеграции социологического знания. Интеграция оказывается весьма широкой и касается не только отдельных теорий, направлений, парадигм в самой социологии, но и выходит за ее пределы, приближая эту науку как к социальным и гуманитарным (философия, история, экономика, право, психология, педагогика и др.), так и к

• псствшю-паучным (математика, информатика, биология и др.) дисциплинам. Не случайно ряд отраслей социологии возникает па стыке именно с другими науками (экономическая социология, социология пра-11,1, историческая социология, социобиология и т.д.).

Становится более понятной и социальная, и личностная полезность и ценность социологии. Ее представители в течение всего XXв. получают позитивные результаты в своих исследованиях, которые используются в различных областях и теории, и практической жизнедеятельности. Это позволяет говорить о такой особенности современного этапа социологии, как постоянное и небезуспешное стремление данной науки занять центральное место в системе социогуманитарного знания.

Такое стремление обусловлено тем, что социология па современном пайс се развития выступает не только как наука, стало быть, как определенная система знаний, по и в качестве определенного способа мышления, изучения людей и общества, видения мира в целом и его отдельных систем и подсистем в частности. Она позволяет анализировать общество и конкретные социальные процессы под самыми различными углами зрения, используя многочисленные срезы связей и отношений между людьми. Как пишет Э. Гидденс, «границы социологии предельно широки, простираясь от анализа столкновений между передвигающимися по улице людьми до исследования глобальных социальных процессов»¹. Эта особенность П) социологического знания и даст ему основание занять одно из ведущих мест среди многочисленных видов знания, в том числе и тех, что продуцируются социальными и гуманитарными науками.

Возможности утилизации социологического знания, применения методов исследования конкретных проблем в сферах экономики, производства, бизнеса, политики, средств массовой информации, образования и т.д. превращают деятельность социолога в одно из наиболее престижных профессиональных занятий. Но данным американских исследований, при шкале оценок профессионального престижа той или иной деятельности от 100 (максимум) до 1 балла социология оказалась во втором десятке перечня профессий (всего их было 90), набрав 66 баллов². Для сравнения скажем, что выше профессии социолога по престижу оказались профессии физика (82 балла), судьи (76), адвоката (76), врача (74), банкира (72), летчика (70), министра (69), инженера (68), ниже — математика, школьного учителя, репортера, менеджера в офисе, музы кап га, офицера полиции и т.д. Тенденция роста профессионального престижа социологической деятельности — как научной, так и практической — достаточно характерна для всего се современного этапа.

В рамках этого этапа социология развивается, с одной стороны, как абстрактная наука, делая акцент на развитии категорий, понятий, теорий, гипотез; с другой — она все теснее сближается с практикой, обслуживая и

¹ *Guldens A. Sociology. Cambridge, 1989 P. 8.*

² *См.: Hess B., Markson E., Stem P. Sociology. N.Y., 1991. P179.*

удовлетворяя потребности самых различных общественных структур. В этом смысле особенностью современного этапа является развитие как фундаментальной, так и прикладной социологии. Если социология решает собственно научные задачи, связанные с развитием теории, то речь идет о ее фундаментальном уровне; если же выполняются практически задачи, связанные с получением конкретных рекомендаций, тогда мы имеем дело с прикладным уровнем науки.

В XXв. происходит окончательная институционализация социологии, т.е. она превращается в социальный институт как сформировавшаяся наука. Социология получает полное и окончательное признание в обществе и признается всеми институтами, организациями и иными структурами как ее важный и неотъемлемый компонент. Это значит, что: в обществе безоговорочно утверждается профессия социолога; определяются самые различные сферы его деятельности; развивается социологическое образование — как профессиональное, так и непрофессиональное (существующее как элемент всех основных видов общего и профессионального образования); получает распространение академическая социология (как в высших учебных заведениях, так и в специализированных научных учреждениях); крупные ученые-социологи привлекаются для разработки и экспертизы документов, имеющих важнейшее общественно-политическое и народнохозяйственное значение.

Говоря о характеристиках социологии XXв. как современной социологии, нельзя не отметить ее развитие в рамках плюралистической науки. Это означает, что в социологии существует много линий, направлений, школ, теорий и т.д., находящихся в самых разных отношениях между собой. Более того, методологический плюрализм в социологии проявляется в том, что она развивается как мультипарадигмальная наука. Наличие в ней целого ряда парадигм свидетельствует о возможности изучения социального мира и мира человека с самых разных позиций, подходов и точек зрения. В то же время вряд ли целесообразно определять эти парадигмы и их смену как революции в социологии. Между тем именно такую позицию занимают некоторые авторы, когда говорят о «революции парадигмально-го порядка»¹. Появление нетрадиционных точек зрения на социальные и межличностные процессы, применение новых методов и «инструментов» их научного исследования, скорее всего, следует относить к расширению возможностей социологии, а не к «революциям» в ней.

§ 2. Предмет социологии XXв.

Предметное поле социологии

Рассматривая социологию XXв. как современный этап развития данной науки, мы обнаруживаем его единство и целостность с помощью выявления |

¹ См., напр.: История социологии. Минск, 1993. С. 163.

ния определенного круга основных проблем, характерных для всего этого этапа. Речь идет о тех проблемах, которые волновали социологов на протяжении всего века и продолжают волновать сейчас. Социолог — в определенном смысле путешественник и в то же время — экскурсовод для тех, кто хотел бы глубже познакомиться с жизнью общества, заглянуть в его самые разные и зачастую скрытые от поверхностного наблюдения «места» и «уголки». Такое путешествие социолога и тех, кого он ведет за собой, да-ог возможность не только увидеть и описать эти «места» и «уголки», но и подумать, поразмышлять над жизнью людей, больших и малых групп, в которые они постоянно объединяются для осуществления своих целей и интересов. Это путешествие позволяет обнаружить, что социальный организм и его структуры зачастую суть не то, чем они кажутся на первый изгляд, и на самом деле социальная реальность состоит из множества самых разных пластов, открытие каждого из которых меняет представление о ней в целом как о сфере взаимодействия общества и человека.

Поэтому участника путешествия по социальной реальности всегда волновал и продолжает волновать и сейчас один из самых главных вопросов: каковы отношения между обществом и действующими в нем индивидами? Другие важные вопросы, над которыми предлагается задуматься участнику путешествия по социальной реальности: как стал возможным тот мир, в котором индивид живет? как оказалось, что человеческая деятельность на основе знаний сама производит этот мир, а субъективные представления превращаются в объективную действительность?

Эти и многие иные вопросы свидетельствуют о том, что социологию

XX в. постоянно интересуют оба основных субъекта социального существования: как общество, так и личность. Однако в сфере интересов социологии есть еще и другие социальные субъекты, ведь общество и личность соединяются и разъединяются посредством социальных общностей, социальных групп, социальных институтов и организаций, вне которых они не только не могут существовать, но и быть понятыми и изученными. Поэтому эти субъекты социальной жизни, которые на первый взгляд являются промежуточными между обществом и личностью, а на самом деле занимают центральное место, становятся предметом самого пристального интереса социологии XXв.

Кроме исследования названных социальных субъектов, их отношений, действий и взаимодействий, есть еще целый ряд аспектов, привлекавших внимание социологов на протяжении всего XX столетия. Это нормы и ценности, лежащие в основе действий и взаимодействий социальных субъектов, потребности и интересы, ориентации и установки, мотивы и стимулы их деятельности и поведения. Наконец, социологию XXи начала

XXI в. постоянно волновали и продолжают волновать особенности социальных процессов, социальных систем и структур, тенденции их

функци
онирования и изменения.

Все отмеченные выше исследовательские интересы относятся к кругу центральных для современного этапа социологии вопросов, которые в силу их особой значимости для этой науки составляют ее предметное поле. От того, как оно содержательно будет определено, что будет несено к приоритетным задачам социологического изучения, зависящая научная и практическая ориентация социологии в целом.

Возникает, таким образом, центральная проблема современного этапа социологии — определение предмета рассматриваемой науки. Не следует удивляться тому обстоятельству, что, несмотря на более чем столетнее существование, социологию по-прежнему волнует вопрос о ее предмете. Во-первых, это не такой уж большой срок. Во-вторых, к моменту и петит социализации социологии все «пространство» общественной и личной жизни как объекта научного исследования было уже «поделено» между отраслями знания, возникшими раньше социологии. Поэтому ей приходило особенно трудно в поисках собственной самостоятельной ниши. В-третьих и это, пожалуй, самое важное, предмет социологии как науки об обществе (в ее буквальном толковании) не может характеризоваться как исторически сложившееся и развивающееся. Трактовки предмета социологии обобщаются и в ходе смены парадигм, и в результате изменения проблемно-направленности этой науки и появления у нее новых методов исследований.

Отсюда — большое количество самых разных определений предмета социологии. Вероятно, к этому нужно относиться спокойно, как к явлению, вполне естественному для современного этапа развития социологии. Не случайно Р. Мертон еще 20 лет назад шутил, говоря, что определению предмета социологии в США ровно столько, сколько членом состоит научное общество в Американской социологической ассоциации.

Подходы к трактовке предмета социологии

В социологии XX в. в связи с трактовкой ее предмета имеет смысл рассмотреть две основные парадигмы — макросоциологическую и микросоциологическую. Их взаимосвязь сложна и противоречива. По сути представляют собой реальность бытия мировой социологии. Макросоциология связана с изучением общественных мировых систем и их взаимодействия, с анализом глобальных процессов, различных типов культур, социальных структур, институтов и организаций. Другими словами, макросоциология интересуется обществом как целостным социальным организмом, она базируется на понимании функциональных социальных связей между его отдельными сторонами. Конкретным примером осмысления предмета социологии в рамках макросоциологической парадигмы являются концепции структурно-функционального понимания общественной системы, принадлежащие Т. Парсонсу и Р. Мертону. У Парсонса общество и его подсистемы (объект социологии) рассматривались с точки зрения выполнения ими определенного набора функций, предмет же социологии выступал как исследование

структур и механизмов, которые обеспечивали бы устойчивость социальной системы.

Что касается микросоциологической парадигмы, то в ее границах предмет социологии сводится к изучению межличностных отношений, внутренних аспектов поведения людей и социальных групп, их взаимодействия, а также конкретных и локальных проблем и процессов. Общество как целостный социальный организм исчезает, растворяется в гигантском количестве дробных явлений, каждое из которых по-своему важно, требует изучения, имеет практическое значение, но вытесняет из социологического сознания системность и целостность этого организма.

Значит, по существу, мы имеем дело не крайней мере с двумя понятиями предмета социологии, выступающими как макротеория (теория структуры) и микротеория (теория действия). Развитие мировой социологии в XXв. вначале шло по нуги «разворачивания» каждой парадигмы, а затем — поиска возможностей их соединения в рамках единого предмета. Стремление к их интеграции, проявляющееся в наиболее яркой форме как поиск путей соединения «структуры» и «действия», стало особенно заметным в последние два десятилетия.

В этом плане нельзя не сказать о попытках определить предмет социологии, соединив при этом макро- и микросоциологические подходы. Давая широкую трактовку предмета социологии как науки об обществе в целом, социальных структурах и отношениях, некоторые авторы стремятся интегрировать в системное понимание современного общества изучение человеческого поведения на самых различных его уровнях. Такие попытки стали характерными для социологической пауки, начиная со второй половины 80-х гг.

Наиболее типичными в этом отношении представляются определения предмета социологии Н. Смелзера и Э. Гидденса. Первый рассматривает социологию как «научное исследование общества и социальных отношений, которое опирается на данные или факты из реального мира и стремится следовать им, используя научные объяснения»¹, второй — как «учение о человеческой социальной жизни, группах и обществах»².

Обращает на себя внимание стремление не только зарубежных, но и отечественных авторов органично соединить макро- и микросоциологические подходы к определению предметного поля социологии, сделать акцент на изучении структур, процессов и механизмов их действия³.

Предложим наше видение предмета социологии и обозначим подходы к нему, характеризуемые в этом же ключе. Первый из них состоит в том, что

¹ Smelser N. *Sociology* Ncwjersy, 1988 P. 16.

² Guldens A *Sociology*. Cambridge, 1989. P. 7.

** См., напр., Фролов С.С. *Социология* М., 1994. С. 15; Комаров М.С. *Введение в социологию*. М., 1994. С. 13; Добренъкое В.И., Кравченко АМ. *Социология* В 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 73-74.

предметное поле социологии должно быть достаточно широким и включать в себя «ядро» — сущность предмета социологии и «периферию» — совокупность наиболее значимых структур, связей и отношений, изучаемых данной наукой. Само предметное поле социологии представляет собой постепенный переход от его «периферии» — макросферы к «ядру» — микросфере (поскольку обе сферы представляют собой два основных срез общества), и главное здесь — соблюдение принципа их когерентности, согласования.

Второй подход к определению предмета социологии состоит в характеристике этой науки как дисциплины, изучающей общественные системы в их функционировании и развитии. Речь идет о системном видении общества и его самых различных сфер и структур как в устойчивом, стабильном, так и в динамичном, меняющемся положении. Это, в свою очередь, связано с необходимостью выявления элементов, выполняющих функции «узлов», т.е. скрепляющих связи, отношения, процессы, структуры, взаимодействия. Когда эти «узлы» реализуют свои скрепляющие функции, тогда общества и их системы функционируют и развиваются как органические целостности через их воспроизводство и развитие, а социология может обнаружить и раскрыть тенденции этих процессов.

Третий подход заключается в фиксации направленности социологического анализа: начинать с общества и восходить к индивиду. Именно так, а не наоборот, как утверждают некоторые авторы, логика рассуждения которых иная: раз в центре внимания социологии находится проблема человека, значит, идти в анализе нужно от него к обществу. Вряд ли с этим можно согласиться. Хотя в принципе в социологическом познании существует ситуация встречного потока (от общества к индивиду, от индивида к обществу), отправным моментом в таком движении является общество. И дело не только в том, что по определению социология — наука прежде всего об обществе, а не о человеке, индивиде. Главное состоит в другом: нельзя понять социальные процессы, связи и отношения, социальные общности, институты и организации, социальную структуру и социальную систему, если идти от индивида.

«Ядро» и «периферия» предмета социологии

С учетом охарактеризованных выше подходов отметим, что для нас «ядром» предметного поля социологии выступает социальная общность¹. Под ней мы понимаем взаимосвязь человеческих индивидов, которая обусловлена общностью их интересов, целей и задач материальной, производственной и иной деятельности, близостью их взглядов, верований, субъективных представлений. К социальным общностям можно отнести все (или большинство) устойчивые формы самоорганизации социального субъекта. Это и семья, и различные социально-профессиональные группы, и этнонациональные и

¹Здесь мы идем вслед за В.А. Ядовым *Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 19—20.*

территориальные общности, и, наконец, человечество в целом. Благодаря выделению социальной общности как «ядра» предмета социологии возникает возможность соединения в анализе личности с обществом. Социальная общность уже фактом своего существования объясняет и устойчивость, стабильность социальных систем, и их динамизм. Эта категория позволяет соединить макро- и микросоциологические подходы к изучению поведения /идей, их взаимодействий, массовых процессов, культуры, социальных институтов, отношений собственности и власти, управления и т.д.

В отличие от «ядра» (изучение социальных общностей), «периферия» предметного поля социологии расширяет его содержание, подчеркивая многоплановость и разнонаправленность предмета науки. «Периферию» составляют несколько предметных зон: социальные действия и взаимодействия, социальные институты и организации, социальная структура, наконец, общество как социальная система¹.

Суммируя сказанное, сформулируем следующее определение предмета социологии: социология — это наука о становлении, динамике и взаимодействиях социальных общностей в рамках социальных институтов, организаций, структур и систем; это наука об осмысленных социальных действиях людей, их массовом поведении и социальных процессах; это наука о взаимодействии между личностью, социальной общностью и обществом; наконец, это наука о современном обществе как целостной системе, тенденциях ее функционирования и изменений.

Для социологии XXв., тесно связанной с трактовкой предмета, характерна проблема поиска разумного соотношения историзма и современности. С одной стороны, социология постоянно стремилась изучать прежде все-10 современное общество, подчеркивать значение актуальных проблем, волнующих его сегодня. С другой — этого нельзя было делать, если не апеллировать к историческому процессу. Кроме того, выводя связь между прошлым и настоящим, социология стремилась дать определенный прогноз развития тех или иных социальных процессов. Социальный прогноз невозможен на базе только настоящего, без учета прошлого. Весь вопрос в том, каким должно быть это прошлое — отдаленным или не очень далеким.

Возникает еще одна значимая для современного этапа социологии проблема — изучение социальных процессов как во времени, так и в пространстве. Существенное значение для социологии всегда имела проблема социального сравнения обществ, социальных групп, слоев, социальных действий и процессов. Проблема сравнения вообще имеет универсальный характер, играя важную роль в жизни каждого человека. Вольно или невольно, задумываясь или нет, мы всегда все сравниваем. От умения сравнивать зависит и мироощущение человека, и его настроение, и состояние духа, и активность, и многое другое. Социолог же должен сравнивать не

¹Подробнее о предметных зонах социологии см.: *Зборовский Т.Е. Общая социология. М., 2004.*

столько от дельных людей, их способы деятельности и образ жизни, сколько социальные общности, социальные действия, социальные структуры, социальные институты, наконец, социальные системы.

§ 3.

XX .

Характеризуя социологию XXв. как современный этап этой пауки, необходимо ясно понимать, что он является достаточно сложным, неоднородным, включающим в себя целый ряд периодов ее развития. Как и в случае с периодизацией классического этапа социологии, будем использовать три взаимосвязанных ее критерия: временной, пространственный, содержательный с учетом персоналистического подхода к каждому направлению, течению, к каждой парадигме.

Выделим следующие¹ периоды в рамках современного этапа социологии: 1920-1930-е гг., 1940-1960-е гг., 1970 - первая половина 1980-х гг., вторая половина 1980-х—1990-е гг. — и дадим их краткую характеристику.

Первый период (1920- 1930-е гг.)

Первый период определяется мощным наступлением эмпиризма и его доминированием в социологической теории и практике. Причины активного распространения эмпиризма в социологии следует искать в развитии как общества, так и самой науки, в выходе ее на новый, более высокий уровень, в приближении к зрелому состоянию. Развивающееся в экономическом и социальном отношениях общество, ориентирующееся на быстрый прогресс, не могло не обратиться к эмпирической социологии, ее лучшим работам, выводам, позволяющим анализировать и решать конкретные проблемы социальной жизни. Именно так и произошло в 1920-х гг., когда при наличии разных подходов и взглядов на эмпирические исследования, их задачи и предмет сами они получили широкое распространение. Работы социологов по конкретным социальным проблемам по-другому осветили открывающиеся перспективы и общества, и социологии как пауки.

Начало первому периоду современного этапа социологии было положено ставшей впоследствии классической и хрестоматийной работой У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». Центр, развития социологии достаточно быстро перемещается из Западной Европы в США, где в этот период господствует Чикагская социологическая школа во главе с Р. Парком и Э. Бёрджессом. Хоторнский эксперимент проведенный под руководством Э. Мэйо и Ф. Ретлисбергера (о котором : специальной главе будет подробно сказано), послужил толчком для активного развития индустриальной социологии, социологии труда и социологии менеджмента. Несмотря на экспансию эмпирических и прикладных исследований во второй половине 1920-х—1930-е гг., в США новоявляются.

глубокие и имеющие существенное значение для дальнейшего развития науки социологические исследования и П. Сорокина и Т. Парсонса.

Что касается социологии Западной Европы 1920—1930-х гг., то в ней преобладали исследования теоретического характера. Во Франции они были связаны с работами представителей школы Э. Дюркгейма, в Германии конца 1920-х - начала 1930-х гг. — с появлением Франкфуртской социологической школы. Большое влияние на развитие социологии этого периода (особенно западноевропейской) оказали идеи психоанализа. Нельзя не назвать такого важного направления западноевропейской социологии этого периода, как социальная антропология, развивавшаяся в первую очередь в Британии в трудах Л. Рэдклифф-Брауна и Б. Малиновского.

Еще одна крайне важная особенность этого периода в развитии социологии состояла в том, что именно в это время произошло зарождение трех ведущих для социологии XXв. парадигм: символического интеракционизма (Дж. Г. Мид), феноменологии (М. Шелер, А. Шюц), структурного функционализма (Иарсонс). Развитие этих парадигм, их широкое использование в социологии вышло далеко за пределы рассматриваемого периода.

Нельзя не отметить и такой существенной черты социологии, как появление и конституирование целого ряда ее отраслей. Выше уже назывались некоторые из них (индустриальная социология, социология труда, социология менеджмента). С деятельностью Чикагской школы было связано возникновение и бурное развитие социологии города. Формируются и получают развитие социологии образования, знания, культуры, медицины, досуга и многие другие.

Весьма значимым периодом 1920—1930-х гг. был не только для американской и западноевропейской, но и для отечественной социологии. Последняя развивалась вначале под знаком противоборства немарксистских и марксистских взглядов, но после 1922 г. (высылки из страны Сорокина среди большой группы российской творческой интеллигенции) победа марксистской линии в социологии была достигнута достаточно быстро. Она была связана с четкой направленностью социологии на «обеспечение» победы социализма. Здесь сыграли значительную роль работы Н.И. Бухарина, в которых социология отождествлялась с историческим материализмом.

Помимо развития теоретической социологии, заметных успехов достигли отдельные отрасли социологического знания, в первую очередь социология труда и социология деревни. Проводились эмпирические исследования большого числа проблем: труда, производства, повседневной деятельности в самых различных сферах жизни и др. Определенные результаты были получены также в области методики, техники и процедуры изучения целого ряда актуальных проблем.

Однако в конце 1920-х — начале 1930-х гг. социологические исследования свертываются. Этому способствовало несколько обстоятельств. Сначала социология была объявлена составной частью диалектического и историчес-

кого материализма, и тем самым сразу был поставлен под сомнение вопрос (ее самостоятельном статусе как науки. Более того, среди идеологов страны возникла «антисоциологическая» линия, отрицавшая вообще право социологии на существование. Этим «аргументом» немедленно воспользовался Сталин, которому социология как наука, раскрывающая противоречия общественных процессов, была не нужна. Тоталитарная система вполне могла обойтись без их изучения. Социология объявляется буржуазной лженаукой, а теоретические и эмпирические исследования подвергаются запрету, равно как и само название науки. На ближайшие 30 лет для отечественной социологии наступают «черные дни» и «темные ночи». Целое поколение людей оказалось лишенным всякого представления о возможностях этой науки.

Второй период (1940-1960-е гг.)

Второй из рассматриваемых периодов современного этапа социологии охватывает, как указывалось выше, 1940—1960-е гг. Активизация эмпирических исследований нанесла определенный урон теоретической социологии. Ведь этот процесс был связан с уходом либо уклонением от ответов на острые вопросы широкого социального звучания. Окончание Второй мировой войны и послевоенное развитие общества таких вопросов поставили более чем достаточно. Настало время, когда проблемы социологической методологии и теории должны были занять более достойное место.

Понятно, следовательно, почему второй период характеризуется значительным усилением теоретико-методологических построений, оказавшимся своеобразной реакцией на доминирование (а порой и подавляющее влияние) в социологии эмпирической линии. Эмпирическая социология развивалась и экстенсивно, и интенсивно, зачастую проявляя полную самодостаточность и не обращаясь к «большой теории». В итоге это привело ее к глубокому кризису (в рамках данного же периода), проявившемуся в первую очередь в усилении «ползучего эмпиризма» и мелкотемья конкретных исследований.

Мировым центром социологии в 1940—1960-х гг. продолжают оставаться США, что вполне понятно, учитывая разрушительные последствия Второй мировой войны для Европы. В этой стране, наряду со значительным количеством эмпирических исследований в самых различных сферах общественной и личной жизни, активно развивается социологическая теория. Наиболее крупными теоретиками этого периода были П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон. К числу самых значительных теорий, созданных ими в этот период, следует отнести: концепцию социокультурной динамики, теорию интегрального типа личности и общества (Сорокин), теории социальной системы и социального действия, структурно-функциональный анализ, концепцию неозволюционизма (Парсонс), теории функционального анализа и среднего уровня (Мертон). Необходимо отметить также большую роль в развитии методологии эмпирических исследований таких социологов, как П. Лазарсфельд, С. Стауффер,

Г'. Мак-Айвер. Основными социологическими центрами в США становятся Гарвардский и Колумбийский университеты (вместо доминировавшего ранее Чикагского университета).

В западноевропейской социологии первых послевоенных десятилетий, наряду с развитием собственных теоретических традиций французской, британской, немецкой, итальянской социологии, начинают активно проводиться конкретные эмпирические исследования (не без влияния американских работ в этой сфере социологической деятельности). Они охватывают прежде всего промышленные предприятия, касаются трудового поведения работников, их отношения к производственной деятельности, мотивации и профессионально-ценностных ориентации, взаимодействия различных групп занятых, проблем совершенствования управления социальными процессами. Среди крупных европейских социологов, осуществлявших такие исследования, — Ж. Фридман, А. Турен (Франция), Дж. Голдторп, Д. Локвуд (Великобритания) и др.

Серьезно сказалось на состоянии западноевропейской, особенно немецкой, социологии «возвращение домой» Франкфуртской школы, ведущие представители которой в военные и первые послевоенные годы жили и работали в США. Радикально-критические взгляды этих мыслителей как в отношении капитализма, так и ряда его теорий (в том числе марксизма) сыграли значительную роль в инициировании многих общественно-политических процессов 1960-х гг., особенно протестных молодежных выступлений во Франции, Германии, США и чехословацких событий 1968 г. Окончание этого периода знаменовало собой, таким образом, впервые четко обнаруженную зависимость между социологическими идеями и их непосредственным восприятием и преломлением в поведении определенной части общества.

Возникшие в предшествующий период (1920—1930-е гг.) социологические парадигмы символического интеракционизма, феноменологии, структурного функционализма успешно развиваются в 1940—1960-х гг. Здесь следует назвать работы И. Гоффмана (в области символического интеракционизма), П. Бергера и Т. Лукмана (в области феноменологической социологии). Особенно популярным благодаря работам Т. Парсонса и Р. Мертонса становится структурный функционализм. В это же время появляются и получают широкое распространение и иные парадигмальные построения. Речь идет о теориях обмена (Дж. К. Хоманс, П. Блау), конфликта (Л. Козер, Р. Дарендорф), этнометодологии (Г. Гарфинкель).

Период 1940—1960-х гг. ознаменовался созданием Международной социологической ассоциации (в сентябре 1949 г. под покровительством ЮНЕСКО) и проведением первых всемирных социологических конгрессов. В рамках рассматриваемого периода прошло шесть конгрессов, из них лишь один — пятый — проводился в 1962 г. в США (Вашингтон), все остальные — в городах Западной Европы (Цюрих, Льеж, Амстердам, Милан, Эвиан). Сам этот факт свидетельствует о том, что, с нашей точки зре-

ния, происходи! постепенное ослабление американской «социологической гегемонии».

Третий период (1970-е - первая половина 1980-х гг.)

Третий период современного этапа социологии охватывает примерно полтора десятилетия: 1970-е — первая половина 1980-х гг. Для зарубежной (американской и западноевропейской) социологии он означал стремление к существенному обновлению теоретического арсенала в рамках ряда появившихся концептуальных направлений — постиндустриализма (Д. Белл, А. Турен), структурализма и постмодернизма (К. Леви-Стросс, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан), модернизации (С. Айзепштат, М. Леви, У. Мур), пеофункционализма (Дж. Алкскапдер, П. Коломи) и др. Структурный функционализм получает свое дальнейшее развитие в творчестве Н. Лумана. Системный анализ исторического действия и концепцию общества, построенную на нем, демонстрирует А. Турен. Ему же принадлежит социологическая теория социальных движений. Теорию коммуникативного действия создаст Ю. Хабермас.

4

Многие из названных и иных зарубежных исследователей стремятся как можно резче опорочиться от классических идей социологии, заявляя о поиске принципиально новых путей развития этой науки. Тем не менее, преемственность в развитии социологии в рамках третьего периода как и предшествующими двумя периодами, так и с классическим этапом просматривается достаточно очевидно. Что же касается теоретического конструирования в социологии, то оно, конечно же, имело место и было связано прежде всего с развитием прежних и созданием новых парадигм. Продолжая использование таких типов парадигм, как структурные и интерпретативные, социологи особое внимание начинают обращать на интегративные и объединительные парадигмы (рассмотрению всех основных типов и наиболее активно используемых парадигм в различных главах учебника будет уделено соответствующее внимание).

В 1970 — начале 1980-х гг. заявляет о себе первыми крупными работами новое поколение социологов-теоретиков (Э. Гиддес, Дж. Алкскапдер, Дж. Ритцср, Р. Будон, П. Бурдье, Ю. Хабермас и др.), которому в рамках следующего периода будет суждено сыграть главную роль в развитии академической теоретической социологии. Существенно усиливается влияние западноевропейской социологии (начавшееся еще в конце 1950-х — 1960-х гг.). Намечается постепенный переход к социологии постмодерна. Именно в рамках третьего периода зарождается социологический интерес к созданию интегрированных теорий и концепций, который затем в полной мере проявится уже в конце 1980-х — 1990-е гг.

Усиливается роль всемирного социологического сообщества, возглавляемого Международной социологической ассоциацией. Заметными событиями в его жизни становятся международные социологические конгрессы. За период с 1970-го по 1986 г. их состоялось пять (VI конгресс, 1970,

Варна; VIII конгресс, 1974, Торонто; IX конгресс, 1978, Упсала; X конгресс, 1982, Мехико; XI конгресс, 1986, Нью-Дели). Если на предшествующих Варнепскому шести конгрессах количество участников варьировало от нескольких сотен до 2 тыс. (на конгрессе в Эвианс, 1966), а наибольшее количество представленных стран равнялось 51, то, начиная с Варны, численность участников не опускалась ниже 3 тыс. социологов, количество же представленных государств превышало 80—90, достигая иногда рекордных цифр (130—140 стран, как это было в Упсалс и Мехико).

Теперь коротко охарактеризуем — в рамках второго и третьего периодов современного этапа — развитие отечественной социологии. Говоря о пей, нужно сказать, что она стала проявлять первые признаки жизни (после грех десятилетий забвенья) лишь в конце 1950-х — начале 1960-х гг., т.е. во время так называемой «хрущевской оттепели». Начинается новый период 13 развития социологии, который продолжался вплоть до середины 1980-х гг. В границах этого периода социология добилась заметных результатов. Прежде всего она стала легально развиваться и как теоретическая, и как эмпирическая паука. В начале периода были проведены важные исследования культурно-технического уровня рабочего класса, научно-технического прогресса, отношения рабочих к труду, бюджетов времени различных категорий населения, брака и семьи, молодежи и др.

Первые конкретные исследования и работы с их анализом и обобщением проводились (азатем публиковались в книгах и статьях) в четырех центрах — Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске. Однако статус социологии в СССР был явно принижен, в лучшем случае она рассматривалась как конкретный раздел философской науки, не имеющий своего самостоятельного предмета и нацеленный на сбор эмпирического материала для его теоретического обобщения в рамках исторического материализма, который и рассматривался как общая социологическая теория.

В 1969 г. был создан Институт конкретных социальных исследований АН СССР (с 1972 г. — Институт социологических исследований, с 1990 г. — Институт социологии АН СССР, с 1992 г. — Институт социологии РАН). С 1974 г. стал издаваться журнал «Социологические исследования». Появилось немало ярких ученых, среди которых известными не только в нашей стране, но и за рубежом стали Б.А. Грушин, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Л.Н. Коган, И.С. Кой, Ю.А. Левада, Г.В. Осипов, А.Г. Харчев, О.И. Шкаратан, В.Э. Шляпентох, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов и др.

Однако на состоянии социологии не мог не сказаться общий дух периода «застоя». Науке с большим трудом приходилось преодолевать сопротивление командно-административной системы. Партийно-бюрократическому аппарату социология если и была нужна, то только лишь как инструмент апологетики его деятельности. Поэтому со стороны аппарата постоянно чинились препятствия талантливым ученым, выводы ряда интересных исследований не были опубликованы вследствие остроты ана-

лизируемых проблем. Некоторые социологи были подвергнуты гонениям, отдельные ученые вынуждены были уехать за рубеж.

Четвертый период (вторая половина 1980-х - 1990-е гг.)

Вторая половина 1980-х — 1990-е гг. — четвертый и, возможно, заключительный период современного этапа социологии (хотя очевидных, явных предпосылок к этому, с нашей точки зрения, пока не видно). Он характеризуется попытками вывести социологическую науку на новый уровень теоретического осмысления процессов как в реальной жизни, так и в самой социологии. Основная особенность четвертого периода — стремление к интеграции во всех сферах и проявлениях социологической науки и практики. Именно эту черту в качестве наиболее характерной для периода с 1980—1990-х гг. называет и подробно раскрывает Дж. Ритцер¹.

Четвертый период характеризуется также переходом к постклассическому развитию социологии, одна из основных особенностей которого состоит в теоретическом акцентировании активной роли социального субъекта. Именно в таком ключе следует рассматривать несколько созданных в рамках периода значительных теорий, получивших широкую известность как в социологическом мире Запада, так и нашей страны. Среди них: теория структуризации Э. Гидденса, теория постмодернизма З. Баумана, теории мета-теоретизирования и макдональдизации Дж. Ритцера, многомерная социология Дж. Александера, теория социального поля (пространства) П. Бурдьё, теории социальных изменений и культурной травмы П. Штомпки и др.

Международное социологическое сообщество во временных границах четвертого периода продолжало успешно работать, собираясь раз в четыре года на всемирные конгрессы (XII — в Мадриде, 1990; XIII — в Билефельде, 1994; XIV — в Монреале, 1998). Очередной XV конгресс прошел летом 2002 г. в австралийском Брисбене. В перерывах между конгрессами регулярно (один-два раза в год) заседают исследовательские комитеты, которых в Международной социологической ассоциации около 50.

На конгрессах фиксировались серьезные сдвиги, происшедшие в развитии общесоциологической теории, в понимании социальных изменений в мире, в исследованиях глобальных и региональных процессов. Отмечалось, что, возможно, не стоит стремиться к созданию единой общесоциологической теории, которая могла бы удовлетворительно объяснить многообразие происходящих в различных культурах и регионах социальных процессов. Стало быть, нужен целый ряд социологических теорий для анализа социальных изменений, что является доказательством своеобразного социологического плюрализма. Обосновывалась позиция, согласно которой требуется не интеграция социологической теории, а консолидация различных подходов, концепций, культур, образов жизни. В идее консолидации, в многообразии равноправных социологичес-

¹Ritzer G. *Modern Sociological Theory*. N.Y., 1996

ких концепций и подходов к различным объектам изучения нашла свое отражение усиливающаяся тенденция к интернационализации социологии, формированию социологического знания, состоящего из теорий, не отрицающих друг друга, а принимающих их как данность.

Четвертый период современного этапа развития социологии принес значительные перемены не только зарубежной, но и отечественной науке. С падением советского режима и исчезновением руководящей роли коммунистической партии в жизни общества впервые возникла возможность для творческого и беспрепятственного развития социологии в нашей стране. Был признан статус социологии как самостоятельной науки. Оказалась полностью «узаконенной» профессия социолога. Стало быстро набирать темпы социологическое образование. Появился шанс не только наверстать упущенное, но и преодолеть, хотя бы частично, разрыв в уровне развития зарубежной и отечественной социологии, который существует сегодня и является общепризнанным фактом.

В заключение главы предлагаем читателю таблицу «Современный этап истории социологии», в которой в схематичном виде представлены основные периоды развития социологии в XX в. с учетом названных выше критериев: временного, содержательного, пространственного и персоналистического. Как и любая схема, данная также является ограниченной и не вполне точно отражающей процессы развития социологической мысли. Ее не следует абсолютизировать и потому, что она несет на себе субъективное восприятие исторического процесса развития социологии автором учебника. Тем не менее в таблице представлены и бесспорные на сегодняшний день, принятые всем социологическим сообществом позиции и точки зрения. Так что в любом случае предлагаемая схема периодизации современного этапа истории социологии принесет пользу благодаря созданию целостного представления о нем.

Современный этап истории социологии

Таблица 2

Временной критерий	Содержательный критерий	Пространственный критерий. Персоналии
1	2	3
1920–1930-е гг.	<i>Институционализация и развитие эмпирической социологии в США</i> <i>Чикагская социологическая школа</i> <i>Возникновение отраслевых социологий</i> социология города индустриальная социология социология труда социология менеджмента изучение бюджетов времени социология знания политическая социология	США (Томас, Знанецкий) США (Парк, Берджесс, Вирт) США (Парк, Берджесс, Р Линд, Х Линд) США (Мэйо, Ретлисбергер) США (Диксон) СССР (Гастев) США (Дракер, Баркин) СССР (Струмилин) Германия (Шелер, Маннгейм) Италия (Моска, Михельс)

Продолжение таблицы

1	2	3
	<p><i>Возникновение парадигм:</i> символический интеракционизм феноменологическая социология</p> <p><i>Социологическая школа Дюркгейма</i></p> <p><i>Франкфуртская социологическая школа</i></p> <p><i>Социальная антропология</i></p> <p><i>Развитие теоретической социологии:</i> теории социальной стратификации, социальной мобильности, социокультурной динамики теории социальной системы, социального действия</p>	<p>США (Дж. Мид) Германия (Шюц)</p> <p>Франция (Мосс, Хальбвакс, Леви-Брюль, Юбер)</p> <p>Германия (Хоркхаймер, Адорно, Маркузе)</p> <p>Великобритания (Редклифф-Браун, Малиновский)</p> <p>США (Сорокин)</p> <p>США (Парсонс)</p>
1940–1960-е гг.	<p><i>Дальнейшая активизация эмпирических исследований. Развитие отраслевых социологий</i></p> <p><i>Появление теорий среднего уровня</i></p> <p><i>Развитие социологических школ:</i> Чикагская школа</p> <p>Колумбийская школа</p> <p>Гарвардская школа</p> <p>Франкфуртская школа и ее кризис</p> <p><i>Возникновение и развитие социологических парадигм:</i> структурный функционализм этнометодология социология конфликта</p> <p>парадигма обмена символический интеракционизм феноменологическая социология</p> <p><i>Возрождение отечественной социологии</i></p>	<p>США (Мертон)</p> <p>США (Олборн, Стауффер, Шилз, Хьюз)</p> <p>США (Лазарсфельд, Мертон, Мак-Анвер, Морено)</p> <p>США (Сорокин, Парсонс)</p> <p>Германия (Хоркхаймер, Адорно, Маркузе, Фромм, Хабермас)</p> <p>США (Парсонс, Мертон)</p> <p>США (Гарфинкель)</p> <p>США (Козер), Германия, Англия (Дарендорф)</p> <p>США (Хоманс, Блау, Эмерсон)</p> <p>США (Блумер)</p> <p>США (Шюц, Бергер), Германия (Лукман)</p> <p>Ядов, Здравомыслов, Грушин, Харчев, Осипов, Коп, Заславская, Коган и др.</p>
1970-е – первая половина 1980-х гг.	<p><i>Теория коммуникативного действия</i></p> <p><i>Теория постиндустриального общества</i></p> <p><i>Теория модернизации</i></p> <p><i>Теории структурализма и постмодернизма</i></p> <p><i>Теория неофункционализма</i></p> <p><i>Структурный функционализм</i></p> <p><i>Развитие отечественной социологии</i></p>	<p>Германия (Хабермас)</p> <p>США (Белл), Франция (Турэн)</p> <p>Израиль (Айзенштадт), США (Леви, Мур)</p> <p>Франция (Леви-Стросс, Деррида, Фуко, Лакан)</p> <p>США (Александр, Коломи)</p> <p>Германия (Луман)</p> <p>Ядов, Заславская, Шубкин, Шлянгин, Грушин, Коган и др.</p>

Продолжение таблицы

1	2	3
Вторая половина 1980-х—1990-е гг.	<i>Теория структуризации</i> <i>Теория интеграции</i> <i>Теория постмодернизма</i> <i>Теория социального пространства (поля)</i> <i>Теория социальных изменений</i> <i>Теория неофункционализма</i> <i>Развитие отечественной социологии</i>	Англия (Гидденс, Арчер) США (Риггер) Англия (Бауман) Франция (Бурдьё) Польша (Штомпка) США (Александр, Коломи), Германия (Луман) Ядов, Здравомыслов, Заславская, Осипов, Кош, Шубкин, Шкараган, Ланин и др.

Вопросы и задания

1. Что означает понятие «современная социология»?
2. Обозначьте временные границы современного этапа социологии, охарактеризуйте различные точки зрения по этому вопросу.
3. Каковы особенности современного этапа социологии?
4. Охарактеризуйте предметное поле социологии XX в.
5. Покажите имеющиеся в литературе различные подходы к трактовке предмета социологии.
6. Проанализируйте «ядро» и «периферию» предметного поля социологии.
7. Назовите критерии периодизации социологии XX в. В чем суть каждого из них?
8. Дайте краткую характеристику основных периодов современного этапа развития социологии, используйте при этом временной, пространственный, содержательный и персоналистический критерии.
9. Каким было соотношение теоретического и эмпирического знания на протяжении каждого из четырех периодов развития социологии в XX в.?

Литература

- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
 История социологии в Западной Европе и США. М., 1999
 История социологии и история социальной мысли: общее и особенное (материалы «круглого стола») // Социол. исслед. 1996. № 10, 11.
 История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 2; М., 1998. Т. 3; СПб., 2000. Т. 4.
 Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
 Очерки по истории теоретической социологии XIX—XX вв. М., 1994.

Глава 20

Американская эмпирическая социология и ее развитие

в 1920-1930-х гг. Чикагская социологическая школа

§ 1. Появление и характерные особенности эмпирической социологии

Понятие эмпирической социологии и причины ее появления

При изучении классического этапа развития социологии выявлялись исторические истоки эмпирической социологии. Речь шла о первых эмпирических исследованиях в XVII—XIX вв. Специально рассматривались: проблемы смертности в их эмпирическом изучении Дж. Грауптом, статистические работы У. Петти, И. Зюсмилха, становление социальной статистики в трудах А. Кетле, изучение семьи Ф. Ле Пле. Был дан анализ развития эмпирических исследований во Франции (работы Г. Тарда, Э. Дюркгейма), в Англии (труды Ч. Бута), в Германии (материалы А. Вагнера, А. Левенштайна, Ф. Тенниса, М. Вебера). Подчеркивалась значимость этих исследований для конкретного анализа капиталистического общества эпохи его становления и развития.

Обращалось внимание на то, что это были эпизодические, разрозненные исследования, не делавшие в социологии «погоду» и не имевшие в то время определяющего значения для ее развития. В XVII—XIX вв. не существовало разработанной методологии и методики их подготовки и проведения. Социологические теории, с одной стороны, не формировали условий для проведения конкретных эмпирических исследований в силу достаточно абстрактного характера первых, поскольку в этих теориях ставилась прежде всего задача создания глобальных историко-эволюционных схем. С другой — эти теории, опять же вследствие названной выше их специфики, не нуждались в проверке и конкретной, эмпирической аргументации. Вместе с тем подчеркивалось, что без названных выше эмпирических исследований не было бы и значительных теоретических выводов, особенно у таких социологов, как Теннис, Дюркгейм, Вебер.

На рубеже 1910—1920-х гг. появляются исследования, сыгравшие судьбоносную роль в развитии социологии и открывшие принципиально новую ее эпоху (называемую современным этапом этой науки). Прежде всего отметим работы в области эмпирической социологии представите-

лей Чикагской школы. Это в первую очередь «Польский крестьянин в Европе и Америке» У. Томаса и Ф. Знанецкого и социологические исследования города (проблем социальной экологии), выполненные под руководством Р. Парка и Э. Бёрджесса. Однако для того, чтобы говорить о них как о начале современной эмпирической социологии, необходимо дать развернутое и точное ее понятие.

Будем понимать под ней область развития социологической науки, связанную с получением фактографического знания в результате проведения специальных эмпирических исследований. В то же время эмпирическое исследование означает изучение конкретных социальных проблем, направленное на решение как теоретических, так и практических задач, регулирование межгрупповых и внутригрупповых отношений и социальных процессов. Проведение эмпирического исследования предполагает использование специальных методов количественного и качественного характера, включая письменные и устные опросы (анкетирование и интервьюирование), социологическое наблюдение, эксперимент и т.д.

Эмпирическая социология — особая сфера, даже вид профессиональной деятельности социолога, который иногда выступает как синоним всякой социологической деятельности. На самом деле это не так, поскольку последняя включает в себя не только проведение эмпирических исследований, но и другие виды работы, в первую очередь научное обобщение и анализ информации, создание и развитие теорий различного уровня.

Появление эмпирической социологии в начале XXв. было тесно связано со стремлением отдельных ученых изменить характер социологической науки в целом в соответствии с принципами позитивизма, которые впервые были провозглашены О. Контом, но не доведены им до своего логического завершения. Как известно, он выступал против абстрактного метафизического теоретизирования на темы об обществе вообще, за превращение социологии в разновидность науки, дающей точное (по образцу естественных наук) знание, за использование для достижения этой цели строгих и обоснованных методов, за новую роль социологии в деле совершенствования социальных процессов и отношений. Однако Конту не было суждено ни добиться этого самому, ни увидеть новые возможности социологии в теории и практике конкретных исследований. Эти возможности и перспективы оказались реализованными лишь в эмпирической социологии XXв.

Принципы и постулаты позитивизма в эмпирической социологии

Какие основные принципы и постулаты позитивизма были использованы в социологии (особенно эмпирической) на современном этапе развития этой науки? В первую очередь это положение о том, что общественная реальность, изучаемая социологией, подвержена действию социальных законов, подобно тому как действию естественных законов природы подвержены неорганический и органический миры. При этом законы природы и

общества рассматриваются в единстве, как содержащие немало общего между собой.

Поскольку позитивизм признает сходство законов природы и общества, постольку этот постулат распространяется и на методы изучения природного и социального миров. Иными словами, методы социологического исследования должны быть уподоблены методам естественных наук в таких своих характерных чертах, как строгость, точность, объективность и отсутствие оценок идеологической направленности. Для достижения этой цели должны использоваться прежде всего математические и статистические методы. Их применение способно обеспечить репрезентативность, достоверность, доказательность, обоснованность (валидность) сделанных выводов и предлагаемых рекомендаций, имеющих соответственно как теоретический, так и практический характер.

Что касается истинности получаемых результатов, то, с точки зрения представителей эмпирической социологии, она может быть установлена лишь на основании применения определенных научных процедур верификации, т.е. проверки истинности высказываемых положений путем опытного, эмпирического сопоставления их с реальной действительностью. Этому способствует процедура квалитификации изучаемых социальных объектов, состоящая в выражении их качественных характеристик в количественной форме.

Эмпирическая социология стремится к объективности. Последняя определяется не только используемыми методами социологического исследования, но и рядом других факторов: непредубежденной и независимой позицией социолога, публичностью, общедоступностью социологической деятельности, с результатами которой люди постоянно знакомятся через средства массовой информации, эффектом критического анализа материалов со стороны своих коллег.

Однако здесь есть свои сложности. Ведь суждения социологов об объективности базируются на изучении субъективных мнений людей. Получается, что на основе сбора мнений, субъективных по своей природе и характеру, формируется объективное знание. Нет ли здесь противоречия? Конечно, в определенной степени есть. Но в том-то и состоит специфика эмпирической социологии, что она использует такие методы сбора информации и ее обработки, которые позволяют разрешать это противоречие. Вместе с тем само по себе его наличие предупреждает нас об опасности абсолютизации социологического знания, прежде всего той его части, которая базируется на материалах эмпирических исследований.

Далее, в соответствии с постулатом позитивизма эмпирическая социология должна иметь дело не с целостным изучением и объяснением общества, а с анализом его конкретных сфер, структур, явлений и процессов, поскольку в основе этого принципа (назовем его принципом конкретности) лежит убеждение в невозможности описать и объяснить социум в це-

ЮМ. Однако, по мнению сторонников ее, снижение масштаба проблем не означает уменьшения их значимости. Более того, в практическом отношении принцип конкретности приобретает оптимальную эффективность, потому что усовершенствовать все общество сразу невозможно, а решать его отдельные проблемы на основе их предварительного эмпирико-социологического изучения вполне возможно.

Специфика эмпирического социологического знания

15 связи со сказанным возникает вопрос еще об одной особенности эмпирической социологии, связанной с проблемой научной специфики знания, ею получаемого. Здесь могут возникнуть по меньшей мере два аспекта этой проблемы. Первый — возможно ли эмпирическое социологическое знание быть подобным строгому естественно-научному знанию, находиться с ним в одном ряду? Второй — может ли эмпирическое знание давать такой же точный результат в изучении социальных объектов, какой дает естественно-научное в исследовании природных?

Ответы на поставленные вопросы содержат и положительные, и отрицательные суждения. Поскольку эмпирическая социология использует общенаучные методы, количественные оценки, логические доказательства, а также материалы таких наук, как математика, теория вероятности, статистика и др., она может обеспечить получение точного результата и рассматриваться в качестве разновидности строгой, не уступающей в этом отношении естественной науке.

Вместе с тем эмпирическая социология имеет дело не с физическими объектами, а с людьми, социальными общностями, их деятельностью и субъективными мнениями. Известно, что такие социальные объекты отличаются в своем поведении сложностью, изменчивостью и вследствие этого значительными флуктуациями (случайными отклонениями, колебаниями, изменениями) в деятельности и поведении. Поэтому нельзя говорить о совершенно строгом и точном социологическом описании и анализе человеческого бытия и социальной реальности — таком же, которое дается в естественных науках применительно к природным процессам.

1

Это обстоятельство хорошо понимали уже на заре рождения эмпирической социологии, и в первую очередь ее классики У. Томас и Ф. Зпанецкий. Во введении к своей совместной работе «Польский крестьянин в Европе и Америке»¹ они отмечали «одно существенное различие между природной и социальной действительностью, которое состоит в том, что в то время как следствие физического феномена целиком зависит от объективной природы этого феномена и может быть просчитано на основе его эмпирического содержания, то следствие социального феномена зависит к тому же и от субъективной позиции, занимаемой личностью или группой относительно данного явления, и может быть

— Thomas W., Znamiecki F., *The Polish Peasant in Europe and America*. Boston, 1918—1920.

просчитано, если мы знаем не только объективное содержание предполагаемой причины, но также и значение, которое она имеет в данный момент для данных мыслящих существ» [Томас, Знанецкий. 1996. С. 345].

Разновидности эмпирической социологии

Эмпирическая социология имеет, несомненно, глубоко позитивное значение, поскольку дает конкретное, научно обоснованное знание о многих, часто очень важных социальных проблемах и способах их решения. Эмпирические исследования придают социологии характер не только теоретической, но и практической сферы деятельности, способной принести ощутимый, полезный результат, который зачастую может измеряться даже экономическим эффектом — сбережением средств либо их более рациональным использованием.

В данном случае имеется в виду такая разновидность эмпирической социологии, которую принято называть прикладной. Именно она выполняет функции социальной инженерии. В основе социологической социоинженерной деятельности лежат два основных принципа — эмпиризм и прагматизм, которые свидетельствуют о ее направленности на получение конкретного, реально ощутимого результата. Речь идет в первую очередь о связи этого результата с изучением человеческого поведения в определенных, диктуемых социальной ситуацией, условиях, а также прогнозировании последнего с целью оптимального и эффективного управления им.

Инженер-социолог проводит маломасштабные исследования (чаще всего опросы), разрабатывает проекты изменения небольших по размеру социальных общностей и групп (бригада, цех на производстве, молодежные группировки, коллективы в учебных заведениях, фирмах, учреждениях, группы людей, проводящих вместе свободное время, и т.д.). Прикладная социология разрабатывает конкретные программы и рекомендации, социальные технологии, ориентированные на практическое применение. По существу, прикладные исследования — это исследования для тех, кто выступает как конкретный заказчик и прямо и непосредственно платит за проводимую социологом работу.

Наряду с прикладной существует другая разновидность эмпирической социологии, называемая академической. Она развивается в университетах, относительно независима от заказчика (часто им выступает государство, госбюджет). Эмпирические исследования академического характера могут касаться проблем, решение которых не сулит экономических выгод, по крайней мере прямо и непосредственно. Академическая социология в отличие от прикладной, ориентирующейся в первую очередь на практический результат, нацелена прежде всего на развитие науки, на прирост знания.

Причины «американизации» эмпирической социологии

Если иметь в виду обе разновидности эмпирической социологии — академическую и прикладную, то сначала появилась первая. Именно с университетских исследований в США произошло становление эмпирической

социологии. Мы назвали страну, которая по справедливости считается родоначальницей эмпирической социологии. Почему именно США? Это интересный и важный вопрос, ответ на который поможет прояснить многие обстоятельства появления и развития эмпирической социологии.

Среди причин общего характера в первую очередь нужно назвать бурные темпы американского экономического развития в начале XX в. (вплоть до конца 1920-х гг. — появления кризиса и Великой депрессии), с которыми не могла сравниться ни одна европейская страна. В США оказались сосредоточенными громадные капиталы, стимулировавшие экономический и материально-технический прогресс. Вместе с подъемом экономики столь же быстро повышался уровень материального благосостояния работников — за счет интенсификации их труда и роста его производительности. Развитие крупной промышленности и концентрация капитала приводили к углублению социальной дифференциации, усилению социальной несправедливости, коррупции и другим негативным социальным последствиям, с которыми традиционно связано развитие капитализма.

Заметно росли американские города. Массовый наплыв иммигрантов из европейских, азиатских, африканских и латиноамериканских стран, стремившихся осесть в городах, придал им новый облик. Наряду с деловым центром (даун-таун) появились районы, освоенные населением с разным цветом кожи и разных национальностей, получившие соответствующие названия («белые», «черные», «желтые», итальянские, китайские, польские и др.), возникли так называемые гетто (в которых селились дискриминированные национальные меньшинства, в первую очередь это были негритянские гетто), пригородные жилые зоны и т.д.

¹ Каждый из четырех основных процессов, происходивших в американском обществе начала XX в., — бурная индустриализация и мощная концентрация капитала, массовая иммиграция, стремительная урбанизация, рост материального благосостояния населения и его увеличивающаяся дифференциация — наряду с позитивными достижениями вызвал большое количество конкретных, локальных проблем, к решению которых стремились подключиться самые разные социальные и интеллектуальные силы. Одной из них оказалась эмпирическая социология.

Вся экономическая, социальная, политическая атмосфера американского общества того периода была в высшей степени благоприятной для развития конкретной науки о конкретных проблемах жизни общества. Это был своеобразный «питательный бульон» для эмпирической социологии. Как учебная дисциплина она получила доступ не только в высшие, но и в средние учебные заведения, колледжи.

Быстрому прогрессу эмпирической социологии и «вживаемости» ее в ткань американского общества способствовало также сильное влияние идеологии и философии прагматизма и инструментализма, акцентировавших внимание на практической стороне любой деятельности, которая

должна была привести к достижению полезных и измеряемых эффективных результатов. Именно это направление исследований и было характерно для эмпирической социологии.

Изначально, с 1920-х гг., эмпирической социологии была присуща абсолютизация собственной роли. Она проявилась в следующих характерных чертах: а) отрыве от теории и провозглашении собственных результатов наиболее достоверными и научными; б) сведении любой научной социологии к эмпирической, отождествлении с ней; в) увлечении математическими методами и поистине слепой вере в их безукоризненность; г) отказе от крупных теоретических обобщений; д) увлечении чисто социологическими методами исследования и недооценке общенаучных.

Понятно, что в целом для социологии эти черты имеют скорее негативный, чем позитивный характер. Однако они позволили в короткий срок (полтора — два десятилетия) за счет противопоставления эмпирических исследований социологическим теориям вытеснить последние с авансцены социологической науки в целом, сформировав у определенной (преимущественно деловой) части членов американского общества убеждение в том, что будущее этой науки — именно за эмпирической социологией. Впрочем, к вопросу о соотношении эмпирической и теоретической социологии мы будем неоднократно возвращаться по ходу анализа основных периодов современного этапа развития этой науки.

§ 2. Развитие эмпирической социологии в США в 1920-1930-х гг.

Уже отмечалось, что работой, положившей начало эмпирической социологии, традиционно и повсеместно считается книга У. Томаса и Ф. Знаицкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918—1920). Она характеризуется специалистами как хрестоматийная, классическая работа эмпирической социологии. Что дает основания для таких суждений?

Во-первых, в основу работы положена конкретная и локальная проблема, взятая в качестве предмета исследования. Речь идет о польской крестьянской эмиграции в США в начале XX в. и о сравнительном описании (анализе) положения польских крестьян, оставшихся в своей стране и переехавших на новое место жительства. Во-вторых, во главу угла поставлено использование методов эмпирического конкретно-социологического исследования, главным среди которых оказался метод изучения личных документов. В-третьих, работа отличается практическим и прикладным характером выводов и заключений авторов, направленных на оптимизацию возникающих социальных процессов, связанных с миграцией и адаптацией отдельных социальных общностей к новым условиям жизни, преодоление конфликтов (либо их недопущение) в связи с указанными явлениями.

Вехи творческого пути У. Томаса и Ф. Знанецкого

Прежде чем подробно характеризовать названную работу Томаса и Знанецкого, обратимся к рассмотрению основных вех их творческого пути, поскольку каждый из них выступал знаковой фигурой начального периода современного этапа социологии.

Уильям Томас (1863—1947) учился в университетах США (Теннесси) и Германии (Геттинген, Берлин). Во время поездки по Европе он посетил Польшу, где и познакомился со Знанецким. С 1893-го по 1918 г. был профессором Чикагского университета. В 1927 г. избран президентом Американской социологической ассоциации. Значительную часть своей жизни Томас занимался социометрическим и социально-психологическим изучением социального поведения, его мотивации. В 1923 г. он опубликовал книгу «Неприспособленная девушка», в 1928 г. — работу «Ребенок в Америке» (совместно с Доротой Томас). Его последний труд, написанный за 10 лет до смерти, — «Примитивное поведение: к введению в социальные науки» (1937). Томас исследовал проблему ситуативного поведения через изучение установок и ценностей, совокупность которых он определял как ситуацию. Отсюда сформулированное им знаменитое положение, которое вошло в науку (с «легкой» руки Р. Мертона) как «теорема Томаса»: «Если люди определяют ситуации как действительные, то они действительно по своим последствиям». Американский ученый изучал и использовал методы социологического исследования, прежде всего — анализ личных документов. Применив его для сбора материала по проблемам эмиграции населения из европейских стран в США, он написал совместно со Знанецким самый известный труд всей своей жизни — «Польского крестьянина...». Его союз с польским социологом был сравнительно недолгим и через некоторое время после завершения пятитомной работы распался.

Флориан Знанецкий (1882—1958) родился в Польше, обучался в гимназиях Варшавы и Ченстохова, высшее образование получал в университетах Варшавы, Женевы, Цюриха, Парижа. Владел семью языками, причем английский и русский изучил самостоятельно. В 1909 г. защитил докторскую диссертацию в Кракове. Преподавал в Чикагском университете, во время пребывания в нем и проводил совместные с Томасом исследования, нашедшие отражение в названной выше книге. В 1920 г. возвратился в Польшу, в Познань, где занимался преобразованием в университете этого города кафедры философии в кафедру социологии. Основывает социологический институт и издает социологический журнал. До Второй мировой войны жил в Польше, но постоянно ездил в США читать лекции. Во время фашистской оккупации его жена и дочь были брошены в концлагерь. После войны, не приняв новую Польшу, Знанецкий остался в США. Преподавал в ряде американских университетов, в том числе в Колумбийском. В 1953 г. был избран президентом Американской социологической ассоциации. Известен

как представитель гуманистического направления в социологии. Активно занимался социологией знания, социологией города. Много внимания уделял изучению установок и ценностных ориентации (аттитюдов), что и сблизило его с Томасом. Знанецкий — социолог, очень почитаемый в современной Польше. Для польских социологов он значит примерно то же, что П.А Сорокин — для российских. Основные работы Знанецкого (в переводе их названий на русский язык): «Культурная реальность» (1919), «Метод социологии» (1934), «Социальные действия» (1936), «Социальные отношения и социальные роли» (1965), «Гуманистическая социология» (1969).

Общая характеристика и проблемное поле «Польского крестьянина...»

Фабула книги, как уже отмечалось, связана с анализом иммиграции польского крестьянства в США в начале XXв. В исследовании такого рода были заинтересованы многие социальные работники США, занятые по роду своей профессиональной деятельности обустройством жизни польских крестьян, переехавших жить в эту страну и доставлявших массу хлопот американскому обществу. Причинами возникающих трудностей и противоречий были характерные для иммигрантов незнание языка, отсутствие необходимой квалификации, бедность, проституция и т.д. Остро стояла проблема адаптации польских крестьян к новым условиям жизни. Исследователям и практическим (социальным) работникам в США необходимо было выявить не только статистические характеристики иммиграции, но и социальное самочувствие переселенцев, особенности восприятия ими новой жизни, новых ценностей.

В работе У. Томаса и Ф. Знанецкого активно применялся метод изучения документов личного характера (дневники, автобиографии, воспоминания, письма крестьян из Америки в Польшу и ответы им — всего 754 письма). Интенсивно использовались также данные польских архивов, материалы прессы, документы американских социальных агентств по миграции, так называемые «глубокие» интервью. Одно из них, проведенное с польским крестьянином ^ Владеком, дополнило его автобиографическое жизнеописание и составил вместе с текстами интервью целый том в 300 страниц.

Важно отметить, что в пятитомной работе Томаса и Знанецкого первые тома являются собой теоретическое обобщение и анализ эмпирического материала, который представлен в последующих трех томах, так что читатель имеет полную возможность проникнуть в творческую лабораторию социологов и со- поставить авторские рассуждения и размышления с конкретными документа-ми. В истории социологии это первый (и в целом, к сожалению, не часто встречающийся) случай такого подхода к сочетанию теоретических умозаключен с конкретным материалом, на основании которого они делаются.

Анализ жизни людей в новых условиях на базе выявления их субъективного мнения и объективных обстоятельств бытия позволил социологам оп- | ределить несколько главных проблем их исследования: индивидуализации!

(как она совместима с социальной сплоченностью), эффективности (каково соотношение между индивидуальной и социальной эффективностью, личностной и профессиональной успешностью), аномального (дсвиантного, отклоняющегося) поведения (преступность, бродяжничество, проституция, алкоголизм), занятости, отношения между полами, социального счастья (базирующегося на удовлетворенности деятельностью социальных институтов и организаций), борьбы рас (национальностей) и культур, идеальной организации культуры [Томас, Знанецкий. 1996. С. 354—355]. Всего, как видно, Томас и Знанецкий называют восемь основных проблем, с которыми они столкнулись при изучении польских крестьян.

Подходы к изучению и решению проблем

Как решать выявленные проблемы? Это главный вопрос, который задают себе и обществу социологи. Есть ли такая совершенная форма организации социальной жизни, которая соединила бы широчайший индивидуализм (а именно в нем видели дух и менталитет американской нации Томас и Знанецкий) с действиями эффективных общественных структур, что дало бы в качестве результата гармонию эффективности и счастья? Не имея окончательного ответа на этот вопрос, ученые полагали, что необходимым способом разрешения поставленных выше проблем является систематическое социологическое изучение различных культур.

В контексте сказанного нельзя не обратить внимания на две фундаментальные практические проблемы, которые выдвигают социологи, говоря о том, что они составляют ядро рефлексивной социальной практики во все времена. Это: «1) проблема зависимости индивида от социальной организации и культуры и 2) проблема зависимости социальной организации и культуры от индивида...» [Томас, Знанецкий. 1996. С. 341]. По существу, мы видим стремление Томаса и Знанецкого рассматривать не только в теоретическом, но и в практическом плане единство и взаимозависимость индивида, общества (социальной организации) и культуры.

Для решения указанных проблем общество должно способствовать удовлетворению основных желаний индивида путем его инкорпорирования в собственные структуры. Томас и Знанецкий называют четыре таких желания: желание нового опыта и свежих стимулов", желание признания (общего социального одобрения, сексуального отклика и т.д.); желание властвовать (на основе стремления к собственности, домашней тирании, политическому деспотизму и т.д.); желание безопасности. В реальности общество является агентом подавления многих желаний, но оно же выступает единственной средой их удовлетворения [Там же. С. 353—354].

В анализируемой работе очень много социально-психологических аспектов, что в дальнейшем становится характерным для всей эмпирической социологии. Большое внимание уделяется типологии социального характера. Томас и Знанецкий рассматривают три типа характера, кото-

рые называют соответственно филистерским (мещанским), богемным творческим (креативным), причем эти типы, по мнению ученых, имеют универсальное значение и применимы к анализу не только эмигрировавших польских крестьян. Первый тип объединяет конформистов, или диционалистов, не принимающих новации и неожиданности, а ожидающих стабильности и проторенных путей развития. Второй тип богемный — отличается спонтанностью поведенческих реакций в изменившихся условиях жизни, когда не сложились еще новые постоянные* социальные ориентиры. Наконец, наиболее оптимальным и социально эффективным является креативный тип, поскольку человек ищет новые ситуации для создания более перспективных социальных систем. К этому типу относится наиболее «продуктивная» часть членов общества.

Ключевым для социологов (в первую очередь для Томаса; чтобы утвердиться в этом мнении, вспомним еще раз его теорему) было понятие ситуации, рассматриваемой ими как «набор ценностей и установок, с которыми индивид или социальная группа имеют дело в процессе деятельности и по отношению к которым планируется эта деятельность и оцениваются ее результаты» [Томас, Знанецкий. С. 352]. Ситуация, по мнению социологов, включает в себя три вида данных: 1) объективные условия; 2) предшествующие установки индивида или социальной группы, которые в данный момент оказывают влияние на их поведение; 3) определение ситуации, т.е. ясная концепция условий и осознание установок [Там же. С. 352]. [Ситуация выступало для социологов как основное для объяснения поведения человека или социальной группы.

Оценивая значение пионерской работы Томаса и Знанецкого, американский социолог Дж. Маккини отмечал, что «она знаменует собой прорыв классиков-энциклопедистов со спекулятивной социологией и вступление ее в период эмпирического развития со всем его методическим техническим оборудованием»¹.

Бурное развитие эмпирической социологии в США

Эмпирическая социология вступает в пору своего бурного развития. Оно произошло в растущем интересе к методике, технике и процедуре исследования. Социологам (да и не только им) стало казаться, что они могут располагать самими надежными инструментами для получения объективно истинного знания. Распространению этой иллюзии способствовала проблематика социологических исследований 1920-х гг. Она касалась наиболее острых проблем жизни и поведения социальных групп, связанных с девиациями.

Об этом свидетельствуют лишь некоторые перечисляемые ниже работы. Мы умышленно выбрали те названия, которых достаточно красноречиво и часто говорят сами за себя: «Шайка» Ф. Трешера (написана в 1927 г., посвящена описанию жизни молодых преступников); «Гетто» Л. Вирта!

¹ Цит. по: Беккер Г., Бесков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 643.

(написана в 1928 г., в ней раскрываются особенности образа жизни населения в изолированных — для определенных, часто дискриминированных, национально-этнических групп — частях города; эмпирическое исследование было посвящено анализу судеб еврейских иммигрантов в Чикаго и проведено в еврейском гетто); «Бродяга» Н. Андерсона (написана в 1923 г., и ней характеризуются результаты эмпирических исследований среди бездомных, выражаясь современными отечественными терминами — бомжей); «Неприспособленная девушка» У. Томаса (год издания книги — 1923-й, в пей исследуются особенности поведения, профессиональные занятия, социальные отклонения, в том числе и проституция, молодых женщин, в основном иммигранток); «Золотой берег и трущоба» Х. Зорбо (написана в 1929 г., в книге па материалах конкретных исследований показываются разительные контрасты между богатыми, расположенными и центральной части Чикаш, кварталами и нищенскими районами города).

Многие ил этих исследований касались иммигрантов — не только по-ияков (как зго уже показывалось на примере работы Томаса и Знанецко-ю), но и выходцев из Ирландии, Италии, Германии, Китая, Японии, Мексики, скандинавских государств, а также евреев, негров, мулатов, метисов *ил* африканских и латиноамериканских стран и др. Перед всеми этими людьми стояли одни и тс же проблемы — трудоустройства, иного, по сравнению с прежним, образа жизни, освоения новых социальных связей и отношений, социальной, культурной, языковой и иной адаптации. Над «плавильным котлом» американской нации клубился мощный пар, в ко-юром пытались что-либо увидеть и понять исследователи.

Социологов (в первую очередь представителей Чикагской школы) волновали вопросы городской жизни, социального неравенства среди различных слоев населения, усиливающихся контрастов между богатством и бедностью, преступности, различного рода девиаптного и делинквентного поведения, связанные зачастую именно с названными выше социальными и национально-этническими группами. С целью анализа и выявления способов решения поставленных проблем и проводились эмпирические исследования. Государство некоторое время субсидировало такие работы, однако быстро свернуло их финансовую поддержку, увидев в разоблачающих материалах социологов определенную угрозу устоям общественного строя.

Но помешать развитию эмпирической социологии было уже нельзя. Социологи-эмпирики, получив ограниченные возможности в области изучения девиантного (отклоняющегося) поведения, «перекинулись» в сферу исследования коллективного поведения, социальных и межличностных отношений в городах (сначала крупных, а затем средних и мелких), на промышленных предприятиях, а потом и в иных областях социальной жизни (образование, культура и т.д.). 1920—1930-е годы становятся периодом быстрого и активного распространения эмпирической социологии, популярность ее необыкновенно возрастает. Эти два десятилетия харак-

тсризует и начало институционализации отраслевых социологии (социологии города, индустриальной социологии, социологии труда, социологии менеджмента, социологии культуры, социологии образования, социологии знания, социологии медицины и т.д.).

Что касается территориально-пространственного аспекта эмпирической социологии, то в основном она развивалась в США. В Европе активное распространение эмпирических исследований падает на период после Второй мировой войны. Но что интересно и важно отметить, все (или почти все) американские социологи, прежде чем стать эмпириками, как правило, проходили серьезную школу философско-социологической теоретической подготовки в европейских университетах, чаще всего немецких, слушая лекционные курсы ведущих профессоров в Берлине, Геттингене, Гейдельберге и других городах. Поэтому есть достаточные основания утверждать, что американская эмпирическая социология, а именно она и была долгое время законодателем моды в этой области производства научного знания, испытала на себе серьезное влияние европейской теоретической социоло-1 ии и социальной философии.

Почему эмпирические исследования становятся предметом самого пристального научного и практического интереса? С чем связана «экспансия» этих исследований? Эмпиризм в социологии распространяется в силу растущей потребности в нем, причем потребности двух видов — как социальной, так и собственно научной. В первом случае все больше ощущают необходимость в развитии эмпирической социологии промышленные предприятия, поскольку на них возникают конкретные производственные и социальные проблемы, которые можно решать только с помощью эмпирических исследований. Во втором случае, в рамках сугубо внутренних потребностей самой социологической пауки, использование принципов эмпиризма становится одним из важнейших необходимых условий ее дальнейшего развития, появления новых теорий и обоснованных гипотез. Степень зрелости социологии как науки в целом становится все более зависимой от степени зрелости эмпирической социологии.

Итак, нужны были новые теории с гипотезами, подлежащими эмпирической проверке и, как отклик на них, соответствующие эмпирические исследования. Одной из первых откликнулась на возникшие потребности и общества, и социологии Чикагская школа.

§ 3. Чикагская школа в социологии, ее основные этапы, достижения, значение для последующего развития социологии

В первой части нашего учебника Чикагская социологическая школа была определена как направление научной и практической деятельности исследователей, сотрудничавших на кафедре социологии (социологическом

факультете) Чикагского университета в период между 1892 и 1935 гг. и осуществлявших теоретические и эмпирические проекты. Отмечалось, но в деятельности школы принято выделять как минимум два этапа — подготовительный и этап активного функционирования, на который приходится пик творчества ее наиболее крупных представителей. Воспроизведем кратко содержание первого этапа, чтобы дать развернутый анализ результатов работы школы на втором, основном этапе ее деятельности.

Подготовительный этап деятельности Чикагской школы

Первый, подготовительный, этап охватывает период с 1892-го по 1915 г., т.е. с момента создания социологического факультета Чикагского университета и оформления центральных идей эмпирической социологии лидерами школы Р. Парком и Э. Бёрджессом на основном этапе ее деятельности. Несмотря на то что на этом этапе не удалось создать единой исследовательской программы, без чего школы как таковой не существует, решались другие важные задачи ее формирования. Прежде всего, удалось собрать вокруг кафедры социологии и социологического факультета университета немало сторонников соединения теоретических и эмпирических исследований. Далее, начал выходить в свет с 1895 г. первый в мире социологический журнал («American Journal of Sociology»), было создано в 1905 г. Американское социологическое общество (впоследствии Американская социологическая ассоциация). В 1894 г. А. Смолл и Дж. Винсент издали первый учебник по социологии в виде небольшой по объему брошюры.

Руководящую роль на подготовительном этапе деятельности школы играли А. Смолл (основатель социологического факультета), Ч. Хендерсон, Дж. Винсент, У. Томас. Заслуга этих отцов-основателей школы (их часто называют именно так потому, что большинство из них были раньше протестантскими проповедниками) заключалась в привлечении внимания американского общества к социологии, подготовке его к восприятию материалов эмпирических исследований, пропаганде возможностей и перспектив социологической науки. «Большая четверка» активно способствовала превращению либерализма и принципов свободы в основную идейную доктрину социологии в целом, социологического факультета Чикагского университета — в частности. На подготовительном этапе удалось решить проблему институционализации социологии в США. Так, уже в самом начале XX в. курс социологии преподавался в 169 университетах и колледжах страны. Начали активно проводиться эмпирические исследования и пропагандироваться их результаты.

Основной этап деятельности Чикагской школы

Второй этап развития Чикагской школы (1916—1935), который можно назвать основным, начинается с того времени, когда Р. Парк и Э. Бёрджесс постарались сформулировать центральные, принципиальные поло-

желя, касающиеся развития социологии и конкретных эмпирических исследований. Этап включает в себя проведение значительного количества исследований, публикацию десятков крупных работ, расширяющееся влияние на социологический мир в США и Европе. 13 лет спустя создаётся мощное социологическое сообщество единомышленников во главе признанными ими лидерами Парком и Бёрджессом. Этот этап завершается кризисом и распадом школы, прекращением её глубокого влияния на развитие эмпирической социологии.

Разумеется, приведенные временные рамки являются условными равно как и «функционирование» школы, потому что никаких организационных структур конституировано не было, разве что возникло по инициативе Парка в 1920 г. «Общество социальных исследований». Однако оно имело неформальный характер и было создано для объединения интеллектуальных социологических сил в самом Чикаго-ком университете и за его пределами, охватывая преподавателей, студентов и выпускников университета, работавших в иных городах и штатах страны. По сути дела, это был неформальный теоретический семинар и центр социологического творчества на протяжении 15 лет, «плоть до отъезда Парка из Чикаго в Нэшвилл в 1936 г., явившегося непосредственным формальным поводом для прекращения функционирования школы в том виде, в каком она просуществовала по меньшей мере с 1920 г.

Поскольку признанными лидерами Чикагской школы были Парк (1864—1944) и Бёрджесс (1886—1966), имеет смысл охарактеризовать в рамках краткого биографического очерка жизненный и профессиональный путь каждого из них и той его части, которая была связана с их совместным творчеством.

Жизненный и профессиональный путь Р. Парка

Судьба привела Роберта Парка в социологию далеко не сразу после получения им высшего образования. Родившись в штате Пенсильвания, первые 18 лет жизни он провёл в штате Миннесота в небольшом городке на берегу Миссисипи. В школе учился весьма посредственно и не получил от отца средств на получение образования в колледже. Заработав их самостоятельно трудом на железной дороге, Парк поступил в университет штата Миннесота, через год сменил его на Мичиганский, филологический факультет которого и закончил в 1887 г. В университете он слушал лекции Дж. Дьюи, оказавшие большое влияние на становление его социально-философских взглядов.

Далее начинается извилистый трудовой путь — от газетного репортера, автора романа и пьесы, затем бакалейщика (бизнес отца, оставленный в наследство) до блестящего социолога, любимца коллег и студентов. Стремясь к социологической профессии, Парк учился философии в Гарварде (1897—1898), затем — философии и социологии в Германии (1899—

1902). В 1902 г. в Гейдельбергском университете он защитил диссертацию по теме «Толпа и публика: методологическое и социологическое исследование». Вернувшись в США, Парк два года преподает на философском факультете Гарвардского университета. Однако академическая атмосфера пока его не привлекает (он даже отказался от предложения Смолла преподавать социологию в Чикагском университете).

В течение 7 лет (с 1905 г.) Парк работает в Институте Букера Вашингтона, негритянского общественного деятеля, где собирает материал по проблемам отношения к неграм и взаимодействия различных культур. При этом изучение расовой проблемы и положения негров он рассматривает как своеобразную лабораторию социальных исследований. В 1912 г. на международной конференции по проблемам негров (Парк занимался ее подготовкой) он познакомился с Томасом — тогда профессором социологии в Чикагском университете, который и уговорил его прочесть в том вузе лекционный курс для студентов. Парк выбрал темой курса проблемы положения негров в США. Это было в 1914 г., а в 1916 г. он читал, причем с большим успехом, уже четыре лекционных курса.

Естественно, само собой, без каких-либо дополнительных усилий началось создание социологической школы на базе изучения двух основных проблем — расовых отношений и городской жизни. Самое важное направление, привлекавшее Парка в научном плане, — исследование коллективного поведения. На почве совместного интереса к названным выше проблемам в 1916 г. началось его почти тридцатилетнее сотрудничество с Бёрджессом.

В 1921 г. выходит в свет их совместный учебник «Введение в науку социологию», который на начальном этапе развития эмпирической социологии сыграл роль не меньшую, чем «Польский крестьянин...». По существу, это был первый учебник по эмпирической социологии. Для последующего ее развития имело значение то обстоятельство, что в нем содержательно раскрывался понятийный аппарат, необходимый для проведения эмпирических исследований.

Первая крупная совместная работа Парка и Бёрджесса стала наиболее значительным теоретическим обобщением эмпирической социологии 1920-х гг. Учебник был очень большим по объему (порядка 1000 страниц), представлял собой собрание или, как мы говорим сейчас, антологию 200 текстов различных авторов, сгруппированных в 14 разделов. Но это была не просто коллекция текстов, в них давалось систематическое изложение основ социологической науки. Тексты были самыми разными — от теоретических до биографических и полухудожественных и принадлежали они Э. Дюркгейму, Г. Зиммелю, Ч. Кули, Г. Лебону, Г. Спенсеру, Г. Тарду, У. Томасу и др. Книга была настолько фундаментальной, что студенты прозвали ее «Зеленая Библия» (обложка книги была зеленой). Социология в учебнике определялась как наука о коллективном (социальном) поведении. Это была принципиальная позиция Парка, а затем и всей Чикагской школы. Таким

образом, эмпирическая социология в рамках первого периода своего существования связывалась именно с этим предметным полем.

В 1922 г. была опубликована книга Парка «Иммиграционная пресса и ее контроль», а в 1925 г. — монография Парка, Бёрджесса и Маккензи (их ученики) «Город: предложения по изучению природы человека в городской среде», имевшая чрезвычайно важное, поистине программное значение для исследования города. Она стала, по существу, первой крупной работой, давшей начало целой отрасли социологической науки — социологии города. В ней была изложена концепция городского развития сквозь призму его социологического видения, о чем чуть дальше будет сказано подробнее. В этом же, 1925 г., Парк избирается президентом Американской социологической ассоциации. В своей «тронной» речи он говорит о необходимости эффективного социального контроля над сложными процессами городской жизни для установления социального согласия и порядка в отношениях между различными видами социальных общностей и группами населения в городе.

В 1929—1933 гг. социолог совершает путешествия по странам Азии и Южной Африки с целью исследования взаимодействия различных культур и обогащения собственного научного багажа новым социологическим материалом, касающимся развития рас и народов и отношений между ними. Кроме того, его очень интересовала проблема выхода некоторых посещенных им стран из экономической и особенно культурной изоляции. Собранные данные позволили уточнить впервые поставленную им в социологии в ходе исследований в Чикаго проблему маргинальной личности как типа человека, живущего одновременно в двух мирах — старом, в котором он родился и рос, и новом, в котором обретает образование, профессию и иной образ жизни.

Вернувшись из поездки в Азию в 1933 г., Парк оставляет преподавание на социологическом факультете Чикагского университета и читает лекции по приглашению других вузов, не связывая себя ни с одним из них постоянными отношениями. В 1936 г., как уже ранее говорилось, он переезжает жить в Нэшвилл (штат Теннесси), где и умирает, не дожив девяти дней до своего восьмидесятилетия.

Жизненный и профессиональный путь Э. Бёрджесса

Теперь перейдем к рассмотрению основных вех жизни и творчества Бёрджесса, имя которого в истории социологии тесно связано и с Чикагским университетом (ему он отдал 50 лет верного служения), и с Парком (творческое содружество с ним определило во многом пути развития Чикагской школы). Родился Эрнст Бёрджесс в Тилбери (штат Онтарио, Канада) в семье англиканского священника, который вел не только приход, но и учительствовал в местной школе. Способности будущего социолога проявились очень рано. Уже в семилетнем возрасте учитель называл его «маленьким профессором». Об академической карьере мечтал и сам Эрнст. Когда ему было два с половиной года, семья переехала из Канады в США. В 1905 г. Бёрджесс

поступил в колледж, один из профессоров которого, являвшийся выпускником социологического факультета Чикагского университета, рекомендовал талантливому молодому человеку А. Смоллу, декану этого факультета. После собеседования Бёрджесс был принят в университет. Вообще следует отметить, что все свое образование (в том числе впоследствии и докторскую степень) он получил исключительно в США, не выезжая, в отличие от многих американских социологов, в европейские страны.

Чикагская социологическая «большая четверка» (еще раз напомним: Л. Смолл, Дж. Винсент, Ч. Хендерсон, У. Томас) оказала на Бёрджесса очень сильное влияние, причем наиболее глубокое — Томас. В университете Бёрджесс увлекся изучением расовых и этнических проблем. После его окончания социолог через некоторое время уезжает преподавать в университеты — сначала штата Иллинойс, затем — штата Канзас, потом — штата Огайо. Защитив докторскую диссертацию на тему «Функция социализации в социальной эволюции», Бёрджесс в 1916 г. возвращается в Чикагский университет, который более уже не покидает до конца жизни. Здесь он сразу сходит с Парком, плодотворное сотрудничество с которым выразилось уже в 1921 г. в создании упомянутого выше учебника «Введение в науку социологию».

История этого учебника весьма интересна: он родился из вводного лекционного курса Бёрджесса, помощь в составлении программы для которого ему оказывал Парк. Впоследствии Бёрджесс вспоминал о работе над учебником как об одном из лучших и ярких в творческом отношении периодов своей жизни. Он писал, что процесс создания книги проходил в сплошных дискуссиях по теоретическим и практическим аспектам социологии, так что иногда не оставалось даже времени на обед. Особый интерес у него вызвала работа над главами, посвященными характеристике исследовательских методов и техник сбора информации (интервью, наблюдения, изучение личных документов и социального картографирования) и ее анализа с применением статистических методов. Использование метода социального картографирования в дальнейшем стало «коньком» американского социолога. Применение этого метода сыграло значительную роль в реализации исследовательской программы Парка — Бёрджесса «Город как социальная лаборатория».

Исследователи творчества одного из лидеров Чикагской школы отмечают, что он был менее «теоретичен» в своих научных интересах, чем Парк, зато больше занимаясь эмпирической социологией. Студенты факультета, прежде чем попасть к Парку, «проходили» через конкретные исследования, проводимые при непосредственном участии и под руководством Бёрджесса. Среди его (и Парка) учеников можно назвать таких известных впоследствии американских социологов, как Л. Вирт, Р. Маккензи, Н. Андерсон, Х. Зорбо, Л. Коттрелл, Ф. Трешер и др. Они, как и многие другие, не названные здесь исследователи, составляют гордость Чикагской школы.

В 1925 г. вышли почти одновременно две основные, счастливо классические работы Бёрджесса: первая, «Сольная», - «Рост города: введение и исследовательский проект», вторая — в соавторстве с Парком и Маккензи — «Город». В этих книгах получила отражение одна из центральных и наиболее плодотворных идей социолога, касающаяся зон города (о чем специально будет сказано чуть ниже). Наряду с этим Бёрджесс рассматривал основные факторы роста города, среди которых особо выделял миграцию (пространственную мобильность) и ее различные виды, в том числе и внутригородскую. Он исследовал также проблемы подростков, молодежи, преступности, досуга, семьи.

Последняя заняла особое место в его творчестве. Речь идет прежде всего о функциях семьи и социально-психологических проблемах ее существования и развития. Интересно в этой связи отметить такой факт из биографии Бёрджесса: изучив русский язык, он в 1926 г. посетил СССР с целью анализа влияния коммунистической идеологии на традиционную форму русской семьи.

Нельзя не отметить большую организаторскую деятельность социолога. Как и Парк, он умел налаживать хорошие контакты с руководителями Чикаго, заинтересовывать их в исследованиях, которые шли друг за другом. Но при этом следует подчеркнуть значительную эффективность проводившихся изысканий, приносящих большую пользу городу. Бёрджесс много сделал для Американской социологической ассоциации, в течение 1920—1930-х годов он являлся ее секретарем, а в 1934 г. был избран президентом. В 1936—1940 гг., фактически уже после распада школы и переезда Парка в Нью-Йорк, он работал главным редактором «American Journal of Sociology». В последние годы жизни часто болел, умер в Чикаго за несколько дней до наступления 1967 г. Все свои сбережения, все имущество и состояние завещал университету с целью создания Фонда Э. Бёрджесса, предназначенного для помощи студентам и проведения социологических исследований.

Оценки Бёрджесса в американской и мировой социологии очень высоки и почти не уступают тем, что даются в отношении творчества Парка. Так, известный американский социолог И. Блумберг отмечал, что Бёрджесс «более, чем кто-либо, способствовал развитию социологии в Соединенных Штатах... он был неутомим в формировании и расширении интеллектуальных основ нашей дисциплины... Бёрджессу принадлежит особая заслуга во внедрении и укреплении интересов социологии как общенациональном уровне, так и в Чикагском университете»¹.

Основные содержательные характеристики Чикагской школы

Остановимся на содержательных сторонах развития Чикагской социологической школы в период 1916—1935 гг. Оно определялось взаимодействием совместно преподавателями и студентами и исследованиями, которые

¹ Цит. по: Баньковская С.П. Эрнст Бёрджесс // Современная американская социология. М., 1994. С. 32

оказали сильное влияние на развитие социологической пауки. Существовало он носительное единство взглядов, равно как и неформальное лидерство группы ведущих социологов, в первую очередь Парка и Бёрджесса. Появились многочисленные ученики и последователи, среди которых наиболее значительными фигурами были, видимо, Маккензи и Вирт. Сформировалась единая исследовательская стратегия, связанная прежде всего с развитием социальной экологии. В рамках этой стратегии были сформулированы принципы эмпирической социологии.

Одним из центральных среди них стало признание необходимости разработки для каждого исследования своей особой программы — с целями, задачами, гипотезами, четко сформулированными объектом и предметом изучения. То, что сегодня делается почти па «автомате» в любом исследовании и чему учат студентов — будущих социологов, впервые было сформулировано, доказано, апробировано, реализовано в ходе исследований Чикагской школы. Именно ее методология эмпирического исследования стала одним из основных факторов развития мировой социологии.

На возникновение и развитие Чикагской школы оказали серьезное влияние идеи американской философии прагматизма, в первую очередь У. Джеймса и Дж. Дьюи. Кстати, интересно отметить, что первой Чикагской научной школой в области социального знания была не социологическая, а философская школа прагматизма и инструментализма, которую как раз и возглавлял Дьюи. Вместе с тем, как отмечалось выше, представители американской эмпирической социологии, и в первую очередь Чикагской школы, испытали на себе значительное влияние европейских мыслителей. Глава школы Р. Парк четыре года провел в европейских университетах (Берлин, Страсбург, Гейдельберг), где слушал систематические курсы лекций Г. Зиммеля и В. Виндельбанда, а под руководством последнего написал и защитил докторскую диссертацию.

Среди основных достижений Чикагской школы назовем следующие. Большое внимание уделяется разработке и использованию различных методов эмпирического исследования. Выше уже шла речь о методе изучения документов — как официальных, статистических, так и в особенности личных («Польский крестьянин...»). Исследуются установки и ценностные ориентации (аттитюды) различных социальных групп. Для этого применяется метод опроса — как устного (интервью), так и письменного (анкетирование), причем сам метод детально прорабатывается. Впервые ставятся проблемы его достоинств и недостатков.

Значительный интерес наблюдается в отношении использования качественных неформализованных методов исследования, что наиболее характерно для творчества Бёрджесса. Он вообще одним из первых в социологии использовал метод *casestudy*, направленный на всестороннее описание и объяснение отдельного социального факта (случая). Иногда этот метод называют монографическим.

Однако наибольшие достижения Чикагской школы связаны с исследованием целого ряда актуальных для того времени социальных проблем. Некоторые из них не потеряли своего значения и сейчас. Это проблема города, рассматриваемого в качестве социальной среды, причем как крупного, так и небольшого. Говоря об исследованиях крупного города, отметим, что в их основу легли работы, проведенные в самом Чикаго. Во главу угла этих исследований была положена концепция города, базирующаяся на тесно связанных трактовках социального взаимодействия, социального пространства, социальной мобильности.

Работы Парка и Бёрджесса оказали большое влияние на исследования небольшого города, в частности проведенные за пределами Чикагской школы супругами Еленой и Робертом Линд и описанные в двух их книгах: «Миддлтаун. Изучение современной американской культуры» (1929) и «Миддлтаун в переходный период. Изучение культурного конфликта» (1937). В этих работах, ставших так же классическими, как и многие труды Чикагской школы, исследовались жизнь общин и проблемы социального неравенства в небольшом американском городе. Толчком для названных выше трудов супругов Линд послужило изучение Парком проблем негров в Америке и в целом расовых отношений.

Одними из главных достижений Чикагской школы стали работы в области социальной экологии (тесно связанные с изучением города). Социальную экологию Чикагской школы иногда называют теорией социального изменения, основы которой были сформулированы Парком. В ней речь идет о том, что общество необходимо рассматривать как организм, подверженный эволюции. Последняя есть движение от одного порядка к другому, более высокому. Этих порядков Парк называет четыре: экологический (пространственно-территориальный), экономический, политический, социально-культурный.

Условием выживания и развития общества является поддержание в первую очередь экологического, или территориального, порядка. Он есть следствие пространственного, физического взаимодействия индивидов. На его основе возникает экономический порядок, являющийся результатом производства, торговли и обмена. На базе достигнутого экономического порядка появляется политический порядок, который может быть реализован с помощью политических средств, контроля и регуляции поведения. Наконец, наиболее неформальным видом порядка в обществе становится социально-культурный порядок, который чаще всего испытывает на себе влияние традиций.

В основе каждого вида порядка, утверждает Парк, находится свой особый вид социального взаимодействия, позволяющий людям переходить от конфликта к согласию. Этот переход в общем и целом происходит как движение от «биотического» (термин Парка, означающий, скорее всего, живое, органическое) к социальному развитию, поскольку общество выступает как известный симбиоз, определенное сочетание биотических и социальных процессов.

Теперь остановимся на конкретных научных изысканиях, осуществленных в городе под непосредственным руководством Бёрджесса. Эти исследования проводились в самом Чикаго с помощью, как уже говорилось выше, ряда методов, прежде всего метода социального картографирования. Был создан целый ряд социальных карт Чикаго — досуговых мест (танцплощадок, кинотеатров, театров и др.), мест наиболее активной подростковой преступности, мест расположения тех или иных этнических общин (итальянцев, немцев, негров, мулатов, китайцев и т.д.). Причем составлением таких карт (картографированием) занимались студенты. Это позволило в рамках программы «Город как социальная лаборатория» (кстати, получившей неплохое финансирование из разных источников) определить и представить в научном, систематизированном виде определенную структуру города.

Как уже отмечалось, в 1925 г. Бёрджесс опубликовал свою работу «Рост города: введение в исследовательский проект», где им была изложена концепция концентрических зон Чикаго: центральный деловой район (зона бизнеса), промежуточный район вокруг центра (где были деловые конторы и небольшие предприятия легкой промышленности), зона трущоб, зона жилья рабочих промышленных предприятий, затем — более благоустроенные жилые районы и, наконец, зона резиденций (особняки для богатых семей). Завершались концентрические «полукружья» опоясывавшей в районе озер весь город пригородной зоной. Указанные зоны связывались друг с другом (можно сказать, и отделялись друг от друга) транспортными артериями, которые создавали пространственные условия для существования транзитных зон.

Чикаго был поделен на 75 различных районов, в которых проживало более 3000 соседских общин. Все это определяло пространственно-территориальную характеристику Чикаго и до сих пор сохранило свои очертания (особенно заметные, когда имеется возможность обозревать город со смотровой площадки самого высокого здания в Чикаго, да и во всех США, — Сире Тауэр). Современная телефонная книга Чикаго по сей день сохраняет многие названия и классификацию районов, предложенную Бёрджессом на основании изучения им данных переписей населения города в 1930 и 1934 гг. Изучение каждого естественного района (из 75 предложенных Бёрджессом) должно было включать два основных направления: 1) определение пространственного образа района, размещение общин (соседских, хотя и с этническим уклоном), инфраструктуры, мест отдыха и т.д.; 2) изучение обычаев, стереотипов, образа жизни, культурного облика общин. Интересно, что, когда М. Вебер посетил Чикаго в 1904 г., он сравнил этот город с «человеком, с которого содрали кожу так, что видно, как действуют его внутренние органы». В этом смысле Вёрджессу было что исследовать, поскольку город жил, действительно, своим «пространством».

В основе программы социолога по изучению локальных сообществ Чикаго лежала социально-экологическая теория Парка, который связывал изменения в городе с физической, пространственной, социальной, культур-

ной мобильностью. При этом изменение физической среды ставилось в зависимость от пространственных отношений между людьми и группами* Бизнес-центр, расположенный в нейтральной части города («даун-таунс»)!¹ рассматривался как один из основных градобразующих факторов.

Анализируя рост города и факторы, обеспечивающие его, Бёрджесс рассматривал различные виды мобильности: индивидов, семей, профессиональных групп, даже отдельных городских институтов (структур городской и районной (муниципальной) власти). Именно эта мобильность и была содержанием концепции концентрических зон города.

Изучая городскую среду, и Парк, и Бёрджесс, и их ученики рассматривали практически всю совокупность социальных явлений и процессов городской жизни: локализацию отдельных видов девиантного поведения, регуляцию взаимодействия различных групп населения и общин, создание эффективных средств социальной помощи и социального контроля и т.д.

Характеристика взглядов У. Отборна и Л. Вирта

Характеристика Чикагской школы будет неполной, если не коснуться хотя бы кратко взглядов двух известных ее представителей — У. Отборна и Л. Вирта. Они также много и успешно занимались изучением американского города. Отборн, в противоположность лидерам школы Парку и Бёрджессу, которые стремились органично соединить количественные и качественные методы исследования города, настаивал на необходимости лишь первых. Поэтому не случайно статистическая методология исследования получила в его работах наиболее заметное выражение.

Одна из основных работ Отборна — «Социальное изменение» — была опубликована в 1922 г. В ней он изложил свою теорию культурного отставания, или, как ее иногда называют, культурного лага. Суть ее состоит в том, что изменения в материальной культуре происходят, как правило, быстрее и активнее, чем преобразования в нематериальной (адаптивной, как ее определял Отборн) культуре. Это означает, что развивающаяся техника, воздействующая в первую очередь на состояние материальной культуры, определяет все остальные социальные изменения. Он стал одним из первых представителей технологического детерминизма в социологии. Однако теория культурного лага подверглась в литературе того времени критике и вызвала дискуссии за противопоставление двух типов культур — материальной и нематериальной. К концу 1920-х гг. влияние Отборна стало заметным, не случайно именно ему как руководителю президент США Э. Гувер поручил проведение в 1930—1933 гг. социологического исследования социальных тенденций развития американского общества.

Если теория Отборна была связана с изучением города не жестко, то концепция Вирта была самой что ни на есть урбанистической и касалась разработки теории городского образа жизни. Он первым в социологии ввел понятие «городской образ жизни», который он противопоставил сельскому.

будучи непосредственным учеником Парка и Бёрджесса, Вирт соединил в своей трактовке анализ пространственной, социальной организации города и особенностей городского стиля (образа) жизни. Рассматривая типичные черты урбанетической и социальной организации города, социолог характеризует такие, как: высокая концентрация населения, его большая численность, значительная социальная неоднородность, наличие поселений в виде гетто (его описанию и анализу была посвящена названная выше и очень популярная в конце 1920-х гг. книга Вирта «Гетто», 1928) и т.д.

Также впервые подробно были описаны особенности городского стиля (образа) жизни: поверхностность контактов, их частота и кратковременность, анонимность, некое снижение роли семьи и в целом социальной сплоченности людей, ослабление влияния обычаев, традиций, социального контроля и т.д. Слабым местом концепции городского образа жизни Вирта было теоретическое положение о нем как о результате, продукте пространственной и содержательной организации города. Влияние общества на городской образ жизни, по существу, игнорировалось. Такой подход социолога, его взгляды вызвали дискуссии и даже критиковались. Тем не менее концепция городского образа жизни Вирта и по сей день сохранила свое значение в объяснении многих явлений и процессов большого города.

§ 4. Кризис Чикагской школы и ее значение для социологии *Причины*

кризиса Чикагской социологической школы

Влияние Чикагской школы на развитие социологии вообще, эмпирической — в особенности сказывалось на протяжении 1930—1940-х гг., после чего инициатива перешла к Гарвардскому и Колумбийскому университетам. В Гарварде в это время в полную мощь заявил о себе П. Сорокин, к которому на социологический факультет приходили серьезные социологи-эмпирики (хотя, конечно, работали и теоретики, среди которых был Т. Парсонс). В Колумбийском университете также проводились значительные исследования эмпирического характера, где решающую роль в их подготовке и проведении играли П. Лазарфельд и Р. Мертон. Становится понятным, что в условиях жесткой конкуренции американских университетов в области социологии было крайне трудно поддерживать постоянно высокий уровень работы одному из них — Чикагскому.

Ослаблению влияния Чикагской школы способствовали и другие обстоятельства. Прежде всего это был уход из университета Р. Парка. После него наметившиеся ранее противоречия относительно того, как и какие методы применять!) при проведении тех или иных исследований, обострились. Э. Бёрджесс не сумел заменить Парка на посту неформального лидера школы, тем более что у него в это время была очень серьезная работа (с 1936-го по 1940 г. он был главным редактором «Американского журнала социологии»).

После отъезда Парка выяснилось, что ему нет равнозначной замены в области теоретического руководства исследованиями. Наиболее талантливые и уже хорошо известные его ученики — Р. Маккензи, Л. Копрелл, Л. Вирт — не компенсировали далее вместе одной этой потери.

Наконец, еще одна крайне важная причина кризиса Чикагской школы и ее постепенного угасания как основного социологического центра и генератора новых идей состоит в снижении значения локальных и региональных исследований в целом в период экономической депрессии и обострения проблем общенационального значения. Чикагская школа занималась проблемами своего города, штата, социальная же потребность американского общества в социологических исследованиях проявлялась все больше как потребность в изучении общенациональных вопросов. Естественно, что в новых условиях жизни американского общества в середине 1930-х гг. акценты в социологических исследованиях неизбежно должны были смещаться в сторону иных проблем и ориентации, к чему представители Чикагской школы не были в полной мере готовы.

Значение Чикагской школы в истории социологии

В целом, подводя итоги деятельности Чикагской школы, необходимо отметить следующие позиции: а) для Чикагской школы наиболее характерным был социально-экологический подход к целостному социальному организму — обществу и его отдельным структурам, главным образом городам; б) анализ города и общества как системы осуществлялся социологами на двух уровнях — макросоциологическом (общество, город как организм) и микросоциологическом (общество, город как взаимодействие), причем второе иногда оказывалось сильнее, чем первое (как было однажды сказано о Бёрджессе: «он смотрел на социальный лес, а видел социальные деревья»); в) социологи из Чикагского университета глубоко разрабатывали методологию и особенно методику исследования, обращая внимание не только на количественные, но и на качественные методы. Все эти социологические завоевания стали достоянием мировой социологической мысли.

Значение Чикагской школы и в американской, и в мировой социологии состоит в том, что она ориентировала науку, а через нее — и общество в целом на социально-политические реформы, осуществление которых может быть наиболее эффективным на основе разработанных учеными социальных технологий. Благодаря исследованиям представителей Чикагской школы авторитет социологической науки замет но вырос.

Роль Чикагской школы обусловлена ее обращением к социально-экологической проблематике, означавшей стремление Парка и его сторонников выявить тесную связь между обществом и природой, необходимость поддерживать баланс в экологической системе, в которую включен человек. Идея социальной экологии, экологии человека как особого предмета

социологического внимания и исследования стала поистине новаторской и оказала значительное влияние на последующее развитие науки.

Нельзя не отметить большую роль Чикагской школы в становлении одной из первых отраслей социологического знания — социологии города. Под влиянием исследований Парка, Бёрджесса, Вирта, Маккензи проводились работы по изучению городов как в американской, так и в европейской социологии. Нельзя не назвать в этом плане сравнительное исследование супругов Линд «Миддлтаун» (1929, 1937), которое испытало на себе сильное воздействие Чикагской школы, а по своим основным характеристикам и значению для социологии города вряд ли уступает лучшим работам Парка и Бёрджесса.

В работах социологов-эмпириков, выполненных в рамках методологии Чикагской школы, подчеркивалось значение проблем, составлявших содержание повседневной жизни людей. Их исследования были направлены не на создание общей, систематической теории, а на выявление и анализ того круга проблем, которыми люди жили, которые их волновали и которые нужно было решать если не каждый день, то достаточно часто и регулярно. Этим самым был обеспечен поворот социологии к изучению конкретных нужд, потребностей и интересов человека. Вместе с тем сотрудничество социологов в рамках Чикагской школы было направлено в русло изучения социальных потребностей общества (города) и создания условий для их реализации.

Значение Чикагской школы состояло в том, что в эмпирических исследованиях внимание обращалось не только на «субъективный фактор», т.е. мнения людей по тому или иному вопросу, но и на объективные обстоятельства экономического, социального и политического характера, вызвавшие эти мнения. Таким образом, было обеспечено сочетание объективного и субъективного, общего и частного.

Наконец, характеризуя значение Чикагской школы, нельзя не сказать о ее значительном вкладе в организацию профессионального социологического образования по совершенно новому образцу. Представители школы, в первую очередь ее лидеры Парк и Бёрджесс, а до них Томас сумели органически соединить подготовку и проведение конкретных эмпирических исследований с учебным процессом, в котором как его равноправные субъекты участвовали преподаватели и студенты. По существу теоретическое обучение осуществлялось непосредственно в ходе проведения эмпирического исследования. Рождался новый тип университетского профессионального социологического образования.

Вопросы и задания

- 1 Охарактеризуй те причины появления эмпирической социологии и раскройте ее характерные особенности.
- 2 Почему эмпирическая социология конституируется и институционализируется прежде всего в США и только потом — в странах Западной Европы?

3. Какие основные принципы и постулаты позитивизма используются эмпирической социологией?
4. Проанализируйте специфику эмпирического социологического знания.
5. Почему исследование У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе! и Америке» считается тщательным эмпирическим исследованием? Дайте общую характеристику этой работы и раскройте содержание ее проблемного поля.
6. Назовите наиболее острые социальные проблемы, привлекавшие внимание социологов-эмпириков в 1920-х гг., и их работы, посвященные анализу этих проблем.
7. Почему Чикагская социологическая школа привлекала к себе пристальное внимание со стороны и исследователей, и практиков?
8. Расскажите о подготовительном этапе деятельности Чикагской социологической школы.
9. Каковы особенности основного этапа деятельности Чикагской социологической школы?
10. Почему Р. Парк и Э. Бёрджесс стали признанными лидерами Чикагской социологической школы? Изложите основные вехи их творчества.
11. Проанализируйте достижения Чикагской социологической школы и проблемы, которые решались ее представителями.
12. В чем суть социальной экологии?
13. Охарактеризуйте взгляды У. Огборпа и Л. Вирта.
14. В чем заключались причины кризиса Чикагской социологической школы? Каковы его последствия?
15. Покажите значение Чикагской социологической школы.

Литература

- Баньковская С.П.* Роберт Парк. Эрнст Бёрджесс // Современная американская социология. М., 1994.
- Барз/ова Е.С.* Американская социология (традиции и современность). Екатеринбург; Бишкек, 1997.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.И., Самыгин С.М.* Соц (иология: история и современность. М.; Ростов н/Д., 1999.
- Знанецкий Ф.* Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль. Тексты М., 1996.
- История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 1999.
- История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 3.
- Капитонов Э.А.* Социология XX века. Ростов н/Д., 1996.
- Купцын В.П.* Классическая социология. М., 2000.
- Томас У., Знанецкий Ф.* Методологические заметки // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.
- Фотев Г.* Флориап Зпанецкий // Современная американская социология. М., 1994.

Глава 21

Зарождение и начальный этап развития отраслевых

социологии

§ 1. Индустриальная социология и теория человеческих отношений *Зарождение индустриальной социологии*

Эмпирическая социология, особенно активно развивавшаяся в США, после того как достигла заметного прогресса в исследованиях представителей Чикагской школы на материалах изучения процессов в крупных городах (в первую очередь в Чикаго), постепенно стала утверждать себя в иных сферах социальной жизни. Вполне понятно и объяснимо, что одной из пер-вых среди них оказалась промышленность, индустрия. Материальное производство очутилось под пристальным вниманием социологов. Отсюда и название целой отрасли социологического знания — индустриальная социология. Она стала формироваться со второй половины 1920-х гг., а ее утверждение и выход на «передовые позиции» эмпирической социологии были сопряжены с проведением Хоториского эксперимента на заводах по производству электротехнического оборудования фирмы «Вестерн электрик компани» (в окрестностях Чикаго), который проводился в течение почти пяти лет (1927-1932).

Одним из основоположников индустриальной социологии и аналитиком эксперимента, положившего начало массовым исследованиям в промышленности, явился американский социолог и психолог Элтон Мэйо (1880—1949). Он родился в Австралии (г. Аделаида), обучался в университете этике, философии и логике. Заведовал кафедрой философии Квинслендского университета (с 1919 г.). Оказавшись в Шотландии, изучал медицину и психопатологию. Затем он переехал в США, где с начала 1920-х гг. стал профессором Пенсильванского университета. С 1926 г. преподавал в Гарвардском университете и руководил отделом промышленных изысканий в школе деловой администрации — одном из основных структурных подразделений вуза. Главные идеи научной и практической деятельности Мэйо в социологии изложены в трех его небольших работах: «Человеческие проблемы индустриальной цивилизации» (написана в 1933 г. по горячим следам Хоторнского эксперимента), «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» (1945), «Политические проблемы индустриальной цивилизации» (1947).

Приглашению в Гарвардский университет, равно как и проводившемуся под руководством Мэйо Хоторнскому эксперименту, предшествовало одно очень важное и интересное исследование ученого в Филадельфии на текстильной фабрике, где он изучал причины высокой текучести рабочих в прядильном цехе. Дело в том, что на фабрике она составляла 5—6 %, а в этом цехе — 25%. Мэйо провел глубокое интервьюирование рабочих и выяснил основные причины такой текучести: низкий престиж профессии и невозможность для работников общаться друг с другом в рабочее время. Он предложил ввести некоторые, весьма незначительные изменения: разрешить людям общаться во время работы, останавливать станки по собственному усмотрению, установить два десятиминутных перерыва для расслабления в комнате отдыха, использовать в цехе медсестру с определенными психотерапевтическими функциями в ее деятельности. Последнее нововведение оказалось крайне важным и сыграло впоследствии, в ходе проведения Хоторнского эксперимента, существенную роль (о чем далее будет сказано подробнее).

Результаты превзошли все ожидания. Текучесть кадров сократилась до средней по фабрике, производительность труда выросла на 10%, значительно улучшился психологический климат в коллективе. Филадельфийский опыт принес ученому не только широкую известность блестящего социолога-эмпирика, но и послужил своеобразным прологом (иногда говорят «пилотажем», т.е. пробным и разведывательным исследованием) Хоторнского эксперимента.

Чтобы была понятнее сущность эксперимента, необходимо коротко определить ситуацию, имевшую место на предприятиях «Вестерн электрик» ко второй половине 1920-х гг. Здесь работало порядка 30 тыс. рабочих и господствовал старомодный патернализм: рабочим выплачивались премии акциями, существовали хозяйские лавки, время от времени устраивались развлечения за хозяйский счет. Не было никаких профсоюзов, а в течение 20 лет — ни одной стачки. Однако во второй половине 1920-х гг. положение стало напряженным, администраторы жаловались на «ворчание и недовольство», на сознательное ограничение выработки рабочими. Стала расти текучесть кадров и падать производительность труда.

Специалисты фирмы пытались использовать для ее повышения господствовавшую в то время в сфере производства концепцию Ф. Тейлора, в соответствии с которой основными факторами, влияющими на рост выработки, являются физические, прежде всего — освещенность рабочих мест. Но трехлетние опыты, связанные с усилением (ослаблением) освещенности, покраской стен в различные цвета и т.д., не дали никакого эффекта. Что касается отношения к работнику, то в рамках концепции Тейлора—Форда он рассматривался как придаток механизма, призванный его обслуживать, и не более того. На этом, собственно, базировалась точно-конвейерная система. Именно такое представление о человеке и его месте на производстве и попытался разрушить Мэйо, доказывая, что иной под-

ход сулит не только возникновение новых социальных отношений (названных им «человеческими»), но и рост производительности труда.

Последнее как нельзя более соответствовало устремлениям деловых кругов, особенно если учесть специфику периода конца 1920-х — начала 1930-х гг. — времени самого крупного за всю историю капитализма кризиса. Председатель правления «Дженерал фудз корпорэйшн» К. Френсис существо нового подхода к человеку выразил так: «Люди состоят из тела, ума и души, и каждая из этих составных частей, особенно душа, должна быть использована для максимального увеличения производительности».

Хоторнский эксперимент

На первом этапе эксперимент на заводах «Вестерн электрик» не имел никакого отношения к социологии. Речь шла о том, чтобы доказать справедливость гипотезы: чем лучше освещение рабочих мест, тем выше производительность труда. Однако в ходе изменения освещенности эта идея и одна из основных и широко внедрявшихся рекомендаций Тейлора не оправдала себя в плане влияния на производительность труда. Тогда стало ясно, что дело в иных факторах, не связанных с влиянием света. Было высказано предположение о возможном воздействии некоторых иных физических и материальных условий труда. К этому выводу Мэйо «подтолкнули» результаты и других новшеств, которые он внедрил на первом этапе эксперимента в связи с изменениями размеров перерывов для отдыха, продолжительности работы и методов оплаты труда.

Вместе со своим постоянным заместителем Ф. Ретлисбергером он стал изучать действие так называемых неконтролируемых факторов, которые могли влиять на рост производительности труда (второй этап эксперимента). С этой целью от основной массы работающих в цехе по сборке электротехнической аппаратуры была изолирована немногочисленная группа женщин-операторов (6 человек), занимавшихся сборкой реле. Пять работниц собирали реле (каждое из 30 деталей), шестая готовила детали для сборки и складывала уже собранные.

Вместе с девушками-сборщицами в экспериментальной комнате, где они трудились за одним длинным столом, находился ученый-наблюдатель (взявший на себя и функции надзирателя, супервайзера), работавший в лаборатории Мэйо. Он должен был не только фиксировать в специальном журнале все происходящее в течение рабочего дня в бригаде, но и способствовать созданию в ней дружеской атмосферы (вспомним медсестру из исследования на Филадельфийской текстильной фабрике). Чтобы у работниц не сложилось впечатления о якобы проводимом над ними эксперименте, им сообщили ложную цель (легенду). Было сказано, что необходимо выяснить влияние на работу таких факторов, как перерывы в работе, небольшой прием пищи до обеда (второй завтрак за счет администрации), сокращение рабочего времени. Девушкам было также со-

общепро, что такой опыт нужен для общества, для пауки и приведем улучшению условий труда на всем предприятии. Им объяснили, что тс работы должен быть умеренным и что стараться обгонять друг друга нужно. Наблюдатель ежедневно вел с девушками неформальные беседы, осуществляя так называемый мягкий стиль руководства. Беседы касались различных сторон жизни работниц, вплоть до интимных. Главная задача супервайзера состояла в наблюдении за отношением к труду каждой сборщицы реле, тем более что в бригаде не было ни мастера, ни старшего мастера.

Второй этап продолжался 2,5 года. За это время производительность труда каждой работницы выросла в среднем на 40%. Но внезапно (для работниц) все льготы (сокращенное время труда, бесплатные завтраки, дополнительные перерывы) отменили. Это был один из пунктов эксперимента. Однако, несмотря на ухудшение ряда физических и материальных условий, выработка по-прежнему оставалась высокой. Тогда был сделан вывод, что улучшение условий труда не является основной причиной повышения его производительности. Вопрос же о «неконтролируемых факторах» так и оставался открытым.

Было сформулировано пять гипотез, объясняющих связь между экспериментальными переменными (производительность, условия труда, его монотонность, методы работы, утомляемость, время отдыха, зарплата). После проведения дополнительных исследований четыре были отвергнуты, осталась лишь одна, основная, согласно которой на производительность труда влияют прежде всего методы руководства и улучшение взаимоотношений в коллективе.

На третьем этапе эксперимента для подтверждения основной гипотезы было проведено 20 тыс. интервью (каждое из них занимало от 30 минут до 1,5 часа с отрывом от работы и сохранением зарплаты, так что администрация пошла на немалые расходы). Все интервью были направлены на изучение отношений работников к труду и между собой. Выяснилось, что норма выработки определяется не столько добросовестностью и физическими способностями работника, сколько давлением группы, следствием которого становятся его социальная позиция и статус. Четвертый этап исследований, занявший вторую половину 1931 г. состоял в переходе от массового опроса к эксперименту с группой рабочих-сборщиков (14 человек), в ходе которого выявлялся стиль руководства и изучалась структура межличностных отношений.

Теория человеческих отношений как результат Хоторнского эксперимента

Каков конечный результат эксперимента? Был сделан вывод, что основным условием, влияющим на эффективность производственного процесса и рост производительности труда, является фактор человеческих отношений, базирующийся на стремлении членов группы понимать друг

друга, ощущать себя включенными в нее и при этом чувствовать себя свободными. Это желание человека быть включенным в определенную социальную общность Э. Мэйо назвал чувством «социабельности».

Отсюда был сделан еще один вывод, что необходимо стремиться к созданию на производстве «социабельных» образований, т.е. в рамках формальных групп (бригад, например) — неформальных отношений, благодаря которым работники чувствовали бы свою причастность к важным решениям, ощущали собственную необходимость. Для этого нужен был коллектив, сплоченная малая группа значимых друг для друга людей, в котором социальное поведение людей было бы функцией групповых норм, регулирующих его. «Вышло так, — писал Мэйо, — что шесть девушек превратились в коллектив, и этот коллектив искренне и стихийно отдался сотрудничеству в проведении эксперимента. В результате они почувствовали себя его участниками и были счастливы, зная, что работают без принуждения сверху и без ограничения снизу»¹.

Вывод социолога о необходимости установления человеческих отношений между участниками производственного процесса, а именно так эти неформальные отношения и были им названы, имел сугубо практический характер и дал немалый экономический и социальный эффект. Не менее важным был и еще один вывод: руководители производства должны ориентироваться не только и даже не столько на выпуск продукции, сколько на человека, его потребности и интересы, стремиться удовлетворить хотя бы часть из них. В итоге это обеспечит эффективную деятельность производства, удовлетворенность индивида своей работой, социальную стабильность на предприятиях и в обществе в целом.

Здесь столь подробно говорилось о Хотторнском эксперименте по нескольким причинам. Во-первых, потому, что это был один из самых первых масштабных социологических экспериментов, равных которому социология, по существу, до сих пор не знает. Во-вторых, потому, что он знаменовал собой начало бурного развития индустриальной социологии, а вслед за ней — отпочковавшихся от нее социологии труда, социологии менеджмента и других отраслей социологического знания. В-третьих, потому, что он показал большие практические возможности социологии влиять на эффективность многих управленческих решений. Тем самым был дан толчок активному внедрению социологии в деятельность фирм. В-четвертых, потому, что он продемонстрировал тесную связь социологии с социальной психологией и антропологией. Эмпирические исследования в промышленности показали, что социально-психологические и «человеческие» факторы играют большую роль и недооценивать их нельзя. Это способствовало развитию потребности в кадрах социологов — специалистов нужной, модной и хорошо оплачиваемой профессии.

— Мэйо Э. *The Social Problems of an Industrial Civilisation*. L., 1949. P. 64.

Впоследствии вокруг концепции (или, как ее часто называют, доктрины) человеческих отношений было много полемики, тем более что некоторые выводы Мэйо имели явно идеологический и утопический характер. Так, он полагал, что если удастся установить, «внедрить» человеческие отношения в любых группах и коллективах, не только в производственных, но и в детских, студенческих, армейских и т.д., то можно будет создать принципиально новый тип общества, не знающего конфликтов и эффективно функционирующего. Как видно, общество в данном случае рассматривалось в качестве совокупности самостоятельных, автономных, самодостаточных групп, чего на самом деле, конечно, нет.

В целом теория человеческих отношений сыграла (и продолжает играть) важную позитивную роль в развитии как индустриальной социологии (а также социологии менеджмента, социологии труда), так и практики капиталистического производства. Значительный прогресс последнего был обеспечен в большой мере за счет нового понимания отношений между участниками производственного процесса, осмысления того, что они должны быть действительно человеческими, учитывать интересы и потребности работника, создавать условия для их реализации, причем прежде всего в рамках трудового коллектива.

Изучение процесса формирования коллектива, базирующегося не только на формальных, но и на неформальных отношениях между его членами, осуществлявшееся в 1930-х гг., способствовало резкому росту интереса к малым группам на уровне их эмпирических исследований и созданию для этой цели соответствующих методов и методик. Среди них особое место занимала быстро приобретающая популярность социометрия.

§ 2. Социометрия и изучение групп в социологии *Понятие*

социометрии, Творчество Дж. Морено

Под социометрией будем понимать отрасль социально-психологических и социологических исследований межличностных отношений в малых группах, осуществляемых с помощью количественных методов. У термина есть иное значение, которое, собственно, и говорит о его происхождении в конце XIX — начале XX вв. Социометрия рассматривалась как способ измерения эмоциональных отношений и влияния одних групп людей на других.

Активное внедрение социометрии в практику изучения внутригрупповых отношений связано с именем Джекоба (Якоба) Морено (1892—1974).! Он родился в Румынии, окончил Венский университет (где изучал философию и медицину). Во время учебы находился под сильным влиянием взглядов З. Фрейда. Затем испытал на себе сильное воздействие идей Г. Зиммеля, Ч. Кули. Несколько лет работал врачом, занимался психиатрической практикой. Первые свои наблюдения о значимости межличностных

внутригрупповых отношениях и необходимости их специального исследования сделал еще в 1920-х гг. В 1925 г. Морено переехал в США. Там он основал в 1940 г. Институт социометрии и психодрамы, вошедший в историю как Институт Морено. Под его руководством в период с 1937-го по 1955 г. публиковались известные и популярные в то время периодические издания «Журнал межличностных отношений» и «Социометрия».

Морено активно пропагандировал свои концепции и практическую психотерапевтическую деятельность. Под эгидой ЮНЕСКО он читал лекции во многих странах Европы, был с этой целью и в Советском Союзе. На русском языке издана его «Социометрия» (1958). Среди более чем 300 научных трудов основными работами были «Социометрия и культурный порядок» (1943), «Социодрама» (1944), «Психодрама» (1969). Но, пожалуй, наиболее популярной его книгой стала опубликованная в 1934 г. работа «Кто выживет? Основы социометрии, групповой психотерапии и социодрамы».

Морено исходил из того, что существуют две основные структуры, которые необходимо изучать: на социологическом уровне — макросоциологическую структуру, на социально-психологическом уровне — микросоциологическую структуру. Если на первом уровне анализируются и рассматриваются все основные социальные проблемы общества, то на втором — межличностные отношения в малых группах. Социолог выстроил систему наук и методов, которые должны изучать оба уровня структур и разрешать возникающие проблемы. Это: соционимия — наука об основных социальных законах, социодинамика — наука о процессах, происходящих в малых группах, социометрия — система методов выявления и количественного измерения межличностных, эмоциональных отношений людей в малых группах, социатрия — система методов излечения людей, испытывающих затруднения в поведении в малых группах. Последние две системы имеют прикладной характер и базируются на теоретических представлениях о социальных группах, которые составили основное предметное поле эмпирических исследований в 1930—1940-х гг.

Для Морено и других представителей социометрии объектом исследований являются реально существующие малые социальные группы. Главное, чем они характеризуются, — это эмоциональные отношения людей друг с другом, составляющие атомарную (атомистическую) структуру общества. Простое наблюдение не в состоянии зафиксировать эти отношения, но они могут быть выявлены с помощью специфических методов измерения, особой техники опроса и обработки данных, которая включает в себя: социометрический тест, социометрическую матрицу, социограммы, социометрические индексы. Эта техника позволяет определить реальные конфликтные ситуации и предпринять усилия для их ликвидации.

Приведем пример одного из социометрических исследований, проведенных под руководством Морено в школьном классе, отличавшемся конфликтами и между педагогами и учащимися, и внутри самого ученическо-

го коллектива. Последнего, строго говоря, не существовало. Успеваемость была низкой, а нарушений дисциплины — более чем достаточно. Морено предположил, что одной из причин сложившегося положения является нежелание педагогов учитывать интересы учащихся, в частности, в *ia*-еой ситуации, как кто с кем сидит рядом на занятиях. С согласия руководства школы сотрудники его исследовательской группы пришли в класс и объяснили школьникам, что они хотели бы выяснить путем письменного опроса, кого каждый из них хотел бы видеть рядом с собой на уроках, чтобы удовлетворить, насколько это будет возможно, их интересы. При этом было сказано, что, идя навстречу пожеланиям учеников, исследователи надеются на эффективность «пересаживаний» в классе, которые должны привести к общему улучшению успеваемости и дисциплины. (Впоследствии этот факт был использован аналитиками социометрической методики для «обвинения» Морено в оказании психологического давления на учащихся.)

Проведя опрос (учеников попросили назвать двух-трех их товарищей, с которыми они предпочли бы сидеть рядом), исследователи составили социометрическую матрицу. Она представляла собой таблицу, в которой были три колонки: кто выбирает, кого выбирают, количество отданных выборов. Благодаря несложной обработке данных опроса были получены результаты, на основе которых педагоги и исследователи провели в классе собрание, а затем осуществили «перестановку» учащихся. Результат оказался достаточно впечатляющим: улучшилась успеваемость, снизилось (правда, не очень значительно) число нарушений дисциплины, а конфликты в коллективе стали исчезать. Это исследование получило большой резонанс в 1930—1940-х гг. и способствовало росту популярности социометрии.

Продолжением социометрии являются психодрама и социодрама, также разработанные Морено. Он создал «терапевтический» (его называют иногда социометрическим) театр, который означает метод группового тренинга, основанный на особенностях межличностного взаимодействия в группах. Социодрама — это моделирование и проигрывание различных социальных ситуаций, а психодрама — это моделирование и проигрывание различных ситуаций межличностного общения. Находясь на сцене, люди проигрывают определенные психические состояния и социальные роли, благодаря чему им становится психологически легче и комфортнее. Таким путем ученый лечил неврозы, алкоголизм, смягчал конфликты, выявлял неформальных лидеров, оптимизировал социально-психологический климат в малой группе.

При этом следует отметить, что в социодраме принимают участие (иг-1 раят) естественные группы (семья, труппа до вой коллектив, студенческая группа, школьный класс), в которых исполнители могут меняться местами (например, подчиненный становится начальником, дочь — матерью, или наоборот). Что касается психодрамы, то здесь создается экспериментальная группа, выступающая аналогом театральной труппы, поскольку на сцене проигрываются определенные ситуации поведения людей. Ос-

иовнымм участниками психодрамы выступают: профессионально подготовленный психолог - ведущий (психодраматург); главное действующее «лицо — «проблемный» человек, показывающий на сцене свою реальную жизненную ситуацию; аудитория — группа присутствующих людей, которые участвуют в действии, играют различные роли, обмениваясь ими с другими людьми на сцене, в том числе и с самим главным действующим лицом. Любопытно отметить, что для своего психотерапевтического театра Морено придумал специальную трехъярусную вращающуюся сцену, которая создает видимость реального жизненного пространства и возможности перемещения в нем основных участников психодрамы.

Изучение социальных групп в социологии

Начиная с 1920—1930-х гг. проблема социальных групп превращается в исчерпывающую для двух наук — социологии и социальной психологии. Это обстоятельство способствует их обоюдному развитию, которое продолжается и по сей день в связи с разработками проблематики социальных групп. Тем не менее подходы названных выше наук к изучению социальной группы различаются. Социологический подход определяется выявлением в первую очередь объективных критериев для анализа многообразных реальных социальных групп, тогда как социальную психологию интересует прежде всего «содержательная характеристика таких групп, выявление специфики воздействия на личность конкретной социальной группы» [Андреева. 1996. С. 140].

Несмотря на существующие в литературе теоретические обоснования различий в подходах социологии и социальной психологии к изучению социальных групп, на практике оба они не просто сопряжены, но и теснейшим образом переплетаются. И эта ситуация вполне объяснима: подчас очень трудно провести демаркационные линии в исследованиях социальных групп и сказать, что здесь кончается одно (социологическое) и начинается другое (психологическое) или наоборот. Такое положение дел в полной мере проявилось в 1930—1940-х гг.

Вообще упомянутые два десятилетия оказались достаточно продуктивными (может быть, даже самыми продуктивными) в западной социологии, разрабатывающей проблематику социальных групп. Именно в этот период их изучение стало «уходить» от самоцельного, самодостаточного процесса (когда главная задача сводилась к разработке теории социальных групп, их классификации, выявлению принципов взаимодействия групп и т.д.) и приобретать прикладной характер.

Как уже было показано выше, большой вклад в исследование социальных групп в промышленном производстве внес Э. Мэйо. По существу, он разработал понятие трудового коллектива как разновидности основной социальной группы на производстве. Более того, он обнаружил и показал возможности использования механизма создания и укрепления подоб-

ных социальных групп с помощью теории и практики человеческих отношений. Работы Э. Мэйо, Ф. Ретлисбергера, У. Диксона, Н. Уайтхеда в области изучения социальных групп (прежде всего в сфере промышленности) го производства) имели преимущественно социологический характер [отличие от многих других, в частности проектов Дж. Морено (который кстати, неоднократно применял социометрическую матрицу в процессе исследований, проводившихся на промышленных предприятиях), характеризующихся своей социально-психологической направленностью].

Последние имели также прикладной характер и известны тем, что в них нашло свое отражение методика изучения и измерения характера и уровня межличностного взаимодействия в социальной группе. Морено и американский социолог Э. Богардус ввели понятия «социальное расстояние» «социальная дистанция», определяющие социально-психологические отношения внутри группы и между группами. Главной характеристикой «социальной дистанции» является отношение взаимопонимания, которое усугубляется между индивидами и социальными группами.

В конце 1930-х гг. появляется теория групповой динамики (К. Левин) Это направление в микросоциологии и социальной психологии, включающее ряд дополняющих друг друга концепций, объясняющих функционирование малых социальных групп, законы формирования и развития их структуры, взаимоотношения индивидов между собой в рамках группы, а также взаимоотношения групп с другими группами и социальными институтами. Были выведены два основных принципа теории групповой динамики: а) малые группы могут рассматриваться как целостные образования; б) законы, характеризующие процессы в малых группах, могут экстраполироваться на общество в целом.

Последний принцип является достаточно спорным и не раз вызывал дискуссии в связи с теоретическими попытками провозгласить малую группу микромоделью общества, которой присущи все его основные черты, процессы и противоречия. Из отстаивания этого принципа следовало, что все сколько-нибудь значимые общественные проблемы могут быть решены на уровне малых групп. В таком случае очевидно, что в теориях групповой динамики явно преувеличивается роль малой группы как социального явления, как своеобразного «сколка» общества.

В 1940-х гг. и далее в разработку теории социальных групп значительный вклад вносят Р. Бэйлз, Т. Ньюком, У. Уайт, Л. Фестингер, Дж. Хоманс и др. Помимо ставших уже классическими теоретических разработок малых и больших, первичных и вторичных, формальных и неформальных и других групп, особое внимание обращается на добровольные ассоциации, харизматические группы, бюрократию, другими словами, на разновидности социальных групп, которые связывают их с социальной организацией.

Сами исследования социальных групп постепенно перестают быть полностью автономными и все теснее переплетаются с изучением социальных

организаций, подчеркивая социологический ракурс проблематики. Однако эти работы по-прежнему выполняются на «стыке» социологам и социальной психологии, что, как уже отмечалось, в общем-то типично для изучения социальных, особенно малых, групп. Не случайно социальную психологию в свое время определяли как науку о социальных группах. И сейчас их проблемы продолжают волновать представителей этой, пограничной с социологией, науки. Данное обстоятельство нельзя игнорировать в ходе историко-социологического анализа процесса изучения социальных групп.

§ 3. Развитие отраслевых социологии в 1930-1940-х гг.

В указанный период происходило быстрое развитие многих отраслей социологической науки. Среди них — социология труда, социология менеджмента, социология культуры, социология образования, социология знания, военная социология, социология досуга и др. Продолжалось «победное шествие» индустриальной социологии, социологии города. Развитие отраслевых социологии было отражением не столько их потребностей в развитии теории, сколько результатом возросшего практического интереса в проведении исследований.

Военная социология

Рассмотрим в качестве примера такого интереса и его отражения в развитии отраслевой социологии возникновение военной социологии (иногда ее называют социологией армии). С началом Второй мировой войны и на протяжении всего десятилетия 1940-х гг. проводились серьезные социологические исследования в американской армии, которыми руководил С. Стауффер, один из самых известных социологов в США 1940—1950-х гг., ученик У. Огборпа. Стауффера справедливо считают основателем военной социологии. Под его руководством была написана самая, пожалуй, серьезная книга в этой области социологического знания, ставшая затем хрестоматийной двухтомная работа «Американский солдат» (издана в 1949 г.).

Значительная часть исследований Стауффера была посвящена изучению социальных групп в американской армии. Одна из основных проблем, поставленных в названной книге, касалась выявления механизмов и средств для поддержания высокого морального духа солдат. Особенно тесно эта проблема связывалась с изучением так называемых референтных групп, выступающих для индивидов (в данном случае солдат) в качестве социального эталона, с которым он сравнивает себя, свое положение и поведение.

В связи с изучением морально-психологического и боевого духа военнослужащих представляет интерес своеобразная «предыстория» социологических исследований в американской армии. Когда в конце 1930-х гг. социологи США под руководством Стауффера стали изучать морально-боевой дух

в войсках, социальные установки солдат на поведение в условиях войны *т* боя, их выводы оказались неутешительными. Однако эти заключения проИ тиворечили выводам инспектирующего армию генералитета, по мнению коЯ торого она вполне была готова к активному участию в боевых действиях. I

Нетрудно догадаться, чем грозило такое проии вое тояиие иенераличета и социологов для последних. Но, как говорится, «не было бы счастья, дя несчастье помогло». Случилось так, что на американской военной базе ш Пёрл-Харборе в декабре 1941 г., в период разгромного нападения на нее японцев, оказались социологи, которые на следующий день после бом-1 бардировки провели опрос солдат и офицеров. Его результаты подтвер-1 дили гипотезы социологов, а обстоятельный отчет об исследовании был написан очень быстро и направлен в Министерство обороны, произведя там весьма сильное впечатление. I

После происшедших событий социологи уже не имели никаких пре-1 нятствий для работы в войсках и немедленно воспользовались этим об-1 стоятельством. Всего за годы войны в американской армии было провсде-1 но более 250 исследований. Если же суммировать то, что было сделано! социологами в ней до и после войны в 1940-х гг., то количество исследо-1 ваний вырастает до весьма внушительной цифры — 400 работ. I

Назовем лишь некоторые проблемы, которые ставились и изучались со-| циологами в вооруженных силах: отношение солдат и офицеров к войне;! определение иерархии факторов, влияющих как на боевую подготовку во-1 еннослужащих, так и на их поведение в бою; выявление связи между соци-| альными установками солдат и их эффективным участием в боевых дсйст-1 виях; анализ установок военнослужащих на,армейскую карьеру;! отношения в армии между белыми и неграми; досуговые ориентации воен-| нослужащих (их стремление определенным образом проводить свободное! время); отношение военнослужащих к гражданским лицам и т.д. I

Отрасли социологии в сфере производства I

Продолжая разговор о развитии отраслевых социологии в 1930—1940-х гг., I необходимо сказать о многочисленных исследованиях социологов в индус-1 трии, на промышленных предприятиях. Эти работы были выполнены в! рамках трех тесно связанных между собой отраслей —

индустриальной со-1
циологии, социологии труда, социологии менеджмента (последние
две «от-1
почковались» от первой, выделились из нее именно в 1930-х гг.).

I

Социология труда имела в качестве своего предмета изучение характера и содержания труда, его социальных условий и организации, выявление факторов совершенствования отношения человека к труду — с учетом доминирующего в то время характера последнего (монотонный, конвейерный труд). По существу, социология труда выступала «ядром» индустриальной социологии. В ее рамках возникла теория и практика гуманизации труда, преследовавшая цель изучения факторов его совершен-

егования с точки зрения компенсации тех потерь, которые человек несет и условиях существовавших в то время типов производства. Основное внимание, естественно, было уделено поточно-конвейерному производству, поскольку именно в его условиях происходила наиболее сильная дегуманизация личности и имело место ее разрушение.

Поскольку сам конвейерный труд гуманизировать и сделать интересным, творческим **было** в принципе нельзя, социологи работали над тем, как скрасить его монотонный, иссушающий ум и душу характер. Именно они рекомендовали в 1930-х гг. специальные, «гуманизирующие» конвейерный 1 руд мероприятия, направленные на введение ряда мелких усовершенствований: создание вращающихся сидений для рабочих, введение рабочих-заместителей (которые могли бы выполнять операции вмеси) отлучившихся на небольшое время основных работников конвейера), организацию подсобного конвейера инструментов, разрешение курить па рабочем месте и кд.

Практические рекомендации социологов касались и эмоционально воздействующих мероприятий: ликвидации перегородок между рабочими мес-1 ами, ч гобы можно было общаться во время трудового процесса; работы под музыку (ее писали композиторы специально для данного конвейера, она должна была, с одной стороны, своим ритмом совпадать с ритмом конвейера, а с дру! ой - успокаивать); создания так называемых «шоколадных» конвейеров (параллельно главному), по которым передвигались бы шоколадки, жевательная резинка, прохладительные напитки и т.д. (цель та же самая — скрасить монотонность повседневного рутинного труда).

^Если социология труда и одна из центральных ее доктрин — гуманизация труда были направлены па анализ характера и содержания непосредственной деятельности рабочего, а концепция человеческих отношений — на изучение отношений между рабочими, то социология менеджмента оказалась нацеленной на выявление специфики взаимодействий между управленцами (менеджерами) и рабочими. Эта отрасль социологии оказалась весьма значимой для системы производства и быстро развивалась в силу своей большой не только социальной, но и экономической эффективности.

Помимо теоретических разработок проблем управления па предприятиях социология менеджмента имела широкую практическую направленность. Она проявилась в регламентации и детализации отношений между менеджером и работником. Не случайно уже в 1930-х гг. социологию менеджмента называли «карманной социологией» бизнесмена. Доказывалось, что всем своим повседневным поведением менеджер должен показывать близость к рабочим, знание их жизни, заинтересованность в успехах и достижениях не только па производстве, но и в иных сферах деятельности. Признаком хорошего «менеджерского» тона считалась публичная, на виду у всех, демонстрация своего детального знания семейной и бытовой жизни отдельных рабочих. Например, социологами рекомен-

довалось менеджеру подойти в цехе во время смены к рабочему, тепле ним поздороваться, спросить об успехах сына в школе, пообещать ему че-" рез отца рождественский подарок в случае хорошей успеваемости. Другая рекомендация касалась необходимости вести публичные, демонстративные беседы с рабочими (обязательно, чтобы многим было видно и слышд но) относительно результатов, скажем, бейсбольных матчей, и при зте задавать вопрос о том, как сыграли «наши». Считалось, что таким обра зом устанавливаются неформальные отношения с рабочими и у них мируется ощущение, что они в одной «команде» с боссом.

Основная идея здесь состояла в том, что все, вплоть до последней пуговицы, должно говорить о близости руководителей к подчиненным. Отсюда и самые различные конкретные рекомендации и регламентации относительно скромных и строгих костюмов, в которых нужно приходиться к рабочим, соответствующих марок машин, в которых следует приезжать на работу, и т.д.

По мнению социологов менеджмента, двери кабинета менеджера (скажем, начальника цеха) должны быть, как правило, открыты для рабочих. В кабинете рекомендовалось иметь специальный журнальный столик с прохладительными напитками на нем и кресла, в которые могли бы сесть рабочие для того, чтобы поговорить с начальником о производственных проблемах, которые их беспокоят и являются болезненными (начиная от условий труда, в том числе и его оплаты, и кончая настроениями в коллективе). При этом исследователи (например, П. Дракер, С. Баркин, У. Диксон) писали, что лучше узнать о возникающих недовольствах от тех или иных рабочих в ходе откровенных разговоров с ними, чем ждать, когда эти отдельные неудовлетворенности выплеснутся в организованных коллективных акциях протеста (стачках, забастовках и т.д.).

Развитие многих отраслей социологической науки в 1930—1940-х гг. стало возможным благодаря ее значительным достижениям в области методологии, методики и техники конкретных исследований.

§ 4. Достижения в области методологии и методики исследований. Социологическое творчество П. Лазарсфельда

Период 1930—1940-х гг. стал главным в развитии методологии и методики социологических исследований, К этому времени был накоплен большой опыт в их организации, подготовке, проведении и обработке материалов, стали активно использоваться математические методы в социологии. Существенную роль в процессе ее обогащения новыми достижениями методологии и методики конкретного эмпирического исследования сыграл Поль Лазарсфельд (1901-1976).

Он родился в Австрии, в Вене, в высококультурной, интеллигентной семье. Его мать была психоаналитиком и имела большую практику. Отец за-

1

нимался адвокатской деятельностью. Будущий социолог учился в Венском университете, получив две специальности — математика и психолога. Его образование впоследствии помогло ему в ходе исследований активно использовать математические методы. Не случайно в 1925 г. он успешно защитил диссертацию по прикладной математике. После нескольких лет преподавания в колледже Лазарсфельд основал в 1929 г. Институт прикладных социальных исследований. В последующие годы (вплоть до 1933 г.) он параллельно преподавал в Венском университете прикладную социологию и занимался разработкой методики и техники эмпирических исследований. Именно в эти годы он участвовал в изучении социальных и психологических последствий безработицы в небольшом городе Мариенталь. Результаты исследования нашли отражение в ставшей впоследствии очень известной книге «Мариенталь» (1933), в авторском коллективе которой Лазарсфельд играл одну из ведущих ролей. Основными методами, использованными при проведении исследования «Мариенталь», были: анализ биографий, включенное наблюдение и количественные измерения самой безработицы с прогнозами на ее существование и развитие.

По материалам исследований в Австрии в 1935 г. появилась еще одна его работа — «Искусство спрашивать "почему"». В ней ставились вопросы изучения потребительского поведения, а не существу, была разработана одна из первых методик, этому посвященная. Впоследствии она неоднократно использовалась в сфере не только маркетинговых исследований, но и изучения иных проблем, связанных с анализом изменения ориентации и намерений людей.

, Высоко оцененные специалистами результаты исследования в Мари-ентале позволили Лазарсфельду получить четырехлетний грант Фонда Рокфеллера на проведение научных исследований и попасть таким образом в США. В этой стране он работал во многих университетах: Колумбийском, Гарвардском, Чикагском и др., где выполнял с неизменным успехом научные проекты, подружился с рядом очень крупных социологов и в конце концов остался, получив американское гражданство. Следующие четыре года (1937—1940) известны в творческой биографии ученого как период работы в Бюро по исследованию радио и руководства этой организацией. После 1940 г., вплоть до 1950 г., Бюро, находясь в Колумбийском университете в Нью-Йорке, значительно активизирует свою деятельность как в осуществлении исследований, так и в подготовке кадров для их проведения. Лазарсфельд вместе с Р. Мертоном (дружба с которым продолжалась вплоть до самой смерти) изучает влияние на аудиторию радио и прессы (сравнивая по ряду параметров их воздействие). Затем они вдвоем пишут на эту тему книгу «Массовая коммуникация, популярные вкусы и организованное социальное действие» (1948).

О социологическом исследовании радио следует сказать особо, поскольку в 1930—1940-х гг. оно являлось одним из самых распространенных

и эффективных средств массовой информации. Помимо этого, радио вы! ступало мощным средством политического воздействия, возможности | пользования которого волновали многих лидеров западных стран, пример как в Америке, так и в Европе. Работники Бюро по исследованию радио стоя руководством Лазарсфельда изучали аудиторию это) о СМИ, пред почте ния радиослушателей, принципы составления радиопрограмм и т.д.

Попутно отметим, что в 1930— 1940-х гг. проблематика СМИ волиов; ла многих крупных социологов. Одним из них был Г. Лассуэлл (1902-1978), который анализировал проблемы использования СМИ в практик принятия политических решений. Он привлек значительный интерес своим исследованиям очень важным постановочным вопросом, опреде лявшим по существу проблему эффективности СМИ: кю сообщает, сообщает, кому сообщает, но какому каналу и с какой эффективностью] Этот вопрос и попытки на пего ответить па многие годы определили характер эмпирических исследований в сфере СМИ.

Возвращаясь к достижениям Лазарсфельда, интересно подчеркнуть¹ одно обстоятельство в его творчестве — стремление находиться па переднем крае социальной проблематики, требующей своего эмпирического: изучения. Когда в 1930-х гг. безработица приобрела гигантский размах и определяла многие стороны общественной жизни, он выявлял ее социальные последствия. Начали бурно развиваться новые средства массовой¹ информации — и он в первую очередь оказался среди их исследователей.! Возник значительный интерес к электоральному поведению (поведений избирателей) — Лазарсфельд вносит свой большой вклад в процесс егизучения. Когда группа Стауффса начала анализировать социально! психологические процессы в американской армии, Лазарсфельд также н\$ остался в стороне от этого направления социологической деятельности.

В 1940-х гг. он принял самое активное участие в исследовании измене- \ ния социальных установок американских солдат (вместе со С. Стауффе-1 ром и Л. Гутманом, автором известной в социологии шкалы измерений).¹] В этом исследовании, как и в предшествовавших, он особое внимание об-) ращал на разработку и использование самых различных шкал, причем не только порознь, но и в их комбинации. Не случайно его считают одним из | самых горячих поборников применения метода шкалирования в омпири- јческой социологии.

В ходе исследований Лазарсфельд стремился к обогащению техники п]процедуры их проведения с помощью различных методов. Он внервы^ ввел панельный метод, состоявший в проведении повторного исследова-1 ния одного и того же объекта с определенным временным интервалом пс одной и той же программе и методике. Ученый также первым обрати! внимание на необходимость широкого использования в социологии ла-Јтентио-структурного анализа, благодаря которому в соответствии с отве-1 тами респондентов на отдельные вопросы можно выявить их распределе-]

иие по какому-то скрытому (латентному) признаку. По существу, это был один из новых методов статистического анализа данных эмпирического исследования. Его использование подсказало впоследствии Мертону идею трактовки латентных функций в социологии (подробнее об этом будет сказано при рассмотрении его концепций).

Лазарсфельд, его коллеги и ученики (Э. Кац, Дж. Коулмен и др.) одними из первых разрабатывали процедуру выборки, которая получила в социологии название «снежного кома». Суть ее состояла в том, что респондентов, опрашиваемых в связи с изучением различных проблем (впервые в исследовании электорального поведения в ходе президентской выборной кампании в США в 1940 г.), просили назвать тех, кто определенным образом повлиял на процесс принятия ими решения. Это позволяло увеличивать число респондентов в исследовании данной проблемы — по аналогии с катящимся снежным комом, на который налипают все новые снежки.

Большое внимание Лазарсфельд уделял не только методике, но и методологии социологического исследования (по мнению некоторых аналитиков его творчества, даже большее, чем методике). Сам он постоянно подчеркивал их единство, говоря о том, что это не две разные сферы социологии, но взаимосвязанные, переходящие одна в другую линии социологического исследования. Он стремился оценить методы и процедуры эмпирического исследования, выявить смыслы и значения используемых понятий. При этом основным критерием истинности научного знания у него выступал принцип верификации, состоявший в сопоставлении гипотез исследования с реальными фактами. По существу, речь шла о выявлении истинности теоретической модели путем ее опытной проверки, что означало эмпирическое сравнение с реальной действительностью. Принцип верификации является типичной принадлежностью позитивизма (неопозитивизма), в парадигме которого постоянно работал Лазарсфельд.

В заключение следует отметить, что Лазарсфельд и возглавлявшая им школа в Колумбийском университете сыграли большую роль в разработке методологии и методики эмпирических социологических исследований. Благодаря деятельности ученого и его школы значительно «разрослось» поле этих исследований. Стало намного понятнее, где и как можно использовать силы и возможности социологов. Потенциал этой науки, особенно в прикладных ее аспектах, вырос.

§ 5. Расцвет и «болезни» эмпирической социологии

В рамках эмпирической, прежде всего прикладной, социологии проводятся исследования, завершающиеся выработкой рекомендаций и созданием социальных технологий, в которых нуждаются промышленное производство, политические партии и движения, средства массовой информации, адми-

нистративные структуры, образование, здравоохранение и др. Эмпирические исследования проводятся и в рамках академической социологии — подтверждения и уточнения тех или иных теоретических положений, мулирования гипотез, оттачивания методического инструментария, проверки способов и средств социологического измерения, создания новых стов, шкал, коэффициентов и т.д.

Вместе с тем, наряду с важными и актуальными проблемами прикладной и академической социологии, эмпирические исследования все чаще касаются вопросов, не всегда значимых с социальной точки зрения вызывает определенную неудовлетворенность общественности, частью которой начинает относиться к социологии как к науке, которая мало что дает, к тому же скатывается в ползучий эмпиризм и мелкотемье.

Именно такую тенденцию высмеял в памфлете «Зонтиковедение — новая наука?» американский исследователь Дж. Сомервилл. Он приводит вымышленное письмо некоего «ученого», который уверял, что создал новую отрасль науки — «зонтиковедение». Этот «ученый» будто бы обследовал Манхэттен (район Нью-Йорка) и подсчитал число зонтиков, имеющихся каждой семье, проанализировал их размеры и цвет. Затем он сообщил, собирается сделать это же во всем штате, в стране, наконец, в мире. Иронизируя над эмпирической социологией, Сомервилл выводит законы «зонтиковедения», такие, как, например, «закон возрастания тенденции к приобретению зонтиков в дождливую погоду», «закон соответствия цветных вариаций зонтиков полу их владельцев» (последний фиксирует банальную и всем давно известную истину, согласно которой мужчины предпочитают черные зонты, а женщины — разноцветные) и др. Так Сомервилл высмеивает мелкотемье эмпирической социологии.

Некоторые эмпирические исследования того периода оставляют смешанное чувство. Вот, к примеру, работа французских социологов Ж. Фриш-Готье и П. Луше «Голубеводство у шахтеров Севера»¹. Она представляет собой эмпирическое изучение роли голубеводства в жизни шахтеров северной Франции. Выполнено оно в полном соответствии с принципами и нормами социологического исследования, на большом и репрезентативном массиве. В книге убедительно доказывается, что разведение голубей — один из любимых видов досуговой деятельности шахтеров, который позволяет им хорошо отдохнуть, развлечься, затем приступить к работе с новыми силами. Авторы показывают, что голубеводство позволяет снять напряжение жизни и отношений в сфере труда, особенно такого тяжелого, как шахтерский. Рассматривается отношение рабочих к этому виду времяпрепровождения, в целом весьма позитивное. Респонденты в ходе письменного (анкетного) и устного (интервью) опросов в большинстве своем отвечали, что за этим занятием они забывают об ост-

¹Frish-Gaultier J., Louhet P. L'accolombophilie chez les mineurs du Nord. P., 1961

рых проблемах жизни, о тяготах подземного труда. Глядя ввысь, в небо, действительно, не думаешь о том, что происходит на земле и под землей. Гак что, казалось бы, работа актуальна и подчеркивает значение эмпирической социологии как средства познания проблем, находящихся на острие жизни. Но, читая книгу, невольно задумываешься над вопросом: неужели у шахтеров нет более важных проблем в их жизни, чем разведение голубей? А куда «ушли» проблемы экономического характера, улучшения жизненного уровня трудящихся? (Не будем забывать, что исследование голубеводства было проведено в 1957 г., когда и стачки, и забастовки рабочих во Франции имели массовый, нарастающий характер.)

Наконец, появляется еще один вопрос: не выступает ли в этом случае эмпирическая социология средством отвлечения от наиболее острых проблем, смещения акцентов на второстепенные вопросы? Ведь, проводя исследования, публикуя свои работы, социологи тем самым привлекают внимание к ставящимся ими проблемам как наиболее актуальным. Возникают, следовательно, объективные последствия их подходов к определению значимости исследуемого материала и проблематики. Поэтому критики «ползучего эмпиризма» и мелкотемья, а зачастую и никчемности некоторых исследований, видимо, во многом правы, усматривая причины этих явлений в социологии в отрыве от широких социально значимых проблем, в стремлении выдать подчас второстепенные вопросы за ключевые.

Одна из основных причин слабости и названных «болезней» эмпирической социологии (мелкотемья, отрыва от актуальных социальных проблем, «ползучего эмпиризма» и др.) в 1940—1960-х гг. состояла в относительном параллелизме теории и эмпирии, в отсутствии механизмов их «сцепления». Поиск путей устранения тесной связи между ними только начинался, и первые шаги в этом направлении были сделаны скорее представителями теоретической, чем эмпирической социологии.

Завершая главу, необходимо отметить, что в целом, несмотря на определенные слабости, эмпирические исследования благодаря новым достижениям в методологии, методике и технике их проведения «бросили вызов» социологической теории. Последняя не могла не поднять «перчатки». В 1930-х гг. и в последующие десятилетия, уже после окончания Второй мировой войны, последовал ее ответ. В США его авторами явились в первую очередь П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон, в Западной Европе — представители Франкфуртской социологической школы. К рассмотрению теоретической линии развития социологии мы переходим в последующих главах.

Вопросы и задания

1. Почему индустриальная социология и теория человеческих отношений приобрели

большую популярность как среди социологов, так и лидеров западного бизнеса? 2. Расскажите о Хогорнском эксперименте и покажите его значение для социологии.

3. Как вы можете истолковать выводы, сделанные Мэйо в ходе Хоторнского эксперимента? Со всеми ли из них вы согласны?
4. Почему в 1930—1940-х гг. изучение групп становится одним из доминирующих направлений в социологии? Какие исследования в этой области социологии наиболее важны?
5. Охарактеризуйте социометрию и социологические взгляды ее основателя — Дж. Морено. Каково ее значение для развития социологии и социальной психологии?
6. Проанализируйте развитие отраслевых социологий в 1930-1940-х гг. Какие отрасли социологии развивались в этот период наиболее активно и почему?
7. Опишите возникновение и развитие военной социологии. Чем, по вашему мнению, состоит значение этой отрасли социологического знания?
8. Что вы можете рассказать о развитии социологии труда, социологии менеджмента, доктрины гуманизации труда? Сохранилось ли, по вашему мнению, их значение для современного этапа развития производства и социологической науки?
9. Покажите достижения социологической науки и области методологии, методики и техники эмпирического исследования. Какую роль сыграли достижения Э. Лазарсфельда?
10. Почему, характеризуя состояние эмпирической социологии в 1940—1960-х гг., мы говорим не только о ее расцвете, но и «болезнях»? В чем заключаются эти «болезни»? Как их следовало бы «лечить»?

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996.

Антонович И.И. Пол Лазарсфельд — теоретик эмпиризма // Современная американская социология. М., 1994.

Барзгова Е.С. Американская социология (традиции и современное состояние). Екатеринбург; Бишкек, 1997.

Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. М.; Ростов н/Д., 1999.

История социологии. Минск, 1993.

История социологии в Западной Европе и США. М., 1999

Кульчицкий В.П. Классическая социология. М., 2000.

Морено Дж. Социометрия. М., 1958.

Морено Дж. Социометрия // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996.1

Глава 22

Развитие социологической теории:

П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон

§ 1. П. Сорокин: социологические теории американского периода творчества

Жизненный путь и общая характеристика творчества

Питирим Сорокин, русско-американский социолог (1889—1968), переехал в США из Чехословакии осенью 1923 г. по приглашению американских социологов (биографический очерк о жизни в России и анализ российского этапа творчества Сорокина см. в первой части учебника). В его автобиографическом романе «Дальняя дорога»¹, состоящем из пяти частей, первые три посвящены российскому периоду творчества, четвертая и пятая части — американскому. Автобиография доведена до конца 1962 г. После ее написания Сорокину было отпущено судьбой еще почти 6 лет жизни.

Первые годы американского периода деятельности он работал в университетах штатов Миннесота, Иллинойс и Висконсин, с осени 1930 г. — в Гарвардском университете, куда был приглашен возглавить новый социологический факультет, открывшийся осенью 1931 г., и где работал до выхода на пенсию. Так что все творчество в США выдающегося социолога XXв. может быть рассмотрено в рамках двух периодов — миннесотского и гарвардского.

В годы миннесотского периода (1923—1930) Сорокин написал две крупные работы: «Социология революций» (1925) и «Социальная мобильность» (1927). Заготовки и наброски для этих работ были сделаны еще в России. В 1929 г. вместе с К. Циммерманом он публикует книгу «Основы сельской и городской социологии», заложившей основу целого направления исследований. В последующий, гарвардский период социолог создает свою знаменитую четырехтомную «Социокультурную динамику» (1937—1941), а также работы «Общество, культура и личность» (1947), «Причуды и слабости современной социологии» (1956), «Современные социологические теории» (1966) и др. В 1964 г. Сорокина в возрасте 75 лет избирают президентом Американской социологической ассо-

¹Sorokin P. A Long Journey. NowHaven, 1963; русские переводы: Сорокин П. Долгий путь. Сыктывкар, 1991; Сорокин П. Дальняя дорога. М, 1992.

циации. В 1968 г., после смерти ученого, она учреждает ежегодную премию имени П. Сорокина за лучшую книгу по социологии.

Последние два десятилетия своей жизни социолог занимался не только научным творчеством, публикуя все новые и новые труды, но и практической работой в созданном им Гарвардском центре созидательного альтруизма; в его рамках осуществлялись изучение возможностей альтруистического поведения (на основе обобщенного опыта соответствующей деятельности) его пропаганда. Материалы работ центра регулярно публиковались, оказал определенное влияние на общество в 1950—1960-х гг., однако значительно: интереса, особенно со стороны социологов, не вызвали.

Умер ученый 11 февраля 1968 г. в своем доме на Клифф-стрит, № 11 Винчестере, пригороде Кембриджа, где прожил большую часть своей жизни в США. Дом этот он очень любил, вокруг него был разбит красивый цветник. Разведение цветов было хобби социолога, который, принимая гостей, показывал им прежде всего свои розы (считается даже, что он вывел один из новых сортов) и только потом вел в дом, в котором начиналось обсуждение интересующих визитеров проблем.

В последние годы жизни Сорокин испытывал сильную ностальгию по родине и мечтал о возможности приехать хотя ненадолго в Советский Союз. Таковая ему однажды предоставилась в начале 1960-х гг. Далее я буду говорить об этом со слов члена-корреспондента Академии наук СССР М.Т. Иовчука, который лично знал Сорокина, встречался с ним в США во время визита в эту страну одной из делегаций советских ученых — философов социологов. В 1968 г. Иовчук рассказывал мне, что, приветствуя этих ученых на банкете, который он устроил в их честь, Сорокин позволил себе время от времени сказать несколько нелицеприятных слов в адрес американских президентов, которые, по его мнению, допускали ошибки в своих решениях, потому что плохо знали социологию. Читая курсы в Гарвардском университете, он у многих из них принимал экзамены. Как говорил он сам, Дж. Кеннеди получил у него тройку, а Л. Джонсон — даже двойку. «Какое же право имеет быть президентом?» — задавал вопрос Сорокин (отметим, к слову, именно в это время Джонсон управлял страной). Как рассказывал Иовчук, при этих словах американские социологи, также приглашенные на банкет, демонстративно встали и ушли из-за стола. Не следует забывать, что это был период «холодной войны», идеологическое противостояние определяло во многом действия социологов, а приведенное выше высказывание ученого было расценено его американскими коллегами как оскорбление нации в целом. Подобную «фронду» ему не простили. Случай же подвернулся самый подходящий. Сорокин выполнял определенную работу в рамках движения сторонников мира, а в Москве должен был состояться очередная конференция участников этого движения. В связи с этим американский социолог получил приглашение приехать в Москву, это и была та самая возможность посетить родную страну, о которой столько лет он мечтал. Сорокин готовил-

ся к визиту с большим волнением, даже ходил на прием к советскому послу в США. Им тогда был В.Ф. Добрынин, который и рассказал Иовчуку об этом визите. Сорокин спрашивал, в частности, не припомнят ли ему в СССР «ярославские грешки» (он имел в виду свое участие в ярославском мятеже против большевиков). Посол его успокоил и пообещал, что он будет принят как высокий гость, которому предоставят возможность посетить родные места. Сорокин, что называется, уже складывал чемоданы. Но в госдепартаменте США, куда его пригласили для выдачи визы, ему сказали, что он, конечно, может ехать в СССР, однако гарантировать после этой поездки будущую карьеру его сыновей, которые по характеру работы имели доступ к секретным материалам (один из них был физиком — «атомщиком», другой — микробиологом), будет уже очень трудно. Сорокин оказался перед мучительным выбором и... не поехал.

Основные идеи работы «Социология революций»

Теперь остановимся подробнее на основных идеях и теориях Сорокина, изложенных им в работах американского периода жизни и творчества. В книге «Социология революций» он доказывает, что революции и сопутствующие им войны, как правило, усиливают и ускоряют дезинтеграцию общества. Ценности и идеалы, воспроизводимые в революционный период, чаще всего иллюзорны. Их анализ позволил социологу сформулировать закон «социального иллюзионизма». Для доказательства действенности и жизненности этого закона он сравнивает ряд лозунгов, выдвинутых Февральской и Октябрьской революциями в России 1917 г., с действительностью, наступившей через два-три года. Например, ставилась задача ликвидировать, разрушить пирамиду социального неравенства, но вместо одного неравенства появилось другое — у людей не стало даже формальных прав, включая право на жизнь. Обещали всем хлеба — получили голод и вымирание. Хотели и обещали уничтожить капитализм — разрушили средства производства и обращения.

Как теперь выясняется, закон социального иллюзионизма активно «работает» в странах, оторванных от достижений мировой цивилизации в области свободы и демократии. Пример тому — наша страна. Даже если взять послесталинский период ее развития, иллюзии и их постоянная пропаганда имели место во времена и Н.С. Хрущева, и Л.И. Брежнева, и М.С. Горбачева. Первый обещал современному ему поколению людей, что они будут жить при коммунизме, а последний — дать каждой семье к 2000 г. отдельную квартиру. Чем это все кончилось, хорошо известно. Так что сорокин-ский закон социального иллюзионизма оказался достаточно действенным.

Социолог отмечает, что революции, несмотря на побуждения самих революционеров, изменяют поведение людей не в лучшую сторону, культивируя вражду, ненависть, злобу, обман, разрушение. Освободиться от этих явлений никому не дано, они неизбежны, ибо революции биологизируют и даже криминализируют поведение людей. Они приводят к установлению авторитар-

ного режима, который держится на культивировании образа врага и поддержании дефицита. Сорокин прогнозировал падение власти коммунистов в России в связи с прекращением войны и ропом «сытости» населения, однако ошибся в сроках, полагая, что это произойдет достаточно быстро.

Еще один закон, сформулированный Сорокиным для общества кризисного периода, был назван им законом позитивной и негативной поляризации. В соответствии с этим законом люди во время кризисов ведут себя неоднозначно: одна часть общества становится более склонной к социальной аномии (негативный полюс), другая — к моральному совершенствованию и религиозности (позитивный полюс). Индивиды могут тяготеть либо к одному, либо к другому полюсу. Это значит, что в обществе может наблюдаться рост ожесточения, криминальных деяний, изоизма, самоубийств, тупой покорности судьбе, равно как и активизация творческих усилий, альтруизма, стремления жить по моральным заповедям, не-институционализированной религиозности и т.д.

Реформы общества в условиях его кризиса должны исходить, по мнению Сорокина, из интегральной сущности человека и при этом в коем случае не препятствовать его базовым инстинктам. Для этого, как минимум, необходимо, чтобы: а) сущность человека соответствовала форме производства и распределения благ; б) государство в конечном счете стимулировало творческую активность населения; в) утвердился морально-правовой порядок, единый как для власти, так и для населения. Социолог утверждал в связи со сказанным, что в форму производства должна быть заложена постоянно действующая пружина, именуемая «личным интересом» работника. Как видно, идеи интегральной сущности человека, которые стали затем одним из лейтмотивов всего творчества Сорокина, были сформулированы еще в ранних работах мыслителя.

Концепция социальной стратификации и социальной мобильности

Важнейшая социологическая концепция, раскрытая Сорокиным в книге «Социальная мобильность» (1927), посвящена анализу и интерпретации основ теории социальной стратификации и социальной мобильности¹. В книге предлагается следующее определение социальной стратификации: «...это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит свое выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [Сорокин. Человек, цивилизация... 1992. С. 302].¹ Говоря о многочисленных конкретных типах социальной стратификации

¹ Перевод большей части этой работы на русский язык см. в кн. Сорокин И. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; в ней же содержатся неполные переводы работ «Социология революций», «Социокультурная динамика».

ции, Сорокин сводит их многообразию к трем ее основным формам: экономической, политической и профессиональной.

Социолог доказывает, что социальная стратификация — это постоянная характеристика любого организованного общества. Она есть всюду — в экономике и политике, науке, культуре и образовании, менеджменте и банде преступников. Нестратифицированного общества не бывает. Невозможно рассматривать изменения в положении социальных групп и слоев, если не представлять себе четко сами эти слои (страты).

Столь же нормальным и естественным состоянием общества является социальная мобильность. Под ней Сорокиным понимается «любой переход индивида или социального объекта (ценности), т.е. всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [Там же. С. 373]. В соответствии с его концепцией мобильность различается по направленности (горизонтальная и вертикальная, последняя рассматривается им в двух плоскостях — как восходящая и нисходящая), по форме (коллективная и индивидуальная), по интенсивности и масштабности. Горизонтальная мобильность предполагает переход из одной социальной группы в другую, но на том же уровне социальной стратификации. Вертикальная мобильность означает перемещения индивида (группы) из одного пласта в другой (если вверх, то это будет восходящая мобильность, если вниз — то нисходящая).

Вертикальная мобильность рассматривается социологом в трех аспектах, соответствующих трем формам социальной стратификации, — политическом, экономическом, профессиональном. Он определяет основные механизмы мобильности, с помощью которых преодолеваются «сита», как бы просеивающие индивидов. Это семья, школа, церковь, армия, всевозможные профессиональные, экономические и политические организации. При рассмотрении названных структур в русле вертикальной мобильности Сорокин анализирует их в качестве «каналов социальной циркуляции». Так, характеризуя в этом плане школу, он пишет: «В обществе, где школы доступны всем его членам, школьная система представляет собой "социальный лифт", движущийся с самого низа общества до самых-верхов. В обществах, где привилегированные школы доступны только высшим слоям населения, школьная система представляет собой лифт, движущийся только по верхним этажам социального здания, перевозящий вверх и вниз только жильцов верхних этажей. Однако даже в таких обществах некоторым индивидам из низших слоев все-таки удавалось проникнуть в этот школьный лифт и благодаря ему возвыситься» [Там же. С. 396].

На базе богатого эмпирического материала Сорокин делает вывод, что в любом обществе социальная циркуляция индивидов и их распределение осуществляется не по воле случая, а по необходимости, и при этом строго контролируется разнообразными институтами. При этом он доказывает, что «церковь, семья и школа, а также профессиональные органи-

зации выступают не только средствами образования и перемещения людей, но помимо этих функций они выполняют функции социальной селекции и распределения индивидов внутри социального здания. Причем эти функции имеют не меньшее социальное значение, чем функции образования и воспитания» [Сорокин. Человек, цивилизация... 1992. С. 423].

Концепция социокультурной динамики

Основные теоретические концепции Сорокина были направлены на объяснение изменений в мире. Среди них центральное место занимает теория социокультурной динамики. В ней заметно стремление социолога проанализировать источники и движущие силы социальных изменений и их диалектику в обществе. Признавая большую роль теорий, в которых подчеркивается значение географического, биологического и психологического факторов в социокультурном изменении, он считает, что «основные достижения и основной взгляд принадлежат социологическим теориям, которые рассмотрели различные социальные и культурные факторы как главные движущие силы социокультурного изменения» [Сорокин. Социокультурная динамика... 1996. С. 386].

Анализируя общественную реальность в историческом срезе, Сорокин характеризовал ее как иерархию различных социальных и культурных систем, начиная с мелких и кончая самыми крупными и объемными — суперсистемами. Последние существуют на протяжении столетий, охватывают все виды социальных взаимодействий, все формы материальной и духовной жизни людей, включая науку, искусство, религию, язык и т.д. В процессе анализа суперсистем Сорокин особое внимание уделяет характеристике культурных суперсистем, где главную роль играют ценности. Эта категория занимает в концепции социокультурной динамики одно из центральных мест, о чем чуть ниже будет специально сказано.

В каждую историческую эпоху, согласно трактовке социолога, доминирует и господствует одна из культурных суперсистем, в структуре которой можно обнаружить как остатки ее «предшественницы», так и ростки «наследницы». Этот поиск составляет важную задачу социологии и должен осуществляться, в соответствии с концепцией ученого, сквозь призму анализа ценностей различного характера, к числу которых в первую очередь относятся нормы (как правовые, так и в особенности культурные и моральные).

Сорокин рассматривал исторический процесс через призму движения типов культур, каждый из которых выступает как определенная целостность. Таких основных типов социолог выделяет три: чувственный, рациональный (умозрительный), идеациональный. Первый характеризуется преобладанием непосредственного чувственного восприятия действительности, второй — господством рационального мышления, третий — доминантой интуиции. Каждый из этих типов культуры находится в развитии и присущ человеческому обществу на различных этапах его прогресса.

Рассматривая процесс перехода от чувственной культуры к идеациональной, Сорокин писал: «Мы как бы ?иходимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра. Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи «ходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это ве-/шние и искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает спускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За ее пределами, однако, различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующий новое поколение — людей будущего» [Человек, цивилизация.,, 1992. С. 427].

В соответствии с концепцией социокультурной динамики все люди так или иначе вступают в систему социального взаимодействия под влиянием целого ряда факторов: бессознательных (рефлексы), биосознательных (голод, жажда, половые влечения) и социосознательных (значения, нормы, ценности) регуляторов. Система последней группы регуляторов есть культурное качество. Каждая эпоха вырабатывает свои культурные качества, которые меняются от одной из них к другой и определяют типы социокультурной динамики. На основании таких качеств создаются образцы культурной жизни.

Центральная категория в концепции социокультурной динамики Сорокина — ценности. Их классификация представлена четырьмя группами. Первая включает ценности, возникающие в результате познавательной деятельности (основная среди них — истина), вторая охватывает ценности эстетического удовлетворения (центральная — красота), третья касается ценностей социальной адаптации и морали (доминанта — добро), четвертая группа предполагает наличие ценностей, объединяющих все в единое целое (польза). Любую социально значимую человеческую активность и деятельность можно объяснить с помощью этих поистине универсальных категорий, наиболее интегральной среди которых, по мнению Сорокина, является польза.

Интерес социолога к проблемам социокультурной динамики был связан в значительной степени с кризисом современной ему культуры, понимаемой в самом широком смысле слова — вплоть до почти полного отождествления культуры и общества (о чем им написана книга «Кризис нашего века», изданная в Нью-Йорке в 1941 г., а затем и еще одна работа — «Общество, культура, личность»). Социолог стремился обосновать возможность преодоления кризиса культуры и общества посредством «моральной реконструкции человечества», в которой значительная роль уделялась реализации идеи интегрализма.

Идеи интегрализма в социологии П. Сорокина

Сквозь всю теоретическую социологию Сорокина красной нитью проходит идея интегрализма. По сути, она оказалась сквозной для всего творчества ученого, коснувшись различных социальных субъектов, процессов и структур.

Наиболее ярко она проявилась, пожалуй, в анализе личности и общества. «Новая интегральная теория личности, — писал учений, — не отрицает, что человек является животным организмом, наделенным "бессознательным", рефлексивно-инстинктивным механизмом тела, но она подчеркивает, что, помимо этой формы бытия, человек является сознательным, рациональным мыслителем и сверх-сознательным творцом или духом» [1993. С. 143].

Человек интегрален, считал социолог, прежде всего по своей природе, которая складывается под комплексным влиянием ряда факторов космического, биологического, психологического, социокультурного характера. Для познания истины, являющейся главной целью деятельности человека, он пользуется тремя основными каналами — чувствами, разумом, интуицией. В результате их интегрального использования знание о мире человека становится полным. Прочитываем в этой связи самого Сорокина: «Истина, полученная с помощью интегрального использования всех трех каналов познания — чувства, разума и интуиции, — это более полная и более цепная истина, нежели та, которая получена через один из этих каналов. История человеческого знания — это кладбище, заполненное неправильными эмпирическими наблюдениями, неправильными рассуждениями и псевдоинтуициями. При интегральном использовании этих трех каналов познания они дополняют друг друга и контролируют» [Моя философия... 1992. С. 134].

Говоря о теории интегрального типа общества Сорокина, следует отметить, что он стремился представить свой вариант будущего. В 1960-х гг. в ряду концепций конвергенции (сближения, соединения обществ и стран с различным социальным строем) она занимала одно из центральных мест благодаря реалистическому подходу к пониманию взаимосвязи различных организационных и систем общественной жизни и необходимости использования лучших достижений каждой из них в интересах человечества. В отечественной литературе: 1960—1970-х гг. эта теория подвергалась критике, подчас огульной и необоснованной.¹ Между тем ряд положений, касающихся действительных завоеваний человеческого общества, отражал реализм подхода Сорокина. Это, в частности, касается плюрализма форм собственности и политической структуры, стимулирования труда и экономической дисциплины, отношений с другими странами и способов планирования и т.д. Доказательством концептуальной значимости социологической теории является то, что человечество, пусть трудно, медленно, мучительно, но все же продвигается по пути интеграции.

Интегральная теория общества социолога была положена в основу его заглавного доклада VI Всемирному социологическому конгрессу, проходившему в 1966 г. во французском городе Эвиане. В это время он уже тяжело болел и не сумел приехать на конгресс. От его имени доклад был зачитан одним из членов американской делегации и распространен в письменной форме как документ конгресса для обсуждения его участниками. Доклад был посвящен проблеме единства и многообразия в социологии. В нем Сорокин сравнивал социологию с двуликим Янусом, одно лицо которого — единство, другое —

разнообразии. В то время призыв ученого к конвергенции социологии, сближению и единению ее представителей из разных стран был воспринят рядом течений авторов, в том числе и участников конгресса, как крайне реакционный, и подвергнут резкой критике. Однако прошедшие годы показали, что Сорокин был прав. Время же для действительного единства в социологии при всем многообразии позиций приходит только теперь. Это единство в многообразии становится возможным благодаря возникновению совершенно новой политической и идеологической обстановки в мире, связанной с окончанием изрядно затянувшегося периода «холодной войны».

§ 2. Теории социального действия, социальной системы и структурно-функционального анализа Т. Парсонса

Жизненный путь и общая характеристика творчества

Талкогг Парсонс (1902—1979) родился в США (Колорадо-Спрингс). Детство провел в спокойной, стабильной, мелкобуржуазной атмосфере Среднего Запада, где господствовали протестантизм и пуританство. В 1920—1924 гг. получил образование в Амхерстском колледже (Гарвард), затем в Лондонской школе экономики, Гейдельбургском университете (1925—1926). В этом университете он защитил докторскую диссертацию по экономике. С 1927 г. преподавал экономику в Гарвардском университете. Там же в 1931 г. он перешел работать на социологический факультет, где познакомился с П. Сорокиным. В этом университете Парсонс проработал 42 года и ушел в 1973 г. на пенсию. В 1944 г. он был назначен деканом социологического факультета Гарвардского университета. Избирался президентом социологического сообщества восточных штатов США, а в 1949 г. — президентом Американской социологической ассоциации. В 1967 г. Парсонс избран президентом Американской академии наук и искусств, причем он был первым из обществоведов, оказавшихся во главе этого очень престижного творческого сообщества. Умер ученый в Мюнхене.

Будущий социолог начинал свою карьеру как экономист. Находясь в Англии, он познакомился с работами А. Маршалла, обучаясь в Германии — с трудами Ф. Тенниса, Г. Зиммеля, М. Вебера, также оказавшими на него большое влияние. Кстати, свою первую и, пожалуй, главную книгу «Структура социального действия» (1937) он начинает с вопроса «Кто сейчас читает Зиммеля?». Эта книга считается одним из лучших теоретико-социологических произведений XX в. Сам Парсонс считал «Структуру социального действия» главным поворотным пунктом в его профессиональной карьере [Парсонс. 1997. С. 214].

Основные работы, помимо названной, — «Социальная система» (1951), «К общей теории действия» (совместно с Э. Шилзом, 1951), «Общества: эволюционные и сравнительные перспективы» (1966), «Социологическая

теория и современное общество» (1967), «Социальная структура и ность» (1970), «Социальная система и эволюция теории действия» (1977),! «Теория действия и человеческое состояние» (1978). На русском языке из-1 даны две большие работы американского социолога [Парсонс. 1997; 2000], Некоторые переводы Парсонса на русский язык содержатся также в ряде книг¹. Его работы сложны для восприятия и пользуются дурной славой трудных для понимания теорий.

Американский социолог в своей жизни, бедной внешними событиями (по существу, почти всю свою творческую жизнь он провел в одном — Гарвардском — университете), испытал и бремя славы и популярности, когда практически не было крупных работ в социологии, в которых на него не ссылались бы, и полосу сильной критики и принижения значения его трудов (1970-е гг.). Но он всегда верил в то, что его идеи и концепции окажутся полезными и для социологической науки, и для общества в целом.

Назовем основные концепции, созданные Парсонсом. Это — теории социального действия, социальной системы, структурный функционализм. В методологическом отношении они тесно связаны между собой, причем первая является базовой. Изложение содержания каждой из этих теорий, не затрагивающее тех или иных характеристик остальных двух, по существу, невозможно. Тем более что в творчестве социолога они исторически «нанизывались» одна на другую именно в той последовательности, в какой выше названы.

В целом социология американского ученого, посвященная анализу общества и его эволюционного развития, направлена на обоснование стабильности, интеграции, порядка и равновесия в нем. Его творчество пример развития чистой теории, причем носящей достаточно абстрактный характер. Когда у Парсонса однажды спросили, почему он занимается такой общей и абстрактной теорией, он полушутя ответил, что к тому времени, когда ему нужно было заниматься изучением общества, все частные области социологической теории были уже разобраны и ему ничего не оставалось делать, как заинтересоваться общей теорией.

Продолжая тему шуток в связи с абстрактным характером теорий Парсонса, следует отметить, что он (абстрактный характер теорий) неоднократно выступал объектом иронии. Приведем один из таких примеров. Он связан с ответом Р. Мертон на вопрос известного отечественного социолога и социального психолога Г.М. Андреевой. Как-то раз во время своего визита в Советский Союз (это было в 1960-х гг.) Мертон выступил в Институте философии АН СССР с докладом о состоянии современной социологической теории. После доклада ему был задан ряд вопросов. Один из-них принадлежал Андреевой и касался трудностей в понимании абстрактных теорий Парсонса. Вопрос звучал примерно так: «Господин Мертон! Как вам удается понять смысл и содержание теорий Парсонса? Когда я его

¹ Структурно-функциональный анализ в современной социологии М., 1968. Вып 1; Американская социологическая мысль. М., 1994.

читаю, то понимаю не больше, чем на 10%». Мертон, с присущим ему чувством юмора, незамедлительно отреагировал: «Вы знаете, когда я его чи-аю, то понимаю не больше чем на 20%, Но я думаю, что когда Парсонс чи-гает сам себя, то понимает свои теории не больше чем на 30%».

Множество теоретиков повлияли на становление взглядов Парсонса. Среди них в первую очередь Э. Дюркгейм и М. Вебер. Особенно это касалось теорий социального действия и структурно-функционального анализа. Но не только они. Нельзя не назвать концепций В. Парето и А. Маршалла, когда речь идет о системном подходе к обществу и его структурам. Серьезное влияние оказала на взгляды ученого, касающиеся социокультурного развития общества, британская социальная антропология, прежде всего творчество двух ее наиболее известных представителей — Б. Малиновского и А. Радклифф-Брауна. Сам Парсонс определял свою социологическую теорию как синтез трех направлений: структурно-функционального анализа Дюркгейма, теории социального действия Вебера, социальной антропологии Малиновского и Радклифф-Брауна [Парсонс. 2000. С. 676.].

Выявление идейных истоков «великой теории» Парсонса (как ее чаще всего характеризуют в США) важно для понимания того существенного обстоятельства, что американская социологическая теория (которую, как правило, социологи этой страны называют самобытной, оригинальной, определившей на многие десятилетия вперед развитие теоретической социологии в целом во всем мире) возникла на базе европейских теоретических традиций в социологии, заложенных Дюркгеймом, Вебером, Парето и другими крупными ее представителями.

Основное содержание работ Парсонса составляет, по существу, тот же ряд идей, что был характерен для них. Социолог видел социальный мир в понятиях человеческих идей — ценностей, норм, значений. Он обращал основное внимание на организацию человеческих актов в системы действия. При этом систему он понимал как совокупность взаимосвязанных частей, несводимых к их простой сумме. В этом смысле он уподоблял общество как систему живому организму. Вводя понятия «система» и «функция», Парсонс пытался ответить на вопрос, поставленный еще Т. Гоббсом: «Как возможен социальный порядок?». Основной ответ состоял в том, что система стремится к равновесию, сбалансированности частей, сохранению собственной независимости.

*Теории социального действия, социальных систем,
структурного функционализма*

Теперь о существовании основных теорий Парсонса. Начнем с первой — теории социального действия, а затем последовательно охарактеризуем идеи, выдвинутые в концепциях социальной системы и структурного функционализма. Суть этой теории (ее основные положения были изложены впервые в работе Парсонса 1937 г. «Структура социального действия») сводится к

следующему. Любое социальное действие предполагает наличие, во-первых, действующего лица (актера), во-вторых, конкретной ситуации, в-третьих, условий действия, состоящих из его цели и нормативных предписаний. «Действие — это некоторый процесс в системе "субъект действия — ситуация", имеющий мотивационное значение для действующего индивида или — в случае коллектива — для составляющих его индивидов», — писал американский социолог [Система координат действия... 1996. С. 463].

Само действие, которому Парсонс придает ключевое значение, выступает как самоорганизующаяся система, характеризующаяся наличием символических механизмов регуляции (языка, ценностей и др.), нормативностью (зависимостью действия от принятых в обществе норм и ценностей), автономностью (независимостью от условий среды). Действие включает в себя минимум «конкретных элементов» — «конкретную цель, конкретные средства, конкретные условия (включая институциональные правила) и конкретную норму, управляющую отношениями между средствами и целью. Собственно говоря, это и есть элементарные единицы анализа...» [Парсонс. 2000. С. 280—281]. В своей совокупности и взаимосвязи они позволяют рассматривать социальное действие как систему.

Таким образом, всей логикой своего анализа американский социолог должен был неминуемо прийти от теории социального действия к теории социальной системы, что и произошло на самом деле. Не случайно вслед за «Структурой социального действия» появилась другая, пожалуй, не менее фундаментальная работа «Социальная система» (1951). На разработку теории социальной системы серьезное влияние оказали труды основателя системного подхода Л. Берталанфи и «отца» кибернетики Р. Винера.

Главная задача, которая стояла перед социологом при развитии системного подхода применительно к анализу общества, заключалась в обосновании возможности сохранения в нем равновесия, порядка, согласованности с учетом того доказанного наукой положения, что закрытые системы стремятся к росту энтропии (другими словами, беспорядка). Путь анализа, избранный Парсонсом, состоял в доказательстве того, что общество является не только закрытой (в определенных смыслах), но и открытой системой, в которой порядок возможно (и необходимо) постоянно поддерживать за счет поиска путей, условий, факторов его взаимодействия с окружающей средой.

Социальные системы у Парсонса предстают как открытые системы, находящиеся в ситуациях постоянного взаимодействия на входах и выходах в окружающую среду. Они изначально дифференцированы на различные подсистемы, которые также постоянно вовлечены в процессы взаимодействия. В этом смысле социальные системы и подсистемы образуются за счет процессов социального взаимодействия между действующими субъектами [Парсонс. 1997. С. 18].

В первой главе «Социальной системы» социолог указывает, что «сведенная к самым простым понятиям социальная система состоит из множества

индивидуальных действующих лиц...». Далее он пишет: «Понимаемая таким образом социальная система является всего лишь одним из трех аспектов сложной структуры конкретной системы действия. Два других аспекта представляют собой системы личности отдельных действующих лиц и культурную систему, на основе которой строится их действие. Каждая из этих систем должна рассматриваться как независимая ось организации элементов системы действия в том смысле, что ни одна из них не может быть сведена к другой или к их комбинации. Каждая из систем необходимо предполагает существование других, ибо без личностей и культуры не может быть социальной системы. ...Система координат действия является общей для всех трех, благодаря чему между ними оказываются возможными определенные трансформации» [Система координат действия... 1996. С. 464].

Как видно, центральное место в теориях социального действия и социальной системы занимает понятие «система действия». Под пей Парсопс понимает различные уровни социальной реальности, определенным образом взаимосвязанные между собой. В дальнейшем анализе он выделяет уже не три, а четыре основные системы действия: социальную систему, культуру, личность, организм.

По отношению к каждой из названных систем все остальные выступают ее средой. Средой социальной системы являются культура, личность, организм; средой личности — соответственно социальная система, культура, организм; средой культуры — социальная система, личность, организм; средой организма — социальная система, культура, личность. Особое значение придавалось социальной системе, поскольку было замечено и доказано, что она служит «независимым центром реальной эмпирической организации действия и теоретического анализа» [Там же. 1996. С. 475].

Важнейшая особенность любой системы — наличие в ней структуры, под которой Парсонс понимает «совокупность относительно устойчивых стандартизированных отношений между элементами. А поскольку элементом социальной системы является актор, то социальная структура представляет собой стандартизированную систему социальных отношений между акторами» [Парсонс. 2000. С. 405].

Чтобы каждая из названных выше систем действия нормально функционировала, необходимо «соблюдение» ими четырех условий, четырех системных требований: а) каждая система должна приспосабливаться к своему окружению (потребность адаптации); б) каждая система должна иметь значения (средства) для достижения целей и мобилизации своих ресурсов (потребность целедостижения или цслеполагания); в) каждая система должна поддерживать свое единство и внутреннюю координацию своих частей (потребность интеграции); г) каждая система должна стремиться к состоянию равновесия (потребность к поддержанию и соблюдению ценностного образца системы).

В работах последующих лет, прежде всего в книге «Общества: эволюционные и сравнительные перспективы» (1966), Парсонс стремится соединить в анализе четыре основные системы действия (социальная система, культура, личность, организм) и функциональные категории (адаптация, целедостижение, интеграция, поддержание ценностного образца). В краткой, лапидарной форме эта связь находит у него следующее выражение: «В рамках систем действия культурные системы специализируются на функции поддержания образца; социальные системы — на интеграции действующих единиц (человеческих индивидов) или, точнее, личностей, исполняющих роли; системы личности — на достижении цели; а поведенческий организм — на адаптации» [Парсонс. Понятие общества... 1996. С. 497]. В дальнейшем американский социолог дает развернутый анализ всех четырех систем действия и их роли в обществе.

Функциональная характеристика систем действия позволяет выявить некоторые важные связи между элементами структуры общества, такими, как функции, подсистемы, социальные институты, действующие субъекты (акторы), исполняющие определенные социальные нормы и роли. В таблице 3 наглядно представлены основные элементы четырехфункциональной модели социальной системы Парсонса.

Модель социальной системы

Таблица 3

Функции	Подсистемы	Социальные институты	Действующие субъекты (акторы)
Адаптация	Экономика	Заводы, банки	Предприниматель—работник
Целедостижение	Политика	Партии, движения	Функционер—рядовой член
Интеграция	Социальный контроль	Государственный аппарат	Чиновник—гражданин
Поддержание ценностного образца	Социализация	Семья, школа, религия	Учитель—ученик

Названные в модели «функциональные императивы» (адаптация, целедостижение, интеграция, поддержание ценностного образца) являются, с его точки зрения, основными условиями для соблюдения в обществе равновесия как главной характеристики любой социальной системы, которая стремится к порядку и устойчивости. Для достижения этой цели служат подсистемы экономики, политики, институты социального контроля и социализация. Каждая подсистема использует для реализации своих задач и решения основных функциональных проблем соответствующие социальные институты (экономика — заводы, банки и др., политика — партии и движения и т.д.). Наконец, для понимания модели социальной системы необходимо иметь в виду исполнителей основных социальных ролей, которые тесно связаны с соблюдением соответствующих норм поведения.

Общество и его типы

Рассматривая концепцию социальной системы Парсонса, следует остановиться на его понимании общества. Социолог связывает понятия социальной системы и общества, но не сводит их друг к другу. Он считает, что общество является особым типом социальной системы — социальной системой, достигшей наивысшего уровня самодостаточности, «саморавновесия» в отношении к своему окружению. «Общество, — писал Парсонс, — это такой тип социальной системы среди любого универсума социальных систем, который достигает самого высокого уровня самодостаточности как система по отношению к своему окружению» [Понятие общества... 1996. С. 499].

Что такое «самодостаточность» общества? У социолога это понятие «работает», когда рассматривается отношение общества к окружающей его среде. Он указывает, что «самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений взаимнообмена и способность контролировать взаимнообмен в интересах своего функционирования» [Парсонс. 1997. С. 20]. Среду в этом контексте социолог рассматривает прежде всего как физическую, она имеет для общества адаптивное значение в том смысле, что является источником материальных ресурсов, которые используются обществом через производственные, технологические и экономические механизмы. У физической среды есть и второй значимый для общества аспект, в соответствии с которым «эффективное социетальное целедостижение нуждается в контроле за действиями в пределах определенной территории. Поэтому мы имеем дело с двумя проявлениями самодостаточности общества, которые относятся соответственно к экономическому и политическому функционированию в отношениях с физическим окружением — через технологию и организованное использование силы при исполнении военных и полицейских функций» [Там же].

С точки зрения общей теории действия американского социолога общество не есть совокупность индивидов. Тела и личности людей выступают внешним окружением социальных систем и не могут поэтому включаться в понятие общества. Ядром самой социальной системы выступает, по Парсонсу, система нормативных образцов («структурированный нормативный порядок»), посредством которых упорядочивается и организуется совместная жизнедеятельность индивидов [Там же. С. 500]. Главными чертами этой системы являются, в соответствии со взглядами Парсонса, упорядоченность отношений между людьми и коллективность их существования.

Типологию общества американский социолог рассматривает в соответствии с типологией социальных действий, критериями которых выступают четыре пары переменных значений: универсализм — партикуляризм, достижение — предписание, эмоциональность — эмоциональная нейтральность, диффузность — специфичность. На перекрестье первых двух пар появляются четыре типа общества: общества универсалистского

образца достижения, общества универсалистского образца предписания, общества партикуляристского образца достижения, общества партикуляристского образца предписания.

Первый тип — к нему относятся общества универсалистского образца достижения — характеризуется стремлением большей части населения стран этого типа к достижению и успеху. Названные две цели, по существу, превращаются в самоцель общественного развития, интегрирующую вокруг себя все общество. Характер деятельности общества такого типа определяется прежде всего инструментальными ценностями и действиями людей, преследующих получение конкретной пользы. Вся сфера социальной стратификации в нем, «расположение» социальных слоев относительно друг друга обусловлены прежде всего результатами их деятельности, реальными достижениями и успехами. Ими же определяются статусные и ролевые характеристики людей, их шансы на продвижение и карьеру. Нетрудно догадаться, что образцом такой страны Парсонс считает прежде всего США.

Второй тип охватывает общества универсалистского образца предписания, которые характеризуются тенденцией соответствующих стран к установлению тоталитарных и авторитарных режимов, диктующих (предписывающих) населению нормы и ценности поведения во всех сферах жизнедеятельности и построенных на действии системы жесткого социального контроля. Статусно-ролевые характеристики общества этого типа базируются не на признании индивидуальных заслуг и успехов, а на увязывании результатов деятельности отдельных людей с их коллективами. Отсюда проистекает жесткая социальная и идеологическая дихотомия, деление на «тех, кто с нами», и «тех, кто против нас». Отнесение людей к той и другой группе может иметь достаточно произвольный характер, что предполагает возможность постоянного нарушения и даже извращения системы правовых и моральных норм в обществах такого типа. Наиболее яркими примерами стран, относящихся к этому типу обществ, являются для Парсонса Советский Союз и фашистская Германия, которые он во многих отношениях ставил в один ряд.

К третьему типу относятся общества партикуляристского образца достижения. Если в обществах предшествующих двух типов всеобщий, универсальный характер приобретали достижения (в первом случае) и предписания (во втором случае), то в странах третьего типа имеет смысл говорить о достижениях в каких-то ограниченных сферах жизни. Это могут быть также общества, экономика которых имеет монокультурный характер. В качестве исторического примера такого типа общества социолог приводил Древний Китай, в котором семейные и общинные связи имели определяющее значение для жизни всей страны, поскольку пронизывали всю структуру и иерархию социальных взаимодействий (вплоть до власти императора). Господствовала строгая субординация отношений, не

принимавшая в расчет ориентацию отдельных людей на достижения и успех к конкретным видам деятельности.

Наконец, к четвертому типу Парсонс относил общества партикулярист-ского образца предписания. В странах этого типа у людей отсутствует ориентация на достижения, а предписания имеют ограниченный характер. Для населения особенно характерно пассивное и даже негативное отношение к труду. Длительное сохранение и даже консервация традиций образа жизни приводят к недостаточной выраженности социальной структуры и ее медленному, нединамичному изменению. В таких условиях, считает социолог, возможны узурпация власти и установление диктатуры отдельных режимов. Поскольку они не обладают широкой социальной базой и массовой поддержкой населения, являясь к тому же коррумпированными по своей сути, на смену им могут приходиться через незначительный промежуток времени другие аналогичные диктаторские режимы. Типичным примером обществ такого типа Парсонс считал многие страны Латинской Америки.

Предложенная американским социологом классификация обществ, построенная на использовании парных «типовых переменных» (универсализм — партикуляризм, достижение — предписание), имеет достаточно широкий и абстрактный характер. Вместе с тем, она позволяет увидеть некоторые общие, типичные для ряда стран принципы их функционирования и развития, связанные с их как экономическими, так и политическими характеристиками.

При всей сложности теоретических построений ученого в них проходит лейтмотивом главная задача социологии — исследование структур и механизмов, которые обеспечивали бы устойчивость общества как социальной системы. Общество выступает в качестве структуры взаимосвязанных четырех основных элементов: ценностей, норм, ролей и коллективных организаций. Ценности Парсонс рассматривает как главный связующий элемент социальной и культурной систем. Нормы, в отличие от ценностей, характеризуются им как преимущественно элементы социальной системы. Роли выступают элементом, связывающим личность с обществом, а коллективная организация скрепляет внутрисоциальную структуру.

Каждый из этих элементов, согласно концепции американского социолога, может быть соотнесен с основными функциональными категориями. Так, нормы осуществляют преимущественно функцию интеграции, ценности поддерживают образцы функционирования социальной системы, коллективные организации связаны с реальным достижением целей в интересах этой системы, а роли направлены на эффективность адаптации личности [Парсонс. Понятие общества... 1996. С. 512; Его же. 1997. С. 18-19].

Акцентируя в структурно-функциональном анализе первую его часть — структурность (в отличие от Мертона, подчеркивавшего значимость второй стороны — функций социальной системы), Парсонс делал упор на доказательстве стабильности структуры применительно к рассматриваемым

им социальным системам. Определяя понятие стабильности системы в взаимосвязи со структурой, социолог писал: «Система стабильна или не дится в относительном равновесии, если отношение между ее структурой и процессами, протекающими внутри нее, и между ней и окружением таково, что свойства и отношения, названные нами структурой, оказываются неизменными» [Функциональная теория... 1996. С. 479].

На решение задачи обоснования стабильности системы и был направлен структурно-функциональный анализ, в соответствии с которым общество и его подсистемы рассматривались сквозь призму их структур с точки зрения выполнения ими определенного набора функций. При этом встречаются разные сочетания структурного и функционального аспектов анализа социальных явлений. При структурном подходе объект рассматривается путем дифференциации сто на ряд взаимосвязанных элементов, при функциональном — выявляются связи между элементами в целом.

В 1960-х гг. стало очевидным, что при таком толковании социальных процессов, как у Парсонса, трудно объяснить противоречия, конфликты, дестабилизацию, многие аномальные явления. Появилась необходимость в углублении структурно-функционального анализа. Мертон сделал это за счет широкого использования понятий дисфункций (неблагоприятных последствий), явных и латентных функций (осознаваемых и неосознаваемых последствий). Парсонс же искал другие пути усиления своей концепции.

Стадии эволюции обществ

Так возник его неозволюционизм, связанный с анализом структурной дифференциации общества. С точки зрения эволюционной характеристики она означала поэтапное — от примитивного состояния общества (первый этап) через промежуточное (второй этап) к современному (третий этап) — усложнение социальной структуры, уменьшающее стабильность общества и его подсистем. Если в примитивном обществе дифференциация отсутствует, то в промежуточном типе общества она начинает постепенно проявлять себя, но настоящему дает о себе знать в современном обществе. «При переходе от первобытного к промежуточному обществу, — писал Парсонс, — ключевую роль играет язык, который является прежде всего частью культурной системы. При переходе от промежуточного к современному обществу такую роль играет институционализация кодов нормативного порядка, присущего социетальной структуре и связанного с системой права» [Понятие общества... 1996. С. 522].

Существенную роль при переходе от первобытного общества к промежуточному играет письменность, поскольку она «способствует независимости культурной системы от более преходящих потребностей общества»; закон же, развившись до необходимого уровня при переходе к современному обществу, «содействует независимости нормативных компонентов социальной структуры от принуждения политических и экономических интересов» [Там же. С. 523].

Особое внимание ученый уделяет эволюции современного общества, которое в процессе развертывания, перехода от одного этапа к другому испытывает на себе последовательную смену революций. Конечно, речь при этом не идет о Марксовом понимании социальной революции. Парсонс говорит о трех революциях современного общества — промышленной, демократической и образовательной. Промышленная революция «отделяет» одну от другой, дифференцирует экономическую и политическую системы общества. Демократическая революция разделяет политическую и социальную системы. Образовательная революция преследует цель отделить систему воспроизводства культуры от социальной системы.

Обращает на себя внимание теоретическая постановка проблемы о соотношении эволюции и революции в жизни современного общества. В теоретической социологии Парсонс был одним из первых среди тех, кто не просто обратил внимание на наличие такой проблемы, а раскрыл реальные механизмы взаимодействия эволюции и революции и показал, как можно их исследовать.

Промышленную революцию он тесно связывает с появлением и развитием системы фабричного производства, рыночных и кредитно-финансовых отношений. Именно они привели к дифференциации социальной структуры, появлению новых профессиональных ролей, возникновению наций. На базе промышленной революции стала возможной революция демократическая, означавшая значительное возрастание свободы человека, демократического контроля общества над должностными лицами (механизм выборов), появление гражданского общества и правового государства. Наконец, обе названные революции (промышленная и демократическая) привели к необходимости революции образовательной, связанной с предоставлением равных шансов и возможностей каждому человеку получать образование. Результатом этой революции, по Парсонсу, стало изменение базы для социального расслоения, поскольку теперь решающее значение приобрели способности, знания, образование, а не богатство и власть. С точки зрения хронологической промышленная революция охватывала начальный этап капиталистического развития, его зарождение и становление, демократическая — этап развитого капитализма; образовательная же революция, по мнению американского социолога, становится характерной для второй половины XX в.

Еще при жизни Парсонса вся его социологическая концепция — назовем ее парадигмой структурного функционализма — неоднократно подвергалась критике за консерватизм, стремление уйти от анализа противоречий и напряжений в обществе. Однако в этом — особенность структурного функционализма, характеризующегося широкой системной ориентацией. Он консервативен не потому, что таков Парсонс, а по своей природе, так сказать, концептуально. И какие бы попытки сделать его более эволюционным, склонным к изменению некоторых взглядов ни предпринимались, он останется концепцией, подчеркивающей общественное согласие и стремление к порядку и единству в обществе.

§ 3. Социологические концепции Р. Мертона

Жизненный путь и общая характеристика творчества

Роберт Кинг Мертои родился в 1910 г. и Филадельфии в семье рабочего. В 1931 г. окончил университет в Темпле, штат Филадельфия. Преподавательскую деятельность начал в Гарвардском университете. Там же получил стипендию для написания докторской диссертации, которую защитил в 1936 г. Тема его работы — «Наука, техника и общество в Англии XVIIвека» • (диссертация была опубликована о г дельной книгой в 1938 г.). Пооіетрех лет обучения в Гарвардском университете (где его учителями были И. Сорокин и Т. Парсонс) и двух — в университете Тулана (штат Нью-Орлеан) Мертон стал профессором Колумбийского университета в Нью-Йорке. Здесь он работал в течение 38 лет, с 1941-го по 1979 г., после чего ушел на пенсию.

Работая в Колумбийском университете, Р. Мертон вместе с П. Лазар-сфельдом основал и был содиректором Бюро прикладных исследований. В конце 1930-х — 1940-х гг. он принимал активное участие в проведении конкретных исследований в области изучения СМИ, межличностных отношений, социологии науки, социологии девиантного поведения, социологии медицины и др. Так, в Гарвардском университете после защиты докторской диссертации он разрабатывал теорию отклоняющегося поведения (на основе проведенных конкретно-социологических исследований и полученных на их базе материалов). Это позволило ему выявить типы социальной адаптации (о чем далее будет сказано подробнее).

Участие во многих эмпирических исследованиях вместе с его другом Лазарсфельдом сыграло затем крупную роль в осмыслении необходимости соединить теоретические и эмпирические исследования. И если роль Лазарсфельда состояла в том, чтобы вовлечь Мертона в осуществление конкретных проектов па базе глубокого теоретического осмысления каждого из них, то последний свою задачу видел в том, чтобы стимулировать друга и коллегу к разработке методов конкретно-социологического исследования как средства построения социологических теорий.

Учитывая значительные заслуги Мертона перед американской и мировой социологией, общее собрание Американской социологической ассоциации избрало его президентом этого научного сообщества на 1957 г. В 1968 г. он стаи членом Национальной академии наук. С 1971-го по 1979 г. был председателем Консультативного совета по образованию Фонда Дж.С. Гугенхей-ма. Награжден почетными степенями 21 крупнейшего университета США и Европы. В настоящее время Мертон живет и работает в Нью-Йорке, принимая посильное, но достаточно активное участие в академической жизни.

Его работы касаются области общей теории социологии, социологии пауки, социологии отклоняющегося поведения, социологии профессий и др. Основные среди них: коллективный фундаментальный труд под рс- дакцией Мертона «Социальная теория и социальная структура» (1949), в

котором рассматривается проблема взаимосвязи между общей социологической теорией и эмпирическими исследованиями, намечаются контуры теорий среднего уровня, разрабатываются понятия явных и латентных функций и дисфункций; «На плечах гигантов» (1965), где излагаются достижения предшествующей социологической мысли; «Теоретическая социология» (1967), посвященная трактовке социологических теорий разных уровней обобщения; «Социальная теория и функциональный анализ» (1969), интерпретирующая особенности структурно-функциональной парадигмы иссоциологии, а также многие другие работы в области изучения массового сознания, СМИ, девиантного поведения, социальной дезорганизации, бюрократии.

Следует специально сказать о трудах Мертона в области социологии науки. Две работы должны быть названы в первую очередь — «Наука, техника и общество Англии XVIII в.» (1938) и «Социология науки» (1973). Мертон рассматривает науку как особый социальный институт, представляющий собой систему ценностно-нормативных регуляторов. Он говорит о четырех основополагающих институциональных характеристиках науки: «общности», «универсализме», «бескорыстности» и «организованном скептицизме». Кроме того, американский социолог рассматривает связь между научными открытиями и ценностями пуританской религиозной морали (применительно к Англии), находясь в этом вопросе под сильным влиянием веберовских идей о зависимости европейского капитализма от норм и ценностей протестантского вероучения. В целом работы Мертона в области социологии науки являются одними из самых глубоких в этой отрасли социологического знания.

¹ Фрагменты из некоторых его работ переведены на русский язык и опубликованы в книгах «Социология преступности» (1966), «Структурно-функциональный анализ в социологии» (1968), в журнале «Социологические исследования», в сборнике текстов «Американская социологическая мысль» (1996) и др. Однако, как сегодня становится ясным, для развития профессионального социологического образования этого явно недостаточно. Требуются переводы многих других работ Мертона, являющиеся живым классиком мировой социологической науки.

Разработка теории структурно-функционального анализа

Мертон внес большой вклад в разработку теории структурного функционализма. В отличие от Парсонса, подчеркивавшего значимость анализа механизмов поддержания социального порядка, он обратил главное внимание на изучение функциональных и дисфункциональных явлений, возникающих вследствие напряжений и противоречий в обществе и его социальной структуре. Под функциями американский социолог понимает «ненаблюдаемые последствия, которые способствуют адаптации или приспособлению данной системы. Дисфункции — это те наблюдаемые

последствия, которые уменьшают приспособление или адаптацию системы» [Мертон. 1996. С. 428]. Мертон предполагает также эмпирическую возможность нефункциональных последствий, которые просто безразличны для рассматриваемой системы.

Далее он специально характеризует явные и латентные функции и подчеркивает важность такого выделения. Первые (явные функции) означают объективные и преднамеренные последствия социального действия, вторые (латентные функции) — непреднамеренные и неосознанные последствия [Там же]. Мертон отмечает, что «разграничение между явными и латентными функциями было введено для того, чтобы исключить то смешивание сознательной мотивации социального поведения с его объективными последствиями, которое часто обнаруживается в социологической литературе» [Там же. С. 439]. Американский социолог предупреждает об ошибочности отождествления мотивов и функций, поскольку первые выступают как субъективные категории, вторые же — как объективные. Мотивы и функции изменяются независимо друг от друга, о чем следует всегда помнить социологам.

Интересен пример, который использует ученый для показа важности анализа явных и латентных функций. Он связан с Хоторнским экспериментом и касается выявления отношения между освещенностью и производительностью труда. Речь идет о том, что первоначально и в контрольной, и в экспериментальной группах производительность труда росла, чтобы ни делали с освещенностью. У исследователей данного вопроса, как пишет Мертон, «отсутствовала специфически социологическая координатная система и они выступали просто как "инженеры"» [Там же. С. 445]. Социологи не учитывали латентной социальной функции, принимая в расчет лишь явную. Они в начале эксперимента не обратили внимания на его социальные последствия для отношений между членами контрольной и экспериментальной групп. В конце концов сложившаяся ситуация заставила социологов задуматься над скрытыми, не очевидными вещами, связанными с отношениями между людьми. Таким образом, главная задача социологии — изучение не столько явных, сколько скрытых, латентных функций.

Такой подход существенно расширяет горизонты социологического познания. «Поэтому, — считает Мертон, — открытия в области скрытых функций представляют собой больший прирост социологического знания, чем открытия в области явных функций. Они представляют, следовательно, и большие отклонения от знаний о социальной жизни, основанных на здравом смысле» [Там же. С. 447].

В работе «Социальная теория и социальная структура» он утверждает, что функциональный анализ является как самым перспективным, так, по-видимому, и наименее систематизированным направлением среди существующих социологических теорий. Вместе с тем он полагает, что ряд положений, считавшихся фундаментальными для функционализма, оказываются по мень-

шей мере спорными, а возможно, и ненужными для него. К таковым он относит три основных постулата функционального анализа, которые формулирует и излагает в сжатой форме: а) стандартизованные виды социальной деятельности и элементы культуры являются функциональными для всей социальной или культурной системы; б) все элементы социальной и культурной системы выполняют социальные функции; в) все эти функции необходимы и незаменимы. Первый постулат назван постулатом функционального единства общества, второй — постулатом универсального функционализма, третий — постулатом необходимости [Там же. С. 400—413].

Абсолютность этих постулатов опровергается, по мнению Мертона, конкретными, эмпирическими исследованиями многих социальных явлений и процессов. Например, постулат функционального единства общества ставится под сомнение тем, что в развитых странах такого единства просто не существует, что подтверждается, к примеру, наличием религиозного плюрализма. Постулат обязательности может быть оспорен с помощью такого аргумента, как отсутствие в качестве обязательных атрибутов общества ряда социальных институтов. Такие институты, как семья, религия, социальная стратификация, существуют не в любом типе общества, считает американский социолог.

Наряду с постулатом функционального единства общества социолог обсуждает основную теорему функционального анализа: точно так же как одно и то же явление может иметь многочисленные функции, так одна и та же функция может по-разному выполняться различными явлениями. Все социологические явления могут подвергаться функциональному анализу. Основное требование здесь состоит в том, чтобы объект анализа представлял стандартизованные (т.е. повторяющиеся, типизированные) явления, такие, как, например, социальные процессы, социальные роли, культурные стандарты, эмоциональные реакции, институциональные типы, социальные нормы, групповые организации, социальные структуры, средства социального контроля и т.д. [Там же. С. 427].

Теория структурно-функционального анализа, разрабатываемая Мертоном, существенно отличалась по уровню абстрактности от того, что делал в этой области социологический анализ Парсонс. По существу, Мертон стремился конкретизировать абстрактные теоретические размышления его старшего коллеги, «спустить» их с высоких «теоретических небес» на более низкий и приземленный уровень. Мертона постоянно тянуло к теоретизированию иного характера, более тесно связанного с эмпирическими исследованиями. Решению этой задачи была посвящена разработка теорий среднего уровня.

Теория среднего уровня

Одной из центральных в работах Мертона была идея соединения теоретического и эмпирического, макро- и микросоциологического уровней знания.

Уже в середине 1950-х гг. он считал, что наступил «золотой век» их единства. Однако в то время Мертон выдавал желаемое за действительное. Параллельному развитию эмпирической и теоретической социологии предстоял еще долгий путь. Сам ученый внес немалый вклад в преодоление этого параллелизма, этой сложившейся своеобразной социологической дихотомии, и сделал он это прежде всего своей теорией среднего уровня, или среднего ранга (The theory of the middle range), которая базировалась на его концепции функционального анализа.

Последняя приобретала у американского социолога «полуэмпирический» характер — в том смысле, что открывала возможности перевода этого анализа в операциональную плоскость, а затем — в плоскость конкретного социологического исследования. Важная особенность функционального анализа как концепции состоит в том, что он позволяет интерпретировать эмпирические данные, применять их для создания обобщающих теорий. Эту особенность очень хорошо видел и использовал при создании теории среднего ранга Мертоп. Ее контуры вырисовывались в его трудах 1940—1950-х гг., однако принципы создания были детально описаны и систематизированы в работе «О социологических теориях среднего уровня», опубликованной в книге американского социолога «Теоретическая социология» (издана в Нью-Йорке в 1967 г.).

Работа социолога над теориями среднего уровня имела двойственный характер. С одной стороны, она включала в себя обоснование необходимости особого типа теорий, специфической аналитической деятельности, которая существенным образом должна была отличаться от других типов теоретизирования (в первую очередь сугубо абстрактного). Это была работа методологического характера, поскольку касалась общей теоретической ориентации, анализа понятий, логики их построения, связи с интерпретацией получаемых эмпирических данных. С другой стороны, американский ученый трудился над созданием конкретных теорий среднего уровня в различных областях, точнее говоря, отраслях социологической науки (об этом подробнее будет сказано чуть дальше).

Согласно анализируемой теории Мертона, существуют три уровня социологического знания: широкие социологические теории, теории среднего ранга, малые рабочие гипотезы, возникающие в изобилии в повседневных исследованиях. Теории среднего ранга выполняют роль связующего звена, мостика между первым и третьим уровнями. Исходя из этих теорий, Мертон приходит к выводу о необходимости «посредника» между эмпирическими исследованиями действительности и теоретическими обобщениями закономерностей социального поведения. Теории среднего уровня могут быть как результатом обобщения большой группы социальных фактов, так и средством конкретизации отдельных областей социологии.

Американский социолог считал эти теории единственно реально существующими и заслуживающими внимания. Социологическая теория в про-

гом смысле слова - ого и есть, но Мертопу, теория среднего уровня. Именно такая теория позволяет «создать» язык эмпирического исследования. Всеохватывающие системные теории «высшего уровня» представлялись ему достаточно абстрактными, рабочие же гипотезы «низшего уровня» — второстепенными, не имеющими подлинно социологического значения. Исходной какторией анализа в теориях среднего уровня для американского социолога выпупала социальная группа, поскольку именно через нее осуществляется связь между индивидом и общественными структурами.

Мертон прекрасно понимал, что в социологии, как и в любой другой науке (а он, как уже было сказано выше, добился заметных результатов в разработке социологии пауки), должны существовать теории разного уровня. Одни используются для объяснения широких социальных процессов, другие — «обслуживают» более локальные, конкретные. Благодаря тщательному описанию и анализу различных теорий Мертоном в 1960—1970-х гг. наиболее разработанной концепцией социологического знания считалась фехуровпевая. По мере развития этой концепции прежде всего обогащалось представление о втором уровне социологического знания. Оно, в свою очередь, стимулировало разработку общих социологических теорий и развитие конкретных социологических исследований. Теории среднего уровня по сравнению с общей социологической теорией имеют более узкую область применения. Каждая из них в своей предметной области ограничена относительно автономными сферами общественной жизни, изучением тенденций их развития, механизмов действия.

Вместе с тем ученый показал, что все три уровня социологического знания тесно связаны между собой. Более того, переход от одного к другому открывает перед социологом каждый раз новые возможности. Особое значение имеет переход от общетеоретического к операциональному уровню, результат которого конкретизируется в эмпирическом исследовании. Относительная самостоятельность уровней и их значимость давали основание Мертопу надеяться, что по мере развития социологии будет усиливаться взаимодействие социологов, занятых разработкой каждого из них.

Он разрабатывал теории среднего уровня в самых различных областях социологического знания: социологии массовых коммуникаций и пауки, военной социологии и социологии медицины, социологии власти и социологии политики. Но, пожалуй, самый глубокий след оставила его теория среднего уровня в сфере изучения отклоняющегося поведения. Здесь на его идеи существенно повлияли взгляды Э. Дюркгейма, изучавшего аномию, самоубийство, иные формы девиантного поведения.

Исследование девиантного поведения и способов адаптации

Изучая дисфункциональные явления, Мертон уделил большое внимание анализу различных типов девиантного поведения, которые он рассматривал как реакцию на деформации и напряжения социальной структуры. Результа-

том этого исследования явилась работа «Социальная структура и аномия». Под аномией Мертон понимал особое нравственно-психологическое состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением системы моральных ценностей и вакуумом идеалов. Причиной аномии он считал противоречие между «нормами-целями» культуры (стремление к власти, богатству, успеху как установки и мотивы личности) и существующими социальными нормами-средствами достижения этих целей.

Остановимся на этой проблеме подробнее. Изучая социальные и культурные источники отклоняющегося поведения, американский социолог сосредоточил внимание на типах приспособления (адаптации) к культурным целям и институционализированным средствам (нормам) людей, занимающих различное положение в социальной структуре общества. В результате им были предложены пять типов приспособления, схематично представленные в таблице 4 («+» обозначает «принятие», «-» — «отвержение», а «+-» — «отвержение господствующих ценностей и замена их новыми»).

Типология способов индивидуальной адаптации

Таблица 4

Способы адаптации	Одобряемые обществом цели	Одобряемые обществом средства
Конформизм	+	+
Инновация	+	-
Ригуализм	-	+
Ретригизм	-	-
Мятеж	+-	+-

Представленная типология в литературе определяется иногда как «классификация типов девиации Мертона»¹. Однако у самого социолога она называется несколько по-другому — «типология способов индивидуальной адаптации»².

Конформизм означает полную солидарность личности и с общественными целями, и с социально одобряемыми средствами их достижения. Этот тип личностного поведения противоположен девиантному. Он основан на зависимости человека от господствующих стандартов, мнений, стереотипов и установок с целью самосохранения, безопасности, выживания. Без наличия конформистского поведения нельзя было бы говорить о стабильности, социальном порядке и преемственности в развитии общества. Чем более широко представлен конформистский тип приспособления, тем более устойчивым и спокойным (надежным) является общественный порядок.

Все остальные типы поведения могут быть рассмотрены как в той или иной степени девиантные. Вместе с тем все они, в том числе и конформистский, выступают способами приспособления к целям и средствам их

¹ См., напр.: Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 218; Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология. Парадигмы и темы. М., 1998. С. 217.

² Merton R.K. Social Theory and Social Structure. N.Y., 1957. P. 140.

достижения, характерными для данного общества. Мертон не противопоставляет их друг другу, точно так же как не считает девиацию исключительно негативным явлением (что делают многие).

Инновационный способ адаптации предполагает согласие с общественно одобряемыми целями и в то же время поиск новых средств их достижения. В отличие от исключительно позитивной характеристики инновационного типа поведения, присущей отечественной социологии, в западных теориях и типологиях отклоняющегося поведения он трактуется более широко и многообразно, включая явно выраженные негативные средства достижения цели.

Мертон, например, пишет о таких, как использование мошенничества, рэкета, шантажа для того, чтобы стать богатым человеком (общественно одобряемая цель). Свой анализ инновационного способа отклоняющегося поведения он заключает следующей мыслью: «В обществах, подобных нашему (имеются в виду развитые капиталистические страны, в первую очередь США, но сегодня есть все основания относить к ним и Россию. — Г.З.), культурное акцентирование денежного успеха для всех и социальная структура, слишком сильно ограничивающая практическое использование одобряемых средств большинством, вызывают побуждение к инновационной деятельности, отступающей от институциональных норм. Но такая форма приспособления возможна только при несовершенстве социализации индивидов, позволяющей им пренебрегать институциональными средствами, сохраняя при этом устремленность к успеху» [Мертон. 1992. № 3. С. 110].

Следующий способ адаптации — ритуализм. Он характеризуется принятием общественно одобряемых, институциональных средств достижения целей, но отказом от некоторых из самих целей. В частности, это касается безудержного стремления к успеху. Для многих «ритуалистов» характерен афоризм «Высоко взлетишь — больно упадешь», отсюда для них типичны, по мнению Мертона, высказывания «Я стараюсь не высовываться», «Не нашего ума дело», «Я играю осторожно» и т.д. Как отмечает американский социолог, «это тип приспособления индивида, лично стремящегося избежать опасностей и неудач посредством отказа от основных культурных целей и приверженности любому обещающему безопасность рутинному распорядку и институциональным нормам» [Там же. С. 111].

Ретритизм как способ адаптации отмечен двумя отказами — и от общественно одобряемых целей, и от подобных же средств их достижения. Это такой способ адаптации и одновременно тип отклоняющегося поведения, который связан с уходом или даже бегством от реальности жизни (термин «ретритизм» происходит от англ. retreat — бегство). Он характерен прежде всего для маргиналов — бродяг, наркоманов, бомжей, душевнобольных, алкоголиков и т.д. Они создают собственную замкнутую субкультуру, которая по своей природе чрезвычайно пассивна и не

направлена открыто протки общества. Зато последнее, как правило, не приемлет ретритизм в достаточно жесткой и афессинпой форме, требуя от государства непримиримой борьбы с ним. Ретритизм презирают потому, что относящиеся к этому способу адаптации и типу отклоняющегося поведения люди отказываются от стремления к успеху как главной цели жизни и от принятых в обществе институциональных средств ее дос гижения. По существу, ретритизм означает способ самоизоляции от общества, отказа от взаимодействия с ним.

Наконец, пятый способ адаптации и вмес те с тем тип девиации — мятеж. Он означает отрицание госпде твующих в обществе целей и средств и их замену новыми. В сравнении с рет риизмом, который 'также отвергает принятые в обществе цели и средства, мятеж как способ отклоняющегося поведения характеризуется внутренней и внешней активностью его субъектов, готовностью изменить общество искорне, даже путем социальной революции. Мятеж — это наиболее радикальный способ адаптации, возникающий тогда, когда существующее общество в каких-то важных аспектах своей жизни исчерпало себя — как с точки зрения целей, так и принятых в нем средств его изменения.

Рассмотренная типология отклоняющегося поведения и способов,индивидуальной адаптации свидетельствует о том, что личность пытается противостоять аномии, вырабатывая определенные приспособительные реакции. Именно эти пять способов адаптации, охарактеризованные Мертоном, и есть основные пути поиска равновесия между личностью и обществом. Причем важно отметить, что ищет их прежде всего не общество, а индивид. Своим положением в обществе озабочен в первую очередь он сам. Задача современных развитых социальных систем — пойти ему навстречу, облегчить поиск взаимопонимания, своеобразного «консенсуса», создать благоприятные условия деятельности, которые снизили бы до минимальных пределов возможности социальных отклонений в поведении.

Подведем итог. Развитие социологической теории в ирудах П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертопа сыграло громадную роль и в'американской, и в мировой социологии. Были созданы концепции, которые не только противостояли засилью эмпиризма в социологии, по и направлялись па объединение, синтез теорий, методов и социальных фактов, добываемых в ходе конкретных социологических исследований. Концепции и теории, созданные названными выше социологами, определили развитие этой пауки на многие годы и десятилетия, оказав существенное влияние па процесс возникновения новых парадигм, направлений, течений и школ. Структурный функционализм (несмотря на его критику в 1960— 1970-х гг.) и по сей день остается одной из основных парадигм мировой социологии. Более 'того, многие его идеи оказались использованы неофункционализмом в 1980— 1990-х гг. Интегральные теории определили тенденции развития социологии в последние 15 лет. Теория «среднего ранга», как и ранее, является хо-

рошим сродством, предохраняющим, с одной стороны, от излишне абстрактных исследований, с другой стороны, от «ползучего эмпиризма», от увлечения сбором конкретных данных без их должного теоретического осмысления на уровне рабочих гипотез.

«Великая теоретическая троица» (Сорокин, Парсонс, Мертон) и сейчас продолжает оставаться великой. Каждый из трех социологов давно «канонизирован» в мировой социологии и приобрел статус ее классик (причем Мертоном, как отмечалось, продолжает оставаться живым классиком). Их творчеству посвящаются книги, сборники научных трудов, материалы национальных и международных конференций и семинаров.

Вопросы и задания

Расскажите о жизненном пути и дайте общую характеристику творчества П. Сорокина в американский период его деятельности.

В чем состоит суть основных положений работы Сорокина «Социология революции»?

Проанализируйте концепцию социальной стратификации и социальной мобильности Сорокина и покажите ее современное значение.

Охарактеризуйте концепцию социокультурной динамики Сорокина. Почему социологи уделяют ей особое внимание в процессе анализа творчества ученого? Объясните, почему идеи интегрализма имеют сквозной характер в социологии Сорокина. Раскройте существо идей.

Расскажите о жизненном пути и дайте общую характеристику творчества Т. Парсонса.

Проанализируйте содержание теорий социального действия, социальных систем, структурного функционализма Т. Парсонса.

О каких системах действия писал Парсонс? Какие основные условия их нормального функционирования он выделял?

9. В чем существо трактовки общества и его эволюции, предложенной Парсонсом? О каких стадиях эволюции общества писал Парсонс? Каким ему представлялось соотношение эволюции и революции?

Расскажите о жизненном пути и дайте общую характеристику творчества Р. Мертона.

12. В чем состоит отличие теории структурно-функционального анализа Мертона от аналогичной теории Парсонса? Охарактеризуйте понятия функций и дисфункций, явных и латентных функций в концепции Мертона.
13. В чем существо теории среднего уровня Мертона? Почему появление этой теории рассматривается многими исследователями как «революционный переворот» в социологии?
14. Охарактеризуйте трактовку Р. Мертоном девиантного поведения и способов адаптации индивида. В чем Вы видите значение предложенной американским социологом типологии способов индивидуальной адаптации?
15. Покажите значение творчества П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертона для развития социологической теории в XXв.

Литература

- Антонович ИМ.* Толкотт Парсонс — основатель функционализма, создатель теории социальной системы // Современная американская социология. М., 1994.
- Барзгова Е. С.* Американская социология (традиции и современность). Екатеринбург; Бишкек, 1997.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин СИ.* Социология: история и современность М.; Ростов н/Д., 1999.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А.* Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М, 1999.
- История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 3.
- Капитонов В.А.* Социология XX века. Ростов н/Д., 1996.
- Култыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000.
- Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е.* Социология: парадигмы и темы. М., 1998.
- Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура. Социальная структура и anomia // Социол. исслед. 1992. № 2—4.
- Мертон Р.К.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М, 1996.
- Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. Функциональная теория изменения. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997.
- Парсонс Т* О структуре социального действия. М., 2000.
- Сорокин П.* Социологические теории современности. М., 1992.
- Сорокин П.* Моя философия — интегрализм // Социол. исслед. 1992. № 10.
- Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Сорокин П.* Главные тенденции нашего времени. М., 1993.
- Сорокин П.* Кризис нашего времени. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1996.
- Штоипка П.* Роберт Мертон: динамический функционализм // Современная американская социология. М., 1994.

Глава 23

Психоанализ в социологии

Процесс развития мировой социологии в первой половине и середине XXв., а затем и во второй его половине трудно представить без учета такого направления и вместе с тем метода в науке, как психоанализ. При этом в качестве клинического метода диагностики и объяснения невротических состояний человека психоанализ социологов особенно не волнует. Однако сказать коротко об этом нужно. Речь идет о терапевтической методике, заключающейся в свободном изложении пациентом истории своей жизни, ее ранних событий, в которых психотерапевт пытается найти ответ на вопрос о причинах невроза больного.

Что касается социологов, то они стремятся рассматривать психоанализ прежде всего как направление науки о поведении человека, в котором значительное место занимают вопросы деятельности индивида, проблематика структуры личности, связь между сознательным и бессознательным и др., т.е. те проблемы, которые оказали существенное воздействие на развитие социологии. Конечно, нужно также иметь в виду, что принципы психоанализа постепенно распространялись и использовались и в социальной философии, и в культурологии, и в истории, и в других общественных и социогуманитарных науках.

§ 1. 3. Фрейд - создатель психоанализа

Создателем психоанализа является выдающийся австрийский психолог, психиатр, социальный мыслитель Зигмунд Фрейд (1856—1939). Строго говоря, Фрейд никогда не был социологом. Говорим же мы о нем в курсе истории социологии потому, что его взгляды на человека, личность, действие, поведение позволяют интерпретировать их (а для социологической науки первой половины XXв. это одна из важнейших проблем) с учетом целого ряда факторов, включая сознательное и бессознательное. Последнее приобретает у Фрейда особое значение, поскольку, по его мнению, поведение человека во многом зависит от бессознательных влечений, формирующихся на ранних этапах его жизни. При этом значительная часть опыта детства теряется в памяти индивида, однако сам этот опыт составляет ту основу, на которой формируется сознание и самосознание личности.

Отдельные социологические теории и направления испытали па себе! сильное воздействие идей Фрейда, что позволяет ряду авторов у гверждагь о наличии особой социологической парадигмы психоанализа (впрочем, суждение это отнюдь не является бесспорным). Назовем его работы, имеющие значение для социологии: «Введение в психоанализ. Лекции», «Но ту суюоиу принципа удовольствия», «Я» и «Оно», «Психопатология обыденной жизни», «О психоанализе». Все главные труды австрийского ученого переведены на русский язык. Особенно активно они издавались в нашей стране в последние 15 лет. Далее мы увидим не раз, что такая ситуация шпичпа для всего неопрейдизма, чему не следует удивляться, памятуя об этом периоде как времени бурного развития демократии и свободомыслия в России.

Основные положения социального плана, присущие теориям Фрейда, состоят в следующем. Главная проблема психоаналитической ориентации в социологии — наличие противоречия, конфликта между личностью и обществом. Она имеет место потому, считал он, что существует социальный контроль, который ограничивает свободу личности. Сам он и его сторонники полагали, что современная цивилизация, ее моральные нормы, санкции, запреты, репрессивность, жесткий контроль подавляют влечения человека, в первую очередь сексуальные, и ведут к отчуждению, неудовлетворенности, деформации характеров, неврозам и т.д. По отрицать полностью необходимость такого контроля Фрейд не мог, понимая его целесообразность и значение в борьбе с обузданием человеческих инстинктов. Лучшим выходом в таких «двойственных» условиях он признавал психотерапию — средство адаптации к существующей ситуации.

Конфликт между личностью и обществом в работах австрийского ученого обладает поистине драматическим содержанием и связан с природой человека, которая имеет явно выраженный консервативный характер и вряд ли может быть подвержена серьезным изменениям. Правда, в отдельных ситуациях, полагал Фрейд, благодаря применению психоаналитического метода и хорошо организованному процессу социализации личности, трансформация человека происходить может. Но такого рода перспективы не имеют сколько-нибудь устойчивого характера, и сексуальные и агрессивные инстинкты человека вряд ли будут удовлетворены и сублимированы настолько, чтобы разум сумел ими управлять. А это значит, что опасность реализации таких инстинктов и для человека, и для общества в целом сохраняется по-прежнему.

В соответствии с учением психоанализа поведение людей определяют не только (а часто и не столько) внешние, но и внутренние силы. Последние могут иметь как сознательный, так и бессознательный характер. В этом положении отражена одна из важнейших составляющих учения Фрейда, сыгравшая в развитии социологии первой половины — середины XX в. весьма значимую роль. Заслуга австрийского ученого состоит в том, что он много внимания уделил изучению бессознательных влечений людей и обосновал возможность бессознательной мотивации действий.

Центральная идея психоанализа основана на гипотезе о доминирующей роли в человеческой жизни бессознательных импульсов, в основном сексуального характера. Более того, по Фрейду проблема разрешения сексуальных противоречий имеет решающее значение не только в индивидуальном развитии каждого человека, но и в историческом процессе также.

Ученый выделял два инстинкта, движущие поведением человека: инстинкт самосохранения и сексуальный инстинкт (либидо). Бессознательное трактовалось им как сфера, насыщенная энергией либидо — слепого инстинкта, не знающего ничего, кроме принципа удовольствия, которое человек испытывает, когда эта энергия разряжается. Однако позиция Фрейда в социальном плане здесь была слишком жесткой и потому ограниченной. Он однозначно полагал, что социальные отношения людей определяются их сексуальными комплексами, не допуская возможности обратного влияния и иных зависимостей. На самом же деле, как было установлено в первую очередь его оппонентами из числа бывших последователей, не говоря уже о социологах, значительно более серьезное воздействие на поведение человека оказывают социальные отношения, а не сексуальные.

Что касается инстинкта самосохранения, то его исследование нашло свое выражение в учении Фрейда о противоборстве двух инстинктов — жизни (ЭРОС) и смерти (ТАНАТОС). Их борьба определяет природу общества, его функционирование, развитие, конфликты.

Одна из значимых для социологии проблем творчества Фрейда — структура личности и индивида. Он выделял в ней, а по существу расчленял структуру личности на три элемента: Оно, Я, Сверх-Я (Ид, Эго, Супер-Эго). В этой структуре нашла свое отражение противоречивая связь предсознательного, бессознательного и сознательного — тех понятий, которые более всего волновали австрийского ученого.

Говоря об идеях Фрейда, оказавших влияние на развитие социологии, нельзя не коснуться вопроса о связи между сознанием (скорее даже «бессознанием») человека и его речью. Ученый подчеркивал, что многие речевые ошибки, неправильное произношение или расположение слов являются не случайными, а вытекают из подсознания человека, из внутреннего конфликта между словами и поступками. Обмолвки могут быть смешными, грустными, тяжелыми, но, как правило, совершенно непредсказуемыми. При этом в них часто выражаются скрытые глубоко в психике человека чувства. Вот один из примеров, им приводимых. Женщину-немку спрашивают: «В каком полку служит ваш сын?» В ответ она произносит: «В 42-м полку убийц», хотя хотела сказать: «В 42-м минометном полку» (по-немецки минометный — *mörser*, убийца же — *morder*). Фрейд предлагал использовать этот метод (он получил название анализа свободных ассоциаций) для изучения некоторых сторон поведения человека, связанных с его подавленными желаниями. Не случайно мы часто говорим: фрейдовская оговорка, оговориться по Фрейду. Подобные речевые ситуации стали впоследствии активно исследоваться со-

циологами в рамках символического интеракционизма, этнометодологии и других концепций (например, в книге Э. Гоффмана «Формы разговора»).

У Фрейда было много последователей, которые, примыкая к психоанализу, оказали немалое влияние на развитие социологии. Это австрийский психолог А. Адлер, швейцарский психоаналитик и социолог К. Юнг, представительница немецкой (затем американской) науки врач и социолог К. Хорни, американский психолог Г. Салливан, немецко-американский философ, психоаналитик и социолог Э. Фромм и др.

В социологии возникла психоаналитическая ориентация, имевшая два течения: либерально-радикальное и консервативное. В основе первого лежит идея полного уничтожения существующих социальных, моральных, политических норм и институтов для высвобождения витальных человеческих влечений, осуществления двуединой революции социальной и сексуальной. Об этом направлении будет сказано позднее и подробнее в главе, посвященной Франкфуртской социологической школе. Что касается данной главы, то в ней в качестве предмета рассмотрения предстанут либерально-радикальные и критические взгляды Э. Фромма и Д. Рисмена. Сейчас же речь пойдет о консервативном течении.

§ 2. Консервативное течение психоаналитической ориентации в социологии

«Индивидуальная психосоциология» А. Адлера

Альфред Адлер (1870—1937), так же как и З. Фрейд, был австрийским психологом и психиатром, взгляды которого оказали немалое влияние на состояние социологии в первой половине и середине XX в. Проработав долгое время в Европе, Адлер затем переселился в США. Его считают одним из основателей «индивидуальной психологии» и «индивидуальной психосоциологии», которая, получив широкое распространение и в Европе, и в США, стимулировала развитие понимающей социологии, символического интеракционизма и в целом всей гуманистической парадигмы. Основные работы Адлера, имеющие значение для социологии, переведены на русский язык в 1990-х гг.¹

Придерживаясь вначале взглядов Фрейда, Адлер затем пошел дальше по пути социологизации психоанализа. Он отверг фрейдовскую идею господства бессознательного, а также положение о доминанте сексуального инстинкта в поведении человека и пришел к выводу об основной роли социальных факторов, его обуславливающих. У него появилась вместо сексуальной иная доминанта — воля человека к власти, на основе которой «строится» его характер, а следствием становятся неврозы. На складывание характера влияет весь стиль жизни человека, начиная с детской поры,

¹Адлер А. Индивидуальная психология. М., 1995; *Его же*. Наука жить. М., 1997; *Его же*. Понять природу человека. СПб., 1997.

когда формируется система его целенаправленных стремлений. В них доминирует потребность в самореализации через утверждение собственной превосходства. Эта потребность выступает как «ядро» механизма компенсации так называемого комплекса неполноценности.

Чтобы вступить в теоретическую полемику с Фрейдом, Адлеру нужно было отказаться от трактовки первой структуры личности (выделение в ней Я, Оно, Сверх-Я) и принять принцип единства личности, действия которой обусловлены господством социальных факторов. Именно это он и сделал, что вызвало разрыв с ним Фрейда.

Основной характеристикой индивидуальной психосоциологии у Адлера становится социальное чувство (социальный интерес), направленное на преодоление «комплекса неполноценности» и выполняющее роль «компенсации и сверхкомпенсации». Во всех неврозах и психозах, во всех человеческих неудачах, драмах и трагедиях, в проявлениях девиантного поведения (преступности, алкоголизме, самоубийствах, половых извращениях) исследователь видел недостаточность социального чувства.

В работе «Понять природу человека» он рассматривал личность в основном в социальном контексте, считал, что на нее оказывают влияние прежде всего общественные отношения, в которые она включена. Из этого тезиса вытекало положение о том, что действия человека нельзя рассматривать в отрыве от его социальной среды, в ходе взаимодействия с которой и проявляются те или иные качества индивида.

Таким образом, с одной стороны, ученый исследует биологические и психологические характеристики комплекса неполноценности человека, с другой — акцентирует внимание на возможности их преодоления, компенсации за счет реализации «социального чувства». Исследователи его творчества отмечают, что две категории были ключевыми в его творчестве: «комплекс неполноценности» и «принцип компенсации и сверхкомпенсации». Именно в механизмах компенсации и сверхкомпенсации Адлер видел доминирующие мотивы человеческих поступков и действий.

Если компенсация означала желание индивида преодолеть комплекс неполноценности за счет социального чувства, связанного со стремлением к превосходству, то сверхкомпенсация подразумевала готовность преодолеть этот комплекс в результате одностороннего развития какой-либо из ряда выходящей черты или способности личности. При этом человек мог не осознавать такого стремления, поскольку оно оказывалось в сфере бессознательного. Заслуга Адлера состояла в попытке социологи-зировать бессознательное, связать его с внутренним развитием личности.

Психосоциологические взгляды К. Юнга

В рамках постфрейдистского психосоциологического учения значительных результатов добился швейцарский исследователь Карл Юнг (1875— 1961). Основные его работы переведены на русский язык и были изданы в

нашей стране в 1990-е гг. [Юнг. 1995; 1997]. Как и Адлер, Юнг определенное время находился под влиянием Фрейда (другом и сотрудником которого ему довелось быть), но затем также отказался от идей психосексуализма и сексуального происхождения неврозов (что привело к разрыву с Фрейдом и отходу от его концепции психоанализа). Юнг предложил иную трактовку либидо, характеризуя его в качестве психической энергии человека, определяющей как интенсивность психической жизни личности, так и психоэнергетическую основу развития культуры и цивилизации.

По мнению ученого, в психике человека происходит искаженное «проигрывание» бессознательных мотивов. Однако ученый не отверг идею о решающей роли бессознательного в поведении человека. Более того, он усложнил структуру бессознательного, выделив в нем личное бессознательное и коллективное бессознательное. Эти два компонента, наряду с личным сознанием и коллективным сознанием, в единстве составляли своеобразную четырехэлементную структуру личности. Особое значение Юнг придавал коллективному бессознательному, характеризуя его как то, что транслируется от поколения к поколению и составляет определенные «архетипы» поведения человека.

Проблема архетипов занимала в его творчестве заметное место, поскольку с их помощью он объяснял не только мифы, религии, искусство, сновидения, но и целый ряд проблем философии, социологии, политики и других наук. Напоминая «коллективные представления» Дюркгейма, архетипы у Юнга выступали основой многих форм мышления, коллективных образов и символов, представляя своеобразные закодированные программы поведения человека. Центральное место среди всех архетипов занимал архетип «самость», выступавший потенциальным центром личности.

Возвращаясь к проблеме бессознательного у швейцарского исследователя, отметим, что многие исторические и культурные процессы Юнг объяснял его влиянием. При этом сама история и ее конкретные проявления рассматривались сквозь призму «бессознательной деятельности души человека». Что касается культуры, то ее развитие Юнг характеризовал как процесс подавления инстинктов людей. Именно на этой почве возникает конфликт между природой и культурой, приводящий к человеческим неврозам. В этом процессе существенную роль играет индустриальное, промышленное развитие общества, отдаляющее человека от его природы, усиливающее иррационализм и приводящее к нарастанию массовых психозов, составляющих основу тоталитаризма.

Юнг выделил два основных противоположных типа личности — экстравертированный и интровертированный. Основой такой типологии явилось отношение личности к социальной среде. Личность интровертированного типа обращает всю свою психическую энергию внутрь себя, тогда как экстраверт — во внешнюю среду. Эта типология была важной для изучения взаимоотношений личности и социальной среды, она оказала большое влияние на развитие как социологии, так и социальной психологии.

Проблема личности и типология поведения в творчестве К. Хорни

Карей Хори и (1885 - 1952) считается первым наиболее крупным теоретиком и основателем неопрейдистской социологии. Работая в Германии до 1932 г. в знаменитом Берлинском психоаналитическом институте, она проводила исследования в рамках классического психоанализа. В преддверии прихода к власти фашизма вынуждена была эмигрировать (как и многие ее коллеги) в США. В 1941 г. создала и стала руководителем Американского института психоанализа. Поэтому ее справедливо характеризуют как немецко-американского ученого. Основные работы: «Невротическая личность нашего времени», «Новые пути в психоанализе», «Неврозы и развитие человека». В России недавно был издан трехтомник К. Хорни [Хорни. 1997].

Хорни долгое время находилась под влиянием идей сначала Фрейда, затем — Адлера и Юнга. Приняв положение об обусловленности человеческого поведения бессознательными психическими процессами, она постепенно перешла в оппозицию ко многим идеям Фрейда. Например, она подвергла критике его теорию инстинктов, концепцию либидо, акцентуацию биологического генезиса психических явлений (прежде всего бессознательного), игнорирование им роли так называемых «культурных факторов». Хорни полагала, что бессознательные импульсы (инстинкты) несут на себе определенный отпечаток конкретной культуры, поскольку возникают благодаря действию не только биологических факторов, но и социальной среды. При этом роль последней может быть даже большей, чем первых. Бессознательные влечения связаны, по ее мнению, с общественными потребностями и могут даже выполнять приспособительную функцию.

Отсюда следовал подход исследовательницы к рассмотрению внутри-личностных конфликтов и способов их разрешения. Эти конфликты, будучи связанными с бессознательными комплексами, инстинктами, влечениями, так или иначе являются отражением социальных противоречий и антагонизмов на психологическом уровне.

Внимание Хорни к внутриличностным конфликтам было отражением ее более широкого научного интереса к проблеме развития личности. Она рассматривала два основных пути этого развития: нормальный и невротический. Если первый осуществляется как обычная реализация задатков и способностей человека, то второй является отражением патологических изменений в характере и может привести к самоотчуждению, деперсонализации, разрушению личности.

Поэтому Хорни большое внимание уделяла поиску причин и способов лечения неврозов. Она полагала, что неврозы необходимо рассматривать и как следствие воздействия на человека «больного общества», и как результат отношений между родителями и детьми, и как фактор нарушения межличностных отношений. При этом она считала, что в психике человека существует огромный потенциал, связанный с его самореализацией. Именно он может позволить индивиду справиться с травмирующим воздействием

конкрешой социальной среды, культуры, конкретных общественных межличностных отношений. Для достижения этой цели, по ее мнению, человек должен реализовать изначальное стремление к своему «реальному Я», что позволит ему сохранить собственную автономию по отношению к разрушительному воздействию социальной и культурной среды.

Соглашаясь с идеей Фрейда о роли бессознательного, Хорни вместо сексуального инстинкта видела в качестве основного фактора поведения человека его стремление к безопасности. Это стремление она связывала с наличием у человека в качестве сущностной характеристики его личности чувства беспокойства, тревоги, отчуждения.

Отсюда — ее типология моделей поведения людей. Первый тип определяется стремлением человека к людям как основным средством достижения безопасности (быть вместе с ними, принадлежать к одной социальной общности). Второй тип поведения может быть охарактеризован как стремление уйти от людей (безопасность — в своем собственном индивидуальном мире, поскольку социальная среда является фактором отчуждения). Третий тип поведения человека выступает как его стремление быть против людей (мир людей предстает как враждебный мир, который надо разрушить). Из этой классификации вытекала еще одна классификация — конфликтной, невротической личности. Ее основные типы — устойчивый, устранный, деструктивный, соответствующие основным типам поведения.

В целом учение Хорни можно определить как психосоциологическое по своему характеру с выраженной тенденцией его социологической направленности. Однако противоречий в объяснении отношений между внутриличностными и социальными факторами, детерминирующими поведение и деятельность человека, она так и не смогла избежать. Это нашло свое отражение в рассматриваемых ею способах решения проблемы неврозов исключительно за счет поиска ресурсов в самой личности, без обращения к социальным и культурным факторам, их трансформации в интересах человека.

§ 3. Гуманизм социологического учения Э. Фромма

Рассматривая проблемы психоанализа в послефрейдовской социальной мысли, нельзя не выделить ее вершину. В социологическом плане ею выступает учение Фромма, на рассмотрении которого именно по этой причине остановимся значительно подробнее, чем на изложении социальных взглядов других сторонников психоаналитической ориентации.

Основные этапы жизненного пути

Эрих Фромм (1900—1980), немецко-американский философ, социолог, психоаналитик, родился во Франкфурте, в ортодоксальной еврейской семье. Его дед и прадед (по отцовской линии) были раввинами, отец торговал

виноградным вином. Мать по происхождению была из русских эмигрантов, переселившихся в Финляндию и принявших иудаизм. Естественно, что в семье, в которой воспитывался Фромм, царил дух религиозности, тщательного соблюдения обрядов, трудолюбия.

Будущий мыслитель получил хорошее начальное образование, к которому добавилось в гимназии изучение латыни, французского и английского языков. Тексты из Ветхого Завета, которыми он очень интересовался, пробудили в нем интерес к жизни человеческого сообщества, к идеям мира и интернационализма. Немудрено, что, когда в 1914 г. началась Первая мировая война, она вызвала у юного Фромма резкое неприятие и протест.

Еще одно событие потрясло его в это время: самоубийство молодой женщины, художницы, друга семьи Фроммов, которое произошло после смерти ее старого, больного отца. Причем эта женщина завещала похоронить ее рядом с отцом. Фромм старается понять, что заставило молодую женщину предпочесть радостям жизни единение с отцом, далее после его смерти. Проблемы жизни и любви заставляют его серьезно задуматься над вопросами психоанализа, проникновения в мотивацию человеческого поведения.

В 1918 г. он поступает сначала во Франкфуртский, а затем в Гейдельбергский университет, где изучает философию, психологию, социологию. Его учителями были братья М. и А. Веберы, К. Ясперс, Г. Риккерт и другие светила мировой науки. В 22 года Фромм стал доктором философии, затем продолжил образование в Мюнхене и закончил его в Институте психоанализа в Берлине. Именно в это время он находился под сильным влиянием идей Фрейда, но затем «ушел» от них, перейдя на позиции неотрейдизма, чему немало способствовали взгляды Л. Фейербаха и К. Маркса. И те и другие были важнейшими источниками профессиональных интересов Фромма в 1920-х гг. Стимулировал увлечение психоанализом и его первый брак с психологом Фридой Райхман (она была намного старше его), под ее влиянием он увлекся клинической практикой с использованием этого метода. Вместе супруги прожили всею четыре года, но сохранили дружеское расположение друг к другу на последующую жизнь.

В 1927—1929 гг. Фромм начинает много печататься, чему способствовал его доклад (принесший ему большую известность) «Психоанализ и социология». Все 1930-е гг. (вплоть до 1939 г.) он тесно связан научными интересами и работами с Франкфуртской социологической школой и Франкфуртским институтом социальных исследований, его директором М. Хоркхаймером. В институте Фромм руководит отделом социальной психологии, проводит эмпирические исследования среди рабочих и служащих и в 1932 г. делает вывод о том, что рабочие не окажут сопротивления диктаторскому режиму Гитлера. Это было первое в Европе социологическое исследование ценностных ориентации в больших и малых группах. Социологи и социальные психологи под руководством Фромма проанализи-

ровали 600 анкет, каждая из которых содержала 270 открытых вопросов, направленных на изучение неосознанных мотивов поведения.

С приходом фашистов к власти в Германии в 1933 г. социолог перебирается сначала в Чикаго, затем — в Нью-Йорк. Начинается американский период жизни и творчества. Здесь он вместе с Франкфуртской школой продолжает исследование социально-психологических проблем авторитарности и участвует в выпуске ее периодического издания «Журнал социальных исследований». В 1941 г. выходит в свет его книга «Бегство от свободы», сделавшая ему имя в США.

В 1940-х гг. в результате конфронтации с Т. Адорно и Г. Маркузе Э. Фромм отходит от Франкфуртской школы, отрывается от немецких корней и становится полностью американским исследователем. Когда в 1946 г. в Вашингтоне создается Институт психологии, психиатрии и психоанализа, он активно включается в подготовку специалистов по психоанализу. Лекции, которые он читал студентам, пользовались большой популярностью, а сам он считался их любимцем. Ученый никогда не читал лекций в узком направлении психоанализа. Он стремился к междисциплинарному уровню и характеру лекций, в рамках которого сочетались бы идеи социальной психологии, социологии, антропологии, политологии. Курсы, которые читал Фромм, были пронизаны идеями гуманизма.

После окончания мировой войны он принимает решение не возвращаться в Германию. Он поселяется в Мексике на берегу моря в г. Куэрно-Вако, становится профессором Национального университета Мехико, читает лекции в США. Последние 11 лет жизни Фромм живет в Локарно (Швейцария), пишет книги и статьи на двух языках — английском и немецком, печатается во всех странах мира, после долгих лет разлуки с Европой с удовольствием выступает перед немецкоязычной аудиторией.

В 1950-х гг. Фромм полностью отходит от теорий Фрейда и формирует свою собственную концепцию личности, которую он назвал «радикальным гуманизмом». Первой программной работой в этой области считается его книга «Человек для себя» (1947). Идея «нового человека» характерна для всего послевоенного творчества Фромма. Наиболее яркими работами в этом жанре стали его книги: «Здоровое общество» (1955), «Образ человека у Маркса» (1961), «Душа человека» (1964), «Анатомия человеческой деструктивности» (1973), «Иметь или быть» (1976). В ФРГ издается десятитомное собрание его сочинений.

1950-е годы примечательны также интересом Фромма к социально-теоретическим и социально-политическим проблемам. Этот интерес еще более усиливается в 1960—1970-х гг. Он внимательно следит за изменением ситуации в мире, выступает против гонки вооружений. В 1962 г. приезжает в Москву в качестве наблюдателя на конференцию по разоружению. В это время он пророчески пишет: «Наша безопасность — в разумном и здоровом мышлении. Речь идет о том самом реалистическом и трезвом взгляде на мир, который дает знание фактов о себе и противнике и оценивает вероятность событий не только на основе возможностей, но и на основе проверенных фактов».

В нашей стране конец 1980-х --1990-е гг. отмечены всплеском интереса к творчеству Фромма, что выразилось, в частности, в переводе на русский язык и издании всех его наиболее значительных работ.

Концепция личности в творчестве Э. Фромма

Научное наследие Фромма нельзя строго отнести к какой-то одной дисциплине. Однако можно определить ведущую проблему всего его творчества — проблему человека. Она занимает центральное место в сто работах разных лет, но преимущественно в период после Второй мировой войны. Причинами актуализации личностной проблематики были и осмысление им ценности жизни человека (война активизирует саму по себе постановку этих вопросов), и развитие капитализма в новых условиях, заставившее по-другому взглянуть на проблему отчуждения человека и влияния на него деструктивных сил, и, наконец, общий резко возросший интерес к проблематике человека в мировой общественной мысли, появление и развитие радикального гуманизма. Сам Фромм называет ряд крупных представителей этого течения общественной мысли, так или иначе повлиявших на его взгляды. Это А. Швейцер, Э. Блох, И. Иллич, югославские философы из группы «Праксис» и др.

Главное в учении Фромма — идея социальной обусловленности поведения человека, в целом процесса формирования личности. Он исходит из принципиального положения, что¹ структура личности среднего индивида и социально-экономическая структура теснейшим образом взаимообусловлены. Социальная среда для личности оказывается более значимой, чем ее инстинкты, в том числе инстинкт пола. По мнению ученого, поведение человека нельзя объяснить на основе раскрытия только биологических механизмов, извечно присущих людям. Но не следует искать основные мотивы поведения исключительно в со[циальных] факторах. Социолог считает, что надо избегать изолированного анализа только биологического, только психического или только социального, поскольку в человеке все сплетено как в уникально едином существе.

Фромм показал, что основной подход к изучению человеческой личности должен состоять в понимании отношения человека к миру, к другим людям, к природе и к самому себе. Человек реагирует на преобразования внешней обстановки тем, что изменяется сам. Психологические факторы, в свою очередь, способствуют дальнейшему развитию экономического и социального прогресса.

Ученый пишет, что человек знает все о самом себе, о своем прошлом, будущем, о том, что его ждет неминуемая смерть, что он бессилен и ничтожен. Человек осознает свою беспомощность и ограниченность своего существования. Человек, указывает Фромм, — это единственное животное, для которого собственное существование является проблемой. Он ее должен решить, и от этого никуда не уйти.

Фромм считает, что личность противоречива вследствие противоречивости воздействия на нее как объективных природных процессов (жизнь и

смерть), так и экономических и политических (характер влияния НТР, индустриализма, политической власти и т.д.). Отсюда — учение Фромма о бытии и обладании. Смысл его в следующем. Человечество в результате наступившего кризиса близко к экономической и психологической катастрофе. Выход из кризисного положения связан только с изменением характера человека. Сейчас его ведущая установка — на обладание, будущее же — за установкой на бытие. Речь идет о переходе от потребительского общества к здоровому, нормальному обществу, основанному на господстве гуманизма. Это и есть стратегический план Фромма на спасение и изменение человеческого общества.

Ученый полагает, что за «душу» человека идет борьба двух принципов — обладания и бытия. Принцип «иметь» черпает свою силу в конечном счете в биологическом факторе, в стремлении к самосохранению, а принцип «быть», что значит «отдавать», «жертвовать собой», — в социальном факторе. Он обретает силу в специфических условиях человеческого существования. Следовательно, человек должен быть самим собой, развивать присущие ему качества, а не стремиться к стяжательству, к непомерным вожделениям. Это и есть проблема модусов человеческого существования, сформулированная ученым в виде известной дихотомии — иметь или быть.

Крайне важная категория учения Фромма о личности — любовь. Под ней он понимал и жизненную потребность каждого человека о существа, и великую, объединяющую людей силу. Однако современное западное общество не создает для ее (любви) развития соответствующих условий; наоборот, вместо объединяющей любви продуцируется разъединяющее зло. В работе «Искусство любить» (она переведена на русский язык) рассматривается как теория, так и практика любви. В разделе «Теория любви» любовь характеризуется как разрешение проблемы человеческого существования на протяжении всей его истории.

Фромм анализирует различные виды любви, выделяя особо любовь между родителями и детьми. По такому критерию, как объекты любви, ученый называет следующие ее виды: братская любовь, материнская любовь, эротическая любовь, любовь к себе, любовь к Богу. Специальный раздел работы имеет название «Любовь и ее разложение в современном западном обществе». В других исследованиях, в частности в работе «Душа человека», Фромм отмечает «любовь к мертвому» и «любовь к живому», противопоставляя последнюю различным формам насилия. Как гуманист, он не мог пройти мимо этой сугубо личностной, но в то же время социально-этической проблемы.

Изучая проблему человека, ученый анализирует его потребности — в общении, в творчестве, в познании, в освоении бытия, в ощущении глубоких корней, в стремлении к уподоблению и др. Но, поскольку он исследует глубинные проявления человеческого поведения, то не может уйти от анализа деструктивных, разрушающих форм личностного бытия. Рассматривая «анатомию человеческой деструктивности» (именно так названа одна из работ мыслителя), Фромм показывает ее причины. Это может быть утрата связей

с самим собой, в результате чего возникает феномен деперсонализации, разрушения личности. В качестве еще одной причины анализируется потеря связей и контактов с обществом, другими людьми, отношения с которыми могут приобретать функциональный, овеществленный характер. Причиной «деструктивное™» личности могут стать общественные и политические обстоятельства, создаваемые человеком, но подчиняющие его себе. В книге «Анатомия человеческой деструктивное™» Фромм пишет, что он обращается к реальным условиям существования живого действительного человека.

Ученый подчеркивает, что в каждом человеке заложены две тенденции — любовь к жизни (биофилия) и любовь к смерти (некрофилия). Человек может стать биофилом или некрофилом. Если он утрачивает стремление к жизни, торжествует инстинкт смерти. В словарях некрофилия характеризуется как подверженность сексуальному влечению к трупу. У Фромма это понятие значительно шире и богаче. Оно вообще строится не на сексуальной основе. Речь идет о стремлении к разрушению в самых различных формах.

Один из случаев некрофилии Фромм рассматривает в работе «Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии». В книге под таким названием приводится и другая, близкая по духу работа Фромма «Генрих Гиммлер: клинический случай садизма» [1992]. Подход к некрофилии у Фромма связан с анализом ее возникновения в условиях современного отчужденного, дегуманизованного общества. Ученый рассматривает некрофильство как потенциальную опору диктатур, терроризма. На вопрос «как распознать некрофила?» он отвечает: его влекут к себе тьма и бездна. Человек сам взращивает в себе комплексы некрофила, связанные с жестокостью, дистрофией чувств.

Теория социального характера Э. Фромма

В связи с широкой постановкой проблем личности и поиском путей их решения Фромм пришел к выводу о значимости теории социального характера и выявлении его определенных типов. Здесь он продолжает традицию всего неопрейдизма и постфрейдизма, выдвигая концепцию социального характера на видное место в своем творчестве. Перед этим мы видели, как это же самое делали и А. Адлер, и К. Юнг, и К. Хорни. У каждого из них был, конечно же, свой подход к рассмотрению этой проблемы, свои основания для типологизации характера. Нам же важно отметить наличие самого подхода к проблеме.

Социальный характер у Фромма — это форма связи между психикой индивида и социальной структурой общества. Он отличает социальный характер, являющийся ядром общества, от индивидуального характера. Разница состоит в том, что индивидуальный характер присущ людям в рамках одной культуры, тогда как социальный характер служит основанием для выявления отличий одной культуры от другой.

Характер — это форма кристаллизации психической энергии человека, которая позволяет использовать ее как производительную силу в социаль-

ной жизни. В работе «Человек для себя» ученый пишет: «...фундаментальная основа характера мне иидшся... в специфического вида отношениях личности с миром. В процессе жизни человек вступает в отношения с миром 1) посредством овладения вещами и их ассимиляции и 2) посредством О1 ношений с людьми (и с самим собой). Первое я называю процессом ассимиляции; второе - процессом социализации» | Фромм. Минск. 1992. С. 62]. Фромм считает, что ориентации, посредством которых индивид вступает в отношения с миром, и определяют суть его характера. Па основе такого подхода к характеру он дает следующую его дефиницию: «характер можно определить как (относительно перманентную) форму, служащую проводником человеческой энергии в процессе ассимиляции и социализации» [Там же. С. 63].

Рассмотрен характер на уровне психологии личнои и, Фромм затем переходит к его социологическому анализу. «Тот факт, — пишет он, — что большинство членов некоего социального класса или культуры обладают сходством значимых элементов характера и что можно говорить о "социальном характере", репрезентирующем суть склада характера, общую большинству членов данной культуры, указывает на степень участия в формировании характера социальных и культурных моделей» [Там же. С. 64].

Каждой ступени развития общества присущ свой социальный характер. Фромм рассматривает свойственные современному ему этапу капитализма типы социального характера, связывая их с двумя ориентациями: неплодотворными и плодотворными. При этом основное внимание уделяется типам характера в связи с неплодотворной ориентацией, что в общем-то становится понятным с учетом негативного восприятия им капиталистического общества, в котором он жил, и его резко критическим анализом в целом ряде работ. Основными типами социального характера неплодотворной ориентации являются: рецептивный (пассивный), эксплуататорский, стяжательский, рыночный. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Рецептивный (пассивный) характер (или ориентация) означает, что человек стремится обрести что-либо извне, т.е. из внешнего источника. Люди с таким типом характера зависят не только от авторитетов, дающих им знания и оказывающих помощь, по и вообще от людей, способных оказать какую бы го пи было поддержку. Это люди, которые не могут взять на себя бремя решения и тяжесть ответственности. Рецептивную ориентацию Фромм называет берущей.

Эксплуататорский тип характера близок к рецептивному тем, что люди, которым он присущ, видят источник получения всего и вся вовне. Однако отличие состоит в том, что они не надеются получить от других что-либо в дар, а отнимают у них желаемое силой или хитростью. Фромм пишет: «Поскольку они удовлетворяются только вещами, которые могут отнять у других, они склонны переоценивать то, что принадлежит другим,

и недооценивать свое собственное» [Там же. С. 69]. Эксплуататорскую ориентацию он называет овладевающей.

Стяжательский тип характера (стяжательская ориентация) совершенно отличается от первых двух типов. Главное в нем — стяжательство, экономия, скупость. Люди, относящиеся к этому типу характера, стараются как можно меньше давать не только в плане денег, материальных предметов и вещей, но даже любви. Основное здесь — обладание. Стяжательский тип характера отличается педантичностью, упорядоченностью, аккуратностью, иногда доводимыми до абсурда. Фромм называет такую ориентацию сберегающей.

Наиболее подробно он рассматривает рыночный тип характера. Если предшествующие три типа характера имели место и раньше, то рыночный тип стал доминировать только в современную эпоху. Модель этой ориентации характера задается рынком и его экономической функцией в современном обществе. Поскольку отличительная черта современного рынка — не место встречи, а механизм абстрактного и безличного спроса, постольку рыночный тип характера означает стремление людей рассматривать любую ценность, в том числе и ценность людей, как меновую. Для таких людей оценки и на индивидуально-личностном, и на товарном рынке одни и те же. Фромм пишет в этой связи: «Человек заботится не о своей жизни и счастье, а о том, чтобы стать ходким товаром» [Там же. С. 73]. Поэтому не случайно он называет рыночную ориентацию обменивающейся.

В анализе рыночного типа характера важны рассуждения ученого о равенстве, а также то, что отсюда вытекает. Он отмечает: «Сегодня равенство стало эквивалентом взаимозаменяемости, а это уже прямое отрицание индивидуальности. Равенство во вместо того, чтобы быть условием развития своеобразия каждого человека, означает изжитие индивидуальности, "самоотказ", характерный для рыночной ориентации. Равенство связывалось с различием, а стало синонимом "без-различия"; и в самом деле, безразличие это как раз то, что характеризует отношение современного человека к самому себе и к другим» [Там же. С. 77]. Хотя Фромм относит рыночный тип характера к одной из неплодотворных ориентации, последний занимает особое место, отличаясь от остальных трех. Здесь личные качества как бы уходят на задний план, а на авангардные позиции выходит то, что может быть предметом обмена.

Фромм подчеркивает, что все четыре типа характера «имеют свою долю в человеческом жизнеустройстве, а доминирующее положение той или иной специфической ориентации в большой степени зависит от особенностей культуры, в которой живет индивид» [Там же. С. 80]. Рецептивную ориентацию можно часто обнаружить в обществах, где за одной группой закреплено право эксплуатировать другую (Фромм имеет в виду прежде всего рабовладельческое общество). Стяжательский характер с его девизом «Я беру то, что мне нужно» заставляет нас вспомнить о пред-

ках, пиратах, феодалах, магнатах-грабителях XIXв. Стяжательская ориентация существовала бок о бок с эксплуататорской в XVIII—XIXвв. Рыночная ориентация не имеет истоков в этих столетиях. Она является современным продуктом. Упаковка, ярлык, фирменная марка стали важны как для товаров, так и для людей лишь с недавнего времени.

Подводя итог рассмотрению типов социального характера неплодотворной ориентации, Фромм делает вывод: «Обезличивание, бессодержательность, утрата смысла жизни, автоматизация индивида ведут к растущей неудовлетворенности и потребности искать более адекватный образ жизни и нормы, которые могли бы привести к этой цели». И далее: «Плодотворная ориентация... демонстрирует такой тип характера, при котором рост и развитие всех возможностей человека является целью, которой подчинены все остальные действия» [Фромм. Минск. 1992. С. 84].

Итак, плодотворная ориентация, или плодотворный характер, как называет ее также Фромм, преследует цель человеческого развития и является идеалом гуманистической этики. Он большое внимание уделяет анализу понятия «плодотворность». По его мнению, это человеческая способность использовать свои силы и реализовать заложенные в человеке возможности. В другом месте он ассоциирует плодотворность с творчеством, особенно с художественным. Еще один подход к плодотворности связан с рассмотрением ее как установки, к которой способно каждое человеческое существо, не искаленное ментально и эмоционально. Плодотворность также выступает синонимом активности. В итоге она рассматривается как особый способ отношения человека к миру. Фромм называет три типа плодотворного характера, или плодотворной ориентации: деятельный, любящий, разумный.

Выявляя типы социального характера, он пишет, что классическому капитализму свойственны такие черты социального характера, как стремление к накоплению, индивидуализм, агрессивность. Что касается современного буржуазного общества, то он называет иные черты: стремление к потреблению, чувство неуверенности, одиночества, скуки и т.д. Конкретизируя категорию социального характера применительно к рабочему, Фромм отмечает такие его стороны, как пунктуальность, дисциплина, способность к совместному труду. Социальный характер крестьянина отличается индивидуализмом, упорством, противоборством всем попыткам его изменить.

Развитие капиталистического общества и проблема отчуждения в работах Э. Фромма

Исследование капиталистического общества занимало в творчестве Фромма весьма заметное место. По своему характеру это был анализ радикального гуманиста, который видел многие негативные стороны буржуазного общества, направленного против человека. Он считал, что ка-

питализм тотально противостоит человеку, приводя ко всеобщему отчуждению: производства от человека, человека от природы, человека от предмета и результата труда и в конце концов — человека от человека. Но главное — это отчуждение личности от общества, которое имеет много промежуточных звеньев и механизмов. Фромм пишет, что общество отчуждения «опредмечивает» человека, превращает его в песчинку, колесико. Цель этого процесса — не только экономическая (эксплуатация, извлечение прибыли), но и, что не менее важно для ученого, — военно-политическая. Речь идет о том, что так легче, согласно его точке зрения, «вращать гигантскую машину вооружения». Такое общество, без сомнения, создает особый «деструктивный тип личности», который становится угрозой самому существованию человечества.

Основные позитивные идеи Фромма в отношении преодоления отчуждения личности от общества состоят в следующем:

— производство должно служить человеку, а не экономике;

— отношения между человеком и природой должны строиться не на эксплуатации, а на кооперации;

— антагонизмы должны быть повсюду заменены отношениями солидарности;

— лишь разумное, а не максимальное потребление служит здоровью и благосостоянию человека;

— каждый человек должен быть заинтересован в активной деятельности на благо других людей и вовлечен в нее;

— высшей целью всех социальных мероприятий должно быть человеческое благо и предотвращение экономических страданий.

Таким образом, Фромм выступал против потребительского общества, суть которого в 1960—1970-х гг. заключалась в резком возрастании интереса людей к потреблению как главному виду деятельности (некоторые особенности этого общества Россия переживает сейчас). Он предупреждал об ограниченности и опасности этого общества, его направленности против личности, угрозе, которое это общество представляло для активности и эффективной и плодотворной деятельности человека. Потребительство, считал Фромм, также ведет к отчуждению, только с другой стороны, «отбирая» человека у активной социальной деятельности.

В связи с проблемой отчуждения тесно стоит проблема свободы, анализу которой Фромм посвятил одну из первых своих крупных работ («Бегство от свободы»). Он проводит разграничительную черту между «свободой от...» и «свободой для...». Ученый доказывает, что всегда нужно стараться увидеть конкретное лицо свободы и ее предназначение. Люди часто делают акцент на первом аспекте свободы, тогда как не меньшее значение имеет второй. Для Фромма «свобода от...» является условием «свободы для...». Свобода от инстинктов, от отчуждения,

от тоталитаризма становится основой свободы для солидарности с другими людьми, для

любви, для активной деятельности. Каждое общество порождает свой исторический тип свободы. Иногда она бывает такая, 'по от нее хочмсся бежать — это свобода капиталистического общества.

Ученый анализирует проблему свободы не только в условиях капиталистического общества, но и в рамках перехода к нему от предшествующих этапов развития человечества. Рассматривая /используя основные формы свободы — «от» и «для» — на различных стадиях эволюции человеческого общества, он доказывает, что началом свободы становится действие неподчинения, критицизма. Но это неполная свобода, ее реализация должна завершиться солидарностью с обществом, другими людьми, наконец, с самим собой. Если же социально-экономические и политические условия не позволяют человеку реализовать потребность связей с миром, то свобода человека превращается в тяжелое бремя. Тогда люди бегут от такой свободы. По мнению Фромма, подобная ситуация типична для общества с тоталитарным режимом.

Вообще ученый рассматривал развитие общества в этом этапе как движение от негативной свободы (несвободы) к позитивной свободе (подлинной свободе). Но история развития общества рождала парадоксы на почве свободы и несвободы, их соотношения. Так, освободившись от плена феодальных уз и, казалось бы, обретя значительную свободу, человек расплатился за это утратой чувства солидарности и уверенное и при капитализме. Другими словами, приобретения в сфере свободы обернулись потерями в ней.

Капиталистическое общество Фромм считал дегуманизирующим и больным. Кстати, таким же он считал и советское общество. Особую опасность, по его мнению, представляло то, что капитализм как общество тотального отчуждения в массовом порядке производит не людей, а отчужденные автоматы, не способные на человеческие чувства. Фромм был убежден в том, что капитализм как общество переживает глубочайший кризис, который обусловлен экономическими и психологическими противоречиями самой индустриальной системы. Он, конечно же, видел выдающиеся достижения этого общества в науке, технике, материальном благосостоянии людей. Однако большие надежды многих людей на безграничную личную свободу, всеобщий и беспрепятственный рост материального изобилия, господство над природой оказались несбыточными. Цивилизация, по его мнению, находится на грани самоуничтожения.

Каковы пути спасения от кризиса? Как считал ученый, это создание нового человека и нового общества, соответствующего потребностям отчужденного индивида. Его программа предполагала спасение человечества от экономической и психологической катастрофы путем коренного изменения характера человека, выражающегося в переходе от доминирующей установки на обладание к установке на бытие, в смене типа потребления — от патологического к здоровому, в децентрализации промышленности и политики,

в осуществлении политической и индустриальном демократии соучастия, в замене бюрократического способа управления гуманистическим.

Социология Фромма стала мощным импульсом для развития не только этой науки, но и Esseiсовременной западной интеллектуальной культуры. Наряду с теоретическим влиянием и значением, она сыграла и практическую роль в активизации молодежных движений конца 1960-х гг., убеждая новое поколение в бесперспективности капиталистического общества, в котором оно жило, и тем самым заставляя задуматься над изменением социального характера и этого поколения, и общества в целом.

§ 4. Теория социального характера Д. Рисмена

Теоретические идеи Э. Фромма, особенно в области концепций социального характера и отчуждения личности при капитализме, оказали большое влияние на современную ему социологическую мысль. Одним из исследователей, испытавших это влияние, стал американский социолог, социальный психолог, представитель психоанализа американской социологической школы, ученый либерально-радикального течения психоанализа Дэвид Рисмен (род. в 1909 г.). Его основные работы: «Одинокая голпа: изучение изменения американского характера» (1950, в соавторстве с Н. Глейзером и Р. Денни), «Лица в толпе» (1952). Рисмен оказался одним из популярнейших авторов и основателей концепции социального характера (наряду с Фроммом).

Американский социолог говорит о трех типах характеров, соответствующих трем типам общества. Первый тип — консервативный, конформней, ориентированный на традиции, устоявшиеся образцы поведения в клане, касте, сословии. Он присущ доиндустриальному обществу.

Второй тип характера был определен Рисменом как «изнутри ориентированная личность», свойственная периоду развития раннеиндустриально-го общества с ослабленными традициями, отсутствием или неразвитыми СМИ, слабым контролем со стороны первичных групп. Личность, являющаяся «носителем» этого типа характера, оказывается сильной, целеустремленной, предприимчивой, склонной к нововведениям и переменам. Вместе с тем здесь еще сохраняется роль традиционных норм и ценностей.

Третий тип характера рождается в условиях перехода к потребительскому, т.е. развитому индустриальному, обществу и получает название «извне ориентированная личность». Поведение личности с таким типом характера обусловлено влиянием бюрократии, СМИ, моды, господствующей системы связей и отношений, но ни в каком случае не традициями и принципами, принятыми нормами и ценностями. У «извне ориентированной личности» отсутствует сильное самостоятельное Я, тем более сверх-Я. Это стандартизированная и обезличенная фигура, объект манипулирования и результат отчуждения. У личности такого типа есть стремление к подлинно челове-

ским проявлениям (любовь, страсть, правдивость, честность и т.д.), но вся система внешнего воздействия мешает ей в этом.

Все названные типы характеров сосуществуют в современном обществе, считает Рисмен. Однако удельный вес и влияние каждого из них разные, они зависят от экономических, социальных, демографических факторов, уровня урбанизированное™ общества и др. Последний, третий тип характеризует «одинокость в толпе», но в то же время рождает стремление к подлинно позитивному социальному характеру — «автономной личности», имеющей ясные, рациональные цели, личности неконформной, независимой от влияний потребительского общества, культурной среды.

Рисмен рассматривает социальные характеры с позиций либерального критицизма, подчас довольно острого. Эта критика направлена против бюрократии, потребительского общества. Она касается разных сфер жизни — труда, игры, образования, досуга, религии, власти, свободы и т.д. В своей критике социолог иногда склоняется к некоторой идеализации периода классического капитализма.

Его работы сыграли большую роль в духовной подготовке событий 1968 г., связанных с бунтарскими выступлениями молодежи, прежде всего американской, вступившей в своеобразный «конфликт культур» с истеблишментом (в отличие от выступлений молодежи в европейских странах, где наблюдались процессы реального противоборства с властью, объединившие студентов и рабочих).

Подводя итог рассмотрению психоанализа в социологии, отметим, что им был пройден путь от фрейдизма до неофрейдизма. Последний возник преимущественно в США на почве соединения психоанализа с американской социологией, а его основными представителями были К. Хорни, Э. Фромм, Д. Рисмен. В неофрейдизме заметно усиливается роль социальных факторов, рассматриваемых сквозь призму их влияния на психику личности. Бессознательное (являющееся основной категорией у З. Фрейда и связанное у него с сугубо биологическими механизмами) превращается в неофрейдизме в связующее звено между социальными и психическими структурами (к примеру, у Фромма — «социальное бессознательное»).

Межличностные отношения выступают в неофрейдизме предметом основного внимания (взамен психических процессов). Приспособление личности к социальной среде приобретает роль одной из центральных проблем в неофрейдизме, наряду с типологией социального характера, вне которой особенности такой адаптации будут непонятны. С точки зрения «нового» психоанализа главной задачей этого метода становится поиск дефектов и конфликтов в системе социальных связей человека, что способствует его успешной адаптации к существующему образу жизни.

Ряд аспектов психоаналитической ориентации в социологии оказался связанным с деятельностью представителей Франкфуртской социологической школы, к рассмотрению которой мы переходим в следующей главе.

Вопросы и задания

1. В чем существо социологического подхода к психоанализу?
2. Какие проблемы психоаналитической ориентации в социологии анализировались в теориях З. Фрейда и как это делалось?
3. Охарактеризуйте основные положения «индивидуальной психосоциологии» А. Адлера.
4. В чем заключались особенности психосоциологических взглядов К. Юнга?
5. Раскройте существо концепции К. Хорни и охарактеризуйте типы поведения личности, предложенные ею.
6. В чем заключается гуманизм социологического учения Э. Фромма?
7. Опишите основные этапы жизненного пути Фромма.
8. Проанализируйте концепцию личности Фромма.
9. Что понимал под социальным характером Фромм? Изложите его учение о типах социального характера.
10. Почему проблема свободы занимала в творчестве Фромма центральное место? Как трактовал свободу ученый?
11. Как раскрывалась проблема отчуждения в работах Фромма? Изложите основные идеи ученого в отношении преодоления отчуждения личности от общества.
12. Охарактеризуйте значение социологических идей Фромма.
13. В чем состояли основные положения теории социального характера Д. Рисмена? Приведите типологию социального характера ученого.

Литература

История социологии. Минск, 1993.

История социологии в Западной Европе и США. М., 1999.

Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1998

Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989

Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Западно-европейская социология XIX— начала XXвеков: Тексты. М., 1996. *Фромм Э.* Человек для себя. Минск, 1992. *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992.

Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М., 1992. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. *Хорни К.* Новые пути в психоанализе. Собр. соч.: В 3 т. М., 1997. *Юнг К.* Психологические типы. М., 1995. *Юнг К.* Дух и жизнь. М., 1997. *Юнг К.* Душа и миф. Шесть архетипов. М., 1997.

Глава 24

Франкфуртская школа в социологии

§ 1. Общая характеристика

Под Франкфуртской школой в социологии принято понимать одно из наиболее влиятельных леворадикальных течений, возникшее в конце 1920-х гг. и оформившееся в 1930-х гг. на базе франкфуртского Института социальных исследований и «Журнала социальных исследований». И тем и другим руководил в то время М. Хоркхаймер (1895—1973), стоявший у истоков школы (сам Институт социальных исследований был основан раньше, в 1922 г., политологом Ф. Вайлем).

В 1934—1939 гг., с приходом к власти фашизма, Институт и центр школы с ее руководством перебрались в Женеву, затем в Париж. С началом Второй мировой войны в 1939 г. социологи переехали в США, где в течение 10 лет работали при Колумбийском университете в Нью-Йорке. По мере переездов в другие страны и города создавались филиалы Института в Швейцарии, Франции, США. В 1949 г. Институт вернулся во Франкфурт-на-Майне. Расформирован он был в 1969 г., что означало, по существу, организационный распад школы. Наиболее видные ее представители, кроме М. Хоркхаймера, — Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, Ю. Хабермас. Последний — ныне единственный из всех крупных представителей этой школы — продолжает активно работать, считаясь одним из выдающихся современных немецких мыслителей (хотя много лет уже находится не в Германии, занимаясь научным творчеством и ведя педагогическую деятельность в Великобритании).

Наиболее значительные, «классические» работы представителей Франкфуртской школы, или, как их часто называют, франкфуртцев, были созданы в 1930—1960-х гг. К их числу относятся: коллективные труды «Штудии об авторитете и семье» (1936 г., руководитель Хоркхаймер), «Авторитарная личность» (1950); работы Хоркхаймера «Критическая и традиционная теория» (1937), «Диалектика просвещения» (совместно с Адорно, 1947), «Помрачение разума» (1947); исследования Адорно «Философия новой музыки» (1949), «Введение в социологию музыки» (1962), «Негативная диалектика» (1966); сочинения Маркузе «Разум и революция» (1941), «Эрос и цивилизация» (1955), «Одномерный человек» (1964), «Эс-

се об освобождении» (1969), «Контрреволюция и бунт» (1972) и др. Что касается работ Фромма, то они были названы в предшествующей главе. Особое место в перечне трудов, созданных франкфуртцами, занимают работы Хабермаса, представителя второй волны Франкфуртской школы. Это «Знание и человеческие интересы» (1968), «К рациональному обществу» (1970), «Кризис легитимности» (1973), «Теория и практика» (1974), «Коммуникация и революция общества» (1979), «Теория коммуникативного действия» (1981).

Франкфуртская школа известна тем, что утвердилась как леворадикальная (критическая) социология. Ее влияние сильно росло с 1940-х до конца 1960-х — начала 1970-х гг. Эта школа обосновала в социологическом плане движение «новых левых» (в конце 1960-х гг.), особенно идеи его экстремистской крыла. Как известно, направленность этого движения состояла в его противопоставлении и даже противостоянии официальной идеологии буржуазного консерватизма, с одной стороны, и социализма в СССР — с другой. Однако в начале 1970-х гг. движение «новых левых» потерпело поражение, что выразилось в разгроме, как ее называли, «молодежной (студенческой) революции». Революционные идеи, тесно связанные и, по существу, даже возвращенные Франкфуртской школой, после смерти Адорно, Хоркхаймера, а затем и Маркузе постепенно потеряли свое влияние.

Особое место в жизни Франкфуртской школы занимало отношение к марксизму. Отрицая справедливость и достаточную обоснованность идей марксизма в отношении капитализма и замены его социализмом, представители Франкфуртской школы сыграли значительную роль в появлении неомарксизма. Он означал не просто обновленный марксизм, как могло бы следовать из этимологии этого термина, а новое направление социальной мысли, в котором философские, политэкономические, социологические понятия, использовавшиеся в марксизме, оказываются соединенными с помощью центральной категории — отчуждения, трактуемого исключительно в социально-экономическом смысле. В свете такого подхода понятно, почему капитализм рассматривается франкфуртцами как общество всеобщего отчуждения и подвергается резкой и беспощадной критике (отсюда одно из названий теории Франкфуртской школы — «критическая теория» или «критическая социология»).

При этом неомарксизм связывается ими как с отрицанием духовной культуры капитализма, так и с признанием необходимости антикапиталистической революции. Почти как у К. Маркса, по-только «почти», ибо она рассматривается как такой катастрофический поворотный пункт в истории человечества, за которым должно появиться нечто принципиально новое, в корне отрицающее прошлое развитие человечества.

Отсюда и совершенно новая социальная база этой антикапиталистической революции, совсем не такая, как у Маркса. Если главной ее движущей силой и лидером («гегемоном»), согласно последнему, является пролетари-

ат, то, в соответствии с неомарксизмом, в таком качестве должны выступить те группы, которые находятся на «социальном дне» капиталистического общества. Это: люмпенизированные слои населения; представители стран «третьего мира» (их не коснулся процесс капиталистической модернизации); противостоящие западной культуре и негативно настроенные по отношению к ценностям буржуазного общества группы интеллектуалов; безработные; молодежные группы и движения, в том числе те их представители, которые по убеждению не хотели работать; представители сексуальных меньшинств, крайне недовольные преследованиями и готовые хотя бы поэтому бороться против буржуазного государства; наркоманы и т.д.

Многочисленность этих групп в западных странах и массовый характер некоторых из них создавали серьезные предпосылки для популярности неомарксизма и его виднейших теоретиков в лице лидеров Франкфуртской школы, что сыграло заметную роль в идеологическом обосновании и обеспечении движения «новых левых», а через него — и молодежной революции («бунта») 1968 г.

Франкфуртскую школу справедливо называют критической, потому что основной идейный пафос ее представителей, причем как в довоенный, начальный период существования, так и в послевоенный, был связан с критикой не только капиталистического и социалистического (в СССР) обществ, но и теорий, в которых содержалась их апологетика. Поскольку главной критической (по отношению к капитализму) теорией был так называемый «аутентичный» (подлинный) марксизм, а апологетической (по отношению к социализму) теорией в то время была ленинско-сталинская «модель марксизма», понятно, что марксистские идеи (в том числе в их искаженном варианте) стали предметом особого внимания представителей школы. Не случайно именно их называют основателями и приверженцами неомарксизма как направления западной социально-философской мысли, представители которого стремились к истолкованию Маркса в духе неогегельянства, фрейдизма, «философии жизни» и других течений мысли, связанных с подчеркиванием в качестве центральной проблемы отчуждения.

Критический характер Франкфуртской школы проявился не только по отношению к капиталистическому обществу и ряду теорий, связанных с ним непосредственно, в первую очередь марксистских. Подобная судьба — стать объектом критики — была уготована представителями школы направлению структурно-функционального анализа за значительный разрыв между абстрактно понимаемой социологической теорией и социальной практикой. Это направление было «обвинено» сторонниками школы в определенной социальной и даже идейной ангажированности, проявившейся в возможности использования парадигмы структурного функционализма в целях усиления социального контроля для поддержания в капиталистическом обществе порядка и равновесия.

В этой связи следует специально остановиться на антипозитивистской позиции Франкфуртской школы. Критическое отношение к буржуазной рациональности не могло не сказаться на восприятии представителями школы позитивизма и сциентизма. Последние ассоциировались в сознании сторонников школы с академической социологией и индустриализмом, против которого они резко выступали.

Основными проблемами и темами Франкфуртской школы были: социологический анализ капитализма, предпринятый сквозь призму проблемы отчуждения; критика современного общества за его антигуманный, антиличностный характер; концепция авторитарной личности и попытка с помощью конкретных социологических исследований доказать, что этому типу личности действительно соответствует определенная социальная реальность; разработка методологии исследований в области социологии культуры, искусства (Адорно), коммуникаций (Хабермас), движений леворадикального толка (Маркузе).

Однако среди названных тем и проблем особое место занимает отношение к творчеству Маркса и марксизму как теоретическому направлению и революционной практике. Основной задачей многие представители школы считали возвращение к гуманистическим идеям и ценностям «раннего», молодого Маркса, взгляды которого противопоставлялись позиции зрелого и «антигуманного» Маркса. Критическому анализу подвергались идеи руководящей роли рабочего класса, социалистической революции и устройства будущего общества.

Далее будут рассмотрены взгляды отдельных представителей Франкфуртской школы.

§ 2. Взгляды Г. Маркузе

Герберт Маркузе (1898—1979), немецко-американский социальный философ и социолог, родился в Берлине. Из гимназии был призван в армию в 1916 г. После войны, в 1919 г., поступил в Берлинский университет, затем через два года продолжил обучение на философском факультете Фрайбургского университета. Поработав в книжном бизнесе, Маркузе вернулся в 1929 г. в университет г. Фрайбурга для того, чтобы стать преподавателем. Однако после прихода к власти фашизма он теряет такую возможность, переезжает во Франкфурт-на-Майне (в 1933 г.), а затем вместе с Институтом социальных исследований, где работал, едет сначала в Женеву, а вслед за этим — в Нью-Йорк и в 1934 г. оказывается в Колумбийском университете.

Начинается новый, американский период жизни, который длится уже до ее конца. Во время Второй мировой войны Маркузе занимается антифашистской контрпропагандой, сотрудничая с информационной служ-

бой американской разведки. С 1950 г. работает в Русском институте Колумбийского университета, с 1952 г. — в Русском центре Гарвардского университета. В 1954—1965 гг. был профессором Брандсбургского университета, с 1965-го по 1970 г. (т.е. до выхода на пенсию) был профессором философии факультета Калифорнийского университета в г. Сан-Диего в США где написал большинство своих главных работ, тесных идейных связей с Франкфуртской школой и ее наиболее крупными представителями никогда не порывал. Что же касается характера его собственных концепций, то они были весьма близки критическому духу школы и тесно связаны в русле идей неомарксизма.

Маркузе является автором ряда популярных книг: «Разум и революция» (1941), «Эрос и цивилизация» (1955), «Советский марксизм» (1958), «Одномерный человек» (1964), «Эссе об освобождении» (1969), «Конец утопии», «Контрреволюция и бунт» (1972) и др.

Подвергая в этих работах критическому анализу индустриальное («позднecaпyталистическое») общество, ученый считает, что благодаря характерным для него технологиям оно зашло в тупик тоталитаризма. Технология не может быть безразличной по отношению к обществу и личности; в условиях капитализма она способствует подавлению индивидуальности и свободы. Происходит выравнивание людей на уровне их «усреднения», что облегчает осуществление власти и господства одних над другими. Именно при таких технологиях возникает «одномерное общество». Поскольку в нем индивид не в состоянии критически оценить ни общество, ни свое место в нем, ни тем более перспективы собственного развития, он становится «одномерным человеком». Его многомерное культурное, социальное, моральное, чисто человеческое, индивидуальное (антропологическое) развитие становится невозможным.

Такой подход есть не что иное, как продолжение «критической теории» М. Хоркхаймера. Согласно Маркузе, современное индустриальное общество обеспечивает нейтральные позиции и молчаливое с ним согласие своих членов тем, что сначала способствует формированию у них определенной структуры элементарных жизненных («витальных») потребностей («влечений», как он их характеризует), соответствующих требованиям этого общества и не выходящих за его социокультурные пределы; затем создает необходимые условия для удовлетворения этих потребностей или по крайней мере не препятствует их реализации. Главными среди них, вслед за З. Фрейдом, оказавшим глубокое влияние на идеи Маркузе, последний считал сексуальные потребности («влечения»).

Все это означает, что революция против такого «одномерного» общества может быть успешной лишь тогда, когда она выйдет на уровень витальных антропологических потребностей. Речь идет о том, чтобы создать необходимые предпосылки, способствовать превращению социальной ре-

волюции и антропологическую, т.е. сексуальную, или, точнее говоря, соединению их в единую революцию.

Таким образом, Маркузе был поставлен один из центральных социологических вопросов: «Как возможна революция в позднекапиталистическом обществе?». Эту проблему он решал многие годы. В конце концов социолог пришел к выводу, что такое решение может иметь трехуровневый характер. Первый уровень оказался сугубо индивидуальным, антропологическим; предполагалось, что революция должна была стать сексуальной, поскольку речь идет об «освобождении» подавленных капиталистическим обществом эротических влечений. Второй уровень имел уже культурный характер. Здесь главным является борьба против «репрессивной культуры» индустриального общества. Суть же «культурной революции» состоит в победе авангардистского сюрреалистического искусства, в котором выражается бунт названных выше влечений.

Наконец, на третьем — социальном — уровне ряд общественных групп, не интегрированных в современное индустриальное общество (представители стран «третьего мира», люмпенизированные слои, бунтующие, не сошедшие с истэблишментом, интеллектуалы, студенты, сексуальные и этические меньшинства и т.д.), осуществляет социальную революцию, направленную против «позднекапиталистического общества», стремящегося к тоталитаризму, репрессивной культуры этого общества и господствующему авторитарного типа личности.

В этой связи специально следует отметить отказ Маркузе (и других предств и гелей Франкфуртской школы) видеть в рабочем классе главную революционную силу (как полагал Маркс, с идеями которого по этому вопросу шла активная полемика). Основным аргумент состоял в том, что рабочим классом стали успешно управлять с помощью «массовой культуры» и он перестал представлять угрозу для индустриального общества. Поэтому на авангардные революционные позиции выдвигаются названные выше новые социальные силы.

Таким образом, к концу 1960-х гг. у Маркузе сложилась трехуровневая социологическая концепция революции, соединившая в себе сексуальную, культурную и социальную составляющие. Эта концепция получила большой резонанс у новых левых, молодежного (студенческого) движения, объявивших «тотальную революционную войну» против капиталистического общества. Концепция обеспечила социологу огромную популярность среди различных групп и движений, и прежде всего среди экстремистов.

Однако, увидев практическое воплощение своих идей в терроризме, нигилизме, аморализме, он испугался такого резонанса своих идей и их последствий, а потому отмежевался от левых экстремистов, что привело к резкому падению его авторитета в левых кругах. Особенно заметно это стало после выхода в свет его работы «Контрреволюция и бунт», в которой

экстремистские и террористические действия в 1968—1969 гг. получил осуждение. Идея «Великого Отказа» от «репрессивной тотальности» капиталистического общества, на основе чего только и можно построить свободное сообщество людей, — а это была одна из центральных социологических идей Маркузе — не нашла в его творчестве необходимых и реальных механизмов и средств для своего осуществления.

§ 3. Идеи Т. Адорно

Теодор Адорно (1903—1969) известен как крупный социолог, участвовавший в зарождении и становлении Франкфуртской школы. Родившись в Германии (во Франкфурте-на-Майне), он получил прекрасное музыкальное образование, которое продолжал совершенствовать в Вене. Адорно проходил обучение музыкальной композиции у одного из самых известных композиторов XX в. и основателей музыкального авангарда А. Шенберга. В молодые годы он проявил большой интерес к теоретическим занятиям философией, эстетикой, художественной и особенно музыкальной культурой. Именно в этих областях науки он стал главным теоретиком Франкфуртской школы.

Особенно велики сто достижения в области социологии музыки, где были написаны одни из первых и наиболее глубоких работ («Философия новой музыки», «Введение в социологию музыки» и др.). Благодаря активным занятиям в сфере музыкального искусства и критическим выступлениям в печати с анализом его произведений Адорно приобрел славу одного из ведущих теоретиков музыки и музыкальных критиков Германии.

Защитив докторскую диссертацию, он готов был вести преподавательскую деятельность. Но приход Гитлера к власти круто изменил его судьбу, равно как и многих ученых-обществоведов, тем более людей еврейской национальности. Адорно был вынужден уехать из Германии. Сначала он оказался в Великобритании, а через четыре года — в США. В этой стране он вначале участвовал в проведении исследований в сфере музыкального искусства на радио в рамках знаменитого проекта, которым руководил П. Лазарсфельд. Однако маркетинговая концепция проекта противоречила теоретическим установкам самого Адорно, и он, выйдя из проекта, переезжает в Калифорнийский университет, где работает вместе с М. Хоркхаймером.

После войны социолог возвращается во Франкфурт-на-Майне, где в университете имени Гёте ведет активную работу. Он участвует в ряде теоретических дискуссий (с К. Поппером, неопозитивистами, сторонниками реформы высшего образования ФРГ и др.) и, конечно же, принимает близко к сердцу движение «новых левых». Критицизм этого движения оказывается созвучным многим идеям Адорно, часть которых движение восприняло и сделало «своими». Сам социолог поддержал это движение на его

первом этапе, однако постарался «откреститься» от него на втором этапе, когда оно стало откровенно нигилистическим и экстремистским. Студенческая молодежь отшатнулась от него, но в леворадикальной критической социологии его авторитет продолжал оставаться высоким еще долгое время после смерти, наступившей внезапно от сердечного приступа в августе 1969 г. Поэтому тезис о том, что он принял движение «новых левых» близко к сердцу, можно толковать не только фигурально, но и буквально.

Социологическая проблематика нашла свое отражение в ряде крупных работ Адорно, в первую очередь в «Диалектике просвещения» (написанной совместно с Хоркхаймером и опубликованной в 1947 г.). В этой работе содержится, по существу, программное изложение неомарксизма, его социально-философских и социологических идей. Центральное место занимает в ней рассмотрение проблемы отчуждения как сквозной для всей капиталистической истории Запада. Этот исторический процесс рассматривается как постепенная утрата человеком своей индивидуальной свободы в условиях усиливающегося безумия буржуазного общества. Последнее Адорно характеризует как «неудавшуюся цивилизацию», отличающуюся признаками «фашизоидности» (независимо от того, существуют ли в странах позднего капитализма фашистские режимы или нет).

Вслед за «Диалектикой просвещения» в 1950 г. выходит коллективный труд, выполненный при участии и под руководством Адорно, — «Авторитарная личность». Эта работа создавалась на материалах конкретно-социологических исследований, в основу которых была положена концепция авторитарной личности Фромма. Авторитарная личность рассматривалась как один из наиболее характерных типов личности в условиях капиталистического общества, а ее свойства и признаки анализировались с позиций их антигуманной направленности.

Одна из значительных сторон социологического творчества Адорно — его работы в области социологии музыки. Помимо названных выше, следует упомянуть два труда, опубликованных друг за другом и повлиявших на развитие этой отрасли социологического знания, — «Призмы. Критика культуры и общество» (1955) и «Диссонансы. Музыка в управляемом мире» (1956). В анализе музыки как социального явления проводится крайне важная идея о том, что определенные виды музыки можно рассматривать как моделирование процесса отчуждения (обесчеловечивания) человека, происходящего в условиях позднего капитализма. Как и анализу общества и его теорий, трактовке социологом музыки также присущ критический характер. Процесс «подавления» личности «общественной тотальностью» в виде определенной музыки является одной из тем социологии Адорно.

Критический характер его теоретических построений проявился наиболее ярко в «Негативной диалектике» (1966). Название книги отражает не столько название концепции, сколько ее характер, установку автора на

критическое переосмысление диалектики как Гегеля, так и ряда мыслителей ХХв. Под «негативной диалектикой» следует понимать критику традиционных понятий и категорий диалектики, абсолютизацию ее отрицающей функции, т.е. принципа негативности — в противоположность диалектическому принципу, согласно которому главное — не отрицание а утверждение, использующее лишь в качестве одного из своих моментов отрицание.

Строго говоря, «негативная диалектика» была «изобретением» не только Адорно, но и всей Франкфуртской школы. При этом она не выступала самоцелью и создавалась не ради исключительно формально-логических упражнений с понятиями и категориями. Наиболее значимым было ее применение к отрицанию существовавших социально-экономических, культурных и духовно-идеологических реалий. Как отмечают исследователи творчества Франкфуртской школы в целом и Адорно в частности, наиболее характерная черта этой диалектики — вульгарный социологизм. Такова точка зрения известного отечественного историка социологии Ю.И.Давыдова. Характеризуя взгляды Адорно, он пишет «Поскольку критика "угнетательского и эксплуататорского разума" в негативной диалектике... осуществляется главным образом посредством редукции логико-гносеологических понятий к определенным общественно-экономическим реалиям, характерная черта этой программы "критического переосмысления" диалектики — вульгарный социологизм» [История теоретической социологии. 1998. С. 525]. Эта черта негативной диалектики, по существу, базировалась на изначальном признании факта эксплуатации человека человеком, его подавления и угнетения.

§ 4. Творчество Ю. Хабермаса

Критическая направленность работ

Юрген Хабермас является наиболее ярким представителем второго поколения Франкфуртской школы. Год его рождения (1929) пришелся на период возникновения школы. Он получил прекрасное образование в университетах Германии и Швейцарии (Геттинген, Бонн, Цюрих), обучаясь философии, психологии, истории, экономике и литературе. Социальным интересам Хабермас стал заниматься с 1956 г., когда начал работать ассистентом Адорно в Институте социальных исследований Франкфуртского университета. Он принимает участие в эмпирических исследованиях, проводит собственные изыскания, поскольку Хоркхаймер — один из лидеров школы — постоянно требует подтверждения теоретических размышлений и выводов конкретными данными.

В 1962 г. появилась в печати работа Хабермаса «Структура общественного мнения», являвшая собой сочетание теории и эмпирии. Годом раньше

появилась коллеживная работа представителей Франкфуртской школы «Студент и политика», одним из авторов которой был Хабсрмас. Уже в этой работе, основанной па эмпирическом исследовании политического сознания западногерманских студентов, предсказывается всплеск их активности, имеющей протестный характер и направленной против консерватизма властей. Однако студенческий «бунт» потерпел поражение, движение «новых левых» захлебнулось, и в 1969 г. социолог публикует иную по духу работу - «Движение протеста и реформа высшей школы», в которой содержится уже критика студенческого движения.

В 1970-х гг. Хабсрмас анализирует кризисные явления западного общества (испервую очередь европейского, по и американского тоже). Этому анализу посвящается его книга «Проблемы легитимации в условиях позднего капитализма» (1973), явившаяся, пожалуй, одной из последних «кри-шческих» работ, выполненных в духе Франкфуртской школы. Дальнейшие его труды имели иной характер, и прежде всего это касалось главной работы 1980—1990-х гг. — двухтомной «Теории коммуникативного действия» (1981), о которой чуть ниже будет сказано специально (хотя интерес к критической теории общества у немецкого социолога не потерялся). В «Проблемах легитимации...» анализируются основные противоречия ка-пшализма, приводящие к нарушению традиций этого общества, рассмат-" риваются новые политические движения и культуры, направленные прошв легитимности имеющегося социального порядка.

Критические «стрелы» Хабсрмаса были направлены не только в сторону капиталистического общества, но и той системы знания, которая в нем создавалась и существовала. Поскольку речь шла о социально обусловленном знании, оно рассматривалось в тесной связи с человеческими интересами и действиями. Именно этой проблеме была посвящена одна из наиболее сложных его работ «Знание и интересы» (1968). При этом он исходил из тезиса, что «критика знания возможна только как социальная теория»¹.

Критике в этой работе был подвергнут в основном позитивизм и неопозитивизм. По мнению Хабсрмаса, последний полезен для исследования природных процессов, объективных по отношению к людям, но явно недостаточен для интерпретации коммуникации, межличностного взаимодействия и языка. Немецкий социолог стремился доказать, в противоположность неопозитивизму, что познающие субъекты играют активную роль в копституировании мира, в котором они живут и который знают. Нетрудно обнаружить здесь близость позиции немецкого ученого взглядам феноменологической социологии, которая во многих своих аспектах была ему бл изка.

¹ Цт. *шг.ХэлдД.* Интересы, знание и действие (к критической методологии КОрие на Хабсрмаса) // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабсрмас. Новосибирск, 1995. С 82.

Согласно позиции Хабермаса, социальное действие формируется со воюгшыми «усилиями» труда и языка, сферы которых, с одной стороны связаны, с другой — разъединены. Но при этом они были и остаются главными сферами человеческого бытия, детерминирующими основные интересы, существующие в обществе. Выделяется три типа интересов, которые имеют не только индивидуально-личностный, но и социальный характер: 1) технический познавательный интерес (присущ естествознанию и техническим наукам и состоит в стремлении к контролю над природными процессами и их рациональному использованию); 2) практический интерес (он возникает в рамках межличностного взаимодействия в ходе которого вырабатываются идеалы и цели деятельности); 3) освободительный интерес (означающий стремление человека к эмансипации, освобождению от различных форм отчуждения и угнетения).

Освободительному (эмансипационному) интересу Хабермас уделяет особое внимание. Этот интерес заключается в освобождении от объективных сил и условий искаженной коммуникации между людьми. Он заложен в стремлении людей действовать рационально, на основе имеющихся знаний и норм. Рациональные способности людей требуют развития особого вида (формы) знания, в качестве которого социолог рассматривает самопознание.

На рубеже 1960—1970-х гг., с учетом идей, сформулированных в работе «Знание и интересы», Хабермас предложил широкую концепцию разделения двух сфер человеческого существования: труда (взаимодействие людей с природой) и интеракции (межличностное взаимодействие). Анализируя труд, социолог постоянно обращался к Марксовой характеристике этой категории, включая его рассмотрение производительных сил и производственных отношений, средств труда и средств производства. По К. Марксу, именно они определяют качество труда. Хабермас исходил из иных детерминант труда, видя их в технологиях, рациональной организации производства, его эффективности.

Что касается другой главной сферы человеческого бытия — интеракции, то она, по его мнению, является основной формой осуществления труда, выступая как коммуникация. Интересно отметить, что если труд рассматривается им как практика, то коммуникация — в виде теории. Отсюда следует необходимость их единства и взаимосвязи, которая и обеспечит эффективность человеческого бытия. Именно в этом вопросе содержится критическая переоценка марксизма, к которой прибегает Хабермас, смещая акценты в анализе труда с его производительных характеристик на коммуникативные.

Еще одно различие труда и интеракции как ведущих сфер человеческой деятельности заключается в том, что первый имеет, считает социолог, инструментальный характер, связан с рациональными способами достижения целей действия (чем больше рациональности в труде, тем

более он эффективен). Что касается интеракции, то она также способна принимать рациональный характер, причем в рамках коммуникативной рациональности, означающей, в отличие от преимущественно монологической формы труда, диалогическую форму взаимодействия не столько инструментальной направленности (как средство для достижения определенных целей), сколько терминальной ориентации (коммуникация как самоцель).

Теория коммуникативного действия

Диалогическая форма коммуникации требует особого внимания к языку, вне которого специфика коммуникативного действия не может быть понята. Поэтому не случайно проблема языка в «Теории коммуникативного действия» Хабермаса занимает одно из центральных мест. Саму коммуникацию немецкий социолог рассматривает как опосредованную языком интеракцию. В процессе коммуникации выявляются смыслы и значения языковых выражений.

Не менее значимое место в названной выше книге занимает проблема дискурса — понятия, предназначенного для анализа социальной обусловленности речевых высказываний. Дискурс, так же как и интеракция, является для Хабермаса формой коммуникативного действия, направленной на достижение консенсуса, соглашения (прежде всего языкового, речевого) между субъектами коммуникации. Такой консенсус означает установление равновесия между интересами и симметрическое распределение шансов не только в использовании речевых актов, но и в последующих действиях субъектов коммуникации.

Рассматривая далее основную оригинальную концепцию Хабермаса — теорию коммуникативного действия, следует отметить, что в ней он близок к феноменологической социологии, поскольку исходным пунктом его анализа является категория «жизненного мира». Это понятие означает для немецкого социолога символическое самовоспроизводство, возникающее из тех границ значений, которые составляют основу жизненного опыта индивида. «Жизненный мир» — это коллективный процесс интерпретаций тех или иных ситуаций, в которых оказываются люди. Сами же ситуации являются фрагментами «жизненного мира». Цель теории коммуникативного действия — описание развертывания «жизненного мира» в эволюционной перспективе.

Понятие «жизненного мира» у Хабермаса тесно корреспондирует с понятием «системы действий», или просто системы. Общество, согласно его позиции, есть одновременно и «жизненный мир», и система. Но если первый означает субъективный мир, внутреннее состояние, то вторая оказывается скорее объективным миром фактов. Поскольку же и система, и «жизненный мир» тесно связаны, то правильнее их рассматривать как неразделенное единство.

Эволюция «жизненного мира» приводит к выделению социолог трех относительно независимых миров, отличных от самого «жизненного мира». Это объективный, социальный и субъективный миры. При этом! объективный мир состоит из фактов (элементы системы), социальный мир — из норм и ценностей, а субъективный мир — из восприятия социальных действий.

«Жизненный мир» обладает социальной структурой, формирующейся вокруг коммуникации и языка как средства человеческого общения. Эта структура связана, по Хабермасу, с накоплением практического знания. Коммуникации и языку немецкий социолог уделяет особое внимание, критикуя Маркса за их недооценку. Он согласен с последним, что человека от животного отличают и отделяют труд и язык. Но если труд Маркс анализирует, по мнению немецкого социолога, убедительно и досконально, то языку, по существу, не уделяется должного внимания.

Здесь необходимо специально остановиться на отношении Хабермаса к позиции марксизма в отношении труда и производства. Дело в том, что, по мнению первого, доминанта экономического фактора в развитии общества по-настоящему применима и «работает», когда дается объяснение перехода от средневекового общества к капиталистическому. Когда же рассматривается процесс развития капитализма во второй половине XIX в. и его трансформация в постиндустриальное, информационное и иные состояния общества, то на первый план выходит не примат экономики, а развитие языка и коммуникации. Оно связано в первую очередь с развитием компьютеризации, массовым внедрением ее в жизнь. Такова точка зрения Хабермаса.

В соответствии с ней конфликты в обществе перемещаются из сферы производства в сферу коммуникации и языка. Для объяснения этого процесса необходима принципиально новая теория. Марксистская концепция труда и производства была хороша, но для другого, более раннего времени. Сейчас нужна иная теория, объясняющая появление таких кризисов, которых не было раньше. Речь идет не столько об экономическом кризисе, сколько о кризисе рациональности и тесно связанном с ним кризисе мифопоэтической сферы.

Одна из центральных категорий в творчестве Хабермаса — социальное действие. В его анализе явно ощущается влияние идей М. Вебера. Рассматривая это понятие, представитель Франкфуртской школы выделяет формальные действия, ориентированные на результат, и коммуникативные действия, направленные на взаимопонимание между их субъектами. Для него важным становится выявление степени рациональности (как и у Вебера) действия. В результате Хабермас выделяет четыре идеальных типа социального действия: телеологическое (в котором он особо выделяет стратегическое), нормативное (норморегулирующее), драматургическое, коммуникативное (речевые действия, разговор).

Стратегическое действие означает, что субъект действия выбирает наиболее эффективное средство «получения желаемого». Нормативное действие — это социальное действие, целью участников которого является достижение взаимовыгодных ожиданий, осуществляемое посредством подчинения своего поведения разделяемым ценностям и нормам. Нормативное действие рационально настолько, насколько оно соответствует социально принятым стандартам поведения. Драматургическое действие есть в первую очередь создание публичного имиджа. Эффективность драматургического действия определяется его «искренностью». Что касается коммуникативного действия (центрального понятия в теории Хабермаса), то целью его является свободное соглашение участников для достижения совместных результатов в определенной ситуации. Таким образом, социальное действие становится у немецкого социолога взаимодействием.

Большинство его работ объединяет идея социальной эволюции, которая дает и исходный импульс для синтеза различных теоретических построений, и одновременно конечную перспективу оформления теории коммуникативного действия. Говоря о теории социальной эволюции Хабермаса, следует отметить пять ее стадий: мифоэтическое, космо-ическую, религиозную, метафизическую, современную. Каждая новая стадия характеризуется большей степенью рациональности, чем предыдущая, и большей способностью отличаться от нее. Каждая последующая стадия социальной эволюции дает новые средства для решения социальных проблем, включая и возможное! в объяснения того, почему эти средства лучше, чем им предшествующие.

Исторический процесс немецкий социолог рассматривает и в ином ракурсе, также связанном с выделением определенных фаз социального развития. При этом некоторые критерии указанной выше периодизации попадают в иную схему исторического развития общества, согласно которой в нем целесообразно выделять три следующие друг за другом типа культур: неолитические, развитые, модернистские. Каждой из этих культур соответствует определенный тип общества. Критериями же их выделения являются: уровень связи (степень разрыва) с мифическим мышлением, характер структурированности системы действий, степень их правового регулирования.

С учетом этих критериев неолитические общества характеризуются господством мифического сознания, доконвенционально структурированной системой действий, крайне слабым уровнем их правового регулирования. Развитые общества отличаются разрывом с мифическим сознанием и появлением рациональных картин мира, конвенционально структурированной системой действий, постепенным оформлением их правового регулирования. Модернистские общества характеризуются полной сменой типа мышления, высокой степенью его рационализации, постконвенционально структурированной системой действий, господством системы рационального права, регулирующего эти действия.

Постепенно Хабермас стал переходить от критической теории общества к разъяснительной, какой, строго говоря, и является теория коммуникативного действия. Необходимость в разъяснительной по характеру теории была вызвана стремлением немецкого социолога обосновать такое явление современности, как фрагментация повседневного сознания и охват его различными системами. Сознание перестало (или перестает) быть революционным, и критическая теория должна быть заменена объяснением процесса соединения рациональной культуры с повседневной коммуникацией.

Подводя краткий итог рассмотрению Франкфуртской школы, следует отметить, что критический анализ капиталистического и социалистического типов обществ, равно как и социальных теорий, в них рождавшихся и им посвященных, оказался для социологии в высшей степени полезным. В этом анализе акцентировалось внимание на том, чего не должно быть. Подчеркивалась опасность ошибочных действий, предпринимаемых в современных странах. При этом под такими действиями понимались прежде всего те, что имеют антигуманистический и авторитарный характер.

Критический подход представителей Франкфуртской школы к имевшим место социальным (социологическим) теориям сопровождался стремлением сформулировать новые задачи социальных наук, переосмыслить роль неопозитивизма в развитии научного знания, оценить с иных позиций тенденции мирового развития, раскрыть процессы формирования и развития различных типов личности и культуры.

Обоснование важности и даже необходимости молодежного (студенческого) протестного движения конца 1960-х гг. явилось важным вкладом Франкфуртской школы в общественно-политическую жизнь мира первых двух десятилетий второй половины XXв. Поэтому вполне понятно, что поражение этого движения привело к кризису и распаду самой школы. Однако социологические и социально-философские идеи ее представителей оказывали и по сей день продолжают оказывать влияние, на развитие общественной мысли.

Вопросы и задания

1. Что собой представляла Франкфуртская школа в социологии? Дайте ее общую характеристику. Назовите наиболее крупных социологов, входивших в нее, и перечислите проблемы и темы, которыми они занимались.
2. В чем заключаются особенности отношения Франкфуртской школы к марксизму? Почему эту школу называют критической?
3. Проанализируйте взгляды Г. Маркузе. Как он относился к перспективам осуществления социальной революции? В чем состоял его теоретический подход к этой проблеме?
4. Охарактеризуйте социологические идеи Т. Адорно. Во всем ли вы согласны с критическим характером теоретических построений его «Негативной диалектики»?

5. Почему теоретические достижения Ю. Хабермаса считаются сегодня одной из вершин социологической науки?
6. Что дает основания относить Хабермаса к представителям Франкфуртской социологической школы?
7. Охарактеризуйте основные положения «Теории коммуникативного действия» Хабермаса.
8. Раскройте содержание категории «жизненный мир», которую активно использует Хабермас.
9. В чем смысл идеи социальной эволюции Хабермаса?
10. Покажите значение для последующего развития науки Франкфуртской социологической школы.

Литература

Волков Ю. Г., Нечипуренко В. Н., Самыгин С. И. Социология: история и современность. М.;

Ростов н/Д., 1999. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. СПб.,

1996.

История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998 Т. 2. Капитонов Э. А. Социология XX века. Ростов н/Д., 1996. Култыгин В. П. Классическая социология. М., 2000. Маркузе Г. Одномерный человек // Американская социологическая мысль: Тексты. М.,

1996.

Современная социальная теория: Бурдье, Гиддес, Хабермас. Новосибирск, 1995 Хабермас Ю. Демократия Разум. Нравственность: московские лекции и интервью. М.,

1995. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: философские фрагменты. М., 1997.

Глава 25

Парадигмы в зарубежной социологии.

Теории конфликта и обмена

§ 1. Понятие парадигмы в социологии: различия в подходах

i

Развитие теоретической социологии во второй половине XXв. было тесно связано с понятием парадигмы. Как уже указывалось в первой части учебника, оно было введено в широкий исследовательский оборот американским философом и историком пауки Т. Куном в середине 1970-х гг. В развитии любой науки, по мнению американского ученого, следует выделять четыре стадии. Первая — стадия ее нормального состояния, в рамках которой происходит накопление знаний в пределах существующих научных теорий и представлений. Вторая стадия приобретает аномальный характер, поскольку полученные данные не могут быть объяснены с позиций существующих и принятых научных теорий. В связи с этим наступает третья стадия — кризисная для развития науки. Именно она приводит к четвертой стадии — научной революции, в ходе которой старые концепции заменяются новыми, способными объяснить открытые учеными научные факты, не поддававшиеся объяснению в рамках имевшегося теоретического знания. Появление парадигмы Кун как раз и связывал с революцией в науке, качественным скачком в развитии знания.

Подходы к пониманию парадигмы в отечественной социологии

В связи с тем, что понятие парадигмы играет в современной социологии ключевую роль и, по существу, превратилось в категорию методологического характера, необходимо подробнее остановиться и на самом понятии, и на его трактовках, и на применении парадигмального подхода к тем или иным социологическим теориям.

Начнем с того, что парадигма означает определенную совокупность фундаментальных оснований научного знания. Она выступает как исходная концептуальная схема. Иногда под парадигмой понимают крупные теории или группы теорий, а также всеми признанные достижения в данной области науки. Ряд авторов относят к парадигме не только принципиально новые теории, но и методы исследования.

Однако следует отметить, что в последние 10—15 лет понятие парадигмы, по сравнению с его трактовкой Куном, стало меняться по своему содержанию.

! \ парадигмальным начали относить теории, концепции, направления, течения, движения научной мысли, которые отнюдь не носят революционного для нее характера, а скорее являются прибавкой знания, подчас значительную, но не оказывающую радикального воздействия на развитие науки. Именно такое отношение к понятию парадигмы стало проявляться в социологической науке.

Очевидно, что в связи с наличием целого ряда фундаментальных теорий социология выступает как полипарадигматическая (полипарадигмальная) дисциплина, т.е. как наука, имеющая множество парадигм. Весь вопрос состоит в том, что считать парадигмой в социологии, а что — нет. Здесь необходимо отметить еще один важный критерий парадигмы — период влияния юго или иного фундаментального знания, той или иной концепции и теории на науку в целом. Если он невелик, если о концепции достаточно быстро забывают и по прошествии какого-то времени ее не используют в теоретических и эмпирических исследованиях, вряд ли можно считать эту концепцию парадигмой.

С учетом такого подхода применительно к классическому этапу развития социологии (XIX— начало XXв.) можно говорить о трех наиболее крупных направлениях, сыгравших роль парадигм социологической науки. Это позитивизм, марксизм, веберизм (см. часть 1). Развитие социологической науки в XXв. подтвердило в полной мере парадигмальный характер названных выше направлений социологической мысли.

Более того, оно показало, что социология почти сразу стала развиваться как полипарадигматическая наука. Позитивизм как единственное направление социологии просуществовал совсем недолго, буквально через четверть века к нему «присоединился» (на правах особого направления науки) марксизм, а еще через полвека «прибавилось» веберизм. Говоря о появлении и развитии парадигм в социологии XXв., нам еще предстоит разобраться, какие направления и теории могут быть отнесены к ним, а какие — нет.

Для этого нужно выяснить критерии парадигмы в социологии. Г.В. Осипов пишет по этому поводу: «В социологической парадигме объектом социологии являются социальная реальность и ее стратегические элементы. Критериями разграничения парадигмы социологии как науки с ее многовариантным парадигматическим статусом выступают качественно отличные друг от друга стратегические элементы, интерпретация взаимодействия которых позволяет понять природу социальной реальности»¹.

Изучая современное состояние социологии и используя идеи американского исследователя-теоретика Дж. Ритцера, Г.В. Осипов выделяет несколько парадигм, базирующихся на теориях К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Б. Скиннера. Это парадигмы социальных фактов, социальных дефиниций, социального поведения. К первой Осипов относит структурный функционализм и теорию социальных конфликтов, ко второй — сим-

—1 Осипов Г.В. Парадигма // Российская социологическая энциклопедия. М., 1997. С. 368.

волический интеракционизм и этнометодологию, к третьей — теорию обмена и психологический редукционизм¹.

Другой подход к проблеме парадигм в социологии предлагают С.А. Кравченко, М.О. Мнацаканян, Н.Е. Покровский. Все анализируемые ими парадигмы они группируют как: а) структурные (связаны с исследованием общества и его структур); б) интерпретативные (связаны с исследованием действий отдельных людей); в) интегральные и объединительные (объединяющие первые и вторые и ориентированные на изучение самоорганизующихся систем). Вначале названные выше социологи рассматривают парадигмы сложившиеся до 1990-х гг.: структурный функционализм, парадигму конфликта, интерпретативные парадигмы («понимающую социологию», символический интеракционизм, феноменологию, этнометодологию), интегральную социологию П. Сорокина, объединительные парадигмы. Затем следует, выделение социальных теорий 1990-х гг., относящихся, в соответствии с установленной сегодня в мировой социологии под влиянием ее признанных авторитетов терминологии, к так называемой постнеклассической социологии [Кравченко, Мнацаканян, Покровский. 1998. С. 19—25].

В отечественной литературе существует и иной взгляд на парадигмальный характер социологии, в соответствии с точкой зрения Н.Л. Поляковой имеет смысл говорить не о множестве социологических парадигм, а лишь о двух — классической и современной². Что дает основание для подобного мнения? Западные социологи единодушно утверждают, что в связи с переломным характером современной эпохи описывать социальные сдвиги на уровне взглядов К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма уже невозможно. Поэтому на смену созданной ими картине социальной реальности, их представлениям об обществе, его социальной структуре и организации, индивиде должна прийти новая парадигма.

Что было характерно для картины социального мира, созданной Марксом, Вебером, Дюркгеймом? Прежде всего два важных положения. Первое касается общества, основным конституирующим признаком которого является труд. Это в равной мере присуще и Марксу с его экономическим детерминизмом, в котором основная роль принадлежит производству, и Веберу с его признанием фундаментальной значимости хозяйственной сферы, и Дюркгейму с подчеркиванием им решающей роли общественного разделения труда в социальной жизни. Другими словами, несмотря на глубокие различия, общим для них является признание труда как наиболее фундаментального принципа, определяющего процессы создания, функционирования и развития общества. По существу, речь идет о парадигме трудового общества. Вторая характеристика «классической» картины социального мира — «человек труда», являющийся главным действующим лицом трудового общества. Речь идет об инди-

¹ См.: Осипов Г. В. Социология и социализм. М., 1990. С. 74—93.

² См.: Полякова И. Л. От трудового общества к информационному западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990.

виде, ориентированном исключительно на трудовой процесс и трудовые достижения.

Новая парадигма, отличающаяся от классической и возникшая в 1980-х гг., основывается на появлении принципиально иного типа общества. Имеется в виду так называемое «информационное» общество, базирующееся на новой социальной реальности — информационной основе. В качестве фактора, определяющего общественное устройство, рассматривается система производств — но не вещей и товаров, а информации. В свою очередь, в таком постмодернистском обществе на смену «экономическому человеку» приходит личность другого типа, в образе жизни которой доминируют иные мотивационные механизмы, иные ценности, выходящие за пределы материальных и утилитарных, потребительских устремлений. При этом нужно иметь в виду, что приставка «пост» в термине «постмодернистское», так же как и в других близких и созвучных понятиях — «постиндустриальное», «посттрудовое», «посткапиталистическое», — означает не только «после», т.е. общество, пришедшее на смену модернистскому, индустриальному и т.д., но и отрицание старого общества по существу, содержательно, принципиально.

Подходы к трактовке парадигмы в западной социологии

Несколько иные подходы к определению парадигмы мы встречаем в западной социологической литературе. Так, один из наиболее крупных современных социологов Э. Гидденс (Великобритания) в качестве таковых рассматривает концепции О. Конта, Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера, применительно же к современному состоянию социологии — функционализм, структурализм, символический интеракционизм, марксизм, теорию конфликтов¹. В учебнике социологии, написанном М. Тейлором, Л. Рин, С. Розенталем, К. Догби, характеризуются пять парадигм (по терминологии авторов, теоретических перспектив) современной социологии: функционализм, теория конфликта, теория обмена, символический интеракционизм, этнометодология².

Приведенных точек зрения отечественных и зарубежных авторов на полипарадигмальный характер современной социологии вполне достаточно, чтобы сделать вывод об усилении теоретического плюрализма, проявляющегося в дальнейшей дифференциации социологии, появлении в ней большого количества разноплановых направлений. Не ставя перед собой задачу систематизированного изложения содержания всего множества парадигм (это должно быть целью специальной большой работы), охарактеризуем некоторые из них, наиболее принятые и распространенные. Отметим, кстати, что одну из них мы уже рассматривали. Это — структурный функционализм, представленный наиболее полно в творчестве Т. Парсонса и Р. Мертона.

¹ Giddens A. *Sociology*. Cambridge, 1989; *Idem*. In *Defence of Sociology*. Cambridge, 1997.

² Taylor M., Rhyne L., Rosenthal St., Dogby K. *Introduction to Sociology*. N.Y., 1987. P. 13.

Не прибегая к систематизации парадигм западной социологии XXв. и поиску соответствующих подходов, мы будем исходить!) из принципа их постепенного (с точки зрения периодов ее развития) появления и принятия научным сообществом в качестве фундаментальных моделей постановки проблем и их решения. В этом случае последовательность их рассмотрения будет такой: парадигмы конфликта, обмена, символического взаимодействия, феноменологической социологии, методологии. Затем речь пойдет о теориях и движениях в социологии второй половины 1980-х—1990-х гг.

Характеризуя ту или иную парадигму, следует иметь в виду, что каждая из них является определенным способом объяснения социальных, институциональных, групповых, межличностных и иных явлений, отношений и процессов. Ценность рассмотрения всех парадигм современной социологии состоит в появлении для социолога возможности в полной мере увидеть необходимость перехода от макросоциологического к микросоциологическому (и наоборот) уровню изучения общественной жизни, что позволило бы сочетать анализ человеческого поведения и деятельности социальных структур различной степени сложности.

Есть еще одно важное обстоятельство, которое необходимо иметь в виду при характеристике тех или иных парадигм: некоторые из них оказываются тесно связанными между собой, иногда даже по принципу «матрешки». Так, парадигма конфликта, к рассмотрению которой мы сейчас перейдем, является в одной из своих форм частью более широкой парадигмы марксизма. Последняя, в свою очередь, рассматривается в социологии как одна из составных частей группы структурных парадигм.

§ 2. Парадигма конфликта

У истоков этой парадигмы в XIX— начале XXв. стояли такие известные представители классического этапа социологии, как К. Маркс, Л. Гумплович, Г. Зиммель (об их творчестве и подходах к проблеме конфликта см. подробнее в первой части учебника). Поскольку основателем парадигмы конфликта специалисты считают Маркса, остановимся в первую очередь на его взглядах, с ней связанных.

Проблема конфликта в творчестве К. Маркса и его критиков

Согласно концепции Маркса, именно конфликты объясняют социальные процессы и изменения, именно они пронизывают жизнь общества во всех его направлениях, именно конфликтами объясняется осуществление революций и переход к новому типу общества. Маркс характеризовал конфликт как естественное состояние классового, основанного на частной собственности общества, присущее изначально самой природе. В качестве основного типа конфликта для него выступало взаимодействие между

производительными силами и производственными отношениями, которые на определенном этапе общественного развития гармонизировали между собой, по затем между ними наступало несоответствие. Оно было вызвано тормозящим и сдерживающим развитие производительных сил состоянием производственных отношений.

В конце концов отношения между ними доходили до антагонизма и конфликта. Последний мог быть разрешен лишь ценой перехода от одних производственных отношений (переставших соответствовать уровню и характеру развития производительных сил) к другим, после чего в обществе вновь устанавливалось состояние относительного равновесия.

Однако все дело в том, что антагонизм между производственными отношениями и производительными силами перерастал в конфликт между классами, выражавшими различные стороны и интересы развития способа производства. Таким образом, классовая борьба становилась особым типом конфликта. Сами антагонистические классы (эксплуататоров и эксплуатируемых) должны были, по мнению Маркса, исчезнуть лишь в коммунистической формации, поскольку последняя, по определению, может быть только бесклассовой, а следовательно, бесконфликтным обществом.

Идеи Маркса о вездесущих проявлениях и универсальности социальных конфликтов, о том, что они пронизывают жизнь общества в целом, в той или иной форме оказались поддержанными в последующем развитии социологии. В конце XIX— начале XXв. подобные положения высказывали Г. Зиммель, М. Вебер, В. Парето.

Нельзя также не сказать о том, что марксистская парадигма конфликта нашла свое специфическое продолжение в трудах представителей Франкфуртской школы - как ее первого поколения (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе), так и второго (Ю. Хабермас). Если первое поколение лишь провозгласило вероятность прихода на смену «Марксову», «конфликтному» капитализму неконфликтного «позднего капитализма», то второе работами Хабермаса постаралось раскрыть его содержание и доказать изменение трудовой основы общества, которое приводит, по мнению социолога, к снятию остроты социальных антагонизмов и реальной возможности классовых компромиссов. «Преодолевая» классический марксизм, Хабермас стремился обосновать разрыв «труда» и «интеракции» в том смысле, что на смену первому как господствующему типу отношений приходит универсальное взаимодействие людей во всех сферах жизни.

В современной социологии наиболее последовательно выражают позицию всеобщности и универсальности конфликта, его ведущей роли в жизни общества немецкий социолог (живущий последние десятилетия в Англии) Р. Дарспдорф (о чем подробнее будет сказано дальше) и английский исследователь Дж. Рекс. Главная работа первого, опубликованная в

1959 г., — «Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе» Основная книга Дж. Рекса, написанная в рамках теории конфликта [1961 г., — «Ключевые проблемы в социологической теории»².

Взгляды/1. Козера на парадигму конфликта

В 1950—1960-е гг. парадигму конфликта, наряду с Р. Дарендорфом, особенно активно разрабатывал американский социолог Льюис Козер (род. в 1913 г.). Его основная работа, ставшая поистине социологическим бестселлером, — «Функции социального конфликта»³ и вышедшая вслед за ней книга «Дальнейшие исследования социального конфликта»⁴ широко известны специалистам. И Козер, и Дарендорф противопоставили собственные теории социального конфликта структурному функционализму, делавшему упор на стабильности и равновесии социальной системы.

Козер считает, что конфликты играют интегрирующую и стабилизирующую роль в обществе. В предисловии к русскому изданию «Функций социального конфликта» он пишет: «...я стремился обосновать тот тезис, что в различных социальных условиях социальные конфликты выполняют позитивные функции. Конечно, не любой и не все социальные конфликты выполняют позитивные функции, но социолог должен выявить те социальные контексты и социальные условия, в которых социальный конфликт помогает скорее выздоровлению, чем загниванию общества или его составляющих» [2000. С. 25].

Американский социолог полемизирует с теми своими коллегами, которые рассматривают конфликт как сугубо дисфункциональное явление: Т. Парсонсом, Дж. Ландбергом, Э. Мэйо, Ф. Ретлисбергсом, Л. Уорнером, К. Левиным. Он пишет, что многие современные ему социологи далеки от понимания необходимости и признания позитивной роли конфликта как элемента социальных отношений. Они склонны видеть в нем лишь разрушительный феномен. В противоположность вышеуказанной позиции Козер обращается к изучению идей Г. Зиммеля, работа которого «Конфликт» строится вокруг главного тезиса: «конфликт — это форма социализации». Подход немецкого социолога к проблеме конфликта гораздо более созвучен творчеству Козера, нежели его американских коллег.

Существует несколько исходных позиций, которые позволяют понять различия между парадигмами структурного функционализма и конфликта. Вот некоторые из них.

Парадигма структурного функционализма: социальная жизнь строится на взаимодействии и сотрудничестве; социальные системы стремятся к ус-

¹ *Dahrendorf R Class, and Class Conflict in Industrial Society L, 1959.*

² *Rex J Key Problems in Sociological Theory L, 1961*

³ *Coser L.A. The Functions of Social Conflict. N Y, 1956; перевод на русский язык. Козер Л. Функции социального конфликта. М, 2000.*

⁴ *Coser L.A. Continuities in the Study of Social Conflict. N.Y., 1967.*

тоичивости; социальные системы интегрированы; социальные системы основаны на согласии; в основе социальной жизни лежат нормы и ценности. Парадигма конфликта: социальная жизнь порождает конфликт; социальные системы стремятся к изменениям; социальные системы раздираемы противоречиями; социальная жизнь порождает столкновение групповых интересов; в основе социальной жизни лежат интересы. Несмотря на существенные различия в трактовках базовых положений об обществе, полное противопоставление взглядов Козера идеям структурного функционализма, как считают специалисты, не вполне корректно, поскольку основоположник парадигмы конфликта исходил из нормативных характеристик функционализма (о чем, кстати, свидетельствует название одной из основных работ ученого — «Функции социального конфликта»).

Поскольку речь идет, первую очередь, о позитивных функциях конфликта, американский социолог характеризует такие среди них, как группосозида-ющие и группосохраняющие функции. Благодаря конфликту происходит разрядка напряженности между его антагонистическими сторонами. Важными оказываются коммуникативно-информационная и связующая функции, поскольку па основе выявления необходимой информации и установления коммуникации, вслед за которыми становится реальным партнерское взаимодействие, может происходить замена враждебных отношений дружественными. Среди функций конфликта, рассматриваемых Козером, следует отметить созидание и конструирование общественных объединений, способствующих сплоченности группы. Наконец, вслед за американским социологом назовем такую функцию, как стимулирование социальных изменений.

Конфликт, по его мнению, возникает из различия интересов групп в борьбе за собственный статус, власть и долю вознаграждения. Он выполняет ряд позитивных функций, способствуя разрядке напряженности, стимулируя социальные изменения, создание общественных объединений, развитие коммуникативных связей. Американский социолог анализирует «парадокс Зиммеля», согласно которому важным средством сдерживания конфликта является выяснение возможностей его участников до реального наступления самой конфликтной ситуации, что позволяет смягчить ее последствия (см. часть Iгл. 8). Это важное теоретическое положение сегодня имеет большое практическое значение и в международных отношениях, и во внутренней жизни стран, переживающих сложные, в том числе переходные, процессы.

Американский социолог завершает свою работу очень важным выводом, касающимся анализа конфликта как на внутригрупповом, так и внегруппо-вом уровнях и связывающим его с социальными структурами, институтами и социальной системой. Он приходит к заключению, что дело не в конфликте как таковом, а в характере самой социальной структуры и социальной системы. Козер пишет: «Анализ различных типов конфликта и социальных структур привел нас к заключению, что конфликт бывает дисфункционален

для тех социальных структур, которые недостаточно или вовсе нетерпимы по отношению к конфликту и в которых сам конфликт не институционализирован. Острота конфликта, грозящего "полным разрывом" и подрывающего основополагающие принципы социальной системы, напрямую связана с жесткостью ее структуры. Равновесию подобной структуры угрожает не конфликт как таковой, а сама эта жесткость, способствующая аккумуляции враждебных чувств и направляющая их вдоль одной оси, когда конфликт все-таки вырывается наружу» [2000. С. 184].

Взгляды Р. Дарендорфа на парадигму конфликта

Ральф Дарендорф (род. в 1929 г.) полагает, что в основе конфликта лежит противоположность интересов и отношений его участников (сторон). Причем наличие противоречивых отношений объясняется глубоким различием интересов. Поэтому для выяснения природы конфликта следует попятить, какие интересы не совпадают, какова степень этого несовпадения и как осознают его сами участники конфликта. Здесь, однако, требуется соблюдение одного важного условия: стороны конфликта должны характеризоваться заметной, идентичностью. Другими словами, вступают в конфликт друг с другом социальные группы, организации, институты, нации и т.д.

Противоположные интересы, определяющие «лицо» конфликта, рассматриваются социологом как явные и неявные, очевидные и скрытые (латентные). При этом последние могут не всегда осознаваться участниками конфликта, что ставит в повестку дня в качестве одного из средств его регулирования необходимость четкого осмысления интересов обеих сторон в возникшей сложной ситуации. В этой связи Дарендорф пишет: «Латентные интересы принадлежат социальным позициям; они не обязательно являются осознаваемыми и признаваемыми представителями этих позиций: предприниматель может отклоняться от своих латентных интересов и быть заодно с рабочими; немцы в 1914 г. могли вопреки своим ролевым ожиданиям осознавать симпатию к Франции» 1994. С. 1421.

Конфликт, по его мнению, является естественным результатом любой системы управления, как бы совершенна она ни была. При этом основной социальной ролью конфликта становится стабилизация экономических и социальных процессов. В этом смысле конфликт позитивен. Чтобы использовать его роль в интересах общества и отдельных социальных групп, необходимо не разрешение и тем более не подавление (против этого термина Дарендорф резко выступал, считая, что он создаст ненужную иллюзию полного устранения конфликта), а регулирование конфликта. В связи с этим он писал: «Социальные конфликты, т.е. систематически вырастающие из социальной структуры противоречия, принципиально нельзя "разрешить" в смысле окончательного устранения. ... Прекращение конфликтов, которое в противоположность подавлению и "отмене" обещает успех, поскольку оно соответствует социальной реальности, я буду называть регули-

рованием конфликтов. Регулирование социальных конфликтов является решающим средством уменьшения насильственности почти всех видов конфликтов. Конфликты не исчезают посредством их регулирования; они не обязательно становятся сразу менее интенсивными, по в такой мере, в какой их удастся регулировать, они становятся контролируемыми, и их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур» [Там же. С. 1451.

Для регулирования социальных конфликтов необходимо соблюдение ряда условий. Должны существовать специальные социальные институты с соответствующими полномочиями для регулирования конфликтов, их решения становятся обязательными для конфликтующих сторон; эти институты вырабатывают правила поведения для них (что также признается данными сторонами); власти максимально способствуют реализации арбитражных функций.

Понимая под конфликтом «структурно произведенные отношения противоположности норм и ожиданий, институтов и групп», Дарендорф использует их в качестве критериев выделения типов конфликтов. Следовательно, речь идет о конфликтах между нормами, ожиданиями, институтами, группами. При этом он различает конфликты между различными ожиданиями применительно к одной роли, между ролями, внутри социальных групп, между группами. Однако речь идет о конфликтах не только реальных, но и потенциальных групп, которые с точки зрения несения ими конфликтных начал Дарендорф называет квазигруппами. Кроме того, он много пишет, особенно в последние годы, о конфликтах между отдельными странами и группами стран, внутри общества в целом.

¹ Ученый утверждает, что конфликтная модель общества является ведущей и объясняющей практически все сколько-нибудь значимые социальные процессы. Эта модель базируется на следующих трех положениях: а) в каждом обществе несогласия и конфликты повсеместны; б) каждое общество базируется на насилии одних его членов над другими; в) конфликты являются следствием изменений и сами ведут к ним.

Суть социального конфликта, по Дарендорфу, — борьба различных групп за власть, борьба, которая выступает как антагонизм между властью и сопротивлением ей. Сам конфликт порождается властью, являющейся следствием неравного положения людей в обществе, в котором одни имеют ее, а также силу и деньги (поэтому командуют), другие — не имеют этого ничего (поэтому вынуждены подчиняться). Главное, к чему призывает социолог, — не доводить социальные конфликты до социальных потрясений.

В социологической науке существует и иная парадигма конфликта, основанная на признании его неестественности и опасности для общества. Конфликт рассматривается как социальная болезнь. Такой точки зрения придерживаются Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Н. Смелзер. Особенность этой позиции состоит в том, что конфликт характеризуется как наруше-

ние структурно-функционального равновесия в социальном процессе (Парсонс), поэтому главная задача — вовремя его обнаружить и принять эффективные меры по преодолению. Сам конфликт рассматривается как социальный процесс, имеющий свою биографию (история, корни, фон, кризисы, поворотные точки), свои фазы и этапы.

В последние два десятилетия теория конфликта получила развитие в работах Д. Белла, К. Боулдинга (США), М. Крозье, А. Турэна (Франция), Ю. Гальтунга (Норвегия) и др. Они подчеркивают объективную ценность конфликта, не допускающего заострения социальной системы и стимулирующего ее развитие. Вместе с тем социологи обращают внимание на те конфликты, которые тормозят этот процесс. К их числу они относят и классовую борьбу. Причины социальных конфликтов зачастую усматриваются в несовершенстве психологических механизмов, действующих в обществе, в межгрупповых отношениях. Главное, по мнению социологов, — не допускать расширения социальных конфликтов, перерастания их в состояние повышенной социальной напряженности. Эту задачу должны решать не только правительства, социальные институты, но и социологи, изучающие межгрупповые отношения и общественные процессы.

Развитие социологических теорий конфликта (а их достаточно много, и обо всех сказать невозможно) способствовало возникновению его прикладных исследований, которые привели к появлению научно-практического направления — конфликтологии. Ярким примером работы, выполненной в ее рамках, может служить книга американских авторов Р. Фишера и У. Ури «Путь к согласию, или Переговоры без поражения» (она была переведена на 30 языков, в том числе на русский в 1990 г.). В этой книге, равно как и во многих других конфликтологических работах, даются практические советы и рекомендации по разрешению конфликтов, поиску путей примирения противоположных интересов.

§ 3. Парадигма обмена *Общая*

характеристика

Еще одна парадигма современной западной социологии — теория социального обмена, развиваемая наиболее интенсивно американскими социологами Джорджем Хомансом (род. в 1910 г.) и Питером Блау (род. в 1918 г.). Функционирование человека и общества, в соответствии с этой теорией, базируется на обмене широко понимаемыми различными социальными благами и формами деятельности. Благодаря такому обмену существуют власть, престиж, статус, порядок и др.

Стремление (на психологическом уровне) человека к обмену рассматривается как фундаментальное начало его деятельности и поведения. Благодаря обмену в обществе имеют место не только различные структурные обра-1

зования (в том числе такие сложные, как социальные институты и организации), но и действуют многие механизмы отношений, в частности, признание, уважение, одобрение, успех, дружба, любовь и т.д. Таким образом, на основе обмена можно интерпретировать и объяснять любые проявления социальной жизни.

Но при этом необходимо соблюдать одно важное условие: они должны рассматриваться в тесной связи с социальным взаимодействием и поведением индивидов. Абстрактные процессы и отношения не рассматриваются сторонниками теории обмена под углом зрения социологического (а отчасти и психологического) подхода на том основании, что они (процессы и отношения) «лишены» конкретного человека.

Собственно говоря, именно здесь, в вопросе об исследовании элементарного человеческого поведения и его субъекта — индивида — в качестве предмета социологаи, и проходит водораздел между парадигмами обмена и структурного функционализма, о чем постоянно пишут их исследователи. Если в последнем подчеркивается необходимость изучения социальных систем и социальных структур, а человек предполагается и мыслится лишь как абстрактная «начинка» и той и другой, то сторонники теории обмена ставят перед собой цель «вернуть» человека в социолога, «забрав» его предварительно из психологии.

Поэтому не случайно эту теорию, и в первую очередь взгляды Хоманса как наиболее яркого ее представителя и, по существу, основателя, рассматривают как направление социальной мысли, соединяющее социологию и психологию. Об этом свидетельствует и бихевиористское происхождение теории обмена, что также всегда подчеркивается исследователями.

Напомним, что бихевиоризм — это направление, возникшее в американской социологии и психологии, в основе которого лежит понимание поведения (behavior) как совокупности реакций (ответов) на воздействие внешней среды (стимулов). Поэтому схема поведения выглядит в нем достаточно жестко: стимул — реакция. Подобный подход приводит к возможности трактовать поведение человека как определенную реакцию на действие того или иного стимулирующего фактора в качестве формы обмена.

Взаимодействие между людьми на такой основе рассматривается социологами как обмен «выгодами», приносящий пользу обеим сторонам. Обменные акты понимаются как элементарные социальные действия, на которых покоятся все уровни общественной и индивидуальной жизни. Отметим при этом, что речь идет не о сделках, связанных с куплей-продажей, что было бы крайне примитивным теоретическим толкованием социального обмена. Имеются в виду отношения и взаимодействия между людьми, связанные с социальным «присвоением» качеств, характеристик, свойств личности другими.

Теория обмена Дж. Хоманса

Рассмотрим подробнее некоторые положения теории обмена на примере книги Джорджа Хоманса «Социальное поведение: его элементарные нор-

мы»¹, одна из глав которой называется «Общие положения юрии обмена»². Ключевыми понятиями теории обмена являются: действие, поведение, вознаграждение (награда), успех, наказание, ценность, стимул, лишение, расходы, результат действия, доходы, одобрение, агрессия, рациональность.

Хоманс говорит о шести аксиоматических положениях (постулатах) теории обмена.

1. Аксиома успеха: чем чаще соответствующие действия людей получают вознаграждения, тем вероятнее, что .ggi действия будут осуществляться ими с определенной частотой и дальше.

2. Аксиома стимула: если в прошлом тог или иной стимул (или набор стимулов) был связан с вознаграждением действия индивида, го чем бо лее похожи на пего стимулы в настоящем, гем вероят нее, что человек со вершит такое же (или похожее на пего) действие.

3. Аксиома ценности: чем большую ценность представляем для инди вида результат его действия, тем более вероятно совершение им данного действия и в последующем.

4. Аксиома дсиривации—пресыщения: чем чаще в недавнем прошлом индивид получал определенную награду, тем менее цепным становится для него любое последующее получение этой награды.

5. Аксиома агрессии — одобрения: а) если действие индивида не вызо вет ожидаемого вознаграждения или неожиданного наказания, он испы тает состояние гнева, и возрастет вероятность того, что более цепным для человека станет агрессивное поведение; б) если действие индивида полу чит ожидаемое (либо даже болыпее) одобрение или не приведет к ожида емому наказанию, то он испытает чувство удовольствия, и тогда возрастет вероятность того, что он воспроизведет одобряемое поведение, поскольку оно будет для него более ценным.

б. Аксиома рациональности: при выборе между альтернативными дей ствиями индивид изберет то, для которого ценность результата, помно женная на вероятность его получения, наибольшая.

Все эти шесть аксиоматических положений призваны конкретизировать понятие обмена как основного способа поведения людей в ходе взаимодействия между ними. Хоманс открыто говорит о том, что сто как социолога волнуют прежде всего действия людей, их поступки. Он пишет: «Нас будут гораздо

больше интересоваться поступками людей, чем их отнюдь, особенно если последние не ведут к действию. Нам приелась социальная паука, в которой люди всегда "ориентируют себя" или па самом деле лишь "ориентируются" на действие, но никогда не действуют»⁵. Назван-

— ¹ *Hollans G.K. Social Behavior: Its Elementary Forms. N Y., 1961.*

² См. перевод этой кивы: Хрестоматия по современной западной социологии втвой половине XXвека / Под ред. Г.Е Зборовского. Екатеринбург, 1996. С. 92- 118

³ Хрестоматия по современной западной социологии в юрой половине XXвека С. 92.

ные выше положения теории обмена имеют существенное значение для оптимизации поведения людей и их взаимодействия в самых различных социальных структурах и сферах.

Таким образом, нельзя не признать полезности некоторых закономерностей поведения, открытых и описанных Хомансом. Однако нужно иметь в виду, что американский социолог недооценивает макроструктуры общества и его социальные институты, сводя к многообразию общественных отношений к обмену в рамках описанных им образцов на уровне межличностного взаимодействия.

Основным объектом внимания социолога становятся отдельные группы, исследуя которые можно показать зависимость между взаимодействием их членов и чувствами, испытываемыми этими людьми в процессе такого взаимодействия. Не случайно одна из основных работ американского социолога, написанная в 1950 г., называлась «Человеческая группа»¹.

При всей важности таких исследований, которые позволяют наблюдать и фиксировать поведение взаимодействующих людей и факторы, на него влияющие, они так или иначе вызывают у читателя вопросы. Например, можно ли объяснить поведение людей стремлением их к получению награды, достижению успеха, проявлению агрессивности и т.д.? При ответе на эти и другие вопросы мы должны всегда помнить, что обмен — это далеко не полная и не единственная модель взаимодействия людей. Тем более что при переходе от микротеоретического к макротеоретическому уровню анализа эта модель уже не работает, поскольку с ее помощью объяснить и интерпретировать многочисленные «крупные» явления и процессы социальной жизни становится невозможно.

, Концепция Хоманса выступает как явно редуccionистская по нескольким соображениям. Во-первых, это редуccionизм бихевиористского образца. Оказавшись под заметным влиянием одного из крупнейших представителей социального бихевиоризма психолога Б. Скиннера, который руководствовался идеей «оперантного поведения» (это поведение, основанное на взаимовыгодном отношении индивидов друг к другу в процессе общения), Хоманс сводит анализ человеческого взаимодействия к обмену наградами, наказаниями и т.д.

Во-вторых, американский социолог рассматривает этот обмен прежде всего на уровне сознания, тем самым редуccionируя социальное (социологическое) к уровню психологического. Делает он это потому, что считает психологические принципы человеческого поведения универсальными, удачно объясняющими его механизмы.

Наконец, в-третьих (что вытекает из «во-первых» и «во-вторых»), Хо-манс редуccionирует макросоциологическое к микросоциологическому. Такая редуccionия ведет начало от его негативного отношения к структурному функционализму и критики им этого направления в связи с тем, что пред-

¹ *Homans G The Human Group. N.Y., 1950.*

ставители последнего игнорируют человека, его поведение и взаимодействие с другими людьми в рамках тех или иных социальных групп.

Между тем, по мнению американского социолога, именно здесь, в области изучения межличностного взаимодействия, сосредоточены возможности социологии как науки. Она, считает Хоманс, должна рассматривать общество состоящим из взаимодействующих человеческих индивидов, что является задачей микросоциологии. Причем это взаимодействие, как уже отмечалось, характеризуется социологом в качестве поведения, базирующегося на обмене наградами, поощрениями, достижениями, успехом, ценностями, агрессией, пресыщением и т.д.

В рамках парадигмы обмена на первый план выходит ценностно-нормативный уровень взаимодействия. Но если у Хоманса этот уровень (ценности, нормы, роли, статус) явно преобладает, то его последователи (П. Блау, Р. Эмерсон) стремятся усилить концепцию за счет перехода к более широким структурным связям на основе структурно-функционального анализа взаимодействия. Все исследователи этой парадигмы отмечают заметное преувеличение роли психологических аспектов концепции. Тем не менее ценность ее — в стремлении найти переход от микросоциологического к макросоциологическому уровню изучения общественной жизни, что позволило бы сочетать анализ человеческого поведения и деятельности социальных структур различной степени сложности.

Взгляды П. Блау

Рассматривая парадигму обмена, нельзя не охарактеризовать взгляды еще одного американского социолога — П. Блау. Основная его работа, написанная в рамках теории обмена, — «Обмен и власть в социальной жизни»¹. Вот-личис от Хоманса, его интересовали больше не психологические, а социологические аспекты обмена, причем не только в межличностных отношениях, но и в различных типах социальных структур. Сам обмен Блау определяет как «действия, зависящие от получаемых одними людьми от других вознаграждений и прекращающиеся с окончанием этих вознаграждений»².

Будучи другом и учеником Хоманса, Блау во многом использовал его характеристики обмена как элементарной экономической модели поведения людей. Отсюда — приращение категориям выгоды, пользы важного значения, что связано с объяснением различных сторон взаимодействий между индивидами и общественными структурами. Так, одним из принципов теоретического подхода Блау к обмену был следующий: чем больше выгоды человек ожидает получить от другого в ходе осуществления собственной деятельности, тем больше вероятность того, что она будет осуществлена.

Однако этот принцип обмена вполне может быть экстраполирован на взаимодействия между организациями и иными социальными структура-

¹ Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y., 1964.

² Ibidem. P. 6.

ми. В отношениях между ними, считает социолог, обмен имеет зачастую не прямой, а косвенный и поэтому значительно более сложный и опосредованный характер. В него активно «вмешиваются» факторы нормативности и контроля. Такой подход дает возможность Блау осуществить попытку перевода трактовки обмена с микроуровня на мезоуровень (уровень фирм, организаций, социальных структур, институтов).

Понятно поэтому, что американского социолога постоянно интересовали проблемы социальной структуры, социальных организаций и институтов. Определяя в самом общем виде социальные структуры как многомерное пространство, образуемое линиями дифференциации, он характеризует их как входящие друг в друга серии последующих уровней все более широкого масштаба. Например, «при изучении структуры трудовых коллективов их непосредственной социальной средой являются условия в подразделении организации, где они работают. При изучении структуры фирм такой непосредственной социальной средой являются условия рынка. ...Следующий, более низкий уровень состоит из совокупности элементов изучаемой структуры. Примерами таких составляющих элементов могут быть члены трудового коллектива, этнические группы города, отделы и филиалы компании» [Блау. 1996. С. 191. Как видно, при конкретном изучении социальной структуры срабатывает «принцип матрешки».

Одна из основных задач социологии Блау состояла в том, чтобы соединить, интегрировать теории обмена и социальной структуры. Каждая из них добавляет свое в понимание социального взаимодействия. Так, теория обмена сама по себе недостаточна для объяснения сложных социальных структур (особенно на мезо- и макроуровне). В то же время концепции социальной структуры, лишенные аналитических возможностей характеристики поведения людей в процессе обмена между ними социальными качествами и свойствами, ценностями и благами, не в состоянии объяснить многие отношения и процессы в обществе.

По существу же, мы видим у Блау две «картины» социального анализа. Первая является результатом использования теории обмена для анализа микропроцессов, связанных с межличностным взаимодействием. Вторая выступает как «картина», висящая над первой, и свидетельствует об активном применении им теорий социальной структуры, более широко — структурного функционализма для характеристики макропроцессов общества. В этом случае центральной проблемой становится глубина и плотность связи между названными уровнями анализа. Попытка синтезировать их в творчестве Блау, конечно же, имела место. Однако, по нашему мнению, вряд ли ее можно считать реализованной до конца.

Заканчивая рассмотрение парадигм конфликта и обмена, следует отметить, что, несмотря на уже пройденный ими пик популярности, теоретический, эмпирический и прикладной ресурс этих теорий еще далеко не выработан. Главное заключается в том, что и социальные конфликты, и социальные

обмены продолжают «пронизывать» как повседневную, обыденную жизнь] людей, так и деятельность многих общественных структур (институтов, организаций и т.д.)- Другими словами, они характеризуют различные уровни и формы межличностного и социального взаимодействия, выступая тем самым в качестве как реальных, так и идеальных типов поведения. Л это значит, что мы вполне можем использовать парадигмы конфликта и обмена и как модели объяснения тех или иных картин общественной жизни, социальных явлений и процессов, и как способы решения многих сложных проблем, возникающих в процессе социального взаимодействия.

Еще одной парадигмой, в центре которой стоят вопросы индивидуального и социального взаимодействия, является символический интеракционизм. Его анализу посвящается следующая глава.

Вопросы и задания

1. Изложите позицию Т. Кула в отношении парадигмы в науке.
2. Каковы критерии парадигмы в социологии? Охарактеризуйте подходы к пониманию парадигмы и ее критериям, существующие в отечественной социологии.
3. Как в современной западной социологии трактуется парадигма?
4. В чем состоит существо парадигмы конфликта?
5. Почему проблема конфликта занимала в социологическом творчестве К. Маркса важное место? С чем в его позиции были не согласны критики Маркса?
6. Как рассматривает парадигму конфликта Л. Козер? Принимаете ли вы его позицию или готовы с ней полемизировать? Обоснуйте свои взгляды.
7. Почему в социологической науке имеет место противопоставление парадигм конфликта и структурного функционализма?
8. Раскройте существо взглядов Р. Дарендорфа на конфликт. Попробуйте сравнить его позицию с позицией Л. Козера.
9. Дайте общую характеристику парадигмы обмена. В чем вы видите ее значение для социологии?
10. Покажите связь теории обмена с бихевиоризмом.
11. Охарактеризуйте существо теории обмена Дж. Хомаса. Попробуйте изложить своими словами аксиоматические положения этой теории.
12. В чем состояла позиция П. Блау, касающаяся парадигмы обмена?
13. Насколько значимы сегодня рассмотренные парадигмы конфликта и обмена? Обоснуйте свою позицию.

Литература

Блау П. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель //

Американская социологическая мысль: Тексты. М, 1996. *Волков Ю.Г.; Нечипуришко В.Н., Самыгин С.И.* Социология: история и современность. М.,

Ростов н/Д., 1999. *Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А.* Западная теоретическая социология. СПб.,

- Дареидорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социол. исслед. 1994. № 5.
- Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. М., 1994.
- История социологии. Минск, 1993.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 1999.
- Капитонов Э.Л.* Социология XXвека. Ростов н/Д., 1996.
- Колер Л.А.* Завершение конфликта // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996.
- Ко.іерЛ.* Функции социального конфликта. М., 2000.
- Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е.* Социология: парадигмы и темы. М., 1998.
- Култы/иі В.П.* Концепция социального обмена в современной социологии // Социол. исслед. 1997. № 5.
- Тернер Дж.* Струм ура социологической теории. М, 1985.
- Фишер Р., Ури У.* Путь к согласию, пли Переговоры без поражения. М, 1990.
- Фотев Г.* Джордж Хоманс: 1сория социального обмена // Современная американская социология. М., 1994.
- Хоманс Дж.К.* Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996.

Глава 26

Возникновение и развитие символического интеракционизма

§ 1. Общая характеристика символического интеракционизма *Специфика*

символического интеракционизма как социологической парадигмы

Одно из основных социологических направлений, ставшее парадигмальным⁴ в последующем развитии науки, — символический интеракционизм. Его главной особенностью является анализ социальных взаимодействий между людьми на основе того символического содержания, которое они вкладывают в свои конкретные действия. Поскольку основными символами, с помощью (а часто и на базе) которых осуществляется взаимодействие, выступают жесты, ритуалы и, конечно, в первую очередь язык, сторонники этой социологической парадигмы уделяют их исследованию особое внимание, объясняя таким образом многие социальные и межличностные, групповые и внутригрупповые процессы.

Каждый из символов имеет социальный смысл и социальное значение — это открытие было положено в основу характеризующей нами парадигмы. Согласно ей изучение характера, форм и средств использования людьми тех или иных символов, а также социальных значений и смыслов, придаваемых им индивидами в ходе их взаимодействия, является одним из основных способов исследования социального поведения, деятельности личности, в целом получения определенной картины и модели конкретного общества.

Предшественниками символического интеракционизма справедливо считают тех ученых, которые уделили значительное внимание рассмотрению проблем социального взаимодействия, более того, характеризовали его как основную предметную составляющую социологической науки. К числу таких исследователей необходимо отнести прежде всего Ч. Кули, Г. Зиммеля, У. Томаса.

Символический интеракционизм в известной степени противостоит структурному функционализму. Если представители последнего шли от структуры социального процесса к поведению людей, то сторонники символического интеракционизма идут от действующей личности к социальной структуре. Таким образом, формируется субъективистский взгляд на эту структуру. Смысл его состоит в том, чтобы обнаружить, как люди в

своей деятельности и общении производят, воспроизводят и изменяют социальные структуры. Это и характеризует одну из сторон гуманистической парадигмы современной социологической науки. (Другими сторонами названной парадигмы явились феноменологическая социология и этнометодология, о которых речь пойдет в следующих главах.)

В отличие от теоретической направленности структурного функционализма символический интеракционизм характеризуется преимущественно эмпирическим вектором. Его важная особенность состоит в изучении конкретных коммуникативных форм символического взаимодействия между людьми, средств связи между ними, в первую очередь языка. Благодаря новым возможностям развития и изучения информационных процессов (на основе научно-технических достижений, связанных с появлением нескольких поколений ЭВМ) границы символического интеракционизма значительно расширились (начиная с 1980-х гг.). Но суть его не изменилась. Главным по-прежнему остается признание того, что социальный мир является системой коммуникаций и межличностного взаимодействия на основе субъективно значимых символов и может рассматриваться именно в такой своей ипостаси.

Как направление социологической мысли, символический интеракционизм очень неоднороден. Учения Дж.Г. Мида, Г. Блумера, Э. Гоффмана серьезно отличаются друг от друга по поднимаемым проблемам, их содержанию. Представители этого направления часто уходят от обсуждения вопросов функционирования общества, его структур, институтов и организаций, обращая главное внимание на личность, ее восприятие окружающего мира, других людей и их взаимодействия.

В рамках символического интеракционизма рассматриваются значения символов, которые выступают как необходимые условия и средства социальных взаимодействий. Причем большое внимание уделяется основному символическому средству — языку. Социальный символ, выступающий знаковой структурой, является важнейшим и необходимым элементом выполнения социальной роли, без которой говорить о взаимодействии бессмысленно. За социальными символами скрывается соотнесение индивидом своих действий с социальными нормами и образцами поведения. Зная социальные символы как знаки взаимодействия, можно изучать его особенности.

Н. Смелзер образно и содержательно передает смысл символического интеракционизма. Он пишет, что «люди не реагируют непосредственно на взаимодействия внешнего мира наподобие лягушки, которая автоматически выбрасывает язык, когда слышит жужжание мухи. Вместо этого люди придают определенные значения получаемым стимулам и реагируют в большей степени на эти значения, или символы, а не на сами стимулы. В числе символов, на которые реагируют люди, могут быть слова, предметы, дистанция, на которой общаются люди, выражение их лиц и поступки,

треугольные нашивки в виде слов "Остановись!" или "Как ты думаешь?" на модных джинсах и рубашках, легкий кивок головы, сигнализирующий другу, что пора уходить с вечера, — все это символы. Прошлый опыт человечества и взаимопонимание того, что означают определенные символы, в большинстве* случаев облегчают общение людей... Сторонники теории символической интеракции наблюдают действия людей в обычной обстановке повседневной жизни. Они изучают значения, которые люди придают своим действиям, и то, почему люди это делают»¹.

Чикагское и Айовское направления

В литературе принято выделять в структуре символического интеракционизма два направления (или две ветви) — Чикагское и Айовское (по названию университетов, где работали их представители). В числе наиболее крупных авторов Чикагского направления — Дж.Г. Мид, Г. Блумер, Т. Шибутани, Айовского — М. Куп, Т. Партленд. Очень тесно связаны с символическим интеракционизмом взгляды сторонников так называемого «драматургического подхода», в первую очередь его наиболее видного сторонника Э. Гоффмана.

Рассматривая отличия Чикагского направления от Айовского, следует прежде всего отметить стремление представителей первого из них изучать социальные взаимодействия между людьми с точки зрения их процессуального, изменяющегося характера, тогда как для «айовцев» более типично исследование сложившихся и стабильных символических структур. Социологи Чикагского направления анализировали процессы формулирования и изменения социальных значений в ходе непрерывно происходящего определения и переопределения ситуаций взаимодействия их участниками. Представители Айовского направления стремились к формализации исследований и их результатов, много работали над созданием измерительных процедур и шкал оценок.

Это было необходимо делать потому, что сторонники символического интеракционизма в целом, независимо от их принадлежности к тому или иному его направлению, проявляли большой интерес к эмпирическим исследованиям и методам изучения социальных взаимодействий, обращая особое внимание на так называемые мягкие, или качественные, методы. Они исходили из содержательной уникальности и неповторимости любого социального взаимодействия, что уже само по себе ставит задачу его изучения с помощью качественных методов, которые позволяют эту неповторимость учитывать при исследовании и обработке полученных данных.

Далее, эти методы важны при характеристике интерпретации индивидами поведения взаимодействующих с ними людей. При этом сторонники символического интеракционизма исходят из того, что познание самого взаимодействия можно осуществлять лишь с позиции действующего

индивида- Это означает, что со стороны последнего должно иметь место стремление прочувствовать и понять состояние другого человека. Социологу же с помощью специальной исследовательской методики и техники (прежде всего социометрической) следует измерить и зафиксировать отношения между взаимодействующими индивидами.

Иоганну не случайно среди рекомендуемых и активно используемых символическими интеракционистами методов распространены такие, как интервью, включенное наблюдение, casestudy (глубокое и всестороннее изучение отдельного случая, явления), метод изучения биографий, документальный метод (в части исследования личных документов: писем, дневников, автобиографий и др.). Представители символического интеракционизма счищают, что социолог должен занять важное место в исследовательском процессе, по существу, «стать его элементом», что позволило бы ему лучше понять позиции взаимодействующих индивидов.

Особое значение в этом плане придавалось методу включенного наблюдения, который предполагает возможность более глубокого «эмпирического» проникновения во внутренний мир взаимодействующего индивида и изучения при этом смыслов и значений, придаваемых им тем или иным символам, характеризующим социальную интеракцию. Главное здесь заключается в том, чтобы через субъективные интерпретации взаимодействующих людей воспроизвести конкретный социальный мир, в первую очередь ту социальную среду, в которой живут исследуемые индивиды. Таким образом, характеризовавшаяся социологами социальная ситуация определялась прежде всего субъективными смыслами и значениями, которые принадлежали взаимодействующим индивидам и выявлялись исследователями на основании интерпретации этой ситуации самими людьми.

§ 2. Дж. Мид - основатель символического интеракционизма

Концепция символического интеракционизма

Джордж Герберт Мид (1863—1931) родился в штате Массачусетс. После окончания Гарвардского университета и стажировки в Германии он становится профессором Чикагского университета и преподает в нем вплоть до 1931 г. При жизни был малоизвестен, поскольку не опубликовал ни одного крупного научного труда, а свою деятельность ограничил только чтением курсов лекций (пользовавшихся большим успехом у слушателей). Популярное 1^е Миды выросла после смерти, когда группа его бывших студентов и почитателей таланта издала сочинения ученого в четырех томах, основанные на лекционных конспектах студентов и авторских рукописях. Главная работа - «Сознание, Я и Общество»¹. Далее, в процессе анализа творчества Миды, мы будем постоянно ссылаться на эту работу и цитировать ее. ¹Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.

В философском плане автор названной книги был последователем американских ученых У. Джемса и Дж. Дьюи, сторонником прагматизма.

Центральным в учении Мида является понятие межиндивидуального взаимодействия (так же как и у Ч. Кули — основателя интеракционизма). С этой категорией тесно связана другая, не менее важная в творчестве Мида, — социальный акт. Он рассматривается как диалог между индивидами, как постоянный, непрекращающийся обмен установками и действиями между ними. Социальный акт включает четыре стадии: импульс, восприятие, манипуляцию и консуммацию (потребление). Импульс рассматривается как побуждение участника взаимодействия внешней социальной средой к действию, восприятие (перцепция) — как формирование в сознании индивида представления об объекте будущего действия, манипуляция — как процесс взаимодействия субъекта и объекта, консуммация (потребление) — как получение пользы от объекта взаимодействия и ее оценка.

Рассматривая социальный акт как взаимодействие, американский исследователь выделяет два его типа — пессимическое и символическое взаимодействие. Первый тип означает непосредственную реакцию людей на действия друг друга. Что касается второго, основного типа взаимодействия — символического, то в ходе его происходит обмен «установками, смыслами и значениями» в различных формах, в первую очередь языковой. Последняя может выступать как жестовая, письменная, вербальная форма коммуникации. Рассматривая различные виды жестов, особое внимание Мид уделяет анализу голосового жеста и превращению его в значимый символ взаимодействия. Совокупность и взаимосвязь голосовых жестов рассматривается им как речь.

Американский ученый постоянно подчеркивает, что социальный мир человека и человечества формируется в результате процессов социальных взаимодействий, в которых большую роль играет «символическое окружение». Согласно Миду, общение между людьми осуществляется при помощи особых средств — символов, к которым он относит жест и язык. Символическое окружение человека оказывает на него решающее влияние, поскольку способствует формированию сознания личности и человеческого Я. Жест — это начальный, незавершенный элемент человеческого поведения. Жест и реакция на него опосредуется значением, которое как бы «располагается» между жестом и воспринимающим его человеком. Смысл жеста вызывает (если он понятен) инстинктивную реакцию. Мид пишет: «Жест выражает некое результирующее социального действия, результирующее, на которое имеется определенный отклик со стороны вовлеченных в это действие индивидов: таким образом, смысл дается или формулируется в терминах отклика» [От жеста к символу. 1996. С. 221].

Но жест не имеет социально закрепленного значения. Зато его имеет язык. Как указывает социолог, «решающее значение языка для развития

человеческого сознания заключается в том, что этот стимул обладает способностью воздействовать на говорящего индивида так, как он воздействует на другого» [Там же. С. 217].

По мере трансляции символов индивид передает партнеру и ряд стимулов к поведению. На этой основе межличностное взаимодействие сводится к процессу «перенимания ролей». В результате своеобразного копирования действий социального партнера происходит передача определенной социально значимой информации.

Концепция межличностного взаимодействия Мида включает в себя положение об обусловленности его (взаимодействия) социальными факторами. Характер восприятия индивидом окружающей социальной действительности детерминирован опытом его общения с другими людьми и собственной способностью воспринимать мир и себя так, как этот мир видят другие и как это выражено символами (жестами и языком).

По мнению социолога, человеческие действия имеют изначально значимый социальный характер. Объяснить поведение индивида можно лишь в терминах организованного поведения социальной группы; если же действия индивида не рассматривать как единое целое, то объяснить их нельзя.

Мид подробно исследует проблему приспособления действий индивидов друг к другу в рамках социального процесса. Приспособление, характеризуемое им как взаимодействие, «происходит посредством коммуникации: посредством жестов на более низких уровнях человеческой эволюции и посредством значимых символов (жестов, обладающих смыслом и являющихся, следовательно, чем-то большим, чем простые заместительные стимулы) на более высоких уровнях человеческой эволюции» [Там же. С. 220]. В качестве основного фактора приспособления действий индивидов (рассматриваемого как взаимодействие) у ученого выступает смысл, который «возникает и располагается в пространстве отношений между жестом данного человеческого организма и последующим поведением этого организма, возмещенным другому человеческому организму посредством этого жеста» [Там же]. Отклик же одного организма на жест другого в любом данном социальном действии и будет смыслом этого жеста.

Согласно взглядам Мида, совокупность процессов взаимодействия создает общество и социального индивида. Происхождение Я целиком социально, главная его характеристика — способность становиться объектом для себя самого, следовательно, способность к самосознанию, что отличает его от неодушевленных предметов и живых организмов.

Структура личности в концепции Дж. Г. Мида

Концепция символического интеракционизма в творчестве Мида оказалась тесно связанной с его концепцией личности, что неудивительно, по-

сколькo ученого интересовало взаимодействие прежде всего индивидов -«носителей» личностных характеристик. Более того, именно концепция личности легла в основу символического интеракционизма. Особое место в этой концепции занимал вопрос о структуре личности, рассматривавшейся им как структура системы «Я».

Мид выделяет в системе «Я» две подсистемы: «I» и «Me». «Me» — это свойственная данному индивиду совокупность установок «других», ценностей и норм сообщества; это то, как индивиды видят себя глазами других индивидов и как они усваивают эти обобщенные представления о себе. «I», наоборот, имеет автономный, самоценный характер, означает представление индивидом самого себя, так сказать, «самопредставление» и выступает как его самость. Он является источником спонтанного, непредсказуемого поведения, отражает специфику реакции индивида на социальные стимулы. «I» тождествен социальному процессу, как бы «сливается» с ним. По сути дела, Мид стремился к отождествлению «I» не только с социальным процессом, но и с автономностью и свободой человека, его возможностями и перспективами выбирать и переструктурировать социальные роли. Реагируя отклоняющимся от ожиданий образом, «I» вносит в структуру взаимодействий изменения, которые, суммируясь, меняют содержание социального процесса, не давая ему превращаться в жесткий социальный порядок.

Позиция социолога в отношении структуры личности свидетельствует о признании им, по существу, ее двойственной природы, связанной, с одной стороны, с характеристикой самости личности (внутреннего стержня, не связанного с чужими мнениями и оценками), с другой — выявлением и восприятием представлений о себе со стороны иных людей. Уже в такой трактовке личности заложено понимание источников социального взаимодействия, сосредоточенных в ее природе и структуре.

Рассматривая взгляды американского социолога на соотношение «I» и «Me», мы использовали понятие «перспектива». Оно занимает в творчестве исследователя проблемы личности весьма значимое место. Перспектива рассматривается им не столько для показа ожидаемого в будущем результата действия, сколько для выявления особого отношения каждого индивида к его социальной среде, которая выступает для него как «обобщенный другой» — еще одно важное понятие, введенное в широкий научный оборот американским исследователем.

В целом ряде социальных взаимодействий коммуникация их участников возможна и достижима именно потому, что они разделяют общую перспективу и берут на себя исполнение роли «обобщенного другого». В этом понятии отражается и обобщается мнение группы (конкретной социальной среды) относительно общего объекта взаимодействия. «Именно в форме обобщенного другого, — пишет Мид, — социальный процесс влияет на поведение вовлеченных в него и поддерживающих его индиви-

дои, i.e. сообщество осуществляет контроль над поведением своих индивидуальных членов, ибо как раз в этой форме социальный процесс (сообщество) проникает в качестве определяющих фактора в мышление индивида» [Алия. 1996. С. 227].

При этом нельзя не отметить то обстоятельство, что, рассматривая «обобщенную другого» как социальную среду участника взаимодействия, ученый выделяет: специально попяше «значимого другого» как доминанту «обобщенную другого». Это понятие сыграло важную роль в социологии, стимулировав в дальнейшем разработку проблемы референтной группы, трактуемой как реальная или воображаемая социальная группа, выступающая для индивида в качестве эталона, с которым он сопоставляет свое социальное положение, поведение и установки.

Взгляды Дж. Г. Мида на процесс становления личности

Характеризуя концепцию личности Мида, лежащую в основе парадигмы символического интеракционизма, нельзя не коснуться его взглядов на процесс становления личности (самости в его терминологии), которому он уделял много внимания в своем творчестве. Американский ученый выделяет две основные стадии в этом процессе, рассматриваемом им на материалах исследования детей. «На первой из этих стадий, — пишет Мид, — самость индивида конституируется просто организацией отдельных установок других индивидов по отношению к нему самому и друг к другу в рамках специфических социальных действий, в которых он вместе с ними участвует. Лишь на второй стадии процесса полного развития самости она конституируется организацией не только этих отдельных установок, но также и социальных установок обобщенного другого или социальной группы, к которой он принадлежит, или как некоего целого» [Азия. 1996. С. 230].

Обе стадии связаны с изучением и характеристикой игры как основной формы деятельности индивидов детского возраста. На первой игра (play) сопряжена с выполнением ролей, не принадлежащих самому ребенку. Это роли родителей и других родственников, докторов, продавцов и т.д. Дети играют их в процессе «общения» с самими собой (ребенок назначает себе от имени доктора лечение и тут же принимает его, от имени продавца продает себе товары и приобретает их и т.д.). При этом в качестве важного участника процесса взаимодействия выступают куклы, которые могут заменять, в зависимости от ситуации, либо самого ребенка, либо его «визави» по игре. Идет процесс формирования, социализации личности ребенка.

Вторая стадия от того процесса также связана с игрой, но уже иной (game), характеризующейся наличием состязания, соревнования с другими (как правило, сверстниками). В таких играх дети видят себя не только (и даже не столько) собственными глазами, но и глазами других участии-

ков состязаний. Это вызывает необходимость реагировать на их установки и действия, а также выполняемые ими роли. Ребенок, таким образом, вступает в организованное сообщество, где принципы символического взаимодействия и коммуникации становятся определяющими социальное поведение. «Коренное различие между соревнованием и игрой, — указывает социолог, — состоит в том, что в первом ребенку необходимо иметь установку всех других вовлеченных в это соревнование индивидов. Установки других игроков, усваиваемые участником соревнования, организуются в своего рода единство, и эта организация как раз и контролирует отклик данного индивида» [Азия. 1996. С. 2261.

В целом, по Миду, поведение человека обусловлено структурой его личности, его социальной ролью и восприятием установок «обобщенного другого». Вместе с тем, говоря об ограниченности взглядов американского ученого, нужно отметить, что его анализ межиндивидуального общения зачастую сводится лишь к формальной стороне, без характеристики предметной деятельности индивидов и других факторов социального взаимодействия.

§ 3. Социологическое творчество Г. Блумера

Проблема символического взаимодействия

Герберт Блумер (1900—1987) родился в г. Сент-Луисе (штат Миссури), изучал социологию в Чикагском университете. В 1925—1952 гг. преподавал в Чикагском университете, с 1952 г. — в Калифорнийском университете (Беркли). Здесь он был сначала профессором и руководителем кафедры, а с 1959 г. — директором Института социальных наук. С 1942-го по 1953 г. работал редактором журнала «American Journal of Sociology». Будучи представителем Чикагской школы, Блумер опирался на работы Ч. Кули, Дж. Дьюи, У. Томаса, став учеником и последователем Дж. Мида. Именно Блумеру социологическая наука обязана введением в широкий научный оборот термина «символический интеракционизм».

Как и Мид, он выделяет два уровня взаимодействия — несимволический и символический. Различия между ними Блумер видит прежде всего в том, что несимволическое взаимодействие характерно для живой природы, тогда как символическое, определяемое наличием коммуникации между участниками интеракции посредством использования символов, присуще только человеческому обществу.

При этом суть феномена символического взаимодействия обусловлено символической природой языка как основного фактора человеческой интеракции. В процессе общения язык порождает одинаковую реакцию разных людей на языковые конструкции. В то же время любое слово (как символ) обладает частным значением, возникшим в результате взаимо-

действия и договора между людьми об этом значении. Опираясь на прагматизм, Блумер исходит из того, что значение объекта определяется не присущими ему свойствами, а его ролью в поведении. Объект — это то, что он значит в ожидаемом и реальном социальном взаимодействии.

Значения возникают в процессах социального взаимодействия, причем под последними Блумер понимал исключительно микропроцессы. Сами значения выступают как способ неразрывной связи и между индивидами, и между явлениями (объектами) в рамках символического взаимодействия. Люди приписывают значения символам, т.е. интерпретируют их, вследствие чего объекты, с которыми они взаимодействуют, наделяются смыслом. Поэтому не случайно ученый уделяет большое внимание анализу интерпретации. Благодаря ей становится понятным, как стремится взаимодействовать с объектом индивид. На основании интерпретации может быть переопределена (определена по-новому) ситуация действия.

Здесь обязательно и необходимо принять во внимание то обстоятельство, что описанный процесс (именно процесс, а не взятое само по себе какое-либо статичное состояние) касается не отдельного индивида, а как минимум (простейший случай) двух взаимодействующих людей. Следовательно, речь идет о процессе взаимной интерпретации, на основании которой и рождается взаимное понимание. В таком случае в процессе совместной, обоюдной, взаимной интерпретации символов происходит своеобразное «конструирование социальной реальности» (об этом подробнее мы будем говорить в следующей главе, посвященной (частично) феноменологической социологии и анализу взглядов П. Бергера и Т. Лукмана). Оно есть не что иное, как принятие и приписывание значений, которые и образуют символическую среду жизни, отношений, взаимодействий, коммуникации, общения индивидов.

В первой главе одной из главных работ — «Символический интеракционизм: перспектива и метод» (1969) — Блумер следующим образом излагает основные положения своей теории: а) человеческая деятельность осуществляется в отношении объектов на основании тех значений, которые индивиды им придают; б) сами значения выводятся из социального взаимодействия, в которое люди вступают между собой, т.е. являются продуктом социальной интеракции между индивидами; в) значения изменяются и применяются посредством интерпретации — процесса, используемого каждым индивидом в отношении знаков (символов), его окружающих.

Рассуждения Блумера можно конкретизировать на следующем простом примере: белый лист на столе является тем, на чем человек может записать свои мысли, яблоко — тем, что можно съесть. Другими словами, люди действуют в отношении вещей (объектов) на основе смыслов, которыми располагают о них. Однако смыслы не присущи вещам самим по себе и не являются чем-то индивидуальным. Они возникают в процессе взаимодействия и вписываются в него, поэтому по своей природе смыслы

являются социальным феноменом. Но в МССС тем эти смыслы и даются и преобразуются благодаря процессу их интерпретации людьми. Следовательно, одной из главных задач социологии является исследование способов практического осуществления людьми интерпретации смысла объектов в рамках их повседневной социальной жизни.

Таким образом, у социолога действующий человек перестает быть простым исполнителем каких-то внешних требований. Наоборот, главным оказываются творческие результаты деятельности субъектов взаимодействия, проявляющиеся в процессе интерпретации ими символов, знаков, значений тех или иных объектов. Принятие данного положения способствовало развитию символического взаимодействия на пути его социологического «вторжения» в сферу анализа микропроцессов и использования для этого эмпирических методов исследования. Наиболее привлекательными областями такого исследования были и продолжают оставаться криминальные формы отклоняющегося поведения, процессы внутрисемейной интеракции, формирования различных субкультур.

Будучи последователем Мида, Блумер считал большим вкладом последнего в социологию постановку им проблемы социальной взаимодействия в качестве взаимодействия символического. С социологической точки зрения общество является, по Блумеру, символической интеракцией. Отсюда центральной проблемой социологии является изучение социального взаимодействия и коллективного поведения как символических построений на основе их интерпретаций социологом.

Рассматривая символическое взаимодействие как процесс интеракции, Блумер подчеркивает возможность применения этого понятия к характеристике деятельности (действий) отдельного индивида, что может быть достигнуто с помощью обычного эмпирического наблюдения. Вот как выражает эту мысль сам американский социолог в названной выше книге «Символический взаимодействие: перспектива и метод» в главе под названием «Общество как символическая интеракция»: «Каждому из нас знакомы такого рода действия, когда человек сердится на самого себя, противопоставляет себя себе, гордится сам собой, спорит сам с собой, старается сохранить свое мужество, говорит самому себе, что он должен сделать то или иное дело, ставит перед самим собой цели, вступает с самим собой в компромиссы и планирует, что он должен для этого сделать. То, что человек действует в отношении самого себя такими или сотнями иных способов, подтверждается обыкновенным эмпирическим наблюдением»¹.

Анализ коллективного поведения

Далее следует сказать о трактовке Блумером одной из центральных, по его мнению, категорий — коллективного поведения. У него есть специальная работа, этому посвященная и написанная в 1951 г., — «Коллективное и новое»

¹ Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. New Jersey, 1969 P70.

депие». Всякую групповую активность он понимает как коллективное поведение. «Групповая активность 1ь, — пишет ученый, — означает, что индивиды действуют вместе определенным образом, что между ними существует некое разделение труда и что налицо определенное взаимное приспособление различных линий индивидуального поведения. В этом смысле групповая активность является коллективным делом» [Блумер. 1996. С. 166].

Основой коллективного поведения, согласно точке зрения американско-ю социолога, являются общие значения, а также экспектации (ожидания), которые разделяются группой индивидов. Однако так бывает далеко не всегда. Есть немало примеров и конкретных случаев коллективного поведения, которые не определяются воздействием общих значений и экспектаций. Чтобы лучше понять такие различия в коллективном поведении групп индивидов, Блумер выделяет элементарные и организованные его формы.

К первым он относит такое коллективное поведение, которое не находится под влиянием каких-либо правил (в качестве примеров элементарных форм коллективного поведения социолог называет возбужденную толпу, биржевую панику, состояние военной истерии, обстановку социальной напряженности). Что касается организованных форм коллективного поведения, то к ним относятся обычаи, условности, организация, социальные институты, т.е. те формы, которые «претерпевают определенное развитие, представленное переходом от расплывчатого и неорганизованного состояния к устоявшемуся и организованному статусу» [Там же. С. 167].

Детально анализируя элементарное коллективное поведение, Блумер раскрывает его механизмы, такие, как толчея, коллективное возбуждение, социальная инфекция (под ней он понимает сравнительно быстрое, бессознательное и нерациональное распространение каких-либо настроений, порывов или форм поведения, приводя в качестве ее примеров эволюцию военной истерии или процесс развития биржевой паники). Социолог выделяет и подробно характеризует через их поведение четыре типа элементарных коллективных групп: действующую толпу, экспрессивную толпу, массу и общественность. Здесь он часто следует за Г. Лебоном, Э. Россом и другими исследователями социально-психологических состояний больших групп людей.

Под действующей толпой Блумер понимает спонтанно создающуюся группу, живущую сиюминутным настоящим, не обладающую социальной организацией, разделением труда, структурой установленных ролей, признанным лидерством, общими значениями и экспектациями. Такую толпу социолог называет «некультурной» и «неморальной» группой. В ней индивид теряет самоконтроль и обычное критическое восприятие, демонстрирует неспособность анализировать и интерпретировать действия других, прежде чем откликнуться и реагировать на них. В этих условиях индивид оказывается легко подверженным внушению со стороны его окружения.

Понимая определенную опасность для общества действующей толпы, Блумер приводит собственные рекомендации противоборства с ней. Он пишет: «Чтобы предотвратить образование сборища или рассеять его, необходимо переориентировать внимание таким образом, чтобы оно не было коллективно сосредоточено на каком-то одном объекте. Таков теоретический принцип, лежащий в основе контроля над толпами. Когда внимание членов толпы направлено на различные объекты, они образуют некий агрегат индивидов, а не толпу, объединенную тесным контактом. Так, способами, с помощью которых можно рассеять толпу, являются: обращение людей в состояние паники, возбуждение в них интереса к другим объектам, привлечение их к дискуссии или аргументированному спору» [Блумер. 1996. С. 178].

Фундаментальное отличие жспрессивной толпы от действующей состоит в том, что первая не вырабатывает конкретной цели и не участвует в построении определенного плана действий. Она представляет собой разрядку внутреннего напряжения в поведении. Самым типичным в такой ситуации становится превращающееся в самоцель внешнее выражение возбужденных чувств, поэтому коллективное поведение может принимать формы смеха, плача, крика, скачков и танцев.

Говоря о массе, социолог называет следующие ее отличительные черты: а) самое различное общественное положение ее участников (по профессиональным признакам, культурному уровню и материальному благосостоянию); б) анонимность индивидов; в) отсутствие взаимодействия и обмена переживаниями у членов массы; г) рыхлая организация и неспособность действовать с теми согласованностью и единством, которые отличают толпу. Масса состоит из некоего конгломерата обособленных, изолированных индивидов, поведение которых — массовое поведение — не определяется никаким предустановленным правилом или экспектацией и является спонтанным, самобытным и элементарным. В качестве примеров массового поведения Блумер приводит клондайкскую золотую лихорадку и оклахомский земельный бум. Например, в период лихорадки каждый индивид имел собственную цель, старался опередить другого, каждый должен был заботиться только о себе, поэтому между участниками процесса поиска золота наблюдались минимум кооперации, преданности и лояльности.

При рассмотрении массового поведения Блумер уделяет внимание характеристике массовой рекламы. В ней призыв должен быть адресован анонимным индивидам, каждый из которых действует на основании собственного выбора. Покупатели представляют собой некую разнородную группу, включающую представителей различных слоев общества; однако в качестве членов массы потребителей рекламы и покупателей они являются однородными и по существу одинаковыми.

Еще одна коллективная группа, которую рассматривает Блумер в ходе анализа элементарного коллективного поведения, — общественность.

Как отмечает социолог, она не существует в качестве устоявшейся группы и возникает не в результате замысла, а как естественный отклик на определенную ситуацию и проблему. Это аморфная группа, размер и состав членов которой меняются вместе с проблемой. Общественность отличают разногласия и дискуссии относительно того, что и как следует делать. Внутри нее возникают споры и конфликты. Именно это обстоятельство существенным образом отличает общественность от толпы, участников которой характеризуют взаимная поддержка и единодушие.

Блумер в качестве субъектов коллективного поведения рассматривает не только спонтанные коллективные группы, но и фиксированные формы социального поведения, среди которых он выделяет общие, специфические и экспрессивные социальные движения. К общим социальным движениям он относит рабочее, молодежное, женское и движение за мир. В основе этих движений — последовательные и всеобъемлющие изменения человеческих ценностей, изменения, которые социолог называет культурными течениями. Они символизируют общие сдвиги в мышлении людей. В числе основных ценностей, определяющих общие социальные движения, можно назвать здоровье, свободное образование, эмансипация женщин, расширение права голоса, усиливающееся внимание к детям и растущий престиж науки.

Среди специфических социальных движений Блумер выделяет в первую очередь реформистские и революционные. Они обладают четко определенными целями, организацией, структурой, преданными и верными членами, определенными статусными позициями индивидов. Наряду с общими моментами каждое из движений отличается от другого по целому ряду характеристик: направленности, функциям, характеру, тактике и т.д.

Что касается экспрессивных социальных движений (к ним Блумер относит, в первую очередь религиозные движения и моду и подробно их рассматривает в таком качестве), то они характеризуются отсутствием стремления изменить институты социального строя или их реальный характер. Главный смысл этих движений — разрядка в каком-либо виде экспрессивного социального поведения, которое может оказывать глубокое воздействие на индивидуальности людей и характер социального строя.

§ 4. Идеи символического интеракционизма в работах Э. Гоффмана *Общая*

характеристика творчества

Эрвина Гоффмана (1922—1982), канадско-американского социолога, чаще всего считают представителем символического интеракционизма. «Пройдя» социологическую школу Чикагского университета (уже в период падения ее величия и значения), формируясь и развиваясь под влиянием идей Дж. Мида, он защитил в этом университете в 1953 г. докторскую диссертацию, посвящен-

пую исследованию коммуникационных структур на Шетландских островах. Его дальнейший творческий путь был связан с работой скачала и Вашингтоне (в Национальном институте психического здоровья), а затем в Беркли, где он стал профессором. Гоффман был избран президентом Американской социологической ассоциации в 1981 г., что свидетельствовало о признании больших заслуг научным сообществом США. Его основные работы: «Представление себя другим в повседневной жизни» (1959), «Соприкосновения» (1961), «Убежища» (1961), «Поведение в общественных местах» (1963), «Клеймо» (1964), «Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом-к-лицу» (1967), «Стратегическое взаимодействие» (1969), «Рамочный акали.» (1974), «Формы разговора» (1981). Из всех названных работ на русский язык переведена полностью лишь одна [Гоффман. 2000].

Гоффман является одним из наиболее интересных и оригинальных исследователей в социологии. Его творчество оказалось достаточно сложным для однозначной оценки и отнесения к какой-либо одной конкретной парадигме, одному направлению. На этот счет до сих пор идут дебаты. Одни считают, что взгляды социолога больше всего соответствуют характеристикам и принципам символического интеракционизма, другие обнаруживают в его творчестве феноменологические мотивы, третьи полагают, что он выступал как раз с антифеноменологических позиций, четвертые видят в нем «всего понемножку» — и символического интеракциониста, и феноменолога, и этнометодолога. В данной главе будут рассмотрены идеи и положения учения Гоффмана, свидетельствующие о его приверженности и принадлежности к символическому интеракционизму.

Оснований для обозначенного выше отношения к социологии Гоффмана, включающей в себя элементы целого ряда направлений и парадигм, вполне достаточно. Вступив на социологическую стезю в конце 1940-х гг., он буквально «завалил» читателя многочисленными социологическими и социально-психологическими работами, очень непохожими одна на другую. Каждый раз он начинал новую линию анализа и ее продолжал ее, как правило, в следующих публикациях. Однако при внимательном разборе его работ можно уловить то общее, что было присуще так или иначе большинству из них. Это — интерес к личности, к повседневному (ритуальному) поведению людей, доступному для наблюдения и осуществляющемуся в форме их социального взаимодействия. При этом характерным для ученого был «драматургический» (иногда его называют драматическим) подход (с позиций метода социодрамы) к социальному взаимодействию, который рассматривался им как универсальный метод социологического исследования.

Исследование мира повседневной жизни людей

Основным объектом исследования для Гоффмана выступает повседневное поведение людей, мир их повседневной жизни. В одной из наиболее крупных своих работ, написанной за восемь лет до смерти (1974), книге «Рамочный

анализ» (на нее мы будем ссылаться еще не раз), он пишет: «Мы постоянно убеждаемся, что мир повседневной жизни, мир здравого смысла занимает высшее положение среди различных областей реальности, так как только в его пределах становится возможным общение с нашими ближними. Но мир здравого смысла с самого начала является социокультурным миром, и многие вопросы, связанные с межсубъективностью символических отношений, берут иснем начало, определены им и находят в нем свое разрешение»¹.

Гоффмана интересовали явления взаимодействия людей «лицом к лицу». Ему важно было показать, каким образом действия людей в повседневной жизни (часто мелкие и незначительные) структурированы социально, как они выражены в символической иптеракции. При этом его не волновали, как он говорит, центральные проблемы социологии — социальной организации и социальной структуры. «Я не обращаюсь к структуре социальной жизни, — пишет социолог, — но апеллирую к структуре опыта, который есть у индивидов в любой момент их социальной жизни. Я считаю общество первичным во всех отношениях, а любые текущие участия индивида — вторичными; моя работа имеет дело только со вторичными проблемами»¹.

Для изучения повседневных действий и явлений социальной жизни, символов, с помощью которых они выражаются, смыслов и значений, которые придают им ипдивиды, Гоффман часто прибегал к методам включенного наблюдения и анализа документов, притом не всяких, а возникающих естественным образом (например, радиопередач или рекламных объявлений и изображений). В процессе такого изучения его интересовали общие и повторяющиеся особенности социальной жизни, которые находили отражение в соответствующих социальных формах. Поэтому некоторые исследователи творчества Гоффмана считают, что проблема выявления социальных форм была для пего одной из основных. С ней оказалась тесно связанной и проблема рамочного анализа.

Рамочный анализ

Что такое рамочный анализ? В его основе — многозначное понятие рамки, которая выступает как некая обрамляющая социальное содержание теоретическая конструкция. (Кстати сказать, термин «рамка» впервые был введен в научный оборот Г. Бейтсоном, о чем пишет сам Э. Гоффман, поясняя, что использует это понятие в том же значении, которое придал ему Бейт-сон.) Возможно, это нечто близкое к веберовскому «идеальному типу». Рамка — это некий образец, познавательное приспособление, это — «строительные леса» анализа, которые затем должны быть убраны. Сами «строительные леса» могут выступать в различных формах — ритуалов, игры,

¹Goffman E. Frame Analysis. N.Y., 1974. P.15.

¹Ibidem. P. 22

пьесы, драмы и т.д. Рамочный анализ схановится средством изучения социальных взаимодействий — тех «кирпичиков» (продолжая строительную терминологию), которые лежат в фундаменте социальной реальности,

Рассуждая о возможности использования термина «рамка» и применения рамочного анализа, Гоффман связывает ее с определением ситуации и исследованием организации опыта. В «Рамочном анализе» он пишет: «Я предполагаю, что определения ситуации строятся в соответствии с принципами организации, которые управляют событиями, но крайней мере социальными, и нашей субъективной вовлеченностью в них. Рамка — это слово, которое я использую для обращения к тем базисным элементам, которые я способен идентифицировать. Это мое определение рамки. Моя фраза "рамочный анализ" является призывом для обращения к исследованию с помощью этих терминов организации опыта»¹.

Здесь мы выходим еще на одну из центральных проблем творчества Гоффмана, интересовавших его на протяжении всей жизни, — изучения социальной реальности. В этом вопросе он следует традиции У. Джемса. Вместо того чтобы спрашивать, что такое социальная реальность, Джемс (а вслед за ним и Гоффман) формулирует вопрос по-другому: при каких условиях и обстоятельствах мы считаем вещи реальными? Изучение обстоятельств и составляет одну из главных задач рамочного анализа. Таким путем осуществляется познание социального. Рамка как бы сама начинает «создавать» окружающую взаимодействующих индивидов реальность.

Обратим внимание на то, что Гоффмана интересуют прежде всего человек, индивид, восприятие им повседневного мира, включенность в него, накапливающийся социальный опыт личности. Главным для социолога здесь является исследование не самих реальных объектов и явлений, а тех смыслов и значений, которые придают им люди, тех интерпретаций социальных процессов, с которыми они постоянно сталкиваются. По существу, это следование традиции, идущей, с одной стороны, от М. Вебера, с другой — от У. Джемса и А. Шюца (о творчестве последнего подробно будет сказано в следующей главе). Отсюда понятно, что реальные социальные макроструктуры Гоффмана не волнуют, поскольку они не базируются, по его мнению, на социальных взаимодействиях людей. В этом смысле они не могут стать объектом рамочного анализа.

Такой подход дал основание ряду социологов подвергнуть критике позицию Гоффмана за разрыв связей между микро- и макроанализом. Насколько справедлива данная критика, если учесть, что американский социолог изначально не ставил перед собой задачи преодоления рва между этими двумя видами анализа, остается специально выяснить. Видимо, к его творчеству следует относиться, исходя не из общих задач, стоящих перед всей наукой в целом, а тех проблем, которые он ставил перед собой. Они же, эти проблемы, имели доста-

¹ Ibidem P. 19.

точно конкретный характер и не выходили за уровень изучения социального макромира. Гоффман интересовало не общество в целом, а восприятие людьми повседневности собственного бытия, осуществляющегося в самых различных формах. На изучение этой проблемы и был нацелен рамочный анализ.

Проблема личности и «драматургический подход»

Вернемся, однако, к проблеме личности в творчестве Гоффмана. Дело в том, что она является одной из наиболее характерных для всего символического интеракционизма. Достаточно вспомнить излагавшиеся несколько ранее в этой главе взгляды Дж. Мида на структуру личности (самости), препарированную им сквозь призму соотношения «I» и «Me». Гоффман придерживается концепции множественности Я. Согласно ей, человек имеет столько разных социальных Я, сколько существует групп, в жизни которых он участвует и мнения членов которых для него значимы. В каждой из этих групп человек представляет себя другим по-разному, стало быть, демонстрирует различные стороны своей личности, своего социального Я. Отсюда следует и трактовка Гоффманом взаимодействия, которое, по его мнению, на самом деле происходит не столько между конкретными индивидами, сколько между различными сторонами и проявлениями их личности.

Поэтому не случайно концепция личности социолога связана с теорией ролей. Возникают «драматургические», «театральные» проблемы взаимодействия, каждый из участников которого представлял свою деятельность другим. Возникает проблема коммуникации между ними, осуществляющейся в форме знаковой активности. Выделяя два вида коммуникации — произвольную (когда люди предоставляют информацию о себе в общезначимых символах) и непроизвольную (непреднамеренной, невербальной и более театральной), Гоффман акцентирует внимание больше на второй. С этим, безусловно, связан его «драматургический подход». Но он не является самоцелью, о чем говорит сам социолог в «Заключении» своей книги «Представление себя другим в повседневной жизни»: «Настоящее исследование на самом деле не интересовало элементы театра, которые проникают в повседневную жизнь. Его интерес был сосредоточен на структуре социальных контактов, непосредственных взаимодействий между людьми — на структуре тех явлений в общественной жизни, которые возникают всякий раз, когда какие-либо лица физически присутствуют в пространстве взаимодействия. Ключевой фактор в этой структуре — поддержание какого-либо единого определения ситуации...» [Гоффман. 2000. С. 302].

Подводя общий итог рассмотрению символического интеракционизма, необходимо отметить интерес его сторонников не столько к социологическим проблемам общетеоретического характера, сколько к вопросам конкретного плана, требующим эмпирического изучения. Это в первую очередь различные формы повседневной жизни, взаимодействия между людьми в их рамках. Сторонники символического интеракционизма ни-

когда не разрабатывали теорий общественного развития, проблем тсудар-ства, власти и др., поскольку это противоречило пониманию ими основного объекта в социологическом исследовании — личности и «ядра» его предметного ноля — интерпретации повседневного поведения индивидов в процессе их символического взаимодействия. В эту же область научных разработок, связанную с изучением повседневной жизни, они внесли свой достойный вклад, который и позволяет рассматривать символический ин-теракционизм как одну из парадигм современной социологии.

Вопросы и задания

1. Охарактеризуйте специфику символического ингеракционизма как социологической парадигмы. Чем эта парадигма отличается от других, вам известных?
2. Покажите различия Чикагского и Айовского направлений символического ингеракционизма. В какой степени эти различия касаются методов социологического исследования, используемых представителями обоих направлений?
3. Почему основателем символического ингеракционизма считают Дж. Мида? Изложите его концепцию символического взаимодействия.
4. Как трактовал структуру личности Мид?
5. Как представлял процесс становления личности Мид?
6. Можно ли говорить о связи концепций символического интсракционизма и личности в творчестве Мида? Если да, то в чем вы ее видите?
7. В чем существо подхода Г. Блумера к проблеме символического взаимодействия? Чем его подход отличался от трактовки Дж. Мида?
8. Почему Блумер уделял в своем творчестве значительное внимание анализу коллективного поведения? Какие основные механизмы элементарного коллективного поведения он рассматривал?
9. Охарактеризуйте подход Блумера к выделению типов элементарных коллективных групп. Чем отличались друг от друга действующая толпа, экспрессивная толпа, масса и общественность? Что дает их характеристика для понимания коллективного поведения?
10. Дайте общую характеристику социологического творчества Гоффмана.
11. Почему основным объектом исследования для Гоффмана выступал мир повседневной жизни людей? Что он понимал под этим миром? Как предлагал его изучать с позиций социологии?
12. Что означав 1 рамочный анализ в творчестве Гоффмана? Каково его предназначение?
13. В чем суть «драма-гурийского подхода» Гоффмана к проблеме личности? Чем концепция личности Э. Гоффмана отличалась от аналогичной концепции Мида?
14. Покажите значение символического интеракционизма для развития социологической пауки.

Литература

Вараз/ова Е.С. Американская социология. Традиции и современность. Екатеринбург; Бишкек, 1997.

-
- Блицмер Г.* Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самылин СИ.* Социология: история и современность. М.; Ростов н/Д., 1999.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
- Гоффман Э.* Рамочный анализ // Хрестоматия по современной западной социологии в юрой половины XXвека Екатеринбург, 1996.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А.* Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Ионин Л.Г.* Дж.Г. Мид — основоположник символического интеракционизма // История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 3.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 1999.
- Капитонов Э.А.* Социология XXвека. История и технологии. Ростов н/Д., 1996.
- Кравченко С.А., Мпацакапяи МО., Покровский Н.Е.* Социология, парадигмы и темы. М., 1998.
- Кравченко Е.И.* Социологическая концепция Э. Гоффмапа // Современная американская социология. М., 1994.
- Кравченко Е.И.* Эрвин Гоффман. Социология лицедейства. М., 1997.
- Култытн В.П.* Классическая социология М., 2000.
- Мелептьева Н.В.* Джордж Герберт Мид // Современная американская социология. М., 1994.
- Мид Дж.* Огжесга к символу. Иигерцали.юванные другие и самоегь. Азия. Психология пупитивного правосудия // Американская социологическая мысль. М., 1996.
- Фотев Г.* Герберт Блумер: символический интеракционизм // Современная американская социология. М., 1994.

Глава 27

Феноменологическая социология и этнометодология

§ 1. Понятие феноменологической социологии и ее теоретические истоки

Понятие феноменологической социологии

Тесно связанной с символическим интеракционизмом в рамках гуманистической социальной науки является феноменологическая социология, которую также рассматривают как направление или даже парадигму социологии XXв. В качестве самого общего ее определения можно принять предлагаемую Л.Г. Иониним характеристику феноменологической социологии как теоретико-методологического направления в современной социологии, рассматривающего общество в виде явления, созданного и постоянно воссоздаваемого в духовном взаимодействии индивидов¹.

В литературе возникновение феноменологической социологии часто связывают со стремлением противостоять, с одной стороны, натурализму, позитивизму, структурному функционализму, с другой — эмпиризму. Отчасти это верно. Однако для появления и утверждения феноменологической социологии были и иные, не менее важные причины, находившиеся в логике развития социологической науки в целом.

Они состояли в необходимости изучения социального мира как повседневного (обыденного) жизненного мира индивида, причем не просто индивида, а чувствующего, переживающего, стремящегося к чему-либо человека. В этом случае социальный мир как объект социологического изучения превращался в мир феноменальный, мир субъективного опыта. Он становился тем жизненным миром, в котором действия людей имеют субъективный смысл и зависят от объектов, на них воздействующих. Этот жизненный феноменальный мир субъективного опыта и должен был стать объектом самого пристального внимания феноменологической социологии.

Сторонники феноменологической социологии исходят из того, что внешний, окружающий людей мир есть результат их деятельности, творение их сознания. Не отрицая объективности этого мира (поскольку он существует как таковой и вне людей, вне их сознания), социологи полагают, что он становится значимым для людей только тогда, когда они его вос-

¹ См.. Российская социологическая энциклопедия. М, 1998 С. 525

принимают и когда он из внешнего, объективного становится для индивидов внутренним, субъективным. При этом воспринимают люди, как правило, не сам мир, а его явления (феномены).

Задача феноменологической социологии в таком случае состоит в том, чтобы выяснить, обнаружить, понять, познать, как, каким образом люди структурируют (упорядочивают) воспринимаемый мир (его феномены, явления) в своем сознании и как воплощают свое знание мира в повседневных действиях, т.е. в обыденной жизни. Поэтому не случайно одной из важных отраслей социологической науки, тесно связанной с ее феноменологическим направлением, является социология знания (о чем дальше пойдет особый разговор). Следовательно, представителей феноменологической социологии интересует не столько объективный мир социальных явлений и процессов и различия внутри него, сколько то, как этот мир и его различные структуры воспринимаются обычными людьми в их повседневной жизни. Поэтому можно с полным правом говорить о том, что сторонники феноменологической социологии стремятся теоретически осмыслить социальный мир в его человеческом, духовном бытии.

Теоретические истоки феноменологической социологии в творчестве Э. Гуссерля

Теоретические истоки феноменологической социологии связаны в первую очередь с именем немецкого философа Эдмунда Гуссерля (1859—1938), который стремился создать философски обоснованную феноменологическую теорию научного знания. Главная ее задача — изучать «чистое сознание», исходить из «первоначального опыта» и «первоначального знания». Понять «чистое сознание» можно лишь путем интуитивного описания, лежащего в основе феноменологического анализа, т.е. описания феномена, данного сознанию индивида.

Центральное, ключевое понятие феноменологии — интенциональность, что означает направленность сознания на определенный, значимый для него объект. Следовательно, интенциональность конституирует сознание и наделяет его содержанием. Признание постоянной направленности сознания на объект и необходимости для науки описывать этот процесс и есть существо феноменологического подхода.

В рамках своей феноменологической философии Гуссерль сформулировал учение о «жизненном мире», оказавшее наибольшее влияние на возникновение феноменологической социологии. Что такое гуссерлевский жизненный мир? Это целостная структура человеческой практики, это то, чем люди живут, имея об этом часто смутное, непроясненное, нерефлектированное знание. Обращение ученых (философов, психологов) к этому миру, стремление проникнуть в него — попытка выяснить глубинные реальности повседневной жизни. Учение немецкого философа о жизненном мире направлено против «чистого» познания, оторванного от непосредственной реальности человеческого бытия. Ратуя за развитие науки таким

феноменологическим путем, Гуссерль хотел «снять» ее объективную односторонность (особенно естествознания), что было свойственно позитивизму и имело большую популярность в первые десятилетия XXв.

Обратившись к изучению жизненного мира, наука, по мнению Гуссерля, совершит определенную редукцию по отношению к самой себе. Почему? Потому что она таким образом уйдет от изучения только лишь научной картины мира и обратится к его донаучным значениям, т.е. к миру повседневной жизни, или, в терминологии философа, к жизненному миру. Это нужно сделать еще и потому, считает философ, что жизненный мир выступает как некая целостность, самоочевидность, самодостоверность. Он представляет собой основу для любых научных идеализации, хотя и субъективен. Дело в том, что жизненный мир — это культурно-исторический мир, точнее, его образ, который дан сознанию индивида, социальной групп, социальной общпосч и.

Следовательно, жизненный мир — это сфера непосредственно переживаемого опыта, которая может быть описана феноменологически. Знание, полученное таким образом, — это научное знание о повседневной жизни, которое превратится впоследствии в социологии знания в повседневное, или в обыденное, знание, имеющее определенную социальную природу. Все сказанное даст основание считать взгляды Гуссерля важной теоретической предпосылкой не только феноменологической социологии в целом, по и феноменологической социологии знания.

Теоретические истоки феноменологической социологии в творчестве М. Шелера

Сформулированные выше идеи развивал в своем творчестве ученик и последователь Гуссерля, немецкий философ и социолог Макс Шелер (1874—1928), который, кстати, ввел в научный оборот сам термин «социология знания». Исходной позицией феноменологической социологии Шелера явилось разграничение всего бытия на две сферы: субструктуры (или реальных социальных факторов) и суперструктуры (или духовных, идеальных форм). К первой немецкий мыслитель относит географические, биологические, демографические, экономические, политические феномены (явления). Они представляют собой определенную базу социальной детерминации идей. Что касается суперструктуры, то она существует, по Шелеру, независимо от субструктуры, поскольку является сферой «абсолютного духа», «идеальных сущностей», а человеческое познание есть способ приобщения к этой сфере.

Переход из сферы субструктуры в сферу суперструктуры осуществляется, согласно Шелеру, через «структуру человеческих побуждений». Это определенные импульсы, инстинкты, которые порождаются биологическими, географическими, экономическими и иными явлениями. В свою очередь, эти импульсы, побуждения вызывают стремления к тому или иному типу знания. Например, импульс, побуждение к спасению порождает тягу к религиозному знанию, а такое интеллектуальное побуждение, как чувство удивления, порождает стремление к философскому, «образовательному» знанию.

В связи с феноменологическим подходом к пониманию общества ученый вывел «закон трех фаз», характеризующий исторический процесс. На первой фазе возникает «независимая переменная» в виде кровнородственных связей и основанных на них социальных институтов. На второй фазе появляется совокупность политических факторов, на третьей фазе — экономических факторов. Они и влияют на возникновение тех или иных идей и знаний. Поскольку вместе с истинным знанием возникают предрассудки, иллюзорное знание, то задача феноменологической социологии состоит в том, чтобы изучать и их. Стало быть, знание как таковое выступает для Шелера как совокупность самых разнообразных представлений: научных, философских, религиозных, мистических и др.

Отсюда вытекает классификация знания, рассматриваемого немецким социологом в качестве ценностного феномена. Он выделяет три «высших рода» знания: знание ради господства, или деятельностное знание позитивных наук; знание ради образования, или образовательное знание философии; знание ради спасения, или религиозное знание. Для краткости Шелер определяет их как позитивное, метафизическое и религиозное знание. Каждый из этих трех родов знания несводим к другому, он существует, «заложен» в самой природе человека.

Все они различаются между собой по социальным формам, мотивации, познавательным актам, целям познания, образцам типов личностей, формам исторического движения. С точки зрения выделения в качестве критерия познавательных актов первый род знания (позитивное) характеризуется наблюдением, экспериментом, индукцией, дедукцией, второй (метафизическое знание) — созерцанием, познанием сущности путем усмотрения, третий (религиозное знание) — верой, страхом, надеждой, любовью. В плане критериального выделения образцов типов личностей первый род знания базируется на исследователе, второй — на мудреце, третий — на святом.

Говоря о социальных формах каждого рода знания, Шелер считает, что для позитивного знания создаются учебные и исследовательские организации, более или менее тесно связанные с техническими и промышленными организациями, профессиональными сообществами (юристов, врачей, ученых, государственных чиновников). Для образовательного знания существуют «школы мудрости» (в античном смысле) и образовательные сообщества, которые связывают воедино учебную, исследовательскую и жизненную практику своих членов и которые сообща признают какую-либо относящуюся к мирозданию «систему» идей и ценностей. Для религиозного, целостного знания существуют общины, церкви, секты, объединенные теологически направления мысли¹.

Идея Шелера сводится к тому, что имеется определенное внутреннее сродство между данными типами знания (научно-позитивное, метафизи-

¹ Шелер М. Формы знания и общество // Социол. журн. 1996 № 1/2. С. 135—143.

ческое, религиозное), типами их носителей (ученый, исследователь; мудрец, мыслитель, философ; провидец, святой) и типами (формами) организации (школа в современном смысле, исследовательский институт; школа мудрости в античном смысле; церковь или секта). Как пишет социолог, «все эти формы, каждая на свой лад, разрабатывают догмы, принципы, теорий в таких формулировках, которые, возвышаясь над естественным языком, составляют сферу "образовательного языка", выражаются в "искусственных" знаковых системах в соответствии с общепризнаваемыми ими конвенциями измерения и определенной "аксиоматики"»¹.

В связи с «аксиоматикой» феноменологической социологии знания необходимо сказать о ее «высших аксиомах», которые Шелер формулирует и провозглашает в работе «Проблемы социологии знания» (1924) как исходные принципы феноменологического учения о знании. Их три.

1. Знание индивида (если его рассматривать не как обособленного члена общества, а как члена социальной общности) по существу априорно, т.е. предшествует всем этапам развития его самосознания и ценностного сознания.

2. Способы общения индивида, передачи знания различаются в зависимости от структуры социальной общности, к которой человек принадлежит. Среди этих способов Шелер выделяет «идентификацию», «подражание», «понимание», «сопереживание на основе бессознательного заражения», «вывод по аналогии».

3. В основе происхождения нашего знания о реальности и наполнения его знанием предметных сфер — «внешний мир», «внутренний мир», «мир живой природы», «мир мертвой природы» — лежит «закон порядка», в соответствии с которым первый мир первичен по отношению ко второму, а третий мир — по отношению к четвертому.

Основные идеи творчества Гуссерля и Шелера сыграли заметную роль в появлении феноменологической социологии, а концепция одного из ее основателей и наиболее ярких представителей — А. Шюца оказалась сформулированной под непосредственным влиянием идей немецких мыслителей начала XX в. К ее рассмотрению мы и переходим.

§ 2. А. Шюц - основоположник феноменологической социологии *Краткий биографический очерк*

Альфред Шюц (1899—1959) в течение своей жизни не был широко известным социологом. Только после смерти его работы привлекли интерес и внимание большого количества социологов. Научная, социологическая карьера Шюца была абсолютно необычной. Родившись в Вене, он получил академическое образование в Венском университете. Вскоре после его

¹Там же. С 138.

окончания начал работать в банке, и почти вся последующая жизненная карьера оказалась тесно связанной с его работой в качестве банкира. Эта деятельность, удовлетворяя его в экономическом и финансовом отношениях, не приносила глубокого внутреннего, смыслового удовлетворения, которое давали ему занятия феноменологической социологией. В 1932 г. он опубликовал на немецком языке свою наиболее важную работу «Феноменология социального мира», которая многие годы оставалась неизвестной широкому кругу социологов. Лишь спустя 35 лет, в 1967 г., уже после смерти социолога, она была переведена на английский язык и вызвала значительный спрос и интерес.

В 1939 г. Шюц эмигрировал сначала во Францию (Париж), а затем в США, где делил свое время между работой консультантом ряда банков и преподаванием феноменологической социологии. Последним он стал заниматься лишь с 1943 г. в Нью-Йорке, где начал читать курс в Новой школе социальных исследований. Его «двойная» карьера продолжалась вплоть до 1956 г., когда он окончательно отошел от банковских забот и весь сосредоточился только на занятиях феноменологической социологией. Как видно, то, о чем он писал в своих работах — разделении научного знания и знания повседневной жизни, — нашло своеобразное отражение в его личной жизненной судьбе. В то время Новая школа социальных исследований считалась авангардистской, и внимание в ней к идеям Шюца не стало заметным явлением в ее деятельности. Зато отдельные студенты, в первую очередь П. Бергер и Т. Лукман, проявили к концепции своего педагога большой интерес, став его учениками и добившись значительных научных результатов в области феноменологической социологии.

Повседневная социальная реальность и жизненный мир как предмет феноменологической социологии

Рассмотрим основные положения феноменологической социологии А. Шюца. Его взгляды базировались на идеях У. Джемса, М. Вебера, Дж. Мида, а также, как было отмечено выше, Э. Гуссерля и М. Шелера. Социолог критиковал позитивизм за неверное понимание природы социальных явлений, которую его представители приравнивали к природе естественных, т.е. природных, явлений. Главное отличие, по Шюцу, состояло в том, что природные явления не имеют внутреннего смысла, тогда как социальные явления его имеют. А смысл этот придает социальным явлениям интерпретирующая деятельность человека. Отсюда — центральные понятия его феноменологической социологии: жизненный мир, повседневный мир (повседневность), социальный мир. Все названные понятия тождественны. В целом это мир, наполненный смыслом, который придают ему люди в повседневной жизни. Задача социологии — изучать не реальность мира, а те смыслы и значения, которые люди придают его объектам. По существу, мы видим здесь определенную разновидность понимающей социологии.

Близость Шюца идеям Вебера состоит и в том, что он использует понятие конструктов (у Вебера это идеальные типы). В концепции австрийского социолога рассматриваются «конструкты первого порядка» (повседневные типы) и «конструкты второго порядка» (объективные научные понятия). Вторые связаны с первыми генетически и отражают их. Но обычно социолог имеет дело с конструктами второго порядка, т.е. с научными понятиями, и через них получает знание о повседневном мире. Таким образом Шюц пытался установить связь между абстрактными научными понятиями и жизненным миром, миром повседневной деятельности и знания. Здесь главное заключалось в том, чтобы понять процесс становления объективности социальных феноменов на основе субъективного опыта индивидов.

Люди, считал социолог, живут в целом ряде миров (мир опыта, мир науки, мир религиозной веры, мир душевной болезни, мир художественной фантазии и т.д.). Каждый из них есть совокупность данных опыта, которая характеризуется определенным «когнитивным стилем». Когнитивный стиль — это сложное образование, показывающее специфическую форму вовлеченности личности в активную деятельность. Австрийский социолог считает, что «исследование основных принципов, в соответствии с которыми человек в повседневной жизни организует свой опыт и, в частности, опыт социального мира, является первостепенной задачей методологии общественных наук» [Шюц. 1996. С. 536].

Для австрийского социолога как для феноменолога основное — это не сами объекты, а их значения, созданные деятельностью нашего разума. Самый значимый итог феноменологической социологии Шюца — это анализ свойств обыденного мышления и повседневное! и, которую он рассматривал как одну из сфер человеческого опыта, характеризующуюся особой формой восприятия и осмысления мира.

Следовательно, главной задачей социологии является получение «организованного знания социальной реальности», открытие общих принципов организации социальной жизни. С этой целью Шюц формулирует «правила» социальной жизни, предназначенные для оптимизации взаимопонимания людей (например, правило «взаимозаменяемости точек зрения»: «если я поменяюсь местами с другим человеком, то буду воспринимать ту же самую часть мира в той же перспективе, что и он»).

В соответствии с научной позицией люди воспринимают различные объекты как феномены (явления) на основании пяти чувств, присущих человеку. Однако выявление формы, цвета, звука и т.д. объекта позволяет сказать нам о нем не так много, как хотелось бы. Для того чтобы объект стал для людей значимым, они должны перейти от чувственного опыта по отношению к нему к его логическому упорядочению и определению. Этот переход осуществляется сначала в сознании отдельного индивида, а затем, что еще более важно, во взаимодействии между индивидами (происходит переход от субъективности к интерсубъективности).

Здесь приобретает значение особое понимание того, что такое человеческое действие. Если в рамках многих теоретических подходов действие выступает как отношение к внешним объектам и другим людям, то в феноменологической социологии оно рассматривается как воздействие сознания на чувственный опыт с целью получения знания. Другими словами, действие есть внутренний процесс осознания — как индивидуального, так и группового, коллективного. В этом состоит суть феноменологической социологии. В то же время нужно иметь в виду, что особую роль в ней играет знание, без него упорядочение чувственного восприятия мира человеком невозможно. Поскольку чувственное восприятие — компонент повседневной жизни, постольку главную роль в феноменологической социологии играет повседневное знание.

Шюц исходит из того, что мир, в котором живут люди, — это мир объектов с более или менее определенными качествами. Каждый из этих объектов связан с предшествующим опытом обыденного сознания людей, живущих в своем повседневном бытии среди себе подобных. Человеческий мир — это и мир природы, и мир культурных объектов и социальных институтов. Люди стремятся наладить с ним взаимоотношения и воспринимают его как не субъективный, а интерсубъективный мир. Последний и есть социальная реальность. Задача же социологии состоит в том, чтобы получить о нем упорядоченное знание, а также раскрыть значения и смыслы, которые лежат в основе этого знания.

Интерсубъективный мир, по Шюцу, — это общий для всех людей мир, актуально данный или потенциально доступный каждому на основе интеркоммуникации и языка. Социолог называет этот мир «высшей реальностью», потому что, с какой бы иной реальностью ни имел дело человек, как бы далеко он ни удалялся от повседневной действительности, в конечном счете он всегда в нее возвращается. В этом смысле она является первичной и высшей по отношению к другим реальностям.

Повседневное знание и его социализация как проблема феноменологической социологии

В своей повседневной жизни, утверждает Шюц, люди имеют обыденное знание о самых различных сферах социального мира, в котором живут. Конечно, это знание может быть фрагментарным (хотя и не обязательно), непоследовательным, но сто достаточно, чтобы наладить взаимоотношения с людьми, культурными объектами, социальными институтами. Происходит это потому, что с самого начала мир является не просто интерсубъективным, а выступает как мир значений, многие из которых люди в состоянии распознавать. Любой человек воспринимается нами как такой же, что и мы. Это касается в первую очередь его наблюдаемого, явного поведения. Мы, как правило, знаем, что делает другой человек, ради чего он это делает, почему делает именно так, а не иначе в данное время и в дан-

ных обстоятельствах. Это означает, что мы воспринимаем действия того человека с точки зрения его мотивов и целей.

Каждый член общества создает запас того, что Шюц называет знанием здравого смысла. Это знание разделяют и другие члены общества, что позволяет им нормально жить и общаться. Именно такое знание наиболее важно для решения практических задач повседневной жизни. Однако знание здравого смысла не является раз и навсегда данным, оно постоянно изменяется в процессе взаимодействия, интеракции. Так происходит потому, что каждый человек по-своему интерпретирует мир. В данной интерпретации есть значения, которые понятны другим, и это помогает каждому иметь необходимый запас знания здравого смысла, чтобы понимать действия других и видеть в них нечто новое, изменяющееся.

На характер знания здравого смысла накладывает отпечаток биографическая ситуация индивида. В течение жизни она постоянно изменяется. Биографическая ситуация способствует накоплению знаний о мире, поскольку она есть не что иное, как осмысленный опыт человека. Задача социолога состоит в том, чтобы его увидеть и зафиксировать.

Здесь возникает главный вопрос: как это сделать? По мнению Шюца, делать это надо не на индивидуально-личностном уровне, а в процессе взаимодействия людей в рамках их интересубъективного мира. Причем большую роль при этом играет принадлежность человека к собственной «домашней» группе, как называет ее социолог. Это узкая социальная группа, в рамках которой формируется социокультурный мир данного человека. Поскольку человек из одной социальной группы видит мир несколько иначе, чем человек из другой, необходимо понимать, что приход в эту последнюю всегда чреват для появляющегося в ней возникновением проблемных ситуаций — с учетом наличия у членов этой группы отличающихся шкал измерения значений и социальных объектов.

Интерсубъективный характер повседневного знания ставит, как считает австрийский социолог, проблему его социализации. Шюц называет три аспекта этой проблемы: а) взаимность перспектив, или структурная социализация знания; б) социальное происхождение знания, или его генетическая социализация; в) социальное распределение знания.

Взаимность перспектив рассматривается как их взаимозаменяемость, находящая отражение во взаимозаменяемости точек зрения: если я помещусь местами с другим человеком, то буду воспринимать ту же самую часть мира в той же перспективе, что и он. Следовательно, структурная социализация знания, т.е. его усвоение и освоение как социального опыта, осуществляется благодаря относительно одинаковому восприятию этих знаний как мной, так и другими людьми.

Рассматривая второй аспект социализации повседневного знания — его социальное происхождение, Шюц отмечает, что лишь очень малая часть знания о мире и о людях рождается в личном опыте. Большая его часть пе-

редается родителями, друзьями, педагогами и, стало быть, имеет социальное происхождение. В этом процессе в качестве средства, механизма выступает словарь и синтаксис повседневного языка. Диалект повседневности, считает социолог, — это по преимуществу язык имен, вещей и событий.

В отношении третьего аспекта социализации знания — его социального распределения — позиция социолога состоит в следующем. Знание следует рассматривать как форму связи между людьми. О нем мы можем говорить только тогда, когда оно релевантно (соотносимо) другому знанию, точнее, знанию другого человека. Это и есть социальное распределение знания. В связи с поставленной таким образом проблемой Шюц подчеркивает: «Любой индивидуальный запас наличных знаний в тот или иной момент жизни разграничен на зоны в различной степени ясности, отчетливости, точности. Эта структура порождается системой преобладающих релевантностей и, таким образом, биографически детерминирована. Знание этих индивидуальных различий само по себе уже элемент обыденного опыта: я знаю, к кому и при каких типичных обстоятельствах я должен обратиться как к компетентному доктору или юристу. Другими словами, в повседневной жизни я конструирую типологию знаний другого, их объем и структуру. Поступая таким образом, я предполагаю, что он руководствуется определенной структурой релевантностей, которая выражается у него в наборе постоянных мотивов, побуждающих его к особому типу поведения и определяющих даже его личность» [Шюц, 1988. С. 132]. Социолог отмечает, что запас наличного знания у людей различается его объемом, качеством и структурой. В чем-то человек является экспертом, в чем-то — дилетантом.

Социализация знания, в том числе и его социальное распределение, имеет место оттого, что каждый из нас как бы «разделяет» время и пространство другого, находящегося в той же системе отношений, что и мы. Здесь приобретает важность следующее суждение Шюца: «Временная общность — здесь имеется в виду не только внешнее (хронологическое), но также и внутреннее время — означает, что каждый партнер соучаствует в непосредственно текущей жизни другого, что он может схватывать в живом настоящем мысли другого шаг за шагом, по мере их смены. Происходят события, строятся планы на будущее, возникают надежды, беспокойство. Короче говоря, каждый из партнеров включается в биографию другого; они вместе взрослеют, старятся; они живут в чистом "мы-отношении"» [Там же. С. 133]. Аналогичные суждения могут быть отнесены и к пространственной общности индивидов, которая связывает их не просто в силу территориальной близости, контактов, связей, но главным образом благодаря обоюдному восприятию знаний, отражающих пространственную включенность людей в жизнь и биографию друг друга.

Размышления Шюца приводят нас к осознанию того, что мы отчетливо осмысливаем общее и различное между нами и другими людьми. При всей уникальности жизненного пути, биографического опыта, образова-

ния, воспитания, социального окружения, профессионального и социального статуса каждого из нас, при всем понимании того, что мы смотрим в разные стороны, стоя фактически лицом друг к другу, нам удастся без труда действовать совместно, заключать сделки, получать услуги, оказывать их самим и т.д. Решающую роль здесь играет повседневное знание, которым владеет каждый из нас на уровне, необходимом для достижения различных целей. Этот уровень мы можем вслед за Шюцсм определить как повседневное знание личности в рамках его определенной типизации.

Таким образом, особую роль приобретает типизация повседневного, обыденного знания, к которой прибегает австрийский социолог. Речь идет о том, что это знание не индивидуальных особенностей и характеристик, а типов личности (например, тип «продавец», тип «страховой агент», тип «парикмахер», тип «клиент» и т.д.), из которого складывается запас наличного знания, являющийся основой социального мира. Эти типы являются «кровью повседневной жизни» (по мнению одного из исследователей творчества Шюца).

Человек ориентируется в социальном мире, взаимодействует с другими людьми прежде всего благодаря тому, что обладает запасом знания о многочисленных типах личности. Именно такое знание и лежит в основе научных абстракций. Научная типология знания, в соответствии с позицией австрийского социолога, не появляется на голом месте, сразу и из ничего. Она строится прежде всего на элементарных типах повседневного знания. Следовательно, его типизация, отражение ее в сознании людей являются основным инструментом получения научного знания, которое базируется на обыденном, повседневном знании.

Обращение социолога к анализу структур жизненного мира, обыденного знания, его стремление рационализировать это знание путем его различных типизации и доказать, что на такой основе возникает научное знание, позволяет говорить о создании, особой концепции, даже методологии, которая затем активно применялась рядом социологов, таких, как П. Бергер и Т. Лукман. Но прежде чем мы перейдем к рассмотрению их взглядов, остановимся еще на одной концепции Шюца, тесно связанной с его феноменологией и вытекающей из нее. Речь идет о концепции «возвращающегося домой».

Концепция «возвращающегося домой»

«Возвращающийся домой» — так называется одна из работ Шюца, посвященная описанию и анализу взаимопонимания между людьми, процесса возвращения домой человека, который в нем давно не был. В основе ее — автобиографические наблюдения и воспоминания, фрагменты собственной жизни социолога периода Первой мировой войны: в качестве солдата австрийской армии он успел принять участие в последних боевых действиях. Молодой Шюц испытал на себе все трудности и самой войны, и воз-

вращения домой после ее окончания. Причем речь идет не столько о трудностях житейских, бытовых, чисто физических страданиях, сколько о явлениях социально-психологического порядка, связанных с установлением взаимопонимания, диалога с близкими людьми по возвращении домой.

Неожиданно оказалось, что эта проблема вообще в высшей степени актуальна и для личности, и для общества в лице тех или иных социальных общ-посгей, фупп, институтов. Ведь в принципе человек возвращается домой не только после войны, но и после длительного отсутствия, связанного с иными причинами. Это могут быть путешествия, эмиграции, продолжительные командировки и т.д., в ходе которых индивид лишен тесной связи с домом. И каждый раз возвращение в него чревато непредсказуемыми последствиями.

Другими словами, концепция «возвращающегося домой» дает возможность социологического исследования поведения различных групп людей (военнослужащих, эмигрантов, чужестранцев, путешественников, обучающихся в других городах и странах студентов, находящихся в деловых командировках людей и т.д.), выключенных на длительное время из привычной для них повседневной жизни вдали от своего дома и затем включающихся в нее. Более того, речь может идти о только появляющихся социальных группах, в том числе маргинальных, у которых возникают свои образы новой социальной реальности, несовместимые с первой, старой, домашней, привычной для них в прошлом. Следовательно, феноменологическая социология позволяет изучать, как представители определенных социальных групп сквозь призму своих биографий (или биографических ситуаций) интерпретируют социальные связи и отношения, многие социальные объекты и явления, а также то, к каким возможным социальным действиям ведет несовпадение различных образов социальной реальности, включая реальность дома.

В связи со сказанным возникает вопрос, что такое «дом», что стоит за этим понятием. Под ним Шюц понимает определенный образ, или способ, жизни, который «составляется» индивидом из привычных для него человеческих связей и отношений, существующих в семье, дружеской среде, включая привычные повседневные вещи, общение, разговор и т.д. «Составляется» не в смысле «создастся», поскольку человек застает готовым все это и просто воспринимает его как данность, формируя, складывая в своем сознании привычную картину образов и отношений. Понятно, что человек знает прежде всего свою социальную реальность. Он в ней формируется, проходит основные фазы социализации, из этой реальности уходит в другую, привыкает к другой (или не привыкает, если это, к примеру, война — разве можно привыкнуть к ней, забыв все остальное?).

Но потом наступает время возвращения в первую, начальную социальную реальность, с которой связана прежняя жизнь, — домой. «Дом, — пишет Шюц, — это то, с чего мы начинаем, сказал бы поэт. Дом — это место, куда каждый намерен вернуться, когда он не там, — сказал бы юрист. Мы будем понимать под домом нулевую точку системы координат, которую

мы приписываем миру, чтобы найти свое место в нем. Географически это определенное место на поверхности земли. Но дом — это не только пристанище: мой дом, моя комната, мой сад, моя крепость. Символическая характеристика понятия "дом" эмоционально окрашена и трудна для описания. Дом означает различные вещи для разных людей. Он означает, конечно, отцовский дом и родной язык, семью, друзей, любимый пейзаж и песни, что пела нам мать, определенным образом приготовленную пищу, привычные повседневные вещи, фольклор и личные привычки, — короче, особый способ жизни, составленный из маленьких и привычных элементов, дорогих нам. ...Дом означает одно для человека, который никогда не покидает его, другое — для того, кто обитает вдали от него, и третье — для тех, кто в него возвращается» [Шюц. 1995. С. 139].

Что значит с социологической точки зрения жизнь дома и жить дома? Здесь мы вновь должны обратиться к цитированию Шюца, который пишет, что «жизнь дома означает по большей части жизнь в актуальных или потенциальных первичных группах (здесь он ссылается на Ч. Кули. — Г.З.), т.е. в общем с другими пространстве и времени, в общем окружении объектов как возможных целей, средств и интересов, основанных на непрерывной системе релевантностей. Жить дома — это значит воспринимать другого как уникальную личность в живом настоящем, разделять с нею антиципации будущего в качестве планов, надел^д и желаний, наконец, это означает шанс восстановить отношения, если они прерваны. Для каждого из партнеров чувствительная жизнь становится частью его автобиографии, элементом личной истории» [Там же. С. 140].

Жизнь дома с другими Шюц связывает с возникновением общего пространства и времени. При этом «общность пространства означает, что определенный сектор внешнего мира доступен всем участникам отношения лицом-к-лицу. Внутри этого общего горизонта есть объекты общего интереса и общей релевантности. Общность времени не простирается столь далеко и не означает внешнего (объективированного) времени, разделяя; могу с партнером, но она означает, что каждый из них участвует во внутренней жизни другого» [Там же. С. 139].

Возвращение домой определяет, детерминирует новое восприятие социального мира. Так, в армии солдат привык подчиняться приказам командиров и действовать в условиях заданных свыше порядков, в которые он сам не может вмешаться и должен пассивно выполнять чью-то волю свыше. Возвратившись (или возвращаясь) домой, он попадает в изменившуюся ситуацию собственного выбора целей и средств их достижения. Шюц доказывает, что новая ситуация обнаруживается не только возвратившимся (возвращающимся), но и теми, кто «составляет» дом, в который приходит солдат. Социолог в связи с этим пишет, что «поначалу не только родина покажет возвращающемуся домой незнакомое лицо, но и он покажется странным тем, кто его ждет». Для всех — и для возвращаю-

щегося, и для тех, к кому он приходит, — становится очевидным, что он уже не тот, прежний, а другой.

Здесь необходимо сказать о термине «возвращающийся». Он фигурирует в виде возвратного несовершенного причастия, с помощью которого передается процесс, длящийся во времени. Человек физически уже вернулся, он дома, но феноменологически, психологически, социально он еще долго будет «возвращаться», если «вернется» вообще. Здесь Шюц говорит о практических шагах, которые должны быть осуществлены, чтобы это произошло: «Многое сделано, но еще больше предстоит сделать, чтобы подготовить возвращающегося домой ветерана к необходимости прилаживания к дому. Равно необходимо подготовить к его приходу и домашнюю группу. Через прессу и радио следует разъяснять домочадцам, что человек, которого они ждут, уже не тот, другой, и даже не такой, каким его воображают. Повернуть пропагандистскую машину в противоположном направлении, разрушить псевдотипы батальной жизни и жизни солдата вообще и заменить грона правду — не простая задача» [Там же. С. 142].

¹¹ Рассматривая взгляды ученого на проблему «возвращающегося до-) мой», нельзя не отметить ее актуальности в наше время. Более того, можно, с нашей точки зрения, говорить о росте этой актуальности, о значительном увеличении числа людей, которые находятся в состоянии «возвращения домой». Концепция Шюца являет собой пример социологической теории, направленной на решение конкретной жизненной массовой ситуации. Она ориентирована на достижение взаимопонимания людей, диалог между ними. Потребность в решении подобных проблем породила становление неклассической парадигмы социального знания и, как одну из ее разновидностей, феноменологическую социологию.

§ 3. Проблемы феноменологической социологии в творчестве П. Бергера и Т. Лукмана

Ш

Краткий биографический очерк

Одними из наиболее крупных представителей феноменологической социологии, прежде всего социологии знания, являются Питер Бергер и Томас Лукман, а их совместная работа «Социальное конструирование реальности» (опубликована на английском языке в 1966 г., на русском — в 1995 г.) признана классической и стала в один ряд с социологическими «бестселлерами» второй половины XXв.

Бергер родился в Вене в 1929 г. В 1946 г., после непродолжительного обучения в Лондонском университете, эмигрировал в США, где через пять лет получил гражданство. Учился в Нью-Йорке, в Новой школе социальных исследований у А. Шюца, в 1954 г. получил степень доктора философии. В 1950—1960-х гг. преподавал в ряде американских университетов и

колледжей, был директором Института церкви и общины. Написал ряд ярких работ по социологии религии (в частности, «Шум торжественных ассамблей» и «Двусмысленное видение»). Затем появилась книга «Приглашение в социологию» (на русский язык переведена в 1996 г.), быстро ставшая очень популярной. В этой книге предметом социологии выступает взаимосвязь между «человеком в обществе» и «обществом в человеке». В 1960-е гг. начинается многолетняя творческая дружба с Лукманом. Общие интересы обоих социологов касались как феноменологической социологии знания, так и социологии религии. В настоящее время Бергер возглавляет Институт изучения экономической культуры Бостонского университета, а его научные интересы связаны с анализом социокультурных и экономических проблем современного мира.

Лукман родился в 1927 г. в Югославии. В 1957 г. стал магистром в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке. Работая под руководством Шюца, он там же становится доктором философии (1956). Его преподавательская работа была связана с университетами Нью-Йорка, Фрайбурга, Франкфурта. С 1970 г. по настоящее время Лукман - профессор социологии в университете г. Констанца (ФРГ). Написал ряд работ в области социологии религии, социологии языка (монография «Социология языка»). Но главные его работы связаны с феноменологической социологией знания. Несмотря на то что Лукман и Бергер живут в разных странах, это не мешает им регулярно встречаться и вместе писать — как на английском, так и на немецком языках. В этой связи интересно отметить, что работа, на которую далее будут идти постоянные ссылки («Социальное конструирование реальности»), появилась сначала на немецком, а затем уже — на английском языке.

Социальное конструирование реальности

Находясь под влиянием идей Шюца, Бергер и Лукман выделяли среди множества реальностей одну как наиболее значимую — реальность повседневной жизни. Она представляется как intersubjectивный мир, т.е. мир, который человек разделяет с другими людьми. В этом мире господствует повседневное знание, т.е. знание, которое человек разделяет с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни. Ее реальность, считают социологи, конструируется intersubjectивным человеческим сознанием. Поэтому вопрос о качественном различии между объективной и субъективной реальностью повседневной жизни, но существу, снимается.

В реальности обыденного бытия и ее знании одной из центральных является проблема пространственной и (особенно!) временной структуры мира повседневной жизни. Последняя необычайно сложна, считают Бергер и Лукман, поскольку сталкиваются различные уровни эмпирической темпоральности. Прежде всего они говорят о том, что человек воспринимает время как непрерывное и конечное. Но на время жизни человека и его воспри-

ягие накладывает печать временная структура жизни общества с его революциями, кризисами, достижениями и т.д. Все это в большой степени определяет характер социального взаимодействия людей в повседневной жизни.

Другой фактор, обуславливающий в значительной степени этот процесс, - язык. «Очень важная характеристика языка схвачена в выражении, что люди должны говорить о себе до тех пор, пока они себя как слепые! не узнают» [Бергер, Лукман. 1995. С. 67]. В этом смысле «язык делает мою субъективность "более реальной" не только для моего партнера по беседе, но и для меня самого» [Там же. С. 66].

Язык объективен как знаковая система (в отличие от речи). При этом он выполняет важные функции соединения различных реальностей повседневной жизни. «Хотя язык может использоваться и по отношению к другим реальностям, по-прежнему и тогда он сохраняет свои корни в реальности повседневной жизни» [Там же. С. 67]. Вместе с тем с помощью языка весь мир (для меня) может актуализироваться в любое время, даже если я не беседую с кем-либо в данный момент.

Что же представляет собой, по Бергеру и Лукману, мое знание повседневной жизни? Как считают социологи, оно напоминает инструмент, прорубающий дорогу в лесу и проливающий узкую дорожку света на то, что находится впереди и непосредственно рядом, между тем как со всех сторон дорога обступает темнота. «Мое знание повседневной жизни, — пишут социологи, — организовано в понятиях релевантностей. Некоторые из них определяются моими непосредственными практическими интересами, другие — всей моей ситуацией в обществе. Мне неважно, каким образом моя жена получает мой любимый гуляш, если он получается хорошо. Меня не интересует то, что акции общества падают, если я не владею этими акциями; что католики модернизируют свое учение, если я атеист; что можно лететь без пересадки в Африку, если я туда не собираюсь» [Там же. С. 77]. Вместе с тем мои релевантные структуры во многом пересекаются с релевантными структурами других. Знание этих структур есть важный элемент моего знания повседневной жизни.

Знание повседневной жизни связано и с проблемой социального распределения знания. Оно начинается с того простого факта (и его признания), что я не знаю всего того, что знают мои партнеры, и наоборот. В повседневной жизни знание социально распределено в том смысле, что разные индивиды и типы индивидов обладают им в различной степени. Кроме того, у каждого может быть такое знание, которое он с кем-то разделяет и которое он не разделяет ни с кем. Здесь имеет еще значение социально доступный запас знания, который тоже как бы «участвует» в социальном распределении знания. «В повседневной жизни я знаю (хотя бы приблизительно), — пишут социологи, — что и от кого я могу скрыть, от кого я могу получить информацию, которой не располагаю, и вообще какого рода знаний можно ожидать от разных людей» [Там же. С. 79].

По мнению ученых, знание в обществе — это совокупность того, каждый знает о социальном мире: правила поведения, моральные принципы, предписания, ценности, верования, пословицы, поговорки и т.д. Так знание составляет мотивационную динамику институционализованного поведения и является «реализацией в двойном смысле слова — в смысле понимания объективированной социальной реальности и в смысле непрерывного созидания этой реальности» [Бергер, Лукман. 1995. С. 111].

Повседневное знание тесно сопряжено с повседневной деятельностью, которая, как полагают социологи, постоянно подвергается габитуализации (т.е. опривычиванию). Отсюда большое внимание уделяется понятию «габитус» (его ввел в широкий научный оборот французский социолог П. Бурдьё, хотя и до него термин использовался М. Вебером, Э. Дюркгеймом и другими учеными; подробнее концепцию габитуса Бурдьё мы будем специально рассматривать в следующей главе). На самом деле привычная деятельность всегда способствует появлению повседневного знания. Отсюда появляются стандартные значения вариантов поведения.

Бергер и Лукман рассматривают не только повседневное, обыденное знание, но и теоретическое, значение которого они, по всей видимости, принижают. Теоретическое знание, говорят социологи, «лишь небольшая и отнюдь не самая важная часть того, что считается знанием в обществе» [Там же. С. 109]. С этим утверждением, особенно второй его частью, вряд ли можно согласиться в начале XXI в., когда роль науки и научного знания невиданно возросла и имеет поистине необозримые перспективы. Однако не следует удивляться проанализированному выше подходу, ведь он в полной мере соответствует сути феноменологической социологии и гипертрофированию роли повседневного знания.

Проблема социализации и роль знания в ее анализе

Феноменологическая характеристика повседневного знания в творчестве Бергера и Лукмана тесно связана с анализом ими проблемы социализации. Отметим прежде всего, что социологи, рассматривая понятие социализации, стремились исходить из уже имевшихся к тому времени философско-социологических взглядов на него. В примечаниях к третьей главе «Социального конструирования реальности» (в которой развернуто их описание социализации в связи с анализом общества как субъективной реальности) они пишут: «Наши определения социализации и двух ее подтипов (первичной и вторичной. — Г.З.) соответствуют современному их употреблению в социальных науках. Мы лишь приспособили словесное их выражение к целям нашего общетеоретического подхода» [Бергер, Лукман. 1995. С. 317].

Действительно, во взглядах социологов можно обнаружить немало сходства с подходами к социализации У. Джемса, Дж. Дьюи, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Дж. Мида. Бергер и Лукман считают, что человек не рождается членом общества, а появляется на свет лишь с предрасположенно-

стью к социальности. Членом общества он становится лишь в ходе длительного процесса социализации, отправным пунктом которого является интернализация. Последняя означает прежде всего постоянную, непрерывную идентификацию людей друг с другом, поскольку каждый из них участвует в бытии другого.

Социализацию социологи определяют как «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть» [Там же. С. 212]. В этом «вхождении» следует различать •первичную социализацию, которой индивид подвергается в детстве и вследствие чего он становится членом общества, и вторичную социализацию, благодаря которой уже социализированный индивид включается в «новые сектора объективного мира общества». Первичная социализация •рассматривается социологами как «нечто гораздо большее, чем просто когнитивное обучение». Решающей ее фазой является формирование в сознании индивида образа обобщенного другого. Эта кристаллизация происходит наряду с интернализацией языка, который, по мнению социологов, представляет собой наиболее значимую часть и наиболее важный инструмент социализации [Там же. С. 217].

Целью процесса первичной социализации является конструирование первого мира индивида, который обладает особым качеством устойчивости, поскольку в ходе этого процесса ребенок интернализует мир своих значимых других как единственно возможный для себя мир; ведь выбора значимых других у него нет. Следовательно, считают Бергер и Лукман, мир, интернализуемый в ходе первичной социализации, укореняется в сознании прочнее, чем миры, конструируемые в процессе вторичной социализации [Там же. С. 219]. Однако понимание процесса социализации в его трактовке социологами для нас важно не как самоцель. Главное — роль и место знания, определяющего процесс социализации.

В этом плане нужно обратить внимание на рассмотрение социологами проблем социализации сквозь призму социального распределения знания. Отличие вторичной социализации от первичной, выясняется далее, состоит в том, что она выступает как «приобретение специфически ролевого знания, когда роли прямо или косвенно связаны с разделением труда» [Там же. С. 225]. Здесь имеет значение указание социологов на то, что характер вторичной социализации зависит от статуса связанной с ней системы знания.

Другой вопрос — об институциональном распределении знания между первичной и вторичной социализациями. Если распределение знания является относительно простым, можно использовать одни и те же институциональные средства как в первичной, так и во вторичной социализации. Если оно оказывается сложным, необходимы специальные механизмы вторичной социализации с подготовленным для этой цели персоналом. По мнению социологов, лучшей иллюстрацией вторичной социализации, осуществляющейся

при содействии вспомогательных специализированных средств, является развитие современного образования [Бергер, Лукман. 1995. С. 238—239].

В связи с анализом распределения знания появляется третий вопрос. Он касается социального взаимодействия между учителями и учениками, которое имеет формализованный характер вследствие того, что предназначением педагогов как институциональных функционеров является передача социального знания. Здесь, однако, важен вопрос о характере образования. Бергер и Лукман в качестве примера проводят различие между инженерным и музыкальным образованием. Они пишут: «Инженерное образование можно получить в процессе формального, весьма рационального, эмоционально нейтрального обучения. Музыкальное же образование обычно включает более высокую степень идентификации с маэстро и гораздо более глубокое погружение в реальность музыки. Это различие — результат внутренних различий между инженерным и музыкальным знанием, а также между образами жизни, соответствующими этим двум системам знания» [Там же. С. 235].

Как видно, в основу того или иного вида образования кладется знание, обладающее определенной спецификой, и образ жизни, соответствующий ему. Следует отметить, что, к сожалению, такой подход к соотношению образования и знания ни в зарубежной, ни в отечественной литературе не принят. Доминирует иная позиция по вопросу о дифференциации профессионального образования на определенные виды, в соответствии с которой последняя обусловлена характером и содержанием труда, а также потребностями производства. Социологи предлагают иной вариант трактовки дифференциации профессионального образования, исходя из феноменологической социологии знания, для которой реальность социального мира состоит прежде всего в совокупности знаний о нем и конструировании этой реальности на их основе. В таком случае профессиональное образование и его дифференциация должны рассматриваться как следствие развития знания и его дифференциации (а не как результат развития труда и производства).

Завершая рассмотрение феноменологической социологии как одного из наиболее развитых направлений социологии XXв., отметим, что в ней подчеркивается роль субъективной стороны и предмета исследования — отношения человека к повседневному бытию, делается акцент на активном, сознательном, творческом элементе «конструирования» социального мира, который может рассматриваться только в связи с позициями, целями и интересами взаимодействующих субъектов. В этом проявляется направленность феноменологической социологии против позитивизма и неопозитивизма, явно недооценивающих роль и значение гуманистической линии в социальных науках.

Еще одно направление гуманистической социологии, претендующее на роль парадигмы, — этнометодология.

§ 4. Этнометодология как парадигма социологии второй половины XXв. *Общая характеристика*

Этнометодология определенным образом связана с символическим интер-акционизмом и феноменологической социологией, поскольку и для нее основное в предметной зоне — изучение взаимодействия между людьми. Вместе с названными выше двумя направлениями этнометодология составляет своеобразную «триаду» гуманистической социологии (последнюю иногда называют гуманистической парадигмой в социологии). Ее основателем является американский социолог Гарольд Гарфинкель (род. в 1917 г.). Его считают учеником Т. Парсонса, у которого он стажировался в Гарвардском университете. Впоследствии стал профессором Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Главный труд Гарфинкеля — «Исследования по этнометодологии» — был опубликован в 1967 г. Именно ему принадлежит термин «этнометодология». Наиболее яркие представители направления — Д. Дуглас, Г. Закс, П. Макхью, А. Сикурел, Э. Ливипгстон. Последний опубликовал в 1987 г. книгу «Понять этнометодологию», являющуюся одной из наиболее интересных работ в рассматриваемой области социологического знания. Особенность этой книги состоит в том, что в ней читателя знакомят не только с теоретическими идеями этнометодологии, но и с техникой ее исследовательской практики.

Смысл этнометодологии состоит в превращении методов этнографии и социальной антропологии в общую методологию социологических исследований. Речь идет об использовании методов изучения различных общин и примитивных культур и переводе их на язык анализа современных социальных и культурных явлений и процессов. С учетом сформулированного научного интереса предметом этнометодологии являются процедуры интерпретации социальных явлений и их научного осмысления, осуществляемого как раскрытие механизмов социальной коммуникации между людьми. Поскольку последняя имеет место прежде всего в виде речи, языкового общения, приобретающего формальные очертания и структуры, становится понятным утверждение Гарфинкеля и Закса: «Интересы этнометодологии... настойчиво фокусируются на формальных структурах ежедневной деятельности»¹.

По мнению социологов, задача этнометодологии состоит в характеристике методов социологического исследования, связанного с рациональным, корректным языковым описанием практических повседневных социальных взаимодействий. Одним из решающих условий успешности этого описания является значение контекста (социальной среды), в котором происходит взаимодействие.

¹ Цит. по: Хрестоматия по современной западной социологии второй половины XXвека / Под ред. Т.Е. Зборовского. Екатеринбург, 1996. С. 142.

Однако именно в вопросе о том, что такое социальный контекст взаимодействия, и существуют принципиальные расхождения между этнометодологией и, скажем так, традиционной европейской и американской социологией, представленной идеями М. Вебера и Т. Парсонса (и это несмотря на то, что Гарфинкель, как уже отмечалось, был учеником американского социолога). Так, для Парсонса взаимодействие и его понимание участниками этого процесса обусловлено влиянием общих социокультурных норм и ценностей и их принятием (либо неприятием, что ведет к конфликтам); таким образом, оно детерминировано извне. Для Гарфинкеля же (и других этнометодологов) коммуникация между индивидами и ее интерпретация осуществляются на основе субъективного конструирования людьми социального мира и социального порядка. Происходит своего рода локальное производство социального порядка на основе повседневной рациональности, характерной для индивидов.

Этпометодология, следовательно, имеет дело с повседневными, обыденными действиями людей и их практическим мышлением в ходе осуществления такой деятельности. Исходя из этого, Гарфинкель изучал поведение людей в суде, очередь как явление социального порядка, беседы между людьми и т.д. Главное, что его интересовало, — как, каким образом, благодаря каким методам и каким действиям осуществляется деятельность группы, непосредственно производящей социальный порядок.

В этом отношении представляет интерес описание Ливингстоном деятельности социолога¹. Вообразим оживленный перекресток. Социолог расположился на крыше высотного дома и вооружен кинокамерой для того, чтобы можно было отснять и затем на основе истолкования (интерпретации) полученного на пленке изображения объяснить характер движения встречных потоков пешеходов, переходящих улицу. Ему нужно описать и интерпретировать многообразные проявления поведения массы людей, которые, анонимно взаимодействуя, организуют свою деятельность таким образом, что осуществляются наиболее оптимальные варианты встречного движения. Речь идет о том, что пешеходы достигают противоположного тротуара при минимуме столкновений с идущими навстречу потоками людей. Анализируя последовательность кадров, социолог предлагает следующую интерпретацию увиденного. Встречные потоки пешеходов выглядят в виде «клиньев» или «линейных фронтов»,двигающихся под углом друг к другу вслед за первыми пешеходами, находящимися в самой «острой» части клина. Предложенная интерпретация — образец объяснения непосредственного практического действия. В его основе лежит соблюдение требований порядка и организации, которые не могут быть увиденны «изнутри», но становятся очевидными для стороннего наблюдателя. В данном случае цель этнометодолога — понять

— Livingston E. Making Sense of Ethnomethodology. L.; N Y., 1987. P. 21—27.

интерпретирующую деятельность аналитика в ее тождественности практическим действиям.

Основные понятия и принципы этнометодологии

Одно из центральных понятий этнометодологии — фоновые ожидания. Как и многие другие понятия этнометодологии, оно имеет целый ряд смыслов и значений, аспектов и толкований. Это и свойства повседневной жизни, составляющие основу повседневной деятельности. Это и социально одобряемые установки индивидов на те или иные действия. Это и представления людей о социальном мире, выступающие в виде своеобразных правил их взаимодействия, имеющих нравственно-принудительный характер и регулирующих моральный порядок в отношениях между индивидами. Благодаря фоновым ожиданиям (а они могут рассматриваться и как портретная характеристика общества) люди выступают активными субъектами социального взаимодействия, своеобразными «конструкторами» социальной реальности. Но фоновые ожидания — это не только условия личностной, индивидуальной активности, они же выступают и факторами, ее ограничивающими. В итоге все зависит от оценок индивидом тех обстоятельств, в которых он должен себя определенным образом проявить. Таким образом, благодаря понятию «фоновые ожидания» этнометодология получила возможность охарактеризовать и раскрыть механизм активности человека в ходе конструирования им социальной реальности.

Еще одно важное понятие этнометодологии — индексация, под которой понимается трактовка смысла поведения человека, вытекающая из контекста этого поведения. Поскольку индексация, г.е. включение в «свойства» конкретной ситуации, как правило, связана с использованием языка, в этнометодологии часто говорят о его «индексированных свойствах». В этой связи Гарфинкель и Закс пишут: «Индексированные свойства обыденного языка обеспечивают технологию социологических исследований, следуя повседневной практике как их отличительному признаку: кем бы и где бы ни делалось социологическое обоснование, оно пытается возместить индексированные свойства практического рассуждения; оно делает это для доказательства расчетливой рациональности повседневной деятельности; оно делает это для того, чтобы оценки были оправданы методическим наблюдением и отчетом о ситуативных, социально организованных особенностях повседневной деятельности, которая, конечно, включает особенности обыденного языка»¹.

Анализ индексированных форм обыденного языка и разговорной речи позволяет, по мнению этнометодологов, раскрыть то, что содержится на заднем плане повседневного поведения и не видно «невооруженному гла-

¹ Цит. по: Хрестоматия по современной западной социологии второй половины XX века С 137

зу». Это содержание и составляют различные социальные структуры общества. Они признаются как существующие только в связи с наличием целей и мотивов взаимодействий, воспринимаемых самими его участниками как социально и морально должные.

Основное требование этнометодологии — не допускать разрыва между субъектом и объектом изучения. Социолог должен быть включен в ситуацию исследования, он не может смотреть на нее отстраненным взглядом. Задача социолога — оказаться в состоянии взаимосопрыженности с исследуемым, именно на этом базируется их взаимодействие. Представители этнометодологии подчеркивают, что такое взаимодействие, опирающееся на коммуникацию между исследователем и объектом изучения, дает неизмеримо более богатую информацию, чем любой иной способ ее получения. Поэтому выводы этнометодологов, получаемые в ходе такого общения, часто носят характер простого здравого смысла, что называется, народной мудрости. Эти выводы воспроизводят социальное взаимодействие в качестве речевой коммуникации, характеризующейся как отражение поведения людей.

Этнометодолог должен изучать, по мнению представителей этого направления, прежде всего обстоятельства действия и мышления. В этом случае для него важной становится практическая адекватность действия и методов его изучения. Что же касается практической организации людей, непосредственно осуществляющих социальную деятельность, то она не интерпретируется как результат этой деятельности, а видится как качество таковой. Для конкретной группы действующих лиц объяснимость их деятельности и есть наблюдаемое условие ее осуществления. Как пишет Ливингстон, «объяснимость практического действия есть явление практического действия. Она исследуется этнометодологически как упорядочивающий феномен и как результат этой упорядоченности»¹. Поэтому объективность объяснения (и его предмета) есть в первую очередь его характеристика как чего-либо описываемого, наблюдаемого, анализируемого в ходе практического осуществления этого процесса.

Таким образом, для этнометодологии социальная реальность лишена объективных характеристик. В качестве объективных свойств присутствуют значения собственных суждений, которые (значения) мы приписываем этой реальности. Социальная и культурная реальность, следовательно, конструируется в процессе взаимодействия на основе речевой коммуникации. Поскольку сама коммуникация отражает единичные акты деятельности, понятно, что реальность повседневной жизни этнометодологи рассматривают как поток уникальных, неповторимых ситуаций.

Этнометодология, таким образом, раскрывает механизмы социальной коммуникации между людьми и методы социологического исследования, связанного с корректным языковым описанием повседневных социаль-

¹ Livingston E. Making Sense of Ethnoinclhodology. P. 124.

пых взаимодействий индивидов. Здесь большая роль придается мастерству обычного языка, с помощью которого производится истолкование эмпирических ситуаций повседневной социальной жизни. Этим и должна заниматься, по мнению Гарфинкеля, социология.

Суть дела в том, что реальные социальные проблемы могут быть обнаружены благодаря анализу социальных речевых коммуникаций. Отталкиваясь от формальных структур языкового общения, повседневного разговора, можно выявлять социальные противоречия. Такой вывод базируется на следующей гипотезе Гарфинкеля: давая рациональные объяснения своим действиям, люди делают эти действия рациональными, внося тем самым в социальную жизнь понятность, объяснимость и упорядоченность.

В этом смысле этнометодология выступила против социологической традиции позитивизма и неопозитивизма, их принципов объективности, естественно-научного характера рациональности суждений, обоснованности доказательств. В соответствии с этнометодологией, социальный мир создается и исследуется в ходе осуществления процедур описания и объяснения этого мира, что снимает вопросы о его объективности или субъективности. Решающее значение приобретает здравый смысл, поскольку он означает обыденные толкования реальности на основе веры в объективный характер окружающего нас мира.

В итоге мы имеем дело с достаточно субъективистским истолкованием социальной действительности, которая, по существу, отождествляется с ее восприятием. Но несмотря на то, что объективное содержание социальной реальности в этнометодологии редуцируется к представлению о ней социолога, все же конкретные исследования обыденного сознания, общения, морали дают положительные результаты. Эта прибавка знания посредством этнометодологических исследований и обусловила известную популярность рассмотренной парадигмы.

Вопросы и задания

1. Что такое феноменологическая социология? Раскройте существо этого понятия.
2. Почему философские концепции Э. Гуссерля и М. Шелера пришло считать основными теоретическими источниками феноменологической социологии?
3. Что означает гуссерлевское понятие жизненного мира?
4. Охарактеризуйте суть феноменологического подхода Шелера к пониманию общества.
5. Проанализируйте основные виды знания, выделенные Шелером. Насколько его классификация актуальна сегодня и применима в современной социологии знания?
6. Почему основоположником феноменологической социологии считают А. Шюца? Проанализируйте ее основные положения.
7. Как анализирует повседневную социальную реальность и жизненный мир Шюц? Почему этот мир рассматривается им как intersubjectivный?

8. Что означает проблема повседневного знания и его социализации в феноменологической социологии Шюца?
9. Раскройте существо концепции «возвращающегося домой» и покажите ее современное значение.
10. Что означает «социальное конструирование реальности» в социологической концепции П. Бергера и Т. Лукмана? Почему эта концепция считается одной из наиболее значимых в современной социологии?
11. Как Бергер и Лукман раскрывают проблему социализации личности и почему они подчеркивают особую роль знания в этом процессе?
12. Дайте общую характеристику этнометодологии как социологической парадигмы второй половины XXв.
13. Раскройте основные понятия и принципы этнометодологии.

Литература

- Барзгова Е.С.* Американская социология. Традиции и современность. Екатеринбург; Бишкек, 1997.
- Бауман З.* Мыслить социологически. М., 1996. Гл. 2—5.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М, 1995.
- Бергер П.* Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
- Волков Ю. Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И.* Социология: история и современность. М.; Ростов н/Д., 1999.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А.* Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Ионин Л.Г.* Альфред Шюц и социология повседневности // Современная американская социология. М., 1994.
- История социологии. Минск, 1993.
- История теоретической социологии: В 4 т. М., 1998. Т. 3.
- Капитонов Э.А.* Социология XXвека. История и технология. Ростов н/Д., 1996.
- Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е.* Социология: парадигмы и темы. М., 1998.
- Руткевич Е.Д.* Питер Людвиг Бергер. Томас Лукман // Современная американская социология. М., 1994.
- Сакс Г., Гарфинкель Г.* О формальных структурах практических действий // Хрестоматия по современной западной социологии второй половины XXвека. Екатеринбург, 1996.
- Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социол. исслед. 1988. № 2.
- Шюц А.* Возвращающийся домой // Социол. исслед. 1995. №2.
- Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996.

Глава 28

Современные движения и теории в социологии

§ 1. Общая характеристика социологической теории 1980-1990-х гг. *Кризис в социологическом сознании и поиск путей выхода из него*

В 1980—1990-х гг. возник целый ряд новых социологических теорий, которые не вышли пока на уровень парадигм, не приобрели характер общепринятого методологического «преклонения» перед ними, но вместе с тем оказались настолько своеобразными, что позволили говорить о появлении так называемой «постнеклассической» социологии. Одни авторы рассматривают ее возникновение как стремление преодолеть кризис теоретической социологии, которая оказалась не в состоянии с помощью классических теорий XIX в. и неклассических концепций XX в. (имеется в виду прежде всего гуманистическая парадигма) удовлетворительно объяснить возникшие изменения в мире и спрогнозировать новые социальные процессы. Серьезное «обвинение», которое предъявляется в этой связи, — проявившаяся неспособность вовремя предвидеть радикальные преобразования в мировом социальном пространстве, связанные с развалом СССР, мировой системы социализма и крахом коммунистических иллюзий. Другие, наоборот, характеризуют появившиеся в 1980—1990-х гг. теории как сам кризис в социологии, поскольку они оказались в такой же социальной роли, что и классические и неклассические концепции XIX—XX вв.

Лишь в одном сегодня никто не сомневается — в наличии кризисного социологического сознания и стремлении его преодолеть. Весь вопрос в том, как это сделать. Один из предлагавшихся путей заключался в обновлении уже сложившихся в социологии парадигм. Так появились неоструктурализм, неофункционализм, неозволюционизм, неомарксизм (уже во втором поколении, если первым считать Франкфуртскую школу) и т.д. При этом приставка «нео» чаще всего не означала радикальных перестроек в социологическом сознании.

Другой путь состоял в пересмотре позиций социологов с помощью концепций, начинавшихся с приставки «пост». Громко заявили о себе «постмарксизм», «постструктурализм», «постпозитивизм», «постмодернизм» и т.д. Сразу нужно сказать, что дело, конечно, не в морфологических попытках преодолеть кризис в социологии благодаря использованию

приставок «нео» и «пост». Просто морфологические изменения в названиях концепций оказались самым легким вариантом теоретического переосмысления социологии. Однако и в случае с «пос[т]»-теориями существенных изменений в социологическом сознании обнаружить не удалось.

Третий путь пересмотра позиций, традиционных для далекого и не очень далекого социологического прошлого, состоит в поиске различных возможностей интеграции и объединения парадигм и теорий, что нашло свое отражение в целом ряде движений в социологии.

Наконец, четвертый путь — это создание отдельных теорий, посвященных анализу нового видения роли и перспектив социологии и рассматривающих в качестве своего предмета какие-либо значимые социальные образования (теория структуризации Э. Гидденса, теория социального поля (социального пространства) П. Бурдьё, теория социальных изменений П. Штомпки и др.). Все эти и другие новые и новейшие концепции так или иначе испытали на себе влияние модернистских и особенно постмодернистских идей.

Поэтому, прежде чем рассматривать некоторые из названных концепций в контексте общего состояния современной теоретической социологии, обратимся к характеристике этих идей. Тем более что в социологии существует ряд теорий, которые можно чисто условно поместить между концепциями модернизма и постмодернизма. Эти теории были особенно популярны в 1980-е гг., в них отражался динамизм мирового развития и ставился диагноз эпохи, причем в глобальном плане.

Теории 1980-х гг. о динамизме мирового развития

Именно такой диагноз предложил Э. Гидденс в середине и во второй половине 1980-х гг., раскрывая три основные характеристики современного ему мира¹.

Первая характеристика — развитие административной власти, в первую очередь государства, включая в особенности использование информационных ресурсов. Вторая характеристика, чаемо остающаяся незамеченной в социологии, — развитие военной власти. Формирование современных государств очень тесно связано с военной властью и войнами. Распад традиционного мира под натиском современности не является следствием капитализма, или индустриализма, или даже концентрации административных ресурсов в руках государства. Это — совокупный итог всех процессов в сочетании с современными способами использования военной силы и веде-

¹ Giddens A. The Constitution of Society Cambridge, 1984; Giddens A. The National State and Violence. Cambridge, 1985; Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990; Giddens A. Modernity and Self-Identity Stanford, 1991; Tudden Э. Девять тезисов о будущем социологии // «THESIS». Вып. 1. № 1. М., 1993. Последняя работа представляет собой лекцию, прочитанную английским социологом на пленарном заседании собрания социологической Ассоциации восточных штатов и Нью-Йорке в 1986 г.

пия войны. Наконец, третья характеристика современного мира — измерение его культурой, которая выступает как отражение капитализма или индустриализма. Таким образом, Гиддеис пытается создать своеобразную матрицу современного мира, анализируя его динамизм с помощью названных выше трех основных характеристик, трех измерений.

Очевидно, что динамизм человечества в XXв. определяется в значительной степени сдвигами и переходами от индустриального общества, являющегося целью модернизации, к другим обществам, рассмотрение которых получило в социологии широкое распространение. Такими «концептуальными» обществами оказались прежде всего постиндустриальное и информационное, теоретический анализ которых был популярным в 1980-х гг.

При этом возникает вопрос: является ли современный мир следствием развития капитализма или же результатом своеобразной экспликации индустриализма? Несмотря на разные ответы (для одних социологов главная линия — развитие индустриализма, а капитализм есть всего лишь организация индустриализма, для других современный мир выступает следствием капитализма), но существу, в большинстве из них довлеет экономический, производственный редукционизм, т.е. стремление рассматривать современное общество прежде всего с экономических позиций. Здесь, кстати, можно видеть одну из главных причин того, что Гиддеис вводит названные выше три измерения как своего рода дополнения к анализу динамики современного общества.

В соответствии с распространенными на Западе теориями постиндустриальное общество отличается от индустриального иной экономической основой, новыми, более высокими технологиями, повышающими и уровень производительности труда, и степень развития производства. Отсюда — другие жизненные стандарты, связанные с более высоким уровнем потребления, новым стилем и образом жизни, комфортом, досугом.

Качественно иным по своим очертаниям выглядит информационное общество. В соответствии с теорией информационного общества К. Оффе, профессора Бремснского университета в Германии, можно выделить две главные характеристики этого общества. Во-первых, оно базируется на создании, потреблении и распространении информации, что становится главной формой деятельности значительной части членов данного общества. Во-вторых, его основной фигурой становится человек информирующий, информирующийся и образующийся. Поскольку образовательная и самообразовательная деятельность становится доминантой образа жизни человека, создаются тем самым предпосылки к созданию цивилизации образования (взамен цивилизаций сначала труда, затем — досуга, потом — потребления).

В концепциях 1980-х гг. особое внимание обращается на гуманизацию основных форм социального и индивидуального бытия в связи с реализацией программ улучшения качества жизни. В этих концепциях подчеркивается резкое усложнение человеческих взаимодействий, активное движение к

свободе как главному богатству общества и личности, провозглашается мат общечеловеческих ценностей.

Взгляды на движения и процессы в западной теоретической социологии 1980-1990-х гг.

Известный американский исследователь, профессор социологии университета Мэриленд Джордж Рит цер считает, что 1980—1990-е годы определяются наличием четырех широких движений, характеризующих современную теоретическую социологию. Это: 1) интеграция микро- и макросоциологии, 2) интеграция теорий структуры и действия, 3) теоретический синтез, 4) развитие метасоциологии¹.

Первое движение означает интеграцию существующих парадигм (теорий конфликта, обмена, этнометодологии, символического интеракционизма, структурного функционализма и др.) на четырех уровнях анализа: макрообъективности, макросубъективности, микрообъективности, микросубъективности. Однако оно не имеет пока завершенного характера, и потребуются еще немало усилий на пути достижения реального единства макро- и микросоциологии.

Второе движение в отличие от первого, характерного больше для США, развивалось параллельно с ним в Европе. Интерес к интеграции теорий социального действия и структуры был особенно характерен для британских социологов М. Арчер и Э. Гидденса, польского социолога П. Штомпки, немецкого социолога Ю. Хабермаса, французского — П. Бурдьё. Первая попытка здесь принадлежала Гидденсу и была связана с его известной теорией структурации, в которой провозглашалась «дуальность» структуры и действия, что означало преодоление их параллельного анализа и стремление включить на концептуальном уровне действие в структуру, а структуру — в действие.

Третье движение базируется на выявлении большого количества попыток теоретического синтеза, но многие из них не ведут к развитию общей социологической теории, которая охватила бы все концепции (например, стремление синтезировать структурный функционализм с символическим интеракционизмом). Ряд попыток касается синтеза идей старой, классической и неоклассической социологии (к примеру, соединение идей Г. Зиммеля и Т. Парсонса). Все сколько-нибудь значимые и распространенные как в прошлом, так и в настоящем теории подвергаются синтезу, при этом в различных комбинациях. Более того, теоретический синтез выходит за пределы социологии и начинает распространяться на другие дисциплины (например, на социологию с историей, биологией, экономикой и т.д.).

Наконец, четвертое широкое движение в теоретической социологии связано с развитием метатеорий. Здесь главным является анализ в качестве предмета исследования самих теорий, существующих в социологии. Это теории модернизации, «общества риска», постмодернизма и др. Ин-

¹ См.: Ritzer G. Classical Sociological Theory N Y, 1996 P76-81.

терес к метатеоретической проблематике — это, по существу, интерес к систематическому изучению социологической теории, ее структуры (Э. Гоулднер, Дж. Ритцер, Р. Фридрихе).

Взгляд Ритцера на процессы, происходящие в западной теоретической социологии, не является, разумеется, единственным. Многие из крупных зарубежных социологов имеют на них свою точку зрения. Среди этих ученых — Дж. Александер, М. Арчер, Э. Гидденс, Н. Смелзер, А. Турэн, П. Штомпка и др.

Но важно и полезно рассмотреть движения и тенденции развития западной теоретической социологии, повороты и изменения в ней «со стороны». В этом отношении представляет значительный интерес позиция одного из ведущих отечественных социологов В.А. Ядова. Он полагает, что, во-первых, в новейших исследованиях теоретической социологии происходит переосмысление масштабов социального пространства в направлении его глобализации [Ядов. 1998. С. 23].

Во-вторых, в соответствии с позицией Ядова, другим важным поворотом теоретической мысли является перенос центра внимания с изучения социальных структур на социальные процессы. Само общество «представляется уже не столько в качестве объекта (группы, организации и т.д.), но как своего рода "ноле возможностей" социальных субъектов для проявления их деятельной активности. Ключевой единицей анализа становится то, что можно назвать "событием", действием социальных агентов. Последствия этих действий жестко не заданы, многовариантны» [Там же. С. 25].

Постмодернизм в социологии

На возникновение обоих поворотов в развитии теоретической социологии (по Ядову) заметное влияние оказала концепция, возможно, точнее, доктрина или даже парадигма постмодернизма. Постмодернизм выступает и как альтернатива модернизму, и как идеологическая позиция, и как теоретическая концепция. При этом во всех своих «ипостасях» постмодернизм не только противостоит модернизму, но, по существу, превращается в некое самостоятельное теоретико-идеологическое образование, оказывающее значительное воздействие на развитие уже имеющихся социологических теорий и появление новых.

Постмодернизм рассматривается как теоретическая инновация, которая «охватывает», характеризует будущее общество, либо пришедшее (приходящее) на смену современному, либо готовящееся к этой смене. В соответствии с утверждениями сторонников концепции постмодернизма, идет процесс складывания нового мирового сообществом нового сознания. В основе этого сообщества — рыночная экономика, либерально-демократические институты, культура с оттенком коммерциализации и др. Базирующаяся на них новая цивилизация стремительно расширяет свои границы. Это — глобальный процесс, он обрел такой характер и стал особенно успешным после крушения общественного строя в СССР и странах социалистической системы.

Благодаря этому и другим процессам (например, создание Европейского союза, введение единой валюты для стран, входящих в него) рушатся всяческие границы (не только территориальные), государственен нос п. в классическом смысле слова геряеч свое значение, «се национально-специфическое становится иллюзорным. Социальные изменения такого рода еще только недавно начались, однако у них очень большое будущее, и они являются непосредственной предпосылкой становления постмодернистского общества.

В связи с объединительными тенденциями в мире (к примеру, создание единой Европы) отдельные государства уступают мес го новым структурам. Их особенностью является высокий уровень стабильности. Уровень жизни в создаваемом новом обществе весьма высок, по и требования к странам, желающим вступить и него, очень строги. Для таких стран необходимо «повое сознание», являющееся результатом полного отказа от прошлого, потому что в новой глобальной системе — иостмодерпиемском обществе — не действуют старые категории.

В глобальной цивилизации, i.e. постмодернистском обществе, в отличие от теперешнего — модернистского — не будет иипертрофирования материального потребления, поскольку в наиболее развитых западных странах рубеж насыщения в этом отношении уже достигнут. Более того, как ошечал в своем докладе на XIIIВсемирном социологическом конгрессе в Билефельде в 1994 г. французский социолог А. Турен, современное европейское общество гораздо более материалистично, чем гуманистично. Пока оно продолжает оставаться в этом смысле весьма контрастным. Однако особенность постмодернизма в том и состоит, чтобы поставить вопрос о снятии этих контрастов, равно как и контрастов прошлого и будущего, традиций и современности.

Это были, так сказать, общие очертания постмодернистского общества. Что касается сути его концепции, то она — в признании разнообразия векторов развития различных обществ и культур, в отказе от европоцентристской схемы, «предписывающей» некоторую общую для всех стран и народов траекторию социально-экономического и культурно-исторического процесса. Возникнув как антитеза, своеобразная теоретико-идеологическая оппозиция модернизму, опирающемуся на идею направленного, прогрессирующего от этапа к этапу развития общества, постмодернизм базируется на ином убеждении. В его основе — утверждение о неопределенности направления социального развития, что, впрочем, вовсе не означает полного отрицания идеи социального прогресса. Признание последнего сочетается с тезисом о наличии поливариантности его путей. На самом деле ставятся под сомнение вопросы о том, что такое общественный прогресс и являются ли векторы, избранные различными странами для собственного развития, путями его достижения.

В социологии идут дискуссии о содержании постмодернизма и — особенно — о реальных возможностях воплощения в жизнь постмодернистских проектов, что является отражением определенной и теоретической, и

практической ситуации. Во-первых, концепции постмодернизма достаточно новы и аморфны. Во-вторых, поскольку в них анализируется будущее человеческого общества и охватывается комплекс вопросов, касающихся взаимоотношений различных стран, неизбежной становится некоторая размытость границ и очертаний самих теорий. В-третьих, в конце XX в. положение в мире так быстро и динамично видоизменялось, что это не могло не сказаться на содержании и направленности самого постмодернизма.

Говоря о дискуссиях по поводу постмодернизма, приведем несколько точек зрения, принадлежащих крупным современным социологам. В рамках одной из них доказывалось, что разговор о постмодернизме является преждевременным, поскольку сегодня требуется кардинальное переосмысление модернизма на путях его существенного обновления. Такая позиция может быть условно названа неомодернистской. Ее придерживаются Ю. Хабермас, Э. Гидденс, А. Турен и др.

Хабермас, например, считает, что хотя реалии человеческого бытия сейчас действительно не такие, как прежде, однако задачи, ими порождаемые, не изменились и нет оснований отказываться от их решения. Тот проект, который делал наш мир современным и давал ему право на это название, не доведен до конца. Поэтому задача «сильного» общества состоит в том, чтобы осуществить радикальное преобразование мира модерна, не уходя от него самого, его принципов и идеалов.

Гидденс, высказывая сходную точку зрения, находится в методологической оппозиции к постмодернизму, полагая, что общество модернистского типа на далеко не реализовало свой потенциал. По его мнению, главной особенностью этого потенциала является необыкновенный динамизм, который позволяет рассматривать модернистский мир как мир «отказавших тормозов». Современное же общество (рубеж XX—XXI вв.) английский социолог определяет как общество позднего модерна.

Оно характеризуется им с помощью четырех главных признаков: индустриализма

(базируется на широком использовании самой современной техники и технологии); капитализма (его база — производство товаров на основе действия конкурентных рынков продукции и рабочей силы); институтов контроля и надзора (они демонстрируют наличие и влияние власти и организации); монопольного господства государства над средствами насилия (в границах своих стран). К названным признакам Гидденс затем добавляет характеристику общества постмодерна как «общества риска» (в сознании людей понятие риска приходит на смену понятию судьбы). Наконец, что особенно важно отметить, в последних работах появляется еще одна, крайне значимая характеристика общества постмодерна — глобализация (подробнее о ней будет сказано чуть дальше).

В отличие от Хабермаса и Гидденса, английский социолог З. Бауман, придерживаясь постмодернистской стратегии развития общества, основанной на идее его декомпозиции и «исчезновения социального», прини-

мает тезис о завершении модерна, что, однако, не вызывает у него большого оптимизма. По мнению Баумана, «мы живем во времена не столько прогресса, сколько риска...». Отсюда возникает вопрос: возможны ли в принципе такие инновации, которые могли бы обеспечить создание совершенного общества, «принесет ли паука, измыслившая Цик-лон-Б и атомную бомбу, неминуемое конечное освобождение»? Это же касается и культуры, но уже в другом ключе. Бауман точно замечает следующее важное обстоятельство: «Современная культура была культурой сомнения, критики и сопротивления. Свой оптимизм относительно будущего она подпитывала пессимизмом в отношении настоящего. Если она выражала энтузиазм по поводу намерения, то обязательно осуждала и порицала его очередные практические воплощения. Предметом критики оказывались все очередные свершения современной цивилизации — ни одно не выдерживало испытания культурой» [Бауман. 1994. С. 75]. Это привело к тому, что критика результатов стала переходить в критику намерений. Подобные рассуждения убеждают Баумана в том, что проект постмодернистского общества является очень противоречивым.

Обращает на себя внимание попытка некоторых (прежде всего американских) социологов, рассматривающих проблему перехода к постмодернистскому обществу, считать его наиболее целесообразной моделью современное и будущее американское общество. Не имеет смысла раскрывать здесь весьма противоречивые его характеристики (хотя бы для того, чтобы не идеализировать эту модель). Главное — в другом. Сам пафос концепции постмодернизма не допускает апологетики какого-то конкретного общества, какой-то одной страны. Глобальная постмодернистская цивилизация — это некий симбиоз всего лучшего, что накопило человечество, это как бы равнодействующая параллелограмма сил, в качестве которых выступает опыт наиболее развитых стран.

Концепция глобализации в социологии

Концепция постмодернизма была центром дискуссий и различного рода социологических рефлексий в 1980-х — первой половине 1990-х гг. На смену ей во второй половине 1990-х гг. пришла логически вытекающая из нее концепция глобализации. Этот термин стал сегодня едва ли не самым популярным и в научной, и в публицистической литературе. Если же учесть, что в мире возникли не только теории глобализации, но и реальные протестные антиглобалистские движения, объединяющие представителей десятков стран, то становится понятной необходимость разобраться в содержании реальных процессов и теориях, их интерпретирующих.

Глобализация выступает как современный этап развития всего человеческого общества, поэтому она становится объектом особого, может быть, даже самого пристального социологического внимания. Оно обусловлено тем, что глобализация — это в первую очередь реальное развитие

цивилизации в конце XX— начале XXIV., представляющее собой создание единой и взаимосвязанной системы в области экономики, политики, культуры, массовых коммуникаций; это процесс возрастающего воздействия различных факторов международного значения на социальную действительность во всем мире; это усиливающаяся опасность мирового терроризма, ядерной войны, религиозного фундаментализма, уничтожения природной среды, эпидемиологических заболеваний и т.д. Перечень глобальных вопросов современности может быть значительно увеличен. При этом под ними мы будем понимать совокупность проблем, затрагивающих коренные жизненные интересы всего человечества и требующих совместных, коллективных решений со стороны большинства или хотя бы многих, в первую очередь развитых, стран.

Сегодня о глобализации не пишет только ленивый. Нас, однако, будут интересовать не любые, а лишь социологические интерпретации этого феномена. Одной из первых попыток его анализа стала характеристика глобализации производства, или экономической глобализации, рассматриваемой как процесс интеграции экономической деятельности во всемирном масштабе, главную роль в котором играют транснациональные корпорации. Появилось даже понятие глобального капиталиста как общей совокупности ролей, учреждений и структур, выполняющих функции капитала и внутри данного общества, и во всемирном масштабе.

Вначале глобализацию рассматривали как следствие влияния Запада, а посттрадиционное общество характеризовали как первое глобальное общество. Сегодня, однако, ясно, что глобализацию нельзя понимать только лишь как вестернизацию. Между тем такой подход можно было обнаружить в концепции мир-системного анализа И. Валлерстайна, особенно в ее начальном варианте, в котором имело место утверждение о глобальном превосходстве США — единственной сверхдержавы после разрушения Советского Союза. Сейчас понятно, что глобализация — это процесс в полной мере плюралистический.

Данную позицию отстаивает Р. Робертсон¹. Он считает, что глобализация должна рассматриваться не как исключительный результат развития Запада, его истории, а как следствие взаимодействия западных стран со всем остальным миром, причем взаимодействия многостороннего, происходящего в экономической, военно-политической, торгово-технологической, культурной, религиозной, коммуникативной и иных сферах. По мнению Робертсона, глобализация соединяет в себе многие образцы изменения и является итогом плюралистического развития мира.

Гидденс, уделивший проблеме глобализации большое внимание в связи с анализом общества позднего модерна, пишет, что на первый взгляд для людей это явление имеет место не «здесь и сейчас», в повседневной жизни, а где-то далеко, «там», во всемирных социальных отношениях.

¹Robertson R. Globalization L, 1992

Для социолога, однако, считает он, эта ситуация представляется совсем иной, и он рассматривает глобализацию как явление, которое затрагивает каждодневные интересы человека¹. Глобализация граюется английским социологом как интенсификация социальных отношений всемирного характера, которые связывают находящиеся на удалении друг от друг а локальные коп тексты жизни так, что процессы и события, происходящие в одном месте, обуславливают процессы и события, происходящие далеко от них, и, наоборот, сами обуславливаются ими².

Глобализация характеризуется Гиддепсом как естественное продолжение модерна в новых социально-экономических и политических условиях 1990-х гг., или условиях позднего модерна. При этом он говорит о нях основных чертах 1глобализации. Первая — .ко возникновение глобальной взаимосвязанное"! и экономических процессов, где, как уже отмечалось выше, существенную роль сыграли транснациональные корпорации. Вторая — это появление повой системы международных отношений между нациями — государствами. Третья черта определяется складыванием нового мирового военного порядка — с учетом того обстоятельства, что современное вооружение и военная сила приобретают глобальный характер, превращая локальные вооруженные конфликты во всеобщие. Четвертая означает дифференциацию и разделение труда между различными странами и частями планеты. Наконец, пятая черта, которая сегодня становится одной из наиболее значимых и обсуждаемых, — «культурная глобализация». Она означает бурное развитие технологий коммуникации, глобальный трансфер культурных ценностей, реальных достижений в области культуры, вкусов.

После того как были рассмотрены основные движения социальной мысли 1980— 1990-х гг. и определены их воздействия на социологию, целесообразно хотя бы кратко остановиться на некоторых появившихся в пей в этот период «объединительных» теориях. Это сущееіпенно значимо, поскольку из только что данной характеристики основных теоретических движений в социологии с очевидностью вытекает главная их тенденция и направленность — синтезировать и интегрировать лучшие достижения социологической науки, преодолеть их концептуальную разобщенность. Начнем с теории структуриации Гиддепса.

§ 2. Теория структуриации Э. Гидденса

Общая характеристика творчества Э. Гидденса

Энтони Гидденс (род. в 1938 г.), профессор Кембриджского университета, член Совета его Королевского колледжа, является одним из наиболее известных и авторитетных современных социологов. Многочисленныеработыуче-

¹ Giddens A In Defence of Sociology. Cambridge, 1996. P. 51.

² Ibidem.

пою свидетельствуют о его широких научных интересах в области социальной теории. В первую очередь следует отметить его труды, связанные с интерпретацией классической социологической теории: «Капитализм и современная социальная теория» (1971), «Политика и социология в учении Макса Вебера» (1972), «Э. Дюркгейм» (1978). Главным направлением в творчестве Гидденса на протяжении многих лет была и остается разработка теорий социального действия, социальной организации, социальной структуры и социальных институтов. Проблемам этих теорий были посвящены такие его работы, как «Новые правила социологического метода» (1976), «Изучение социальной и политической теории» (1977), «Центральные проблемы социальной теории» (1979), «Контур и критика в социальной теории» (1983), «Копти гуированис общества: очерк теории структуризации» (1984).

В 1980-х гг. Гидденс начал интенсивную критику теоретической ограниченности исторического материализма («Современная критика исторического материализма», 1981). В последние полтора десятилетия английский социолог ратует за интеграцию социологии с другими науками, разрабатывающими проблемы государства и права, социальных конфликтов и глобализации, модернизма и постмодернизма (начало этим объединительным идеям было положено в книге «Национальное государство и насилие», 1985). Большое внимание он уделяет анализу понятия современности и ее актуальных проблем («Последствия современности», 1990; «Современность и самоидентичность», 1991).

Особое место в творчестве ученого занимает написание учебников по социологии (1982, 1989, 1991, 1993), которые по справедливости считаются одними из лучших в мире. На русский язык его учебники были переведены дважды: первый раз в виде реферированного издания [Гидденс. 1991], второй раз — в полном варианте [Гидденс. 1999].

Специально следует сказать о новом учебнике Гидденса, изданном в Оксфорде в 2001 г. Его можно смело назвать учебником нового поколения. Будучи по объему намного меньше прежних (428 с границ вместо 815 страниц учебника 1989 г.), информационно он значительно более емкий за счет обращения к гипертексту и использованию его ресурсов. Учебник сопровождается вебсайтом, который обеспечивает его информационную поддержку. В книге отражены все серьезные социальные, политические и экономические преобразования, произошедшие в мире в конце XX в.

Основные положения и понятия теории структуризации

Главным концептуальным достижением Гидденса стала теория структуризации. Ее основные положения изложены в работе 1984 г. «Конституирование общества: очерк теории структуризации»¹ и развиты в последующих

¹ Перевод на русский язык главы из этой книги см.: Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С 40—72.

трудах конца 1980-х— 1990-х гг. В этой теории ученый ставит задачу преодолеть ограниченность предшествующей ортодоксальной социологии. Последняя объясняла человеческое действие внешними социальными причинами (например, по Дюркгейму, та или иная структура общества является внешней по отношению к индивиду и принуждает его к определенному поведению).

Между тем природу действия необходимо понимать, считает Гидденс, на основании знания подлинных внутренних побуждений самого действия, его структуры, которая является не только «принуждающим», но и «внутренним» фактором, дающим индивиду определенные возможности. Действие рассматривается ученым сквозь призму его рекурсивного характера, т.е. как воспроизводство условий, которые делают возможной деятельность социальных агентов. При этом действие характеризуется как непрерывный процесс мышления и поведения, как *duree* (французский термин, означающий процесс, длящийся во времени).

По мнению социолога, и объективно, и субъективно структура и действие не могут существовать отдельно друг от друга. В то же время в социологической науке их изучение оказалось разобщенным. Анализ взаимосвязи структуры и действия стал центральной задачей теории структуризации. Она оказалась направленной на осмысление процесса воспроизводства социальных систем через совокупность социальных практик, взаимодействующих структур и действий в пространстве и времени.

Эта теория призвана, считает Гидденс, преодолеть разногласия, существующие между, с одной стороны, функционализмом и структурализмом, с другой — различными формами интерпретативной социологии. Если в первых двух приоритет в объяснении общества и человеческого поведения отдан трактовке понятия структуры и при этом они склонны к объективизму, то интерпретативные концепции обнаруживают заметное стремление к преимущественному анализу действий и значений, подчеркивая при этом доминанту субъективного.

С учетом сформулированной цели теории структуризации — преодолеть указанные выше разногласия — предметом социальных наук, по Гидденсу, является анализ социальных практик, упорядоченных в пространстве и во времени. Поскольку социальная деятельность оказывается повторяющейся и постоянно воспроизводится социальными агентами (действующими субъектами), постольку сами практики становятся преемственными, что предполагает их рефлексивность. На этом положении базируется теория структуризации.

Одним из центральных понятий этой теории является понятие агента (социального агента), которое ученый раскрывает через описание его стратификационной модели. Она включает в себя три уровня: мотивацию действия, его рационализацию и рефлексивный мониторинг действия¹. Уро-

— Современная социальная теория: Бурье, Гидденс, Хабермас. С 43—51.

вень мотивации рассматривается социологом как потенциал действия, как те желания (осознанные и неосознанные), которые побуждают агента к действию. Рационализация действия — это способность индивида рутинно и без особой суеты поддерживать понимание оснований своей деятельности. Рефлексивный мониторинг действия характеризуется Гидденсом как непрерывное отслеживание индивидом своих действий, действий других людей, а также существующих и складывающихся условий действия.

Для чего социологу понадобилась эта трехуровневая модель социального агента? Вероятно, прежде всего для того, чтобы показать процессуальный характер самого действия и его структуры, без чего создать конструкцию теории структуриации было бы нельзя.

В связи со сказанным нужно иметь в виду, что сам термин «структуриация» направлен на выявление потенциала понятия «структура» как категории динамической (в отличие от традиционной статической ее трактовки). Рассматривая понятие структуры, Гидденс стремится показать его богатые возможности, выходящие далеко за пределы традиционного использования этого понятия, причем применительно к определенным институционализированным явлениям (структура общества, классовая структура, социальная структура и т.д.). Одна из таких новых возможностей — характеристика структуры как порядка воспроизводства социальных практик во времени и пространстве.

Поскольку социальные практики очень многообразны (в одной и той же стране в разные периоды ее развития, в разных странах), постольку возникает проблема их упорядочения. Именно это и делают люди как социальные агенты (активные социальные деятели) благодаря своим действиям. Другими словами, их действия производят структуры — не как какие-то застывшие институциональные образования, а как живые, постоянно изменяющиеся социальные практики. Структура в этом случае выступает как образец социальных отношений, существующий в данном времени и в данном пространстве.

Рассматривая понятие структуры в самых различных социальных концепциях (структурализма, функционализма, постструктурализма), социолог приходит к выводу о необходимости иного его толкования. Он считает, что структура в социальном анализе «относится к структурирующим качествам, позволяющим "связывать" время и пространство в социальных системах, качествам, которые обуславливают существование более или менее одинаковых социальных практик во времени и пространстве и которые придают им "систематическую" форму»¹.

С учетом такого подхода к структуре Гидденс рассматривает структурные качества как иерархически организованные, в терминах пространственно-временной протяженности практик, которые они периодически организуют. Отсюда следует его рассуждение, ведущее от трактовки

¹ Там же С. 53-54.

структуры через ее пространственно-временные характеристики и качества, а также практики, возникающие и процессе социального воспроизводства, к новому осмыслению (или переосмыслению) того, что представляют собой социальные институты. В этой связи социолог пишет: «Наиболее глубокие структурные качества, присутствующие в воспроизводстве социальных тотальностей, я называю структурными принципами. Практики, имеющие наибольшую пространственно-временную протяженность в рамках таких тотальностей, можно назвать институтами»¹.

Новое понимание структуры понадобилось Гидденсу для того, чтобы преодолеть ее ортодоксальное социологическое употребление. Но при этом он не настаивает на отказе от традиционных трактовок данного термина, поскольку без них могут быть утеряны некие общие институциональные черты общества.

Дуальность структуры

В теории структуризации ключевым является положение о дуальности структуры как взаимосвязи структуры и действия. В несколько упрощенной формуле эта дуальность может быть выражена так: действие структурно (структурировано), структура «действительна». Социолог считает, что «строение агентов и структур нельзя представлять как два независимо заданных ряда явлений, т.е. как дуализм. Это дуальность»².

Гидденс в определенном смысле слова противопоставляет дуальность и дуализм. Взамен последнего, предполагающего параллельность и даже оппозицию существования социального и индивидуального, ученый вводит понятие дуальности как их взаимосвязи. Именно так вместо дуализма «общество — индивид» появляется дуальность «структура — агентность». Она предполагает, что структура реализует себя через социальные действия агентов, сами же действия имеют социально-структурированный характер.

Раскрывая дуальность структуры, основанной на повторяющемся характере человеческой деятельности, связанной с социальным воспроизводством, Гидденс подчеркивает, что «структурные качества социальных систем являются как средством, так и результатом практик, которые они регулярно организуют»³. Дуальность означает также наличие своеобразных «отпечатков» социальной практики в памяти индивидов, осмысления собственных социальных возможностей и возможностей других людей.

Рассматривая предпосылки теории структуризации и ее «дуалистический» характер, английский социолог утверждает: одна из главных среди них заключается в том, что «правила и ресурсы, вовлеченные в производство и воспроизводство социального действия, в то же самое время явля-

¹ Современная социальная теория" Бурье, Гидденс, Хабермас. С. 54

² Там же. С. 61

³ Там же.

ются средствами системного воспроизводства (дуальность структуры)»¹. Отсюда — проблема правил и ресурсов как двух видов структур в социальной жизни.

К правилам относятся те процедуры, которым люди должны следовать в жизни, благодаря чему они участвуют в повседневных социальных практиках. «Правила, как я их понимаю, — пишет Гиддес, — обязательно вторгаются в бесчисленные рутинные практики, но рутинная практика как таковая сама по себе не является правилом»². Как и правила, ресурсы возникают также в ходе деятельности людей, «это средства, с помощью которых исполняется власть, рутинная составляющая осуществления поведения в социальном воспроизводстве»³.

Английский социолог рассматривает правила и ресурсы, относящиеся к институтам, как самые важные аспекты структуры. Сами же институты определяются им как «наиболее стабильные черты социальной жизни». Говоря о структурных качествах социальных систем, Гиддес имеет в виду прежде всего их институциональные черты, придающие «жесткость» во времени и пространстве⁴.

Английский социолог различает две категории ресурсов — аллокативные и авторитарные. Первые — это средства, обеспечивающие господство индивидов над материальными объектами, сюда можно отнести средства производства, сырье, произведенные товары. Авторитарные ресурсы означают средства, обеспечивающие индивидам управление деятельностью других. К ним можно отнести нематериальные ресурсы: организацию отношений между людьми, жизненные планы людей, способность одних доминировать над другими и т.д. И аллокативные, и авторитарные ресурсы становятся реальными структурами только тогда, когда воспроизводятся в процессе взаимодействия между людьми. Сами по себе эти ресурсы структурами не являются.

В теории структуризации проявляется quintessence подхода Гиддеса к социологии. Любое социальное явление, процесс, конкретную ситуацию он анализирует сквозь призму взаимосвязи социального и личностного. Можно сказать, что в этом — кредо автора. В социологам личностное начало вне социального контекста существовать не может. Они взаимосвязаны настолько, насколько не могут быть независимыми друг от друга.

При этом под социальным в теории структуризации понимаются и системы в обществе, и институты, хотя «ядром» выступают общественные структуры, проявляющиеся в действиях социальных акторов. Именно через взаимосвязь социальных действий и социальных структур в концепции Гиддеса рассматривается теория общества. Благодаря такому подходу осуществляется попытка преодолеть односторонность объективистского и

—¹ Там же. С. 55.

² Там же.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 59

субъективистского рассмотрения социального и личного в процессе анализа их взаимодействия.

Нельзя также забывать о том, что взаимосвязь социального и личного получила в теории структуризации ранее не встречавшийся в социологических концепциях поворот. Речь идет о пространственно-временном аспекте их взаимодействия, который является едва ли не основным для объяснения структурных принципов организации, производства и воспроизводства современных практик. Понимание того, что этот процесс осуществляется в условиях социально упорядоченного пространственно-временного континуума, является важной составляющей теории структуризации.

Время и пространство социолог считает фундаментальными условиями социальных действий агентов и социальных практик. При этом пространство как социальная среда взаимодействия всегда включает в себя время, последнее же «осуществляется» в пространстве. Следовательно, в социальных действиях и практиках пространство оказывается всегда связанным со временем. Поэтому английский ученый постоянно использует термин (по формальной аналогии с теорией относительности) «пространство-время». Пространство оказывается важнейшим фактором координации социальных действий агентов во времени, время же детерминирует определенную пространственную организацию. Отсюда — идея «зонирования» общества и его конкретных структур (например, города, квартиры) в рамках упорядоченного пространственно-временного континуума.

Завершая описание теории структуризации, необходимо отметить, что она имеет интегративный характер, соединяя в анализе теории социального действия и социальной структуры, объективистские и субъективистские подходы, макро- и микроуровни, пространственные и временные параметры социальных действий, социальных практик и социальных институтов. При этом в теории структуризации социальные действия агентов, их совокупность рассматриваются в качестве социальной практики. Социология же, по мнению Гидденса, призвана объяснить производство и воспроизводство общества как результат социальных действий.

В чем теоретический (а отчасти и практический) пафос этой концепции? С одной стороны, в стремлении доказать активное начало как структуры, так и действия. Структура может влиять на человеческое поведение благодаря знанию правил и умению использовать ресурсы. Тем более, что в обществе всегда существует определенный запас знания, большое количество «общего знания» в отношении того, как поступать человеку, как вести себя в повседневной жизни. С другой стороны, теория структуризации стремится ответить на вопрос, как возможно существование общества, организованной общественной жизни. Выясняется, что основание социального порядка находится в повторяющемся характере социальной деятельности, ее связи с регулярными социальными практиками на базе взаимозависимости структуры и действия.

§ 3. Теория социального пространства П. Бурдьё

Общая характеристика творчества П. Бурдьё

Выше было показано, что Э. Гидденс в своей объединительной концепции шел от субъекта действия к социальной структуре. В это же время его французский коллега П. Бурдьё осуществлял путь теоретического синтеза в противоположном направлении, двигаясь в своем теоретическом анализе от социальной структуры к активному субъекту действия (агенту).

Пьер Бурдьё (1930—2002) является одним из ведущих французских социологов последней трети XXв. Первые его социологические сочинения были написаны в алжирский период жизни и творчества. Это «Социология в Алжире» (1961) и «Труд и трудящиеся в Алжире» (1964). Переехав во Францию, Бурдьё стал директором-исследователем в Высшей практической исследовательской школе, а затем основал Центр европейской социологии. В 1981 г. избран действительным членом Французской академии и получил почетный пост заведующего кафедрой социологии в Коллеж де Франс. Он также был главным редактором одного из ведущих социологических журналов Франции и директором книжного издательства. Бурдьё написал 35 монографий и опубликовал сотни статей в самых серьезных социологических изданиях мира. Среди крупных работ — «Педагогическое отношение и коммуникация» (1965), «Ремесло социолога» (1968), «Воспроизводство» (1970), «Различие» (1980), «Практический смысл» (1980), «Говорящие вещи» (1987), «Ответы» (1992), «Нищета мира» (1993), «Практический разум. К теории действия» (1994), «Наука о науке и рефлексивности» (2001) и др. На русском языке издано несколько работ Бурдьё, в том числе «Социология политики» (1993) и «Начала» (1994), на которые в дальнейшем мы будем неоднократно ссылаться.

Круг научных интересов французского социолога был необыкновенно широк. Среди проблем, его волновавших, — социальное воспроизводство, проблемы образования, студенчества, эмигрантов, безработных, рабочих, крестьян, молодежи, государства, власти, политики, СМИ, литературы, социальной науки и др. Он участвовал во многих социологических исследованиях и политических акциях, являя тем самым пример ученого, для которого теория и практика не отделены друг от друга «китайской стеной».

Основные положения теории социального пространства

Поставив в название раздела одну из теорий (социального пространства), созданных Бурдьё, мы должны осознавать, что она тесно связана с другими его теориями — социального поля, габитуса, практики, капитала. Это тем более важно представлять, что в отечественной литературе, посвященной анализу его творчества, отдельные авторы в качестве его теорий рассматривают генетический структурализм, социологию символических форм, концепцию габитуса, концепцию поля и др. О них и центральных

понятиях, положенных в их основу, далее также будет сказано. Выдвигая в качестве наиболее общей теорию социального пространства, мы шким путем стремимся рассмотреть сквозь ее призму все остальные концепты (понятия), характеризующие Бурдьё.

Понятие социального пространства является для французским о ученого одним из ключевых в социологической науке, которая выступает в его трактовке как социальная топология. В самом общем виде социальное пространство у него «представляет собой совокупность агентов, наделенных различными и систематически взаимосвязанными свойствами...» [Бурдьё. 1994. С. 195]. Вместе с тем социальное пространство — это связи и взаимодействия, которые устанавливаются между людьми (агентами) и социальными группами. По мнению социолога, «социальное пространство сконструировано так, что агенты, занимающие сходные или соседние позиции, находятся в сходных условиях, подчиняются сходным обусловленностям и имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а следовательно, производить сходные практики» [Там же. С. 188—189].

Как и другие теоретические понятия, которые использует Бурдьё, категория социального пространства не является новой. Однако социолог вносит в «жизнь» этого понятия дополнительное «дыхание», соотнося социальное, физическое и географическое пространства. Хотя они тесно связаны и даже переплетены, но различаются между собой. «То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, — пишет он, — является социально обозначенным и сконструированным. Физическое пространство не может мыслиться в таком своем качестве иначе, как через абстракцию (физическая география), т.е. игнорируя решительным образом все, чему оно обязано, являясь обитаемым и присвоенным. Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии...» [Там же. С. 39—40].

Для французского социолога социальное пространство выступает изначально как абстрактное пространство. Конкретным оно становится тогда, когда конституируется ансамблем подпространств или полей. Социальное пространство включает в себя поля, выступающие как-системы объективных связей между различными позициями (например, государство, церковь, политические партии, система образования и т.д.). Бурдьё выделяет самые различные поля: экономическое, политическое, религиозное и др. Эти поля представляют собой структурированные пространства позиций, определяющих основные свойства самих полей.

Изучая различные виды полей в структуре социального пространства, Бурдьё особое значение придает полю экономического производства. Он указывает: «В реальности социальное пространство есть многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей, т.е. подчиненных в большей или меньшей степени прочно и непосредственно в своем функционировании и в своем изменении полю экономического производства:

внутри каждого подпространства те, кто занимает доминирующую позицию и ге, кто занимает подчиненную позицию, беспрестанно вовлечены в различного рода борьбу...» [Там же. С. 82].

Французский социолог рассматривает социальное пространство прежде всего как средство (или способ) реализации социальной дифференциации (деления), выступающей как совокупность занимаемых агентами социальных позиций. Но оно есть в то же время и видение этой дифференциации (деления). Бурдьё *puinei*, что «можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированных совокупностью действующих свойств в рассматриваемом универсуме, т.е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов, таким образом, определяются по их относительным позициям в этом пространстве. Каждый из них размещен в позиции и в классы, определенные по отношению к соседним позициям (т.е. в определенной области данного пространства), и нельзя реально занимать две противоположные области в пространстве, даже если мысленно это возможно» [Там же. С. 55—56].

Структура социального пространства и подпространств — нолей включает в себя три группы капитала: экономический, культурный, социальный капитал. Экономический капитал — это ресурсы, имеющие экономическую природу (товары и деньги в первую очередь). Культурный капитал — это ресурсы, имеющие культурную природу (прежде всего различные виды образования и культурный уровень индивидов). Социальный капитал — это ресурсы, связанные с принадлежностью к той или иной социальной общности (в основном связи, которыми можно воспользоваться индивиду через ее членов). Распределение различных видов капитала в обществе также характеризует его социальное пространство. Отсюда у Бурдьё следует постановка проблемы власти над капиталом, что означает то же самое, что и власть над социальным пространством.

Понятие социального пространства позволяет ему преодолеть, как он считает, односторонность объективизма и субъективизма, структурализма и конструктивизма, используя при этом все названные теоретические направления для объяснения социальных процессов и того, как происходит их восприятие. В работе «Социальное пространство и символическая власть» (в ее основе — текст лекции, прочитанной в 1986 г.) социолог подчеркивает, имея в виду преодоление односторонности объективизма и субъективизма, что объективные структуры, конструируемые социологом в процессе отстранения от субъективных предст авлений агентов, лежат в основе последних, но они должны быть усвоены в процессе повседневной борьбы, нацеленной па трансформацию или сохранение объективных структур. В другой работе он пишет: «Социальное пространство... вписано одновременно в объективность пространственных структур и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур» [Там же. С. 38].

Что же касается второй пары — структурализма и конструктивизма — и преодоления односторонности каждого из них, то здесь он также высказывает не менее определенно: «С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире, а не только в символике, языке, мифах и т.п. существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны, социальных структур и, в частности, того, что я называю полями или группами и что обычно называют социальными классами» [Бурдьё. 1994. С. 181—182].

Основные положения концепции габитуса

В приведенной цитате, и это наверняка заметил читатель, присутствует еще одно ключевое понятие, на основе которого у Бурдьё, как отмечалось выше, создается целая теоретическая концепция, — габитус. Термин этот не нов и, как отмечает сам социолог, неоднократно использовался до него Г. Гегелем, Э. Дюркгеймом, М. Вебером и другими мыслителями. Габитус — многозначное понятие. Во-первых, под ним понимаются «системы прочных приобретенных предрасположенностей (диспозиций)»¹, которые производятся объективной структурированной социальной средой. Во-вторых, габитус — это «бесконечная способность для производства мыслей, восприятий, выражений и действий»². В-третьих, габитус — это «продукт истории», который «производит индивидуальные и коллективные практики — опять историю — в соответствии со схемами, порождаемыми историей»³.

Что дает понятие габитуса в его социологическом истолковании? Использование этого понятия позволяет объяснить социальный мир, взятый как в его историческом, так и актуальном срезе, с точки зрения упорядоченности происходящих в нем процессов. Поскольку габитус — это система диспозиций, предрасположенностей, имеющих как индивидуальный, так и коллективный характер, постольку они как бы «накладываются» на социальные процессы, приводя их в сознании человека в порядок. Тогда габитус превращается в средство (механизм), управляющее, с одной стороны, поведением индивида, с другой — направленное на объективирование практик и упорядочение условий окружающей человека среды. Габитус создает условия для проявления свободы выбора агента и вместе с тем ограничивает его субъективные устремления путем формирования барьеров, установления пределов активности индивидов. Это значит, что габитус позволяет агенту ориентироваться в социальном пространстве и адекватно реагировать на происходящие события и имеющие место ситуации.

••1

* Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, С 17- 18.

² Там же С. 20

³ Там же С 19.

Габтус формируется постепенно и поэтапно, в процессе социализации личности. Вначале речь может идти о складывании первичного габтуса в семье, затем — вторичного — в процессе осуществления школьного образования. Потом в процесс формирования личности включаются все новые структуры, и это означает появление иных форм габтуса. Число диспозиций (нредрасполо-жснностей) личности увеличивается, качество габтуса усложняется.

Роль габтуса не исчерпывается сказанным. Использование этого понятия позволяет преодолеть различие между объективизмом и субъективизмом, структурой и практикой и объединить их в анализе социальной реальности и ее восприятия, т. е. реализовать ту «синтезирующую» цель, к достижению которой постоянно стремился Бурдьё. С этой точки зрения представляет интерес следующее его утверждение: «Габтус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, в которой он¹ был сформирован. Вследствие этого габтус производит нрактики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла» [Бурдьё. 1994. С. 193—194].

В приведенных нами характеристиках габтуса нетрудно было обнаружить постоянно используемое Бурдьё понятие практики. Оно имеет, как и многие употребляемые французским социологом категории, несколько аспектов и значений. Конечно, практики — это содержание и результат деятельности агентов. При этом имеются в виду и сами социальные действия, и коммуникации, возникающие между агентами в связи с этими действиями, и социальные формы, «творимые» практиками. Но не только. Практики, как часто подчеркивал Бурдьё, — это осуществление социальных структур. Последние являются главными причинами практик. Таким образом, практики реализуют своеобразное двойное структурирование социальной действительности: вначале как источник габтуса, через него — системы представлений, затем — будучи его результатом — самой структуры реальных отношений.

Выше были рассмотрены теории, выполненные в русле стремления их авторов к объединению различных, на первый взгляд не соединяемых концепций: структуры и действия, объективизма и субъективизма, структурализма и конструктивизма. Еще одной такой теорией является теория социальных изменений П. Штомпки.

§ 4. Теория социальных изменений П. Штомпки

Теория структуризации Гидденса послужила в определенной мере толчком для появления в 1990-х гг. работ польского социолога, профессора Ягсл-лонского университета Петра Штомпки, посвященных комплексному и

целостному анализу социального становления и социального изменения¹. Прежде всего следует отметить, что рассматриваемая теория социальных изменений удивительно четко вписывается в те трансформации современной теоретической социологии, которые были обозначены нами выше в ходе анализа позиции В.Л. Ядова. Назовем их еще раз в лаконичном варианте. По мнению российского социолога, в новейшей теоретической социологии совершаются (совершены) два принципиальных нововведения: а) переосмысление масштабов социального пространства в сторону его глобализации; б) перенос центра внимания с изучения социальных структур на социальные процессы и изменения².

Эти повороты хорошо просматриваются в теории социальных изменений Штомпки, за счет чего она оказывается вполне адекватной современным процессам и общественным реалиям. Необходимо сделать лишь одно небольшое уточнение. Сами социальные структуры рассматриваются польским социологом «процессуально», что составляет одну из главных особенностей его подхода. Именно здесь и сказывается влияние теории структуризации Гидденса.

Основными составляющими теоретической модели Штомпки являются четыре категории: структуры, деятели (агенты), деятельность, действие. Уже здесь нетрудно обнаружить определенное сходство с «дуальностью» структуры Гидденса, по крайней мере в стремлении соединить два узловых понятия: структуру и действие. Но дальше дискурс (стиль мышления и способ аргументации) Штомпки приобретает иную направленность.

Главным становится анализ взаимодействия структур друг с другом по отношению к субъектам действия. Оказывается, что структуры проявляют себя совершенно независимо и неожиданно (эмерджентно). Польский социолог говорит о трех формах независимой динамики структур, которые он рассматривает в виде трех принципов: инерции, момента, последовательности. Принцип инерции означает, что «обычно предпочтительнее, чтобы функционирование продолжалось в том же режиме, без радикальных поворотов (например, в странах «реального социализма» в течение долгого времени типичной реакцией на экономические трудности было скорее повышение цен и налогов, нежели переход от планируемой к рыночно-ориентированной экономике...)». Принцип момента состоит в том, что за определенной стадией чаще всего наступает следующая (если, к примеру, сделаны инвестиции в какую-то определенную сферу экономики, это влечет за собой и инвестиции в другие сферы, с ней связанные). Наконец, принцип последовательности заключается в том, что «следующие одна за другой фазы не могут быть пропущены (например, экономику нельзя модернизировать без предварительного обучения рабочей силы...)». Все эти примеры Штомпка приводит для того,

¹ Основные концептуальные положения Э1 от анализа содержатся в 15-й главе книги (Штомпка 1996. С. 268-292).

² Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 13-14.

ч юбы показать: структуры в обществе могут проявить себя относительно индивидов самым неожиданным образом [Шгомика. 1996. С. 269—270].

И(есмотря на то что структуры независимы от агентов и в этом смысле могут «вести себя» неожиданным образом, они не в состоянии существовать без субъектов деятельности. В свою очередь, сами агенты в реальной действительности обязательно включены в структуры. «Мы, — пишет Шгомика, — не найдем ни одного примера в общественной жизни, в котором не было бы слияния структур и агентов, операций и действия. Покажи- 1 с мне агента, который не встроен в какую-нибудь структуру, или структуру, которая существует отдельно от индивидов, или действие, которое не включено в социальные операции, или, наконец, социальное оперирование, которое не распадается па действия. Нет бесструктурных агентов, и нет бе-загентных структур» [Там же. С. 272]. В этом контексте польского социолога поражает мудрость сентенции, приписываемой Ч. Кули: «Личность и общество — близнецы-братья». Нам же так и хочется добавить слова В.В. Маяковского (сказанные, правда, совсем по другому поводу): «Кто более матери-истории (читай: социологии. — Г.З.) ценен?»

То, что было сказано, — лишь исходный момент модели социального становления, разработанной Штомпкой. Чтобы она «не повисла в воздухе», социолог помещает ее в двуединую среду, включающую природу и сознание. Первую он рассматривает как неизбежный «контейнер», в котором «помещается» социальная жизнь. Это внешние природные условия, в которых действуют люди и оперируют структуры. Природная среда включает в себя и внутренние черты индивидов, в целом же она влияет на общество не только извне, но и изнутри — через биологическую конституцию и генетический багаж популяции. Что касается второй среды — сознания, среды мыслей, верований, идей, то оно (социолог рассматривает сознание в трех видах — как индивидуальное, коллективное и социальное) не только воздействует па практику, но и является «посредником» между природной средой и человеком (обществом).

Наконец, еще один элемент модели социального становления, без которого ее нельзя понять, — фактор времени. Как пишет Штомпка, «и природа, и сознание вступают во взаимоотношения с обществом, которое формирует и формируется одновременно» [Там же. С. 287]. Несмотря на эту одновременность, исторический процесс рассматривается им как смена различных временных точек самопреобразования общества. Схематично социолог предлагает пять таких точек: общество в далеком прошлом, общество в прошлом, общество сегодня, в настоящем, общество в будущем, общество в отдаленном будущем.

Процесс исторического развития осуществляется, согласно модели социально! о становления, благодаря наличию четырех типов причинных узлов: структурных воздействий, способностей субъектов, «очеловеченной природы», видоизменяющегося сознания. Эти узлы и составляют, по мне-

нию ученого, механизм социального становления исторического процесса. Сам исторический процесс непрерывен, ничем не предопределен и не необходим. История имеет множество альтернативных путей развития.

Рассматривая исторические изменения, польский социолог доказывает, что они «охватывают не только действия и практику, не только природу и сознание, но и связи между всеми ними, способы, которыми они объединяются и своими действиями порождают социальную динамику». Таким образом, к своей модели Штомки добавляет самый последний, наиболее сложный узел обратной связи: «дело не только в том, что деятельность агентов (субъектов) изменяется в процессе их собственной практики, но и в том, что само социальное становление изменяет свой облик в ходе истории» [Штомпка. 1996. С. 290].

Завершая анализ концепции социального изменения, следует отметить как ее реалистический, так и в целом оптимистический характер. Социолог видит в качестве общего знаменателя основных тенденций исторического процесса растущий контроль над природной средой, управление ею и обособление от нее. Общество, с одной стороны, постепенно подчиняет природные ресурсы потребностям людей, с другой — стремится к собственной защите от негативного воздействия природы. Что касается сознания, то благодаря росту знаний, развенчанию всякого рода мифов, иллюзий и других продуктов «ложного сознания», становится возможным точнее предвидеть, планировать и целенаправленно изменять социальную жизнь.

§ 5. Теория социальных систем Н. Лумана *Общая*

характеристика творчества Н. Лумана

Сколько-нибудь полное и законченное представление о современных движениях и теориях в социологии нельзя получить, специально не обращаясь к анализу творчества немецкого социолога Никласа Лумана (1927—2000). Занимая достойное место в ряду объединительных концепций 1980—1990-х гг., социологическая теория Лумана стоит несколько особняком, продолжая традиции общетеоретических построений 1930—1960-х гг. с их попытками объяснить многие социальные проблемы общества, выходя за его пределы.

Получив юридическое образование сразу после войны, он в течение 1950-х — начала 1960-х гг. работал по специальности в органах управления и Министерстве культуры, после чего сменил профессию, став социологом. Этому в немалой степени способствовало изучение социологии Луманом в Гарвардском университете в начале 1960-х гг., где он подробно познакомился с теориями структурно-функционального анализа и социального действия Т. Парсонса. Защитив докторскую диссертацию, Луман во второй половине 1960-х гг. переходит на преподавательскую работу в университет. С открытием нового университета в Билефельде

социолог в 1968 г. получает в нем кафедру и должность профессора до конца жизни. Решение о проведении XIII Всемирного социологического конгресса в Билефельде в 1994 г. было принято, в числе прочих причин, и как дань уважения творчеству Лумана — одного из крупнейших современных социологов. Не случайно он выступал на конгрессе с основным пленарным докладом и был участником центральной дискуссии с широко известным в социологическом мире французским ученым А. Турепом.

В начальный период своего творчества Луман создавал научные труды, на которые наложило отпечаток его юридическое образование и соответствующая ему профессиональная деятельность. К ним относятся: «Функции и следствия формальной организации» (1964), «Понятие цели и рациональность системы» (1968), «Легитимация посредством действия» (1969).

Основная работа социолога, в которой развернуто изложены идеи его теории самореферентной системы и общей теории общества — «Социальные системы: очерк общей теории» (1984). Целый ряд его трудов был посвящен исследованию как общества в целом, так и его отдельных функциональных систем. Это: двухтомник «Структура общества и семантика» (1981—1982), трехтомник «Социологическое просвещение» (вобравший в себя статьи, написанные в период 1970—1984 гг.), «Общественная экономика» (1988), «Общественная наука» (1990), «Очерки самореференции» (1990), «Экологическая коммуникация» (1992), «Общественное право» (1993) и др. На русский язык переводились и издавались отдельные статьи и фрагменты из работ Лумана¹.

Теория общества как системы

Основными причинами появления новой теории социальных систем Лумана, которая превратилась в одну из наиболее популярных теорий общества в конце 1980-х—1990-е гг., были по меньшей мере две. Одна из них заключалась в резко возросшей сложности социального организма и неспособности объяснить новые процессы, происходящие в нем, со старых, «классических» позиций.

Луман в данном случае говорит о существовании в социологии трех предубеждений в отношении общества, которые следует преодолеть. Первое касается допущения того, что общество состоит из людей или из отношений между ними. На самом деле оно имеет совершенно иную структуру и иные системные характеристики. Второе предубеждение заключается в допущении территориального многообразия обществ, означающего отграничение

¹ Таутология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос М., 1991 Вып 1.; Понятие общества. Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994, Теория общества // Теория общества. Фундаментальные проблемы М., 1999; Решения в «информационном обществе». Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии. СПб, 2000. Вып. 3

каждой страны от другой (Китай — это одно общество, Бразилия - другое и т.д.) и признание того, что общества суть региональные, территориально ограниченные единства. Реально же понятие территориальных фаций обществ становится излишним в силу нового понимания социальной систем]»!, базирующейся на взаимосвязи коммуникаций. Третье предубеждение имеет теоретико-познавательный характер и следует из различия и даже противопоставления субъекта и объекта. Между тем в последнее время оно теряет смысл в условиях появления новых объединительных теорий и парадигм [Луман. 1994. С. 27—281. Существование таких подходов к трактовке общества не позволяет дать его строгое описание и самописание.

В том случае, считает Луман, когда «понятие общества сопрягается с человеком, в него включается слишком много; в случае территориального понятия общества — слишком мало. В обоих случаях за непригодные понятия такого рода держатся, видимо, потому, что об обществе хотели бы думать как о чем-то, что возможно наблюдать извне» [Луман. 1999. С. 202]. Но именно это и блокирует познание общества, которое должно осуществляться из «себя самого». Указанные выше характеристики (предубеждения) социолог отказывается рассматривать в качестве критериев для дефиниции понятия общества и определения границ его теории. Между тем, считает социолог, понятие общества должно быть образовано автологично (в переводе с греческого «автология» означает употребление слова в его собственном, прямом значении) и содержать «само себя».

Другая причина появления теории социальных систем Лумана состоит в необходимости перехода к новому этапу системного анализа. Первый этап заключался в господстве социологического представления времен Э. Дюркгейма, определяемого как соотношение «целое - часть». Это представление означало, что целое выявляло качественно новые свойства системы, не равные сумме его частей. Второй этап развития системно-теоретического мышления в социологии (его Луман связывает с господством идей Т. Парсонса) предполагал доминанту иного представления — «система — окружающая среда». Оно означало возникновение системы путем ее отграничения от окружающей среды. Поэтому главным признавалось отношение между системой и окружающей средой.

Новые открытия в науке (в частности, достижения в биологии и нейрофизиологии чилийских ученых Х. Матурапы и Ф. Варелы, успехи в области теории информационных систем) поставили проблему системно-теоретического мышления в иную плоскость. Было введено в научный оборот понятие аутопойесиса. Буквально оно означает самопроизводство, самотворение. Отвечая на вопрос о теоретической роли этого понятия в его социологической теории, Луман говорил: «Понятие аутопойесиса первоначально было найдено в биологии и опиралось на эмпирическую основу биохимии, т.е. применялось к клеткам, затем к нейрофизиологической системе, компонентам клетки или мозга, которые сами производят

компоненты этих целостностей. Химические условия жизни постоянно обпвлякмея в самой клетке, а не вносятся извне. Электрические сигналы мола создаются самим мозгом, а не вносятся из окружающей среды через органы зрения или слуха. Внешние контакты находятся на другом уровне реальности. Такова была биологическая концепция. Я лишь полагаю, чк) то же самое можно сказать и о коммуникации, т.е. что коммуникация всегда предполагает, что была предшествующая коммуникация и что всегда возможна дальнейшая коммуникация, иначе говоря, коммуни-катиинная система сама воспроизводит себя при помощи слов, языка, постоянной активности, постоянной коммуникации»¹.

Коммуникация и социальная система

Коммуникация у Лумана выступает важнейшим элементом социальной системы. Сама по себе она незаметна, обнаруживает же себя лишь в процессе действия. Коммуникация безлична и означает установление связи и Взаимодействия как минимум между двумя людьми. Поэтому оца не принадлежит ни одному из субъектов отношений, стержнем которых на самом деле является. Она изначально социальна, поскольку «не может быть... вменена ни одному отдельному сознанию» [Луман. 1999. С. 215— 216]. Сама коммуникация оперативно функционирует как единство различия информации, сообщения и понимания. Информация, сообщение и понимание — эго, по существу, структурные элементы коммуникации.

Здесь следуе1 специально отметить, что, по признанию социолога, понятие коммуникации имеет ключевое значение для теории общества [Там же. С. 210]. В свете сказанного становится понятным предложение Лума-наГ «...положить в основу (понятия общества. — Г.З.) понятие коммуникации и тем самым переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия. Это позволяет представить социальную систему как оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникации из коммуникаций» [Луман. 1994. С. 311.

Рассуждения социолога о коммуникации являются важнейшим шагом на пути к созданию теории общества и в целом его трактовки. Он различает три разных уровня анализа общества. Первый предполагает его осуществление в 1 рапидях общей теории систем, а в пей — в рамках общей теории аутопойегических систем. Второй уровень означает рассмотрение общества в теории социальных систем. Наконец, третий предполагает рассмотрение теории системы общества как особого случая социальных систем.

Характеризуя общество в связи с его основным признаком — наличием в нем коммуникации, придающей ему совершенно особый системный ха-

¹Социолошческие размышления: Интервью с проф. Н. Луманом // Проблемы теоретической социологам. СПб., 1994. С. 237^238.

актер, Луман пишет: «Общество есть коммуникативно закрытая система. Оно производит коммуникацию посредством коммуникации. Коммуницировать может только оно само — но не с самим собой и не своим окружающим миром. Оно производит свое единство посредством оперативного совершения коммуникаций, рекурсивно обращенных к предыдущим и предвосхищающих последующие коммуникации» [Луман. 1999. С. 223].

Социальная система и общество как главная ее разновидность характеризуется у Лумана полной самодостаточностью и самовоспроизводством. Общество рассматривается как самореферентная социальная система (самореференция — ссылка на самого себя), умеющая организовать саму себя, что означает, помимо только что названных характеристик, ее способность описывать себя, отграничивая от окружающей среды, осуществляя различие с ней, заниматься самонаблюдением и самоописанием, воспроизводя в них саму себя. Социолог стремится доказать, что «социальные системы (включая общество) могут осуществиться только как наблюдающие самое себя системы» [Там же. С. 216]. В этом смысле наблюдение и описание системы есть ее часть.

Проблема человека в концепции Н. Лумана

Большое значение для правильного понимания концепции социальной системы и теории общества Лумана имеет его отношение к проблеме человека. Оно резко отличается от позиций иных социологов, в том числе и авторов концепций, рассмотренных выше. Если в этих теориях речь идет об активном деятеле, акторе, агенте, субъекте социального действия, вне которого ни современное общество, ни его концептуальное видение невозможны, то в работах Лумана мы встречаемся с принципиально иной трактовкой роли человека.

Поскольку место центрального понятия социологической теории у социолога занимает «система» (а не «действие»), постольку его мало волнует действующий субъект, который существует лишь как элемент окружающего систему мира, но не как элемент самой системы. Это значит, что понятие человека (ни в каких его ипостасях) не имеет для социолога научного значения. Такая позиция тем более понятна и очевидна из всего контекста теории социальных систем Лумана, что человек не включен у него в систему коммуникаций.

Отрицание понятия человека как элемента социальной системы было изначально характерно для творчества немецкого социолога и неоднократно становилось объектом критических стрел, причем как его противников, так и сторонников. Среди последних предпринимались даже попытки рассматривать человека как аутопойстическую и самореферентную систему. Но это никак не повлияло на изменение позиции Лумана. Более того, он каждый раз искал новые аргументы для усиления своей позиции. Один из них состоял в том, что и человек как часть окружающего систему мира, и тем более сам этот мир представляют собой комплексные образования, которым

самореферентная система (общество) уступает по сложности. Поэтому одна из задач социологии состоит в выявлении особенностей их взаимодействия. Итак, мы рассмотрели наиболее распространенные, принятые и значимые в социологическом сообществе направления теоретической мысли и концепции, которые характеризуются — в качестве главной своей особенности — стремлением к синтезу, объединению ряда идей и теорий, созданных как в рамках классического, так и (в основном) современного этапа развития социологической теории. Читатель имел возможность обнаружить и сходства, и значительные различия, существующие между ними. Они объясняются наличием нескольких, назовем их модельными, подходов к социальному анализу. В одном случае такой моделью оказались концепции социального действия, социальной структуры и социальной эволюции (Э. Гидденс, П. Штомпка), в другом — теории структурализма и конструктивизма (П. Бурдьё), в третьем — естественно-научные (биологические), системные и информационные теории (Н. Луман). Далеко не всегда эти теории «стыкуются» терминологически, разнится понимание задач социологии, соотношения в ней теории и эмпирии. Но главное, что их объединяет, — стремление по-новому осмыслить как социальные процессы, происходящие в мировом сообществе, испытывающем на себе все плюсы и минусы глобализации, так и тенденции развития социологической науки.

Вопросы и задания

1. Каковы основные особенности развития социологической теории в 1980—1990-е гг.?
2. В чем состоит кризис социологического сознания и какие пути выхода из него видят представители научного знания?
3. Почему динамизм мирового развития стал актуальным предметом социологического анализа в 1980-х гг.?
4. Охарактеризуйте основные движения в современной теоретической социологии, называемые Дж. Ритцсром.
5. Что собой представляет постмодернизм в социологии? Как его оценивают современные ученые?
6. Обоснуйте актуальность концепции глобализации в современной социологии.
7. В чем проявляется интегрирующий характер теории структуризации Э. Гидденса?
8. Раскройте основные положения и понятия теории структуризации, охарактеризуйте смысл гидденсовского понимания дуальности структуры.
9. В чем заключаются особенности теории социального пространства П. Бурдьё? Как она соотносится с концепцией габитуса французского социолога?
10. Можно ли относить теорию социальных изменений П. Штомпки к интеграционному движению в социологии? Обоснуйте свой ответ ссылками на содержание теории польского социолога.
11. В чем новизна подхода Н. Лумана к анализу социальных систем? Как трактовка общества сопрягается с трактовкой системы в концепции Лумана?
12. Как бы вы могли охарактеризовать отношение Лумана к проблеме человека?
13. Каково место коммуникации в системе с точки зрения Лумана?

Литература

- Александр Дж.* Социологическая теория после 1945 г. // Западная теоретическая социология 1980-х гг. М., 1989.
- Бауман З.* Спор о постмодернизме // Социол журн. 1994. № 4.
- Бурдье П.* Социология политики. М., 1993.
- Бурдье П.* Начала. М., 1994.
- Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыми СИ* Социология: теория и современное! в М., Ростов и/Д., 1999.
- Гидденс Э.* Социология. Челябинск. 1991
- Гидденс Э.* Социология. М., 1999.
- Громов И.А., Мацкевич АЮ, Семенов В.А.* Западная юридическая социология СПб., 1996.
- История теоретической социологии- В 4 т. М., 2000. Т. 4.
- Кравченко С.А., Минацкая М.О., Покровский Н.Е.* Социология: парадигмы и проблемы М., 1998.
- Култыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000.
- Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоопределениях современного общества // Социологос. М., 1991. Вып. 1.
- Луман Н.* Понятие общества. Почему необходима «системная теория» // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.
- Луман Н.* Теория общества // Теория общества. Фундаментальные проблемы. М., 1999
- Луман Н.* Решения в «информационном обществе» Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии. СПб., 2000 Вып 3.
- Современная западная социология: классические традиции и поиски новой парадигмы М., 1990.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.
- Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования М., 1998.

Глава 29

Отечественная социология с рубежа 1910-1920-х гг.

до начала 1930-х гг.

Рассмотрены процессы, характерные для социологической науки XX в. в Европе и США, мы переходим к анализу развития отечественной социологической мысли - с сохранением той же логики и структуры, что были использованы в предшествующих главах. При этом, конечно, будет учтена «российская специфика», состоящая в данном случае в том, что по меньшей мере четверть века (с начала 1930-х до рубежа 1950—1960-х гг.) в условиях господства сталинского режима социология находилась под запретом. Пошшу вслед за первым периодом (от Октябрьской революции 1917 г. до начала 1930-х гг.) будет рассмотрен второй (от рубежа 1950—1960-х гг. до конца 1980-х гг.), а затем и третий (с конца 1980-х гг. до наших дней). Анализу каждого из трех периодов будет посвящена своя, особая глава.

В рамках первого периода, к непосредственной характеристике которого мы переходим, целесообразно выделить два подпериода. Первый — с конца 1917 г. до конца 1922 г. — можно в самом общем плане определить как время противоборства немарксистской (антимарксистской) и марксистской социологии, второй — с конца 1922 г. до начала 1930-х гг. — как время утверждения и победы марксистской социологии, завершившееся, в точном соответствии с логикой развития социальных и идеологических процессов в СССР, реальным запретом и теоретических, и эмпирических социологических исследований. Конец 1922 г. рассматривается нами как рубеж в противостоянии двух принципиально различных направлений в развитии социологической науки (марксистской и немарксистской), поскольку был ознаменован своего рода знаковым событием — высылкой из страны большой группы творческой интеллигенции, в составе которой оказался и П. Сорокин, ведущий отечественный социолог, который впоследствии, как об этом уже писалось, составил славу мировой социально-гуманитарной науки.

§ 1. Отечественная социология в 1917-1922 гг.

В рамках первого подпериода отечественная социология развивалась преимущественно как теоретическая наука. Эмпирические исследования,

традиции коюрых не были заложены в дореволюционный период, почти не проводились, хотя потребность в них уже давала о себе знать. Молодое правительство страны Советов — Совнарком — вначале благожелательно отнеслось к проведению социальных исследований и рекомендовало приступить к их осуществлению еще в мае 1918 г. Да и в целом отношение к социологии на первых порах послереволюционного развития было положительным. Более того, начался процесс ее институционализации.

Он был вызван значительным интересом к этой науке, о чем свидетельствовал количественный рост издаваемой социологической литературы и в целом литературы в области социальной проблематики. Например, по социологии в 1918 г. вышло из печати на 40 книг больше, чем в 1917 г. В 1921 г. в России было издано более 4000 томов литературы по социальным проблемам, что составило половину от годовой книжной продукции.

В октябре 1918 г. был создан Социобиблиологический институт, которому предстояло решить несколько задач. Одной из них стала подготовка и проведение конкретных социологических исследований, другой — популяризация социологических знаний, в том числе путем оказания помощи в ознакомлении с литературой по социальным проблемам. Через год после своего создания, в 1919 г., Социобиблиологический институт был преобразован в Социологический институт, директором которого в начале 1920 г. стал известный российский социолог К.М. Тахтарев. В составе института работали также не менее известные социологи П.А. Сорокин и Н.А. Гредескул.

Оказавшись у руководства института, Тахтарев поставил вопрос о расширении направлений его работы. Помимо научных исследований, планировалось обеспечение необходимого уровня высшего социологического образования, обучение работников государственного и партийного аппарата и распространение социологических знаний среди народа. Однако эти предложения не получили поддержки, скорее наоборот, вызвали опасение расширения влияния немарксистской социологии.

Еще одним важным показателем институционализации социологической науки в стране явилось возобновление в 1919 г. работы Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского. Его председателем был избран пользовавшийся большим авторитетом среди социологов Н.И. Кареев. Социологический институт и Русское социологическое общество стали основными центрами притяжения интересов исследователей и педагогов, которые регулярно собирались слушать доклады и лекции ведущих ученых. На эти встречи приходили и люди, просто желающие получить знания в области социологической науки. С докладами и лекциями выступали П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев, Н.А. Гредескул, Н.И. Кареев, А.А. Гизетти, П.И. Люблинский и др. На собрания социологов приходили, как правило, сторонники самых разных направлений, включая представителей и марксистской, и немарксистской ориентации.

Однако последние все лее доминировали. Впоследствии это явилось одним из оснований для прекращения работы и Социологического института, и Русского социологического общества. Институт был закрыт в 1921 г., чуть позже — Русское социологическое общество. Власть предрержащие хорошо понимали, что нельзя давать возможность готовить кадры, проводить исследования и издавать книги по социологии профессорам либерального направления.

Была введена ученая степень по социологии, созданы первые социологические кафедры в Ярославском и Петроградском университетах. В последнем был образован первый в России факультет общественных наук, деканом которого стал Сорокин. Именно он написал первые учебные программы по социологии — и для высшей, и для средней школы, поскольку появилась возможность обучения основам этой дисциплины.

Такая возможность возникла вследствие разрешения Наркомпроса (Народного комиссариата по делам просвещения) преподавать социологию в школах. Более того, была поставлена задача обеспечить переход ко всеобщему обязательному изучению социологии. Однако в связи с отсутствием в достаточном количестве необходимой учебной литературы, а главное — подготовленных педагогических кадров, способных пропагандировать идеи социализма и коммунизма, на основании проверки работы ряда школ Петрограда Наркомпрос вскоре запретил преподавание социологии. Вместо нее было введено обучение основам политических знаний, к преподаванию которых допускались лишь члены партии большевиков.

Активно издавалась социологическая литература — как марксистского, так и — первоначально — немарксистского характера. Особое значение имела публикация учебников. К числу основных марксистских произведений этого жанра, написанных в период 1917—1922 гг., следует отнести прежде всего работы Е.А. Энгеля и Н.И. Бухарина¹; книга последнего была подвергнута резкой и беспощадной критике в рецензии П. Сорокина.

Среди учебников и научных трудов немарксистской ориентации выделялись работы В.М. Хвостова, П.А. Сорокина, К.М. Тахтарева и др.² Однако после высылки за рубеж значительного отряда российской творческой интеллигенции, не поддерживавшей советскую власть, издание немарксистской литературы по социологии было, по существу, прекращено.

¹ * Этель ЕА. Социология. Краткий курс средней школы. Пг., 1919, Бухарин НИ. Теория исторического материализма Популярный учебник марксистской социологии М., 1921.

² Хвостов В М. Социология. М., 1917 Т 1; Его же. Основы социологии М , 1920; Сорокин ПА Общедоступный учебник социологии. Ярославль, 1920; Его же Система социологии Т.1, 2. Пг., 1920; Тахтарев КМ. Наука об общественной жизни, ее явлениях, отношениях и закономерностях. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. Пг., 1919; Его же. Общество и его механизмы Пг., 1921.

Аналогичные запретительные действия были предприняты в отношении исследовательских институтов, где проводилась работа по изучению социологических проблем, и преподавания предмета социологии и высших учебных заведениях. В 1922 г. были закрыты кафедры социологии. В следующем учебном году — 1923/24 — впервые в вузах Петрограда было введено преподавание курса исторического материализма.

Таким образом, противоборство двух линий в развитии отечественной социологии в первые годы советской власти завершилось чисто волевым, авторитарным способом, который затем постоянно использовался в практике деятельности Коммунистической партии и советского государства. В немалой степени такому решению проблемы социологического противостояния способствовала позиция В.И. Ленина, сформулированная им в статье «О значении воинствующего материализма» (1922). Суть этой позиции была выражена в двух положениях: 1) кто не с нами, тот против нас; 2) мы не так сильны, чтобы за деньги пролетариата разрешить в стране враждебное большевизму инакомыслие.

Результатом деятельности правительства, основанной на таком отношении к дореволюционной профессуре, стало либо прекращение ею научной и педагогической деятельности в области социологии, либо выезд из страны (по некоторым данным, эмигрировало более 80 социологов). Лишь единицы перешли в идеологический стан марксизма. Начался процесс бурной «идеологизации» социологии, продолжавшийся в стране (с перерывом почти в 30 лет) вплоть до 1990-х гг. С ним оказалась тесно связанной и репрессивная деятельность по отношению к инакомыслящим ученым. Дальнейшее социологическое творчество могло осуществляться лишь в рамках одного направления — марксистского.

§ 2. Отечественная социология в 1920-1930-е гг.

Развитие социологической науки в стране в последующее после 1922 г. десятилетие происходило на двух уровнях — теоретическом и эмпирико-прикладном. Рассмотрим вначале теоретические исследования.

Марксистская теоретическая социология в СССР

Наибольшим теоретическим влиянием на процесс становления советской марксистской социологии в начале 1920-х гг. пользовалась концепция Н.И. Бухарина, изложенная им в названной выше книге «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» (1921). Небезынтересно отметить, что эта работа вплоть до 1929 г. переиздавалась восемь раз. Основная идея Бухарина заключалась в отождествлении социологии, точнее говоря, социологической теории историческим материализмом. Исторический материализм был провозглашен

социологической теорией марксизма. Он был определен как «общее учение об обществе и законах его развития, т.е. социология»¹. Еще одной особенностью концепции Бухарина явилось стремление доказать, что марксистская социология является самостоятельной дисциплиной, выступающей как частная паука по отношению к философии марксизма. Аналогичные или близкие позиции заняли Н.Н. Андреев, Д.С. Садынский, С.А. Оранский, С.Ю. Ссмковский и др.

Некоторые из них пошли еще дальше, признавая конкретные социологические исследования как один из уровней социологической науки. Так, Оранский писал в згой связи: «Как общая теоретическая социология исторический материализм предполагает и возможность конкретной социологии, особого конкретного социологического изучения социальных процессов...»². Нужно отметить, что лта позиция впоследствии, в условиях восстановления социологии в «гражданских правах» в 1960-х гг., была, по сути дела, воспроизведена (однако, к сожалению, без ссылки на ее автора).

Другая группа марксистов (С.Я. Вольфсон, С.З. Кацепбогсн, З.Е. Черняков) запыда несколько иные позиции. Соглашаясь с основным тезисом Бухарина о тождестве исторического материализма и социологии, они рассматривали последнюю как составную часть философии. В целом следует отметить, что все изложенные выше точки зрения отражали своеобразную социологическую доминанту в подходе к соотношению философии, исторического материализма и социологии.

Имела место и, условно говоря, философская доминанта во взгляде на эту проблему. Ее сторонники (В.В. Адоратский, И.П. Разумовский и др.) полагали, что в историческом материализме есть философский и социо-ло1 ический аспекты. Первый состоял в подчеркивании материалистического понимания мира и исторического процесса, второй — в выявлении общей теории общества.

Крайним выражением так называемой «философской доминанты» явилась позиция авторов, отрицавших социологическое значение исторического материализма, более того, доказывавших, что социология носит враждебный по отношению к нему характер (А.М. Деборин, Н.А. Карев, И.К. Луппол, В.Н. Сарабьяпов и др.). Эту позицию можно определить в качестве аптисоциологической. Исторический материализм рассматривался только как научно-философская теория общества. Термин «социология» считался не только немарксистским, но и враждебным для исторического материализма, поскольку отождествлялся с буржуазной наукой об обществе. В лаконичной форме антисоциологическая позиция выглядела так: марксистской социологии пет и быть не может, социоло-

¹ Бухарин НИ. Теория исторического материализма. С. 12.

² Оранский С.А. Основные вопросы марксистской социологии. Л., 1927. Т. 1 С. 13—14.

гия может быть только буржуазной. В конце 1920-х гг. в ходе дискуссии (которая оказалась последней для социологии перед ее фактическим запретом) сформулированная точка зрения получила решающий перевес над другими. Этому способствовали соответствующие политические условия, связанные с утверждением культа Сталина, а также его личный интерес относительно запрета социологии.

Помимо дискуссии о характере связей и взаимодействий социологии и философии, о марксистской и немарксистской социологии, о возможности вообще ее использовать в рамках марксистской общественной науки существенное значение имело обсуждение позитивистских и натуралистических интерпретаций социальных явлений и процессов, которое содержало прямое отрушение к социологии. Позитивистски и натуралистически мыслящие авторы часто встречались как среди социологов, так и представителей естествознания. Отметим, что сторонником социальной (коллективной) рефлексологии был известный психоневролог В.М. Бехтерев, развивали идеи социального дарвинизма социологи Н.А. Гредескул, Д.С. Садынский, Е.А. Энгель, отстаивали концепции зоосоциологии зоолог М.А. Мензбир, фитосоциологии — биологи И.К. Пачосский, В.Н. Сукачев и т.д. Популярными становились попытки соединить идеи К. Маркса и З. Фрейда, биологизаторские трактовки социальных процессов.

Мензбир, например, рассматривал формы «общественной жизни» животных, начиная с муравьев и насекомых, и считал, что без этого нельзя понять социальную жизнь человека в обществе и общество в целом. У муравьев он «находил», к примеру, республиканскую форму правления. Основная идея фитосоциологии состояла в том, что объектом изучения социологии является не только человеческое общество, но и весь органический мир, вся живая природа.

Что касается коллективной рефлексологии, то Бехтерев рассматривал в рамках ее предмета различные формы человеческой деятельности и общественной жизни как акты коллективного рефлексорного поведения. В его трактовке социальные стимулы вызывали коллективные реакции, а социальная рефлексология выступала как одна из форм социального бихевиоризма. Особенность подхода Бехтерева состояла в том, что он пытался найти точки соприкосновения своей коллективной рефлексологии и социологии. В работе «Коллективная рефлексология», стремясь выявить различия между ними, он писал: «Для социолога несущественно знать, как образуются и какие изменения происходят в деятельности и реакции коллектива по сравнению с реакциями и деятельностью отдельных индивидов. Он может, конечно, этим интересоваться, но это не его прямая задача, тогда как он естественно признает своей задачей выяснение отношений между социальными группами, как и самый факт установления социальных групп или коллективов. Таким образом, изучение способа возникновения коллективных групп и особенностей коллективной дея-

тельности по сравнению с индивидуальной — дело коллективной рефлексологии, тогда как выяснение количества коллективов, их особенностей и взаимоотношения между этими коллективами в среде того или другого народа есть дело социолога»¹.

Ученый полагал, что изучение коллективной рефлексологии может дать очень много полезной информации для правильного понимания социальных процессов, характерных для объективных отношений между многочисленными общественными группами. Именно эту сторону дела — объективный характер процессов и отношений — он постоянно подчеркивал, считая, что для социологии важно опираться не столько на психологическую науку (которая предоставляет данные преимущественно субъективного плана), сколько на биологию и рефлексологию, поскольку они ориентируют на получение объективного научного материала.

Позитивистски и натуралистически ориентированные исследования стимулировали развитие смежной с социологией отрасли науки — социальной психологии. Поскольку в марксизме такой поворот не был «предусмотрен», а социальная психология не значилась в спектре его научных интересов, возникли определенные трудности на пути консолидации этой дисциплины с социологией. Однако потребности нового общества, связанные с исследованиями в области труда, воспитания, формирования нового человека, стимулирования его общественной активности, выдвигали задачу развития социальной психологии. Тем более что за рубежом эта наука в 1920-х гг. получила широкое распространение. Перспективы развития эмпирической социологии в России в этот период, постановка и решение ряда практических и прикладных задач (о чем чуть дальше будет подробно сказано) были напрямую связаны с развитием социальной психологии.

В период с 1923-го по 1929 г. (время окончания дискуссии о соотношении марксистской и немарксистской социологии и в целом о необходимости этой науки в рамках марксизма) был опубликован ряд крупных социологических работ².

В названных и иных работах обращают на себя внимание по меньшей мере две особенности. Во-первых, все они были теоретическими по своему характеру, в них ставились и рассматривались вопросы, касавшиеся предмета, специфики, структуры социологического знания, его функ-

¹ Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921. С. 32.

² Садынский Д.С. Социальная жизнь людей. Введение в марксистскую социологию. Харьков, 1923; Энгель ЕА. Очерки материалистической социологии. М., 1923; Андруев Н.Н. К вопросу о понимании закономерности в истории: социологический этюд. Л., М., 1925; Каценбоген С.Э. Марксизм и социология. Саратов, 1926; Пипуныров В.Н. Современное состояние социологии и перспективы ее будущего развития. Никольск, 1926; Черняков З.Е. Социология в наши дни. Л.; М., 1926; Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи. Минск, 1929; Оранский С.А. Основные вопросы марксистской социологии. М., 1929, и др.

ций, соотношения социологии и марксизма. Во-вторых, опубликованные издания свидетельствовали о большом интересе к социологии не только в столичных центрах Москве и Ленинграде, но и во многих других городах — Минске, Харькове, Саратове и т.д. Реальная география социологических публикаций была достаточно широкой и охватывала десят ки городов страны.

Для развития марксистской социологии периода 1920-х гг., особенно их первой половины, были характерны многочисленные дискуссии — устные и в публикациях, которые отличались, как правило, научной корректностью, терпимостью к оппонентам, отсутствием догматизма, искренней верой в справедливость и торжество идей марксизма. Эти дискуссии были чаще всего творческими, хотя бы потому, что велись людьми, многие из которых отличались высоким уровнем образованности, знанием иностранных языков и зарубежной философской и социологической литературы.

В указанных выше работах и дискуссиях поднимался целый ряд проблем, касавшихся не только предмета и метода социологической науки, по и социальной и национальной структуры общества и ее отдельных элементов, процессов классовой и социальной дифференциации. Исследователи стали обращать внимание на процессы классового расслоения, активно происходившие на селе¹.

Вместе с тем к концу 1920-х — началу 1930-х гг. стала вырисовываться в представлениях социологов социально-классовая структура советского общества, включавшая в себя два сантагопистических класса — рабочий класс и колхозное крестьянство и слой (группу), или межклассовую прослойку (ее называли по-разному), трудовой интеллигенции. Именно в это время обозначились контуры одной из основных в 1960—1980-х гг. социальных утопий — о сближении названных элементов социально-классовой структуры и создании в недалекой перспективе общее)ва социальной однородности.

Цще в начале 1920-х гг. П. Сорокин полемизировал с марксистами, абсолютизовавшими классовую структуру нового общества в ущерб другим вариантам его социального расслоения и дифференциации. Последующие процессы в жизни советского общества, происходившие в первую очередь па селе и связанные с массовой коллективизацией, подтвердили правоту российского социолога, который, однако, в это время уже работал в США и мог анализировать их, лишь оперируя данными статистических исследований. Но они в это время были уже фальсифицированными и искажали процессы реальной социальной дифференциации советского общества.

¹ См., напр.: Крицман Л. Классовое расслоение в советской деревне. По данным волосых обследований. М., 1926.

Конкретно-социологические исследования в СССР

Период 1920-х гг. был временем становления отечественной эмпирической социологии. Эмпирические и прикладные исследования охватили практически все основные сферы жизнедеятельности общества, коснувшись многочисленных и, как правило, актуальных социальных проблем. Это были проблемы труда и быта рабочих и крестьян, социальные аспекты развития производства, города и деревни, вопросы жизни рабочей и сельской молодежи, развития культуры и образования, семьи и досуга и многие другие. Особое место среди эмпирических исследований занимало изучение бюджетов времени рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Определенное внимание уделялось характеристике методологии, методики и инструментария конкретно-социологических исследований. Рассмотрим подробнее основные направления эмпирических исследований.

Прежде всего следует отметить, что в основу многих из них были положены необходимые статистические данные, без которых трудно было бы представить реальные процессы и перспективы развития социальной структуры, труда и производства, образования и культуры и т.д. В этом отношении большую роль сыграли переписи населения 1920 и 1926 гг., а также издававшийся с 1923 г. журнал «Статистика труда», регулярно публиковавший большой статистический и фактический материал.

Одним из центральных направлений исследований оказалось изучение социальных проблем управления, труда и производства. Оно осуществлялось рядом исследовательских коллективов. Главными среди них были Центральный институт труда (ЦИТ) в Москве под руководством Л.К. Гастева, Вес-украинский институт труда в Харькове под руководством Ф.Р. Дунаевского. Следует назвать также таких крупных исследователей в этой области, как Н.А. Витке, О.А. Ермапский, П.М. Керженцев. В работах указанных коллективов и авторов были рассмотрены вопросы социологических теорий научной организации труда, производственного коллектива, социального управления, трудового поведения работников.

По существу, в деятельности названных выше институтов и исследователей были заложены основы отечественной прикладной социологии. Упомянутые авторы, не являвшиеся профессиональными социологами и затрагивавшие социологические проблемы в связи с решением вопросов научной организации труда и производства, тем не менее понимали их важное социальное значение. Не случайно Гастев выдвинул в 1927 г. задачу превращения современного предприятия в огромную социальную лабораторию, другими словами, осуществления его социальной пере-с тройки. Э того нельзя было сделать без развития социальной инженерии, которая и выступала в то время в качестве прикладной социологии на производстве. Сам Гастев считал, что старая теоретическая социология должна быть заменена новой, более плодотворной наукой прикладного

характера — социальной инженерией. По сути дела, зго было предложение пересмотреть предмет социологической науки путем отказа от макросоциологии в пользу микросоциологии.

Исследователи (Витке, Гастев, Ерманский) указывали, что основными проблемами в сфере труда и производства являются не столько физические и физиологические, сколько социальные, предполагающие прежде всего создание условий для социального сотрудничества людей. Для достижения этой цели нужна была научная организация не только труда и производства, но и управления. Если в процессе первой решалась задача рационального соединения человека с орудиями труда и средствами производства, то целью управления становилось создание оптимальных условий для социального взаимодействия людей друг с другом в рамках производственной деятельности.

Говоря о работах в области управления, нельзя не коснуться взглядов А.А. Богданова, который стремился к созданию «всеобщей организационной науки» — тектологии, т.е. науки о закономерностях организационного характера, касающихся использования взаимодействующих сил с целью достижения равновесия в социальной среде. Общество он рассматривал как социальную систему, которая нуждается в поддержании порядка и устойчивости, достигаемых за счет деятельности групп, имеющей организационно-управленческий характер. Задача тектологии состоит, по его мнению, в том, чтобы показать возможности использования организационно-управленческого начала.

В 1920-х гг. закладывались основы отечественной социологии труда и социологии управления. Причем некоторые работы, выполненные в рамках данных отраслей социологической науки, получили международное признание. Особенно это касалось тех исследований, которые были посвящены изучению роли социального фактора в производственной деятельности человека. По существу, они предвосхитили труды зарубежных ученых в области индустриальной социологии.

Проблемы труда, производства и управления нашли свое отражение в большом количестве книг и журналов, издававшихся в 1920-х гг. Так, в 1923 г. по этим проблемам было опубликовано около 60 книг. Одних только журналов соответствующей направленности издавалось около 20. Советское государство было заинтересовано в развитии социалистического производства и всячески стимулировало изучение его различных сторон.

Не меньшее внимание уделялось исследованию социальных процессов, происходивших в деревне, среди крестьянства. Особое значение имел анализ социального расслоения внутри этого класса. Создавались контуры сельской социологии. Руководство коммунистической партии проявляло немалый интерес к изучению процессов на селе. По его инициативе была создана специальная комиссия, которая организовала проведение в середине 1920-х гг. нескольких крупных обследований. Так, в 1923 г. было изуче-

но 8 тыс. дворов в 7 губерниях, представляющих основные сельскохозяйственные районы европейской части страны. В 1924—1925 гг. только в одной Пензенской губернии было обследовано 33 тыс. крестьянских хозяйств.

Для исследований села была характерна явно выраженная практическая направленность. Помимо объективной характеристики ситуации в деревне, важно было выявить отношение крестьян к тем или иным вопросам жизни в стране и на селе. Одним из наиболее интересных исследований в этом плане была книга М. Феноменова, которую можно рассматривать как едва ли не первую работу в отечественной сельской социологии¹. Автор со своими сотрудниками собирал материал по одной деревне в течение трех лет и представил в опубликованном труде опыт ее монографического исследования. Феноменова и его коллег интересовали: использовавшиеся орудия труда и технические приспособления, организация труда, хозяйственные навыки, производственные характеристики работников, а также их личная, включая семейную, жизнь, отношения между молодежью и старшими поколениями, положение женщин, воспитание детей, измены, разводы, аборт и т.д. Была тщательно изучена генеалогия каждого двора. Подробно описывались быт крестьян, их жилища, санитарное состояние изб.

Выявление условий жизни и быта осуществлялось в исследованиях не только крестьянства, но и других классов и социальных групп. Об этом свидетельствует ряд опубликованных в 1920-х гг. работ². В них поднимались самые различные вопросы повседневной жизни различных категорий населения, включая характеристику их бюджета.

Не меньшее значение имели многочисленные исследования бюджета времени, проведенные под руководством С.Г. Струмилина. Достаточно назвать внушительную цифру: в период между 1922 и 1934 гг. было собрано и изучено более 100 тыс. суточных бюджетов времени самых разных групп населения, представляющих рабочий класс, крестьянство, служащих, интеллигенцию. На материалах этих исследований было написано и опубликовано более 70 научных работ, авторами которых, помимо С.Г. Струмилина, были М.С. Бернштейн (специально изучавший бюджеты времени комсомольских активистов, пионеров и школьников), Я.В. Видревич, В.А. Лебедев-Петрейко, В.И. Михеев, Л.Е. Минц и др.³ Изучение бюджетов времени давало возможность поиска резервов более

¹ Феноменов М. Современная деревня. М., 1925.

² Андреев В. Костромской текстильщик и его бюджет. Кострома, 1925; Рабочий быт в цифрах. М., Л., 1926; Кабо Е. О. Очерки рабочего быта М., 1928, Минц Л. Как живет безработный М, 1927; Рашин А. Женский труд в СССР. М., 1928, и др

³ См.. Струмилин С. Г. Бюджет времени русского рабочего. Пг., 1923; Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922—1923 гг. М, Л, 1924; Михеев В. И. Бюджет времени рабочих и служащих Москвы и Московской области. М., 1932; Лебедев-Петрейко В. А. и др. Бюджет времени рабочей семьи. Л., 1933.

рационального использования как рабочего, так и внерабочего (в том числе свободного) времени. При этом особое внимание уделялось учету и реализации закона экономии времени как одного из определяющих всю жизнедеятельность общества и образ жизни личности.

Здесь необходимо специально остановиться на концепции бюджета времени Струмшпа, поскольку она сыграла значительную роль в осуществлении конкретных социологических исследований не только в 1920-х — начале 1930-х гг., но и в период возрождения отечественной социологии на рубеже 1950—1960-х гг. В 1922 г. он предложил для научного изучения и практического использования трехчленную формулу «труд — отдых — сон». Она отражала стремление к реализации идеи «трех восьмерок»: 8 часов работы, 8 часов отдыха, 8 часов сна. От этой идеи, однако, вскоре пришлось отказаться вследствие ее утопичности и невозможности реализовать в условиях общества 1920-х гг. Взамен приведенной выше формулы появилась иная структура времени, в основу которой было взято положение о диалектической взаимосвязи необходимости и свободы. В соответствии с новой идеей структура бюджета включала в себя необходимое и свободное время. Она и стала методологической основой для проведения исследований бюджета времени самых различных групп советского общества.

Одним из актуальных направлений социологических исследований 1920-х гг. считалось молодежное. Поскольку с молодым поколением связывали будущее нового строя, становился попятным интерес к его изучению. Тем более что немало делалось в практическом плане для улучшения условий жизни и труда молодежи. Так, было введено ограничение продолжительности рабочего дня подростков (в возрасте до 18 лет) до 4^ч 6 часов (без сокращения оплаты труда). Запрещалось использовать подростков на вредных, ночных и сверхурочных работах. Создавались условия для обучения и профессиональной подготовки молодежи. Необходимыми становились исследования жизненных планов, ценностных и профессиональных ориентации, условий труда и отдыха, интереса к получению образования, общественной активности, культурных потребностей молодежи, что нашло отражение в работах Е.О. Кабо, Я.Д. Ка-ца, Б.Б. Когана, А.И. Колодной, М.С. Лебединского и др. Особо выделим две работы, которые отличались обилием интересного социологического материала¹.

В период 1920-х — начала 1930-х гг. происходил процесс становления отраслевых социологии в отечественной науке. Одной из них была социология брака и семьи, где особое значение имели работы С.Я. Вольфсопа (выше называлась его монография «Социология брака и семьи», изданная

¹ Коган Б.Б., Лебединский М.С. Быт рабочей молодежи по материалам анкетного обследования. М., 1929; Колодная А.И. Интересы рабочего подростка: опыт изучения одной анкеты М, 1929.

к Минске в 1929 г.). В них давалась, в частности, интерпретация такого социального факта, как увеличение числа разводов в СССР. Чаще всего это эмпирически установленное обстоятельство рассматривалось односторонне, как удар по прочности социального института семьи. Проблема брака и семьи имела в то время большое практическое значение, поскольку в 1920-х гг. начались активные дискуссии о том, что нового должен внести социализм и коммунизм в семейно-брачные формы жизни и какими вследствие этих изменений должны стать бытовые условия для молодых семей в советском обществе. Выводы социологов играли заметную роль в принятии архитектурно-планировочных решений, а также строительстве специальных зданий для молодых семей. Чего стоил в этом плане только один «Дом нового быта», являющийся ныне общежитием МГУ!

Значительные исследования и практические перемены осуществлялись в области просвещения, обучения и воспитания, что способствовало становлению отечественной социологии образования. В этой области во второй половине 1920-х гг. наметились тесные связи между педагогикой и социологией, к установлению которых призывали советские государственные деятели. Так, А.В. Луначарский в статье, специально посвященной проблеме этих связей («Социологические предпосылки советской педагогики», 1927), писал: «Марксист-педагог является необыкновенно типичной фигурой марксиста-социолога вообще. Марксист-педагог не смеет шага ступить без социологического образования, без социологической оглядки, они нужны ему отнюдь не в меньшей степени, чем знакомство с педологией или рефлексологией, чем знакомство с методикой и т.д.»¹. Если отбросить марксистский «камуфляж» (хотя для Луначарского это не было камуфляжем), то в основе приведенного выше положения лежит здоровая идея, сформулированная в свое время Э. Дюркгеймом в работе «Педагогика и социология» и состоящая в доказательстве сильной зависимости педагогики от социологии, причем гораздо более сильной, чем от любой другой науки (см. об этом подробнее в первой части учебника).

Развитие социологических исследований в сфере образования было вызвано глубокими реформами школы, всей системы обучения и воспитания, доставшейся в наследство от дореволюционной России. Не касаясь их содержания, отметим, что исследования были многоаспектными и затронули особенно глубоко область психологии обучения, сферы поведения молодежи, подростков (Н.А. Бухгольц, А.М. Гельмонт, Н.Н. Иорданский, В.Е. Смирнов и др.). Интересное исследование по проблеме одаренности выполнил Струмилин, в 1925 г. выпустил книгу «Психология юношеского возраста» Смирнов.

¹ Луначарский А. В. Социологические предпосылки советской педагогики // О воспитании и образовании М., 1976. С. 191.

Говоря об отраслях социологии, развивавшихся в 1920-х — начале 1930-х гг., необходимо отметить исследования в области социологии религии (А.И. Клибанов, Е.Ф. Федоров), социологии народонаселения (Л.Л. Паперный, Б.Я. Смулевич), социологии преступного поведения (В.В. Внуков, А.А. Герцензон), социологии искусства (Р.И. Егизаров, А.В. Трояновский), социологии города (Н.О. Мещеряков, Л.М. Сабсо-вич) и др. Конечно, это были начальные таги в развитии отраслей социологического знания. Однако в ходе проводившихся в их рамках исследований накапливался очень важный эмпирический материал, который служил базой не только для теоретических (пусть и весьма скромных) обобщений, но и практических выводов для выработки определенной социальной политики и государственных решений.

Отечественная социология не могла развиваться без разработки методологии, совершенствования методики и техники конкретных исследований. Базой для таких работ послужили дореволюционные исследования в России, которые осуществляли земские статистики. Традиции, ими заложенные, не пропали даром. Российские социологи постоянно обращались к данным социальной статистики. Этому способствовало создание в 1925 г. «Общества статистиков-марксистов» и издание журнала «Статистика труда».

В 1920-х гг., по существу, использовалась вся палитра методов конкретного социологического исследования. Применялись опросы (в том числе массовые, например при изучении восприятия кино зрителями), интервью, беседы, наблюдение, контент-анализ документов (в ходе изучения писем рабочих корреспондентов), эксперименты, анализ бюджетов времени и др.

Характеризуя работы в области методики и техники конкретного социологического исследования 1920-х гг., нужно отметить, что свою большую роль сыграли труды А.В. Болтунова (методика проведения анкетных обследований), Н.Д. Левитова (проблемы методики и техники социально-психологических исследований), П.И. Люблинского (методика социального обследования детей), С.Г. Струмилина (методология и методика изучения бюджетов времени, разработка статистических методов обработки и анализа данных), А.В. Чаянова (вопросы методики бюджетных исследований) и др. В них давалась оценка использованному социологическому инструментарию, высказывались советы и рекомендации по его совершенствованию, обобщался опыт организации и проведения как полевых, так и экспериментальных исследований.

Однако при всех успехах и достижениях в этой области существовал и ряд недостатков, которые тормозили быстрое развитие конкретных исследований. Среди недостатков нулено в первую очередь отметить частое отсутствие глубоких теоретических выводов, что было следствием налета эмпиризма. Большой фактический эмпирический материал, как пра-

вило, лишь описывался без серьезного и детального анализа. Работы же, построенные на трактовке этого материала, далеко не всегда содержали в себе глубокие обобщения и новаторские идеи. Еще одним серьезным недостатком был невысокий уровень обработки полученной информации. Сама обработка осуществлялась вручную. Но, поскольку материала было много, на нее уходило много времени, по отдельным исследованиям (особенно связанным с изучением бюджетов времени) — годы. Исследования получались весьма протяженными по времени, вследствие этого — дорогостоящими, выводы же оказывались запоздалыми и не всегда соответствовали тем целям и задачам, которые перед социологами ставились вначале.

§ 3. Итоги периода

Подводя итог развитию отечественной социологической науки в период 1920-х — начала 1930-х гг. в целом, следует иметь в виду противоречивый характер этого процесса. С одной стороны, необходимо видеть реальные достижения, связанные с попытками институционализировать социологию, развивать социологическую теорию (пусть и в рамках весьма ограниченных возможностей марксизма) и отдельные отрасли социологического знания, проводить конкретные социологические исследования, совершенствовать их организацию, методiku и технику, публиковать результаты научных изысканий в виде учебников, монографий, книг, брошюр, статей. Требуют положительной оценки имевшие место в первые послереволюционные годы попытки социологического образования и просвещения, равно как и появлявшиеся в то время возможности сосуществования и взаимодействия в дискуссионной форме марксистской и немарксистской социологии.

С другой стороны, нельзя не отметить постепенное превращение социологии в служанку партийного и государственного руководства страны, в придаток идеологической машины, направленной на оправдание его внешней и внутренней политики, насильственной коллективизации, кровавой расправы с миллионами людей под видом их раскулачивания, голода, массовых репрессий, поддержание в обществе процесса происходящей канонизации марксизма-ленинизма. Но социология не сумела справиться с этими задачами, и не потому, что ее представители не хотели их решать. Они просто не могли это делать вследствие специфики самой науки, особенно эмпирических социологических исследований, в ходе которых приходилось обращаться с вопросами к населению и получать, следовательно, правдивую информацию. Таким образом, то, что представлялось тогда таким естественным, на самом деле оказалось путем социологии в «черную ночь», в период запрета и забвения.

Происходит сначала умаление роли и падение значения социологического знания в новых условиях резко ухудшившейся в экономическом, социальном и политическом отношениях жизни. В начале 1930-х гг. оно становится ненужным, поскольку практически оказывается не в состоянии выдавать черное за белое. Затем на возникшую «объективную ненужность» накладывается антисоциологическая линия борцов за чистоту марксизма-ленинизма, отрицавшая вообще право социологии на существование.

Этим аргументом немедленно воспользовался сталинский режим, которому социология как наука, раскрывающая противоречия общественных процессов широкого социального и конкретного локального характера, была не нужна. Тоталитарная система вполне могла обойтись без их изучения. Более того, социологические исследования вследствие их научной природы и социальных функций становились просто опасными. Социология объявляется буржуазной лженаукой, сам термин, означавший название науки, изымается из употребления на несколько десятилетий. Целое поколение (а то и два) советских людей оказывается лишенным всякого представления о социологии, ее сути, особенностях и возможностях.

Что касается самих социологов, то их судьба в искомом обществе оказалась незавидной. Часть из них вынуждена была оставить профессиональную социологическую деятельность и заняться какой-либо иной работой — в соответствии с собственными возможностями и способностями. Другая часть по-прежнему стремилась отстаивать творческий дух любимой науки и правдиво анализировать социальные процессы. Понятно, что судьба этих людей оказалась поистине трагичной. «Каток тоталитаризма прокатился по личным судьбам многих отечественных социологов, но самой науке в целом, по ее контактам с другими национальными ветвями знания» [Голосенко, Козловский. 1995. С. 521.

Трагичной оказалась судьба не только многих людей, но и целых научных коллективов, институтов, которые оказались разфомлепными. В этом отношении представляет интерес интервью, которое дала академик Т.И. Заславская журналу «Огонек». В нем она приводит воспоминания своих коллег о том, как реально происходило уничтожение экономической и социологической науки: «В 1930-х годах в Академии наук СССР существовал то ли один институт аграрных проблем (точное название не помню), то ли далее два института аграрного профиля. И вот однажды, в 1934-м или 1935 году, сотрудники, как обычно, пришли на работу, а войти в институт не смогли. На дверях было объявление о том, что в течение ближайших двух-трех дней институт будет закрыт на профилактику или срочный ремонт и сотрудников просят работать дома. В назначенный срок двери оказались открыты, люди прошли к своим рабочим местам и обнаружили... пустые столы и шкафы. Все до последнего листка бумаги было изъято: собранная в экспедициях первичная информация, социоло-

гические анкеты, данные их разработки, находившиеся в работе отчеты, статьи, диссертации.

Не правда ли, сильная акция? Это ведь был целый научный институт, причем достаточно яркий и иорчский. И так, в один миг он был раздавлен. А потом социоло! ия превратилась в "буржуазную" науку и была, как и вес общественные пауки, превращена в сферу схоластики, цитатничест-

ва и догматизма»¹.

Возрождение отечественной социологии, как известно, началось в период «хрущевской оттепели», в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Но до этого было еще десятилетие с конца 1940-х гг., когда термин «социология» вновь стал использоваться, однако в иных, чем в 1920-х гг., целях — критики зарубежных или, что точнее для того времени, буржуазных социологических концепций. Этой работой было поручено специально заниматься одному из секторов в Институте философии АН СССР. Появился особый жанр «критики буржуазной социологии», который надолго вошел в структуру научной социологической деятельности. Безэтого своеобразного «грифа» ни диссертации, ни книги, ни статьи, в которых рассматривались зарубежные социологические теории, не могли быть защищены либо опубликованы на протяжении нескольких следующих десятилетий, по существу вплоть до середины 1980-х гг. Но об этом — уже в следующей главе.

Вопросы и задания

1. Назовите основные периоды развития отечественной социологии в XXв. Какие критерии положены в основу приводимой вами периодизации?
2. • Охарактеризуйте содержание развития отечественной социологии в 1917—1922 гг.

Какие наиболее важные процессы развития социологической науки в это время вы специально подчеркнули бы?
3. Почему в первые годы советской власти представители немарксистской линии в развитии отечественной социологии имели определенные возможности для творческой деятельности? Почему ситуация в корне изменилась к концу 1922 г.?
4. Что собой представляло развитие марксистской теоретической социологии в СССР в 1920-х гг.? Охарактеризуйте наиболее важные, с вашей точки зрения, процессы, в ней происходившие.
5. Определите основные теоретические позиции (мнения), существовавшие в 1920-х гг. в стране относительно социологии как науки
6. Какие проблемы развития теоретической социологии поднимались в работах отечественных авторов 1920-х гг.?
7. Охарактеризуйте процесс развития эмпирических и прикладных социологических исследований в СССР в 1920-х гг. В каких отраслях социологии исследования проводились наиболее активно и почему?
8. Какие проблемы труда, производства и управления вызвали у специалистов особый интерес и почему?

— *Заславская Т.И.* Народ безмолвствует! // Огонек. 1988. № 41. С. 6.

- 9 Расскажите об исследованиях бюджетов времени, проводившихся в стране под руководством С.Г. Струмилина.
10. Какие методы конкретного исследования применялись социологами? Приведите примеры.
- И. Подведите итоги развития отечественной теоретической и эмпирической социологии в 1920-х гг. Покажите ее реальные достижения и недостатки, а также те проблемы, которые ей предстояло решать.
12. Почему на развитие отечественной социологии было наложено «табу»? Как это было сделано? ~

Литература

- Винклер РЛ, Голенкова З Т, Гридчин Ю В.* Становление и развитие марксистско-ленинской социологии в СССР в 20—30-е годы // История становления советской социологической науки в 20—30-е годы. М, 1989
- Гастев А К.* Как надо работать. М., 1972
- Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX—XXвв. М, 1995.
- История социологии. Минск, 1993.
- История становления советской социологической науки в 20—30-е годы. М , 1989.
- Капитонов Э А.* Социология XXвека. Ростов н/Д., 1996.
- Култыгин В П* История российской социологии. М., 1994
- Култыгин В П.* Классическая социология. М., 2000.
- Новикова С.С* История развития социологии в России. М; Воронеж, 1996.
- Новикова С.С.* Социология история, основы, институционализация в России. М; Воронеж, 2000.
- Сорокин П.* Долгий путь. Автобиографический роман Сыктывкар, 1991.
- Сорокин ПА.* Состояние русской социологии за 1918—1922 гг // Общедоступный учебник социологии. М, 1994
- Социология в России. М., 1998.
- Чегин Б.А , Клушин В И* Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. Л., 1975

Глава 30

Отечественная социология в конце 1950-х -1980-е гг.

§ 1. Возрождение отечественной социологии (конец 1950-х - начало 1970-х гг.)

Социологические исследования в стране вновь приобретают права гражданства лишь в конце 1950-х — начале 1960-х гг., во время «хрущевской оттепели». На то были причины и экономического, и социального, и идеологического порядка. Целесообразнее всего начать с последних, поскольку они во многом определяли отношение к социологической науке в целом. Речь идет о разоблачении культа личности Сталина и некоторых идеологических свободах, которые стали возможными в новых условиях, в том числе и о частичном восстановлении свободы творчества в области социальных наук. С учетом этого обстоятельства нельзя было не вспомнить о социологии, тем более что стала ощущаться потребность в знании реальных экономических и социальных процессов, которое позволило бы более эффективно ими управлять. После того как было восстановлено разрушенное войной народное хозяйство и наметились успехи в экономической и социальной сферах, в обществе стали заметнее проблемы и противоречия, которые требовали своего решения.

Первые попытки возрождения

К концу 1950-х гг. удалось впервые (после разгрома социологической науки в 1930-х гг.) высказать позитивное отношение к проблемам ее развития. Как отмечалось в конце предшествующей главы, критическое отношение к зарубежной социологии уже было «разрешено» и даже поощрялось. Это означало, что ряд авторов, владевших иностранным языком (количество таких людей в общественных науках исчислялось единицами), при наличии соответствующего доступа к зарубежной социологической литературе мог позволить себе не только ее читать, но и выступать с критикой западных концепций публично — в книгах, статьях, диссертациях. Более того, стало возможным впервые за несколько десятилетий переводить некоторые работы на русский язык (так появились на свет в 1958 г. «Социометрия» Дж. Морено, в 1959 г. «Властвующая элита» Ч.Р. Миллса и в 1961 г. «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» под редакцией А. Боскова и Г. Беккера). Это был, пожалуй, первый открытый шлюз, позволивший интересующимся социологией заняться ею.

Сущее темную роль играло понимание критиками своего предназначения и своей социальной роли. Если задачей номер один становилось «уничтожение» идейного врага — буржуазного социолога или его теории, то читатель такой критической работы получал от нее мало позитивного. Под последним мы понимаем реальную объективную информацию о существовании концепции, обширное цитирование зарубежных авторов, которое могло бы познакомить читателя с «фактурой» тех или иных теорий.

Другое дело, когда критик, обвиняя своего зарубежного оппонента во всех «смертных грехах» — идеализме, метафизичности, механицизме и т.д. (а без этого работа просто не прошла бы цензуру и не превратилась в публикацию), тем не менее показывал реальное содержание теорий и интересовал ими читателей. Эпитеты же, которыми «награждались» западные социологи, играли роль идеологического камуфляжа. В этом отношении автор не может не вспомнить одного из блестящих отечественных социологов профессора Л.Н. Когана. Обладая великолепным чувством юмора, он однажды в своем выступлении в качестве официального оппонента на защите кандидатской диссертации по зарубежной социологии (состоявшейся в апреле 1965 г.) отмечал, что для критики какой угодно буржуазной социологической теории достаточно использовать в любой комбинации три термина — «пресловутый», «якобы», «кавычки». Этого уже было бы достаточно, по его мнению, для присуждения искомой ученой степени. Если же диссертант выходил за пределы этой «святой троицы», показывая реальные достижения зарубежной социологии, то ему вообще следовало бы воздать честь и хвалу.

Теперь о других шлюзах, открывших путь к занятиям социологией в стране. В этом качестве следует рассматривать первые публикации и выступления отечественных ученых, посвященные необходимости развития как теоретической социологии, так и эмпирических исследований наиболее актуальных экономических и социальных проблем. Одна из таких публикаций — статья академика В.С. Немчинова «Социология и статистика»¹. В ней автор, рассуждая как экономист, поставил вопрос о необходимости проведения социологических исследований, которые могли бы приносить нашему обществу большую финансовую прибыль. При этом социология рассматривалась им как самостоятельная паука, обладающая своеобразным «социоинженерным» вектором. Объектом социологического исследования могли бы быть, по мнению Немчинова, массовые процессы, анализируемые в тесной связи со статистическими показателями.

Через два года в этом же журнале была напечатана статья немецкого обществоведа (из ГДР) Ю. Кучинского «Социологические законы»², в которой он предложил разделить проблематику социологии и историческо-

¹ Немчинов В.С. Социология и стагистика // Вопросы философии. 1955 № 6. 2
² Кучинский Ю. Социологические законы // Вопросы философии 1957 № 5.

ю материализма. Возникла дискуссия, посвященная месту и роли социологии в марксизме (которая уже по счету, начиная с 1920-х гг., но, как выяснилось в ближайшие годы и даже десятилетия, далеко не последняя).

Первые попытки институционализации

Между названными двумя знаковыми публикациями (статьи Немчинова и Кучинского) в журнале «Вопросы философии» (другого в стране в то время просто не было; поскольку же социология долгое время считалась философской наукой, то все материалы о ней печатались в этом журнале) состоялись не менее важные для возрождения отечественной социологии события, связанные с первым выходом СССР на международную социологическую арену. Речь идет об участии в работе III Всемирного социологического конгресса (Амстердам, 1956) советской делегации во главе с академиком П.Н. Федосеевым, которое преследовало цель признания отечественной социологической науки (еще реально отсутствовавшей!) в мире и было первым шагом на этом пути.

Второй шаг предстояло сделать через год, в 1958 г., когда в Москве было создано международное совещание социологов с приглашением на него президентом Международной социологической ассоциации (МСА) французского ученого Ж. Фридмана и таких известных за рубежом исследователей, как Р. Арон (Франция), Т. Боттомор (Англия), Э. Хьюз (США), Г. Шльски (ФРГ) и др. Справедливости ради надо отметить, что к контактам стремилась и МСА, что вытекало из духа ее работы как организации, действующей в рамках ЮНЕСКО и стремящейся к расширению своего влияния в мире. На этом совещании главный доклад, сделанный Федосеевым с советской стороны, был посвящен проблеме мирного сосуществования в социологических исследованиях и преподавании социологии. Это был резкий скачок вперед в деле признания значительной роли социологической науки в марксизме.

С учетом названных двух шагов (участия во Всемирном социологическом конгрессе и проведения в Москве международного совещания социологов), а также в связи с приглашением большой группы зарубежных ученых посетить СССР в конце 1950-х гг. (всего за четыре года в стране побывало более 200 известных зарубежных философов и социологов, включая Т. Парсонса, Р. Мертона, А. Гоулднера, Ч.Р. Миллса, У. Ростоу и др.), по всей видимости, есть основания утверждать, что отечественная социология возрождалась вначале в своеобразной «экспортной модели». Таким образом, процесс ее институционализации начинался не «изнутри», а «извне».

Продолжением этого процесса явилось создание в 1958 г. Советской социологической ассоциации (ССА), которая в том же году стала членом МСА. Первым президентом ССА был Ю.П. Францев, а вице-президентом — Г.В. Осипов. Несмотря на то что ССА возникла как добровольное объединение ученых и организаций, занимающихся исследованием в стране социологических проблем, первоначальной ее задачей было представлять отечествен-

ную социологию на международной арене. В целом следует отметить, что процесс «внешней» институционализации этой науки, как бы он ни был оторван от внутренних потребностей ее развития, явился все же важным и серьезным стимулом для развертывания социологических исследований в стране.

В самом же Советском Союзе возрождение социологии, начавшись с конца 1950-х гг., шло параллельно с двух сторон — теоретической и эмпирической. В теоретическом плане продолжались бесконечные дебаты о месте социологии в марксизме, о ее соотношении с диалектическим и историческим материализмом, о том, как соотносится теоретическая социология с эмпирическими (прикладными) исследованиями и является ли она вообще социологией. В этих дискуссиях постоянно ставились вопросы, что для чего и как выступает методологической основой. Не случайно на Западе споры на эту тему в СССР были определены как «семейная склока».

Тем временем проводились одно за другим конкретные социологические исследования, масштабы и значение которых возрастали год от года, что заставляло обращать на них самое пристальное внимание и ставить вопрос о широком общественном признании социологии. В 1961 г. вышла книга «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в СССР» (под редакцией М.Т. Иовчука), написанная на материалах крупного социологического исследования, проведенного уральскими социологами на промышленных предприятиях Свердловской области. Она была замечена «верхами», получила положительную оценку и одобрение. Тем самым был задан импульс к исследованию круга проблем, в которых отразился интерес к рабочему классу и его культуре, на многие последующие годы. Большую роль в подготовке названной книги сыграла первая в стране вузовская социологическая лаборатория, созданная в 1960 г. в Уральском государственном университете. Именно ее сотрудники участвовали в сборе эмпирического материала на ряде предприятий Свердловска и Свердловской области, который лег в основу книги.

Под руководством Г.В. Осипова происходило изучение трудовых коллективов на московских и горьковских заводах. Началось исследование отношения к труду молодых ленинградских рабочих (под руководством В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова) в рамках созданной при ЛГУ лаборатории социологических исследований. Ее успешная работа явилась своеобразным толчком для появления аналогичных лабораторий в ряде других университетов страны (Московском, Киевском, Белорусском, Казанском и др.), быстро превратившихся в центры подготовки и проведения многих социологических исследований. Здесь следует также сказать о том, что первая кафедра конкретных социологических исследований была создана в МГУ в 1964 г.

К этому времени в стране уже существовало первое академическое подразделение социологического профиля — созданный в 1960 г. сектор исследований новых форм труда и быта в Институте философии АН СССР (руководитель Г.В. Осипов), ставший в 1966 г. отделом конкретных социальных исследований. Для институционализации социологии имело большое значе-

ние создание в АН СССР Научного совета по проблемам конкретных социальных исследований. Помимо Института философии с его специализированным отделом к работе совета подключались другие академические институты, где создавались структуры, занимавшиеся организацией и проведением социологических исследований: Институт экономики, Институт этнографии, Институт государства и права. В первом была создана лаборатория социально-экономических и демографических проблем, во втором появился сектор конкретных исследований культуры и быта народов СССР, в третьем возникла лаборатория социально-правовых исследований.

В стране быстро рос интерес к эмпирическому изучению конкретных социальных проблем с помощью социологических методов. В вузах стремительно увеличивалось количество преподавателей, стремившихся к этой работе. Появлялись первые социологические службы на крупных промышленных предприятиях, особенно тех, которыми руководили масштабно мыслящие директора. По официальным данным, к середине 1960-х гг. в стране занимались социологическими исследованиями около 2 тыс. человек. Росту такого интереса, безусловно, способствовало появление серьезной социологической литературы.

В 1960-х гг. был выпущен целый ряд книг по социологии, сыгравших очень важную роль в становлении ее как науки и практической сферы деятельности. Среди них следует назвать в первую очередь книги А.Г. Харчева «Брак и семья в СССР» и Г.А. Прудского «Время и труд» (1964), пятитомное собрание сочинений С.Г. Струмилина (1965), результаты социологического исследования села «Копанка 25 лет спустя» (1965), двухтомник «Социология в СССР» (1966), монографии по материалам исследований ленинградских, горьковских и московских рабочих «Человек и его работа» и «Рабочий класс и технический прогресс» (1967), книгу И.С. Копы «Социология личности» (1967), работы Б.А. Грушина «Свободное время. Актуальные проблемы», «Мнения о мире и мир мнений» (1967), курс лекций В.А. Ядова «Методология и процедуры социологических исследований» (1968).

В этих публикациях, с одной стороны, был обобщен опыт и подведены итоги ряда важных исследований рабочего класса и крестьянства, социальных процессов в городе и на селе, проблем рабочего и вне рабочего (в том числе свободного) времени и др. С другой стороны, как показали названные выше работы, появилась возможность ставить серьезные теоретические проблемы развития социологии в обществе, ее возрастающей роли и перспектив влияния на социум. Среди наиболее важных направлений теоретических исследований оказались разработки социальной структуры общества, личности, брака и семьи, молодежи, труда, культуры и др. Заметный интерес был проявлен к вопросам методологии, методики, техники и процедуры социологического исследования.

Стало очевидно, что у социологии имеется свой категориальный аппарат, своя система понятий, которая обладает значительной спецификой и позволяет рассматривать общество и его конкретные проблемы, не прибе-

гая постоянно к использованию философских абстракций. При этом становилось ясно, что социологические понятия могут быть переведены на операциональный уровень исследования и с помощью определенных систем показателей заложены в его инструментарий. Наиболее упофоби-тельши становились такие социологические категории, как социальная структура, социальные группы, социальные институты, социальные организации, социальный тип, личность, культура, социальное взаимодействие, социальные взаимосвязи и др. Работа с этими узловыми понятиями могла проводиться лишь социологами, представители других сфер общественного знания были не в состоянии ее осуществить.

В совокупности все это дало возможность впервые поставить вопрос о самостоятельности социологии как науки и необходимости ее институци-онализации в данном качестве. Однако такая ситуация никак не вписывалась в прокрустово ложе трех составных частей марксизма (философия диалектического и исторического материализма, марксистская политическая экономия, научный коммунизм). Кроме того, возникала другая, не менее серьезная угроза — получить не просто опасного в теоретическом отношении конкурента, а «вскормить па груди» социалистического общества змею, которая потом будет бродить жалить его в самые болезненные места, убедительно и конкретно показывая противоречия, недостатки и слабости социального организма.

Понятно поэтому, что сложившееся положение дел вызвало бешеное сопротивление противников социологии как особой самостоятельной пауки и в конце концов привело к тому, что власть предержавшие идеологи объявили ее прикладной дисциплиной. По существу, это было силовое решение: сначала дать подискутировать, а потом объявить, что самостоятельной науки социологии нет и быть не может. В лучшем случае есть прикладные социологические исследования, которые, безусловно, важны и полезны, но не могут претендовать на статус полновесной социальной науки.

Что касается теоретических проблем, исследовавшихся социологией, то они были провозглашены «несоциологическими» по своему характеру, т.е. выходящими за пределы конкретных исследований, и «переданы» в ведение философии, политэкономии либо научного коммунизма (в зависимости от их вектора и содержания). Так произошло искусственное разделение теоретической и эмпирической социологии, в результате чего возникла парадоксальная ситуация: теоретическая социология отныне существовала в рамках философской теории, которая теперь должна была базироваться на нефилософских (социологических) данных о состоянии конкретной социальной реальности.

Продолжение институционализации (конец 1960-х - начало 1970-х гг.)

Период конца 1960-х — начала 1970-х гг. явился, по справедливой характеристике Г.С. Батыгина, социологическим ренессансом для отечествен-

пой пауки¹. Пожалуй, ни до, ни после этого пятилетия в границах советского общества не было такого удачного времени для развития социологии. Конечно, его не стоит идеализировать. По-прежнему осуществлялся жесткий партийно-идеологический контроль за состоянием дел в социологической науке (более того, как будет показано дальше, в ряде случаев он ужаснулся); по-прежнему ей опаздывалось в праве быть самостоятельной наукой; по-прежнему в стране не создавалось никаких предпосылок для появления социологического образования и подготовки профессиональных социологов. Однако появились важные симптомы дальнейшей институционализации социологии и ее развития. Среди свидетельств этого процесса в мерную очередь следует назвать появление первого в стране специализированного академического научно-исследовательского института.

В 1968 г. был создан Институт конкретных социологических исследований (ИКСИ АН СССР), первым директором которого стал академик А.М. Румянцев, бывший в то время вице-президентом Академии наук. Появление института и с-1 о первые шаги (исследования, публикации), создание благоприятной научной атмосферы, привлечение к работе института лучших социологических сил страны, дух дискуссий и исследовательского поиска — все это придавало деятельности нового научного учреждения особый имидж. Его не могли омрачить даже неблагоприятные на первых порах бытовые условия: институт в начале своего существования ютился в подвальном помещении дома (по этому поводу исто время ходили мрачные шутки относительно того, что не успела социология утвердиться, как ее уже загнали в подполье).

В течение первого года работы научными сотрудниками института, помимо плановых академических исследований, было проведено около 20 опросов по заданию различных партийных органов. Другими словами, он сразу зарекомендовал себя как серьезное и эффективно работающее научное подразделение. В институте издавался «Информационный бюллетень» (ротационное издание), в котором публиковались исследовательские проекты и результаты теоретических и эмпирических исследований. Если учесть, что часть книжек (бюллетеней) рассылалась членам Советской социологической ассоциации по всей стране, можно попятить, какую важную роль играло это издание, знакомявшее социологическую общественность с важнейшими результатами научных поисков. В то время выходила серия книг малого формата под рубрикой «О чем думают, над чем работают советские философы» (серию открыла названная выше книга И.С. Кона «Социология личности»). Выпуски «Информационного бюллетеня», вероятно, могли бы идти под рубрикой «О чем думают, над чем работают советские социологи».

В самом ИКСИ появилась своя аспирантура, готовившая молодое поколение социологов (к началу 1970 г. в ней училось в различных формах около 80 человек из многих республик страны). Филиал института был создан

¹ См. Социология в России. М., 1998. С 37.

в Ленинграде (позднее и в некоторых других городах). В 1970 г. в соааве ИКСИ организовался Цешр изучения общественного мнения во главе с Б.А. Грушиным, однако он успел провести только три всесоюзных опроса, поскольку в 1972 г. был ликвидирован.

Процесс институционализации социологии в конце 1960-х — начале 1970-х гг. вышел за пределы Москвы и охватил многие республики и крупные области. В ряде академических институтов страны были созданы социологические отделы. Так, в Ленинграде это был Инштут социально-экономических проблем, в Свердловске — Институт экономики, в Новосибирске — Институт экономики и организации промышленного производства. Социологические структуры (отделы, секторы, лаборатории) появились в некоторых союзных республиках: на Украине, в Белоруссии, в Литве, Эстонии, Грузии, Армении.

Не осталась в стороне от процесса институционализации и вузовская наука. В Ленинградском университете был учрежден Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ). Продолжился процесс создания вузовских (в основном университетских) социологических лабораторий.

На состояние и развитие социологии в стране повлияло участие довольно представительной группы советских ученых в работе VII Всемирного социологического конгресса в Варне осенью 1970 г. Если в деятельности предшествующих конгрессов участвовали очень ограниченные по составу делегации (так, на IV конгрессе в Милане в Делегации отечественных социологов было всего 11 человек), то в Варне присутствовало уже 270 социологов из СССР (всего же делегатов было около 4 тыс. человек). Некоторые из них (увы, далеко не все из-за слабой языковой подготовки, поскольку у конгресса было два рабочих языка — английский и французский) выступили с докладами и участвовали в дискуссии.

Наряду с глубоко позитивными явлениями, свидетельствовавшими о развитии отечественной социологии, в этот период появились и достаточно угрожающие симптомы партийно-идеологического нажима, давления и наступления реакции. Первые удары были нанесены по ИКСИ, который представлялся партийным органам (самых разных уровней) все больше и больше эдаким рассадником либерализма и чужеродных марксизму и социализму идей. Еще одной причиной идеологического наступления партократии явился назревавший конфликт между ИКСИ (в виде отчетов научных сотрудников об исследованиях и публикаций их результатов) и ведомствами, курирующими социальную сферу под руководством КПСС. Последние сигнализировали о полном благополучии и прогрессе в названной сфере, тогда как данные социологов, мягко говоря, не совпадали с этой эйфорией. Наконец, нельзя не добавить такую причину, как события в Чехословакии 1968 г., и очень неоднозначную реакцию на них среди интеллектуального «бомонда», в том числе и социологического.

Поводом для наступления на ИКСИ и в делом на социологическую науку явилась публикация «Лекций по социологии» Ю.А. Левады в 1969 г. Небольшое ротапринтное издание тиражом 980 экземпляров (в двух частях) представляло собой конспективное изложение лекций, которые он читал для студентов факультета журналистики МГУ в течение нескольких лет. По существу, это был едва ли не первый (или один из первых) публично прочитанный лекционный курс по дисциплине, которая не была конституирована в вузе и по которой, совершенно очевидно, не было ни учебников, ни учебных пособий. Курс читался как факультативный и пользовался большим успехом у студентов. На лекции ходили не только будущие журналисты, но и студенты других факультетов, причем многие из простого любопытства, для того чтобы узнать, что это такое — социология.

Совершенно очевидно, что в условиях отсутствия отечественной учебной литературы по социологии Левада использовал материалы зарубежных социологических изданий, чем навлек гнев философской партократии (ее интересы тогда представляли в первую очередь академики Ф.В. Константинов и П.Н. Федосеев). Но дело было не только в «некритическом» использовании зарубежной социологии. От «Лекций...» веяло духом социологического свободомыслия, а это уже становилось слишком опасным. Кроме того, книга была абсолютно не «истматовской». Обсуждение и осуждение Левады было бурным, показало, в числе прочих вещей, наличие раскола среди социологов, одни из которых поддерживали автора курса лекций (явно и неявно), другие — осудили, третьи предпочли отмолчаться. В результате ученого «примерно» наказали, объявив ему по партийной линии строгий выговор с занесением в учетную карточку, освободив от должности секретаря парторганизации, которую он занимал в ИКСИ, и лишив права читать лекции в качестве профессора в МГУ.

Вслед за книгой Левады резкой критике подверглась еще одна социологическая работа, вышедшая в 1970 г. под редакцией и со вступительной статьей Г.В. Осипова, — «Моделирование социальных процессов». В ней доказывалась необходимость признания самостоятельности социологии как науки. Осуждение было не столь громким, как предшествующее, но явилось непосредственным поводом для фронтальной проверки работы ИКСИ мощной партийной комиссией с четкой установкой — разгромить очаг социологического свободомыслия и либерализма и сдвинуть с работы главного социологического «либерала» — директора института академика А.М. Румянцева. За короткий промежуток времени — 2 месяца — цель была достигнута.

В мае 1972 г. Румянцев был отстранен от руководства институтом. Должность директора занял приглашенный из Свердловска М.Н. Руткевич. Изменилось название института: вместо ИКСИ появился ИСИ (Институт социологических исследований АН СССР). Были освобождены от работы либо уволились по собственному желанию (в силу невозможности сотрудничать с новым руководством) ведущие ученые института Ф.М. Бурлацкий,

Б.А. Грушин, И.С. Ко», П.И. Лапин, Ю.А. Левада, В.Б. Ольшанский, В.И. Шубкин, В.А. Ядов и др. Произошла реорганизация института, ряд научных подразделений был упразднен. Изменилась научная проблематика исследований. В институте стало невозможно публиковать работы. Было запрещено издание «Информационного бюллетеня ССА». Так закончился период социологического ренессанса и наступил, по образному выражению В.Э. Шляпехова, «век серости», который продолжался вплоть до конца 1980-х гг. Завершилась «оттепель» и наступило «социологическое похолодание».

§ 2. Социология в СССР в период застоя (1970-1980-е гг.)

Особенности ситуации в социологии в период застоя

На состоянии социологии не мог не сказаться общий дух «застоя». Науке с большим трудом приходилось преодолевать сопротивление командно-административной системы. Партийно-бюрократическому аппарату социолога если и была нужна, то только лишь как инструмент апологетики его деятельности. Поэтому со стороны аппарата постоянно чинились препятствия талантливым ученым, выводы ряда интересных исследований не публиковались вследствие остроты анализируемых проблем. Некоторые социологи подвергались гонениям, отдельные ученые вынуждены были уехать за границу. Командно-административный стиль деятельности партийно-государственной машины и подавляющего большинства ее представителей не миновал и социологию. Если в период «застоя» она как-то и развивалась (далее будут показаны ее реальные достижения), то происходило это не благодаря партийной «заботе» о прогрессе науки, а вопреки ей. Таким образом, имеет смысл говорить о противоречивом характере состояния социологической науки в период застоя.

Ситуация в отечественной социологии 1970—1980-х гг. определялась рядом особенностей. Во-первых, резко усилилось социологическое мифотворчество, которое, по существу, носило заказной характер. Оно было направлено на апологетику тех сторон жизнедеятельности общества, которые в реальности отсутствовали: усиление социальной однородности общества, сближение классов и социальных групп, образование новой исторической и социальной общности — «советский народ», гармонизация национальных отношений, движение за коммунистический труд, единодушное одобрение партийных решений и т.д. Будучи изобретенными не социологами, а представителями таких общественных наук, как философия и особенно научный коммунизм, эти мифы должны были получить социологическое обоснование, причем с помощью конкретных исследований. Таким был социальный заказ партийно-государственного аппарата, и социология «отрабатывала» оказанное ей доверие.

Социологические исследования были призваны идеологически обеспечить правдивость мифа о стабильности и процветании советской системы и общества развитого социализма, тогда как па самом деле уже давно начались их застой, стагнация и даже гниение. Об этом свидетельствовало мною обстоятельств, которые социологам были хорошо видны: развитие теневой экономики, коррумпированность чиновничьего партийно-государственного аппарата, растущая криминализация общества, резкое падение стимулов к труду в условиях всеобщей уравниловки, имитация деятельности и активности вместо реальной деятельности и активности и т.д.

Во-вторых, несмотря на растущее стремление социологии и социологов доказать свою полезность и необходимость для общества и его конкретных структур, снижается уровень востребованности как теоретической, так и эмпирической (в том числе и прикладной) социологии. Оптимальным становится использование отдельных данных социологических исследований в /(окладах и отчетах власть предержащих для иллюстрации каких-либо положений, чаще всего позитивно характеризующих общественное развитие в условиях социализма.

В-третьих, многочисленные попытки доказать необходимость профессиональной и образовательной институционализации социологической науки за счет введения должностей социолога на предприятиях и в учреждениях и открытия профессионального социологического образования постоянно наталкивались па ожесточенное сопротивление со стороны людей, противодействовавших признанию самостоятельности социологической науки. Ибо эти стороны дела - ее самостоятельность, профессиональное социологическое образование и официальное признание профессии социолога, т.е. то, что «совокупности составляет костяк институционализации, — тесно связаны между собой, и допустить одно означало бы как или иначе допустить другое. Было гораздо спокойнее оставить за социологией лишь проведение конкретных исследований.

Однако в таком случае препятствием для признания самостоятельности социологии становился низкий уровень социологической науки и практики, ощущавшийся все сильнее и сильнее. Другими словами, социология оказывалась в роли «голового короля», у которого не было достойной свиты, его «играющей». «Свита», строго говоря, существовала в виде множества социологов-дилетантов, не получивших необходимого профессионального образования. «Свита» была не той, которая должна быть у настоящего «короля».

В-четвертых, в 1970— 1980-х гг. определенным образом снизилась (в сравнении с периодом 1960-х гг.) научная и социальная активность многих ведущих социологов страны (что, впрочем, никак не сказалось на их высоком статусе), которые в условиях ужесточения политико-идеологических тисков вынуждены были зачастую работать «в стол», ожидая наступления иных, лучших времен. Этому в значительной степени способствовала обстановка в ИСИ.

Ее никак нельзя было назвать творческой — ни в 1970-е, ни в 1980-е годы, несмотря на смену трех директоров института (М.Н. Руткевича, Т.В. Рябуш-кина, В.Н. Иванова). Проводя предельно жесткими методами политику партийно-идеологического аппарата (что привело к дальнейшему увольнению ряда сотрудников), Руткевич сам вступил в конфликт организационного характера с людьми, возглавлявшими АН СССР (прежде всего с академиком П.Н. Федосеевым), и был отстранен от руководства институтом в 1976 г.

Однако коренного изменения ситуации в лучшую сторону, создания атмосферы творчества в ИСИ не произошло. Идеологическая линия ЦК КПСС проводилась последовательно и неуклонно. В итоге все это привело к сокращению количества эмпирических исследований и снижению их качества, сохранению обстановки запуганности и профессиональной деморализации.

В-пятых, сузились возможности теоретической конфронтации социологии с философскими и научно-коммунистическими теориями, основанными на материалистическом понимании истории и признании решающей роли материального производства и экономических отношений в развитии общества. Несмотря на то что были предприняты попытки теоретического сочетания структурного, деятельностного и гуманистического аспектов в трактовке общества (а это позволило больше, чем раньше, учитывать роль субъекта социального творчества), принципиально ситуация не изменилась. Сохранилась логика философского, точнее говоря, историко-материалистического подхода, исходным пунктом которого оставался анализ способа производства, на который наслаивалась характеристика всех остальных сфер жизни общества — социальной, политической, духовной, бытовой и т.д. Социологии в этой аналитической ситуации по-прежнему отводилась роль источника лишь эмпирического либо прикладного знания.

В-шестых, отношение к зарубежной социологии по-прежнему определялось официальными партийными установками на продолжение и усиление идеологической борьбы с ней. Последняя была направлена в значительной степени против использования достижений мировой теоретической социологии, которые, по существу, игнорировались и замалчивались. В то время как мировая социология переходила на новую модель теоретического анализа, связанного с разработкой ряда парадигм и исследований тех или иных проблем в рамках каждой из них, представители отечественной социологии не использовали даже этого понятия. Парадигмальный подход как таковой появился в отечественной социологии значительно позже, в 1990-х гг.

Достижения и проблемы

Вместе с тем, говоря о состоянии отечественной социологии в **1970—1980-х** гг., необходимо отметить ее достижения — как институционального, так и содержательного и исследовательского характера. Несмотря на идеологический нажим (точнее сказать, зажим), авторитарные методы,

давление, которое партийный аппарат оказывал постоянно на социологию, ее популярность в обществе росла. Все большее количество регионов, областей и городов давали ей «приют». Защищались диссертации — кандидатские и докторские, и хотя социологических наук в качестве официально конституированных до начала 1990-х гг. не существовало, будущие обладатели ученых степеней писали работы, выполненные на социологическом материале, в основном по философским наукам (чаще всего либо по диалектическому и историческому материализму, либо по научному коммунизму), изредка по экономическим.

Большую роль в развитии отечественной социологии сыграл журнал «Социологические исследования», учрежденный АН СССР. Его первый номер вышел в свет в 1974 г. С начала работы издания по 1986 г. его главным редактором был А.Г. Харчев. Долгое время (почти до конца 1980-х гг.) журнал оставался единственным органом социологической периодики. Журнал работал в очень сложных условиях идеологического прессинга, тем не менее сумел сохранить свое относительно независимое научное лицо и обеспечить достаточно высокий профессиональный уровень публикуемых материалов.

Возникли, утвердились и развивались региональные отделения Советской социологической ассоциации (в Центре, на Северо-Западе, в Поволжье, на Северном Кавказе, Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и, конечно же, во всех союзных республиках). В самой ассоциации появились исследовательские комитеты по многим направлениям социологических исследований, которые возглавлялись, как правило, авторитетными учеными. Региональные отделения и исследовательские комитеты сыграли значительную роль в популяризации социологии, особенно там, где было мало вузов и не существовало академических структур (институтов, отделов, секторов, лабораторий) с социологическим уклоном. Они участвовали в подготовке и проведении конференций и семинаров (вместе с партийными и государственными структурами, а также с вузами и академическими учреждениями), издании социологической литературы.

В середине 1980-х гг. наконец-то появились первые социологические отделения, но только прикладной социологии (к сожалению, не социологии вообще) в Московском и Ленинградском университетах. Другой социологии в стране тогда не существовало. Первые выпуски профессиональных социологов (по 25 человек в каждом университете) были сделаны в 1989 г.

Именно в период застоя приобрела популярность так называемая «заводская», или промышленная, социология. Практическая потребность в ней стала ощущаться уже в 1960-х гг. Начали проводиться социологические исследования на предприятиях. Их организацией занимались, как правило, инженерно-технические работники различных служб и отделов предприятий, выразившие интерес к этому виду деятельности. На различных курсах (чаще всего очно-заочных), семинарах, в университетах марксизма-ленинизма они получали социологические знания, которые

должны были им помочь в проведении исследований. Занятия проводили работники академических структур и вузовские преподаватели, начавшие сами заниматься социологией на несколько лет раньше.

Дело в том, что первые два поколения отечественных социологов не имели специального профессионального образования, которое появилось в стране только в конце 1980-х гг. Подавляющее большинство профессоров и доцентов, ведущих преподавание социологии как общенаучной дисциплины и осуществляющих профессиональную подготовку кадров социологов, не имеют его и сегодня.

Вернемся, однако, к заводским социологам. Количество их росло достаточно быстро. Отдельные, наиболее дальновидные руководители промышленных предприятий с пониманием относились к этим работникам, создавая для них благоприятные условия деятельности, выделяя ставки, предоставляя необходимое помещение и оборудование. Отдельным социологам давались даже квартиры. Нам известен случай, когда социологу одного из крупных челябинских предприятий была предоставлена четырехкомнатная квартира, и это в начале 1970-х гг.!

На предприятиях создавались социологические бюро, лаборатории, отделы и даже службы. Представители заводской социологии стали защищать диссертации. Все это продолжалось вплоть до конца 1980-х — начала 1990-х гг., пока не начался настоящий разгром промышленной социологии, но уже не по идеологическим, а экономическим и финансовым соображениям. Все оказалось предельно просто: как только промышленные предприятия стали «заваливаться», а затем и «валиться», первыми, кого стали увольнять, оказались социологи. Ликвидировались целиком структуры, насчитывавшие в своем составе не только 3—5 человек, по 10, 15 и даже — на крупных предприятиях — 25 социологов.

Можно по-разному оценивать такую ситуацию: и как невысокий уровень работы социологов, их невостребованность на заводах, и как непонимание роли социологии руководством предприятий, и как следствие отношения к этой науке в стране, но факт остается фактом: заводская социология была подрублена под корень и, по существу, прекратила свое существование. Осталась очень небольшая группа специалистов, как правило руководителей социологических служб, которым предлагалось не увольняться с предприятий, а занять какие-либо иные должности.

В содержательном отношении период 1970—1980-х гг. был отмечен появлением ряда интересных и значимых работ, изданных как в Москве и Ленинграде, так и в отдельных регионах, прежде всего в Западной Сибири и на Урале. Несмотря на стремление партийно-идеологического аппарата запретить либо существенно ограничить развитие теоретических и методологических исследований в социологии, ее наиболее видные представители в стране не могли лишиться себя возможности работать в этой области. В первую очередь это касается работ В.А. Ядова, посвященных методологии и

методике социологического исследования и развитию диспозиционной концепции социального поведения личности, Б.А. Грушина о проблемах массового сознания, Т.И. Заславской о методологии системного анализа сельских регионов, А.Г. Здравомыслова об изучении структуры личности, И.С. Кока о самосознании личности, Г.В. Осипова о развитии социологических исследований в стране, В.Н. Шубкина о проблемах молодежи и др.¹

В качестве примера наиболее значительных теоретических достижений отечественной социологии этого периода охарактеризуем диспозиционно-циопную теорию саморегуляции Ядова, раскрытую им в двух работах второй половины 1970-х гг.² В соответствии с этой теорией существует три уровня диспозиций (диспозиция — элемент структуры личности, занимающий одно из центральных мест в ее внутреннем мире и означающий предрасположенность к определенному поведению в конкретных условиях, возможность сделать выбор деятельности).

На самом нижнем уровне происходит формирование установок элементарного, ситуационного характера, связанного с саморегуляцией поведения в условиях удовлетворения витальных потребностей. На среднем уровне саморегуляция осуществляется в виде формирования обобщенной установки личности на социальные объекты. Здесь речь идет об удовлетворении социальных потребностей, связанных с включением индивида в различные социальные группы, а также формы и виды общественной деятельности (профессиональная, семейная, политическая, досуговая и др.). При этом сама социальная установка проявляется на трех уровнях — эмоциональном (оценочном), когнитивном, поведенческом. Наконец, третий, самый высший уровень диспозиций означает формирование у личности концепции жизни и ее ношущенис в *ценностных* ориентациях. Здесь нужно иметь в виду удовлетворение самых существенных потребностей человека, связанных с высшими целями его жизнедеятельности. По мнению Ядова, именно этот уровень диспозиций оказывается главным в регулировании поступков и действий, всего поведения человека в целом.

Что дает диспозиционная теория саморегуляции социального поведения? Структурируя внутренний мир личности, она позволяет прежде всего понять и объяснить механизм ее социального поведения в разных

¹ Ядов В.А. Социологическое исследование. Методология, программа, методы. М., 1972; *Его же*. Социологическое исследование. Методология, программа, методы. М., 1987; Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л., 1979; Грушин Б.А. Массовое сознание. М., 1987; Заславская Т.И. К методологии системного изучения деревни // Социол. исслед. 1975. № 3; Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М., 1980; Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. М., 1986; Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984; Осипов Г.В. Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1979; Шубкин В.Н. Начало пути. М., 1979.

² См.: Ядов В.А. О диспозиционной регуляции поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; *Его же*. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.

условиях функционирования и развития, начиная от ситуативных и кончая стратегическими. В одних условиях человек руководствуется элементарными установками, в других начинают «включаться» и «работать» базовые социальные установки, наконец, возникают предпосылки для фундаментальных установок. Как отмечает Ядов, важнейшей функцией диспозиционного механизма структуры личности является «психическая регуляция социальной деятельности, социального поведения личности»¹.

В изложенной выше теории структурные элементы личности, несмотря на то что касаются ее внутреннего мира, оказываются тесно связанными с социальными условиями, средой личности, наконец, с обществом в целом. Установки, диспозиции, ценностные ориентации рассматриваются не сами по себе, а в единстве с деятельностью, в которой они реализуются, с потребностями, которые они отражают. Таким образом, диспозиционный механизм, согласно Ядову, выводит структуру внутреннего мира личности на ее поведенческие и деятельностные характеристики.

В рассматриваемый период появился ряд значительных работ в области использования математических методов в социологии².

Большой интерес вызывали исследования и публикации, выполненные в рамках изучения труда, промышленного и сельскохозяйственного производства, социальной структуры общества, рабочего класса, интеллигенции, города, села, образования, культуры, молодежи, рабочего и вне рабочего (в том числе свободного) времени, образа жизни, общественного мнения, средств массовой информации и пропаганды, семьи, личности и др. Много внимания уделялось анализу проблем в области методологии, методики, техники и процедуры социологического изучения проблем. Имели важное значение для развития отечественной науки исследования и работы в области истории социологии, прежде всего зарубежной.

В связи с названными выше направлениями исследований нельзя не отметить работы, выполненные в период 1960—1980-х гг. Н.А. Актовым, Г.М. Андреевой, Ю.В. Арутюняном, Г.С. Батыгиным, И.В. Бестужевым-Ладой, А.В. Винокур, Ю.Е. Волковым, Ю.П. Вороновым, Д.М. Гвишиани, В.И. Герчиковым, Я.И. Гилинским, И.А. Голосенко, В.Б. Голофастом, Л.А. Гордоном, Г.П. Давидюком, Ю.Н. Давыдовым, А.В. Дмитриевым, Б.З. Докторовым, Т.М. Дридзе, А.К. Зайцевым, В.Н. Ивановым, Л.Г. Иониным, В.Ж. Келле, Э.В. Клоповым, Л.Н. Коганом, В.В. Колбановским, Д.Л. Константиновским, А.П. Кунрияном, Н.И. Лапиным, Ю.А. Левадой,

¹ Ядов В.А. О диспозиционной регуляции поведения личности. М., 1975. С. 97.

² Математическое моделирование в социологии: методы и задачи. Новосибирск, 1977; Математико-статистические методы анализа данных в социологических исследованиях. М., 1980; Математические методы в социологическом исследовании. М., 1981; Математические методы анализа и интерпретация социологических данных. М., 1989.

И.Т. Левыкиным, А.А. Матулснисом, Н.Ф. Наумовой, В.Б. Ольшанским, В.И. Паниотто, В.Д. Патрушевым, В.Г. Подмарковым, А.И. Пригожшм, В.О. Рукавишниковым, М.Н. Рутквичем, Р.В. Рывкиной, Г.И. Саганенко, А.Л. Свенцицким, М.Х. Титмой, Ж.Т. Тощенко, Б.Ц. Урланисом, З.И. Файнбургом, Ф.Р. Филипповым, Б.М. Фирсовым, Б.А. Чагиным, И.И. Чангли, Н.И. Чуриловым, О.И. Шкаратаном, В.Э. Шляпентоном и др.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что в отечественной социологии сформировались необходимые предпосылки для нового этапа ее развития, в рамках которого можно было бы сбросить наконец путы, сковывавшие ее движение вперед. Однако внутренние предпосылки могли быть реализованы лишь при наличии необходимых социальных, политических и идеологических условий, которые реально определялись одним словом — свобода.

По существу, речь идет о двух видах свободы, тесно связанных между собой, — о свободе «от...» и свободе «для...». Имея в виду первый ее вид, можно утверждать, что нужна была свобода от идеологического прессинга, цензуры, от одностороннего влияния марксистского фундаментализма, от признания только лишь «половинчатой» (прикладной) социологии. Говоря о втором виде свободы, следует подчеркнуть необходимость полной институционализации социологии, придание ей равного с другими социогуманитарными науками статуса, предоставление государством и партией возможностей для беспрепятственного творческого развития как теоретических, так и эмпирических исследований, создание системы профессионального социологического образования.

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. знаменовали собой формирование именно таких предпосылок и условий, при которых реализация обоих видов свободы для развития социологии стала возможной и реальной. Отечественная социологическая наука стала плавно переходить в новый период своего развития. Рассмотрению этого периода посвящается следующая глава учебника.

Вопросы и задания

1. Какие обстоятельства и новые условия жизни способствовали возрождению отечественной социологии? С чего оно началось?
2. Опишите первые попытки институционализации социологии в СССР. Почему, по вашему мнению, «экспортная модель» утверждения отечественной социологии опередила ее внутреннее развитие?
3. Назовите и кратко охарактеризуйте первые крупные теоретические и эмпирические исследования отечественной социологии в период ее возрождения.
4. Какими были в период возрождения отечественной социологии основные направления теоретических и прикладных исследований?
5. В чем состоит суть дискуссий о характере и статусе социологической науки, которые проходили в период ее возрождения в СССР?

6. Охарактеризуйте процесс продолжения институционализации социологии в стране в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Почему «социологическая оттепель» сменилась «социологическим похолоданием»?
7. Определите основные особенности ситуации в отечественной социологии в период застоя.
8. О каких достижениях социологии в СССР в период застоя вы могли бы рассказать?
9. Что собой представляла отечественная «заводская» (промышленная) социология? Почему ее возникновение и развитие в СССР имело важное значение? Охарактеризуйте его.
10. Назовите наиболее крупные и важные эмпирические работы 1970 — 1980-х гг. и их авторов. Расскажите подробнее об одной из них, которые вы помните. Чем она вам запомнилась?
11. Попробуйте самостоятельно подвести итоги существования отечественной социологии в период ее возрождения и застоя. Какие проблемы стояли перед ней?

Литература

История социологии. Минск, 1993. Капитонов Э.А.
 Социология XX века. Ростов н/Д., 1996. Кульшин В.П.
 Классическая социология. М., 2000.

Новикова С.С. История развития социологии в России. М.; Воронеж, 1996. Новикова С.С.
 Социология: история, основы, институционализация в России. М.; Воронеж, 2000.

Глава 31

Отечественная социология с конца 1980-х гг. до наших дней

§ 1. Институционализация отечественной социологии в условиях перестроечного и постперестроечного периодов

Новые возможности развития социологических исследований

Начало последнего, современного периода отечественной социологической науки, оказалось связанным в первую очередь с осуществлением в стране горбачевской «перестройки». Конец 1980-х гг. знаменовал собой ослабление партийно-идеологического прессинга и некоторую, пока еще весьма *относительную*, свободу творчества в социально-гуманитарных и общественных науках. Она коснулась и социологии. В июне 1988 г. было принято (рассматривавшееся тогда как историческое для ее судеб) постановление ЦК КПСС «О повышении и роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества». По существу, впервые на партийно-государственном уровне была признана полная самостоятельность социологической науки, что выразилось в отделении ее от философии и признании необходимости активного развития теоретической социологии. Своеобразная монополия философии на социальное познание общества была, таким образом, ограничена. В системе общественных наук социология заняла свое достойное и равное с другими науками место. В постановлении было подчеркнуто значение не только теоретических, но и прикладных социологических исследований для решения задач социально-экономического развития СССР.

Принятие постановления означало новые возможности институционализации социологии. Это прежде всего развитие научных исследований в рамках не только академических, но и иных, новых, ранее не существовавших структур. Был создан Всесоюзный (впоследствии, после распада СССР, Всероссийский) центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), директором которого стала в 1988 г. академик Т.И. Заславская. Ее заместителем был назначен Ю.А. Левада, с 1992 г. ставший директором центра. Одна из основных задач ВЦИОМа заключалась в проведении мониторинга общественного мнения по основным экономическим, социальным и политическим проблемам развития нашей страны.

На изучении общественного мнения и сдвигов в массовом сознании населения России стали специализироваться и другие вновь созданные цен-

тры. Среди них специально нужно отметить службу профессора Б.А. Гру-пшна «VoxPopuli» и Российский независимый институт национальных и социальных проблем. В 1990-х гг. количество различных институтов, агентств, служб, фондов и т.д., специализирующихся на проведении массовых опросов, в одной только Москве превысило пару десятков.

Продолжающаяся институционализация социологии напрямую затронула академическую науку. Институт социологических исследований АН СССР получил не только новое название — Институт социологии АН СССР (впоследствии, после распада Советского Союза, Институт социологии РАН), но и возможности для радикального изменения характера деятельности, особенно после того, как его директором был сначала назначен, а затем и избран В.А. Ядов. Сотрудники института получили возможность свободного выбора тем научных проектов, административное давление на них было существенно ослаблено, а демократические и либеральные нормы деятельности научного сообщества стали активно «вживляться в ткань» этого учреждения.

В 1991 г. Институт социологии разделился, появился Институт социально-политических исследований, директором которого стал Г.В. Осипов. На сугубо добровольных началах произошло распределение научных сотрудников по двум институтам: кто захотел остаться — остался, кто захотел уйти в новый институт — ушел туда.

Однако процесс институционализации в сфере социологической академической науки означал создание не только новых научных структур. Крайне важным для дальнейшего развития социологии стало решение в 1990 г. Высшей аттестационной комиссии об учреждении ученых степеней кандидата и доктора социологических наук по шести социологическим специальностям (до этого за социологические диссертации присваивались чаще всего ученые степени кандидата и доктора философских наук).

Институционализация социологии в системе высшего образования

Институционализация социологии активно коснулась системы высшего образования. Было конституировано в качестве особого вида образования социологическое образование. В вузах появились социологические факультеты, отделения, специальности и даже институты. Правда, первые отделения социологии возникли раньше, в 1984 г. (в Московском университете на философском факультете, а в Ленинградском — на экономическом), но это были отделения прикладной социологии. В 1989 г. состоялся первый выпуск профессиональных социологов, всего 50 человек (по 25 человек в каждом университете), в дипломах которых специальность называлась «прикладная социология».

Настоящее же социологическое образование стало развиваться только с 1989 г., когда оказалась полностью «узаконенной» профессия социолога. Именно в этом году и появились первые два социологических факультета в стране — в Московском и Ленинградском университетах. Чуть позднее ряд социологических факультетов был открыт в других университетах

страны: Уральском (Екатеринбург), Новосибирском, Алтайском (Барнаул), Самарском, Томском, Казанском и т.д. Согласно последним данным (2002) отделения по социологии и социальной антропологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию (председатель Совета отделения, декан социологического факультета МГУ проф. В.И. Добренко), в настоящее время подготовка профессионалов-социологов осуществляется в 86 структурах (институтах, факультетах, отделениях, кафедрах, центрах). Но, вероятно, и это не предел. Интерес молодежи к получению профессии социолога не ослабевает, что и обуславливает дальнейшее развитие социологического образования в стране.

Институционализация социологии в системе высшего образования, означавшая процесс ее «перестройки», состояла не только в появлении профессионального социологического образования, но и в массовом преобразовании кафедр научного коммунизма. Взамен были созданы в основном кафедры социологии либо социологии и политологии. Такова судьба почти тысячи кафедр научного коммунизма. Этот процесс был воспринят студентами и большей частью преподавателей с нескрываемым чувством удовлетворения и надеждой на изменение содержания и характера преподавания общественных и социально-гуманитарных наук.

Однако нельзя не сказать и о возникших в связи с трансформацией кафедр научного коммунизма, истории КПСС проблемах, в первую очередь содержательных и кадровых. Смена названий кафедр не означала еще радикального изменения характера преподавания, а главное — готовности к этому вузовских педагогов. Введение новых дисциплин (социологии, политологии, культурологии) не обеспечивалось ни методологически, ни методически, ни тем более кадрами преподавателей соответствующей квалификации. Не было учебников и учебных пособий.

Сложившаяся ситуация требовала достаточно быстрых решений. Они заключались в переподготовке преподавателей через институты и факультеты повышения квалификации, а также в издании учебной и учебно-методической литературы. Если с первой задачей система высшего образования в стране справлялась в основном самостоятельно (о качестве переподготовки и повышения квалификации речь сейчас не идет), то процесс издания необходимой учебной литературы в значительной мере был осуществлен созданными Дж. Соросом фондами «Культурная инициатива» и «Открытое общество». Только в течение 1995—1997 гг. количество учебников и учебных пособий выросло в 2 раза, а ежегодный выпуск книг и брошюр по социологии составляет в последние годы более 400 наименований.

Коль скоро речь зашла об институционализации социологии в сфере высшего образования, необходимо сказать о том, что преподавание основ этой науки стало вестись и в отдельных учебных заведениях среднего профессионального образования, а также в продвинутых образовательных учреждениях общего среднего образования — гимназиях, школах с углублен-

ным изучением социальных предметов и др. Но таких учебных заведений в стране пока не так много, как хотелось бы (для сравнения укажем, что в США социология преподается практически во всех школах и колледжах).

Достижения и проблемы издательской деятельности

Институционализация социологии глубоко затронула издательскую деятельность, причем в нескольких направлениях. Появилось большое количество учебной литературы. Это и понятно: с введением курсов социологии в подавляющем большинстве высших учебных заведений стал ощущаться громадный дефицит необходимой для студентов литературы. В течение нескольких лет (в основном после 1995 г.) было опубликовано и появилось в книжных магазинах большое количество учебников, учебных пособий, лекционных курсов, хрестоматий, практикумов и т.д. по социологии. Преподаватели из многих вузов (в основном в российских регионах) стали печатать малотиражные издания, рассчитанные прежде всего на собственных студентов, удовлетворяя тем самым их потребности в учебной литературе. Нельзя не приветствовать эту новую ситуацию в стране, испытывавшей многие десятилетия дефицит социологической литературы, в первую очередь учебников. Без большого риска ошибиться можно утверждать, что процесс их издания, появления новых работ, написанных в жанре учебника, будет продолжаться. Но здесь возникает вопрос уже не столько количественного, сколько качественного характера.

Прямо скажем: далеко не все из них удовлетворяют требованиям Государственного образовательного стандарта в полной мере. Конечно, в этих работах отражается уровень квалификации социологов, который не всегда является достаточно высоким. Отмечая данное обстоятельство как не самую лучшую характеристику отечественной социологии, не будем при этом забывать, что она еще достаточно молода, а сами социологи не имеют большого опыта в написании качественной учебной литературы.

В этом отношении серьезную положительную роль сыграло издание переводов лучших зарубежных учебников по социологии, в первую очередь Н. Смелзера и Э. Гидденса¹. К сожалению, и здесь не обошлось без издержек, но уже не содержательного, а издательского плана. Известно, что зарубежные учебники всегда издаются обычно иллюстрированными, на отличной бумаге, но они, конечно, и стоят недешево. В отечественных изданиях не оказалось ни первого, ни второго, зато и цена их не столь велика, какой могла бы быть с учетом западных издательских стандартов. Впрочем, даже и установленная цепа на переводные зарубежные учебники не по карману подавляющему большинству студентов.

Говоря об использовании зарубежных учебников, важно помнить, что они не могут полностью заменить отечественной учебной литературы не только вследствие особого, «западного» менталитета их авторов, но и глав-

¹Смелзер Н. Социология. М., 1994; Гидденс Э. Социология. М., 1999.

ным образом вследствие того, что в них не анализируется социальный опыт нашей страны. Учить же социологии российских студентов на западном опыте, без учета национальных особенностей — не просто нонсенс. Это гораздо хуже, поскольку означает, по нашему мнению, сознательное внедрение западного образа мышления в сознание молодого отечественного специалиста. Поэтому оптимальный вариант использования учебной литературы — это, с нашей точки зрения, работа преподавателя и студента с различными (отечественными и зарубежными) учебниками и пособиями.

В связи с проблемой учебников возникает вопрос об их адресате. Если учебные пособия начала — первой половины 1990-х гг. предназначались для универсального (в смысле — любого) читателя, то работы, написанные в этом жанре ближе к концу XX — началу XXI в., имеют уже дифференцированный адресат. Это либо работа, предназначенная для будущих социологов-профессионалов, либо учебник для студентов гуманитарных специальностей, изучающих социологию достаточно глубоко, либо учебная книга для студентов остальных специальностей, для которых социология не более чем один из многих предметов цикла гуманитарных и социально-экономических дисциплин. В последнем случае учебник преследует цель прежде всего пробуждать интерес к анализу социологических проблем и излагать основы науки, в первом же он должен быть рассчитан на подготовку специалиста в области социологии, следовательно, знакомить читателя с состоянием науки по каждой поднимаемой проблеме, методологией и методикой изучения того или иного вопроса, полученными результатами, дискуссиями и т.д.

Важное направление издательской деятельности — публикация словарей, как отечественных, так и зарубежных. При этом словари, как и учебники, могут весьма существенно различаться по характеру, содержанию, охвату материала, преследуемой цели и т.д. Одно дело, когда речь заходит о социологической энциклопедии, и совсем другое, когда издастся словарь по прикладной социологии. Несмотря на то что за 1990-е гг. было издано отечественных социологических словарей (включая Российскую социологическую энциклопедию) не менее восьми наименований, да еще и переведено на русский язык несколько словарей (в основном британских изданий), покупка социологического словаря в книжном магазине по-прежнему остается проблемой.

Одним из наиболее ярких показателей институционализации социологии является издание журнальной литературы. Если до начала 1990-х гг. издавался лишь «Социс» («Социологические исследования»), единственный социологический ежемесячный научный и общественно-политический журнал (с 1974 г. журнал АН СССР, а затем Российской академии наук), то после принятия закона о печати в 1990-х гг. появились «свободные» (небюджетные) периодические и продолжающиеся социологические издания. Среди них: «Социологический журнал», «Мир России», «Вопросы социо-

логии», «Социология: 4М», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения». На протяжении ряда лет в Сыктывкаре выходил журнал «Рубеж. Альманах социальных исследований».

Безусловно, положительно характеризуют институционализацию социологии в России переводы, издания и переиздания в конце 1980—1990-х гг. работ классиков мировой социологии и современных зарубежных социологических трудов. Среди них — сочинения Р. Арона, П. Бергера, П. Бурдьё, М. Вебера, Э. Гидденса, Э. Гоффмана, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, Л. Козера, Ч. Кули, П.Л. Лаврова, Г. Лебона, Т. Лукмана, Н. Лумана, К. Маннгейма, Г. Маркузе, Н.К. Михайловского, Т. Парсонса, П. Сорокина, Г. Спенсера, Г. Тарда, А. Турена, Э. Фромма, М. Хальбвакса, П. Штомпки и др.

Завершая разговор о деятельности, связанной с изданием социологической литературы, отметим один ее существенный недостаток: многие книги имеют небольшой тираж и, по существу, не доходят до регионов, оказываясь на полках книжных магазинов в пределах, фигурально выражаясь, Садового кольца. Читатель узнает о них лишь из журнальных рубрик типа «Коротко о книгах», «Книжная полка социолога», «Книги, присланные в редакцию», «Книжное обозрение» и др. Малая тиражность изданий характеризует работу как центральных, так и региональных и местных издательств. Исключение составляют разве что учебники, да и то не все. Что же касается переводных работ, трудов классиков социологии, то приобретение их в российских регионах представляет большую проблему.

Подобное положение дел с изданием литературы способствует усилению социологического провинциализма. Известно, что публичные библиотеки в областных и республиканских центрах располагают крайне скудными средствами для приобретения научных трудов, монографий, да и иной литературы. Это же касается и вузовских библиотек. Но даже при наличии денег купить книги по социологии подчас сложно вследствие, как уже указывалось, небольших тиражей многих из них. Вот и приходится в иных городах социологам и книготорговцам снаряжать регулярно экспедиции в Москву, в книжные магазины и известный книжный киоск Института социологии.

Создание научных общественных объединений

Важным шагом в процессе институционализации отечественной социологии явилось создание ряда добровольных научных общественных объединений социологов, среди которых в первую очередь следует назвать Российское общество социологов (РОС), а также Профессиональную социологическую ассоциацию, Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского, Общество социологов и демографов. Безусловно, ведущим и самым массовым объединением стало РОС. Оно явилось правопреемником Советской социологической ассоциации, которая прекра-

тила свое существование в связи с распадом СССР. Но, справедливости ради, следует отметить, что возникло РОС еще до этой ситуации, в 1989 г. Его первым президентом был Н.И. Лапин. В 1993 г. президентом РОС стал В.А. Ядов, а в 1997 г. на III съезде общества президентом был избран В.А. Мансуров, являющийся им и в настоящее время.

Российское общество социологов призвано содействовать развитию социологии в Российской Федерации, повышению ее теоретического уровня, методологической надежности исследований, обоснованности практических выводов из них. Цель общества состоит в концентрации усилий его членов в разработке приоритетных направлений и актуальных социальных проблем российского общества в целом и его регионов. РОС решает важную задачу создания и поддержки духа свободы научных дискуссий, соблюдения честной конкуренции в деятельности различных социологических структур. Общество способствует развитию системы социологического образования в стране, подготовке и переподготовке специалистов, повышению квалификации социологов. Оно оказывает поддержку развитию научных связей и научного сотрудничества российских социологов с учеными других стран (в том числе СНГ), международными и зарубежными социологическими организациями.

РОС имеет сегодня региональные отделения почти во всех субъектах Российской Федерации и осуществляет свою работу на местах через них. Общество издает ежеквартально «Вестник РОС», который рассылается в отделения и на домашние адреса его членов. Оно поддерживает исследования, проводимые его членами совместно с членами других общественных объединений. РОС проводит съезды, конференции, пленумы, симпозиумы и т.д., действуя вместе с коллективами научно-исследовательских институтов и вузовских социологических структур, а также общероссийские конкурсы на лучшие исследования, монографии, учебники. Следует отметить, что в последние годы РОС резко активизировало свою работу и пользуется заслуженным уважением и авторитетом у социологов страны.

§ 2. Основные особенности развития отечественной социологии в перестроечный и постперестроечный периоды

Усиление интеграционных процессов в социологии

Институционализация отечественной социологии является, безусловно, крайне важной, но далеко не единственной особенностью ее развития в период с конца 1980-х гг. до нашего времени. Признание общественной значимости социологии и конкретные формы процесса ее институционализации теснейшим образом связаны с внутренними изменениями в содержании самой социологической науки, в том, что мы называем социологическим сознанием или социологическим мышлением. Обозначенный выше временной период, как никакой другой, способствовал появлению нового социологического мы-

шлспия, которое и сделало возможным многочисленные изменения и трансформации в самой отечественной социологической науке.

Здесь прежде всего следует говорить о начале процесса ее тесной интеграции в мировую социологическую науку. Дело в том, что изменения в социологии идут рука об руку с эволюцией современного мира. Главная тенденция перемен заключается в сближении стран, которое происходит во многих сферах жизни и свидетельствует о наличии между этими странами общих интересов. Отражением подобной тенденции явился новый менталитет. В его основе лежит признание приоритета общечеловеческого, осознание совпадающих интересов и конституирование государственной деятельности, направленной на сближение различных стран, преодоление между ними конфронтации и поиск тождественных позиций, способствующих достижению мира и социального прогресса.

Не стоит в стороне от этого и мировая социология. Ярким подтверждением тому являются четыре последних Всемирных социологических конгресса: XII— июль 1990 г., г. Мадрид (Испания); XIII— июль 1994 г., г. Би-лефельд (Германия); XIV— июль 1998 г. г. Монреаль (Канада); XV— июль 2002 г., г. Брисбен (Австралия). На этих конгрессах фиксировались серьезные сдвиги, происшедшие в развитии общесоциологической теории, в понимании социальных изменений в мире, в исследованиях глобальных и региональных процессов. Отмечалось, что, возможно, не стоит стремиться к созданию единой общесоциологической теории, которая могла бы удовлетворительно объяснить многообразие происходящих в различных культурах и регионах социальных процессов. Стало быть, нужны различные социологические теории для анализа социальных изменений, что является доказательством социологического плюрализма. Участники конгрессов говорили, что требуется не интеграция социологической теории, а консолидация различных подходов, концепций, трактовок.

В идее консолидации, в многообразии равноправных социологических концепций и подходов к различным объектам изучения нашла свое отражение усиливающаяся тенденция к интернационализации социологии, формированию социологического знания, состоящего из теорий, не отрицающих друг друга, а принимающих их как данность.

Новое социологическое мышление

В связи с этим имеет смысл говорить о складывании в нашем обществе нового социологического мышления. Основным его принципом становится преодоление традиционного для нашей страны в прошлом разделения социологии на марксистскую и немарксистскую, западную и восточную и т.п. и движение в сторону единого мирового социологического знания, «заинтересованного» в решении сходных задач развития науки и общества. Разумеется, складывание нового социологического мышления вовсе не означает исчезновения своеобразия различных социологических школ, многовариантности

путей достижения поставленных целей. Единство и многообразие в социологии — это тоже принцип нового социологического мышления.

Каковы же конкретные предпосылки выработки нового социологического мышления, связанные с чисто внутренними социологическими процессами? Что может не только свидетельствовать о сближении позиций социологов разных стран, но и приводить к их реальной консолидации при сохранении своеобразия национальных школ и течений?

Прежде всего, это схожие исследовательские проблемы. Они актуальны для социологии различных стран (включая и отечественную науку) и в состоянии вызвать, в случае их совместного изучения, подъем социологического знания на принципиально новый уровень. Здесь может оказаться очень важным получение сопоставимых данных, которые целесообразно использовать для решения самых разных задач, имеющих и теоретический, и прикладной характер.

Постановка, содержание, пути исследования схожих или даже общих проблем в различных странах обусловлены тем, что их население в одинаковой степени тревожат вопросы выживания человека и человечества, войн и создания условий для их недопущения, борьбы с терроризмом, экологической безопасности, этносоциальных и межнациональных отношений, семейной консолидации, образа жизни, бедности и неравенства, образования и культуры, взаимоотношений между различными социальными группами, деятельности социальных институтов и организаций и т.д. и т.п. Поэтому вполне резонна совместная разработка методологии и методики исследования названных выше проблем с последующей организацией и проведением их социологического изучения в заинтересованных странах. • Выработка нового социологического мышления и через него — движение в сторону единой мировой социологии, не раздираемой антагонизмами и взаимными претензиями дифференцирующихся школ, течений и направлений в различных странах, достижимы в результате обнаружения схожих, во многом совпадающих проблем не только исследовательского, но и организационно-содержательного характера, стоящих перед наукой в этих странах.

Среди этих проблем назовем следующие: взаимоотношения исследователей с обществом, поскольку последнее далеко не всегда удовлетворено работой социологов-профессионалов, причем эта неудовлетворенность возникает вследствие того, что в интеллектуальной жизни стран социология играет роль менее значимую, чем могла бы; эффективность социологической науки и практики, которая должна определяться влиянием, оказываемым на общество, конкретные социальные группы и слои; исследования текущих событий с точки зрения выявления наиболее значимых среди них, при этом социологические идеи и открытия должны излагаться простым и понятным языком и совсем не обязательно в «строгом» научном жанре, более того, часто даже предпочтительнее создание яркой научно-публицистической литературы, публикация комментариев к опросам общественного мнения и аналитическим обзорам экономики, политики и культуры.

Перечень близких для зарубежной и отечественной социологии проблем мог бы быть продолжен. Но, вероятно, и названного достаточно, чтобы убедиться в значительном сходстве, единстве, большой общности развития этой науки в различных странах. Наличие такого сходства приводит к убеждению, что социологи могли бы совместно на регулярной основе обсудить широкий круг интересующих их общих проблем содержательного, организационного и иного характера.

Что касается круга теоретических вопросов, вызывающих общий интерес и ставящихся в социологической литературе, то они являются достаточно широкими, вне сомнения актуальными и требуют совместных разработок. Назовем лишь некоторые из них: глобалистика социальной жизни, борьба с терроризмом и отношение к ней населения, социальные изменения сквозь призму прошлого, настоящего и будущего, социальные движения и революции, межнациональные конфликты, современный урбанизм, проблемы населения, его уровня жизни и здоровья, образования и культуры и др. В последние годы заметен большой интерес к сравнительным кросскультурным международным исследованиям по названным и иным проблемам. Отечественные социологи стремятся принимать в них, как и в дискуссиях по данным проблемам, самое активное участие, подчеркивая их злободневный характер для нашей страны.

Сближение социологов различных стран, прежде всего тех, которые до недавнего времени работали разрозненно, плохо знали друг друга, требует интенсификации контактов между ними в различных сферах деятельности. Здесь имеет значение использование любых форм: проведение международных конгрессов, симпозиумов и конференций, совместные исследования, обмен преподавателями, стажерами, аспирантами, студентами.

Все это особенно важно для молодого поколения отечественных социологов, перед которым открывается широкая дорога к анализу зарубежного опыта и овладению исследовательским мастерством с учетом лучших мировых его образцов. Студенты, аспиранты, уже работающие молодые специалисты получают возможность изучать социологию и стажироваться в университетах США, Великобритании, Германии, Франции и других стран, что послужит дальнейшему развитию этой науки.

Как видно, логика развития жизни, процессы, происходящие в мире, и их отражение в научном мышлении с неизбежностью ведут к преодолению границ, стиранию демаркационных линий между социологиями разных стран. И в теории, и в практике социологической деятельности наблюдаются новые, крайне важные позитивные тенденции сближения и выработки общих позиций. Не так быстро идет движение к единой мировой социологии, но оно набирает силу и темпы.

Стремясь к предвидению дальнейшего развития социологии, назовем в качестве важной, может быть, даже основной тенденции этого процесса консолидацию социологических парадигм, включая марксистскую. Мето-

дологическое сближение не кажется нам сегодня невозможным, методологическое противостояние, наоборот, не имеет перспектив вследствие того, что тормозит развитие социологической пауки. И так, консолидация мирового социологического знания — вот та тенденция, которая уже сегодня, пусть робко, только в виде первых росточков, начинает проявлять себя. Успехи отечественной социологии в значительной степени будут зависеть от того, как она сумеет «вписаться» в процесс мировой консолидации социологического знания, не утратив при этом своего собственного лица, специфики отечественной школы, национального своеобразия.

Основные направления социологических исследований в современной России

Сохранение национального своеобразия отечественной социологии обеспечивается прежде всего за счет тематики и основных направлений исследований. Понятно, что в перестроечный и постперестроечный период (часто в литературе его называют постсоветским) на первое место вначале вышли проблемы общественно-политического характера, начиная от определения содержания и вектора переходных процессов и кончая новыми политическими ценностями общества и его конкретных социальных групп. Социологи активно включились в многочисленные дискуссии по поводу специфики и названия нового общества, которое предстояло строить.

Следует сразу сказать о том, что эта полемика, несмотря на значительные «страсти», которыми она сопровождалась, постепенно уступила место конкретному анализу политических и социально-экономических аспектов реформирования России. Привычка, выработавшаяся десятилетиями, обязательно как-то назвать одним (или несколькими) словами общество, в котором живем, стала постепенно забываться. Идеология марксизма приучила его сторонников непременно ставить на общество (прошлое, настоящее, будущее) «клеймо»: капиталистическое, социалистическое, коммунистическое. Уход от «одномерного» марксизма в сторону признания принципа теоретического плюрализма избавляет от необходимости «клеить» общество, но зато позволяет ставить вопросы о конкретном исследовании самых различных сторон его реформирования. Благо, здесь есть где «разгуляться» социологии.

В экономической и социальной сферах социологи стремятся к изучению явлений, связанных с новыми формами собственности, видами предприятий, типами экономического и социального поведения людей. Они не могут пройти мимо социетального кризиса, его стадий, особенностей и различных сторон в России. Особое внимание обращается ими на экономический и социальный кризисы как конкретные формы проявления социетального кризиса. Социологов привлекает изучение ценностей новой модели общества и отношения к нему самых различных групп населения.

Особый интерес для ученых представляет изучение социальной структуры, стратификации и мобильности российского общества в переходный период. Поскольку появляются новые, подчас многочисленные, социальные

слои (страты), которые существенно влияют на жизнь общества (предприниматели, коммерсанты, политическая элита, безработные, бомжи, охранники, торговцы, проститутки и т.д.), постольку социологические исследования этих элементов социальной структуры и стратификации представляются особенно актуальными и значимыми. Но социологов интересуют не только конкретные элементы социальной структуры и стратификации, для них важно определить в целом их тип и характер в новых условиях и возможные пути изменения в исторически обозримый период. С точки зрения проблематики социальной сферы, нашедшей свое отражение в социологических исследованиях, следует также назвать вопросы бедности и богатства, усиления в обществе социального неравенства.

Особое место среди направлений исследований в отечественной социологии занимают проблемы этнических конфликтов и межнациональных отношений. Пожалуй, с точки зрения общественных интересов сегодня нет вопросов более болезненных, чем эти, разве что еще многочисленные аспекты криминализации страны. Зачастую оба комплекса проблем оказываются взаимосвязанными. Одним из таких скрепляющих эти проблемы «узлов» является война в Чечне и все то, что с ней связано.

Исследования социальной и политической сфер охватывают проблемы демократизации социальной и политической жизни общества, создания правового государства, гражданского общества, изменений в социальных идентификациях, формирования и деятельности власти на самых разных ее уровнях, начиная от центральной и кончая муниципальной, а также вопросы развития самоуправления на местах. При этом большой интерес в своих исследованиях социологи уделяют политической элите, ее положению в обществе и самым различным формам проявления активности.

Период конца 1980-х — 1990-х гг. в развитии социологии ознаменовался целым рядом исследований в области образования. Пожалуй, ни одна конкретная сфера общественной жизни не испытала на себе столько самых разных попыток ее реформирования, как образование. Частая смена министров, стремление каждого из них «оправдать» свою деятельность очередными реформами и тем самым доказать ее целесообразность руководству страны, тяжелейшее материально-финансовое положение системы образования поставили перед социологами вопрос о необходимости широких исследований самых различных уровней и звеньев этой системы. Можно считать, не боясь ошибиться, что среди основных направлений отечественной социологии изучение образования является одним из наиболее приоритетных.

В ограниченной объеме главе нет возможности назвать все направления социологических исследований в России конца 1980-х — 1990-х гг. Необходимо лишь сказать, что они коснулись, по существу, всех сфер общественной жизни, будь то труд и быт, рабочее и вне рабочее (в том числе свободное) время, культура и наука, общественное мнение и СМИ, семья и личность. Существенное значение имели работы в области теории и истории социологии, методоло-

гии, методики и техники конкретного исследования. Активно развивались самые различные отрасли социологического знания: социология труда, социология политики, социология молодежи, социология права, социология конфликта, социология девиантного поведения, социология досуга и многие другие.

Развитие рынка социологических услуг

Продолжая характеризовать особенности российской социологии в перестроечный и постперестроечный период, отметим такую из них, как появление и развитие рынка социологических услуг. В 1990-х гг. возникли сотни (а, возможно, и больше — статистики по этому счету нет) коммерческих социологических фирм, деятельность которых связана с изучением спроса и предложения (исследования маркетингового характера), управленческим консультированием (исследования и практическая работа по заказу менеджеров), организацией предвыборных кампаний (исследования на стыке социологии и политологии по заказу административных органов, политических деятелей, крупного бизнеса).

Сегодня на рынке социологических услуг реализуют себя тысячи социологов. Многие выпускники социологических факультетов стремятся получить работу в таких коммерческих структурах, готовясь к ней еще на студенческой скамье: участвуют в исследованиях как лаборанты, анкетеры, интервьюеры, наблюдатели и т.д. При этом вряд ли было бы правильным полагать, что этот рынок окончательно сформировался. Рынок социологических услуг, с одной стороны, является составной частью рыночной экономики. С другой стороны, он становится необходимым и неотъемлемым компонентом системы политической демократии.

Можно утверждать, что в рыночной социологической деятельности формируется новый стиль — предпринимательский. Основное значение зачастую приобретает не столько содержание и характер исследований, сколько их результат. Главным вопросом становится соответствие полученного результата ожиданиям (а иногда и требованиям) заказчика, финансирующего исследование, поскольку именно от этого соответствия зависит вознаграждение труда социологов. Наряду с новым, предпринимательским стилем сохраняется и традиционный, академический стиль социологической деятельности, также нацеленный на получение результата, но такого, который имеет значение прежде всего для развития научных исследований и соответствует высоким требованиям, к ним предъявляемым.

Развитие социологии в российских регионах

Важной особенностью развития отечественной социологии в период с конца 1980-х гг. до наших дней является активизация усилий ее представителей не только в центральных городах (Москва, Санкт-Петербург), но и в региональных центрах, особенно тех, где в 1990-х гг. начало развиваться профессиональное социологическое образование. Последнее десятилетие XX в. наверняка войдет в историю нашей страны как время повышен-

ного внимания к проблемам регионов, их социально-экономической и политической модернизации. Этому способствовали центробежные процессы, характерные для российского общества названного периода.

Социология не осталась в стороне от них. Ее также затронули центробежные тенденции. Так, вместо нескольких крупных отделений, работавших в составе Советской социологической ассоциации (Центральное, Северо-Западное, Поволжское, Северо-Кавказское, Уральское, Сибирское, Дальневосточное), в структуре ее правопреемника — Российского общества социологов — оказалось первоначально 47 региональных отделений (затем еще больше). В самом этом факте ничего страшного нет, если только он не ведет к определенному социологическому изоляционизму и снижению уровня научных исследований. Именно в последнем обстоятельстве заключена опасность разрыва налаженных исследовательских связей в научном сообществе. Поэтому один из основных уроков, который важно извлечь социологам в регионах, состоит в том, чтобы «не разбредаться» по региональным (национальным, областным, городским) социологическим «квартирам», а стремиться к консолидации, к объединению творческих и организационных усилий.

Говоря о развитии социологии в регионах, отметим три основные группы факторов, влияющих на этот процесс. Первая из них связана с социально-экономическими и политическими процессами в регионах, вторая — с отношением к социологии как науке, проведению социологических исследований и позицией региональных властей в этом вопросе, третья — с процессами в самой социологической науке. Сегодня силу влияния этих факторов на развитие социологии в регионах можно ранжировать в том убывающем порядке, в каком они указаны выше.

Более всего на состоянии социологических исследований и их проблематике сказывается конкретная ситуация в регионе, «узел» вопросов, беспокоящих население и властные структуры. На втором месте — позиция этих структур, их отношение к социологии — негативное, равнодушное или поддерживающее. Последнее характеризуется не только моральной поддержкой, но и системой заказов на проведение исследований, привлечением социологов к принятию управленческих решений.

Совершенно очевидно и не требует особых доказательств влияние социальных процессов в регионе — экономических, социальных и политических — на содержание и характер социологических исследований. Когда в регионе бастуют шахтеры, учителя, когда не выдают месяцами, а то и годами пенсию и зарплату, когда люди забывают, что такое «живые» деньги и не могут купить детям тетради и одежду, тогда возникают сами собой проблемы напряженности и возможного социального взрыва. В этих ситуациях социологи пытаются определить «запас прочности», существующий у региональных властей. А что же сами власти? Как они относятся к таким исследованиям, в целом к развитию социологии в регионе? Чаще всего там господствует равнодушие, о социологах вспоминают

в периоды предвыборных кампаний и, как правило, стремятся иметь дело с «ангажированными» специалистами.

Рассматривая в целом положение социологии в регионах, употребим для его характеристики, пусть и весьма спорное и дискуссионное, понятие социологического провинциализма. В 1997 г. известный отечественный социолог Л.Н. Коган утверждал: «Новая общественно-политическая ситуация в 90-е гг. привела к серьезным изменениям в отношениях регионов и центра, но только не к ожидавшемуся росту духовного потенциала провинции»¹. Этот тезис можно использовать и для характеристики дел в социологии, имея в виду снижение (относительно центра) социологического потенциала провинции (кстати сказать, одного из элементов духовной жизни региона). Социологический провинциализм является прямым следствием снижения духовного потенциала регионов. Однако здесь необходимы пояснения, показывающие противоречивость и неоднозначность этого процесса.

С одной стороны, существует целый ряд достижений социологической науки и практики в регионах. Среди них: возросшие возможности профессионального социологического образования; появление большого количества центров, объединений, агентств и т.д., проводящих социологические исследования; усиление международных контактов, поездки за границу, использование сети «Интернет»; новые возможности публикации работ в области социологии; увеличение числа диссертационных советов и др.

С другой стороны, возник разрыв между центром и регионами в области использования возможностей развития социологической науки: в центре существуют значительно большие финансовые средства для этого; штаб-квартиры международных и отечественных фондов, спонсирующих социологические исследования, проведение конференций, семинаров и школ, выделение грантов под проекты и поездки за границу, расположены в основном в Москве с вытекающими отсюда последствиями отлаженной системы лоббирования и получения средств и грантов преимущественно столичными участниками конкурса; наиболее крупные издательства, публикующие книги, переводы, учебники, также в основном используют интеллектуальный потенциал и силы авторов из столичных городов.

Все это ведет к усилению социологического провинциализма. Нельзя забывать и о такой его причине, как частое ощущение в регионах самодостаточности того, что делается, удовлетворенность собственным творчеством независимо от того, знакомо с ним социологическое сообщество или нет. Настоящий социологический провинциализм есть незнание научной общественностью региона того, что делают другие исследователи в стране, в мире, изучая аналогичные проблемы.

Он особенно проявляется в качестве исследований, применяющихся технологиях и публикуемых материалах. Столичные журналы (кроме «Социса»)

¹ Коган Л.Н. Духовный потенциал провинции вчера и сегодня // Социол. исслед. 1997. №4. С. 124.

редко публикуют материалы из регионов, поскольку те далеко не всегда отвечают возросшим требованиям, связанным с умением авторов содержательно проблематизировать данные исследований, «преподнести» их на современном уровне с учетом достижений мировой социологии, использованием работ ее представителей и 1990-х гг., и более ранних периодов, изложить результаты анализа так, как этого требует дух современной социологии.

§ Строго говоря, понятие социологического провинциализма может быть применено не только к характеристике взаимоотношений «центр—периферия» в одной стране. Социологической провинцией может быть и страна в целом, если работы ее социологов плохо известны в мире, если они не публикуются на иностранных языках, если исследователи не принимают участия в жизни мирового социологического сообщества, не входят в руководящие органы и структуры Международной социологической ассоциации, не читают лекций в зарубежных университетах, не ведут совместных проектов, не обучают своих студентов за рубежом, а иностранных студентов — в своей стране.

Следовательно, понятие социологического провинциализма имеет не только (а в ряде случаев и не столько) географический, но и содержательный характер. Оно означает концептуальное и технологическое отставание социологии и социологов (научных коллективов) от передовых достижений науки. Явление социологического провинциализма определяется иным, более низким уровнем ее развития.

Социология — не математика, физика или биология, передовые рубежи развития которых имеют более четкие и строгие очертания, нежели у социогуманитарных наук. Но и у последних, включая социологию, есть критерии достижений: актуализация современных методов исследования (связанных в том числе с применением компьютерных технологий), появление новых концепций как способов интерпретации имеющихся и возникающих социальных процессов и явлений, использование этих концепций в социологическом сообществе как факт научного признания их ценности и полезности, эффект критического анализа исследований со стороны коллег по сообществу, публичность и общедоступность материалов этих исследований, достигаемая и благодаря СМИ. Стремление соответствовать названным критериям и есть преодоление социологического провинциализма в регионах России, путь развития в них современной социологии.

Если явление социологического провинциализма в России существует и мы признаем его как социальный факт, то возникает вопрос: что делать для его преодоления, как конкретизировать сформулированное требование соответствовать названным выше критериям? Самый банальный, но в то же время, вероятно, самый верный и простой ответ: работать, догонять, не отставать, стараться опережать, стремиться к участию в конкурсах проектов и получению грантов, к публикациям не только в местной, но и в центральной и зарубежной печати. Видимо, наиболее перспективный путь — формировать новое поколение социологов на иных базовых принципах, на новой литературе (в том чис-

ле и зарубежной, что требует владения иностранными языками), на новых исследовательских методиках и технологиях, на знании зарубежного опыта.

Вопросы и задания

1. В чем заключались новые возможности институционализации отечественной социологии в перестроечный и постперестроечный период?
2. Как бы вы определили роль постановления ЦК КПСС 1988 г. «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества»?
3. Какие новые научные структуры создавались для социологического изучения общественного мнения в конце 1980-х — 1990-е гг.? Какое это имело значение для развития отечественной социологии?
4. Расскажите о процессах институционализации социологии в сфере академической науки.
5. Каким образом институционализация социологии коснулась образования России в целом, высшего образования в особенности?
6. Что вы можете рассказать об институционализации социологии в сфере издательской деятельности? Какие важные изменения в этом процессе вы бы отметили в первую очередь?
7. Какие недостатки и ограничения институционализации социологии в сфере издательской деятельности вы бы могли назвать?
8. Что означает институционализация социологии в плане создания добровольных научных общественных объединений? Расскажите о целях и задачах Российского общества социологов. Считаете ли вы необходимым вступление в его ряды? Обоснуйте свою позицию.
9. Охарактеризуйте основные особенности развития отечественной социологии в перестроечный и постперестроечный период.
10. Что такое новое социологическое мышление? Почему овладение им в 1990-х гг. было важной, стороной развития отечественной социологии?
11. В чем состоят исцеление интеграции отечественной социологии в мировую социологическую науку?
12. Исследование каких проблем сближает развитие социологической науки в разных странах и почему?
13. Каковы основные направления исследований отечественной социологии в перестроечный и постперестроечный периоды?
14. Что означает появление и развитие рынка социологических услуг в России в 1990-е гг.?
15. Расскажите об особенностях развития социологии в регионах России.
16. Согласны ли вы с утверждением о наличии социологического провинциализма в России? Если да, то в чем он проявляется и каковы основные направления его преодоления?

Литература

Капитонов Э. А. Социология XX века. Ростов н/Д., 1996. Култыгин В. П. Классическая социология. М., 2000.

Новикова С. С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.; Воронеж, 2000.

Новикова С. С. История развития социологии в России. М.; Воронеж, 1996. Социология в России. М., 1998.

Заключение

Развитие социологической науки, как видно из изложенного на страницах учебника материала, является сложным и многоаспектным процессом. Едва возникнув и заявив о себе в качестве автономной и самостоятельной научной дисциплины, социология сразу же «взялась» за постановку и решение самых сложных проблем общественной, групповой и личной жизни. Достаточно абстрактный характер размышлений первых позитивистски ориентированных представителей социологической науки явился, с одной стороны, свидетельством тесного родства ее с философией (пуповина, их связывавшая, оказалась очень крепкой и рвалась с большим трудом), с другой — определенной формой научного «камуфляжа».

Заявив о своей приверженности методам естественных наук де-юре, социология де-факто на первых порах своего существования оказалась достаточно далека от них. Предстоял долгий путь собственного развития, чтобы в конце концов осмыслить необходимость идти, с одной стороны, в фарватере естественно-научного знания, с другой — искать свою колею на широкой дороге социального познания общества, конкретных социальных общностей, личности, их взаимодействия в рамках самых различных социальных структур.

Представляется, что социологии удалось решить как взаимосвязанные обе эти задачи к концу XXв. Тем самым она сумела найти и занять достойное место в системе наук вообще, естественных и социогуманитарных — в особенности. Если же учесть, что в XXв. социология стала демонстрировать свою растущую прикладную и эмпирическую эффективность, внедряясь во все новые сферы практического освоения социума, становится понятным поистине громадное значение пройденного ею пути.

История развития мировой социологии показала, что поначалу ни одна из стран, в которых происходило становление социологии, не могла претендовать на роль явно выраженного лидера этой науки. Сложившиеся центры развития социологии (Франция, Англия, Германия, США, Австрия, Италия, позднее Россия) отличались национальной самобытностью и разнообразными проявлениями интересов в этой области научного знания. Лишь в XXв. американская социология, которая в XIXв. послушно следовала в роли усердной ученицы за европейской наукой, вырвалась на лидирующие позиции, сама уже задавая тон и алгоритм развитию мировой социологии. Однако ближе к концу XXв. ситуация стала существенно меняться в сторону «выравнивания» ее «американоцент-

ристской» и «европоцентристской» траекторий. Следует отметить также значительный рост социологической активности на рубеже XX—XXI вв. в странах Азии, Африки, Латинской Америки, в Австралии.

Все свое почти двухвековое существование в границах классического и современного этапов развития социология «потратила» на то, чтобы «понять» несколько важных вещей. Во-первых, может быть сколько угодно теорий, по-разному объясняющих возникновение, устройство и развитие общества и человека в нем, их взаимодействие, а также нуги и способы изучения этих процессов. При этом ни одна из них не в состоянии претендовать на монопольный и абсолютно истинный характер в объяснении и анализе социальных процессов.

Другими словами, история социологической науки на протяжении классического и современного этапов своего развития выработала и утвердила в общественном сознании принцип социологического плюрализма. Он означал, что способы объяснения социальных фактов, в том числе общественных преобразований, могут быть самыми различными, включая уровень аргументации и степень влияния на последующее развитие социологической науки. Те способы анализа, которые оказали наиболее глубокое воздействие на это развитие, приобрели характер парадигм, стали «канонизированными» в социологической науке (позитивизм, марксизм, веберизм, структурный функционализм, символический интеракционизм, феноменологическая социология, парадигмы конфликта, обмена, этнометодология и др.).

Во-вторых, одними широкими и обобщающими теориями (даже приобретшими статус парадигм), сколь бы доказательными и удачно объясняющими социальные процессы они ни были, социология как наука ограничиться не в состоянии. Свое значение и влияние на общество она может демонстрировать, подтверждать и повышать только за счет (как минимум) еще двух составляющих: проведения конкретных эмпирических исследований и выхода на уровень управленческих решений. Осознание этого обстоятельства означало, что социология должна изучать локальные социальные проблемы, касающиеся взаимодействия между людьми и социальными группами.

Трансформирующееся капиталистическое общество выдвигало на каждом новом этапе в качестве требующих своего исследования социальные проблемы производства и отношений между людьми в этой сфере, изменения во взаимодействиях между различными группами населения, особенно в крупных городах, распространение СМИ, вопросы политической жизни, образования, культуры, молодежи и др. Наука охотно откликалась на них, развивая специальные отрасли социологического знания, предметом которых становилось исследование конкретных актуальных социальных проблем.

Последние годы ознаменовались резким поворотом общества и социологии в сторону интереса к глобальным проблемам современности, в целом процессам глобализации и изучению отношения к ней со стороны различных стран и групп населения (включая антиглобалистские протестные движе-

ния). Глобализация и антиглобализм как объекты исследовательского внимания быстро смещаются к эпицентру социологической науки, которую уже ждет новая актуальная, может быть, даже самая актуальная за последние десятилетия социальная проблема — борьба с национальным и международным терроризмом, точнее говоря, социологические аспекты этой проблемы.

В-третьих, история развития социологической науки в XIX и особенно в XX в. показала необходимость углубления ее интегративных тенденций — как в рамках отдельных направлений и парадигм, так и на уровне различных стран. При этом речь не идет о теоретической унификации этой науки либо исчезновении национальной специфики различных социологических школ. Теоретический плюрализм и разнообразие социологических школ в отдельных странах были и остаются важными предпосылками эффективного развития науки.

Однако становится все больше проблем, для изучения и решения которых требуются объединенные исследовательские усилия и действия. Здесь и нужны социологическая консолидация и интеграция, все более необходимые перед лицом брошенного человечеству «террористического» вызова. Социологическая наука не может остаться в стороне от этого процесса. Соответствующие международные исследования и выводы, полученные в результате реализации ряда научных проектов, могли бы внести достойный вклад в решение острой социальной проблемы, стоящей перед человечеством.

Можно было бы еще долго перечислять те умозаключения, к которым пришла социология в процессе своего развития в XIX—XX вв. Они, по существу, стали своеобразной «путеводной звездой» этой науки. Речь идет о главных линиях и направлениях развития социологии, ее парадигмах и объединительных тенденциях. Нет сомнения в том, что XXI век принесет социологической науке новые успехи и достижения, свидетелями и участниками которых станет молодое поколение отечественных специалистов.

Введение	5
 ЧАСТЬ I. КЛАССИЧЕСКИЙ ЭТАП	
 Глава 1. Предмет истории социологии и ее периодизация.	
Предпосылки возникновения социологии как науки	11
§ 1. Понятие предмета истории социологии	11
§ 2. Подходы к теоретическим истокам истории социологии	13
§ 3. Критерии периодизации и этапы развития социологии	16
§ 4. Социально-экономические предпосылки возникновения социологии.....	22
§ 5. Естественно-научные и идейно-теоретические предпосылки возникновения социологии	23
Вопросы и задания	26
Литература	27
 Глава 2. Зарождение социологии позитивизма. Социологическое творчество О. Конта	
§ 1. Понятие позитивизма в социологии	28
§ 2. О. Конт. краткий биографический очерк.....	29
§ 3. Предмет и задачи социологии, ее место в классификации наук	30
§ 4. Социальная статика и социальная динамика	32
§ 5. Методы социологии	35
§ 6. Позитивная политика	37
§ 7. Проблемы образования и воспитания	39
§ 8. Значение социологических идей О. Конта.....	40
Вопросы и задания	41
Литература	42
 Глава 3. Эволюционная социология Г. Спенсера	
§ 1. Краткий биографический очерк.....	43
§ 2. Предмет социологии.....	44

§ 3. Общество как организм	45
§ 4. Структура общества и его социальные типы	47
§ 5. Эволюционизм как главная особенность учения Г. Спенсера.....	50
§ 6. Учение о социальных институтах	52
§ 7. Отношение Г. Спенсера к социализму	54
Вопросы и задания	57
Литература	57
Глава 4. Натурализм в социологии	58
§ 1. Понятие натурализма в социологии	58
§ 2. Социал-дарвинистское направление в социологии. Взгляды Л. Гумпловича и Г. Ратценхофера.....	59
§ 3. Социологические идеи А. Смолла и У. Самнера	62
§ 4. Расово-антропологическое направление в социологии	65
§ 5. Географическое направление в социологии	68
Вопросы и задания	72
Литература	73
Глава 5. К. Маркс и его роль в социологии.....	74
§ 1. Краткий биографический очерк и основные этапы творчества	74
§ 2. Материалистическое понимание истории как основа социологической концепции К. Маркса	76
§ 3. Противоречия в социологической концепции К. Маркса.....	79
§ 4. Взаимодействие общества и личности в социологическом творчестве К. Маркса	80
§ 5. Взаимосвязь социального и экономического в анализе К. Марксом социальной структуры	82
§ 6. Проблемы образа жизни и социального времени.....	85
§ 7. Значение идей К. Маркса для последующего развития социологии	88
Вопросы и задания	89
Литература	89
Глава 6. Психологическое направление в социологии	90
§ 1. Понятие психологического направления в социологии	90
§ 2. Психологический эволюционизм в социологии.	

Взгляды Л. Уорда	92
§ 3. Социологическое творчество Ф. Гиддинга	95
§ 4. Инстинктивизм в социологии.....	98
§ 5. Психология народов	101
§ 6. Групповая психология. Взгляды Г. Лебона	104
§ 7. Теория подражания. Идеи Г. Тарда	107
§ 8. Зарождение интеракционизма. Творчество Ч. Кули	НО
Вопросы и задания	115
Литература.....	116

Глава 7. Классическая немецкая социология. Социологическое творчество Ф. Тенниса	117
§ 1. Понятие и <i>общие</i> черты классической немецкой социологии	117
§ 2. Социологическое творчество Ф. Тенниса	120
Основные вехи жизненного пути	120
Предмет социологии	121
Учение о формах социальной жизни	122
Соотношение социологии и политики	125
Значение социологического творчества Ф. Тенниса	125
Вопросы и задания	126
Литература	127
Глава 8. Формальная социология Г. Зиммеля	128
§ 1. Краткий биографический очерк и общая характеристика творчества	128
§ 2. Предмет формальной социологии	129
§ 3. Классификация социальных форм	133
§ 4. Анализ капиталистического общества	135
§ 5. Социальная группа и индивид	137
§ 6. Значение социологического творчества Г. Зиммеля	138
Вопросы и задания	139
Литература	140
Глава 9. Социологическое творчество М. Вебера	141
§ 1. Краткий биографический очерк и общая характеристика социологического учения	141
§ 2. Теория социального действия	144
§ 3. Понимающая социология М. Вебера	147
§ 4. Учение об идеальных типах	150
§ 5. Учение о типах господства	153
§ 6. Принцип рациональности и теория капитализма М. Вебера	155
§ 7. Социология религии	159
§ 8. Значение социологического творчества М. Вебера	162
Вопросы и задания	163
Литература	164
Глава 10. Социологическое творчество Э. Дюркгейма	165

§ 1. Краткий биографический очерк и общая характеристика социологического учения.....	165
§ 2. Предмет социологии и трактовка общества	167
§ 3. Правила социологического метода Э. Дюркгейма.....	170
§ 4. Общественная солидарность и разделение труда	172
§ 5. Социологическая концепция морали Э. Дюркгейма	175
§ 6. Мораль и религия в социологическом творчестве Э. Дюркгейма	178
§ 7. Личность и общество	179
§ 8. Проблема самоубийства.....	180
§ 9. Воспитание и образование как социологическая проблема	182

§ 10. Значение социологического творчества Э. Дюркгейма	186
Вопросы и задания	187
Литература.....	187
Глава 11. Социологическая система В. Парето	188
§ 1. Краткий биографический очерк и общая характеристика учения ...	188
§ 2. Общество как система	190
§ 3. Теория нелогического действия	193
§ 4. Концепция элиты.....	197
§ 5. Значение социологических взглядов В. Парето	199
Вопросы и задания	201
Литература	202
Глава 12. Исторические истоки эмпирической социологии	203
§ 1. Понятие эмпирического социального исследования.....	203
§ 2. Предыстория эмпирической социологии	204
§ 3. Социальная статистика и роль А. Кетле в ее становлении	207
§ 4. Моральная статистика и социальная гигиена	209
§ 5. Эмпирические социальные исследования во Франции	
во второй половине XIX— начале XXв	211
§ 6. Эмпирические социальные исследования в Англии	
в конце XIXв	213
§ 7. Эмпирические социальные исследования в Германии	
во второй половине XIX— начале XXв	214
Вопросы и задания	217
Литература ... •	217
Глава 13. Значение истории западной социологии XIX— начала XXв.	
для дальнейшего развития социологической науки	218
§ 1. Классический этап развития социологии: основные итоги.....	218
§ 2. Основные направления западной социологии в рамках	
ее классического этапа	221
§ 3. Общие черты западной социологии в границах ее	
классического этапа	225
§ 4. Первые школы в социологии	226
Французская социологическая школа Э. Дюркгейма	227
Чикагская социологическая школа.....	228

Вопросы и задания	231
Литература	231
Глава 14. Особенности становления и развития социологической мысли в России в конце XIX— начале XXв.....	232
§ 1. Исторические условия и предпосылки возникновения социологии в России	232
§ 2. Предсоциологический этан. Взгляды П.Я. Чаадаева и К.Д. Кавелина ...	233
§ 3. Периоды развития российской социологии во второй половине XIX— начале XXв	236

Первый период: господство субъективной социологии и позитивизма	237
Второй период: господство неокантианства.....	238
Третий период: господство неопозитивизма	240
§ 4. Российская и зарубежная социология XIX— начала XXв.: специфика взаимосвязи	241
§ 5. Особенности социологии в России во второй половине XIX- начале XXв	244
Вопросы и задания	246
Литература	247
Глава 15. Субъективная социология в России	248
§ 1. Общая характеристика субъективной социологии	248
§ 2. Жизненный путь и творчество представителей субъективной социологии: краткий обзор	250
§ 3. Предмет социологии.....	253
§ 4. Субъективный метод социологии	254
§ 5. Теория личности	256
§ 6. Теория прогресса	259
§ 7. Психологическое направление в российской социологии. Творчество Е.В. дс Роберти	261
Вопросы и задания	266
Литература	267
Глава 16. Позитивизм и натурализм в российской социологии	268
§ 1. Жизнь и творчество М.М. Ковалевского	268
Предмет и метод социологии.....	269
Генетическая социология и теория прогресса	271
Теория факторов	272
§ 2. Органицизм в российской социологии.....	274
Творчество А.И. Стронина.....	274
Социологические идеи П.Ф. Лилиенфельда	275
§ 3. Географическое направление в российской социологии. Социологические представления Л.И. Мечникова	277
§ 4. Социологические взгляды Н.Я. Данилевского.....	279
Вопросы и задания	282

Литература	283
Глава 17. Неокантианство в российской социологии	284
§ 1. Общая характеристика направления	284
§ 2. Социологические воззрения В.М. Хвостова	285
§ 3. Социологические взгляды П.И. Новгородцева	287
§ 4. Социологическое наследие Б.А. Кистяковского	289
§ 5. Социологическая теория Л.И. Петражицкого	291
Вопросы и задания	294
Литература	294

Глава 18. Неопозитивизм в российской социологии	295
§ 1. Общая характеристика	295
§ 2. Социологические взгляды А.С. Звоницкой	296
§ 3. Социологические воззрения К.М. Тахтарева	297
§ 4. Творчество П.А. Сорокина: российский период	300
Вехи жизни в России	300
Предмет, структура и метод социологии	301
Структура общества и населения	304
Проблемы социального поведения	306
Значение российского периода творчества П.А. Сорокина	308
Вопросы и задания	309
Литература ,	309
ЧАСТЬ П. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП	
Глава 19. Социология XXв.: общая характеристика, предмет, периодизация	313
§ 1. Общая характеристика социологии XXстолетия	313
Понятие современного этапа социологии	313
Временные границы современного этапа социологии и их основания	314
Особенности современного этапа социологии	316
§ 2. Предмет социологии XX в.....	318
Предметное поле социологии	318
Подходы к трактовке предмета социологии	320
«Ядро» и «периферия» предмета социологии.....	322
§ 3. Периодизация социологии XX в	324
Первый период (1920-1930-е гг.)	324
Второй период (1940-1960-е гг.).....	326
Третий период (1970-е — первая половина 1980-х гг.).....	328
Четвертый период (вторая половина 1980-х — 1990-е гг.)	330
Вопросы и задания	333
Литература.....	333
Глава 20. Американская эмпирическая социология и ее развитие в 1920—1930-е гг. Чикагская социологическая школа	334

§ 1. Появление и характерные особенности эмпирической социологии	334
Понятие эмпирической социологии и причины ее появления	334
Принципы и постулаты позитивизма в эмпирической социологии	335
Специфика эмпирического социологического знания.....	337
Разновидности эмпирической социологии	338
Причины «американизации» эмпирической социологии.....	338
§ 2. Развитие эмпирической социологии в США в 1920—1930-х гг.....	340
Вехи творческого пути У. Томаса и Ф. Знанецкого	341

Общая характеристика и проблемное поле	
«Польского крестьянина...»	342
Подходы к изучению и решению проблем	343
Бурное развитие эмпирической социологии в США	344
§ 3. Чикагская школа в социологии, ее основные этапы, достижения, значение для последующего развития социологии.....	346
Подготовительный этап деятельности Чикагской школы	347
Основной этап деятельности Чикагской школы	347
Жизненный и профессиональный путь Р. Парка	348
Жизненный и профессиональный путь Э. Бёрджесса	350
Основные содержательные характеристики Чикагской школы ...	352
Характеристика взглядов У. Огборна и Л. Вирта	356
§ 4. Кризис Чикагской школы и ее значение для социологии	357
Причины кризиса Чикагской социологической школы.....	357
Значение Чикагской школы в истории социологии	358
Вопросы и задания	359
Литература.....	360
Глава 21. Зарождение и начальный этап развития отраслевых социологии	361
§ 1. Индустриальная социология и теория человеческих отношений	361
Зарождение индустриальной социологии	361
Хоторнский эксперимент	363
Теория человеческих отношений как результат Хоторнского эксперимента	364
§ 2. Социометрия и изучение групп в социологии	366
Понятие социометрии. Творчество Дж. Морено	366
Изучение социальных групп в социологии	369
§ 3. Развитие отраслевых социологии в 1930—1940-х гг.....	371
Военная социология.....	371
Отрасли социологии в сфере производства	372
§ 4. Достижения в области методологии и методики исследований. Социологическое творчество П. Лазарфельда	374
§ 5. Расцвет и «болезни» эмпирической социологии	377
Вопросы и задания	379

Литература.....	380
Глава 22. Развитие социологической теории: П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон	381
§ 1. П. Сорокин: социологические теории американского периода	
творчества	381
Жизненный путь и общая характеристика творчества	381
Основные идеи работы «Социология революций»	383
Концепция социальной стратификации и социальной мобильности.....	384
Концепция социокультурной динамики	386

Идеи интегрализма в социологии П.А. Сорокина	Глава 25
§ 2 Теории социальной о действия, совди шюи системы л структурно функционального анализа Т. Парсожа	П
Жизненный пүйи общая характеристика творчи та	а
Теории социальнойю действия социальных сие ісм структурною функционализма	р
Общество и ею типы	а
Слации эволюции о Гмцсыв	д
§3 Социологические концепции Р. Мертона	и
Жизненный пүйи общая характеристика творчества	г
Разработка теории егуюурно функционально! о анали за	м
Теория среднею уровня	ы
Исследование девиантц!о поведения и способом адат ации	в
Вопросы и задания	з
Литература	а
Глава 23 Психоанализ в еоциолоши	р
§ 13 Фрейд — созда! ел ь психоанализа § 2 Консервативное течение психоаналшической ориеп 1ации в социологии	уб
«Индивидуальная психоеодиоло! ия» А. Адлера	е
Психосоциологичсские взгляды К. Юта	ж
Проблема личности и тиноления поведения в шорчесте	н
К. Хорни §3 Гуманизм социоло! иче! кою учения Э. Фромма	о
Основные ланы жизненною пут	й
Концепция личности в творчестве Э. Фромма	с
Теория социальнойю характера Э. Фромма	о
Развитие капиталистическою общества и проблема отчуждения в работах Э. Фромма	ц
§ 4 Теория социального характера Д. Рисмена	и
Вопросы и задания Литература	о
Глава 24 Франкфуртская школа в социологии §1 Общая характеристика § 2 Взгляды Г. Маркузе § 3 Идеи Т. Адорпо § 4 Творчество Ю. Хабермаса	л
Критическая направленность рабо г	о
Теория коммуникативного действия	б
Вопросы и задания	м
Литература	е
	н
	а

387

389 389

391 395 398 400 400 401 403

405 409 410

411

411

414 414 415

417 418 418 421 423

426 429 431 431

432 432 435 438 440 440 443 446 447

448

Содержание	605
§1 Понятие парадигмы в социологии различия в подходах	448
Подходы к пониманию парадигмы в отечественной социологии	448
Подходы к трактовке парадигмы в западной социологии	451
§2 Парадигма конфликта; а	452
Проблема конфликта в творчестве К. Маркса и его критиков	452
Взгляды Л. Коулмана на парадигму конфликта	454
Взгляды Р. Дарендорфа на парадигму конфликта	456
§3 Парадигма обмена	458
Общая характеристика	458
Теория обмена Дж. К. Хомаса	459
Взгляды П. Блау	462
Вопросы и задания	464
Литература	464
Глава 26 Во «тождество и различие символического и интеракционизма»	466
§ 1 Общая характеристика символического и интеракционизма	466
Специфика символического и интеракционизма как социологической традиции	466
Чикагское и Айовское направления	468
§2 Дж. Г. Мид — основатель символического интеракционизма	469
Концепция символического интеракционизма	469
Структура личности в концепции Дж. Мид	471
Взгляды Дж. Г. Мид на процесс становления личности	473
§3 Социологическое творчество Г. Блмера	474
Проблема символического взаимодействия	474
Анализ коллективного поведения	476
§ 4 Идеи символического интеракционизма в работах Э. Гоффмана,	479
Общая характеристика творчества	479
Исследование мира повседневной жизни людей	480
Рамочный анализ	481
Проблема личности и «драматургический подход»	483
Вопросы и задания	484
Литература	484
Глава 27 Феноменологическая социология и этнометодология	486
§ 1 Понятие феноменологической социологии и ее теоретические	
основы	486
Понятие феноменологической социологии	486

Теоретические истоки феноменологической социологии в творчестве Э Гуссерля	487
Теоретические истоки феноменологической социологии в творчестве М Шелера	488
§ 2 А Шюц — основоположник феноменологической социологии	490
Краткий биографический очерк	490

Повседневная социальная реальность и жизненный мир	
как предмет феноменологической социологии	491
Повседневное знание и его социализация как проблема феноменологической социологии	493
Концепция «возвращающегося домой»	496
§ 3. Проблемы феноменологической социологии в творчестве	
П. Бергера и Т. Лукмана	499
Краткий биографический очерк	499
Социальное конструирование реальности	500
Проблема социализации и роль знания в ее анализе	502
§ 4. Этнометодология как парадигма социологии второй /	
половины XXв	505
Общая характеристика	505
Основные понятия и принципы этнометодологии	507
Вопросы и задания	509
Литература	510
Глава 28. Современные движения и теории в социологии	511
§ 1. Общая характеристика социологической теории	
1980-1990-х гг	511
Кризис в социологическом сознании и поиск путей выхода из него	511
Теории 1980-х гг. о динамизме мирового развития	512
Взгляды на движения и процессы в западной теоретической социологии 1980—1990-х гг	514
Постмодернизм в социологии	515
Концепция глобализации в социологии	518
§ 2. Теория структурации Э. Гидденса	520
Общая характеристика творчества Э. Гидденса	520
Основные положения и понятия теории структурации	521
Дуальность структуры	524
§ 3. Теория социального пространства П. Бурдьё	527
Общая характеристика творчества П. Бурдьё	527
Основные положения теории социального пространства	527
Основные положения концепции габитуса	530
§ 4. Теория социальных изменений П. Штомпки	531

§ 5. Теория социальных систем Н. Лумана	534
Общая характеристика творчества Н. Лумана	534
Теория общества как системы	535
Коммуникация и социальная система	537
Проблема человека в концепции Н. Лумана	538
Вопросы и задания	539
Литература	540
Глава 29. Отечественная социология с рубежа 1910—1920-х гг.	
до начала 1930-х гг	541
§ 1. Отечественная социология в 1917—1922 гг	541

§ 2. Отечественная социология в 1920—1930-е гг	544
Марксистская теоретическая социология в СССР	544
Конкретно-социологические исследования в СССР	549
§ 3. Итоги периода	555
Вопросы и задания	557
Литература	558
Глава 30. Отечественная социология в конце 1950-х — 1980-е гг	559
§ 1. Возрождение отечественной социологии	
(конец 1950-х — начало 1970-х гг.).....	559
Первые попытки возрождения	559
Первые попытки институционализации	561
Продолжение институционализации	
(конец 1960-х — начало 1970-х гг.).....	564
§ 2. Социология в СССР в период застоя (1970-1980-е гг.)	568
Особенности ситуации в социологии в период застоя	568
Достижения и проблемы.....	570
Вопросы и задания	575
Литература	576
Глава 31. Отечественная социология с конца 1980-х гг. до наших дней . . .	577
§ 1. Институционализация отечественной социологии в условиях	
перестроечного и постперестроечного периодов	577
Новые возможности развития социологических исследований ...	577
Институционализация социологии в системе высшего образования	578
Достижения и проблемы издательской деятельности	580
Создание научных общественных объединений	582
. § 2. Основные особенности развития отечественной социологии	
в перестроечный и постперестроечный периоды.....	583
Усиление интеграционных процессов в социологии	583
Новое социологическое мышление.....	584
Основные направления социологических исследований	
в современной России	587
Развитие рынка социологических услуг	589
Развитие социологии в российских регионах	589
Вопросы и задания	593

Литерат
ура.....

Заключе
ние

Учебное издание

Гарольд Ефимович Зборовский

История социологии

Учебник

Редакторы *И.Б. Зорько, Н.Я. Марголина*

Корректор *В.В. Евтюхина*
Оформление переплет *ЯД Горбуновой*
Компьютерная верстка *С. С. Востриковой*

Гигиенический сертификат
77.99.02.953.Д.001977 03.02 от 21.03.02

Изд. лиц. № 066160 от 02.11.98.

Подписано в печать 25.02.2004. Формат 60х90/16.

Печать офсетная. Гарнитура Петербург. Усл.-печ. л. 38.

Тираж 5000 экз. Заказ № 2740

УИЦ «Гардарики»

101000, Москва, Лубянский пр., д. 7, стр. 1.
Тел.: (095) 921-0289; факс: (095) 921-1169

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфкомбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

OCR: Мельников А.С. 17.07.06